

Энн М. Блэр

ЗНАТЬ СЛИШКОМ МНОГО

ОРГАНИЗАЦИЯ
НАУЧНОЙ
ИНФОРМАЦИИ
ДО НОВОГО
ВРЕМЕНИ

СОВРЕМЕННАЯ ЕВРОПЕИСТИКА

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ

Ann M. Blair

•

Too Much to Know

Managing Scholarly
Information before
the Modern Age

Yale University Press

New Haven / London

2010

Энн М. Блэр

•

Знать слишком МНОГО

Организация научной
информации
до Нового времени

Academic Studies Press

Библиороссика

Бостон / Санкт-Петербург

2023

УДК 001
ББК 87.254
Б70

Перевод с английского Елены Тарасовой

Серийное оформление и оформление обложки Ивана Граве

Изображение на обложке:

Томас Вейк, «Ученый», около 1650 года. Музей искусства и истории культуры города Дортмунда. Фотография Мадлен-Аннетт Альбрехт
Фото Энн Блэр на обложке: Стефани Митчелл, Гарвардский университет

Научный редактор Михаил Сергеев

Блэр, Энн М.

Б70 Знать слишком много. Организация научной информации до Нового времени / Энн Блэр ; [пер. с англ. Е. Тарасовой]. — СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2023. — 628 с. — (Серия «Современная европеистика / Интеллектуальная история» = «Contemporary European Studies / Intellectual History»).

ISBN 979-8-887194-27-1 (Academic Studies Press)

ISBN 978-5-907767-08-9 (Библиороссика)

Интернет и цифровые технологии порождают необозримый поток текстов, что вызывает опасность информационной перегрузки. Однако это явление не уникально для нашей эпохи. Уже столетия назад — и особенно после изобретения книгопечатания в Европе в середине XV века — ученые жаловались на переизбыток книг. Энн Блэр исследует те средства, которые приходилось придумывать, чтобы справиться с этим шквалом текстов. В своей работе она прослеживает методы управления информацией в Античности и Средневековье, в традиционных исламской и китайской культурах, а также уделяет особое внимание инструментам и практикам, использовавшимся в Европе раннего Нового времени. Сочетая интеллектуальную историю с историей книги, Блэр в очередной раз подчеркивает неизбежную преемственность прошлого и настоящего.

УДК 001
ББК 87.254

ISBN 979-8-887194-27-1
ISBN 978-5-907767-08-9

© Ann M. Blair, 2010
© Yale University Press, 2010
© Е. Тарасова, перевод с английского, 2023
© Academic Studies Press, 2023
© Оформление и макет.
ООО «Библиороссика», 2023

Джонатану, Адаму и Захарии,
которые наполнили мою жизнь радостью

Книжное знание в эпоху заметок и компиляций

*(Предисловие научного редактора
к выходу русского издания книги Энн Блэр)*

Современному читателю, живущему в эпоху *информационной перегрузки* и *новых технологий*, позволяющих делегировать функции памяти, поиска и анализа информации электронным устройствам, могут показаться близкими и понятными проблемы и вызовы, с которыми столкнулся европейский ученый мир на исходе Средневековья, с распространением книгопечатания и гуманистической культуры¹. В XV–XVI вв. значительно увеличилось число доступных научных источников по гуманитарным и естественным дисциплинам, изменились практики чтения, установились новые требования к филологическим навыкам, которыми должен был владеть образованный человек. При этом объем и масштаб некоторых книг, создававшихся в тот период часто стараниями одного автора, потрясает воображение. Это, прежде всего, новолатинские справочные труды Эразма Роттердамского, Конрада Гесснера, Конрада Ликосфена, Анри Этьенна, Улиссе Альдрованди и др. Объем печатных изданий таких сочинений достигал нескольких тысяч страниц, при этом в них использовались сотни произведений различных эпох и жанров. Их создание невозможно объяснить исключительно в рамках исто-

¹ Новейший очерк истории информации см. в кн.: *Information: A Historical Companion* / Ed. by A. Blair, P. Duguid, A.-S. Goeing, A. Grafton. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2021.

рии идей или используя биографический подход, контекстуализирующий интеллектуальный подвиг каждого автора (даже если принять во внимание то примечательное обстоятельство, что некоторые ученые были готовы держать ноги в холодной воде или жевать сырую репу, чтобы не заснуть и тем самым продлить ночные “*lucubrationes*”).

В жанровом отношении компиляции XVI века имели очевидных предшественников в литературе Античности и Средних веков (прежде всего, “*Historia naturalis*” Плиния Старшего, “*Etymologiae*” Исихора Севильского и “*Speculum maius*” Винсента из Бове) и подготовили основу для выхода и огромного успеха у читателей энциклопедий XVIII в. (“*Universal-Lexicon*” Цедлера и “*Encyclopédie*” Дидро и д’Аламбера, которые составлялись уже на народных языках)²: все они предполагали справочный тип чтения и в краткой форме представляли огромный круг источников. Но у компилятивных трудов XVI в. были принципиальные особенности, отличающие их от европейских справочных сочинений других эпох: в первую очередь, их важнейшим материалом были античные тексты и сочинения гуманистов, что делало особенно естественным и удобным использование латинского языка; в то же время при составлении приоритет отдавался максимальному многообразию учтенных источников (*copia librorum*); наконец, и к классическим, и к новейшим текстам применялись современные способы организации и представления знания, характерные для культуры печатной книги.

Для понимания генезиса этих сочинений необходимо учитывать социальные и экономические обстоятельства развития книжного дела в XV–XVI вв.: функционирование книжного рынка, формальные и неформальные институты, поддерживавшие создание научных трудов, в том числе в рамках коллективного сотрудничества ученых, возможности и ожидания читающей

² Ср. о постоянном спросе на переиздания французской «Энциклопедии» у провинциальных книготорговцев: Дарнтон Р. Литературный Тур де Франс: Мир книг накануне Французской революции / Пер. с англ. В. Михайлина. М.: НЛЮ, 2022. *passim*.

публики и т. д. Другим важнейшим фактором было развитие информационных технологий: использование бумажных листков (еще не карточек) для записей, составление тетрадей «общих мест» (своего рода читательских дневников и собраний материалов для собственных литературных опытов), разработка макета страницы и оптимальной структуры печатной книги, создание разнообразных средств информационного поиска и навигации, каталогизация готовой книжной продукции и реклама будущих книг. Именно эти аспекты оказались в центре исследования Энн Блэр “Too much to know” (2010), открывшего новые перспективы для изучения истории науки и книги раннего Нового времени, в том числе таких вспомогательных жанров, как словарь, комментариев (гуманистические собрания *lectiones* и *commentarii*) и указатель.

Блэр делает подробный обзор разновидностей справочной литературы XVI в.: от словарей (прежде всего, латинских и многоязычных Калепинов) и книжных каталогов (публичных и частных библиотек) — до специализированных энциклопедий, — но основное внимание в своей монографии она уделила антологиям и справочникам универсального характера. С этим связано то, что автор, которому Блэр посвятила целый ряд публикаций в последующие годы³ — цюрихский полимат Конрад Гесснер, составитель справочников по ботанике, зоологии, минералогии, лингвистике и библиографии — упоминается в главах книги часто, но эпизодически, тогда как более последовательно в них проанализирована история изданий «Полиантеи» Доменико Нани Мирабелли и «Театра человеческой жизни» Теодора Цвингера.

Несомненно, выходящий теперь перевод книги будет представлять значительный интерес для русскоязычной ученой публики: не только для специалистов по западноевропейской истории и культуре, но и для историков и филологов-русистов. Отдельные достижения гуманистической книжности были из-

³ См.: Blair A. Conrad Gessner's paratexts // Gesnerus. 2016. Vol. 73, 1. P. 73–122; Blair A. Printing and Humanism in the Work of Conrad Gessner // Renaissance Quarterly. 2017. Vol. LXX, 1. P. 1–43; Blair A. L'entour du texte: La publication du livre savant à la Renaissance. Paris: BnF Éditions, 2021; и др.

вестны в России уже в XVII в. и ранее — достаточно упомянуть труды Максима Грека, хорошо знакомого с принципами западноевропейской филологической критики⁴, «Лексикон греко-славяно-латинский» Епифания Славинецкого, в котором были использованы результаты долгой традиции “*Lexica Graeco-Latina*”⁵, а также, например, переводы и гравюры “*Prodigiorum ac ostentorum chronicon*” Конрада Ликосфена, частично вошедшие в «Летописец небесных знамений»⁶. Однако гораздо более заметный масштаб эта рецепция приняла в XVIII в., начиная с Петровской эпохи, с развитием гражданского книгопечатания и открытием новых образовательных и научных институтов.

Примеры такого знакомства хорошо известны, в том числе в связи с использованием европейской справочной и учебной литературы как посредника в изучении культуры Античности. В частности, можно упомянуть составление в Санкт-Петербургской академии наук целого ряда многоязычных словарей с русскими истолкованиями на основе трудов европейской лексикографии XVII в. В частности, готовились переводы латинско-немецкого словаря Христофора Целлария (Кристофа Келлера) — “*Latinitatis probatae et exercitae Liber memorialis*” 1689 г. (своеобразным дополнением к которому служил указатель «негодной» латыни — “*Anti-barbarus Latinus*”) и польско-латино-греческого словаря Григория Кнапия (Кнапского) — “*Thesaurus Polono-Latino-Graecus*” 1621 г.⁷

⁴ См., например: Интерлинейная славяно-греческая псалтырь 1552 г.: в переводе Максима Грека / Исслед. и подгот. текста к изд. И. В. Вернер. М.: Индрик, 2019.

⁵ Strakhov O. B. Jepufanij Slavynec'kyj's Greek-Slavic-Latin Lexicon: The History, Contents, and Principles Underlying the Composition of Its Greek Portion (Preliminary Remarks) // *Harvard Ukrainian Studies*. 2006. Vol. 28, 1/4. P. 269–285.

⁶ Летописец небесных знамений: лицевой рукописный сборник XVII века из собрания Библиотеки Российской академии наук: в 2 т. / Изд. подгот. Г. В. Маркелов и А. В. Сиренов. СПб.: Изд-во Пушкинского дома, 2018.

⁷ См.: Макеева В. Н. Русская лексикография 40–50-х годов XVIII в. и Ломоносов // Ломоносов: Сборник статей и материалов. [Т.] IV. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. с. 180–205. (здесь: 183, 192–193); об использовании словаря Целлария в Академической гимназии см.: Костина Т. В., Кирикова О. А. Учебные книги в гимназии Академии наук 1730-х гг. // *Детские чтения*. 2018. Т. 13, № 1. С. 194–219.

Последние, в свою очередь, опирались на более ранние гуманистические латинские словари. Впрочем, здесь я хотел бы подробнее остановиться на другом примечательном случае усвоения в России принципов работы с информацией, развитых в гуманистических школах XVI в. и подробно рассмотренных в исследовании Энн Блэр.

В латинских лекциях по риторике преподавателя Славяно-греко-латинской академии Порфирия Крайского, конспект которых (*“Artis rhetoricae praecepta”*) в начале 1730-х гг. был, как предполагается, сделан Михаилом Васильевичем Ломоносовым, содержится инструкция по изготовлению ученической тетради «общих мест». В ней даны необходимые указания не только о технике составления самой коллекции цитат и их классификации, но и о средствах навигации по собранному материалу. Тут же потребность в сборнике такого рода объясняется подспорьем для памяти, которое он, несомненно, предоставит (память и письменный текст — еще одна тема, которую рассматривает Блэр в связи с историей информационных технологий). Представляет-ся полезным процитировать весь этот пассаж в русском переводе:

«Записывай, что вычитаешь достойного замечания у ораторов, историков и поэтов, чем можешь воспользоваться в свое время и в своем месте. Ибо не все мы имеем память Сенеки, который, если что прочитал, то никогда не забывал прочитанного и был сам себе библиотекой. Посему должно сделать две тетрадки, или одну, разделив ее на две части: в одной должно отмечать редкие слова, точно выражающие предмет, изящные метафоры, пословицы, фразы, формулы, похвалы, порицания, убеждения, специальные способы речи, в другой — примеры, обряды и нравы народов, состояние государств, редкие случаи, предзнаменования, остроумные басни, символы, эмблемы, иероглифы, важные сентенции, апофтегматы и иное в этом роде. Оставь также достаточные поля в тетрадке, и на них отмечай предметы, достойные внимания; к этим отметкам сделай потом алфавитный указатель с обозначением страниц — таким образом легко отыщешь, что нужно. Или еще книги можно читать

таким способом: сумму прочитанного отмечать по алфавиту, начиная с буквы А. Так, для образца, под буквою А: *abstinentia, amicitia*; под буквою С: *clementia, castitas*; под буквою D: *donum, Deus, doctrina*, — и к ним сентенции, эрудиции, подобия. Так поступать и с остальным прочитанным»⁸.

Эти советы, которые Ломоносов слушал в Москве в правление Анны Иоанновны, вполне могли бы звучать и в протестантской академии XVI в., и в иезуитском коллегииуме XVII в. – в них объясняются принципы чтения авторов, ведения записей, сочетания алфавитного расположения с ограниченным набором *loci communes*. Как видно, основы новолатинской гуманистической педагогики, в которой тетрадь «общих мест» рассматривалась в качестве важнейшего учебного инструмента⁹, оказались востребованы и в России. К сожалению, не сохранилось прямых свидетельств того, что Ломоносов воспользовался рекомендациями своего учителя. Однако источниковедческие штудии недавних лет вновь обратили внимание на то, что при написании собственных сочинений, особенно «Краткого руководства к красноречию», автор обращался к компилятивным источникам в поисках цитат и образцов¹⁰. Нельзя исключать того, что одним из рабочих инструментов была тетрадь-компиляция, составленная им самим¹¹.

⁸ РГБ. Ф. 183. 1. № 279. л. 171об. Пер. цит. по: Воскресенский Г. А. Ломоносов и Московская Славяно-греко-латинская академия (К 125-летней годовщине Ломоносова) // Прибавления к Творениям св. Отцов. 1891. ч. 47. кн. 1. с. 3–94 (здесь: 44–45).

⁹ Помимо соответствующих разделов в книге Блэр см.: Moss A. Printed commonplace-Books and the Structuring of Renaissance Thought. Oxford: OUP, 1996.

¹⁰ Об истории и состоянии вопроса см.: Костин А. А. Творческая история «Краткого руководства к красноречию» М. В. Ломоносова в свете компиляционных источников (новые материалы) // Slavica Revalensia. 2015. Vol. 2. С. 9–34.

¹¹ Ср.: Смирнова А. С. Источники цитат из латинских авторов в «Кратком руководстве к красноречию» (1748) М. В. Ломоносова // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетий. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2019. С. 143–148.

Еще один аспект исследования Энн Блэр, который затем был развит в более поздних ее работах¹², следует отметить отдельно — это изучение форм и функций *паратекста*. Несмотря на то, что разного рода околотекстовые элементы хорошо были известны и в рукописных документах¹³, особенную регулярность они приобрели с развитием книгопечатания, когда появилась возможность тиражировать такие компоненты изданий, как титульный лист, оглавление, посвящение, предисловие, указатели, типографские маргиналии и колонтитулы в значительном количестве идентичных копий вместе с основным текстом книг¹⁴. Паратекст легитимировал сам факт публикации книги, устанавливал рамки взаимодействия автора, издателя и читателя. Применительно к справочным и научным изданиям раннего Нового времени важнейшую роль играли паратексты, связывавшие сочинение с научной традицией и облегчавшие информационный поиск¹⁵.

Расцвет паратекста в русской книжной культуре происходит в XVIII в., как было подробно показано в недавнем исследовании на материале посвящений¹⁶. Впрочем, изучение структуры и прагматики паратекста находится в ведении не только филологов и книговедов, но и лингвистов, искусствоведов, антропологов и социологов. Это замечательно продемонстрировала конферен-

¹² Blair A. Conrad Gessner's paratexts // *Gesnerus*. 2016. Vol. 73, Pt. 1. P. 73–122. Blair A., Patton M. A Quantitative Study of the Paratexts in Erasmus-Froben Imprints // *Erasmus Studies*. 2021. Vol. 41. P. 99–181.

¹³ Ср., например: Соломоновская А. Л. Интертекстуальность в топосах позднеантичных и средневековых переводческих паратекстов Западной Европы // *Сибирский филологический журнал*. 2023. № 4. С. 312–324.

¹⁴ Ср.: La page de titre à la Renaissance / éd. J.-F. Gilmont, A. Vanautgaerden. Turnhout: Brepols, 2008; Cui dono lepidum novum libellum? Dedicating Latin Works and Motets in the Sixteenth Century / ed. I. Bossuyt [et al.]. Leuven: Leuven University Press, 2008.

¹⁵ См.: Сергеев М. Л., Воробьев Г. М. Научные справочники XVI века и книжная традиция: формы и функции библиографической информации // *Новое литературное обозрение*. 2023. № 181. С. 384–400.

¹⁶ Кочеткова Н. Д. Посвящения в русских изданиях XVIII века: исследование, тексты, библиографический указатель. М.; СПб.: Альянс-архео, 2020.

ция «Вокруг текста: пара-, мета- и прочие маргиналии», прошедшая осенью 2023 в Институте лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург). В представленных докладах наряду с паратекстами в рукописных и печатных документах разных эпох и различных жанров были рассмотрены визуальные объекты, имеющие сходные функции, а также «околотекстовые» явления в устной и интернет-коммуникации¹⁷.

Все сказанное позволяет уверенно надеяться на то, что выход русского перевода “Too much to know” будет встречен с радостью и любопытством и поспособствует не только *умножению* научной информации на русском языке, но и ее лучшей *организации*, появлению новых путей для осмысления известных (и неизвестных) явлений.

Михаил Сергеев
(Санкт-Петербургский филиал Института
истории естествознания и техники РАН)

¹⁷ См. подробнее: <https://iling.spb.ru/conferences/2023/2211> (дата обращения: 22.11.2023).

Перечень иллюстраций и таблиц

Рис. 1.1. Указатель Жана из Отфунея к книге Винсента из Бове «Зерцало историческое» (1255), с рубрикацией. Рукопись XIV века

Рис. 1.2. Указатель Жана из Отфунея, без рубрикации. Рукопись XIV века

Рис. 2.1. и 2.2. Шкаф для заметок Плакциуса

Рис. 2.3. Указатель в процессе подготовки. Из рукописей Конрада Гесснера

Рис. 2.4. Каталог Библиотеки семьи Амербах (Базель, 1630)

Рис. 2.5. Эразм и его личный секретарь Жильбер Кузен (1553)

Рис. 3.1. Перечень заголовков в порядке их появления в книге Теодора Цвингера «Театр жизни человеческой» (Базель, 1565)

Рис. 3.2. Перечень заголовков в книге Лаврентия Бейерлинка «Великий театр жизни человеческой¹» (Кёльн, 1631)

Рис. 3.3. Древовидная схема из «Полиантеи» (Кёльн, 1567)

Рис. 3.4. Черновик древовидной схемы из рукописей Цвингера

Рис. 3.5. Часть древовидной схемы, представляющей структуру «Театра человеческой жизни» Цвингера (1586)

Рис. 3.6. Часть древовидной схемы, представляющей деятельность школ («De vita scholastica»), в «Театре человеческой жизни» Цвингера (1586)

Рис. 3.7. «Manipulus florum» (1306) Фомы Ирландского. Рукопись XIV века

Рис. 3.8. Разворот издания «Полиантеи» Доменико Нани Мирабелли (1503)

¹ Порядок слов в русском переводе названия сочинения Т. Цвингера и его продолжателей отражает вариативность латинских названий: “Theatrum vitae humanae” и “Theatrum humanae vitae”. — *Примеч. науч. ред.*

Рис. 3.9. Разворот издания «Великого театра жизни человеческой» (1631) Лаврентия Бейерлинка

Рис. 3.10. Графические знаки, используемые в «Театре человеческой жизни» Цвингера (1586)

Табл. 4.1. Краткая история изданий «Полиантеи»: 1503–1681

Табл. 4.2. История изданий «Театра человеческой жизни» Цвингера и его продолжений (1565–1707)

Рис. 4.1. Титульный лист «Театра жизни человеческой» Теодора Цвингера (1575)

Рис. 4.2. Портрет Теодора Цвингера (1533–1588) кисти Ганса Бока Старшего

Рис. 4.3. Средневековый указатель XIV века, оставляющий возможность для дополнений

Рис. 4.4. Выписки «о хитрости диких животных» из рукописного наследия Цвингера

Рис. 4.5. Выписки «об удивительных свойствах животных» из рукописного наследия Цвингера

Рис. 4.6. Эскизбрис Конрада Ликосфена, почерк которого совпадает с почерком записей на рис. 4.4 и 4.5

Рис. 4.7. Записки из бумаг Цвингера, другого почерка и формата

Рис. 4.8. Страница из «Тезауруса практической медицины» Гесснера, составленного после его смерти Каспаром Вольфом

Рис. 4.9. Страница издательского экземпляра «Истории животных» Гесснера (1551)

Рис. 4.10. Издательский экземпляр, демонстрирующий использование красного карандаша при расчете объема печатного издания

Рис. 4.11. Страница из «Тезауруса практической медицины» (1596), содержащая вырезанный фрагмент печатного текста

Рис. 4.12. Страница из «Тезауруса практической медицины» Гесснера, демонстрирующая повторное использование издательского экземпляра

Рис. 4.13. Страница экземпляра «Универсальной библиотеки» (1545), принадлежавшего Гесснеру

Рис. 5.1. «Теологический указатель» (1628), в котором воспроизведены заголовки «Полиантеи»

Благодарность автора

Одно из главных удовольствий, которое приносит окончание долгого труда, состоит в возможности поблагодарить людей и организации, которые помогли в его исполнении и завершении. Те области Республики ученых, в которых мне часто приходилось бывать, населены исследователями интеллектуальной истории, истории европейской науки и книгопечатания раннего Нового времени. Среди них есть множество творчески мыслящих и высокоученых людей, чьи предложения и комментарии способствовали развитию моих собственных мыслей. Энтони Графтон более двадцати лет с неизменной остротой ума отвечал на мои вопросы. Он прочел и прокомментировал предварительные варианты этой книги, чем уберег меня от ошибок и открыл новые направления исследования. Йен Маклин великодушно согласился прочесть черновики двух глав. Дэвид Белл дал полезные советы по важнейшим вопросам. Двое читателей из команды «Yale University Press» также сделали ценные замечания. Я очень благодарна редакции и производственному отделу «Yale University Press», особенно Ларе Хаймерт, за проявленный с самого начала энтузиазм, Кристоферу Роджерсу — за неизменную поддержку, Лауре Давулис и Маргарет Оцель — за терпеливые ответы на мои многочисленные вопросы, а Элизе Чайлдс — за превосходную корректорскую работу. За редактуру русского перевода книги хочу выразить благодарность Михаилу Сергееву.

Для исследования, которое я вела более десяти лет, очень полезной была возможность выступить на различных научных мероприятиях. Я благодарна своим слушателями и организаторам выступлений в Париже (за это и многое другое я признательна Анни Шарон-Парен, Кристиану Жакобу, Кристиану Жуо и Лорану Пинону), Кембридже (Ричарду Сержантсону), Мюнхене

(Мартину Мулзову), Гёттингене (Гилберту Хессу), Берлине (Лорейн Дастон, Нэнси Сираиси, Жанне Помате), Цюрихе (Ане-Сильвии Геинг) и в разных американских университетах: Государственном университете Аризоны, Научном центре Бард Грэдуэйт, Бостонском колледже, Бостонском университете, Университете Брауна, Калифорнийском технологическом институте, Университете Чикаго, Корнелльском университете, Университете Индианы, Университете Джонса Хопкинса, Гарвардском университете и Рэдклиффском институте, Университете Макгилла, Нью-Йоркском университете, Университете Пенсильвании, Принстоне, Рутгерсе, Стэнфорде и Висконсинском университете. Для меня также были очень ценны отзывы о моих выступлениях на конференциях, которые давали другие ученые, хотя я и не могу их всех здесь перечислить поименно. Особенную признательность я хотел бы выразить Карлосу Джилли, радушно принявшему меня в своем доме в Базеле и поделившемуся со мной своими глубокими познаниями в творчестве Теодора Цвингера, Урсу Лею — за помощь в Цюрихе, Йену Маклину, который любезно помог организовать исследовательскую поездку в Оксфорд. Я с удовольствием общалась и переписывалась с коллегами по различным вопросам, но самой захватывающей оказалась тема выписок и конспектов, которую мы обсуждали с Питером Билом, Питером Берком, Жаном Сеаром (который впервые открыл для меня значение справочной литературы раннего Нового времени), Альберто Чевolini, Жаном-Марком Шателеном, Джоном Консидайном, Кэндис Делайл, Элизабет Эйзенштейн, Максом Энгаммаром, Гилбертом Хессом, Джорджем Хоффманом, Говардом Хотсоном, Ноэлем Малколмом, Питером Миллером, Полом Неллесом, Брайаном Огилви, Алленом Реддиком, Уильямом Шерманом, Питером Сталлибрасом, Франсуазой Ваке, Клаусом Веймаром, Ричардом Йо и Гельмутом Цедельмайером. Помощь по более конкретным вопросам будет упомянута в примечаниях.

Это исследование побудило меня побывать в эпохах и странах, далеких от Европы раннего Нового времени, и я благодарна тем, кто сопровождал меня в тех областях, в которых я не являюсь специалистом. Хильде де Вердт уже почти двенадцать лет кон-

сультурует меня по вопросам, связанным с китайскими энциклопедиями, она же прокомментировала разделы этой книги, посвященные Китаю. Вместе с Люсиль Чиа она посвятила меня в историю книжного дела в Китае, а в июне 2007 года я получила приглашение участвовать в организованной ими конференции. Мой интерес к темам, связанным с исламом, пробудил разговор с Джонатаном Блумом в 2000 году. Важную роль сыграли также Рой Моттахедед, пригласивший меня на конференцию в 2003 году, и Беатрис Грюндлер, с которой мы много говорили об этом весной 2009 года. А Элиас Муханна прочел соответствующий раздел в черновом варианте моей книги. Катлин Коулман и Скотт Ф. Джонсон сообщили ценные комментарии, касающиеся разделов этой книги, посвященных, соответственно, Античности и Византии. Бригитт Бедос-Резак прочла в ней все, что касается Средневековья. Она, как и другие медиевисты, в том числе Нэнси Сираиси, Марсия Колиш, Беверли Кинзл, Джон ван Энген, а также исследования Ричарда и Мэри Роуз вдохновили меня погрузиться в средневековый материал в большей мере, чем это обычно делают исследователи раннего Нового времени.

В Гарварде меня радовали не только условия работы (лучшие из тех, которые можно представить), но и дружелюбная, непринужденная обстановка на кафедре истории и в целом на факультете наук и искусств. Я благодарна коллегам, с которыми я общалась, а также Нэнси Котт, Лани Гинье, Джеймсу Хэнкинсу, Мишель Ламонт, Джейн Мэйнсбридж, Лиане Прайс и Гарриет Ритво, читавшим черновики моей работы и высказавшим свои замечания. Многие студенты, в основном из Гарварда, в течение многих лет помогали мне в моих исследованиях подбором литературы и решением отдельных вопросов. Я особенно благодарна тем, кто брал на себя дополнительную работу, одновременно занимаясь собственными проектами: Эндрю Бернсу, Чарльзу Драммонду, Джону Гане, Мэтту Лою, составившим черновик библиографии, Чарльзу Ригтсу и Моргану Зондереггеру, чьи поиски в онлайн-каталогах в упрощенной форме отражены в нескольких таблицах. Фелис Виттум готовила письма с запросами и составила значительную часть указателей.

Я также хочу поблагодарить за помощь сотрудников библиотек, в которых я занималась: в особенности сотрудников Университетской библиотеки Базеля, Центральной библиотеки Цюриха, Библиотеки герцога Августа в Вольфенбюттеле, Государственной библиотеки Мюнхена, Университетской библиотеки Гёттингена, Британской библиотеки, Бодлианской библиотеки, Кембриджской университетской библиотеки, библиотек многих оксфордских и кембриджских колледжей, старой Национальной библиотеки Парижа, новой Национальной библиотеки Франции и Библиотеки Мазарини. Я также хотела бы выразить благодарность за сведения, сообщенные в переписке, сотрудникам архивов Кайзерсберга (Эльзас) и Савоны (Италия), Библиотеки Академии деи Конкорди в Ровиго (особенно Микеле Мараньони) и Университетской библиотеки Болоньи. Я также многим обязана библиотекарям Уиденер и Хоутон за приветливость, с которой они относились к моим многочисленным требованиям, часто касавшимся весьма объемных книг.

Мне невероятно повезло: в годы работы над книгой меня поддерживали куда чаще, чем можно было ожидать. 1995–1996 года я провела в Париже благодаря стипендии от Национального фонда гуманитарных наук; Институт Бантинга в Рэдклифе и Гарвардский университет профинансировали по году моего исследовательского отпуска, а стипендия Макартуров, присужденная мне в 2002 году, сделала возможным получить отпуск еще на три семестра, за время которых я написала основную часть монографии. Хочу выразить глубокую признательность всем, от кого зависело присуждение этих стипендий и грантов.

И наконец, моя семья всячески помогала мне явным и неявным образом. Джон Блэр и Джеруша Маккормак давали ценные стилистические советы, а мой муж Джонатан Йедидия безотказно обеспечивал техническую поддержку. Кроме того, муж и сыновья помогали мне получать такое же удовольствие от домашних дел, какое я получаю, занимаясь своей работой.

Редакционная политика

СНОСКИ

Из соображений экономии места оригиналы цитат на иностранных языках в тексте не приводятся. С ними можно ознакомиться онлайн на вебсайте Гарвардского университета, ориентируясь по номерам сносок. На момент издания книги информация доступна по адресу: www.people.fas.harvard.edu/~amblair.

Чтобы сократить количество сносок, ссылки, относящиеся к соседним предложениям, нередко объединяются. Если у вас возникнут сомнения, пожалуйста, ознакомьтесь со следующей сноской.

Числа внутри каждой цитаты относятся к различным разделам соответствующих текстов и приводятся в порядке от общего к частному. Последними указываются номер страницы или листа (без обозначений «с.», «л.»). Номера разделов отделяются точками, а перед номером страницы или листа стоит запятая (так ссылка на Morhof I.1.21, разд. 50, 247 относится к разделу 50 главы 21 части 1 книги 1, находящемуся на странице 247). Сигнатуры, то есть знаки, напечатанные в нижнем правом углу страниц старопечатных изданий, используются для указания на конкретное место книги в тех случаях, когда в издании отсутствует пагинация или фолиация (они снабжены пометой «сигн.»). Числа в скобках означают номера страницы, добавленных мною, там, где они пропущены в издании.

Введение

Мы называем себя людьми информационной эпохи, произнося это так, как будто речь идет о чем-то принципиально новом. Но многие сегодняшние модели мышления и способы обращения с информацией происходят от образа мыслей и практических методов, которые существовали уже несколько веков назад. В этой книге я исследую историю одной из самых давних традиций управления информацией — сбора и упорядочения текстовых отрывков, предназначенных для того, чтобы сверяться с ними в дальнейшем; в результате создавалось то, что для краткости и удобства я буду называть «справочной литературой»¹. Большие собрания текстов, состоящие, как правило, из цитат, примеров или библиографических ссылок, постоянно и повсеместно использовались для того, чтобы упростить доступ к массиву информации, образуемому авторитетными источниками. В справочной литературе искали сведения о том, какие представления о том или ином предмете, какие значения слов были общепринятыми, а некоторые виды справочников (в особенности энциклопедии) изучали как отдельный жанр². Моей задачей было понять, какие представления и практики лежали в основе того, что можно назвать, допуская некоторый анахронизм, «управлением информацией» в период, предшествовавший современности. Для

¹ В третьей главе я рассматриваю этот термин и его аналоги (например, *repertory* ‘справочник’), которые использовались до начала Нового времени. Под «справочником» я понимаю большой сборник текстовой информации, предназначенной не столько для чтения, сколько для наведения справок.

² См. [Moss 1996] о сборниках афоризмов и цитат; об энциклопедиях см. ниже в главе 3.

этого я обобщила большой объем данных, охватывающих множество периодов и мест, равно как и жанров справочной литературы, уделив особенное внимание нескольким образцовым текстам такого рода, написанным на латыни и напечатанным в XVI–XVII веках.

У термина «информация» долгая история, он зафиксирован в английском языке с XIV столетия в значении «обучение, формирование», а начиная с XV века — в значении «знание, касающееся определенного факта» (Oxford English Dictionary, s.v. «information»: особенно I.ia и 1.3a). Сегодня мы используем этот термин во различных контекстах, от биологии, изучающей передачу информации на разных уровнях (от ДНК до нейронных связей), до информатики, применяющей к информации математические методы, не учитывая семантическое содержание³. В самом общем смысле понятие «информационной эпохи» (термин появился в 1962 году) основывается на утверждении, что компьютеры коренным образом изменили возможность доступа к информации, а также методы ее производства и использования информации высшего порядка (например, записанной с помощью языка или чисел)⁴. Я использую термин «информация» в нетехническом смысле, отличая ее от «данных» (которые необходимо дополнительно обработать, чтобы они приобрели смысл) и «знания» (которое подразумевает индивида, обладающего им). Мы говорим о хранении, извлечении, отборе и организации информации, имея в виду, что ее можно хранить, ею можно делиться для повторного, многократного использования множеством людей и различными способами; таким образом, информация представляет собой своего рода общественную собственность, отличную от индивидуального знания. Более того, информация, как правило, представлена в виде отдельных единиц небольшого объема, изъятых из первоначального контекста

³ Об информации в естественных науках см. [Wright 2007: гл. 1]; в информатике — см. [Shannon 1948].

⁴ Создание этого термина приписывают Фрицу Махлупу [Machlup 1962]; см. [Beniger 1986: 21].

и предлагаемых в качестве «кусочков мозаики», которые можно перекомпоновать⁵.

Вслед за другими учеными я применяю этот термин также к прошедшим эпохам (хотя и с осторожностью, чтобы не допустить анахронизма), поскольку он позволяет эффективно описать, как работали с материалом авторы и читатели ранней справочной литературы, хотя сами они формулировали свои цели не в информационных терминах, но в связи с задачами получения знаний и образования. Используя терминологию, традиционно применявшуюся в рассматриваемый период, можно сказать, что ранняя справочная литература использовалась для хранения «слов и вещей» (*verba et res*)⁶. Ее объект варьировался от определений и описаний окружающего мира (например, свойств конкретных растений или причин природных явлений) до деяний или высказываний тех или иных людей (X написал эту книгу, Y сказал, что при таких-то обстоятельствах то-то случилось с Z). Авторы справочников выступали в роли составителей, отвечающих за точную передачу написанного другими людьми и в других источниках, но не за достоверность их утверждений. То есть составители передавали скорее информацию, чем собственные мнения и взгляды (об этом пойдет речь в главе 4). Выступая в таком качестве, они могли хвастаться количеством и разнообразием источников, из которых брали материалы; они могли называть эти источники, составить их перечень, но не обсуждали их и не предлагали обусловленной тем или иным контекстом интерпретации отобранных материалов. Вместо этого читателям предлагалось полагаться на собственное суждение и выбирать из этих сокровищниц информации то, что соответствовало их потребностям, те драгоценные крупинки, которые они готовы были включить в устный или письменный продукт собственной интеллектуальной деятельности, то есть в некоторого рода сочине-

⁵ На изучение информации меня вдохновили [Nunberg 1996] и [Brown, Duguid 2000: 118–120].

⁶ О применении этого термина к ранним эпохам см. [Hobart, Schiffman 1998]. О *res et verba* в эпоху Возрождения см. [Kessler, Maclean 2002].

ние (публичное выступление, письмо или трактат). Поэтому я полагаю, что авторы и пользователи справочных инструментов, появившихся до наступления Нового времени, по сути, занимались «управлением информацией» задолго до появления самого термина.

В наши дни мы особенно осознаем важность задач управления информацией на фоне беспрецедентного информационного бума, связанного с использованием компьютеров и появлением компьютерных сетей. Согласно оценкам, приведенным в одном из исследований, в 2002 году было сгенерировано 5 эксабайт (один эксабайт равен 1018 байтам) новой информации, 92 процента которой хранится на магнитных носителях, причем «в период с 1999 по 2002 год объем хранимой информации ежегодно возрастал на тридцать процентов» [Lyman, Varian 2003, резюме]. Мы жалуемся на перегрузки практически в любой сфере, от аппаратных средств хранения до библиотечных фондов и ресурсов для поиска в сети интернет⁷. Даже поиск в Google самого выражения «информационная перегрузка» выдает 1,5 млн результатов, относящихся в числе прочего к торговле канцтоварами, управленческому консалтингу и услугам по снятию стресса. Однако ощущение перегрузки и жалобы по этому поводу не уникальны для современного периода. В Античности, в Средневековье и в раннее Новое время, в том числе за пределами европейского мира, авторы озвучивали те же поводы для беспокойства, указывая в особенности на чрезмерное количество книг и недостаточность человеческих ресурсов (таких как память и время) для их постижения.

Следовательно, состояние информационной перегрузки следует рассматривать не просто как отражение некоего объективного положения дел, но, скорее, как результат совпадения ряда факторов, таких как инструменты и методы, имеющиеся в наличии; ожидания, свойственные культуре в целом и отдельному индивиду; изменение количества и качества информации, кото-

⁷ Ассортимент хозяйственного магазина McGuckins (300 000 товарных позиций) превышает количество статей во многих словарях [Norman 1993: 168].

рую необходимо усвоить и упорядочить. Весьма правдоподобным и интересным выглядит также предположение (хотя я не располагаю необходимым опытом и методикой для его оценки), что то, что мы воспринимаем как внутренние способности человека (например, память и воспоминания), изменяется с течением времени под влиянием культурных ожиданий и применяемых нами технологий [Sutton 2002]. Впрочем, те, у кого возникает ощущение перегрузки, часть воспринимают его как совершенно новое явление, что, пожалуй, характерно в целом для ощущений и самовосприятия, особенно в периоды модерна и постмодерна. В наши дни, очевидно, преобладает восприятие испытываемой перегрузки как беспрецедентной⁸. Несомненно, сегодня у нас почти по каждому вопросу есть доступ к куда бóльшим объемам информации, чем у предыдущих поколений, так что возникает необходимость справляться с этими объемами. Кроме того, мы используем технологии, меняющиеся с высокой периодичностью, в результате чего они чаще всего также оказываются новыми. Тем не менее основные методы, которые мы применяем, во многом аналогичны применявшимся в прошлых столетиях, в ранней справочной литературе. Компиляции того времени возникали в результате различных комбинаций четырех важнейших процессов: хранения, сортировки, отбора и обобщения; эти операции я считаю четырьмя краеугольными камнями работы с текстовыми данными. Мы также храним, сортируем, отбираем и обобщаем информацию, но полагаемся теперь не только на человеческую память, рукописи и печатные издания, как это было несколько веков назад, но также на компьютерные процессоры, функции поиска, механизмы интерпретации данных, «Википедию» и другие электронные технологии.

Разумеется, справочная литература является только одной из форм организации информации — той, которая строится вокруг текстовых данных: слов, или предложений, или библиографических сведений: их отбирали, компоновали, располагали в опре-

⁸ О восприятии информационной перегрузки каждым новым поколением см. [Rosenberg 2003: 2].

деленном порядке и в таком виде предоставляли читателям. В Античности, Средневековье и раннее Новое время хранилась, передавалась и упорядочивалась информация и другого рода: в форме коллекций натуралий и артефактов (представленных в кунсткамерах, музеях, ботанических садах и зоопарках), отчетов о коммерческой и административной деятельности (хранящихся в архивах), устной или опытной передачи навыков, а также в форме речи, произносившейся в самых разнообразных условиях (дома, на торговых площадях или в мастерских). Современная наука во многих случаях начала рассматривать эти формы аккумуляции сведений как области организации информации, каждая из которых ставила свои особенные задачи практического, интеллектуального и политического характера. Можно надеяться, что в свое время, когда будет выполнено достаточное количество специальных исследований, мы сумеем провести параллели между ними и обнаружить взаимосвязи внутри методов работы и организации, использовавшихся в разные периоды времени и в разных областях. Например, между способами обращения со словами и материальными объектами, методами научной, коммерческой и административной деятельности⁹. В этой книге я сосредоточила внимание в основном на двух областях, для которых было характерно активное накопление информации в эпоху Возрождения: на рукописных заметках и печатных справочниках, вдохновленных исследованиями гуманистов в области классических языков и античной культуры. Я считаю, что эти две области тесно взаимосвязаны: первые справочники были составлены из читательских выписок, которые делали их составители; те, в свою очередь, предлагали своим читателям собрания таких выписок в готовом для использования виде, избавляя их от необходимости конспектировать первоисточники.

⁹ Среди новых работ по этой теме см. [Park, Daston 2006, part 2] о местах знания; [Te Heesen, Sparty 2002] о коллекционировании; [Soll 2009; Friedrich 2008; Blair, Milligan 2007; Blair, Stallybrass 2010] об административных практиках. [Soll 2009] представляет собой отличный пример взаимообогащения при сочетании нескольких аспектов в исследовании.

Справочные инструменты раннего Нового времени, развившиеся на основе средневековых и античных моделей, относились к широкому диапазону жанров, которые непросто отделить друг от друга на основе четких и неизменных критериев. Оставив в стороне специализированные справочники по теологии, праву и медицине, я сосредоточила внимание на жанрах, предлагавших доступ к информации, которая считалась востребованной образованными представителями любой профессии. Сюда относились прежде всего (если использовать современные категории) толковые (моно- и многоязычные) и специальные словари (например, биографические и географические), сборники цитат и исторических анекдотов, различные подборки комментариев, которыми предлагалось пользоваться с помощью указателя. Кроме того, я изучила разного рода «книги о книгах», то есть библиографии, библиотечные и книготорговые каталоги, которые ориентировали читателей в многообразии книг. В зависимости от способа расположения материала (алфавитного, систематического или произвольного) справочные издания обычно предлагали один или несколько инструментов поиска, например: оглавления, алфавитные указатели, древовидные схемы, бинарные диаграммы, перекрестные ссылки, иерархию разделов и подразделов, представленную на странице издания с помощью разметки, символов, различных шрифтов и стилей. Разумеется, многие другие книги раннего Нового времени — например практические руководства, книги рецептов и секретов — также предполагали выборочное чтение и использовали тот же набор инструментов поиска. Однако я сосредоточила внимание на основных жанрах гуманистической справочной литературы, поскольку исключительный объем этих книг и широкий охват материала дают прекрасную возможность для изучения способов составления, организации, а также использования справочных изданий¹⁰.

Основанный на использовании четырех важнейших операций — хранения, сортировки, отбора и обобщения — подход к организации неуклонно растущего объема накапливаемого

¹⁰ См. [Long 2001] о практических руководствах и книгах секретов.

материала не был единственно возможной реакцией на информационный взрыв раннего Нового времени. Рене Декарт (1596–1650), например (в числе других мыслителей XVII века, призывавших к переосмыслению философии прошлых периодов), рекомендовал игнорировать накопленный массив текстов и начать всё заново, с основ философии, базирующихся на первичных принципах:

...если бы даже вся наука, какой только можно желать, содержалась в написанных книгах, все равно то хорошее, что в них есть, перемешано с таким количеством бесполезных вещей и беспорядочно раскидано в такой куче огромных томов, что для прочтения всего этого потребовалось бы больше времени, нежели нам отпущено в этой жизни, а для выборки полезных истин — больше ума, нежели требуется для самостоятельного их открытия¹¹ [Descartes 1996, 10: 497–498].

Накопление суждений авторов прошлого давало столь объемный и противоречивый результат, что Декарту казалось проще обойтись без них. Но, хотя многие разделяли недовольство Декарта античными источниками (это отражено, например, в некоторых высказываниях Фрэнсиса Бэкона), совершенное знание античной культуры и литературы оставалось основой европейского образования и принципиальным критерием различия между образованным и необразованным человеком. При этом идея отказа от накопления знания и жесткой отбраковки информации время от времени казалась привлекательной тем или иным авторам. Так, например, мистики подчеркивали приоритет божественного вдохновения, противопоставляя его знаниям, накопленным человечеством. После Декарта, заявившего, что его новая философия явилась ему во сне, отказ от общепринятых мнений стал распространенным явлением даже среди авторов, которые в остальном оставались потребителями и производителями информации. В XVIII веке многие писатели озвучивали фантазии об уничтожении бесполезных книг с целью остановить

¹¹ «Разыскание истины посредством естественного света», пер. С. Я. Шейнман-Топштейн по изд. [Декарт 1989].

бесконечный процесс накопления: по мнению Гиббона, к книгам, которые следовало уничтожить, относилась «громоздкая глыба споров между арианами и монофизитами», по мнению д'Аламбера — «бесполезные исторические труды»¹². Один из критиков рассматривал обращение к возвышенному как возможную реакцию на избыточность; Кант и Вордсворт были среди авторов, описавших опыт временного умопомрачения в результате «настоящего когнитивного истощения», связанного с сенсорной или умственной перегрузкой [Hertz 1985: 40–60]. Впрочем, по прошествии времени (независимо от того, каков был характер полученного опыта — возвышенный или деструктивный) философы, как правило, возвращались к более традиционным методам работы, включая те, которые обеспечивали доступ к накопленной информации. Созданием справочников возможности для упорядочения избыточной информации, разумеется, не исчерпывались. Но именно справочники представляют собой лучший из имеющихся в нашем распоряжении источников, позволяющий увидеть, как осуществлялась работа с текстовой информацией в раннее Новое время и в предшествующие ему периоды.

В этой книге я хотела бы не только предложить читателю историческую перспективу, в которой можно рассматривать волнующие нас сегодня проблемы, но и дать новое представление об интеллектуальной культуре Европы раннего Нового времени. Ни ощущение избытка информации, ни основные методы работы с текстом (четыре важнейших операции) не были чем-то новым или уникальным для эпохи Возрождения. Более того, многие черты печатного справочника, такие как использование алфавитного порядка, наличие указателей, макет страницы, облегчающий поиск сведений, достались ему по наследству от средневековых рукописных предшественников. Что отличало эпоху Возрождения, так это масштаб накопления выдержек из текстов, как в личных собраниях заметок, так и в печатных справочниках. Разумеется, книгопечатание способствовало взрывному росту количества и объема издаваемых справочников. Благодаря кни-

¹² О Гиббоне см. [Yeo 2001: 90–91; Désormeaux 2001: 61].

гопечатанию производство книг, в том числе больших форматов, стало менее дорогим, что также косвенно способствовало росту числа компиляций за счет увеличения количества книг, из которых можно было делать выписки, и за счет стимулирования производства бумаги, которая была в числе прочего отличным материалом для хранения рукописных заметок. Однако ни появление книгопечатания, ни использование бумаги сами по себе не объясняют, почему образованные люди оказались готовы тратить столько усилий и денег на создание больших собраний текстовой информации, в форме рукописных тетрадей или изданий справочной литературы. Открытие в эпоху Возрождения античных текстов и дальних стран дало новые материалы, которые требовалось сортировать и хранить, в дополнение к традиционным источникам; в основе реакции ученых на всю поступавшую информацию мы обнаруживаем фактор, объясняющий все названные выше явления, — это была жажда информации, получившая новый импульс и побуждавшая собирать и упорядочивать все доступные сведения. Многочисленные составители конспектов и компиляторы, которые являются главными героями моей книги, выражали энтузиазм и готовность обращаться к любым книгам по любой дисциплине, в поисках потенциально полезной информации. С помощью собранных ими материалов они надеялись избежать повторения трагической утраты античного наследия, о которой им было хорошо известно. Компиляторы также считали собственный труд вкладом в общественное благо, несомненным преимуществом для которого станет охват максимального количества тем и областей знания.

Мое исследование фокусируется на масштабных рукописных и печатных компиляциях и не является исчерпывающим. Некоторые авторы эпохи Возрождения предпочитали придерживаться строгого канона текстов, из которых они делали выдержки, в противовес широкому, экстенсивному подходу их коллег, составлявших гигантские собрания выписок¹³. Однако крупнейшие

¹³ См. рекомендации иезуита Антонио Поссевино в [Possevinus 1607]; контраст двух подходов обсуждается в [Zedelmaier 1992].

справочные труды создают уникальную перспективу для изучения как традиционных, так и необычных методов работы с текстами, влияния книгопечатания, характера чтения справочной литературы и ее распространения среди латиноязычных читателей, наконец, для понимания обеспокоенности, которую вызывало такое распыление ресурсов. Изученные мною объемные справочные труды на латыни должны были помогать как в чтении, так и в сочинении новых латинских текстов, письменных или устных. Их использовали студенты, преподаватели, проповедники, а также ученые, писатели и «люди дела». Большинство жанров справочной литературы раннего Нового времени в части формы и содержания во многом следовали средневековым образцам, созданным в XIII веке. Однако к началу XVI века количество и разнообразие новых книг было куда большим, чем во времена создания средневековых моделей справочников. Самые успешные из них выдержали десятки изданий, при этом в них часто вносились изменения и дополнения вплоть до последних десятилетий XVII века, когда большинство справочников на латыни были напечатаны в последний раз.

Эти огромные фолианты (от насчитывающей 430 000 слов «Полиантеи» Доменико Нани Мирабелли (1503) до «Великого театра человеческой жизни» (1631) Лаврентия Бейерлинка) представляли собой результат огромных вложений человеческих и материальных ресурсов со стороны их авторов и издателей. Организации и частные лица, приобретавшие эти книги, также вносили существенный вклад. Разумеется, как мудро заметил один из историков книжного дела, большинство печатных книг оставались не прочитанными, хотя издатели всегда подсчитывали, какое количество экземпляров они смогут продать [Amory 1996: 51]. Но толстые справочники продавались очень хорошо, особенно если принимать во внимание их размер и цену, и я постараюсь показать, что их действительно читали, несмотря на то что лишь немногие авторы признавались в их использовании. Я думаю, что покупатели искали в них своего рода замену читательским выпискам, которые они могли бы сделать сами, если бы располагали ресурсами (временем, энергией,

деньгами), позволяющими прочесть в оригинале тексты, выдержки из которых содержались в справочниках. Заинтересовавшись тем, как физически происходило изготовление этих справочников, от рукописных заметок до печатных томов, я обнаружила некоторые необычные методы, изобретенные их составителями, чтобы облегчить свой кропотливый труд. Таковыми были, например, манипуляции с цитатами на отдельных листочках, а также вырезание фрагментов из рукописей и печатных изданий с их последующим приклеиванием в книгу: все это позволяло сэкономить усилия переписчиков.

На страницах этой книги описаны методы, наиболее характерные для гуманистов и поздних гуманистов, главной целью которых было продемонстрировать читателю высокий уровень познаний в античной литературе и культуре. Внимание к методам работы возросло в последние годы и в других областях интеллектуальной истории. На протяжении длительного времени рукописные заметки и черновики, а не только законченные произведения, изучали прежде всего литературоведы, занимавшиеся «генетической критикой текста» и уделявшие основное внимание крупным авторам XIX и XX столетий, после которых осталось большое количество рукописей. Некоторые историки Средневековья также исследовали методы работы и обстоятельства, в которых они возникли, особенно применительно к схоластике [Weijers 1996; Rouse, Rouse 1991a]. Однако оживление интереса к рабочим методам интеллектуалов произошло благодаря недавним работам по истории науки, особенно посвященным раннему Новому времени, в которых была подчеркнута взаимозависимость идей и социально-материальных контекстов их формирования. В некоторых исследованиях особое внимание было уделено местам научной работы, таким как лаборатория, анатомический театр, ботанический сад, обсерватория. В других исследованиях рассматривались контексты интеллектуальной деятельности в более общем смысле, включая домашнюю обстановку, в которой часто приходилось заниматься учеными трудами, экономику изготовления рукописей и книгопечатания, благодаря которым формировались и распространялись идеи. Внимательное изучение

различных контекстов, в которых выполнялась работа, обнаружено присутствие множества помощников ученых, от жен и детей до лаборантов и секретарей (переписчиков), с которыми часто обращались как с «невидимками», в связи с чем их трудно идентифицировать¹⁴. Справочники позволяют понять, как работали их составители, взаимодействуя с коллегами — как в реальном времени, так и спустя годы, — а также как действовали те, кто пользовался плодами их трудов.

Чтобы лучше понять принципы работы тех, кто действовал в традициях гуманизма в широком смысле, то есть старался извлекать знания в основном из античных текстов, особенно полезно будет узнать больше о типах книг, которые они читали, и о методах чтения. В нашем распоряжении имеются исследования мебели, среди и за которой работали гуманисты, устройства их кабинетов, а также данные о том, как именно известные гуманисты читали и комментировали античные тексты [Thornton 1997; Grafton 1997]. При этом стоит отметить, что с 1500 по 1700 год как у гуманистов, так и у менее образованных людей, умевших тем не менее читать на латыни, появлялось всё больше возможностей для выборочного чтения — благодаря инструментам поиска, позволявшим перейти к нужному месту книги, с пером в руке или без него¹⁵. Хотя к любой книге, снабженной указателем, или к сочинению, на которое у читателя имелась точная ссылка, можно было обратиться для наведения справки, особенно полезную информацию о принципах справочного чтения дает изучение источников, специально предназначенных для того, чтобы сверяться с ними, а не читать их целиком. В объемных латинских сочинениях, которые я рассматриваю в этой работе, собрано огромное количество небольших единиц информации (цитат, определений, примеров), из которых читателю предлагалось выбрать те, которые ему интересны, обращаясь

¹⁴ См. программную статью [Shapin 1989]; о последних исследованиях записных книжек ученых см. [Holmes et al. 2003]; о домашних условиях научной работы см., в частности, [Cooper 2006; Algazi 2003; Harkness 1997].

¹⁵ О различных видах дискретного чтения см. [Stallybrass 2002].

непосредственно к тексту и используя прилагающиеся инструменты поиска. Составители гарантировали надежность приведенных материалов, что превращало справочники в сборники литературных фактов (textual facts), подобных фактам, к которым все чаще апеллировали представители других областей культуры раннего Нового времени, особенно в Англии¹⁶. Справочники могли заменять чтение или повторное чтение или, в зависимости от обстоятельств, дополнять другие виды чтения. Мы получили более полную картину методов чтения, использовавшихся учеными и образованной латиноязычной публикой, включив в эту картину типы книг, которые всеми воспринимались как что-то должное, — их не цитировали и не обсуждали напрямую, но печатали и покупали в огромном количестве экземпляров с 1500 по 1700 год.

Справочники также позволяют увидеть под новым углом воздействие книгопечатания на культуру Европы раннего Нового времени. С момента выделения истории книжного дела в 1980-е годы в отдельное направление исследований появилось множество новых работ о влиянии книгопечатания, а также было введено в оборот понятие «печатной культуры». Элизабет Эйзенштейн посвятила этому влиянию обширный труд, в котором отметила общее улучшение качества сменявших друг друга изданий, а также быстрое и широкое распространение книг. В ходе недавних споров по поводу ее работ были высказаны сомнения в том, что использование ручного прессы, учитывая разнообразие применявшихся техник и коммерческую недобросовестность типографов, могло привести к стандартизации и надежности, которые обычно ассоциируются с книгопечатанием в индустриальную эпоху [Eisenstein 1979; Johns 1998; Eisenstein, Johns 2002].

Оппоненты Эйзенштейн также высказали сомнения в том, что изменения, которые она связывает с книгопечатанием, произошли за короткое время, и предположили, что рукописи позднего Средневековья уже обладали рядом признаков, характерных для

¹⁶ Историографию по этому вопросу см. [Shapiro 2000; Daston 2001; Poovey 1998].

современной книги, например, такими, как наличие указателя, определенного макета страницы, облегчающего поиск информации, а также производство книг не по заказу, но в расчете на будущие продажи, как это происходило в коммерческих скрипториях [Grafton 1980; Needham 1980]. Мои исследования справочной литературы в различных предшествовавших Новому времени контекстах, включая древнюю и средневековую Европу, мусульманские страны и Китай, позволили прийти к выводу о том, что основные черты справочников, такие как цитирование множества источников, инструменты для поиска и дизайн страниц, облегчающий справочное чтение, появились независимо от книгопечатания. Но я также считаю, что книгопечатание в Европе раннего Нового времени в значительной степени определило форму, содержание и значение справочных трудов.

Распространение печатных справочников вызывало постоянный поток критики на протяжении всего раннего Нового времени. Недовольство стало особенно сильным в конце XVII века, когда казалось, что латинское образование находится под угрозой из-за доминирования национальных языков (особенно в Англии и Франции) и все чаще высказываемых мнений о том, что от древних авторов и их идей следовало бы отказаться в пользу более современных. Я воспринимаю проявления этой тревоги как дополнительное доказательство распространения справочного чтения среди всё большего количества образованных людей. К тому моменту, когда (примерно в 1700 году) издание справочников на латыни прекратилось, они успели распространить принципы справочного чтения, изначально характерного для узких групп интеллектуальной элиты Средневековья, среди широкой публики, читавшей на латыни. Восемнадцатый век вошел в историю как «эпоха словарей», поскольку и составители, и читатели того времени уже воспринимали как должное ссылки на источники, инструменты и принципы справочного чтения, подготовленные объемными латинскими справочными трудами XVI–XVII столетий, хотя последние мало известны в наши дни и оказали лишь косвенное влияние на «современные» жанры и национальные литературы XVIII века.

Главы 1–3 этой книги содержат сфокусированный анализ контекста, а в главах 4 и 5 рассматриваются некоторые конкретные работы. В главе 1 я делаю обзор жанров справочной литературы, создававшейся в различных обстоятельствах до начала Нового времени, чтобы подчеркнуть примечательное сходство в основных методах и проблемах работы с текстом, характерных для разных культур, а также особенности соответствующих процессов в Европе раннего Нового времени. В главе 2 я пишу о том, что практика выписок из книг в Европе раннего Нового времени сформировала более узкий контекст для развития справочников, причем его влияние осуществлялось двояким образом: во-первых, основой для печатных компиляций обычно становились коллекции личных читательских заметок, принадлежавших одному или нескольким составителям, а во-вторых, печатные компиляции предлагали своего рода готовые, напечатанные выписки, которые читателям хотелось иметь под рукой, даже если они не сами их делали. Накопление рукописных заметок порождало проблемы организации, сотрудничества и обмена информацией, характерные также для печатных сборников. В главе 3 я рассматриваю жанры неспециальной справочной литературы на латыни, изданной с 1500 по 1700 год, а также содержащиеся в этих изданиях инструменты поиска, уделяя пристальное внимание терминам, которые использовали современники для описания этой литературы и которые взяли на вооружение историки (включая понятие «энциклопедии»). В главе 4 я специально рассматриваю историю и состав нескольких крупнейших справочных изданий (особенно «Полиантеи» и «Театра человеческой жизни»), останавливаясь на их текстах, истории изданий, а также на некоторых сохранившихся черновиках — рабочих материалах Конрада Гесснера из Цюриха и Теодора Цвингера из Базеля. В главе 5 я пишу о рецепции этих справочников, анализируя сохранившиеся экземпляры и читательские записи, явные и скрытые цитаты из этих книг, а также их критику. Справочники на латыни, хотя и не издавались после 1710 года и редко признавались образцами, тем не менее заложили основы для бурного развития справочников на национальных

языках и энциклопедий в XVIII веке. На протяжении двух столетий благодаря гуманистической справочной литературе среди составителей, издателей и читателей распространялось использование всё более усложнявшихся методов и инструментов организации информации. Эти техники легко адаптировались к современным языкам и к содержанию, характерному для справочной литературы эпохи Просвещения; они и сегодня выглядят достаточно знакомыми, напоминая о том, что многими привычками, которые теперь воспринимаются как должное, мы обязаны практикам, развивавшимся на протяжении нескольких веков в Европе Средневековья и раннего Нового времени.

Глава 1

Сравнительный анализ методов организации информации

Исследователи раннего Нового времени, включая меня, считают, что в эпоху Возрождения Европа столкнулась с беспрецедентной по масштабам информационной перегрузкой, сравнимой с той, которую мы переживаем сегодня. Историки выделяют три основных источника информационного бума эпохи Возрождения: открытие новых земель, обретение утраченных древних текстов и распространение печатной книги [Grafton 1992]. В этой главе я остановлюсь подробнее на нашем понимании информационного бума раннего Нового времени, рассмотрев его в двух основных аспектах. Во-первых, мы поговорим о том, что опыт информационной перегрузки не был ни новым, ни уникальным для Европы эпохи Возрождения. Даже неспециалисту при беглом поиске несложно обнаружить многочисленные ситуации до начала Нового времени, в которых образованные люди сообщали об ощущениях, похожих на современную информационную перегрузку, и разрабатывали методы организации информации, которые вполне узнаваемы в наши дни. Помимо изменений, произошедших в Античности и в Средние века и непосредственно повлиявших на раннее Новое время (по крайней мере, было принято считать, что это так), я рассмотрю примеры, относящиеся к византийской, мусульманской и китайской культурам, которые весьма ограниченно контактировали или вовсе не контак-

тировали в период раннего Нового времени с Западной Европой, однако их изучение также проливает свет на предмет моего исследования¹.

Во-вторых, я подчеркну роль культурных факторов, объясняющих одержимость образованных людей эпохи Возрождения накоплением и организацией информации. Собираание и накопление образцов натуралий, текстов и книг в эпоху Возрождения не было необходимым следствием путешествий к новым землям и применения новых технологий. Его мотивировали культурные установки, некоторые из которых были новыми, в то время как другие были отчетливо заметны и в предшествующие столетия. Эти установки можно обобщенно назвать «жаждой информации» или одержимостью информацией. Например, Брайан Огилви описывает быстрый рост числа известных видов растений с пятисот, описанных Диоскоридом, что соответствовало вершине ботанических знаний в 1550 году, до 6000, перечисленных Каспаром Баугином в «*Pinax theatri botanici*» («Реестре ботанического театра», 1623). Однако Огилви отмечает, что взрывной рост объема ботанических знаний был спровоцирован вовсе не появлением образцов растений из Нового Света, а тем, что натуралисты эпохи Возрождения стремились описывать растения с пристальным вниманием к деталям, что позволило им обнаружить большое количество неописанных растений в Европе (в том числе в Восточной и Северной) и в таких давно известных экзотических регионах, как, например, Левант². При изучении текстовых компиляций я пришла к похожим выводам: растущее количество цитат в антологиях-флорилегиях было связано скорее не с вновь обретенными древними текстами (Лукреция или Секста Эмпирика), но с усилением внимания к давно известным античным авторам, игравшим ключевую роль в образовании

¹ О Японии в период раннего Нового времени см. [Berry 2006]; об Индии и Персии см. [Colas, Richard 1996; Scholberg 1986; Vessel 1986].

² [Ogilvie 1997, 2006: 230; Cooper 2007] и о зоологии [Pinon] (готовится к печати). (В действительности книга Лорана Пинона так и не была напечатана, хотя долгое время была указана среди готовящихся к изданию на сайте издательства Droz. — *Примеч. науч. ред.*)

гуманистов (таким как Овидий, Гораций и Цицерон), а также к недавно появившимся работам, осмыслявшим труды классиков (например, произведениям Петрарки и сборникам эмблем Альчиати и Камерария). Новый подход к поиску и хранению информации стал основной причиной информационного бума, более важной, чем любое отдельное взятое открытие.

Стремление объять все накопленные знания и технология сопоставления цитат из авторитетных источников, чтобы получить универсальный взгляд на вещи, не были новыми для эпохи Возрождения. Разные античные и средневековые труды были похожи по форме и охвату материала; историки традиционно называли их энциклопедиями, хотя этот термин не использовался самими авторами (то есть его не существовало в те времена, когда создавались эти труды). Слово «энциклопедия» появилось в XVII веке в результате неверного толкования греческого выражения, которое переводили как «круг знаний» (исходя из того, что слово «*kuklos*» означает «круг»). Современные ученые выяснили, что на самом деле речь шла о греческом выражении «*en-kuklios paideia*», которое значило «общие знания» или «общее образование», но образ круга оказался долговечным, и к нему до сих пор апеллируют современные энциклопедии³. В XVI–XVII веках слово «энциклопедия» относилось в основном к взаимоотношениям между дисциплинами и не ассоциировалось с определенным видом справочника вплоть до XVIII века, когда «Циклопедия» Эфраима Чеймберса (1728) и вдохновленная ею французская «Энциклопедия» положили начало популярности самого названия и нового жанра словаря наук и искусств. Используя современную терминологию, имеет смысл говорить об энциклопедических амбициях как о ключевом элементе одержимости накоплением информации в эпоху Возрождения. Хотя эти устремления не были чем-то новым, они подняли некоторых известных представителей Ренессанса (например, Теодора Цвингера) на новые высоты мегаломании.

³ О термине и его истории см. [Fowler 1997; Céard 1991; Dierse 1977; De Rijk 1965]; [Encyclopaedia Britannica 1985] также начинается с метафоры круга.

Определенно новым для эпохи Возрождения было осознание глубины ущерба, понесенного культурой из-за утраты античных знаний в те времена, которые Петрарка первым назвал Средними веками. Хотя гуманисты гордились тем, что сумели заново обнаружить множество утраченных текстов, главным образом благодаря тщательному поиску в византийских и европейских библиотеках, за которым следовала филологическая доработка найденного, они отлично понимали, что значительный корпус античной литературы был утрачен⁴. Многие авторы раннего Нового времени высказывали надежду на то, что при надлежащем хранении и организации накопленная позднее информация будет в безопасности и мир избежит еще одной катастрофической утраты. С одержимостью стремлением избежать потерь может быть связана еще одна черта, которая кажется мне уникальной, — желание сохранить каждую надпись, спасти и использовать каждый текст. Хотя на таких позициях, разумеется, стояли не все (некоторые авторы, напротив, сосредоточились на составлении более или менее строгих ограничительных списков приемлемых книг), те, кто принимал участие в масштабных компилятивных трудах, любили повторять высказывание, приписываемое Плинию: «Нет такой плохой книги, в которой не найдется чего-нибудь полезного». В результате компиляции эпохи Возрождения быстро обогнали по объему средневековые труды такого же характера. Авторы печатных компиляций заявляли, что они внесли свой вклад в общественное благо, собрав в одном месте информацию по многим темам, чтобы тем самым удовлетворить заведомо разнообразные интересы читающей публики. Выросший объем компиляций и диапазон их источников, в свою очередь, вдохновляли на создание новых методов работы и новых видов поисковых инструментов, которым будут посвящены следующие главы.

⁴ Трудно количественно оценить масштаб этих потерь. По оценкам Бардона, сохранились сочинения лишь 20 % известных нам латинских авторов, однако они писали и другие работы, которые были утрачены, и, разумеется, существовали авторы, сведения о которых до нас не дошли [Bardon 1952: 13].

Книгопечатание создало как новые возможности, так и новые препятствия для производства и распространения данных. Главным результатом появления печатного прессы стало снижение себестоимости книги и времени, необходимого для ее производства. Это было особенно заметно, когда речь шла о жанрах, получивших широкое распространение. Например, в огромном количестве и довольно дешево печатались индульгенции на небольших заполненных текстом с одной стороны листках, которые сохранились лишь в небольшом количестве экземпляров. Так, например, из 200 000 индульгенций, напечатанных с 1498 по 1500 год по заказу бенедиктинского монастыря Монсеррат в Каталонии, сохранилось только шесть [Needham 1986: 31; Eisermann 2006]. Влияние книгопечатания на появление книг большого объема обсуждают реже, однако оно было весьма значительным, как по очевидным, так и по неожиданным причинам. Если производство объемных рукописей в каком-либо существенном количестве обходилось особенно дорого, то книгопечатание сделало возможным распространение и сохранение больших книг в беспрецедентных количествах. В то же время книгопечатание создавало определенные ограничения: большие печатные книги необходимо было продавать сотнями, чтобы окупилась расходы по их производству. В результате составителям больших и дорогих книг, к числу которых относились справочники, приходилось стараться, чтобы их творения понравились как можно более широкой и разнообразной публике, расширяя количество используемых источников и диапазон рассматриваемых тем.

Тот факт, что печатные книги должны были находить своих покупателей, ограничивал максимальную цену продажи и объем изданий, хотя максимальный объем со временем все равно вырос с одного тома объемом 1500 страниц в период инкунабулов до нескольких куда более объемных томов к концу XVII века⁵.

⁵ Библия с многочисленными комментариями и приложениями, судя по всему, представляет собой инкунабул с самым большим количеством страниц (Венеция, 1481: Gesamtkatalog der Wiegendrucke, № 4286, Венеция, 1481).

Но самые большие книги, созданные до начала Нового времени, не имели коммерческого успеха. Их заказывали китайские императоры, и речь часто шла о рукописях, которые были нужны им в собственных целях, а не для извлечения выгоды. Книгопечатание повлияло как на характер информационного бума, сделав доступными большему числу читателей большее количество книг на разнообразные темы, так и на методы, с помощью которых пытались справляться с этим бумом, включая широкий спектр печатных справочных трудов.

Книгопечатание распространилось гораздо шире любых существовавших до этого технологий организации информации и стимулировало эксперименты с новыми технологиями, такими как новый макет страниц, поисковые инструменты и способы составления текста.

Методы организации информации в Античности

При достаточно свободном толковании этого понятия можно сказать, что различные формы организации информации встречались с древних времен. Изобретение письма было, разумеется, одной из них. Наиболее ранние формы письменности были изобретены для записи коммерческих сделок или сведений о запасах зерна — информации, которую полезно было хранить, иногда длительное время, учитывая недостаточность человеческой памяти и возможную предвзятость в личных интересах отдельных лиц. Ранние документы часто помещались в архивы, и некоторые сохранившиеся записи (например, на глиняных табличках) представляли собой списки до ста пунктов длиной, для которых, однако, не обнаруживается никаких инструментов поиска; вероятно, их приходилось просматривать целиком, чтобы найти что-то определенное [Posner 1972: 61; Kilgour 1998: 16; Daly 1967: 93]. В устных культурах также применялись методы организации информации, такие как пересказ традиционных нарративов и запоминание наизусть условий сложных коммерческих сделок. Широко распространенное когда-то мнение о том,

что грамотность впервые сделала возможными определенные типы мышления (в том числе историческое и логическое), в наше время активно оспаривается⁶. Но лишь после того как письмо вышло за рамки утилитарных текстов, появляются первые свидетельства о том, каким было отношение к процессу организации информации, и подходы к этой проблеме часто оказывались весьма противоречивыми.

Знаменитая критика письма Платоном является ранним образцом амбивалентного восприятия, часто сопровождавшего принятие новых технологий. По мере распространения практики письма в Афинах IV века Платон (ок. 428–348 до н. э.), используя письменность (изобретение которой он прославлял в других текстах), выражал опасения по поводу того, что письменное слово, распространяясь без контроля автора, скорее может быть неверно понято и использовано во вред, чем слово, сказанное собеседником (Федр 275–277 в [Plato 1973: 96–99])⁷. Примерно в то же время прозвучала имевшая долгую историю жалоба на своего рода перегрузку, в которой, впрочем, не обвинялись письменности и книги. Хорошо известный в краткой форме по латинскому изречению «*ars longa, vita brevis*» («жизнь коротка, искусство долговечно»), один из первых афоризмов, приписываемых Гиппократу (ок. 460–370 до н. э.), содержал следующие наблюдения:

Жизнь коротка, путь искусства долог, удобный случай скоропреходящ, опыт обманчив, суждение трудно. Поэтому не только сам врач должен употреблять в дело все, что необходимо, но и больной, и окружающие, и все внешние обстоятельства должны способствовать врачу в его деятельности (пер. В. И. Руднева по изд. [Гиппократ 1936]; Афоризмы I, 1 в [Hippocrates 1953: 98–99]).

⁶ Обоснование этого тезиса см. [Goody 1986], его критику — [Halverson 1992]. Контраргументы на материале скотоводческого рынка Нигерии, сложному устройству которого не мешает отсутствие письменных записей, см. [Finnegan 1988: 146].

⁷ В диалоге «Тимей» Критий хвалит египтян за владение искусством письма, в «Критии» говорится о том, что письмо было главным фактором, благодаря которому стала известна история Атлантиды.

Однако практический совет Гиппократ о том, как достигнуть успеха в медицине, отделили от крылатого изречения об искусстве и жизни, которое по-прежнему хорошо известно в латинском варианте, которым мы обязаны римскому моралисту Сенеке (4–65 н. э.). Афоризм «*Ars longa, vita brevis*» оказался весьма гибким, так что применительно к вопросу о накоплении знаний его могли использовать как оптимисты, так и пессимисты (Seneca, *De brevitate vitae* I. i в [Seneca 1932, II: 286–287]).

Точка зрения Сенеки состояла в том, что жизнь достаточно длинна, но кажется короткой, потому что большую ее часть мы проводим в роскоши и праздности. Сенека, в частности, жаловался на то, что его успешные современники зря тратят время и деньги, собирая слишком много книг. Он придумал собственный афоризм, порицающий неразборчивое, поверхностное чтение: «Изобилие книг отвлекает» (*distringit librorum multitudo*). Сенека рекомендует сосредоточиться на ограниченном количестве хороших книг, внимательно читать и перечитывать их: «Читай всегда признанных писателей, а если вздумается порой отвлечься на другое, возвращайся к оставленному» (пер. С. А. Ошерова; *Ad Lucilium epistulae morales* II.4 в [Seneca 1917, I: 6–9]; *De tranquillitate animi*: IX.4). Эта позиция являет собой пример эффективного и часто преобладавшего метода организации информации, который требовал ограничивать объем и характер информации, исходя из установленного канона произведений, считающихся приемлемыми, как правило, по соображениям нравственности. Советы Сенеки и его отрицательное отношение к «изобилию книг» нашли поддержку у многих европейских авторов раннего Нового времени, в том числе у педагога-иезуита Франческо Саккини (1570–1625), взгляды которого обсуждаются во второй главе⁸.

⁸ См., например, [Cassialupi 1510]. Английский джентльмен Уильям Дрейк высказывался в поддержку такого подхода, хотя сам он, судя по обширному кругу его чтения, его не придерживался; см. [Sharpe 2000: 181]. Испанский автор книги об устройстве библиотек Франциско Араос использовал изречение Сенеки, советуя держаться подальше от легкой поэзии и романов, поскольку эти «тлетворные и бесполезные книги только делают путь искусства еще длиннее» [Araoz 1631: 101]. О формировании канона в качестве ответа на избыток информации см. [Most 1990].

Других авторов, напротив, изречение «*ars longa, vita brevis*» мотивировало искать пути, отличные от изучения узкого канона авторов. Фрэнсис Бэкон (1561–1626), например, ссылаясь на изречение Гиппократ, чтобы обосновать потребность в новой науке, которая обязана «сокращать (насколько это допускает требование истины) длинные и извилистые пути опыта и тем самым находить ответ на старинную жалобу о том, что “жизнь коротка, а путь искусства долог”. Лучше всего это можно сделать, собрав воедино наиболее общие научные аксиомы...» (пер. Н. А. Федорова⁹). Бэкон призывал двигаться от частного к общему, чтобы управлять избытком данных, основанных на опыте. В работе «*Sylva sylvarum*» он дал пример такого накопления, учитывавшего как непосредственные наблюдения, так и информацию, почерпнутую из книг¹⁰. Для Бэкона само по себе накопление информации было важным шагом на пути к освоению природы.

В эллинистический период появились новые популярные доводы, как в поддержку, так и против накопления информации: от осуждения в библейских источниках, с одной стороны, до примеров собирательства книг в беспрецедентных масштабах — с другой. Слова Книги Екклесиаста (12:12) «составлять много книг — конца не будет»¹¹ (в «Вульгате»: *faciendi plures libros nullus est finis*), представляющие собой, вероятно, древнейший пример осуждения чрезмерного количества книг, датируются IV–III веками до н. э., хотя прийти к единому мнению о времени создания этой книги Библии оказалось особенно трудно [Schniedewind 2004: 166, 235 сн. 4].

Согласно Екклесиасту, мудрый человек должен отказаться от книжных занятий как от суеты человеческой жизни. Трудно оценить, какую роль сыграл этот отрывок в уменьшении числа авторов, но очевидно, что на тех, кто все-таки продолжал писать,

⁹ Пер. по изданию [Бэкон 1977, I: 227].

¹⁰ Для Бэкона опыт включал в себя обучение с помощью книг, несмотря на то что он критиковал его, см. [Blair 1997: 228–230].

¹¹ Здесь и далее библейские тексты цитируются в Синодальном переводе. — Примеч. науч. ред.

он не оказал значительного влияния. В Средние века это изречение редко комментировалось, как в христианских, так и в иудейских источниках¹², хотя некоторые авторы цитировали его, не поддерживая при этом его осуждающий тон. В 1225 году великий энциклопедист Винсент из Бове писал, например, что непрекращающийся процесс создания книг отвечает непрекращающемуся любопытству со стороны читателей и слушателей, а Ричард из Бери (1281–1345) игнорировал неодобрительный тон этой цитаты, приводя ее в главе собственного сочинения «Филобиблон», имеющей название «Сколь велика заслуга писать новые книги и обновлять старые» [Vincent of Beauvais 1964: 1 (Пролог, 1); Bury 1970, XVI: 146]¹³. Книга Екклесиаста стала известна широкой публике только в последние десятилетия (во многом благодаря песне Пита Сигера), и сегодня высказывание о вреде книг цитируется как древняя мудрость, совпадающая с современной обеспокоенностью по поводу информационной перегрузки¹⁴.

Разумеется, это послание не могло умерить энтузиазм в накоплении информации, что очевидно (хотя и не сформулировано эксплицитно в сохранившихся источниках) из деятельности Александрийской библиотеки примерно в то же время. Вскоре

¹² В «Glossa ordinaria» нет комментариев к стиху 12 главы 12 «Экклесиаста», см. издание Миня (Paris, 1879) онлайн. URL: <http://books.google.com/books?id=g6Vc4QWRohwC> (дата обращения: 14.05.2023). Раши (1040–1105), чьи комментарии к Библии и Талмуду считались особенно авторитетными, кратко прокомментировал этот стих: «Если бы мы попытались писать, мы не могли бы этого сделать». Цитируется по онлайн-источнику. URL: http://www.chabad.org/library/bible_cdo/aid/16473/showrashi/true (дата обращения: 20.06.2023). Современный иудейский комментарий см. [Fox 2004: 85]: «Написанию книг премудростей не видно конца, и читателя могут переполнить содержащиеся в них идеи». Благодарю Адину Йоффи и Магду Тетер за помощь в этом вопросе.

¹³ Гуто Сен-Викторский (1096–1141) цитировал этот стих, защищая умеренность в обучении, см. [Hugh of St. Victor 1961: V.7, 130].

¹⁴ Сигер написал «Turn, Turn, Turn» в 1954-м и выпустил песню в 1965-м; см. [Dunaway 1981: 273]. Сегодня это стихотворение размещают на многих религиозных сайтах, подчеркивая, что мудрость написанного актуальна и сегодня.

после основания Александрии в 331 году до н. э. египетские фараоны из династии Птолемеев задались целью собрать копии всех произведений, когда-либо сочиненных на греческом языке, в царской библиотеке, которая предназначалась в основном для ученых, работавших в находящемся неподалеку Мусейоне. Фараоны прибегали к весьма агрессивному методу: конфисковывали рукописи, найденные на прибывающих кораблях, после чего их владельцам возвращались наскоро сделанные копии, а оригиналы оставались в библиотеке. Легендарная Александрийская библиотека в древности считалась величайшей в мире, хотя по ее образцу были устроены и другие крупные библиотеки. Размер собранной в Александрийской библиотеке книжной коллекции оценивался в разное время по-разному. Сейчас принято говорить о приблизительно 500 000 папирусных свитков. Общее количество произведений было меньшим, так как свитки вмещали меньший объем текста, чем более поздние кодексы, и многие сочинения занимали несколько свитков (или томов¹⁵). Разрушение Александрийской библиотеки также стало легендарным событием. Оно завершилось примерно к V веку н. э. и было скорее результатом постепенного ряда событий, чем следствием одномоментной катастрофы. Большинство текстов, созданных в Александрии, были утрачены: ученые, активно работавшие в библиотеке и Александрийском мусейоне, готовили издания произведений Гомера и других греческих авторов, а также комментарии к ним, писали научные исследования по астрономии и медицине, составляли разного рода лексикографические труды (посвященные, например, редким словам, диалектным вариантам слов или терминам, использовавшимся Гиппократом) [Raven 2004: 12–18; MacLeod 2004: 8–10, 102; Jacob 1996: 58–59].

Собрание такого большого количества книг потребовало составления биобиблиографии греческой литературы, основанной на обширных собраниях библиотеки, — вероятно, первого масштабного справочного сочинения. «Pinakes» (букв. «Списки»,

¹⁵ В оригинале «volumes»: англ. volume происходит от лат. volumen, значившего буквально 'свиток' (от глагола *volvere* 'вращать'). — *Примеч. науч. ред.*

от греческого *pinax* — «табличка для письма, список, перечень») изначально состояли из 120 свитков, однако от их текста сохранились только фрагменты, известные из цитат у других античных авторов. Из них мы знаем, что отдельные записи «*Pinakes*» содержали биографическую и достаточно сложную библиографическую информацию, включая название, первые слова текста, сведения о количестве строк в каждом произведении, которые классифицировались по жанру или области науки; имена авторов внутри каждой категории, а также названия работ отдельного автора, вероятно, располагались в алфавитном порядке [Holtz 1997: 473; Daly 1967: 22–23].

«*Pinakes*» не были ни инвентарной описью, ни полным каталогом библиотеки: в них не содержалось перечня всех экземпляров произведений, имевшихся в библиотеке, не было и каких-либо указаний на местоположение отдельных книг — чтобы получить к ним доступ, необходимо было обращаться к библиотекарю. «*Pinakes*» опирались на существовавшие к тому времени практики составления списков (включая «каталоги» поэтов у Аристотеля), классификации (например, в доксографическом труде Феофраста¹⁶ использовалось тематическое и хронологическое расположение материала), а также применения алфавитного порядка — все эти принципы были, скорее всего, уже известны, но никогда еще не применялись в таких масштабах [Blum 1991: 226–239; Daly 1967: 94; Witty 1958; Schmidt 1922: 90–91].

Для создания «*Pinakes*» требовались многочисленные подготовительные этапы, включавшие инвентаризацию библиотечных фондов и составление промежуточных черновиков для сортировки записей по темам и по алфавиту [Daly 1967: 85–90]. Труд, получившийся в результате, приписывают одному человеку — Каллимаху, жившему в Александрии примерно в 280–240 г. до н. э., — но, несомненно, он предполагал совместную работу многих сотрудников Мусейона: ученым помогали многочисленные секретари, которые писали под диктовку и делали копии

¹⁶ Имеется в виду сочинение «Мнения физиков». — *Примеч. науч. ред.*

[Irigoin 2003]. Каллимах больше всего известен сегодня как автор высказывания «большая книга — большое зло» (*mega biblion, mega kakon*), но этот афоризм, вероятно, был частью аргументации в защиту коротких лирических и элегических стихотворений, которые он писал, предпочитая их традиционно более престижным многословным эпическим поэмам [Callimachus 1949–1953, I: № 465]. Эти предпочтения не помешали Каллимаху создать (выступая главным редактором, как сказали бы мы сегодня) одно из крупнейших произведений своего времени — инструмент, позволявший работать со всем изобилием текстов, собранных в библиотеке. Александрийские филологи были далеки от того, чтобы жаловаться на информационную перегрузку. Их, казалось, приводила в восторг амбициозность задачи — необходимости справиться с постоянно растущим многообразием книг.

Аналогичный энтузиазм по поводу накопления информации отмечался в деятельности древнегреческих полиграфов (*polygraphoi*)¹⁷. Самым плодовитым из них был Дидим — С медным нутром, или Дидим — Не помнящий своих книг¹⁸, живший в первом веке до нашей эры в Александрии; по имеющимся данным, он написал более 3500 книг. Даже с учетом неоднозначности термина «книга», который мог относиться к одному свитку или ко всему произведению, состоящему из многих свитков, мы можем предположить, что сочинительство в таких гигантских масштабах представляло собой в основном переписывание и компилирование. И мы ничего не знаем об инструментах организации данных, которые для этого использовались¹⁹. Поскольку сохранились лишь немногие сочинения полиграфов, нам приходится полагаться главным образом на античные док-

¹⁷ Букв. автор, «пишущий много» или «о множестве предметов». — *Примеч. науч. ред.*

¹⁸ Букв. перевод греческих эпитетов Chalkenteros и Bibliolathas. — *Примеч. науч. ред.*

¹⁹ В 88-м «Письме» Сенеки сообщается о 4000 книг авторства Дидима, в «Пире мудрецов» Афиней (4, 139) — о более чем 3500 книгах. О значении термина «книга» см. [Grafton, Williams 2006: 10–12].

сографии, в которых собраны жизнеописания и мнения философов. Так, например, Диоген Лаэртский (III век н. э.) сообщает, что Феофраст написал 300 книг, общее количество строк в которых равнялось 232 808, Хрисипп — 75, Варрон — 74 сочинения в 620 книгах. Педагоги раннего Нового времени использовали эти свидетельства, чтобы поощрять учеников делать читательские заметки, которые помогут им писать так же много²⁰.

Одним из хорошо сохранившихся образцов античной полиграфии (хотя и умеренного масштаба — в нем «всего» 38 книг) является «Естественная история» Плиния Старшего (23–79 н. э.), автор которой хвастается, что собрал около 20 000 фактов (res), почерпнутых из 2 000 томов, написанных сотней авторов. Работа Плиния была частично известна в раннем Средневековье (благодаря сокращенным изложениям разделов, посвященных медицине и географии, которые составили, соответственно, Серен и Солин), а ее полная версия получила распространение начиная с XII века²¹. «Естественная история» Плиния создавала мощный противовес взглядам Сенеки благодаря обилию собранной в ней информации и долго считалась образцом энциклопедического труда. В эпоху Возрождения приверженцы идеи коллекционирования книг и их содержания часто цитировали афоризм, который своему дяде приписывал Плиний Младший: тот якобы «говорил обыкновенно, что нет такой плохой книги, в которой не нашлось бы чего-нибудь полезного» (Плиний Младший: III.v (письмо Квинту Бебию Макру) в [Pliny the Younger 1969, I: 176–177]). Хотя племянник описал рабочие привычки Плиния Старшего с некоторой долей недоумения, гуманисты и педагоги раннего Нового времени усвоили у него принцип обширного и обильного чтения и практику выписок из книг.

²⁰ Диоген Лаэртский: V, 42–50 в [Diogenes Laertius 1938, I: 489–503 (Theophrastus)]; VII, 180–202 в [Diogenes Laertius 1938, II: 289–319 (Chrysippus)]. Упоминания этих и других полиграфов раннего Нового времени см. [Drexel 1638: 46, 65; Liberius 1681: 7–8].

²¹ Предисловие, 17, in в [Pliny the Elder 1967, I.: 12–13]. О рецепции Плиния см. [Borst 1994: гл. 2, 4, 6]. Об античном энциклопедизме см. [Doody 2009; Köönig and Whitmarsh 2007].

«Естественная история» Плиния выделяется среди сохранившихся античных произведений тем, что первый ее том состоит из подробного оглавления. Скорее всего, Плиний составил его, чтобы облегчить поиск конкретных данных, хотя в основном он располагал материал ассоциативно, в расчете на последовательное чтение. Возможно, в те дни оглавление у Плиния не казалось таким уникальным, каким оно представляется сегодня: следует учитывать, что инструменты поиска в начале книги, то есть на наружных слоях свитка, с высокой степенью вероятности могли разрушаться и утрачиваться [Doody 2001]²². Еще одним дошедшим до нас образцом является оглавление книги Авла Геллия «Аттические ночи» (ок. 180 года), которое позволяло осуществлять поиск по тексту, ставя под сомнение утверждение самого автора о том, что его сочинение является случайным набором читательских заметок. Недавнее исследование показало, что «смесь» Геллия тщательно организована так, чтобы служить своего рода введением в корпус греческой и римской литературы, знакомство с которым стремился продемонстрировать каждый образованный римлянин. Многие античные и позднеантичные тексты дошли до нас хотя и без оглавлений, но снабженные заголовками (*tituli*) и резюме (*capitula*) к каждой книге или каждому разделу, что облегчало доступ к отдельным частям сочинения. Хотя мы не можем сказать с уверенностью, когда именно они появились в книгах и какие изменения в отношении них происходили в рукописной традиции, недавние исследования в этой области позволили обнаружить их наличие в некоторых папирусах [Gellius 1946, I: xxxviii–lxii]²³.

Сложности текстовой традиции являются серьезным препятствием для изучения других античных инструментов организации растущего изобилия текстов. В нормальных условиях папирусы разрушаются естественным путем в течение менее чем двухсот лет (Плиний Старший: XIII.26.83, в [Pliny the Elder 1967, IV:

²² О начальных частях свитков см. [Holtz 1997: 472].

²³ О «*tituli*» см. [Petitmengin 1997], о поэтических произведениях см. [Schröder 1999].

148–149])). Следовательно, для того чтобы текст дошел до потомков, он должен был быть переписан, и не один раз, еще в античный период; в конце концов его переносили на более долговечный пергамен, который начали массово использовать с переходом от свитка к кодексу во II–IV веках. В отличие от папирусных свитков, пергаменные рукописи могли пережить столетия забвения, а затем снова вернуться в обращение. Поэтому гуманисты XV–XVI веков приходили в восторг, обнаружив пергаменные манускрипты с античными текстами, надолго погребенные в монастырских библиотеках; но в то же время они ясно осознавали, что существовало еще огромное множество античных текстов, рукописи которых им не удавалось найти. В самом деле, переписчики раннехристианского периода сохранили лишь небольшую часть античной литературы. Разумеется, они могли копировать только доступные им тексты, в то время как многие более древние сочинения, которые не переписывались в предшествующие века, уже были утрачены. К тому же многие переписчики работали в монастырях и обычно копировали произведения, которые представлялись им полезными для преподавания или изучения или же заслуживающими сохранения вследствие их репутации среди языческих авторов. Полагаясь на эти критерии, переписчики вряд ли стали бы выбирать книги, которые представлялись скорее рабочими инструментами, чем изящно отделанными произведениями.

О существовании таких инструментов мы можем лишь предполагать по характеру некоторых сохранившихся текстов. Один ученый, например, утверждал, что Афинея, сочиняя свой «Пир мудрецов» (*Deipnosophistae*, ок. 192 н. э.), опирался на сборники литературных цитат. Пятнадцать томов этого произведения (возможно, изначально их было тридцать) наполнены сложными литературными аллюзиями и игрой слов, пересыпаны точными, а часто и дословными цитатами: едва ли все они могли быть приведены по памяти. Ученые вроде Афиней и изображенных им эрудированных собеседников, возможно, полагались на словари и лексиконы, в которых отрывки из произведений и комментарии располагались по тематическому принципу. Некоторые из этих

учебных инструментов представляли собой личные записи, в то время как другие циркулировали внутри небольших групп друзей. Афиней цитирует некоторые из тех, что, вероятно, были опубликованы (то есть выпущены в обращение их составителями), однако ни один из них не сохранился [Jacob 2001]²⁴. Сделать вывод о существовании в античный период сборников цитат на греческом языке мы также можем по дошедшим до нас более поздним компиляциям, таким как четыре книги «Эклог» и «Антологии» Стобея, составленные в начале V века и, возможно, многим обязанные уже существовавшим компиляциям [Stobaeus 1884–1912]²⁵. Одним из крупных достижений в деле организации информации в поздней Античности стали составленные Евсевием (260–339 н. э.) десять книг церковной истории, над которыми он работал при поддержке большого штата сотрудников, помогавших делать выдержки из огромного количества книг, хранившихся в Библиотеке Кесарии. Это произведение дошло до нас целиком, включая хронологические таблицы, в то время как многие другие научные работы, созданные в Кесарии, сохранились лишь частично или не сохранились вовсе. Так, например, знаменитое многоязычное издание Библии раннехристианского периода — «Гекзаплы» (Hexapla²⁶) Оригена (185–255 н. э.) — в котором в шести колонках были расположены различные версии текста Ветхого Завета (на древнееврейском и в различных греческих переводах), сохранилось лишь во фрагментах²⁷.

Объемные книги особенно страдали при переписывании, поскольку для изготовления каждой копии требовалось значительно больше ресурсов, чем для небольших книг. «Естественная

²⁴ Среди трудов, цитируемых Афинеем, были *гlossы* Селевка, Никандра, Главкона, Памфила, Клитарха; «Критские гlossы» Хермона; «Аттические имена» Филемона; см. [Jacob 2001: lxxviii]. Из словарей, изданных в III веке н. э., известны работы Поллукса из Навкратиса, Фриниха, Мерида, Геродиана, о которых см. [Johnson S. 2006: 185–195].

²⁵ О византийских флорилегиях и их источниках см. [Wachsmuth 1971].

²⁶ Греч. hexapla от hexaploos ‘шестикратный’. — *Примеч. науч. ред.*

²⁷ О Евсевии и книжном деле в Кесарии см. [Grafton, Williams 2006; Arns 1953].

история» Плиния, например, была лишь одним из многих энциклопедических трудов, опубликованных на рубеже старой и новой эры, наряду с сочинениями Варрона и Цельса, среди прочих. Однако сохранилось только произведение Плиния: как считает один исследователь, это стало возможно главным образом благодаря поддержке императора Веспасиана, которому Плиний сумел угодить умело составленным посвящением [Murphy 2004: 195–196, 212]. Гуманисты обсуждали утрату крупных произведений Античности. Некоторые считали основной ее причиной существование в тот период кратких изложений этих трудов, которые распространялись вместо оригиналов, вытесняя их. Эразм особенно сетовал на утрату большей части римской истории Тита Ливия — «От основания города» (*Ab urbe condita*) (сохранились только 36 из 142 книг оригинала) — обвиняя в этом «Эпитому» Луция Аннея Флора, распространение которой пришлось на середину II века н. э. [Hornblower, Spawforth 1996: Florus (1)]. Эразм ссылаясь на утверждения «некоторых латинских ученых», которых мне не удалось идентифицировать. В 1685 году один автор отверг идею о том, что незначительное по объему краткое изложение, составленное Флором, могло привести к отказу от оригинального текста столь значимого сочинения, каким была история Ливия, однако в одном из случаев современные ученые посчитали существование подобной практики вероятным (Адагии: III.1.1 (*Herculei labores*, «геркулесов труд») в [Erasmus 1964: 197–198])²⁸.

Наиболее эффективно разработанными технологиями организации информации, которые античные авторы передали в наследство латинскому Средневековью, были реферирование и компиляция. Составление аннотаций использовалось на протяжении всего античного периода для сокращения материалов, которые необходимо было усвоить: от пересказов сюжетов аттических пьес (IV век до н. э.) до эпитом и кратких изложений длинных прозаических произведений. Масштабные компиляции

²⁸ Критику см. в [Baillet 1685: I.11, 453, 457–458]. О возможности утраты произведения в результате включения в антологии см. [Bowie 1997: 66].

становились доминирующей формой литературной деятельности, особенно начиная со II века, как на латыни (Плиний и Валерий Максим еще в I веке, Авл Геллий), так и на греческом (Элиан, Афиней и, много позже, Стобей), а также среди христиан (например, «Строматы»²⁹ Климента Александрийского, ок. 200 года н. э.)³⁰. Литературные смеси стали привлекательны для культурной элиты в ту эпоху, когда «объем написанного на греческом и латинском языках превысил пределы читательских способностей любого обычного человека (не говоря уже о возможностях памяти)» [Holford-Strevens 2003: 28]³¹. Практика компилирования заняла центральное место и в других жанрах, таких как собрание жизнеописаний (Диогена Лаэртского, Евсевия, Иеронима), книги чудес или парадоксов, как в языческой, так и в христианской литературе. Компиляция и реферирование стали главными методами написания иудейских и христианских религиозных текстов, от «Второзакония» до Евангелий от Матфея и от Луки, использующих Евангелие от Марка и другие источники [Johnson S. 2006: гл. 2, 86–89]. Аналогичным образом, кодификация римского права, порученная императором Юстинианом (527–565 н. э.), предполагала сокращение примерно 1500 существовавших работ по римскому праву до пятидесяти тематически упорядоченных книг («Дигест» (Digesta) или «Пандектов» (Pandectae)). Тридцать девять ученых работали на протяжении четырех лет, собирая источники, часто фрагментарные, а затем отбирая и обобщая то, что показалось им ценным, устраняя повторы и противоречия и систематизируя полученный материал. В результате «Дигесты» Юстиниана сохранили многое из раннего римского права, но одновременно способствовали утрате того, что в них не вошло, поскольку Юстиниан запретил все другие своды законов [Roby

²⁹ Греч. *strōmata* букв. 'плетеный ковер', 'покрывало'. — *Примеч. науч. ред.*

³⁰ [Hornblower, Spawforth 1996: s.v. «hypothesis», «periocha», «epitome», «Clement of Alexandria»]. Благодарю Кристофера Джонса за консультации по этому вопросу. О «hypothesis» к пьесе Эсхила «Агамемнон» см. [Witty 1973: 195].

³¹ Цитирует Квинтилиана (1.8.18–21) и Сенеку (Нравственные письма к Луцилию, 88.37).

2000]. К тому времени, когда латинский Запад утратил представление о греческих текстах, написанных в этих жанрах, из-за падения уровня образования в империи, всё больше покоряемой захватчиками и разделенной на Восточную и Западную, формы накопления и обобщения информации уже настолько глубоко укоренились в латинской культуре, что их преемственность была гарантирована.

В общем и целом ученые в разных областях античного мира, таких как Александрия Каллимаха, Рим Плиния и Кесария Евсевия, собирали информацию в огромных количествах и разрабатывали новые методы, позволявшие справиться с изобилием книг и текстов. По ряду причин (таких как трудности рукописной передачи, особенно для больших работ, утрата владения греческим языком) многие образцы античных методов управления информацией не были переданы непосредственно латинскому Западу. В то же время крупнейшие библиотеки Восточной Римской империи в эллинистический период подражали «Pinakes» и способствовали распространению алфавитного порядка в византийских лексикографических трудах [Blum 1983; Keaney 1973]. И хотя один из поздних лексиконов — «Суда» (Suda) — был хорошо известен гуманистам, память о самих «Pinakes» на Западе оставалась утраченной, даже несмотря на открытия, сделанные гуманистами: Конрад Гесснер не упоминает их в своем опыте универсальной библиографии, опубликованном в 1545 году, называя из сочинений Каллимаха только поэтические произведения [Gesner 1545: 160r–v]. Аналогичным образом, какие бы сборники и глоссарии ни создавались учеными в окружении Афиней (и, возможно, других авторов), они стали известны только из более поздних компиляций, для которых, возможно, служили источниками и образцами. Пожалуй, только один из них — Стобей — был заново открыт гуманистами и провозглашен образцом упорядоченного собрания цитат в латинском переводе Гесснера, впервые опубликованном в 1543 году [Gesner 1559: сигн. b2v]. Техники компилирования и реферирования были известны в Средние века не только из латинских трудов Античности и поздней Античности, включая Плиния, но также из сочинений

Бозция (480–524) и энциклопедических компендиев Кассиодора (490–585) и Исидора Севильского (600–636). Только одно античное произведение, «Аттические ночи» Авла Геллия, непосредственно вдохновило ученых эпохи Возрождения на создание нового справочного жанра — собрания случайным образом расположенных комментариев, снабженного одним или несколькими указателями (см. об этом подробнее в главе 3). Знаменитым образчиком этого жанра были «Пословицы» («Адагии») Эразма, долго сохранявшие актуальность, однако в конечном счете он не оказал значительного влияния на методы управления информацией после XVI века.

Хотя многие античные справочные инструменты были утеряны и не дошли до более поздних периодов, наследие Античности — то есть то, что, по мнению схоластиков и гуманистов, было воспринято из классической эпохи, — представляло собой набор влиятельных и разнообразных прецедентов и утверждений, которые можно было использовать для обоснования двух типов реакции на информационный бум³². С одной стороны, на Сенеку (и Гиппократу, которого он цитировал) можно было сослаться, защищая идею концентрации внимания на небольшом количестве источников, при которой вне поля зрения оставалось огромное количество книг, которые считались «плохими». С другой стороны, пример Плиния и его энтузиазм в сборе информации, память об Александрийской библиотеке и новые интерпретации изречения Гиппократу еще чаще использовались (иногда и в Средние века, но особенно часто в эпоху Возрождения) для обоснования накопления больших объемов информации, в том числе выписок из текстов. Гуманисты, таким образом, могли обращаться к Античности, чтобы обосновать развиваемый ими подход к информационному буму, даже если на практике они часто полагались на техники управления информацией, впервые разработанные в XIII веке. Но в то же время, по мере того как в эпоху Возрождения филологи открывали многообразие некогда существовавшей античной литературы, они приходили к выводу

³² О разнице терминов «наследие» и «наследство» см. [Buckland 1999].

о том, сколь ненадежна передача человеческих знаний, часто сопровождающаяся их повреждением или полной утратой. В результате ученые раннего Нового времени с особенным рвением относились к сохранению информации: они пытались обеспечить ее, составляя сводные труды, делясь информацией с другими учеными в рукописях и печатных книгах, а также поощряя создание богатыми вельможами и влиятельными людьми крупных библиотек.

Сравнительная интерлюдия: Византия, мусульманские страны и Китай

Во многих культурах воспроизведение древних источников стимулировало накопление старых и новых текстов и появление эффективных способов их сортировки, хранения, отбора и обобщения. При рассмотрении проблемы изобилия текстов и управления им за пределами латинского Запада я хотела бы отметить сложность и разнообразие взаимоотношений между различными культурными факторами и технологиями, такими как устная и письменная передача, бумага и книгопечатание, влиявшими на формирование методов управления информацией. Ни само по себе изобилие текстов, ни инструменты для поиска информации не были явлениями, уникальными для латинского Запада. Мы сможем лучше понять, какие нововведения были специфическими для Европы раннего Нового времени — самым известным из них стало коммерческое использование печати подвижными литерами, — если изучим инструменты, применявшиеся в других культурных контекстах. Византия, мусульманские страны и Китай взяты мною в качестве основных областей для сравнения не только в силу хорошей изученности энциклопедических традиций в этих культурах, но и потому, что недавние исследования по истории книжного дела позволили установить ряд факторов, сформировавших подход к книжным технологиям, характерный для каждой из этих стран. Очевидно, что книгопечатание сперва начало развиваться в Китае (VIII век)

и лишь значительно позднее (в 1795 году) пришло в мусульманские страны (сменившие покоренную к тому моменту Византию), однако в каждом случае в создании и передаче текстов и справочных инструментов были задействованы несколько технологий (включая рукописную и устную передачу). Сравнительное изучение справочных инструментов в других культурах опровергает любые утверждения о том, что для эффективного управления информацией совершенно необходимы книгопечатание или какие-нибудь другие современные технологии, присущие западному миру.

ВИЗАНТИЯ

В отличие от латинского Запада, утратившего контакт с греческими источниками и переживавшего эту утрату, Восточная Римская, или Византийская, империя никогда этого контакта не теряла и непрерывно продолжала создавать комментарии к произведениям греческих классиков, начиная с Гомера. В мусульманском мире взаимодействие с Византией стимулировало перевод книг греческих философов на арабский язык в IX–X веках: эти переводы определили форму развития мусульманской философии и институтов высшего образования. Далее, распространение бумаги, происходившее приблизительно в то же время, но в обратном направлении — из Китая в мусульманские страны — и начавшееся в конце VIII века, приводило к замене как более хрупкого папируса, так и более дорогого пергамента и способствовало стремительному росту числа рукописей. В Византии бумага была преимущественно привозным товаром. В результате она оставалась относительно дорогой и использовалась наряду с пергаментом на протяжении всего XII века [Bloom 2001: 204–205]³³.

Несмотря на языковую преемственность, образование в Византии переживало упадок с VII по IX век, совпавший с напряжением, вызванным распространением ислама и внутренними

³³ Критику недостатков пергамента (в том числе излишнего веса и способности удерживать влагу) в IX веке см. в [Jāhiz 1969: 211–212].

противоречиями, связанными с иконоборчеством. С конца IX века возрождение образования в Византии дало новый толчок изучению классических текстов и написанию новых, позволивший, в частности, продолжить давнюю традицию комментариев, или схолий, к произведениям Гомера [Wilson 1983]. Император Константин VII Багрянородный (905–959), один из покровителей этого возрождения и автор множества трактатов (по истории собственной династии, о военных кампаниях и управлении империей), заявлял о необходимости поиска всех греческих произведений, когда-либо созданных в населенном людьми мире (ойкумене), с тем чтобы отобрать из них полезные составляющие:

За множество веков произошло бесчисленное множество событий и было сочинено бесчисленное множество книг. <...> Поэтому Константин постановил, что для общего блага и для нужд повседневной жизни полезнее всего было бы активно искать и собирать со всех уголков ойкумены книги любого рода по самым разным областям знания. Затем всю громаду написанного, о которой трудно даже думать, следовало разделить и разбить на фрагменты, чтобы то полезное, что она содержит, стало доступно всем; выбор текстов должен был привлечь особенное внимание тех, кто изучает литературу³⁴.

Для Константина избыток книг был результатом их последовательного накопления на протяжении столетий. Лучшим лекарством было составление компиляции избранных фрагментов: по этому пути он пошел в своих «экклогах», разделенных на пятьдесят три тематических раздела, тексты в которых при необходимости могли изучаться более пристально [Porphyrogenitus 1617]³⁵.

Более необычным произведением, созданным в ответ на избыток текстов греческой литературы, была «Библиотека» Фотия (810–893), высокопоставленного чиновника из Константинополя, который, прежде чем отправиться на опасное дипломатиче-

³⁴ Пер. по: [Lemerle 1966: 605].

³⁵ О предпочтении византийцами интенсивного чтения см. [Cavallo 2006: 70–71].

ское задание, по просьбе своего брата написал комментарии примерно к 280 прочитанным им книгам. Для каждой книги Фотий указал имя автора, название, привел краткое содержание, а также дал собственную оценку сочинения: формат его комментариев сравнивали с рецензиями на книги, впервые появившимися в литературной периодике в конце XVII века. Заметки различались по длине и занимали от нескольких строк до семи-десяти страниц, их общий объем составил около 500 000 слов. Фотий упоминает, что писал в спешке и по памяти, с помощью секретаря и не пытаясь упорядочить информацию; однако он, возможно, использовал ранее сделанные заметки, особенно о книгах, которых не было в его личном собрании. В «Библиотеке» рассматриваются многие древнегреческие и византийские произведения, которые были впоследствии утрачены, в том числе несколько книг, которые можно считать справочниками, — хронологический труд Флегонта из Тралл (II век н. э.) и «Исторические записки» Памфила, женщины-ученого, жившей во время правления Нерона (I век н. э.) [Photius 1994: 17–18; Treadgold 1980: 97].

Еще большие масштабы имел лексикон «Суда», предназначенный, несомненно, для наведения справок; он был составлен неизвестным автором в конце X века на основе множества лексикографических и историографических компиляций эпохи Византийского возрождения (в том числе эклог Константина VII). «Суда» был энциклопедическим словарем внушительного объема — 31 342 статьи и более 1,5 млн слов, — включающим историческую, биографическую и лексикографическую информацию; статьи в нем расположены в алфавитном порядке заголовочных слов, которыми могут быть как нарицательные, так и собственные имена. «Суда», являвшийся, возможно, сочинением группы авторов, рассматривал с позиций православного христианства греческую и римскую литературу от античных времен до середины IX века [Baldwin 2006]³⁶. Полный греческий конкорданс

³⁶ Согласно моим подсчетам, в словаре «Суда» [Suda lexicon 1986] 5755 страниц, в среднем 15 строк латинского текста на странице и 18 слов в строке.

к тексту Библии, по имеющимся данным, был составлен монахом-базилианином Евталием Родосским примерно в 1300 году, но никогда не издавался в печатном виде (и не был известен Гесснеру) [Mangenot 1899: стлб. 901]³⁷. Доступность византийских трудов ученым латинского Средневековья, вероятно, недооценивается: например, Роберт Гроссетест (1175–1253) перевел, для личного пользования, значительную выборку текстов из «Суды». Тем не менее именно гуманистам мы обязаны более широким распространением справочной литературы византийского периода. Словарь «Суда» был впервые напечатан в 1499 году, а «Библиотека» Фотия — в 1601-м, хотя Гесснер, высоко ценивший оба сочинения, выражал надежду на издание «Библиотеки» примерно пятьюдесятью годами ранее³⁸.

МУСУЛЬМАНСКИЕ СТРАНЫ

Мусульманские страны также столкнулись с чрезмерным изобилием текстов, причиной которого стали переводы греческих сочинений и развитие дисциплин, занятых изучением Корана. Религиозные тексты изначально передавались главным образом путем устных наставлений в мечетях (начиная с VII века) и многочисленных медресе (особенно начиная с XI века). Устная передача считалась существенной для правильного понимания религиозных текстов, учитывая потенциальную неоднозначность записи без обозначения гласных. Ученики приезжали издалека и платили большие деньги, чтобы изучить текст с авторитетным учителем; «свидетельство о прослушивании», которое получали ученики, давало им право обучать пройденному тексту других. Учителя и ученики изначально полагались только на неформаль-

³⁷ Мне не удалось найти упоминаний о нем ни в каких других источниках. Обсуждение энциклопедического труда, составленного в этом историческом контексте, см. в [Trombley 1997].

³⁸ [Dionisotti 1990; McEvoy 2000: 115–116]; Suidas, *Lexicon graecum* (Milano, 1499); Photius, *Bibliotheca* (Augsburg, 1601); также вышел латинский перевод, сделанный иезуитом Андреасом Схоттом [Photius 1606]; упоминания в «Библиотеке» Гесснера см. [Gesner 1545: 562r–v, 604v–605r].

ные рукописные заметки, которые использовали как вспомогательный инструмент при преподавании и заучивании произносимых вслух текстов, но давление со стороны халифов, а затем и рост аудитории культурных читателей стимулировали начавшуюся в IX веке публикацию «книг», содержащих религиозные и светские сочинения [Schoeler 2009]³⁹. Например, в IX веке было издано большое собрание хадис, авторитетных высказываний, которые цитировались вместе со списком источников, имевшим устойчивую тенденцию к удлинению; высказывания располагались по содержанию, благодаря чему нужный текст было легче найти, если пользователь книги не хотел полагаться на свою память [Makdisi 1981: 104; Makdisi 1990: 214]. К светской литературе относились *фалсафа* (*falsafa*), сосредоточенная на темах древнегреческой натурфилософии и астрономии, и *адаб* (*adab*), или гуманитарные дисциплины, такие как грамматика, риторика и поэзия на классическом арабском. Получать доступ к этим областям знания культурной элите позволяли различные жанры, например, тематические подборки историй и фактов, разного рода справочники, а также произведения, которые в западной историографии для удобства называются «энциклопедиями»: в них объяснялось соотношение между дисциплинами и кратко описывалось их содержание [Makdisi 1990: 88, 217 слл., 67–68]⁴⁰. Одним из факторов, мотивировавших составление таких компиляций, как и на латинском Западе, был страх утраты знаний: такую формулировку мы находим, например, у одного из ранних составителей сборников *адаб* — Аль-Джахиза (781–869) [Rosenthal 1947: 60].

Огромное число и многообразие книг, производившихся в контексте классической мусульманской культуры, центром которой был Багдад, отражено в библиографическом каталоге

³⁹ О традициях преподавания и образования см. [Makdisi 1990: 202–216; Rosenthal 1947: гл. 2, 6–7].

⁴⁰ Историографию исследований мусульманских энциклопедий на европейских языках см. [Endress 2006; Bisterfeldt 2002; Marzolph 1997; Van Berkel 1997; Van Gelder 1997; Guesdon 1996; Chapoutot-Remadi 1991; Pellat 1966].

«Фихрист», опубликованном в 938 году багдадским книготорговцем Ибн ан-Надимом. Это была первая попытка создания полной библиографии работ на арабском языке. Она включала десять разделов, посвященных отдельным дисциплинам или темам (сочинениям о письме, грамматикам, историкам, поэтам, философам и т. п.): их появлением мы обязаны классификации дисциплин Аль-Фараби (872–951). Задачей Ибн Аль-Надима было создание исчерпывающей библиографии. Он описал более 3500 авторов, перечислил все их сочинения, включая малозначительные и эфемерные тексты, атрибуция которых была неясна, а также книги, которые он не мог увидеть своими глазами и о которых собирал информацию у своих читателей. Возможно, Аль-Надиму было известно об опытах составления библиографий в Византии, например по сокращению «Именослова» (Onomatologus) Гесихия Милетского, созданному в конце VIII или начале IX века и цитировавшегося в качестве одного из источников «Суды». Большинство произведений, перечисленных в «Фихристе», не дошли до наших дней, однако неполный текст самого «Фихриста» сохранился более чем в одной рукописи и впервые стал известен европейским ученым в конце XVII века⁴¹.

Среди жанров справочной литературы, существовавших в мусульманском мире, алфавитный порядок использовали библиографии и библиографические словари, часто внутри тематических разделов или иной систематики. В словарях алфавитное расположение часто ориентировалось на последние, а не первые корневые буквы, вероятно, для удобства поиска рифм. Алфавитный порядок обычно не был строгим (учитывались только первые две буквы), а статьи об авторах по имени Мухаммед помещались первыми в списке имен, по причинам символического характера [Rosenthal 1947: 20 (библиография), 37 (Му-

⁴¹ См. биографический указатель на 200 страницах в [Ibn al-Nadīm 1970]. По моим подсчетам, английский перевод содержит 217 000 слов: 868 страниц, по 25 строк на странице, по 10 слов в каждой строке. См. [Wellisch 1986: 11 (сохранность источников), 31 (неизвестные сочинения), 9 (книги, которые не видел составитель), 37 (Гесихий)].

хаммеды)]⁴². Алфавитные указатели встречались главным образом в сборниках хадис, за пределами этого жанра в классическом исламе они не использовались. Возможно, причина была в том, что идеальной формой обучения считалось заучивание текстов на память. Оглавления были распространены больше [Makdisi 1990: 214; Rosenthal 1947: 39–40].

Опытные читатели могли искать в книгах необходимую информацию, не прибегая к указателям и оглавлениям, поскольку расположение тем в различных видах справочной литературы было традиционным и предсказуемым. Вот, например, что сообщает Аль-Джужджани, биограф знаменитого врача Ибн-Сины (Авиценны, 980–1037), о методе чтения, который использовал этот гениальный самоучка:

Одна из замечательных вещей, которые можно рассказать об Учителе, состоит в том, что за двадцать пять лет, которые я провел рядом с ним в качестве помощника и слуги, я ни разу не видел, чтобы, когда ему попадалась новая книга, он изучал ее от начала до конца. Вместо этого он сразу переходил к трудным местам и сложным проблемам и смотрел, что писал о них автор книги [Al-Juzajani 1974: 69]⁴³.

Хотя Аль-Джужджани описывает подход к чтению Авиценны как нечто исключительное, многие произведения, традиционно называемые «энциклопедиями», предлагали свод знаний, который легко было использовать для справок благодаря явному или предсказуемому расположению материала — по темам или другим систематическим образом.

Объем энциклопедий классического периода (IX–XI века) обычно не превышал одного тома (в более поздних печатных изданиях они уместались на нескольких сотнях страниц), однако во втором периоде энциклопедической деятельности (XIII–XV века) компиляции могли быть куда более объемными, и их авторы

⁴² О библиографических словарях см. [Al-Qadi 2006: 67 слл.]; о словарях см. [Blachère 1975: 21–30].

⁴³ Ссылка взята из [Mottahedeh 1985: 88–89].

использовали новые типы макета страниц для облегчения чтения этих произведений в справочных целях⁴⁴. В арабских манускриптах рано стали использовать разные цвета чернил для выделения заголовков и имен собственных среди других специальных терминов. В Египте начиная с XIII века использовались такие новые элементы дизайна рукописей, как иерархическое и нумерованное деление текста, колонтитулы, шрифты разного размера и цвета, оглавления. Так, например, в четырнадцатитомном учебном трактате для канцелярских служащих Ахмада Аль-Калкашанди (1355–1418), созданного в период Мамлюкского султаната в Египте, были использованы подробные оглавления и перекрестные ссылки, облегчавшие поиск по тексту книги, занимавшему 6500 страниц большого формата; также имелся и алфавитный указатель; в некоторых манускриптах структура и деление текста подчеркиваются с помощью разных цветов, отступов и различных шрифтов [Van Berkel 1997: 167–168]⁴⁵. Возможное влияние арабских рукописей на формирование похожих элементов рукописного дизайна в Европе XIII века — тема, заслуживающая тщательного изучения⁴⁶.

До постепенного внедрения книгопечатания после 1795 года мусульманская литература существовала исключительно в рукописях. Страх неточной передачи текста Корана (который запрещалось печатать до значительно более поздних времен), а также особенное значение письма и каллиграфии и высокопоставленное положение писцов помогают объяснить тот факт, что рукописные книги продолжали изготавливаться вплоть до XX века [Atiyeh 1995; Pedersen 1984]. Так же как и в Античности и в Византии, в мусульманском мире использование рукописной технологии

⁴⁴ Таковы, например, сочинения Ибн-Кутайбы (828–889), Ибн Абд Раббиха (860–940), а также Закарии аль-Казвини (ум. 1283) [Van Gelder 1997]. Английский перевод см. в [Ibn 'Abd Rabbih 2006]. См. также [Cheddadi 2006].

⁴⁵ Об использовании чернил разных цветов см. [Orsatti 1993: 282].

⁴⁶ Благодаря за это предположение Джонатана Блума и Шейлу Блэр. В [Ibid.: 325] отмечается, что ряд новаций в дизайне манускриптов появились сперва на востоке мусульманского мира, а потом распространились в западные области.

не препятствовало ни развитию полиграфии, ни написанию объемных и чрезвычайно многочисленных трудов (причем по истории мусульманской книги сохранилось относительно большее число текстовых и контекстуальных свидетельств). Например, религиозному автору Ибн-Асакиру (1105–1176) приписывают сто книг, некоторые из которых состояли из множества томов, как восьмидесятитомная «История города Дамаска», над переписыванием которой трудились в течение двух лет десять писцов [Rosenthal 1947: 2]. Когда Хаджи Халифа, известный также под именем Катиб Челеби (1609–1657), составил первую полную библиографию арабской литературы со времен написанного в XII веке «Фихриста», она насчитывала 15 007 расположенных в алфавитном порядке записей, содержавших в переводе на латынь 800 000 слов⁴⁷. Анализ дошедших до нас черновиков библиографии (Kashf) и прилагавшегося к ней биографического словаря (Sullam) показывает, что Челеби писал некоторые черновики на листках бумаги меньшего размера, которые склеивал вместе, а потом подклеивал к ним дополнительные вкладыши. Историки предполагают, что он также использовал листки бумаги для расположения материала в своих книгах в алфавитном порядке, который, что представляется необычным для того периода, был строгим, а не ограничивался только первыми одной-двумя буквами [Birnbaum 1997]⁴⁸. Никаких других примеров использования такого рода листков в мусульманском мире пока не обнаружено, и Катиб Челеби едва ли мог знать об их применении в Европе раннего Нового времени, то есть, возможно, он изобрел эту технологию самостоятельно.

Как и на латинском Западе, накопление чрезмерного количества текстов и в особенности кратких изложений и учебников вызывало у мусульманских ученых беспокойство. Врач Али ибн Ридван (988–1061) сетовал на то, что компиляции приводят

⁴⁷ Это было одно из первых произведений, напечатанных в Стамбуле. Я привожу данные моих подсчетов по изданию [Kâtip Çelebi 1835–1858]: 3724 страниц в шести томах, по 19 строк на странице и по 12 слов в строке.

⁴⁸ Благодарю за эту ссылку Кемаль Кафадара.

к «исчезновению и разрушению подлинно ценных составляющих медицинской науки». Похожим образом, но преследуя другие цели, ибн Джумай, врач двора Фатимидов в Египте XII века, рассуждая о передаче медицинских знаний, критиковал ранних христианских авторов за использование справочников и компендиев в ущерб изучению античных оригиналов, которому были по-прежнему привержены только мусульманские врачи [Rosenthal 1947: 61 (Ибн Ридван); Meyerhof 1984, 3: 172, 174]⁴⁹. Ибн Хальдун (1332–1406), который сам был весьма плодовитым ученым и историком, настойчиво говорил об отрицательных последствиях накопления «большого количества ученых книг» по каждой сфере знания, так как их невозможно было прочесть даже за всю жизнь. Он отмечал, что одним из последствий состояния перегрузки стало активное использование учебников, которое вредило научной деятельности и усвоению учениками правильных научных навыков [Ibn Khaldūn 2005: 414–416; Rosenthal 1947: 61]. Как и в Европе раннего Нового времени, накопление с течением времени чрезмерного количества книг не исключало жалоб на отсутствие копий конкретных произведений. Например, в XVII веке в Османской империи боязнь утраты книг, особенно посвященных нерелигиозным темам, привела к запрету экспорта рукописей [Rosenthal 1947: 20]⁵⁰.

Мусульмане использовали многие методы организации информации, широко распространенные в античные и византийские времена, — компиляции и краткие изложения, оглавления и предсказуемое тематическое расположение материала. Они также задействовали в библиографиях и библиографических словарях алфавитный порядок и специфические элементы макета страниц в манускриптах, чтобы облегчить использование книг в справочных целях. Эти инструменты в определенных случаях и контекстах были разработаны на высоком уровне, но оставались в распоряжении специалистов и не получали широкого распро-

⁴⁹ Благодарю за эту ссылку Уильяма Р. Ньюмана.

⁵⁰ О запрете см. [Hanebutt-Benz et al. 2002: 230]. Ср. [Yeo 2001: 93–94].

странения с течением времени⁵¹. Значение, которое придавалось заучиванию на память и передаче знания лично от учителя к ученику, ограничивало использование указателей. Поскольку рукописные труды распространялись в основном через личные контакты, для тех, кто уже постиг метод чтения необходимых для их занятий книг, указатели не были обязательным инструментом. В культуре, в которой вплоть до XVIII века полностью преобладала рукописная книга, толстые справочники едва ли могли стать предметом тиражирования, учитывая дороговизну и трудоемкость этого процесса⁵². Тем не менее благодаря мотивации ученых и интересу со стороны читателей-специалистов в мусульманском мире Средневековья и раннего Нового времени возникло примечательное многообразие справочной литературы, некоторые образцы которой имели огромный объем. Благодаря впечатляющей культурной и языковой преемственности многие из этих произведений, причем не только библиографии, такие как «Фихрист» и «Кашф», но также энциклопедические компендии, доступны нам сегодня в печатном виде и активно используются [Chapoutot-Remadi 1991: 267–280]⁵³.

КИТАЙ

Китайская традиция накопления текстов и создания вспомогательных инструментов для чтения развивалась вне контакта с латинской, греческой или мусульманской традицией (несмотря на то что такие технологии, как изготовление бумаги и пороха, пришли в эти культуры из Китая), но предоставляет ценный материал для сравнения, обнаруживающий как сходства, так и контраст [Burke 1996: 202]. Как и в других рассматриваемых культурах,

⁵¹ Цит. по: [Rosenthal 1947: 2; Makdisi 1990: 214].

⁵² На данный момент не существует инвентаря сохранившихся арабских манускриптов, на основании которого можно было бы систематически изучать распространение и количество рукописей отдельных произведений.

⁵³ Благодаря неизменности арабского языка их может читать широкий круг читателей, которых у этих произведений сейчас, вероятно, даже больше, чем в момент их написания.

в Китае система образования строилась вокруг изучения авторитетных текстов — конфуцианской классики, кодифицированной во II веке до н. э., — что породило огромное количество антологий, комментариев и компиляций. Как и в других культурах, эти жанры строились на сочетании отбора и реферирования существующих текстов с последующей сортировкой собранного материала, часто в традиционном тематическом порядке. Однако эти общепринятые методы организации информации складывались под влиянием множества институтов, уникальных для Китая. С одной стороны, императоры выступали заказчиками больших коллективных проектов по составлению антологий и организации литературной традиции, которые достигли беспрецедентных масштабов. С другой стороны, необходимость готовиться к экзаменам для государственных служащих вызвала появление большого количества коммерческих *лэйшу*, где были собраны цитаты, которые соискатели должностей могли использовать в своих ответах. Печать с деревянных досок — самый распространенный вид книгопечатания в Китае, замечательно приспособленный для логографического письма (хотя начиная с XI века иногда также использовался наборный шрифт), — облегчала издание книг небольшими тиражами, с последующей допечаткой, носившее децентрализованный характер⁵⁴. Развитие книгопечатания в Китае проходило постепенно и неравномерно, начиная от публикации буддийских текстов в VIII веке и вплоть до появления широкого диапазона книг популярных жанров, а также изданий, использовавшихся государственными органами, в XI–XIII веках. Несмотря на активное распространение книгопечатания в XII–XIII и XVI–XVII веках, представители ученой элиты никогда не переставали восхищаться каллиграфией и тщательно выписывали свои рукописные заметки (*biji*)⁵⁵.

⁵⁴ Европейская наборная печать, напротив, требовала больших первоначальных капиталовложений, которые должно было окупить издание максимального количества экземпляров книги, которое можно было надеяться продать. Превосходный сравнительный анализ см. в [Brokaw, Chow 2005: 3–54].

⁵⁵ О *biji* см. [Fu 2007].

Китайские императоры спонсировали занятия науками по крайней мере со времен династии Хан (206 до н. э. — 220 н. э.); составлялся специальный перечень книг, которые следовало хранить в императорской библиотеке. Тот факт, что 153 из 677 перечисленных в нем текстов дошли до наших дней, говорит о большом внимании, с которым относились к регулярному переписыванию текстов — сначала на бамбуковых свитках, затем, начиная со II века н. э., на бумаге [Loewe 1987: 6]. Самые старые сохранившиеся книги датируются только IX веком, а наиболее древние китайские тексты известны благодаря деревянным печатным формам, изготовленным в период правления династии Сонг (960–1279) или в более поздние периоды. Острое осознание хрупкости как печатных, так и рукописных книг, которые легко разрушались по естественным причинам, и особенно в результате войн, побуждало многих императоров заказывать составление больших компиляций. Объемные антологии обеспечивали наличие избранных текстов в императорской библиотеке, где ими могли пользоваться император и его придворные. Они также свидетельствовали о величии императора и давали ему определенный контроль над тем, какие произведения останутся в обращении, потому что для тех текстов, которые не были включены в императорские сборники, риск быть утраченными увеличивался⁵⁶.

Одна из наиболее ранних сохранившихся литературных коллекций была заказана императором Тайцзуном (976–997) из династии Северная Сун, который хотел ознаменовать окончание периода войн созданием антологии существующего литературного и научного знания. Группа государственных чиновников работала над проектом с 977 по 983 год, используя в том числе исторические хроники и энциклопедии предшествовавшей династии Тан. В результате появилась антология «Тайпин Юйлань» («Императорские дигесты времен правления великого покоя»), состоявшая из 1000 юаней — частей, анало-

⁵⁶ О китайских «энциклопедиях» см. [Establet-Bretelle, Chemla 2007; Monnet 1996a, 1996b, 1996c; Diény 1991; Bauer 1966].

гичных томам, в которых материал располагался с разбивкой более чем на 5000 заголовков, распределенных по 55 категориям. В печатном виде антология появилась только в XI веке, но уже до этого времени ее рукописи имелись в хороших частных библиотеках. Сын и последователь Тайцзуна Чжэньцзун (998–1022) организовал составление собственной антологии, в которую вошли темы, пропущенные его отцом [Kurz 2007; Bauer 1966: 681]. Следующей в списке крупнейших компиляций была «Энциклопедия Юнлэ» («Великая книга вечной радости»), заказанная императором династии Мин Чжу Ди, известным также как «император Юнлэ» (1402–1424). Энциклопедия содержит 370 млн иероглифов; ее составляли более 2000 государственных чиновников под руководством избранных интеллектуалов. Она была основана на текстах, созданных в предыдущие века; 400 из них известны только благодаря тому, что воспроизводятся в этом труде. В более чем 10 000 томах антологии 22 877 глав. Печатать ее было слишком дорого даже для императора, поэтому она осталась в рукописном виде; в XVI веке с нее были сделаны две поздние копии. Однако из-за утраты текста в прошедшие столетия до нас дошли только 865 глав, менее 4 процентов оригинала [Drège 2007: 31–32; Bauer 1966: 686]. В XVIII веке эту компиляцию превзошла по объему «Сыку цюаньшу», подготовленная по заказу императора Маньчжурской династии Цяньлуна, который дал своим чиновникам указание уничтожить все антиманьчжурские сочинения. Одновременно они собирали рукописи и книги из множества библиотек и изучали их на предмет включения в антологию. «Сыку цюаньшу» состояла из 79 000 глав, собранных в 36 000 томов, и была изготовлена в семи рукописных экземплярах, над которыми трудились более 3800 переписчиков с 1773 по 1782 год. Один из семи экземпляров сохранился нетронутым в Запретном городе, с него в 1980-е годы была изготовлена фотолитографическая копия, которая теперь доступна онлайн. Рукопись содержит 800 млн слов, лишь недавно ее смогла превзойти по объему английская «Википедия» (в которой на

июнь 2010 года насчитывался миллиард слов), однако в XVIII веке она оставляла далеко позади 15-е издание «Британской энциклопедии» с 40 млн слов⁵⁷.

Как видно по этим трем произведениям-рекордсменам, для крупнейших компиляций, изготовлявшихся под покровительством императоров, предпочитали рукописную форму. Но были и печатные императорские антологии, в самой объемной из которых, «Гуцзинь тушу цзичэн» («Собрание древних и современных книг и иллюстраций»), напечатанной в 1729 году медным наборным шрифтом (что было необычно и, возможно, происходило под влиянием иезуитов), насчитывалось 750 000 страниц. Были изготовлены только 64 экземпляра. Такой низкий тираж представлялся экономически обоснованным при использовании ксилографии, поскольку вырезанные деревянные блоки можно было сохранить и использовать в дальнейшем для изготовления новых оттисков, но когда речь шла о наборном шрифте (как в данном случае), следовало напечатать столько экземпляров, сколько было необходимо, чтобы окупить вложения в производство: после того как набор рассыпали, повторная печать требовала столько же трудозатрат, сколько и первый набор. Однако императорское финансирование, судя по всему, избавляло от необходимости соотносить издательские вложения с объемом продаж [Loewe 1987: 12–16; Monnet 1996b: 350]. Главным средством поиска в этих компиляциях служило оглавление, само по себе очень длинное (например, в «Энциклопедии Юнлэ» было 60 глав, в «Гуджин тушу цзичэн» — 40). Типы классификации варьировались от тематической (с такими рубриками, как небеса, земля, человек, церемонии и т. п.), до фонетической (как в «Энциклопедии Юнлэ», в которой заголовки группировались по рифмам и первым слогам) и графической (по расположению мазков кисточки или ключей иероглифов, что стало нормой для

⁵⁷ [Guy 1987]; URL: <http://eastasianlib.princeton.edu/skgs.htm>; URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Wikipedia:Size_comparisons; [Encyclopedia Britannica 1985: Указатель А–К, Предисловие].

словарей в XVIII веке) [Bauer 1966: 672–676; Monnet 1996a, 1996b; Bottéro 1996]⁵⁸.

Еще одним специфически китайским стимулом, давшим толчок для разработки учебной литературы, стало установление в период правления династии Тан (618–907) системы экзаменов для поступления на гражданскую службу, с помощью которой государственные служащие выбирались как на национальном, так и на местном уровне. Понятные социальные и финансовые преимущества, которые давала успешная сдача таких экзаменов, подпитывали рынок печатных вспомогательных материалов для подготовки к экзаменам, среди которых были сборники цитат признанных авторов, краткие изложения предметов, которые необходимо было изучить, и типовые сочинения. Успех этих жанров только усугублял проблему, которую они призваны были решить, но способствовал их дальнейшему успеху: по мере того как они помогали всё большему количеству претендентов подготовиться к экзаменам, экзамены всё больше усложнялись, отбор становился все более строгим, всё больше текстов требовалось заучивать наизусть (до 500 000 иероглифов): для этого создавались всё новые улучшенные пособия, которые приобретались и по которым занимались. Материалы для подготовки к экзаменам производились и продавались в огромных количествах вплоть до XIX века, когда эти жанры были дискредитированы и запрещены на том основании, что они поощряют жульничество [Monnet 1996a: 345–346]⁵⁹.

Одним из основных жанров литературы, предназначенной для подготовки к экзаменам, стали лейшу, или книги категорий, впервые выделенные в самостоятельный разряд в библиографии 945 года [Drège 2007: 21]. Лейшу были собраниями цитат, анекдотов и различной информация из широкого спектра источников; эти материалы помещались под тематическими заголовками

⁵⁸ Старейший китайский словарь, отнесенный к конфуцианской классике, классифицировал слова в соответствии с их значением по 19 тематическим разделам.

⁵⁹ Подробнее об экзаменах см. [Elman 2000].

и подзаголовками, так чтобы сдающий экзамены соискатель мог успешно заучить их и цитировать в своих сочинениях. Лейшу можно было читать целиком или использовать для справок. Появление в IX веке лейшу и другой справочной литературы (например, словарей рифм) совпало с изменением формата книг: на смену древним свиткам пришли тома, переплетенные «бабочкой», — аналог кодекса, удобный для справочного чтения [Cherniack 1994]. К XII веку в новом формате применялись различные элементы макета страницы, облегчающих использование книги в справочных целях, в том числе заголовки, маргиналии, колон-тителы по внешнему краю страницы или в ее центральной части с информацией о названии книги или главы, использование двух регистров для отделения текста от комментариев и аннотаций, расположенных ниже (или наоборот), шрифты разного размера и цвета. К XVI веку обеспокоенность по поводу читаемости страниц и разборчивости каждого иероглифа привела к стандартизации печати с использованием решетки по горизонтали и по вертикали, равно как и регулярного, более квадратного шрифта [Heijdra 2006: 20–21]⁶⁰.

В лейшу использовались различные тематические классификации, а также давались перекрестные ссылки; внутри отдельной темы авторы цитировались в порядке убывания авторитета: первые места были отданы конфуцианской классике. В результате лейшу были удобны для использования в справочных целях читателями, в достаточной мере усвоившими культурные коды. Большинство лейшу были коммерческими проектами, которые финансировались издателями в расчете на будущие продажи; объем их варьировался от одного до нескольких томов. Лейшу составляли ученые, часто работавшие группами; утверждалось, что наряду с литературными рекомендациями в них содержатся нравоучения [De Weerd 2007b; Elman 2007; Bol 1996]. Тексты в лейшу часто повторялись и копировались из других лейшу или

⁶⁰ Благодаря Брайди Эндрюс и Люсиль Чиа, ставших моими экскурсоводами по справочному отделу и коллекции редких книг в Библиотеке Гарвард-Йенчинг.

иных произведений без ссылки на источник. Учитывая простоту повторной печати со старых деревянных блоков и в то же время легкость внесения изменений в текст, а также низкий и непредсказуемый процент сохранности старых изданий, никто пока что не пытался оценить количество изданий лейшу и книг в целом, напечатанных в Китае до начала Нового времени. Также трудно установить тиражи отдельных книг. Во времена империи Сун обычно печатали 100–600 экземпляров, потому что спрос был еще невелик, при этом известно, что с одной деревянной формы можно печатать 10 000 экземпляров, прежде чем она потребует ремонта [McDermott 2005: 59, 78, 94 сн. 15]. В Европе книгопечатание получило стремительное развитие с 1450 по 1500 год; Китаю потребовалось несколько столетий (с VIII до XVI века) для распространения печатной книги. Однако когда это наконец произошло, во всех провинциях стало открываться бесчисленное множество типографий. В результате, по оценкам одного из историков, «в 1600–1800 годах в Китае напечатали больше экземпляров книг, чем где-либо еще в мире» [Elman 2007: 138].

Китайские ученые имели дело с необыкновенно продолжительной непрерывной традицией накопления текстов и привыкли изобретать различные инструменты для организации информации, от больших императорских антологий и компиляций, с одной стороны, до кратких учебных пособий, которые представляли собой лейшу, с другой. Оба решения становились предметом жалоб, особенно в тот период, когда книгопечатание впервые соприкоснулось с научной деятельностью, в правление династии Сун. Е Мэнде (1077–1148) жаловался на последствия появления императорских изданий классиков в 990–994 годах почти теми же словами, что и гуманисты в Европе XV века:

Поскольку [теперь] ученым стало легко доставать [печатные] книги, ухудшилась их способность цитировать по памяти. К тому же напечатанные с помощью деревянных форм книги содержат искажения, не было ни одной напечатанной без ошибок. Однако нынешнее [и следующие

поколения] в целом воспринимают печатные тексты как правильные, в то время как рукописи в библиотеках утрачиваются с каждым днем. Так что ошибки больше невозможно исправить. Как же это грустно!⁶¹

Е Мэнде опасался, что доступность печатных текстов навредит традиционным формам научной деятельности, которые предполагали коллекционирование книг, заучивание текстов и исправление рукописей, а также будет способствовать тому, что рукописные версии или тексты, не вошедшие в императорские издания, будут преданы забвению. Хотя мне не известно о жалобах на рукописные антологии, изготовлявшиеся по заказу императоров, весьма вероятно, что они также ограничивали накопление текстов в Китае, препятствуя сохранению произведений, не включенных в антологии; известно по крайней мере об одной компиляции («Сыку цюаньшу» Маньчжурской династии), в ходе отбора материала для которой непосредственно уничтожались другие сочинения.

Лейшу также регулярно вызывали жалобы. Чжу Си (1130–1200), соглашаясь с Е Мэнде по многим пунктам, считал, что лейшу поощряли фрагментированное, невнимательное, беглое чтение, в то время как настоящее образование требовало медленного чтения и глубокого понимания классики и заучивания отрывков с вниманием к оригинальному контексту. Чжу Си рекомендовал такой тип чтения, который историки называли интенсивным, противопоставив его привычкам, характерным для экстенсивного чтения:

Читайте понемногу, но хорошо узнавайте то, что читаете, проживайте текст снова и снова... Не гонитесь за количеством... Особенно мне не хотелось бы, чтобы люди во время чтения пропускали куски текста... Сегодня люди читают небрежно, потому что появилось очень много печатных книг [Zhu 1990: 131–133, 139]⁶².

⁶¹ Цит. по: [Wagner 1997: 36–37].

⁶² О Чжу Си см. [de Weerdт 2007a: гл. 5].

Чжу Си возлагал вину за формирование дурных читательских привычек на чрезмерное количество книг и в качестве лекарства предложил собственную образовательную программу. Впрочем, как и европейские критики избытка текстов, жившие в раннее Новое время, Чжу Си использовал возможности книгопечатания, надеясь с его помощью как можно шире распространить свои идеи и сделать свое имя известным. Книгопечатание продолжило распространяться после правления Чжу Си, и вместе с ним росло как количество лейшу, так и количество жалоб на то, что эти сборники способствуют пренебрежению настоящим образованием. Через пятьсот лет Гу Янью (1617–1682) высказывал обеспокоенность по знакомым поводам: из-за существования экзаменационных справочников ученые «свели свою деятельность к поиску готовых компиляций» и таким образом отрезали себя от традиции научных дебатов, сложившейся в прошлом⁶³. В Китае до наступления Нового времени, как и в Европе раннего Нового времени, жалобы ученых на вспомогательные учебные материалы могут служить свидетельствами реального использования такого рода справочников, в котором редко признавались.

Чрезмерное количество текстов и жалобы на перегрузку можно обнаружить в разные эпохи и в разных местах — там, где занятия литературой вели к появлению серии новых текстов, которые считались достойными изучения. Огромное разнообразие вспомогательных обучающих материалов, изобретенных в разных культурных контекстах, обычно основывалось на сочетании нескольких базовых методов организации текстов, которые и сегодня остаются основополагающими, — это сортировка и хранение избранных текстов, а также их кратких изложений. Но результат в каждом случае предопределялся множеством контекстуальных факторов, среди которых следует назвать политические, образовательные и религиозные институты, технологии воспроизводства текстов и культурные традиции, от языка и письменности до образовательных идеалов. Ни одного из факторов, взятых в отдельности — ни технологии, ни инсти-

⁶³ Цит. по: [Wagner 1997: 36]. См. также [Peterson 1968].

тутов, ни культурной традиции, — не достаточно, чтобы объяснить характер и перспективы вспомогательных средств обучения в разных контекстах, как, надеюсь, показали сравнения, приведенные выше. Я также ожидаю, что дальнейшие сопоставительные исследования позволят выявить новые факторы в этих сложных процессах.

Справочные инструменты в латинской средневековой литературе

Ученые эпохи Возрождения, как известно, обращались к Античности в поисках образцов для подражания и источников для своих исследований. Множество античных компиляций, таких как труды Плиния, Диогена Лаэртского и Стобея, в эпоху Возрождения рассматривались одновременно как ценные источники и как авторитетные образцы; составители компиляций с произвольным расположением материала считали основателем этого жанра Авла Геллия. Историки Церкви, творившие в контексте религиозного раскола XVI века, находили образец коллективных исторических проектов и хронологических таблиц в работах Евсевия. Однако большинство важнейших источников методов организации информации в раннее Новое время имели средневековое происхождение, хотя гуманисты, возможно, этого не сознавали и уж во всяком случае не признавали. Большинство справочных инструментов, созданных в Европе раннего Нового времени, основывались на прототипах, возникших не позднее XIII века, к которым относятся: флорилегии и словари с алфавитным расположением; компендии и энциклопедии с систематической организацией материала; оглавления; библейские конкордансы и алфавитные указатели; точные ссылки при цитатах на книгу и номер главы (например, из Библии) или другие единицы текста; макет страницы, облегчавший использование текста в справочных целях, с помощью колонтитулов, нумерации разделов, шрифтов разного размера и цвета и полей для примечаний. Даже фолиацию и пагинацию можно обнаружить в некоторых

позднесредневековых рукописях⁶⁴. В следующих главах я опишу более подробно способы трансформации средневековых моделей и источников и то, как их использовали компиляторы раннего Нового времени, как в рукописных, так и в печатных книгах. Однако сперва необходимо понять, каким образом в Средние века сформировалось множество техник организации информации, которые мы до сих пор считаем современными.

При переходе от поздней Античности к раннему Новому времени главным жанром передачи античных знаний как у язычников (например, Макробия и Марциана Капеллы), так и у христиан (например, Кассиодора и Исидора Севильского) оставалось краткое изложение. Кассиодор написал свои «Наставления в науках божественных и светских» (*Institutiones divinarum et humanarum litterarum*, нач. VI века) для монахов монастыря, который он основал, после того как оставил государственную службу при остготах, а епископ Севильи Исидор адресовал свои «Этимологии» главным образом священникам собственной епархии (нач. VII века). Целью обоих произведений было распространение знаний, накопленных в книгах, немногочисленных и труднодоступных после раздела Римской империи и упадка ее образовательной системы [Cassiodorus 2003: 105–110; Ribémont 2001]. Созданные впервые для конкретных сообществ, эти труды распространились за счет частого копирования среди широкой читательской публики в самых разных ареалах.

Исидор сообщает, что свои «Этимологии» он составлял «по [собственным] воспоминания о прочитанных античных сочинениях»; возможно, у него также были помощники, делавшие выписки из трудов по филологии, гуманитарным наукам и естествознанию и составлявшие их краткие изложения. Младший коллега Исидора Браулио, готовивший рукопись к публикации, писал, что, поскольку сочинение было «огромным», он разделил его на

⁶⁴ О нумерации листов в Средние века см. [Saenger 1996: 258, 275–276; Stoneman 1999: 6]. Зенгер отмечает тем не менее, что книгопечатание создало условия, при которых нумерация листов стала активно применяться как в печатных книгах, так и в манускриптах.

двадцать отдельных книг. Он также добавил оглавление, перечислив в нем достаточно бессистемно затронутые темы. «Этимологии» Исидора получили широкое распространение в Средние века: к 800 году экземпляры энциклопедии имелись в каждом крупном европейском культурном центре, ее продолжали переписывать до конца XV века, также до 1500 года увидели свет десять печатных изданий. Сохранилось около тысячи рукописей сочинения, но, вследствие его значительного объема (около 250 000 слов в английском переводе), только шестьдесят из них содержат полный текст [Isidore of Seville 2006: 413 (посвящение); 24 (обзор сохранившихся рукописей)]⁶⁵. Более поздние авторы свободно использовали отдельные части сборника, в особенности Рабан Мавр (*De naturis rerum*, IX век), но также Александр Неккам (*De naturis rerum libri duo*, ок. 1195) и Фома из Кантемпре (*De natura rerum*, ок. 1245). «Этимологии» предложили долго сохранявшую влияние модель организации информации, основанную на составлении кратких изложений книг, особенно труднодоступных, которые затем располагались в тематической последовательности (впрочем, не всегда предсказуемым образом) и были снабжены для упрощения поиска оглавлением, где перечислялись названия книг и глав⁶⁶.

Еще одним жанром, помогавшим смягчить последствия недовостановленности книг в раннем Средневековье, стали флорилегии, содержавшие не пересказы, но избранные отрывки из авторитетных

⁶⁵ Моя оценка объема текста основана на следующих подсчетах: 367 страниц, по 44 строки на странице, в две колонки по 8 слов в каждой. О методах работы Исидора см. [Henderson 2007: 19–21; Fontaine 1959, 2: 763–281], о рецепции его трудов см. [Bischoff 1966].

⁶⁶ Так, например, книга 18 о войне и играх была разделена на 69 глав: от войны, триумфа, стандартов военной службы и военных духовых оркестров до терминов игры в кости, метания костей, перемещения фишек, удаления костей, игр в мяч; см. [Isidore of Seville 2006: 37]. О средневековых энциклопедиях существует обширная литература. В дополнение к процитированным мною ниже исследованиям о Винсенте из Бове см. [Stammen, Weber 2004; Meier 2002, 2001; Meyer 2000, 1991; Binkley 1997b; Ribémont 2001; Picone 1994; Becq 1991; De Gandillac et al. 1966]; многочисленные статьи в: *Cahiers d'histoire mondiale*. Vol. 3. 1966.

источников. Термин «флорилегий» (от лат. *flores* — «цветы» и *legere* в значении «выбирать») возник в раннемодерный период и, возможно, был впервые использован Альдом Мануцием в латинском переводе сборника греческих эпиграмм, однако практика отбора запоминающихся фрагментов текста или диспутов, разумеется, существовала уже в античный период [Mejor 1994: 651]⁶⁷. Судя по немногочисленности средневековых списков с античных сборников изречений, они не играли значительной роли в качестве источников для средневековых ученых⁶⁸.

Самой ранней средневековой антологией-флорилегием была, пожалуй, «Книга искр» (*Liber scintillarum*) Защитника из Лигуэ, созданная в VII веке, в которой отрывки объединялись в тематические главы и располагались в порядке убывания авторитетности источников: сначала Евангелие, потом Святой Павел и другие апостолы, затем другие книги Библии и Отцов Церкви [Rouse, Rouse 1982: 167]. Под влиянием «Каролингского возрождения» в флорилегии стали включать также классических авторов, часто бессистемно располагая источники в том порядке, в котором они были прочитаны. Некоторые флорилегии состояли из поэтических отрывков и использовались для обучения стихосложению, другие специализировались на прозе. Вполне вероятно, что оба вида использовались для обучения на разных уровнях — от мальчиков (*pueri*), упомянутых в «Труде просодийном» (*Opus prosodiacum*) Микона Центуленского в середине IX века, до двадцатилетнего Эрика, записывавшего под диктовку Лупа Феррьерского, примерно в 859–862 годах, «Собрания» (*Collectanea*), содержащие отрывки трудов Валерия Максима и Светония наряду с философскими и богословскими сентенциями [Munk Olsen 1979: 52, 57 слл., 99 слл.].

⁶⁷ См. [Rouse, Rouse 1982: 165–168] о средневековых названиях, основанных на «цветочных» и других метафорах, включая «*liber scintillarum*» («книгу искр») или «*pharetra*» («кошан»).

⁶⁸ Античные упоминания этой практики см. у Цицерона (Брут xii. 47), это место упоминается в [Carruthers 1990: 175n73]; [Reynolds 1983: 327] цитирует Сенеку (Нравственные письма к Луцилию 33.7), а также Иеронима (Письма 107.8). Об отсутствии средневековых копий см. [Moss 1996: 24n1].

С одной стороны, флорилегии способствовали распространению отрывков из сочинений и помогали поддерживать канон авторов, которые и без того были хорошо известны в Средние века, начиная от Библии и Отцов Церкви и включая античных писателей, таких как Овидий, Вергилий, Гораций, Цицерон, Ювенал, Лукиан и Сенека (по нисходящей от самого цитируемого) [Munk Olsen 1980: 153–154]. С другой стороны, в флорилегиях могли входить цитаты из произведений авторов, почти неизвестных в тот период за пределами этих сборников. Например, «*Florilegium Gallicum*» XII века сохранился во множестве копий и был «основным способом знакомства с поэзией Тибулла в Средние века»; содержащиеся в нем отрывки распространялись дальше, поскольку их переписывали в более поздние флорилегии, в том числе Винсент из Бове [Reynolds 1983: 422]. Аналогичным образом, авторы «*Anthologia Valerio-Gelliana*» заявляли, что она полезна читателям тем, что содержит отрывки из книг Валерия Максима и Авла Геллия, которые было трудно найти [Munk Olsen 1982: 164]. Благодаря этому средневековые флорилегии ценились филологами-классиками, от Жозефа Жюста Скалигера и Яна Дузы в XVII веке и вплоть до наших дней, поскольку в них приведены редкие или даже уникальные отрывки из античных произведений, хотя современные исследования показывают, что они не давали надежного воспроизведения античных оригиналов [Ullman 1928: 174]⁶⁹. Независимо от того, были ли цитировавшие авторы хорошо известны или нет, ранние флорилегии делали представленный в них материал доступным более широкой публике и облегчали доступ к текстам в тот период, когда библиотек было мало, они были небольшими или открытыми лишь для привилегированных членов монастырских сообществ. Скорее всего, флорилегии впервые появились в форме личные записки, для памяти, которые делались в тот момент, когда тот или иной

⁶⁹ См. также [Ullman 1929, 1930a, 1931, 1932, 1930b: 145–154 (о Дузе и Скалигере)]. О флорилегиях и рецепции Марциала см. [Martial 2006: xxi–xxv]. Благодарю Катлин Коулман, беседы с которой о проблемах рецепции помогли мне в этом исследовании.

текст оказывался доступен их составителю; затем ими делились с другими людьми, не имевшими возможность прочесть саму книгу; таким образом, они использовались в качестве средства от книжного дефицита.

Многие социальные и политические изменения, произошедшие в период классического Средневековья, способствовали более частому использованию письма в юридической и административной сферах, а также в религиозной и интеллектуальной деятельности [Clanchy 1993]. Начиная с XII века речь шла уже об избытке, а не о недостатке текстов, и именно эту проблему пытались решить с помощью флорилегиев и сборников. В прологе «Книги сорванных цветов» (*Libri deflorationum*), лучше известной под названием «Флорилегий Дуэ» (*Florilegium Duacense*), благодаря рукописи XII века из Дуэ пояснялось, что она полезна тем, что позволяет читателю не отвлекаться на слишком большое число книг, что помешало бы должным образом сконцентрировать внимание: «В самом деле, изобилие книг отвлекает, и ничья память не может вместить их все. Более того, тот, кто пытается запомнить все, ничего не запомнит как следует»⁷⁰. Молчаливо ориентируясь на принцип Сенеки, флорилегии обещали читателю, что тот найдет в них только заслуживающие внимания тексты. Компиляторы также, без специальных оговорок, христианизировали отрывки из античных произведений, когда это казалось им необходимым [Munk Olsen 1982: 164]⁷¹. Флорилегии избавляли своих владельцев от расходов и неудобств, которые потребовалось бы понести при покупке и хранении множества объемных книг; в антологии «Райские цветы» (*Flores paradysi*) Цистерцианского ордена заявлялось: «Здесь у вас все под рукой в кратком и исчерпывающем изложении, все, что вы могли бы найти во множестве сундуков, напол-

⁷⁰ Цит. по: [Rouse, Rouse 1982: 174, 167–168].

⁷¹ Автор отмечает исключение некоторых античных имен, замену «богов» на «Бога», «Юпитера» на «Создателя». Об изменениях, которые вносили переписчики, см. [Reiter 1996]; об упоминании этой практики современником см. [Masai 1967: 93–94].

ненных огромными томами». И в самом деле, рукописные флорилегии часто имели небольшой формат, удобный для переноски, особенно в сравнении с массивными рукописями, из которых были сделаны извлечения⁷².

В XIII веке, в период информационного бума, флорилегии стали незаменимым инструментом организации информации: их производили в значительно большем количестве и заметно лучше упорядоченными, чем в прошлые столетия. Из 1000 сохранившихся рукописей флорилегиев только 10 % датируются раньше XIII века. Начиная с XIII века содержащиеся в флорилегиях цитаты располагаются в определенном порядке для удобства поиска, тогда как прежде читателям приходилось просматривать весь текст, чтобы найти нужную цитату. Ориентируясь на использование алфавитного порядка в библейских конкордансах, составители флорилегиев стали располагать по алфавиту либо сами цитаты (по первым словам), либо названия разделов и тематические заголовки, которые также могли выстраиваться в систематическом порядке. К некоторым флорилегиям были даже составлены указатели, вероятно, для того чтобы облегчить их использование проповедниками при поиске материалов по теме проповеди [Munk Olsen 1979: 49, 52; Munk Olsen 1982: 153]⁷³.

К самым поразительным достижениям этого периода следует отнести три масштабных коллективных проекта: библейский конкорданс, индексировавший каждое слово из Священного Писания (первый такой указатель создан примерно в 1247 году); «Зерцало великое» (*Speculum maius*, 1255) Винсента из Бове, собравшее краткие изложения и выдержки из произведений в беспрецедентном (для латинского Запада) объеме — около 4,5 млн слов; и сводный каталог книг, хранившихся в библиотеках Францисканского ордена в Ирландии, Англии и Шотландии, составленный в начале XIV века. Ричард и Мэри Роуз первыми

⁷² Цит. по: [Goddu, Rouse 1977: 520]. О портативности флорилегиев см. [Munk Olsen 1982: 163].

⁷³ О составлении указателей см. [Rouse, Rouse 1979: 14].

изучили эти нововведения в организации информации и предложили ряд факторов, которые объясняют их появление [Rouse, Rouse 1991a, 1991b]. Во-первых, перечисленные и другие новые произведения основывались на менее формализованных и «неопубликованных» материалах, собиравшихся в XI и XII веках. Во-вторых, новые институты приветствовали распространение проповеднической деятельности и преподавания, для которых в первую очередь были предназначены эти инструменты. Были созданы нищенствующие монашеские ордены (Францисканский в 1210 году и Доминиканский в 1216 году), целью которых стала борьба с религиозным инакомыслием путем проповедничества. Цистерцианец Бернард Клервоский (1090–1153) может служить образцом активного сочинения проповедей (до нас дошло около 377 текстов), однако нищенствующие ордены посылали тысячи проповедников по всей Европе. В то же время в крупнейших европейских интеллектуальных центрах неформальные школы при соборах объединялись в университеты, начиная с Болоньи, Оксфорда и Парижа в конце XII века, примеру которых в XIII веке последовали многие другие города. Университеты заметно ускорили накопление текстов, привлекая преподавателей и студентов к комментированию, цитированию и дебатам, касавшимся авторитетных источников и аргументов, выдвигаемых коллегами⁷⁴. Представители той и другой среды (а также находившиеся на их пересечении — монахи нищенствующих орденов были заметно представлены во многих университетах), проповедники и преподаватели, были заинтересованы в том, чтобы находить отрывки по нужной им теме более систематическим и непосредственным образом, чем это позволяли флорилегии.

Ключевым фактором развития схоластики было наличие авторитетных текстов, вдохновлявших на комментарии и дискуссии. Схоластическое обучение каноническому праву и теологии фокусировалось на нескольких избранных текстах, сочиненных в XII веке для использования в церковных школах; с помощью

⁷⁴ О Бернарде см. [Leclercq 1953]; о нищенствующих орденах в целом — [Lawrence 1994]; о принципах работы ранних университетов — [Weijers 1996].

сочетания сокращенных изложений и отбора сведений в них отфильтровывался материал, которым должны были овладеть студенты. «Декрет» Грациана в юриспруденции, а в богословии — «Сентенции» и «*Glossa ordinaria*» («Общепринятая глосса») Петра Ломбардского, содержащие комментарии к Вульгате (латинскому переводу Библии), собирали и сортировали систематическим образом существовавшие к тому моменту суждения (в стандартном порядке следования юридических или богословских тем или в порядке расположения текста Библии). Поскольку от студентов требовалось запоминать порядок изложения, они отлично ориентировались в этих текстах, даже не имея дополнительных инструментов поиска [Goddu, Rouse 1977: 519]⁷⁵. К XIII веку перечень авторитетных источников и комментариев пополнился переводами на латынь ранее неизвестных работ Аристотеля и сочинений на арабском языке (ок. 1130–1230), которые цитировались и расширяли возможности философской и богословской аргументации. Значительных объемов достигали схоластические произведения, самым заметным из которых была «Сумма теологии» (*Summa theologiae*) Фомы Аквинского: в ней насчитывалось около 2,2 млн слов⁷⁶.

Для облегчения чтения в схоластических трудах использовалось последовательное разделение текста на книги и главы, также вопросы, возражения и ответы снабжались нумерацией. Отличительной особенностью схоластических рукописей был макет страниц, способствующий дословному цитированию и использованию текста в справочных целях: колонтитулы на каждом развороте, содержавшие название раздела следующего далее текста, рубрикация, нумерация, различные размеры и начертания шрифтов, их положение на странице (на полях или с дополни-

⁷⁵ В качестве примера уникального раннего предметного указателя по каноническому праву см. указатель кардинала Деусдедита 1087 года; [Rouse, Rouse 1991a: 194–195; Somerville, Brasington 1998: 122–129].

⁷⁶ Количественные данные получены путем применения инструмента для подсчета слов к выложенному в сети интернет в рамках Проекта «Гутенберг» (Project Gutenberg) переводу полного текста книги (дата обращения: 1.06.2010).

тельными отступами), — с помощью всех этих средств маркировались различные части текста: возражения и ответы, текст источника, комментарии, а также комментарии к комментариям. В этой области схоластическая практика также опиралась на существовавшие ранее модели: Мэри Каррутерс подчеркивает, что в манускриптах, создававшихся в монастырях в предшествующий период, каждая страница была не похожа на другую, это достигалось за счет использования цветов, иллюминирования и считалось очень важным для сохранения страницы в памяти. Оформление схоластических сочинений также предполагало создание уникального внешнего вида каждой страницы, содержащего подсказки для памяти, но при этом также упрощало поиск конкретных отрывков, за счет использования нумерации (в том числе арабскими цифрами, которые стали общеупотребительными в XIII веке) и четкого деления текста на разделы [Car-ruthers 1990: 242 слл.; Parkes 1976; Rouse, Rouse 1991a: гл. 6]⁷⁷.

Библейский конкорданс стал исключительно важным инструментом, изобретенным в XIII веке и давшим толчок дальнейшему развитию справочной литературы, основанной на принципах коллективной работы, дословного цитирования и использования алфавитного порядка. Библейские конкордансы также создавались на основе прошлого опыта. В XII веке Петр Коместор и Алан Лилльский «опубликовали» *distinctiones* — алфавитные перечни отдельных слов, встречающихся в Библии (обозначений действий, абстрактных и конкретных понятий), вместе с объяснением их различных аллегорических значений. *Distinctiones* предназначались в помощь проповедникам, которые с их помощью находили отрывки из Библии по нужным темам [Delcorno 2000: 471; Bataillon 1993; D'Avray 1985: 72–75; Rouse, Rouse 1974a: 37]. Судя по сохранившимся записным книжкам, студенты и учителя тоже составляли для личного пользования перечни аллегорий и необычных слов из Библии или частичные указатели к представ-

⁷⁷ Об арабских цифрах см. [Rouse 1981: 129–131]. Об одновременном распространении маргиналий, включавших цитаты из авторитетных источников, см. [Hamesse 2002].

лявшим для них интерес произведениям. Еще одним признаком широко распространившегося интереса к составлению указателей к Библии было то, что конкордансы одновременно и независимо друг от друга разрабатывались в Париже и в Англии, хотя парижский указатель затмил английский, который в результате сохранился только в одном неполном экземпляре. Примерно в 1230 году доминиканцы из монастыря святого Иакова в Париже начали проект, завершившийся в 1247 году: каждый участник записывал слова, встречавшиеся ему при чтении Библии и начинавшиеся с буквы (или сочетания двух букв), которую ему назначили, а также кратко указывал контекст и точное расположение слова. Эта версия сохранилась в двадцати двух рукописях, в основном XIII века, все они не имели украшений и были небольшого размера для удобства переноски. Более поздняя версия конкорданса сохранилась в восемнадцати рукописях, написанных с 1280 по 1330 год — это большие красивые тома с рубрикацией для облегчения поиска; определенные признаки указывают на то, что некоторых из них использовались в качестве образцов для копирования студентами университета по принципу пеций (*pecia*): студенты последовательно брали в аренду отдельные разделы книги для переписывания, и в результате у каждого студента оказывался собственный экземпляр сочинения [Rouse, Rouse 1974b]⁷⁸.

Метод, используемый для отсылки к тексту Библии, должен был не зависеть от его расположения в конкретных списках, поскольку в каждом из них на странице помещалось разное количество текста. Разделение Библии на книги было установлено ранними церковными соборами, однако стандартной нумерации глав в каждой книге у христиан не было вплоть до появления Доминиканского конкорданса, где использовалась нумерация Стефана Лангтона 1203 года, ставшая, таким образом, стандартной. Нумерация строк впервые была предложена в печатных

⁷⁸ О других инструментах, предназначенных для облегчения доступа к философским текстам, см. [Hamesse 1996a]. О системе пеций см. [Rouse, Rouse 1991a: 303–320].

изданиях Библии в XVI веке⁷⁹. В ее отсутствие Доминиканский указатель ввел новый способ отсылки к конкретному месту Библии, разделив каждую главу на семь равных частей, обозначенных буквами от А до Г. Это деление никак не отражалось в письменном тексте, но предполагалось, что читатель проводит его мысленно. Каждый маркированный буквой подраздел представлял собой одну седьмую часть главы и мог отличаться по длине в зависимости от размера главы, но пользователи конкорданса были знакомы с Библией, и у них вряд ли возникали трудности с вычислениями, необходимыми для определения нужного отрывка [Ibid.]⁸⁰. Эта система ссылок распространилась от библейских конкордансов на другие рукописи и, вероятно, стала источником практики, принятой в некоторых печатных изданиях большого формата: на полях страниц проставлялись буквы, к которым делались отсылки в указателе (примером могут служить издания «Адагий» (Adagia) Эразма); в печатных книгах буквы-индексы помещались на каждой странице, что облегчало использование этого принципа.

Тщательным изучением текста Библии и составлением обширных комментариев к ней занимались не только христиане. Известно, что обучение в ешивах в ту же эпоху строилось на запоминании наиболее важных текстов, однако некоторые еврейские рукописи XII и XIII веков содержат примеры алфавитных списков слов с библейскими цитатами, в которых встречаются соответствующие слова, но без указания точного их места в Библии — предположительно потому, что образованным людям полагалось

⁷⁹ Различные варианты деления Библии на главы появились в период с 1190 по 1230 год [Smalley 1952: 222–224]. Доминиканский указатель закрепил нумерацию Лэнгтона в качестве стандартной; см. [Rouse, Rouse 1974b: 10]. Нумерация строк Библии была впервые введена Пагнусом Сантесом (1470–1541) в лионском издании 1528 года; см. [Engammare 2002]. Однако нумерация в издании Робера Этьенна 1551 года имела большее влияние и была перенесена в 1560 году в Женевскую Библию; см. [Armstrong 1986].

⁸⁰ О других способах использования букв для навигации см. ниже применительно к Гроссетесту; описание анонимного указателя к «Деривациям» Угуччо см. в [Daly, Daly 1964: 235–236].

его знать. По крайней мере один из этих списков был составлен раньше Доминиканского конкорданса, который, в свою очередь, вдохновил появление большого количества новых трудов на древнееврейском в XV веке⁸¹. В предисловии к первому библейскому конкордансу на древнееврейском «Меир натив» (Me'ir nativ), составленному между 1437 и 1445 годами, Ицхак Натан бен Калоним из Арля пояснил, что надеется опровергнуть доводы своих христианских оппонентов, используя их же оружие. Используя христианский конкорданс, он обнаружил, что «в нем не было такого аргумента, который нельзя было бы опровергнуть с помощью самой этой книги». Вместо того чтобы переводить христианский указатель, Натан составил свой собственный непосредственно на основе древнееврейской Библии, но следуя при этом христианскому разделению на главы, которое затем стало стандартным в печатных изданиях Библии на древнееврейском языке [Wellisch 1985–1986]⁸². Кроме того, в XIII и XIV веках был составлен целый ряд еврейских энциклопедий, как в исламских, так и в христианских государствах (например, в Толедо и в Арле) [Harvey 2000b]⁸³.

У христиан вслед за библейскими конкордансами появились и другие аналогичные инструменты. Имеются свидетельства существования «реальных» указателей к Библии начиная с 1240-х годов, хотя их тексты до нашего времени не сохранились. В них в алфавитном порядке перечислялись не все слова, а только богословские понятия (*realia*), обнаруживаемые в Библии; в современной терминологии это были предметные указатели [Théry 1935: 443 сн. 99]. Вскоре появились алфавитные предметные указатели и к произведениям важнейших авторов, таких как Ари-

⁸¹ В [Weinberg 1997: 324–325] рассматривается манускрипт из Толедо 1272 года, воспроизведенный в [Garel 1991: 44–45, № 31]. Общую хронологию см. в [Weinberg 1999: 114]. Хотя нумерация присутствует и в некоторых масоретских рукописях Библии, евреи обычно ссылались на места библейского текста, приводя первые слова рассматриваемого отрывка.

⁸² О сложной истории нумерации строк у евреев см. [Moore 1893].

⁸³ О влиянии схоластических методов на одного из еврейских философов см. [Sirat et al. 2003].

стотель (анонимный указатель, составленный около 1250 года в Париже), Августин (составлен в Оксфорде доминиканцем Килуордби в 1256–1261 годах), Фома Аквинский (составлен владельцем рукописи Годфруа де Фонтеном, затем получил более широкое распространение). В этих указателях использовалось ясное расположение (по алфавиту), перечень терминов был стандартным для схоластических кругов; в результате указатели могли служить общим ресурсом для студентов и ученых по всей Европе, имевших доступ к их экземплярам, и распространялись отдельно от произведений, к которым относились⁸⁴. Они предлагали общее решение проблемы, которую в предыдущие десятилетия некоторые авторы пытались решать по-своему, индивидуально. Например, Роберт Гроссетест (1175–1253) делал в своих экземплярах Библии и трудов Отцов Церкви специальные пометки, используя более четырехсот различных знаков (греческих букв, математических и иных символов), которые обозначали те или иные темы, согласно ключу, который он также оставил в одном из своих манускриптов. Вероятно, прибегая к помощи других ученых, в том числе еще одного знаменитого английского францисканца — Адама Марша (1200–1259), — Гроссетест работал над богословским тематическим указателем к множеству текстов. Указатель остался незаконченным; насколько полезным он мог быть для других, должно было зависеть от того, как отображались и организовывались тематические заголовки (с помощью символов или вербально) [Hunt 1953: 242]⁸⁵.

Алфавитный порядок был известен и до библейских указателей. Травник на латыни, составленный на основе греческого

⁸⁴ В [Rouse, Rouse 1979: 23] в качестве первого примера составления автором указателя как части нового произведения приводится «Summa confessorum» Иоанна Фрайбургского, написанная приблизительно в 1297–1298 годах.

⁸⁵ Хант добавляет, что в некоторых принадлежавших Гроссетесту манускриптах страницы были поделены на разделы, промаркированные буквами А–D на нечетных страницах и Е–Н на четных. Эта система напоминала деление на А–G глав Библии, но не была независимой от дизайна страниц манускрипта. Таблица издана Филипом В. Роземаном в [Grosseteste 1995: 235–320]. Благодарю за эту ссылку Джона Флуда.

сочинения Диоскорида, сохранился в рукописи с алфавитным расположением материала, датируемой концом XI века. Но конкорданс способствовал более широкому распространению алфавитного порядка: в флорилегии 1306 года, названном «Букет цветов» (*Manipulus florum*), тематические заголовки расположены по алфавиту, при этом поясняется, что текст организован «по образцу конкорданса» (*more concordantiae*) [MacKinney 1938: 253–255; Rouse, Rouse 1974b: 24]. Черновики нескольких страниц первого парижского конкорданса были обнаружены благодаря тому, что их использовали в переплетах рукописей, изготовленных при монастыре Святого Иакова в XV веке. Они показывают, что принцип расположения материалов по алфавиту в нем был таким же, какой был принят в Античности и Средневековье, то есть алфавитный порядок был частичным и ограничивался одной или двумя начальными буквами. Составитель записывал на листе слова, начинающиеся с определенной буквы, в том порядке, в каком они ему встречались в тексте, затем, при переписывании, термины размещались в более строгой алфавитной последовательности. В первых латинских словарях XI века алфавитный порядок был уже нормой: в «Основе первоначал наук» (*Elementarium doctrinae rudimentum*) Папия (прим. 1053) учитывались первые три буквы, в «Деривациях» (*Derivationes*), приписываемых Угуччо Пизанскому (XII век), — только начальная буква. Непоследовательная алфавитизация словаря Угуччо затрудняла поиск до такой степени, что в XIII веке было составлено несколько алфавитных указателей к «Деривациям», самым распространенным из которых был указатель некоего Петра (*Petrus de Alingio*). Однако первым словарем с полным алфавитным расположением стал «Католикон» (*Catholicon*) 1286 года доминиканца Джованни Бальби. Бальби дает подробное обоснование использованного им порядка (при котором, например, производное слово *justicia* «справедливость, правосудие» шло перед словом *justus* «справедливый»), и это позволяет предположить, что Бальби чувствовал новизну такого подхода в словарном деле [Balbi 1971: 127; Daly, Daly 1964: 233–337]. Бальби утверждал, что пишет свой труд для доминиканцев, однако тот

сохранился в 190 рукописях, принадлежавших различным церковным институциям, включая пять копий, переписанных после разделения на пеции, что показывает его использование в студенческой среде. Словарь был среди первых книг, напечатанных Гутенбергом в 1460 году [Powitz 1996].

Составление алфавитных указателей к авторитетным сочинениям (от Библии до важнейших церковных авторов) можно лишь отчасти объяснить потребностями проповедников. Для обычного проповедника базовыми инструментами служили образцы проповедей, а также флорилегии, книги словоразличий (*distinctiones*) и сборники *exempla* (историй из жизни, иллюстрирующих те или иные моральные принципы), их копии присутствовали в большом количестве почти в каждой церковной библиотеке [Delcorno 2000: 518]⁸⁶. Другим фактором, мотивировавшим использование более сложных и дорогих справочных трудов, был схоластический контекст составления проповедей и проведения диспутов. Университетская аудитория была опытной и требовательной. Составление проповедей было обязательным заданием для всех магистров, а один раз в год — и для всех студентов-богословов; студенты также посещали около ста проповедей в год, хотя и не всегда делали это охотно⁸⁷. В этой среде трудно было полагаться на флорилегии и заранее подготовленные цитаты. Так, например, в Париже в 1240-х годах у одного магистра имелся алфавитный словарь терминов, библейский конкорданс и два сборника библейских дистинкций, в дополнение к указателям к разным сочинениям, которые он купил готовыми или составил сам. В XIII веке впервые появился термин «*originalia*», указывающий на больший авторитет оригинальных источников по сравнению с выдержками, особенно на фоне того, что они получили более широкое распространение, в результате концептуальной

⁸⁶ Делькорно исследовал инвентари, преимущественно итальянских библиотек XIV–XV веков.

⁸⁷ Студентов в Париже критиковали за то, что они любят, «чтобы их мессы были короткими, а лекции и диспуты — длинными» [Bériou 1989: 89; Roberts 1998: 327].

«обратной деривации» [Rouse, Rouse 1979: 23; De Ghellinck 1939; Guenée 1981]⁸⁸. По крайней мере в одном широко распространенном флорилегии содержался ответ на жалобу о том, что этот жанр провоцирует чрезмерное использование готовых цитат. «Manipulus florum» (1306) Фоми Ирландского содержал стандартные выдержки, но также призывал читателей при встрече с заинтересовавшей их цитатой обращаться к оригиналам; для облегчения этой задачи к книге прилагался список цитируемых авторов и их произведений. Этот список был также переписан отдельно от флорилегия, в качестве своего рода библиографического пособия для тех, кто пожелал последовать совету Фоми и прочитать оригинальные тексты⁸⁹.

Наряду с библейскими указателями существовало другое объемное произведение, возникшее в процессе обучения нищенствующих проповедников, но вышедшее далеко за рамки их потребностей. Это была крупнейшая и наиболее известная средневековая «энциклопедия» — «Зерцало великое» (*Speculum maius*) Винсента из Бове (1244–1255). В четырех частях энциклопедии (последняя из которых была составлена и добавлена к остальным уже после смерти Винсента) содержится примерно 4,5 млн слов, она разделена на 80 книг и 9885 глав. Это, вероятно, самый объемный справочник, появившийся на Западе до 1600 года. Для издания полного текста манускрипта требовалось по меньшей мере семь томов формата ин-фолио по 500 страниц каждый

⁸⁸ Благодарю за эти ссылки Бригитт Бедос-Резак.

⁸⁹ «Пусть использование этих обрывков знания не приведет к тому, что вы отвергнете плодородное поле оригиналов. Воистину недальновиден тот, кто, не замечая огня, старается согреться мелкими искрами и кто, презрев источник, пытается утолить жажду каплями росы» (цит. из «Manipulus florum» Фоми Ирландского по [Rouse 1965: 249–250]). Эта мысль еще раньше встречается в «Комментарии о королях» Радольфа Нигера, законченном в 1191 году: «Мы ставим священные толкования Святых Отцов выше наших собственных исследований. Мы слышали их в школе, но сокращенно, и те, кто читал, могут понять, что именно по причине этой краткости следует вернуться к оригиналам, чтобы получить о них полное знание» (цит. по: [Smalley 1952: 226]). См. также [Rouse, Rouse 1982: 171]. О рукописной традиции перечня источников см. [Rouse 1965: 245].

[Voorbij 2000: 39, 42]⁹⁰. Винсент посвятил обоснованию своей работы длинный пролог, который начал с яркого описания ощущения перегрузки:

Поскольку изобилие книг, быстротечность времени и несовершенство памяти не позволяют равным образом удерживать в мозгу все, что было написано, мне, самому ничтожному из братьев, старательно изучавшему книги многочисленных [авторов] и усердно предававшемуся чтению на протяжении длительного времени, в конце концов (и благодаря совету предстоятелей) стало понятно, что следует собрать в одном томе своего рода компендий, в котором расположены избранные тексты, отобранные в меру моих способностей из почти всех авторов, которых я смог прочесть, — как наших, то есть католических докторов, так и языческих, то есть философов и поэтов, а также историков того и другого рода [церковных и светских] [Vincent of Beauvais 1964: стлб. 1 (Пролог, 1)]⁹¹.

Винсент красноречиво описал ограниченность времени и возможностей памяти перед лицом избытка информации. Затем он предложил составленное им «Зерцало» в качестве классического решения этой проблемы, то есть сборника избранных отрывков из книг, но беспрецедентного по количеству использованных авторов и представленных тем. Винсент взял за основу хорошо известные античные и ранние церковные источники, а также тексты, лишь недавно вошедшие в ученый оборот, включая сочинения Аристотеля и Авиценны, и другие энциклопедии: от

⁹⁰ Мой подсчет по изданию 1624 года дал меньшее число слов, чем у Форбея (6,5 млн слов), но больше, чем утверждает у Гузмана: «более чем 3 млн слов» [Guzman 1996: 705]: 8226 столбцов по 70 строк, по 8 слов в строке. Винсенту из Бове посвящено множество превосходных научных исследований. См. [Paulmier-Foucart et al. 1990; Lusignan, Paulmier-Foucart 1997; Paulmier-Foucart 2004]. Библиографию и оцифрованный текст энциклопедии см. на вебсайте Ханса Форбея. URL: <http://www.cs.uu.nl/groups/IK/archives/vincent/bibl/subj/sh.htm> (в настоящее время ресурс недоступен).

⁹¹ О прологе см. [Wingell 1990]. О его изданиях, в последней и двух предшествующих версиях соответственно, см. [von den Brincken 1978; Lusignan 1979].

«Этимологий» Исихора до «О природе вещей» доминиканца Фомы из Кантимпре⁹². Однако Винсент не удовольствовался компиляцией того, что и так было легко доступно, — он искал материал, чтобы заполнить обнаруженные им пробелы в основных источниках. Арно Борст утверждает, что Винсент из Бове поручил своим помощникам составить «предметный указатель к Плинию», который помог бы выявить пробелы в изображенной Плинием картине природного мира и обратиться к другим авторам, чтобы восполнить эти лакуны (например, он использовал Исихора при описании Везувия, который не рассматривается у Плиния) [Borst 1994: 280].

Как и справочные инструменты, изученные Роузами, «Зерцало великое» составлялось как пособие для проповедников. Винсент только намекает в прологе на институциональный контекст создания сочинения, однако специалисты изучили его более подробно. Нищенствующие ордены предписывали обучение монахов лекторами; многие из монастырских лекторов оставили собрания заметок, которыми они делились как с другими братьями ордена, так и за его пределами. Руководители Доминиканского ордена поручили Винсенту написать универсальный труд (*opus universale*) для лекторов, в особенности для тех, которые работали в монастырях, где книжное собрание было недостаточным или отсутствовало вообще [Lusignan 1997; Tugwell 1997: 56]. История «Зерцала великого» включает по крайней мере пять различных этапов, с последовательным расширением текста, вероятно, благодаря тому что Винсент (и его помощники) получали доступ к новым книгам. Помимо библиотек доминиканских аббатств Святого Виктора в Париже, Ройомон, где Винсент был лектором, и Бове, откуда он происходил, Винсент, возможно, имел доступ к королевской библиотеке Людовика IX [Paulmier-Foucart 2002: 245–246, 253]⁹³. Винсент заявляет, что его огромный труд будет

⁹² Об использовании Винсентом сочинения Фомы из Кантимпре см. [Wingell 1990: 52; Roy 1990]; о других источниках Винсента см. [Verger 1997; Schuler 1995].

⁹³ О доступе к королевской библиотеке см. [Minnis 1979: 399]; о посвятельном письме Людовику IX см. [Guzman 1990].

полезен не только для лекторов, вроде него самого, но также для читателей, занятых множеством других богоугодных занятий:

Я полагаю и с верой в Господа утверждаю, что эта работа будет немало полезна не только мне, но и каждому усердному читателю, не только чтобы познать Господа и его творения, видимые и невидимые, и благодаря этому знанию возлюбить Господа, побудив свое сердце к вере изречениями и примерами добродетели многих Отцов Церкви, но также для того, чтобы проповедовать, читать, участвовать в диспутах, разрешать сложные вопросы и в целом — получать объяснения почти по всем областям науки [Vincent of Beauvais 1964: стлб. 3 (Пролог, 4)].

В «Зерцале» Винсента содержалось значительно больше сведений, чем требовалось обыкновенному лектору или проповеднику, оно было задумано как многофункциональный справочник для представителей разных профессий. Винсент признавал, что надеялся также удовлетворить интерес «тех, кто захочет узнать о прежде неизвестных вещах, побуждаемый любопытством, и будет готов приложить к этому труд» [Ibid.: Стлб. 15 (Пролог, 18)].

Предвидя обвинения в чрезмерном многословии и новаторстве, Винсент подчеркивал, что его сочинение в действительности достаточно краткое и продолжает давние традиции:

Это новый труд — и в то же время старый, он является столь же кратким, сколь и пространным. В самом деле, эту книгу можно считать древней в отношении источников и содержания, и новой — с точки зрения того, как она составлена и как организованы ее части. Она кратка, поскольку в ней, ради краткости, сокращены многие изречения. И все же она пространна, из-за огромного изобилия содержащихся в ней материалов [Ibid.: стлб. 4 (Пролог, 4)].

Охват труда Винсента был действительно универсальным: его целью было обнаружить присутствие Бога во всей природе (в части 1 — «Зерцале природном» (*Speculum naturale*)), в искусствах

и науках (в части 2 — «Зерцале вероучительном» (*Speculum doctrinale*)) и, наконец, в мировой истории, изложение которой содержится в самой длинной и самой читаемой, 4-й части этого труда — «Зерцале историческом» (*Speculum historiale*). Часть 3 «Зерцало нравственное» (*Speculum morale*) была прибавлена после смерти Винсента и придала дополнительное философское измерение исторически ориентированному проекту [Wingell 1990: 45]. В одном пассаже Винсент обвиняет себя в грехе любопытства и в том, что он выходит за пределы знания, необходимого для спасения душ; но даже здесь он настаивает на том, что «все вещи, содержащиеся в этой работе... хороши сами по себе и полезны для жаждущих познания»⁹⁴. В действительности Винсент сожалел скорее о том, что прочел слишком мало, чем слишком много:

Я знаю, что не был в состоянии найти или прочесть все, что было когда-либо написано. И я не утверждаю, что отразил все заслуживающее внимание даже из тех произведений, которые смог прочесть, иначе мне пришлось бы значительно увеличить объем сочинения. Но я думаю, что из хороших вещей я отобрал лучшее и наверняка — то немногое, что было самым лучшим [Vincent of Beauvais 1964: стлб. 4 (Пролог, 4)].

Винсент стремился объять как можно больше материала и представить его как можно более тщательно, так чтобы охват знаний был поистине энциклопедическим.

⁹⁴ «Я признаю, что, насколько я могу судить, я в значительной степени ушел от задач моего служения, особенно исследуя и описывая вещи, не упомянутые в священных книгах. Следовательно, действуя любознательно, я поддался греху любопытства. В самом деле, врачи занимаются тем, что уместно для врачей, художники имеют дело с тем, что относится к искусству. Так и я, скромный представитель возвышенного служения, все старания и труды которого должны быть направлены на спасение душ, обязан был придерживаться этого в своей работе, особенно когда речь шла о вопросах, касающихся моего служения... Однако, наблюдая все то, что содержится в этой книге, должен признаться, что я ею недоволен. Не потому, что это нехорошо само по себе или не полезно для жаждущих познания, но потому что, как я уже сказал, моему служению не подобает с такой настойчивостью и старанием исследовать и описывать эти предметы» [Vincent of Beauvais 1964: стлб. 15 (Пролог, 18)].

Исследования средневековой рецепции «Зерцала» Винсента показали, что до нас дошли только две полных рукописи из множества, сделанных в то время. «Зерцало» распространялось в основном в неполных списках, триста из которых сохранились до нашего времени, большинство рукописей содержали «Зерцало историческое». Однако полных копий даже этой популярной части сохранилось только тридцать семь. Из-за огромных размеров «Зерцала» составление его полных списков было слишком дорогим предприятием. Книгопечатание сыграло ключевую роль в его распространении — как в виде полного текста отдельных частей в инкунабульный период, так и комплектом из всех четырех частей, который был издан в 1591 и 1624 годах⁹⁵. Сочинение Винсента из Бове было широко известно и активно использовалось составителями более кратких, портативных и доступных по цене энциклопедических компиляций. Среди них «Книги о свойствах вещей» (*Libri de proprietatibus*) Бартоломея Английского, многократно переписывавшиеся в Средние века и выдержавшие девять печатных изданий к 1491 году; в 1582 году вышел их английский перевод [*Bartholomaeus Anglicus 2007*]⁹⁶. Изучение восприятия проповедниками трех главных энциклопедий XIII века — Фомы из Кантимпрэ, Винсента из Бове и Бартоломея Английского — позволяет предположить, что ни одна из них не использовалась ими регулярно. Задачи энциклопедий, исходивших из идеи гармонии, не отвечали опыту трудностей и лишений,

⁹⁵ См. [Voorbij 2000, 1996; Guzman 1997: 321–322]. «Зерцало природное» было напечатано в 1473, 1476, 1478, 1481 и 1494 годах; «Зерцало нравственное» — в 1476, 1477, 1485 и 1493 годах; «Зерцало историческое» — в 1473, 1474, 1483 и 1494 годах, на французском языке — в 1495 и 1532 годах; «Зерцало вероучительное» — в 1477 и 1486 годах. «Зерцало в четырех частях» (*Speculum quadruplex*) было издано в 1591 году (Venezia: D. Nicolinus) и 1624-м (Douai: B. Bellerus).

⁹⁶ Ранние издания: Базель, 1470; Лион, 1480; Страсбург, 1480, 1485, 1491; Кёльн, 1483; Нюрнберг, 1483, 1492; Гейдельберг, 1488; Страсбург, 1505. Переводы: на испанский — Висенте де Бургос (Тулуза, 1494); на французский — Жан Корбишон (Лион, 1491; Париж, 1510, 1522, 1556); на нидерландский — Гарлем, 1485; на английский — Джон Тревиза (Вестминстер, 1495; Лондон 1535), и под ред. Стивена Бэтмана (Лондон, 1582).

о которых чаще всего говорили в своих проповедях монахи [Binkley 1997b: 84–86]. Эти произведения, составление которых обосновывалось потребностями проповедников, оформились, таким образом, в отдельный жанр, имевший свои отличительные цели и признаки. Тем не менее большинство сохранившихся копий принадлежали монастырским (часто цистерцианским или бенедиктинским) библиотекам, где они обеспечивали читателей информацией по широкому кругу тем на основе множества источников.

«Зерцало великое» могло использоваться в справочных целях, однако указателя у книги не было. Только к самой популярной части, «Зерцалу историческому», через семьдесят лет после его создания, примерно в 1320–1323 годах, Жаном де Отфюне, будущим епископом Авраншским, был составлен первый указатель [Rouse, Rouse 1979: 225]⁹⁷. Однако текст энциклопедии был изначально организован систематически, чтобы, как пояснял Винсент, читатель мог сам найти в нем дорогу. «Зерцало природное» следует шестидневному порядку сотворения мира, описанному в Библии, а «Зерцало историческое» — хронологическому порядку; материалы некоторых разделов (о минералах, растениях и животных) были расположены по алфавиту (причем в строгой последовательности). Винсент указывал, что, разбивая свой труд на множество коротких глав, он имел в виду возможность использования его в справочных целях. «Чтобы читателю было проще найти отдельные части этой работы, я решил разделить ее на книги и главы» [Vincent of Beauvais 1964: стлб. 3 (Пролог, 3)]. Рукописи «Зерцала» обычно включали перечень названий глав в начале или в конце кодекса или в начале каждой книги. Кроме того, Винсент снабдил каждую книгу кратким изложением ее содержания. И только после появления печатных изданий к тексту стал прилагаться алфавитный указатель [Albrecht 2000: 55–57].

⁹⁷ См. также [von den Brincken 1972; Paulmier-Foucart 1980–1981], где показано, что Отфюне проиндексировал некоторые главы, представляющие собой перечень авторитетных суждений, полностью, тогда как другие — скорее поверхностно.

Появление в XIII веке новых объемных справочных инструментов, таких как библейский конкорданс и «Великое зеркало» Винсента из Бове, было обусловлено сложным комплексом причин. С практической точки зрения институциональная среда религиозного ордена (в обоих упомянутых случаях речь идет о доминиканцах) была очень важна тем, что обеспечивала участие группы образованных людей, располагавших временем и ресурсами, в трудоемкой работе по эксцерпированию, сортировке и компиляции текстового материала на протяжении десятилетия и даже дольше⁹⁸. Вложение времени и сил оправдывалось различными благочестивыми целями, в том числе тем, что результат работы считался ценным для деятельности проповедников. С интеллектуальной точки зрения, здесь участвовали факторы, выходящие за рамки одного только желания повысить качество проповедей и облегчить их составление. Конкордансы и указатели к авторитетным текстам являются наглядным свидетельством осознания недостатков флорилегиев, которые все меньше соответствовали уровню задач преподавания в университетах и проповеднической деятельности. Винсент из Бове жаловался на то, что авторы компиляций молча удаляли, добавляли или изменяли слова первоисточников, а также искажали их значение [Vincent of Beauvais 1964: стлб. 1 (Пролог, 1)]. Рецепция сочинений Аристотеля усилила понимание сложности философских систем и рисков, скрывающихся за неправильной передачей текстов, притом что «большинство средневековых студентов знали работы философов только в отрывках», по таким собраниям, как «*Parvi flores*» («Малые цветы») [Minnis 1979: 403]. Однако мотивы,

⁹⁸ Об аспектах коллективного сотрудничества в создании «Великого зеркала», к которому я вернусь в следующей главе, см. [Bataillon 1997; Congar 1980]. Несмотря на то что я остановилась только на примерах из истории Доминиканского ордена, следует признать, что и францисканцы активно участвовали в аналогичных проектах; к их числу относятся, например, «Реестр книг, находящихся в Англии» (*Registrum Angliae*; сводный каталог), а также указатель к суждениям Отцов Церкви, составленные в XIII веке Килуордби и группой оксфордских францисканцев. См. [Rouse 1965: 250n29; Callus 1948]. Бартоломей Английский также был францисканцем, см. [Roest 1997].

побудившие к составлению конкорданса, явно предшествовали знакомству с трудами Аристотеля, и современные оценки творчества Винсента из Бове подчеркивают, что его лишь в малой степени затронуло влияние Аристотеля и связанных с ним кон-
троверз [Paulmier-Foucart 1997]⁹⁹.

Еще до знакомства с «новыми» текстами Аристотеля Гуго Сен-Викторский (1078–1142) выступал за энциклопедический подход к Священному Писанию — «учите всё; потом поймете, что ничто не бывает лишним» — и к знаниям в целом: «ни к какому учению не относитесь с презрением, потому что любое учение — благо». В дальнейшем вариации изречения Плиния «нет такой плохой книги...» появлялись в прологах к другим средневековым энциклопедиям [Hugh of St. Victor 1961: VI.3, 137: III.13, 96]¹⁰⁰. Формирование нового подхода, по моему мнению, было более важным фактором, чем любые объективные примеры перегрузки. Он отражал универалистские амбиции и стремление к исчерпывающему изложению материала у авторов крупнейших справочных трудов XIII века¹⁰¹. Хотя Роузы подчеркивают, что первые указатели навязывали узкий канон авторитетных мнений и тем, сам по себе справочный инструмент мог быть легко применен к растущему разнообразию материала [Rouse 1981: 135]. Даже если «Зерцало» переписывалось только частями, Винсент из Бове открывал перед читателем множество существующих мнений по каждой рассматриваемой теме. Ни конкорданс, ни энциклопедические компендии не решали трудностей или противоречий в текстах, к которым они привлекали внимание. Винсент в явной форме оставлял за читателем задачу окончательного решения — после изучения различных авторитетных мнений по тому или иному вопросу:

⁹⁹ Ле Гофф [Le Goff 1994] в целом датирует влияние Аристотеля более поздним временем, ок. 1260–1270 годов.

¹⁰⁰ См. также [Michel 2004: 259]. О других прологах см. [Nadeau 1997: 82].

¹⁰¹ Ле Гофф говорит о появлении нового ощущения уверенности в участии в Божественном промысле благодаря интеллектуальным достижениям [Le Goff 1994: 39].

Мне хорошо известно, что философы делали много противоречащих друг другу высказываний, особенно когда речь идет о природе вещей... Я предупреждаю читателя, чтобы он не впадал в панику, если обнаружит противоречия такого рода среди утверждений разных авторов в различных местах этого труда; особенно следует иметь в виду, что я выступал не в качестве его автора, но в качестве компилятора, не пытаясь привести мнения философов к согласию, но лишь передавая то, что сказал или написал каждый из них по каждому вопросу, оставляя на усмотрение читателя решение, какое из мнений предпочесть.

Таким образом, давление количества и разнообразия авторитетных мнений, уже описанное в предыдущем столетии Пьером Абеляром (1079–1142), лишь увеличилось с развитием справочной литературы — от указателей и конкордансов, облегчавших поиск в оригинальных текстах, до объемных компиляций, содержащих цитаты и краткие изложения различных источников.

К середине XIII века уже появились основные составляющие как самого ощущения перегрузки, так и решений, позволяющих от нее избавиться. Еще до обретения сочинений Аристотеля и его арабских комментаторов, и тем более после этого, ученая элита стремилась обеспечить доступ к объемному и постоянно увеличивающемуся корпусу библейских, святоотеческих, античных, арабских и схоластических суждений и комментариев. Они изобретали новые инструменты управления информацией, такие как алфавитные указатели, систематическое расположение, логическое деление текста и визуальные средства для навигации внутри текста, а также поддерживали новые универалистские устремления к сбору материалов, выходящих за рамки задач конкретных профессий. В период позднего Средневековья стремительный рост числа производимых рукописей, поддерживавшийся использованием бумаги, сопровождался расширением круга читателей за пределами монастырской и схоластической среды [Hobbins 2009: 8–10]. Риторические формулировки, посвященные перегрузке, «бесконечному числу книг», «разнообразию авторов и сочинений» и «бесчисленным историческим

фактам», распространялись посредством различных жанров, например исторических компендиев [Melville 1980: 62]. Судя по дошедшим до нас рукописям, количество компиляций, особенно сборников, составленных по принципу флорилегиев и энциклопедий, продолжало расти, так как всё большее число авторов занимались отбором текстов и кратким пересказом их содержания, как для личного пользования, так и для других читателей¹⁰². В сочетании с техниками краткого изложения и отбора, унаследованными от Античности, новые методы, изобретенные к середине XIII века, способствовали формированию сложного эффективного инструментария, который оставался основным средством организации информации в период раннего Нового времени и в последующие века.

Влияние книгопечатания

Краткий обзор, сделанный выше, показывает, что многие явления и практики, которые ассоциируются у нас со справочной литературой раннего Нового времени и современности, существовали уже в рукописной среде, в том числе компилятивная деятельность, причем в значительных масштабах (например, у Винсента из Бове, в словаре «Суда», у Аль-Калкашанди, в «Энциклопедии Юнлэ»), и различные способы классификации материала (систематическое, алфавитное или произвольное расположение), которые обычно проявлялись в макете страниц и делении текста. Помня об этих примерах, мы всегда можем возразить против любых утверждений о существовании простой причинно-следственной связи между изобретением книгопечатания в Европе и возникновением жанров справочной литературы раннего Нового времени. Например, алфавитные указатели, объемные компиляции и чтение в справочных целях, как и чтение всё большего количества книг, очевидным образом предшествовали началу книгопечатания. Печатная книга познакомила с принци-

¹⁰² О поздних средневековых энциклопедиях см. [Meier 1984; Sandler 1990].

пами справочного чтения новую и разнообразную читательскую аудиторию и упростила производство объемных книг большими тиражами, но лишь некоторые черты первых печатных книг действительно можно назвать новаторскими. Это в первую очередь титульный лист, использование которого было вызвано необходимостью продавать книги, изданные в расчете на будущий спрос, а не по специальному заказу, а также новые способы маркирования разделов и иерархии внутри текста, с учетом неудобства нанесения красного цвета (и других цветов) вручную или с помощью двухкрасочной печати.

Историки книжного дела много спорили о влиянии книгопечатания на различных уровнях, от общекультурных тенденций до конкретных технических изменений. Наиболее общие культурные последствия появления книгопечатания особенно сложно отличить от других культурных процессов, происходивших в то же самое время¹⁰³. В Западной Европе, в отличие, например, от Китая, изобретение книгопечатания совпало с возникновением обстоятельств, ставивших под сомнение традиционные, усвоенные мнения (такими обстоятельствами были обретение новых античных источников, путешествия и открытие Нового Света, церковный раскол), и распространением новых моделей критического мышления и новых философских систем, строившихся на эмпирическом опыте и рациональной аргументации. Все эти тенденции могли развиваться иначе в отсутствие книгопечатания, но, точно так же, влияние технологий могло быть другим, если бы не совпало с перечисленными обстоятельствами. Вместо того чтобы пытаться свести весь комплекс причинно-следственных связей, стоявших за переходом от Возрождения к Просвещению, к влиянию конкретной технологии или какого-то набора идей, мы можем изучить реакцию современников этих событий на растущее количество и разнообразие источников информации, как в теории, так и на практике.

¹⁰³ См. [Eisenstein 1979] и реакции в [Johns 1998; Eisenstein, Johns 2002; Grafton 1980; Needham 1980]. О более поздней трактовке вопроса немецкими учеными см. [Zedelmaier 2010].

В самом начале преобладающей реакцией на появление книгопечатания стало восхищение им как «божественным изобретением»¹⁰⁴. Современников впечатляла экономия труда благодаря книгопечатанию, хотя количественные оценки этой экономии варьировались, и возможно, что она была скорее риторической, чем реальной. Один из современников, например, восхищался тем, что «один человек может напечатать за день столько, сколько раньше было бы написано за целый год множеством писцов» [McKitterick 2003: 100–101, 149]. Однако другой автор, некий англичанин с более реалистичным пониманием устройства печатного цеха (где обычно работал не один человек), подсчитал в 1630 году, что четыре человека могли напечатать в день столько, сколько десять человек написали бы перьями за целый год¹⁰⁵. Еще один автор отмечал, что книгопечатникам не обязательно даже было владеть грамотой [Gesner 1551a: сигн. a[4]v–b1r]. Современники отмечали также значительное падение цен на книги из-за появления печати. Книгопечатание сделало книги доступными куда большему количеству читателей, чем прежде. Это подтверждали многие гуманисты — как те, кто считал, что такое положение дел к лучшему (Андреа де Бусси, Лудовико Карбоне), так и те, кто был им недоволен (например, Джироламо Скварчафико)¹⁰⁶. И наконец, книгопечатание обещало лучшую сохранность книг. Если бы у античных авторов был печатный пресс, их работы не оказались бы утрачены — это суждение Лодовико Доменичи звучало так заманчиво, что его присвоил соперник — Антон Франческо Дони [Richardson 1998: 141; Gesner 1551a].

¹⁰⁴ См. [Eisenstein 1996, 2011].

¹⁰⁵ Сообщение Генриха Зальмута (рожд. 1592) в [Pancirolli 1629–1631, II: 252].

¹⁰⁶ В 1468 году Андреа де Бусси сообщал о том, что текст, который раньше стоил бы 100 гульденов, можно теперь приобрести за 20 в напечатанном виде (цит. по: [Hirsch 1974: 1, 69]). Эти и другие примеры см. в [Gilmont 2003a: 49–50; Richardson 1998: 139–141]. О жалобах Скварчафико см. [Lowry 1979: 15] и в главе 5 ниже. См. также жалобы Тритемия на недолговечность и плохое качество печатных книг и бумаги, на которой они издавались [Trithemius 1974: 34–35, 64–65].

Впрочем, наряду с похвалами современников звучали и жалобы. Первыми появились жалобы на качество печатных книг и содержащиеся в них ошибки, появлявшиеся как потому, что книги набирались и корректировались в спешке, так и потому, что их текст был основан на плохо отобранных рукописях. В обоих случаях мотивы, связанные с выгодой, воспринимались как угроза качеству конечного продукта, что созвучно сегодняшним тревогам по поводу проектов оцифровки книг. Некоторые гуманисты выступали за ввод правил, гарантирующих качество печатных изданий. Целью одного из первых цензурных эдиктов, изданного архиепископом Майнца в 1485 году, была защита от некачественной печати и неверной атрибуции сочинений, а также от оскорбления Церкви [Monfasani 1988; Davies 1995; Hirsch 1978]. Однако сделанные им усилия мало на что повлияли, так что их вскоре затмила более жесткая религиозная цензура, введенная на заре Реформации как в протестантских, так и в католических регионах. В середине XVI века рассуждения о влиянии книгопечатания часто касались все увеличивающегося числа как рукописных, так и печатных книг. Упоминания об огромном количестве книг становились рефреном, который использовали авторы, чтобы обосновать разнообразные собственные проекты: при этом они могли радоваться книжному изобилию в духе Плиния или выступать за ограничение чтения, как Сенека; в любом случае они могли ожидать, что этот аргумент, основанный на общем опыте, убедит читателей, как я подробнее покажу в следующих главах.

Наиболее заметные последствия введения книгопечатания их современники не комментировали: к ним относится появление различных средств для привлечения читательского внимания, знакомых нам по сей день: титульный лист, пагинация, инструменты поиска и т. д. Самые ранние печатные книги состояли из текстов, известных уже в Средние века, и стремились воспроизводить внешний облик манускриптов. Что касается справочной литературы, то первым был напечатан Гутенбергом в 1460 году (и вновь — в 1469 году) «Католикон» — большой латинский словарь 1286 года, статьи которого были тщательно расположены

в алфавитном порядке. В первые годы работы с наборным шрифтом Гутенберг использовал второе издание «Католикона» для эксперимента, состоящего в отливке букв не по одной, а формами в две строки, которые можно было использовать вновь, экономя усилия по разбору и новому набору литер. Эта техника была прообразом линотипного набора, сыгравшего центральную роль в массовом производстве дешевой типографской продукции в XIX веке и использовавшегося одновременно со своим полностраничным эквивалентом — стереотипным набором, который применялся, например, при наборе газет. Однако в 1469 году Гутенберг не стал повторять свой эксперимент [Needham 1982]. Тем не менее все это показывает, что Гутенберг предвидел новые переиздания «Католикона», для которого он изготовил двухстрочные формы. И действительно — до 1500 года «Католикон» был напечатан еще девять раз, хотя уже не Гутенбергом. Словарь с самого начала подал хороший пример коммерческой привлекательности печатного справочного издания. Он оставался бестселлером среди изданий справочной литературы. «Dictionarium» Амброзио Калепино, напечатанный в 1503 году, быстро вытеснил «Католикон» с рынка и показал еще более внушительные результаты. До 1700 новые издания появлялись в среднем раз в два года (для сравнения — «Католикон» переиздавался раз в четыре года) [Labarre 1975].

Ранние печатные книги выглядели точно так же, как их рукописные предшественники, но примерно к 1500 году книгопечатание произвело ряд изменений во внешнем виде как справочных изданий, так и книг других жанров, включая использование пустого пространства на странице, вместо цветовых обозначений, для ориентации читателя в тексте, титульный лист, фолиацию или пагинацию, с которыми затем соотносились такие дополнительные элементы изданий, как указатели и списки исправлений (errata)¹⁰⁷. В средневековых манускриптах справочных изданий

¹⁰⁷ О развитии «современной книги» см. [Febvre, Martin 1976: гл. 3] и [Martin 2000: 31] о «почернении» страниц. О списках опечаток см. [Blair 2007b; Lerer 2002]; о титульном листе [Gilmont, Vanautgaerden 2008; Smith 2000].

цвет был особенно важен, так как делал текст или поисковый инструмент более удобным для использования в справочных целях. Рубрикация обычно предполагала выделение цветом каждой новой записи в словаре или флорилегии; это играло важнейшую роль в манускриптах, где записи располагались одна за другой, без перехода на новую строку, чтобы поместить на странице максимальное количество текста. Рубрикация предполагала дополнительные расходы на привлечение специалиста-рубрикатора в дополнение к писцу, копировавшему текст. В результате многие рукописи справочных изданий были лишены рубрики, хотя в результате этого они становились значительно более сложными в использовании.

Печатный станок производил текст в черном цвете. В период раннего Нового времени иногда использовалась двухцветная печать красным и черным цветом, особенно для титульных страниц или календарей, но это требовало существенного увеличения работы и затрат, так как приходилось второй раз пропускать каждую страницу через пресс, чтобы добавить красные чернила. В период инкунабулов (до 1500 года) владельцы ранних печатных книг иногда платили рубрикаторам за раскрашивание текста. Но эта профессия, зависевшая от заказов на рубрику рукописей, вскоре стала исчезать¹⁰⁸. Книгопечатание поощряло распространение других способов повышения читаемости текста, таких как использование пустого пространства, шрифтовых вариаций, специальных типографских символов, а также украшений или иллюстраций, сделанных с помощью ксилографии. В справочную литературу, например, вносились некоторые новшества, облегчавшие ее использование для поиска информации. В других объемных произведениях, напротив, отказывались от таких инструментов. Например, в изданиях «Опытов» Монтеня (1580) не было даже абзацев

¹⁰⁸ Об этих процессах см. [Saenger, Heinlen 1991: 250–256]. Имеется несколько исследований, посвященных рубрикаторам, см., например, [Stoneman 1994]. Профессиональные писцы по-прежнему существовали, но их стало гораздо меньше, см. [Beal 1998].

внутри глав, длина некоторых из которых достигала ста страниц непрерывного текста.

Справочная литература также стала площадкой для нововведений в точной идентификации конкретных мест текста. Книгопечатание с самого начала потребовало нумерации листов в форме сигнатур, на которые ориентировались наборщики и переплетчики. Для удобства читателей была введена фолиация (нумерация листов). Номерам листов и страниц (а не делениям текста, не зависящим от конкретных изданий) практически всегда отдавалось предпочтение при составлении справочных инструментов, таких как оглавления, указатели, списки исправлений, хотя в результате это приводило к тому, что в каждом новом издании номера листов (или страниц) приходилось про- ставить заново [Smith 1988]¹⁰⁹. Нумерацию страниц арабскими цифрами с обеих сторон листа, вероятно, впервые применили в издании «Рога изобилия» (*Conusoriae*) Никколо Перотти в 1513 году. Этот комментарий к Марциалу включал подробные пояснения к каждому слову, использованному в эпиграммах, и считался самым совершенным латинским словарем своего времени. Однако, поскольку слова в нем объяснялись в порядке их появления в стихах Марциала, подробный алфавитный указатель был совершенно необходим. Издатель Альд Мануций из Венеции объяснял новые принципы нумерации страниц в своем указателе следующим образом: «...это огромный указатель, с помощью которого можно легко найти любое необходимое слово, поскольку во всей книге каждые полстраницы пронумерованы... арифметическими числами». Не случайно Альд и сам был ученым-гуманистом и был известен тем, что издавал книги высокого качества. Еще один великий издатель-гуманист Иоганн Фробен из Базеля предложил дальнейшее усовершенствование указателей к текстам. В списках исправлений к изданию «Пословиц» Эразма 1528 года, выпущенному Фробеном, имелись ссылки на места текста, содержащие номера не только страниц, но и строк, что было сделано, вероятно, впервые.

¹⁰⁹ О дискуссии XVII века см. [Caramuel Lobkowitz 1988].

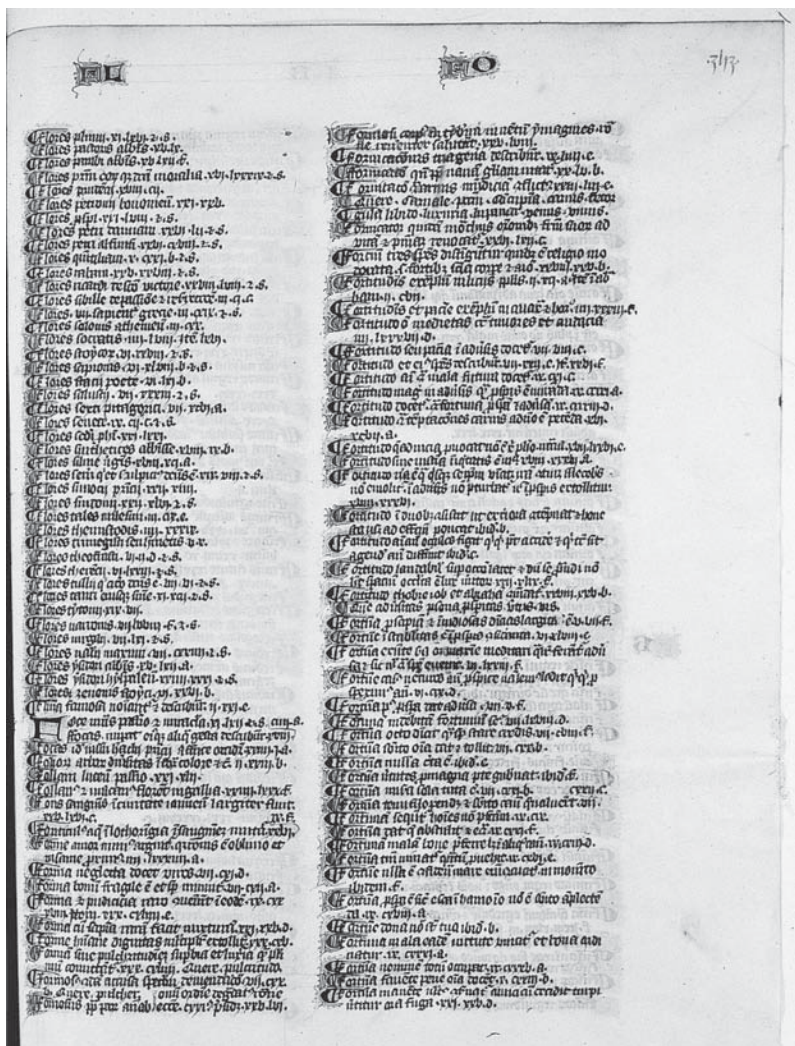

Рис. 1.1. Рукопись XIV века. Указатель Жана из Отфунея к книге Винсента из Бове «Зерцало историческое» (1255). Использование рубрикации красного и синего цветов вело к удорожанию производства рукописи, но облегчало ее использование в справочных целях. Воспроизведено с разрешения Bibliothèque nationale de France, Париж, MS Lat 14355, л. 353r

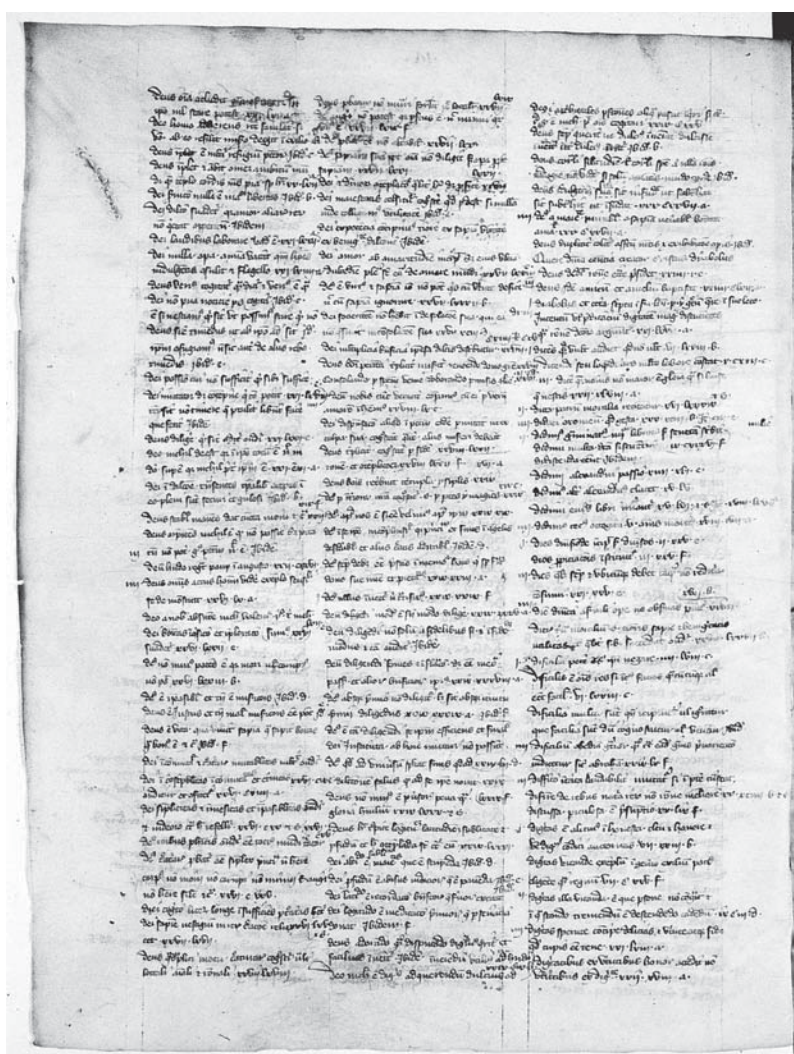

Рис. 1.2. Еще одна рукопись XIV века, содержащая указатель Жана из Отфуней к книге Винсента из Бове «Зерцало историческое». Отсутствие рубрикации и использование более узких столбцов затрудняют идентификацию отдельных записей, хотя в обоих указателях содержится одна и та же информация. Воспроизведено с разрешения Bibliothèque nationale de France, Париж, MS Lat 14356, л. 17v

Указатель этого издания содержал ссылки на номера страниц, а также на часть страницы — начало, середину или конец (обозначавшиеся р, m и f¹¹⁰ соответственно), а в более поздних изданиях «Пословиц» места текста идентифицировались точнее благодаря использованию номеров страниц и дополнительных главных букв, от А до F, напечатанных на полях рядом с текстом¹¹¹.

Книгопечатание, помимо прочего, изменило экономическую динамику производства книг. Рукописные книги чаще всего изготавливались по заказу, обязательным в таких случаях вложением материалов и времени предшествовала оплата или обещание заплатить. Печатники же, напротив, делали большую часть своей работы в расчете на будущий спрос. Они вкладывали немалые средства в изготовление шрифтов, бумагу и труд, необходимый для печати книги, а затем им необходимо было окупить расходы и получить прибыль, продавая тираж. Печатник получал прибыль, только если продавалось достаточное количество экземпляров, и если оказывалось иначе, он мог легко влезть в долги и обанкротиться. Ученая литература продавалась особенно медленно, издатели обменивались запасами нераспроданных изданий, чтобы выйти на новые рынки и диверсифицировать предлагаемую продукцию [Maclean 2007]¹¹². Чтобы снизить существующие риски и получить доход, который шел на финансирование первоначальных капиталовложений, необходимых для издания крупноформатных книг, издатели брались за небольшие заказы, часто оплачивавшиеся вперед (государственные декреты или индульгенции), или за издания маленького объема (памфлеты и альманахи), которые можно было быстро изготовить и продать [Stallybrass 2007]. У нас есть мало надежных данных

¹¹⁰ Лат. p[ri]ncipium] «начало», m[ed]ium] «середина» и f[in]is] «конец». — *Примеч. науч. ред.*

¹¹¹ См. обсуждение в [Saenger 1996: 276–277].

¹¹² Анри Этьенн, например, обанкротился после издания пятитомного «Словаря греческого языка» (1580), хотя книга была настолько высокого качества, что ею продолжают пользоваться до сих пор (ср. издание: Naples: La Scuola di Pitagora, 2008); см. [Pattison 1949: 25]. О финансовых неудачах Опорина в Базеле см. [Steinmann 1969].

о размерах тиражей, характерных для XV и XVI веков, — они варьировались в зависимости от конкретных изданий и предполагаемого спроса. Однако экономика книгопечатания создала порог количества экземпляров, ниже которого инвестировать средства в издание книги было коммерчески нецелесообразно. Во многих инкунабулах указан тираж 300 экземпляров, но эта цифра могла стать своего рода клише. Большинство ученых полагают, что, несмотря на различия, обусловленные конкретными ситуациями, тиражи печатных книг в XVI веке в целом выросли. Часто их оценивают, в среднем и очень приблизительно, в 1000 экземпляров¹¹³.

Дорогие книги (иллюстрированные или очень объемные) требовали больших тиражей, чтобы обеспечить прибыль при увеличении расходов на производство. Издание обильно иллюстрированной «Космографии» Себастьяна Мюнстера оказалось весьма дорогостоящим для издателя, несмотря на добровольные пожертвования нескольких городов, описанных в книге. Нам известно, что издание 1550 года было напечатано тиражом в 3600 экземпляров [Burmeister 1963: 119–120]. Хотя в моем распоряжении не имеется подтвержденных данных о конкретных тиражах печатных справочных изданий, которые я изучала, можно обоснованно предположить, что, поскольку эти книги были объемными, их тиражи достигали значительных цифр — по меньшей мере от 500 до 1000 экземпляров для каждого издания. Несмотря на существование коммерческих скрипториев (производивших рукописи в большом количестве в расчете на будущий спрос) в ряде университетских центров, таких как Париж, книгопечатание привело к увеличению количества книг в принципиально иных масштабах, чем это происходило при экономике рукописной книги¹¹⁴. Разница между рукописным и печатным производством особенно бросалась в глаза в случае книг большого размера. В экономике рукописной книги было очень затратно переписывать сочинение целиком, и часто его копировали

¹¹³ Подробную критику количественных оценок см. в [Dane 2003: 41–51].

¹¹⁴ О коммерческих скрипториях см. [Rouse, Rouse 2000].

только частично, выбирая отрывки, соответствующие интересам заказчика¹¹⁵. У книгопечатников, напротив, имелся стимул производить объемные книги в большем количестве экземпляров, а не издания небольшого размера, так как это создавало лучшие возможности для получения прибыли. В результате книги обычно печатали целиком, потому что для успешной продажи как можно большего количества экземпляров требовалось, чтобы книга привлекала как можно более широкую читательскую публику, отвечая различным читательским интересам.

С необходимостью продавать книги после того, как они были напечатаны, связано также появление в ранних печатных изданиях титульного листа. В средневековых манускриптах титульных листов не было, и библиографы идентифицируют их по первым словам: не требовалось никаких специальных маркеров для идентификации книги, которая переписывалась по определенному заказу, а заказчик дожидался ее изготовления¹¹⁶. Для печатной книги, напротив, было важно, чтобы она привлекала покупателей, которые не знали о конкретном издании заранее, поэтому титульный лист служил своего рода рекламой, сообщавшей о названии и авторе книги, издатель и (или) продавце (у которого книгу можно было купить). Также обычно указывали дату публикации и рекламировали разные полезные особенности издания — «содержит подробнейшие указатели» или «исправлено и существенно дополнено». На титульных страницах иногда указывали недостоверную информацию, заявляя, например, что в издании прибавлено много нового, хотя новой информации в действительности было мало или не было совсем¹¹⁷. Различия

¹¹⁵ В дополнение к рассмотренному выше случаю Винсента из Бове см. [Hillgarth 1992: 3–4] о преобладании неполных рукописей сочинений Фомы Аквинского.

¹¹⁶ О парадоксе, состоявшем в том, что механически воспроизведенный текст содержит больше информации о своем производстве, чем большинство рукописей, см. [Beal 1998: 18–19]. О присутствии титульного листа в ряде книг до XIII века см. [Derolez 2008].

¹¹⁷ В одном из памфлетов Жана Кальвина утверждалось, что в него внесено множество изменений и он стал практически «новой книгой», на деле же речь шла о нескольких весьма поверхностных исправлениях, см. [Engammare 2002: 36–37].

между экземплярами книг ручного набора, которые обнаруживают библиографы, не считались обманом: ошибки могли исправляться при печати тиража, так что неисправленные страницы использовались наряду с исправленными, и в результате возникали незначительные отличия между экземплярами одного издания [McKitterick 2003: 148]¹¹⁸. Чтобы внести более существенные правки, печатники могли заменить целую страницу или печатный лист (это называлось «частичной перепечаткой»). Иногда издатели вводили новые титульные листы, на которых объявлялось о новом, улучшенном издании, чтобы способствовать реализации старой книги, тираж которой остался нераспроданным (в этом случае библиографы говорят скорее о новом тираже, чем о новом издании произведения)¹¹⁹.

Титульные листы показывают, что для покупателей XVI века указатели были одним из ключевых факторов, побуждающих к покупке издания. В Средние века указателей было немного, и они обычно издавались отдельно от произведений, к которым относились. В печатных справочных изданиях в каждом экземпляре имелись и текст, и указатель, тогда как указатели к важнейшим произведениям (например, к Библии, трудам Галена и Аристотеля) иногда печатали отдельно. В средневековых указателях использовалась чрезвычайно эффективная модель ссылок на книги, главы и разделы, которая могла бы быть перенесена в печатную культуру, — в таком случае один и тот же указатель использовался бы для разных печатных и рукописных изданий одного сочинения; однако печатные указатели обычно составля-

¹¹⁸ Об исследовании разночтений в сохранившихся экземплярах «First Folio» произведений Шекспира см. [Hinman 1996].

¹¹⁹ Чтобы говорить о перепечатке, необходимо выявить идеальное совпадение в формате и наборе каждой страницы двух предполагаемых «изданий». Общего внешнего сходства недостаточно, так как в более поздних изданиях для удобства часто повторяли макет страниц, использованных в ранних изданиях. Чарлтон Хинман изобрел устройство (так называемый «сопоставитель Хинмана»), позволяющее мгновенно сличить две страницы. О наличии перепечаток среди коммеморативных изданий раннего Нового времени см. [Maclean 2002]. Об аналогичных случаях в справочной литературе, на примере «Bibliotheca bibliothecarum» Филиппа Лаббе, см. [Taylor 1955: 24–39].

ли отдельно, для конкретного издания, со ссылками на номера страниц и листов. Возможно, издатели предпочитали не использовать указатели, независимые от расположения текста в конкретной печатной версии книги, надеясь таким образом побуждать покупателей к приобретению новых изданий, снабженных обновленными и улучшенными указателями. Разумеется, благодаря печатным книгам об указателях стало известно значительно более широкому кругу читателей, чем это было в Средние века. Даже произведения на народных языках, написанные в «общедоступных» жанрах, например диалоги, снабжались указателями. Издатели шли на дополнительные трудовые и финансовые затраты, вероятно, в надежде на то, что указатель поможет продавать книгу, так как убедит потенциальных покупателей в ее серьезности или полезности, или в том и другом [Blair 2000]¹²⁰.

Хотя все эти изменения в оформлении книг особенно заметны были в первые 50–70 лет после изобретения Гутенберга, совокупный эффект книгопечатания спровоцировал комментарии, звучавшие начиная с XVI века и превратившиеся в рефрен, который можно часто услышать и в наши дни. Очевидно, что использование печатного прессы значительно увеличило количество предлагаемых к продаже книг. Однако оценить этот рост количественно оказалось очень трудно, учитывая значительную вариативность тиражей — одну из важных особенностей книгопечатания той эпохи. По разным оценкам, количество книг, напечатанных до 1500 года, колеблется от 8 до 20 млн экземпляров: и такой разброс в числах имеется несмотря на существование почти исчерпывающего каталога инкунабулов, включающего примерно 27 000 изданий [Dane 2003: гл. 2; Needham 1999; Neddermeyer 1998]¹²¹. Полных перечней европейских изданий постинкунабульного периода у нас попросту нет. Оценки, основанные на каталогах библиотек, которые должны были получать экземпляры всех печатных книг, таких как Французская королевская библиотека, довольно противоречивы, поскольку организация

¹²⁰ См. также обсуждение указателей в главе 3.

¹²¹ О размерах тиражей см. также [Neddermeyer 1996].

библиотечных фондов была неэффективной и в королевские коллекции попадали менее половины парижских изданий, не говоря уже о продукции провинциальных типографий [Balayé 1988: 210]¹²². Каталог кратких описаний (Short-Title) сохранившихся британских изданий 1475–1800 годов также трудно использовать в статистических целях, потому что в нем не делалось различия между первыми изданиями и перепечатками. Тем не менее из него можно сделать вывод о впечатляющем росте, от 416 наименований инкунабулов до 4373 изданий, напечатанных с 1500 по 1550 год. В XVII веке объем книжной продукции вырос от 500 изданий в год (в среднем) до 2000 при отсутствии регулирования в период гражданской войны (1643–1660); такой уровень был достигнут вновь только после 1685 года. В дальнейшем объем печатной продукции последовательно увеличивался — до 4000 изданий к 1775 году, после чего имел место более стремительный рост — до 8000 наименований книг к 1800 году [Raven 2007: 8, 20].

Даже не имея удовлетворительных количественных данных, мы можем прийти к заключению, что совокупное влияние книгопечатания было огромным, а количество печатных книг постоянно увеличивалось. Новые издания скорее добавлялись к старым, чем заменяли их. Только однодневные дешевые издания, вроде памфлетов и альманахов, предназначенных для кратковременного использования, могли употребляться повторно ради самой бумаги, на которой были напечатаны, например для заворачивания покупок. Некоторые издания были предназначены для замены предыдущих, но те, в свою очередь, часто находили новых владельцев через букинистический рынок¹²³. Историки легко могут получить свидетельства накопления книг и увеличе-

¹²² См. одно из исследований [Le Roy Ladurie et al. 1996].

¹²³ Рынок бывших в употреблении книг трудно изучать, однако некоторое представление о нем можно получить из покупок Джана Винченцо Пинелли (1535–1601), который принципиально покупал книги для их сбережения, движимый «мечтой о том, чтобы никогда ничего не выбрасывалось» [Nuovo 2007: 43].

ния фондов библиотек любого рода с XV по XVIII век. Самые крупные частные коллекции достигали 3000–4500 томов в конце XVI века и десятков тысяч томов — в середине XVIII века (Гансу Слоану¹²⁴ на момент его смерти в 1753 году принадлежало 45 000 книг и 4000 рукописей)¹²⁵. Разумеется, в эпоху Возрождения и в последующие периоды существовали объективные предпосылки восприятия количества книг как чрезмерного. Такое восприятие, однако, усиливалось благодаря поведению многих ученых, амбициозно стремившихся читать все доступные источники, собирать и сохранять как можно больше информации (как будет видно из следующей главы). Другое восприятие, скорее игнорирующее чрезмерное изобилие книг или минимизирующее его значение, могло бы оказаться более убедительным при других культурных обстоятельствах, особенно если бы гуманистам не было так хорошо известно о катастрофической утрате произведений античной литературы, что побуждало их к настойчивым попыткам предотвратить будущие потери.

Тема книжного изобилия

Как отмечалось выше, упоминания о чрезмерном количестве книг появились задолго до раннего Нового времени, причем могли содержать как одобрительную («благословенное изобилие»), так и негативную оценку («переизбыток»)¹²⁶. Учитывая быстрое накопление печатных материалов к XVII веку, «книжное многообразие» (*multitudo librorum*) стали расценивать как обще-

¹²⁴ Книжное собрание Слоана стало основой Библиотеки Британского музея (ныне — Британской библиотеки). — *Примеч. науч. ред.*

¹²⁵ Ср. [Charon-Parent 1988: 88] и [Mandelbrote 2000b: 358]; более общий обзор см. в [Blair 2003: 15]

¹²⁶ В [McKitterick 2003: 205] эта жалоба названа «избитой временем». Подчеркивая многообразие вариантов использования этого аргумента, Верле предполагает, что словосочетание «*copia librorum*» имеет положительную коннотацию, тогда как «*multitudo librorum*» используется в уничижительном смысле [Werle 2010].

известное явление и предмет некоего консенсуса, причем его упоминали в самой разнообразной аргументации, как уже хорошо знакомой, так и новой. Критика, которую выдвигали моралисты против тех, кто владел книгами ради хвастовства, сформулированная еще Сенекой в I веке н. э., легла в основу жалоб Себастьяна Бранта в книге «Корабль дураков» (1494) [Brant 1944: 62–63]. В 1566 году Жан Боден, вторя авторам средневековых исторических компендиев, заметил, что «всей жизни человека, как бы ни была она длинна, вряд ли достаточно, чтобы прочитать» все истории [Bodin 1945: 21]. Авторы справочной литературы (в том числе компиляций, библиографий и путеводителей по библиотекам) обычно ссылались на «книжное многообразие», чтобы оправдать свой труд: в их интонации часто слышалась признательность за накопленные книжные богатства. Другие авторы жаловались на переизбыток книг, чтобы нападать на сочинения, которые по какой-то причине считали плохими.

Тревоги гуманистов, касающиеся книгопечатания, способствовали появлению одного из первых высказываний на эту тему — знаменитого отступления Эразма в комментарии к пословице «торопись медленно» (*festina lente*), впервые опубликованном в 1525 году:

Есть ли где-нибудь на Земле спасение от засилья новых книг? Даже если бы каждая из них в отдельности предлагала нам что-нибудь, достойное познания, их огромное множество послужило бы серьезным препятствием образованию, хотя бы из-за пресыщения, которое может принести куда больший вред, если речь идет о благих вещах, или просто из-за того, что человеческий мозг охотно жаждет чего-то нового, а потому все это отвлекает людей от чтения античных авторов.

В этом комментарии Эразм жалуется на поток новых книг, потому что их ценность меньше, чем у античных текстов, но они отвлекают читателей от подлинного образования. Эразм винил в появлении множества плохих книг книгопечатание. Отчасти из желания прославить Альда Мануция как идеального издателя, Эразм отмечал, что, в отличие от Альда, большинство книгопечат-

ников, пользуясь отсутствием регулирования, «наводняют мир памфлетами и книгами... глупыми, невежественными, зловерными, клеветническими, сумасшедшими, богопротивными и пагубными; поток их так велик, что даже то, что могло бы быть полезным, утрачивает всю свою добродетель» [Erasmus 2001: II.1.1, 145–146]. В переизбытке плохих книг тонули те немногочисленные хорошие издания, которые могли оказаться среди них.

Реформатор Жан Кальвин (1509–1564), как и Эразм стремившийся способствовать публикации и изучению высококачественных сочинений гуманистов (хотя выдвигал другой эталон качества), жаловался на «запутанный книжный лес» и рекомендовал «серьезные научные комментарии добродетельных и здравомыслящих людей, одаренных как авторитетом, так и рассудительностью»¹²⁷. Оба автора говорили об огромном количестве плохих книг вокруг и призывали увеличивать число хороших книг (гуманистических или добродетельных), надеясь создавать их или способствовать их публикации.

Более специфическая жалоба на количество книг была высказана в 1522 году юристом Джованни Невизцано из Асти (ум. в 1540 году), который отметил, что огромное количество доступных книг затрудняет поиск тех, которые нужны. Правильный выбор среди множества книг становился принципиально важным, потому что «если у ученого нет книг, необходимых для его научных занятий, он теряет право называться ученым»¹²⁸. Некоторые новые жанры отвечали именно этим запросам, предлагая руководства по выбору книг в виде библиографий и инструкций по составлению библиотек. Авторы этих книг о книгах часто изображали недовольство проблемой их переизбытка — в первой библиографии на народном языке Антон Франческо Дони восхищается удачей неграмотных людей, которые избавлены от «книжного проклятья», — но они же обращались к теме книж-

¹²⁷ Calvin. Opera. 1873. Vol. XI, стлб. 634–635 (цит. по: [Gilmont 2003b: 234n87]).

¹²⁸ Giovanni Nevizzano. Inventarium librorum. Lyon, 1522 (предисловие; цит. по: [Balsamo 1990: 31]). Этот комментарий предваряет библиографию юридических книг.

ного изобилия, чтобы обосновать свои труды и способствовать спросу на них [Doni 1551: 4r]. Конрад Гесснер (1516–1565) в своей «Универсальной библиотеке» (1545), охватывающей всю известную литературу на трех ученых языках (латыни, греческом и древнееврейском), также жаловался на «глупость бесполезных сочинений нашего времени» и на «вредный, сбивающий с толку избыток книг», но решение второй проблемы он оставлял на волю государей. Цитируя Плиния («нет такой плохой книги...»), Гесснер делал акцент на накоплении информации обо всех текстах, о которых он сумел узнать, языческих и христианских, рукописных и печатных, сохранившихся и не сохранившихся, не разделяя их на хорошие и плохие: «Мы хотели просто перечислить их, а выбор и суждение оставляем другим» [Gesner 1545: сигн. *3v–4r]. В дополняющих библиографию «Пандектах» (Pandectae, 1548) Гесснер предложил внушительный тематический указатель к книгам, перечисленным в «Библиотеке» (указатель к теологическим сочинениям был издан в 1549 году, а указатель трудов по медицине так и не был закончен). Он объяснял, что предлагаемые инструменты помогут читателям легко найти одну-две полезных книги по интересующей теме среди множества других, а также позволят избежать дальнейшего производства бесполезных книг [Gesner 1548: сигн. 2v; Müller 1998: 295, 303]. Гесснер критически относился к переизбытку книг, но в то же время радовался ему и стремился дать исчерпывающую информацию как по темам, так и по отдельным произведениям, из которых другие могли выбрать то, что соответствовало их интересам и взглядам.

В начале XVII века появился новый жанр — инструкции по формированию и организации библиотек, одной из причин его появления также назывался переизбыток книг: «В наше время количество книг настолько увеличилось, что на поиск конкретной книги приходится тратить больше времени, чем на получение и чтение писем [один из читателей приписал рядом со словом “больше”: “или, по крайней мере, не меньше”]». Именно этим объяснял полезность собственного руководства для частных библиотек по отбору и организации хранения хороших книг (опубликованного в 1631 году) королевский чиновник из Севильи

Франсиско Араос [Araoz 1631: сигн. 8r]¹²⁹. Габриэль Ноде в книге 1627 года, относящейся к тому же жанру, узаконил практику обращения к каталогам других уважаемых владельцев библиотек при формировании собственного книжного собрания, «поскольку на своем опыте мы не можем узнать о достоинствах всех тех книг, которые должны у нас быть». По сходным причинам оба автора рекомендовали покупать и использовать справочную литературу в помощь собственным «неустанным» трудам, поскольку «краткость нашей жизни и огромное количество вещей, которые следует знать в наши дни, чтобы быть причисленным к числу образованных людей, не позволяют делать все самим» [Naudé 1963: 26, 51–52]¹³⁰.

Проблема переизбытка касалась не только количества книг, но и того, что в книгах сообщалось о слишком большом количестве разнообразных, новых и противоречащих друг другу источников, мнений и свидетельств опыта. Разумеется, книги были лишь одним из носителей, с помощью которых распространялось это многообразие, — наряду с письмами, разговорами (и другими формами устной и письменной коммуникации), а также непосредственным опытом. Все эти факторы способствовали увеличению перегрузки. С давних времен книги служили источником опосредованного опыта. С их помощью распространялись рассказы о путешествиях в экзотические места, а также по Европе, в том числе сведения о библиотеках и кунсткамерах. Кроме того, в культуре, основанной на изучении многовековой литературной традиции, как в философии (в центре которой находилось учение Аристотеля), так и в религии (в основе — Библия и сочинения Отцов Церкви), публикация новых или вновь обретенных мнений всякий раз по-новому ставила проблему согласования противоречащих друг другу авторитетных источников. Реакции на про-

¹²⁹ Примечание в экземпляре, хранящемся в BnF; об Араосе см. [Géal 1999: 293–296]. Лопе де Вега называл изобилие книг чрезмерным и сбивающим с толку, см. [Chartier 2004: 140].

¹³⁰ Я написала об этом отрывке подробнее в третьей главе. См. также [Araoz 1631: 4V].

блему было весьма разнообразны: от синкретизма (попытки представить противоположные мнения как составляющие единой истины) до аргументов, отдающих предпочтение одним источникам (например, суждениям Аристотеля, Платона, эпикурейцев, стоиков и т. д.) в ущерб другим, а также принципиального скептицизма, подвергавшего сомнению саму возможность достижения надежного знания на основе каких бы то ни было текстовых источников и мнений авторитетов (позиция, также возникшая еще в Античности). Жалобы на переизбыток книг были характерны для скептического умонастроения. Франциско Санчес, например, утверждал, что не хватит и 10 млн лет, чтобы прочесть все существующие книги, при этом в них в любом случае нельзя найти ничего полезного; этот вывод был вынесен в заголовок его труда «Ничто не известно» (*Quod nihil scitur*, 1581) [Sanchez 1581: 92–93, 99].

Ссылки на избыток книг также часто встречались в работах модернистов, отвечавших на кризис скептицизма призывами игнорировать знания, накопленные в литературных источниках, предпочитая им создание новой философии, основанной на опыте и рациональных принципах. Однако в то время как Рене Декарт (1596–1650) считал обращение к книгам, которых стало так много, в целом неэффективным для получения знаний, Фрэнсис Бэкон предостерегал от прекращения создания новых книг на том лишь основании, что их и без того очень много:

Ведь уверенность в изобилии является одной из причин бедности; и множество книг указывает скорее на роскошь, чем на недостаток. Однако это чрезмерное изобилие (если правильно оценивать вещи) должно быть устранено отнюдь не уничтожением написанных до сих пор, а изданием новых, лучших книг, способных, подобно змею Моисея, пожрать змеев Магов¹³¹ (пер. Н. А. Федорова) [Wacon 2001: II.14, 71].

¹³¹ Пер. по изданию [Бэкон 1977, I: 146–147]. В действительности имеется в виду змей Аарона (старшего брата Моисея), поглотивший змеев египетских волхвов (Исх. 7:12). — *Примеч. науч. ред.*

Аналогичным образом Франсуа де Ла Мот Ле Вайе (1588–1672) беспокоился о том, что «огромное, чрезмерное количество книг, которые мы видим собранными во многих коллекциях», отобьет у новых авторов охоту писать; впрочем, он надеялся, что современных авторов не остановит изобилие дошедшей до нас литературы и они захотят вступить в соревнование с античными авторами, чтобы превзойти их [La Mothe Le Vayer 1668: 113–114, 117].

Во второй половине XVII века модернисты (отстаивавшие приоритет современных произведений над античными), как правило, побеждали в состязании с архаистами (которые ставили превыше всего достижения античных авторов), но это не избавило читателей от переизбытка книг. Даже в таких сферах, как натурфилософия, где античные авторы получили отставку (Аристотелю и Птолемею предпочли Ньютона и механицизм), уже имелось более чем достаточное число современных авторитетов и книг, чтобы возникло ощущение информационной перегрузки. В справочной литературе, сосредоточенной на трудах новой философии, отстаивалась польза таких книг для сокращения массы источников до того уровня, на котором этот материал можно организовать [Уео 2001]. В других областях науки, таких как история, «модернисты» выступали за новые методы архивных и археологических исследований и публикацию объемных собраний документов и манускриптов. Жалобы на перегрузку были своеобразным рефреном на протяжении всего периода существования Республики ученых. Издатели собраний писем озвучивали необходимость сокращения изобилия документов, отбора текстов и составления выдержек, при этом подчеркивалось, что дело срочное [Waquet 1993: 116–117]. Одним из ответов на переизбыток изданий становились журналы. Анри Баснаж де Боваль (1656–1710), издатель «Истории трудов ученых» (*Histoire des ouvrages des savants*) с 1687 по 1709 год, утверждал, что Республику ученых затопил, «как наводнение, переизбыток книг», и предложил в качестве лекарства книжные обзоры¹³². Однако периодика, включая еже-

¹³² Henri Basnage de Beauval. *Histoire des ouvrages des savants*. 1688. P. 339; обсуждение в [van Lieshout 1994: 134].

недельники, такие как «Обозреватель» и «Татлер», и ежедневные газеты, появившиеся в Англии в начале XVIII века, сами по себе увеличили изобилие печатных материалов.

Предупреждения по поводу переизбытка книг становились всё более алармистскими и приводились для подкрепления решений, предлагаемых тем или иным автором. В 1680 году Годфрид Вильгельм Лейбниц жаловался на «чудовищную массу книг, которая всё продолжает расти» и «бесконечное количество авторов, которые рискуют быть совершенно забытыми спустя короткое время». Лейбниц пришел к заключению, что «возвращения к варварству» можно избежать, только если координировать усилия, особенно под покровительством великого правителя, вроде Людовика XIV. Хотя обстоятельства написания этого манускрипта неизвестны, в нем, как и в других сочинениях, Лейбниц высказывался в поддержку одной из множества предложенных им схем коллективной деятельности [Leibniz 1951: 29–30]¹³³. Тема грядущего прихода варварства была сформулирована в печати Адриеном Байе (1649–1706), автором биографии Декарта, в начале многотомного труда «Суждения ученых» (*Jugemens des savans*, 1685), задуманного как собрание заметок о книгах, предназначенных для его сына:

У нас есть причина опасаться, что огромное количество книг, растущее каждый день с умопомрачительной скоростью, приведет к тому, что в будущие века мы вернемся в состояние варварства, подобное тому, которое последовало за падением Римской империи. Если только мы не попытаемся предотвратить это, отделив книги, которые следует выбросить или предать забвению, от тех, которые следует сохранить, а внутри этих последних — полезное от бесполезного [Baillet 1685: I, сигн. avij v (Обращение к читателю)]¹³⁴.

Решением, которое предлагал Байе, и было его собрание «суждений» (напоминающих короткие обзоры книг) в девяти томах (труд остался незавершенным). Хотя современники критиковали

¹³³ Обсуждается в [Yeo 2001: 88]. См. также [Ernst 2002: 451]. О проектах коллективной работы, разработанных Лейбницем, см. [Ramati 1996].

¹³⁴ О контексте и восприятии этой работы см. [Waquet 1988].

труд Байе по многим конкретным вопросам, его непревзойденное драматическое предчувствие тяжелого кризиса, связанного с переизбытком книг, сомнений не вызывало¹³⁵. Очевидно, что по этому поводу современники смогли прийти к согласию.

Некоторое время историки говорили о «революции чтения» в Европе XVIII века — стремительном переходе от интенсивного чтения, сосредоточенного на тщательном многократном перечитывании небольшого количества текстов, считавшихся авторитетными источниками, — к экстенсивному чтению, предполагавшему быстрое знакомство со значительно бóльшим количеством и диапазоном источников, особенно с новыми периодическими изданиями и справочной литературой на национальных языках, которые предлагали опосредованный доступ к недавно опубликованным книгам благодаря обзорам, публикуемым отрывкам, полемике и мимолетным упоминаниям. Более основательные исследования по истории чтения отказались от строгой периодизации и самого представления о неожиданных изменениях, которые подразумевало понятие «революции чтения» [Engelsing 1970; Wittmann 2003]. Я наблюдаю скорее не резкие изменения, но развитие и распространение новых методов чтения наряду с продолжающимся использованием старых моделей. Чтение в справочных целях существовало среди образованных людей и в предыдущие столетия, и методы его передавались непрерывно по меньшей мере с XIII века, так что определенно новым явлением в практике чтения XVIII века было не справочное чтение, а увлечение романами, ставшими новым и успешным жанром. И напротив, «интенсивное чтение», классическим примером которого служили многократные повторения библейского текста, по-прежнему практиковалось в XVIII веке, по крайней мере в религиозных кругах, например среди пиетистов, методистов и в католических монашеских орденах. (Об изданных в 1786 году рекомендациях Саккини по вдумчивому чтению см. в следующей главе.) Опытные читатели применяли разные техники чтения в зависимости от текста и целей знакомства с ним. Это равным

¹³⁵ Современную критику см. в [Boschet 1691].

образом справедливо для наших дней, как и для XIII века, хотя в те времена диапазон возможностей был не таким широким (не было романов и периодики). У менее опытных читателей тогда, как и сейчас, имелся меньший набор вариантов, как и что читать.

Исследование, посвященное Сэмюэлу Джонсону (1709–1784), выявило четыре разных типа чтения, которые он использовал и сам описал: «усердное изучение» научных книг с карандашом в руке, «внимательное чтение» при целенаправленном поиске информации, «чтение из любопытства» при погружении в роман и «просто чтение» — при просмотре и беглом изучении текстов «без привлечения пристального внимания» [DeMaria 1997a: 1–15]. Друг Сэмюэла Джонсона Джеймс Босуэлл (1740–1795), настроенный более оптимистично, чем те, кто предрекал упадок цивилизации из-за переизбытка книг, защищал современное положение дел в образовании следующим образом:

Утверждается, что эта излишняя плодовитость, это изобилие печатной продукции в наше время вредит хорошей литературе, потому что побуждает нас читать так много низкопробных текстов, следуя моде, что лучшие произведения игнорируются из-за нехватки времени, поскольку люди скорее удовлетворят свое тщеславие, продемонстрировав в разговоре знакомство с современной литературой, чем знание лучших античных произведений. Но следует учитывать, что в целом знания распространяются теперь в большем объеме; все наши леди читают, и это сильно увеличивает аудиторию.

Босуэлл повторил некоторые из жалоб Эразма, но пришел к удовлетворительному выводу о том, что стандарты образования улучшились: «В старые времена люди осмеливались демонстрировать такую степень невежества, которую никто не решится обнаружить теперь... Сейчас в мире гораздо больше образованности, чем было раньше, потому что она распространяется повсеместно» [Boswell 1934, 3: 332–333; 4: 217]. Независимо от того, подразумевал ли Босуэлл под «старыми временами» Античность, позднее Средневековье или Возрождение, акцент, который он

делает на социальном распространении образования как на отличительной черте XVIII столетия, подтверждает выводы, сделанные в моем кратком обзоре.

Упоминания об изобилии книг встречаются во множестве исторических и культурных контекстов до начала Нового времени, в основном в виде морализирующей критики или в качестве обоснования для создания новых произведений того или иного рода. Но ощущение избытка текстов оставалось уделом узкой образованной элиты до тех пор, пока совокупное влияние книгопечатания в сочетании с различными другими факторами не позволило переживать его значительной массе образованных людей. Несмотря на разногласия в оценке этого избытка (его преимуществ и недостатков, а также решений проблемы, которые предлагались), в Европе XVII и XVIII веков сложился консенсус относительно реальности самого этого явления, хотя, как отметил Ричард Йо, люди при этом продолжали жаловаться на нехватку конкретных книг (как это делаем мы в наши дни, не отрицая явления информационной перегрузки в целом) [Yeo 2001: 93–94]. *Multitudo librorum* не было исключительно результатом использования новой технологии — восприятие количества книг как чрезмерного существовало еще до появления книгопечатания, как в Европе, так и в других местах, а в Китае книгопечатание еще прежде существовало веками и не считалось причиной избытка текстов. Изобретение книгопечатания в Европе совпало с возрождением стремления к накоплению информации, существовавшего в прежние времена, но возвращенного к жизни гуманистами. Объемные компиляции, создававшиеся начиная с XV века как в печатной, так и в рукописной форме, вносили свой вклад в изобилие информации, но также предлагали модели ее организации. В следующей главе я рассмотрю происхождение этих компиляций, берущих начало в рукописных заметках, с помощью которых ученые люди отбирали и сортировали отрывки из прочитанных книг, чтобы сохранять ценную информацию для себя и для других.

Глава 2

Читательские заметки как метод организации информации

Книгопечатание помогло увеличению объема справочных книг, их более широкому распространению в то время и лучшей сохранности в более поздние периоды. Но наличие печатного станка не объясняет ни спрос на такие работы, ни предложение. Почему компиляторы и авторы начали составлять такое количество собраний цитат и текстового материала, еще до того, как стал очевиден коммерческий успех соответствующих жанров? И почему эти жанры вообще оказались столь успешны? Почему такое количество образованных людей решили приобретать эти сравнительно дорогие книги? За ответами на некоторые вопросы я обратилась к малоизученному, но при этом повсеместно распространенному явлению — практикам ведения читательских заметок и выписок. Они тесно связаны с организацией информации в справочных изданиях по крайней мере двумя способами. Во-первых, издание печатных компиляций было бы невозможным, если бы хоть один автор (а обычно их было больше одного) не добавлял в окончательный продукт множество заметок, сделанных в процессе чтения. Во-вторых, эти книги не нашли бы своих покупателей, если бы не воспринимались как предлагающие нечто необходимое читателям. Печатные компиляции предлагали своего рода готовые читательские заметки, которые хотелось бы иметь многим студентам и ученым, но они не в состоянии

были сделать их сами из-за недостатка времени, сил или доступа к книгам. Конрад Гесснер, например, заметил в своем издании Стобея: «Кто из образованных людей, спрашиваю я вас, не делает выписки общих мест при ежедневном чтении о нравственных материях или не жалеет о том, что их не делает?» [Gesner 1559: сигн. абг]. Справочная литература обычно предлагала вниманию читателей более объемные коллекции отрывков, чем большинство людей было в состоянии собрать за всю жизнь. Изучение практики читательских заметок, распространенной в Европе раннего Нового времени, помогает, таким образом, объяснить формы и сферы применения печатной справочной литературы и пролить свет на процесс, превращавший чтение в нечто потенциально полезное для устной и письменной речи. Сегодня читательские записи и выписки приобретают многообразные формы, от характерных для Европы раннего Нового времени (чернилами на бумаге на полях книг, в читательских дневниках или на отдельных листках) до различных электронных способов. Блоги дают авторам возможность делиться своими наблюдениями из прочитанного или из опыта с другими, так же как делали это некоторые педагоги XVII века, рекомендовавшие делиться собственными заметками внутри группы. Но современные заметки сильно отличаются у каждого составителя, никто больше не придерживается стандартного набора тематических заголовков, который сформировался благодаря педагогической деятельности и печатной справочной литературе.

Важнейшая мысль этой главы состоит в том, что новое отношение к читательским заметкам должно играть важную роль в объяснении возникновения больших коллекций таких записей в период раннего Нового времени. Начиная с эпохи Возрождения к заметкам относились не столько как к временным инструментам, сколько как к долгосрочным, заслуживающим существенных вложений времени и сил и сохранения для многократного использования, а в некоторых случаях и для того, чтобы делиться ими с другими (сотрудниками по проекту, коллегами или наследниками). Сборники читательских выписок рассматривались как сокровищницы или хранилища, в которых следует накапливать

информацию, даже если она не служит удовлетворению каких-то сегодняшних целей. Такой накопительный подход к читательским заметкам требовал уделять большее внимание организации и поисковым инструментам, поскольку изначально не было ясно, для чего именно можно будет использовать эти заметки, а огромный объем накопленного затруднял запоминание.

Предпосылкой для развития в эпоху Возрождения практики хранения многочисленных записей стала доступность бумаги, менее дорогой, чем пергамен, но при этом долговечной и простой в хранении, в отличие от других материалов, использовавшихся для временных заметок, таких как воощенные дощечки. Недавние исследования показали, что распространение бумаги в мусульманском мире дало толчок резкому росту количества письменных произведений самых разных жанров. В Европе распространение бумажного производства (случившееся позднее, чем было засвидетельствовано первое использование бумаги) из Италии в середине XIII века в Германию в XIV веке сделало возможным изготовление и сохранение документов, не стоивших расходов на пергамен, включая значительные объемы личной и дипломатической переписки, нотариальных и государственных документов, записей коммерческого учета, ученических заметок и рабочей документации ученых¹. Бумага и пергамен использовались одновременно, но применялись в различных пропорциях, зависевших от местных условий распространения публикаций вплоть до середины XV века. В этот момент распространение книгопечатания привело к взрывному росту объемов производства бумаги, которая теперь требовалась для типографий [De Hamel 1992: 16]².

¹ Об исламе см. [Bloom 2001]. Впрочем, в этой работе не дается обстоятельного исследования начала использования бумаги в Европе; периодизацию см.: URL: <http://www.baph.org.uk/general%20reference/early%20> (дата обращения: апрель 2008); о ситуации в Англии см. [Lyll 1989]. См. в [Dover 2007] о росте объема дипломатической корреспонденции в Италии в XV веке и развитии княжеской и папской бюрократии, а также [Davis 2004] об архиве семьи Пастон, формировавшемся в Англии с 1422 по 1509 год.

² О новых бумажных фабриках см. [Weiss 1983: 62–69]. Сравнение пергамента и бумаги см. в [Kwakkel 2003; Booton 2006].

Увеличение доступности бумаги (обычно подразумевавшее снижение цен) подписало окончательный приговор пергамену, который использовался с тех пор только для книжных переплетов и немногочисленных роскошных манускриптов или печатных изданий (например, на пергамене мог печататься подносной экземпляр, предназначенный для богатого покровителя). Хронологическая корреляция между появлением первых больших коллекций рукописных заметок гуманистов и началом книгопечатания, таким образом, может отчасти объясняться значением книгопечатания в стимулировании производства бумаги. Однако доступность бумаги как новой технологии, облегчающей хранение заметок и комментариев, не может сама по себе объяснить развитие новой практики.

Тенденция к сохранению читательских заметок была частью более общего культурного феномена — собирательства и накопления в Европе раннего Нового времени, благодаря чему появлялись не только компиляции текстов в виде рукописей и печатных изданий, но и коллекции природных и искусственных объектов, от растений и минералов до медалей, живописи и различных «диковин»³. Непросто объяснить то внимание, которое многие представители элиты стали уделять фиксации, сохранению и организации информации о местах, предметах и авторах, как хорошо известных, так и новых. Применительно к текстовым компиляциям, некоторых плодovitых составителей стимулировало приобретенное новую остроту осознание утраты античной науки и желание предотвратить подобные потери в будущем. Другие компиляторы собирали рукописные материалы в надежде опубликовать их и заслужить таким образом определенную репутацию или получить финансовую прибыль. Книгопечатание наряду с усовершенствованием почтовых систем, вероятно, усилили осознание того, что ученые трудятся для общей пользы международной Республики ученых, особенно распространяя информацию по формальным и неформальным каналам. Мотивация к составлению больших собраний текстовых материалов, какой

³ О культуре коллекционирования см. [Findlen 1994; Impey, MacGregor 1985].

бы сложной ни была ее подоплека, стимулировала оттачивание старых и развитие новых навыков организации информации как в рукописном, так и в печатном виде. В этой главе я рассмотрю принципы ведения читательских заметок, характерные для раннего Нового времени (уделяя также внимание, в сопоставительном ключе, существованию этой практики в Античности и в Средние века), и покажу, что заметки часто были востребованы не только теми, кто их делал, но и другими людьми — теми, кто надеялся их использовать.

К истории составления заметок

«Составление заметок» — общий термин, относящийся к разного рода записям, выражающим реакцию на устную информацию, чтение или размышления и часто более или менее напрямую связанным с подготовкой некоего сочинения или выступления (устного или письменного). Лишь небольшая часть заметок, сделанных в тех или иных обстоятельствах, сохранилась и стала предметом изучения историков. Сегодня, как и в прошлом, многие примечания предназначаются для кратковременного использования и не хранятся. Но даже заметки, предназначенные для сохранения, часто уничтожались, либо в ту же эпоху, когда они были составлены, либо в последующие столетия, как намеренно, так и случайно. В результате изучение истории заметок требует сопоставления свидетельств, содержащихся в сохранившихся записях, с рекомендациями того времени по поводу составления заметок, описаниями принципов работы и готовыми трудами⁴.

Главной чертой ведения заметок в эпохи, предшествовавшие Новому времени (и практически незнакомой нам теперь), являлось использование для временных записей таких поверхностей, с которых легко можно стирать написанное. Во многих случаях эти записи уничтожались сразу после использования, но иногда наиболее ценные комментарии переписывались на более долго-

⁴ Обсуждение общих вопросов см. в [Blair 2004; Daston 2004; Cevolini 2006a].

вечные поверхности и сохранялись. Эта техника была основной при конспектировании устных мероприятий, таких как лекции, проповеди или речи, содержание которых, как правило, стало нам известно только благодаря записям, сделанным слушателями. Первичные заметки, составлявшиеся в спешке, служили основой для более обработанных текстов, которые и подлежали распространению, часто (но не всегда) после их просмотра автором и выдачи соответствующего разрешения. Например, работы Аристотеля, которые дошли до нас, по всей вероятности, основаны на записях слушателями его устных лекций и были утверждены автором для публикации. Аналогичным образом, при записи трехсот с лишним прочитанных им проповедей, Бернард Клервоский (1090–1153) полагался на своих секретарей, которые конспектировали его выступления, а Бернард затем проверял их и готовил для публикации. Однако другие слушатели, присутствовавшие при этом, могли делать собственные записи проповедей, и в результате распространялись не утвержденные автором версии текста⁵. Составление заметок, таким образом, играло ведущую роль в создании разного рода текстов, в том числе объемных компиляций, как будет показано в главе 4.

Поверхности для письма, предназначенные для стирания, обычно использовались для временных записей; сделанные на них заметки, кроме последних, невозможно было восстановить даже в тех случаях, когда эти чисто функциональные, бытовые предметы вообще сохранялись. Стандартно в этой роли, начиная от Античности и вплоть до эпохи Возрождения, выступали восковые таблички: одну или несколько скрепленных табличек покрывали воском, после чего на них можно было писать стилусом, а затем стирать написанное и использовать таблички повторно [Chartier 2007; Brown 1994; Rouse, Rouse 1989]⁶. В Англии

⁵ О конспектировании устных выступлений см. [Blair 2008b; Jaeger 1934: 317 и passim; Leclercq 1953].

⁶ Замечательный тайник с табличками был обнаружен в 1973 году в Виндоланде, на месте размещения римского гарнизона на границе с Британией (в настоящее время — Честерхолм); см. [Bowman, Thomas 1983].

раннего Нового времени также продавались таблички для письма карманного размера, сделанные из бумаги, обработанной специальным образом до состояния твердой поверхности, записи на ней делались специальным металлическим стилусом, а стереть их можно было с помощью небольшого количества влаги [Stallybrass et al. 2004]⁷. Согласно имеющимся свидетельствам, в XVI веке в Европе при обучении музыке использовали грифельные доски разного размера, как для занятий в группе, так и для личного применения (такими пользуются и сегодня), их же использовали по крайней мере до XVIII века при обучении астрономии. Подносы из древесины или плитки, покрытые тонким слоем песка, на котором можно было писать палочкой, а затем легко стирать, были еще одним материалом для записей, имевшим долгую историю: их использовали для подсчетов в древнем Вавилоне и в средневековом мусульманском мире, а в Европе, вплоть до Викторианской эпохи, ими пользовались главным образом дети, учившиеся писать, и художники, делавшие наброски⁸. Сделанные на таких носителях временные заметки оставили следы исключительно в виде заметок более высокого уровня, составленных на их основе и дошедших до наших дней.

Хотя историки могут оплакивать утрату свидетельств, содержащихся во временных заметках, избавление от лишнего всегда было существенным условием их успешного ведения. Исключение лишнего повышает полезность сохраняемых заметок, за счет удаления утративших актуальность материалов. Один мусульманский ученый рассказывал, что уничтожал свои черновики, чтобы более ранние версии работ не попадали в руки переписчиков, которые могли бы распространять их в ущерб версиям, одобренным самим автором [Birnbaum 1997: 245]⁹. В наши дни,

⁷ Об аналогичных табличках в Испании см. [Chartier 2007: гл. 2].

⁸ О грифельных досках см. [Owens 1997: гл. 5, 74–107; Dooley 1984: 129]. О песчаных табличках см. [Bloom 2001: 129; Beal 2008: 356]. Благодарю Питера Била за то, что он привлек мое внимание к этому писчему материалу.

⁹ По аналогичным причинам, согласно [Baillet 1685: II.2, 150], сжег свои черновики Эразм.

когда с технологической точки зрения можно ничего не выкидывать и фиксировать повседневный опыт практически исчерпывающим образом, мы чаще всего по-прежнему перезаписываем более ранние версии файлов, выбрасываем бумаги и стикеры для заметок и фиксируем свой опыт лишь выборочно¹⁰. Выбракровка и забывание играют ключевую роль в эффективной организации информации. Навык забывания не тренируется и не поощряется, в отличие от навыка запоминания (вероятно, он может быть невозможным, например, в случае сильного эмоционального переживания), напротив, он формируется пассивным образом, когда человек не делает записей и не пытается запомнить что-либо [Cevolini 2006b; Weinrich 1996]¹¹. Исключение лишнего способствует забыванию, независимо от того, насколько оно полезно для деятельности автора заметок или для его репутации в будущем. Некоторые комментаторы, предвидя сохранение их заметок после их смерти, заранее удаляли из них все лишнее. Роберт Бойль выбросил рабочие бумаги, предшествовавшие его публикациям, и пометил многие другие бумаги предназначенными к уничтожению (хотя эти инструкции не всегда четко выполнялись), предположительно, потому что полагал, что превзошел старые результаты в более поздних трудах [Hunter 1998b: 130].

В других случаях комментарии не сохранились по той причине, что были физически включены (а не переписаны) в манускрипт, использованный для печати. Повторное использование записей, экономившее затраты труда на их копирование, также приводило к разрушению источников, потому что на рукописи, используемые для набора, как правило, наносилась разметка, а после печати их выбрасывали. Особенно увлекались такого рода уничтожением заметок составители объемных компиляций. Об этом будет сказано подробнее в главе 4. Пьер Бейль (1647–1706),

¹⁰ О «MyLifeBits», проекте всеобщего самоархивирования, или «записи жизни», см.: URL: <http://research.microsoft.com> и [Wilkinson 2007]. Современные фирмы обычно уничтожают 96 % своей документации [Hodson 1972: 9].

¹¹ О редком случае обсуждения забывания в трактатах о памяти раннего Нового времени см. [Carruthers, Ziolkowski 2002: 251].

например, оставил после себя заметки, которые дошли до нас, но относятся исключительно к периоду, предшествовавшему работе над объемным «Историческим и критическим словарем» (*Dictionnaire historique et critique*). Заметки, которые он делал после начала работы, были предназначены для решения конкретных задач и использовались непосредственно в составлении словаря. Вероятно, Бейль вставлял их в рукопись, которую отдал затем издателю; таким же образом он поступал с полученными письмами, из которых хотел привести выдержки¹². Аналогичным образом, среди рукописей Сэмюэла Джонсона (1709–1784) единственными сохранившимися заметками к его «Словарю английского языка» были те, которые собирались для четвертого издания, но неожиданно были исключены из публикации. Они представляют собой рукописные заметки на кусочках бумаги, наклеенные на страницы в определенном порядке и подготовленные, таким образом, для печати [Reddick 1996; Johnson S. 2005]¹³.

Разумеется, во многих случаях тексты оказывались утраченными в результате того, что заметки, тщательно собранные автором, выбрасывались наследниками, которые не видели в них ценности, или когда они рассеивались после продажи на одном или нескольких аукционах, что приводило к тому же печальному результату [Beal 2007]. Заметки на полях и форзацах (печатные или рукописные) часто сохранялись случайно благодаря хорошему хранению книг. Но пространственные заметки и черновики обычно писались на разрозненных листках бумаги, которые затем скрепляли, и в тетрадах, переплетенных или непереплетенных, сохранность которых зависела от доброй воли огромного числа посредников. Для того чтобы коллекция черновиков сохранилась в качестве личного архива, требовалось выполнение множества условий, таких как достаточная долговечность самих бумаг, су-

¹² Это наблюдение было сделано современником Бейля де Мезо и подтверждено в [Labrousse 1963: 48n97]. См. также [van Lieshout 2001: 99–100, 103, 297; Nedergard 1958].

¹³ Благодарю Аллена Реддика за беседы, которые очень мне помогли.

ществование институтов (библиотек, академических учреждений типа Королевского общества, семей), которые обеспечили бы их хранение, и, прежде всего, желание автора и его непосредственных наследников сохранить историю сочинений — обычно это делалось в тех случаях, когда осознавалась их значимость для потомков или для международного сообщества ученых.

Изучению личных архивов положила начало школа литературной критики («генетической критики»), главным объектом внимания которой стали знаменитые авторы XIX и XX веков, часто передававшие свои черновики на хранение в национальные библиотеки. Задача генетической критики состоит в реконструкции творческого процесса великих авторов путем последовательного изучения их архивов, от читательских заметок до черновиков и редакторских правок. Такой подход особенно часто практиковался начиная с XIX века, когда литераторы, проникнувшись сознанием собственной гениальности, завещали свои архивы библиотекам в качестве вклада в национальное достояние¹⁴. Пути сохранения авторских архивов более ранних периодов менее предсказуемы. Самые ранние сохранившиеся авторские рукописи датируются концом XI века и были обнаружены в Италии. Среди них рукописи Петрарки XIV века. Однако крупные коллекции бумаг ученых, дошедшие до наших дней, датируются не раньше XV века, от XVI и XVII веков сохранилось больше таких собраний. В большинстве случаев рабочие черновики изучали, чтобы понять эволюцию мышления автора и процесс создания сочинений, однако новые подходы предполагают большее внимание к тому, что личные архивы могут рассказать о методах работы в различных обстоятельствах [Retrussi 1995: гл. 8]¹⁵.

¹⁴ Виктор Гюго был первым писателем, который завещал свой архив Национальной библиотеке, см. [Espagne 1998: 217; Grésillon 2000]. О типологии черновиков см. [de Biasi 1998: 36].

¹⁵ Об исследовании рукописей Петрарки см. [Baron 1985; Wilkins 1977]. В [Hunter 1998a] впервые изучены коллекции, о которых здесь идет речь, и принципы их создания.

От Античности, когда в качестве долговечного носителя информации использовался папирус, черновики дошли только в небольших фрагментах, если только их сохранности не способствовали особенные условия. У нас есть, например, некоторые записи и черновики трактатов эпикурейского философа Филодема (110–40 до н. э.), сохранившиеся под семидесятифутовым слоем вулканического пепла в Геркулануме. Другой папирус, обнаруженный в египетской Туре, содержит заметки к полемическому произведению Отца Церкви Оригена (185–254), в том числе точные цитаты разной длины и конспект его книги «Против Цельса» [Gigante 1995: 16; Dorandi 2000: 45]. Многие античные тексты уцелели благодаря составлению пергаменных списков, однако заметки подобным образом не воспроизводились. В результате обсуждение античных методов работы строится в значительной части на анализе дошедших до нас законченных текстов и свидетельств, содержащих комментарии о принципах работы, таких как знаменитое высказывание Плиния о его обширном круге чтения и читательских заметках в одном из писем его племянника (которое я обсуждаю подробнее ниже).

Средневековые рабочие материалы на пергамене вполне могли сохраниться до наших дней. Однако для рукописной эпохи труднее, чем для эпохи печатных изданий, понять, что именно составляло заметку — то есть кусочек текста, предназначенный не для распространения, а для личного пользования, скажем, в процессе подготовки законченного произведения. Например, богослов-схоласт Годфруа де Фонтен (до 1250 — после 1305) оставил коллекцию отрывков и аннотаций прочитанных им трудов, которую легко можно было бы счесть собранием заметок. Другие манускрипты, уцелевшие в единственном экземпляре, вполне могли быть личными тетрадами, составленными при работе над каким-то проектом [Glorieux 1931; Hamesse 1994: 191 слл.; Glorieux 1968, VI: 178]. В частности, рукописные альманахи, объединяющие фрагменты разных текстов (которые бывает трудно идентифицировать, а принцип сочетания текстов — тяжело объяснить), в некоторых случаях могут рассматриваться как коллекции записей, которые велись на пергамене для долгосрочного исполь-

зования. В самом деле, единый замысел альманаха, как и сборника читательских заметок, определялся частным лицом, выступавшим в качестве заказчика, по причинам и в соответствии с критериями, которые обычно не озвучивались. Комментарии к Библии или юридическим текстам, собиравшиеся на протяжении нескольких поколений, также могли объединяться в отдельные произведения, такие как Толковая Библия или «Декрет» Грациана¹⁶. К сожалению, в нашем распоряжении имеется очень мало черновиков и рабочих архивов, сохранившихся со времен Средневековья. Авторы часто работали на поверхностях для временных записей — поэт XII века Бальдерик Бургулийский, например, упоминал, что сочиняет на восковых табличках. Рабочие записи, сделанные на пергамене, могли утилизироваться ради писчего материала, как это произошло с черновиками библейского конкорданса, послужившими материалом для переплетов более поздних манускриптов [Chartier 2007; Rouse, Rouse 1974b: 11]. Авторы часто работали, надиктовывая тексты секретарю, но даже если речь идет о собственноручных записях, в дошедших до нас автографах отсутствуют подготовительные материалы, а предлагается лишь окончательная или почти окончательная версия текста [Petrucci 1995: 148–150; Chiesa, Pinelli 1994; Hamesse 1994; Cécile 1981; Lehmann 1959: 359–390].

Средневековые заметки на полях манускриптов легко идентифицировать, однако примечания к одной и той же рукописи могут быть написаны разными почерками и в нескольких вариантах. На начальном этапе заметки, вероятно, делали профессиональные читатели, которых нанимали для составления разного рода вспомогательных инструментов, облегчающих чтение владельцу рукописи: речь могла идти об инструментах для запоминания или медитации, об улучшении дизайна страницы; но иногда добавлялись комментарии, в которых проявляется саморефлексия и высказываются мнения, отличающиеся от общепринятых [Kerby-Fulton, Hilmo 2001; Kerby-Fulton, Despres

¹⁶ Об альманахах см. [Petrucci 1995: гл. 1; Nichols, Wenzel 1996]. О «Glossa» см. [Smith 2009], о Грациане — [Winroth 2000].

1999: 75–81]¹⁷. Следующие владельцы, читая книгу, могли добавлять собственные исправления и заметки. В записях на полях можно увидеть отдельные признаки использования систем составления заметок, благодаря которым стало возможно появление конкордансов и схоластической практики обильного цитирования, подразумевающей перекрестные ссылки на другие места, а также использование символов или заголовков, маркирующих обсуждаемый материал (как, например, пометки Роберта Гроссетеста). Кроме того, были основательно изучены так называемые *reportationes*, то есть записи, сделанные во время устных выступлений, таких как проповеди или лекции [Bériou 1989; Hamesse 1986; Blair 2008b].

Альтернативный способ составления заметок поощрялся в Средние века среди участников духовных движений нового образца, таких как Братство общей жизни (1380–1500). Их «*gariparia*» сочетали в себе личные заметки и духовные размышления с цитатами, выписанными из религиозных текстов. Дневники имели более сложную траекторию, однако часто пересекались с форматом тетради читательских заметок [van Engen 1999; Fothergill 1974]. Известно, что итальянские купцы XIV и XV веков вели «*ricordanze*», в которых личная информация сочеталась с деловой. В тот же период появился другой жанр, называвшийся «*zibaldone*», — особые тетради, которые вели писатели, художники и купцы, собирая в них самую разнообразную информацию: исходящую корреспонденцию, копии документов, указатели к книгам, списки иллюстраций и выдержки из самых разных текстов, как поэтических, так и прозаических, рекомендации по торговле, правовую информацию, таблицы весов и мер [Branca 1999; Boccaccio 1915; Dotson 1994; Vasari 1938; Vecce 1998].

Составление заметок очевидным образом перестало быть уделом одних лишь ученых. Торговая, медицинская, юридическая деятельность (в числе прочих) предполагали определенные методы ведения записей. Советы врачам включали рекомендацию записывать наблюдения и открытия, сделанные в процессе лече-

¹⁷ Благодаря Джона ван Энгена за советы.

ния пациентов и чтения авторитетных источников. Изучение юридических заметок представляло собой отдельную практику, что, начиная со Средних веков, сделало обилие ссылок на источники характерной чертой трудов по правоведению¹⁸. В Англии XVII века стремление протоколировать заседания Парламента привело к распространению стенографии, в которой практиковались множество разных систем. Большинство стенографических заметок использовались для составления полных протоколов, а затем выбрасывались, однако Сэмюэл Пипс, как известно, вел свой дневник в форме стенограммы, чтобы сохранять его содержание в тайне¹⁹.

Ученые раннего Нового времени чаще всего называли своим образцом купеческую практику ведения двух тетрадей: дневник (или журнал), куда записывались сделки в порядке их заключения, и гроссбух, в котором те же сделки сортировались по категориям, как при двойной записи в бухгалтерском учете. Кроме того, Фрэнсис Бэкон сравнивал одну из своих записных книжек с «купеческой книгой расходов, куда можно записывать воспоминания о любого рода содержании и форме, делах и занятиях, касающихся меня, услугах и прочем, ведя запись либо беспорядочно, либо по графику, без каких-либо ограничений» [Sacchini 1614: 91 (гл. 13); Bacon 1868, 11: 62]²⁰. В справочнике XVIII века по бухгалтерскому учету записи подразделяются на три этапа, которых следовало придерживаться купцу: книга расходов,

¹⁸ О медицине см. [Durling 1991: 195]. О нотариальных заметках как модели литературного письма в Средние века см. [Petrucci 1995: 152–157]. О юридических заметках Томаса Джефферсона см. [Bilder 2010].

¹⁹ Цит. по: [Vickers 1996: xliii]. Майкл Мендле готовит культурно-историческое исследование стенографии в Англии раннего Нового времени; см. [Mendle 2006; Pepys 1970, I: xcvi–slл.].

²⁰ Альдрованди ссылался на купеческую практику, чтобы объяснить расположение своих записей в алфавитном порядке: «...и, по образцу купцов, я упорядочил каждую книгу по алфавиту» («moreque mercatorum dividebam in ordinem alphabeticum quolibet librum») (Bologna MS, Aldrovandi: 21, II, 168–189, цит. по: [Giudicelli-Falguières 1988, II: 247–248, 272]. Благодарю автора за разрешение ознакомиться с его диссертацией в Библиотеке Сорбонны. См. также [Meinel 1995: 172].

журнал (упорядоченный систематическим образом) и гроссбух (включающий указатель, облегчавший доступ к данным об определенных персоналиях, местах и товарах). Такой «трехслойный» принцип ведения записей очень нравился писателю Георгу Кристофу Лихтенбергу (1742–1799), хотя его собственные записки, опубликованные посмертно в форме «Sudelbücher», лучше всего иллюстрировали первый из перечисленных трех этапов, представляя собой беспорядочное собрание афористичных мыслей и выдержек из книг²¹. Восприятие купца как образца для подражания в деле составления заметок (идея об этом была высказана Цицероном в одной из речей) пережила период раннего Нового времени, однако приспособилась к новым технологиям: сторонник использования каталожных карточек в начале XX века, например, призывал следовать в этом примеру «бухгалтеров новой школы» [Chavigny 1920: 16]²².

Несмотря на упоминание тетрадей купцов в качестве образца, главной причиной усиленного внимания к составлению заметок в XV и XVI веках стала гуманистическая педагогика. Стремясь инициировать возвращение к первоначальной чистоте классической латыни, гуманисты выступали за тщательное изучение образцов античной риторики, особенно путем копирования лучших мест из прочитанного в тетради, откуда эти цитаты можно было затем использовать для подражания и цитирования. Тетрадь служила готовым источником «многообразия» (*copia*) изящных формулировок, которое высоко ценились гуманистами как в устных, так и в письменных выступлениях. Но хотя гума-

²¹ О сочинении Уильяма Уэбстера «An essay on book-keeping» (1719) и о сравнении, которое сделал Лихтенберг, см. [Te Heesen 2005]. Те Хесен также отметил случай обратного влияния, описывая кабинет коммерческих образцов, устроенный по образцу кунсткамер, см. [Te Heesen 2002: 147]. Цедельмайер полагает, что ученые методы организации информации легли в основу бюрократических моделей; см. [Zedelmaier 2004: 203]. О Лихтенберге см. [von Arburg 2003].

²² Цицерон противопоставлял недолговечным запискам купцов более основательные бухгалтерские книги, рассчитанные на непрерывную запись; см. Cicero, Pro Roscio comoedo: II, 7.

нисты, прежде всего Гуарино да Верона (1370–1460), Эразм Роттердамский (1466–1536) и Хуан Луис Вивес (1492–1540), изложили принципы составления тетрадей общих мест, в которых фразы, достойные подражания, должны были записываться под тематическими заголовками, они не дали подробных практических инструкций в печатном виде [Moss 1996: 54–55]²³. Первое руководство, посвященное исключительно эксцерпированию, или ведению записей в процессе чтения, было составлено для учащихся продвинутых классов, то есть классов риторики в иезуитских коллегиях, Франческо Саккини (1570–1625), профессором риторики Римского коллегия. «De ratione libros cum profectu legendi libellus» («Маленькая книжечка о том, как читать книги с пользой») была опубликована в 1614 году, затем последовали еще шесть изданий, перевод на французский в 1786 году (для использования кальвинистами, судя по посвящению издания пастору из Женевы) и на немецкий — в 1832 году²⁴.

Так же долго оставался в употреблении, причем издавался даже чаще, справочник Иеремии Дрекслея (1581–1638), иезуита, родившегося в Аугсбурге, известного проповедника, сочинившего более двадцати трактатов о нравственности, многие из которых

²³ О методах Гуарино см. трактат его сына Баттисты в [Guarino 2002]; Эразм пишет о тетрадях общих мест в работах «De coria» и «De ratione studii» (Базель, 1512) в [Erasmus 1978: 605–606, 636–638, 672]; Вивес излагает свои соображения на этот счет в «De tradendis disciplinis» (1531) в [Vives 1971: 108, 133].

²⁴ Дальнейшие ссылки на Саккини даются по изданию [Sacchini 1614]. Сердечно благодарю Гельмута Цедельмайера за предоставленную фотокопию книги. Следующие издания включают: Сен-Мийель, 1615; Ингольштадт, 1616; Бордо, 1617; Диллинген, 1621; Лейпциг, 1711, 1738; Ванн, 1866. Книга была переведена на французский [Sacchini 1786] и немецкий языки — «Über die Lektüre, ihren Nutzen und die Vortheile sie gehörig anzuwenden» (Карлсруэ, 1832). Благодарю Гельмута Цедельмайера за информацию о немецком издании, которое не было мне доступно. «De ratione... legendi» Саккини стала источником для «Ars bene scribendi» Райнерио Карсуги (Рим, 1709), как указано в [Haskell 2003: 260]. Полный обзор практик составления заметок иезуитами (включая записи под диктовку) см. в [Nelles 2007]. Благодарю Пола Неллеса за наши разговоры в разные годы, которые были мне полезны. О Саккини см. также [Dainville 1978: 224–227].

часто переиздавались. Одна из его последних работ, «Aurifodina» — «Кладезь всех искусств и наук, или Мастерство эксцерпирования», — была напечатана в 1638 году (в 2000 экземпляров) и до 1695 года переиздавалась четырнадцать раз, а также вышла в сокращении на латинском (1658), немецком (1684) и английском языках. Последний перевод, представлявший собой сокращение на пяти страницах, приписываемое «покойному епископу Хорну», был опубликован по крайней мере дважды, в 1795 и 1814 годах (вместе с некоторыми советами Локка по ведению тетрадей общих мест) [Drexel 1638]²⁵. Подчеркивая важность ведения заметок для принцев и королей, Дрексель уподобил читательские выписки лучшему виду шахты, который неизменно вознаграждает добросовестную работу [Ibid.: Посвящение, сигн. A4r-v]. Во второй половине XVII века немецкими (и другими протестантскими) преподавателями риторики были опубликованы еще по крайней мере четыре руководства, некоторые из которых восходили к сочинению Дрекслея. Справочники по составлению заметок были одним из видов книг учебных рекомендаций, появившихся в середине XVII века. Произведения этого жанра, вышедшие на латыни, не были конфессионально специфическими, но особенно процветали в германских областях, где в предыдущие века было основано множество университетов, конкурировавших за студентов и престиж. Ко второй половине XVII века стали доступны рекомендации на народных языках, адресованные читателям за пределами школьной и университетской среды. Одним из таких пособий стало сочинение «De la connaissance des bons livres» («О знании хороших книг») Шарля Сореля (ок. 1602–1674), королевского историографа и плодовитого автора,

²⁵ За ним последовали издания в Антверпене (1641, 1642, 1657, 1658, 1691), Кёльне (1638, 1643), Мюнхене (1642), Братиславе (1659), Франкфурте (1670), Лионе (1675), Намбурге (1695), а также издание 1671 года без указания места публикации, см. [Zedelmaier 2003: 54]; см. также [Pörnbacher 1965: 104–106]. Георг Хоум (1730–1792) был англиканским священником Высокой церкви. Он провел много лет в Оксфорде, затем был назначен деканом Кентерберии, а незадолго до смерти стал епископом Норвича. См. статью Найджела Астона в «Dictionary of National Biography».

особенно знаменитого сатирами на литературную моду того времени²⁶.

Одной из причин появления в XVII веке огромного количества справочников могла быть внеакадемическая образовательная деятельность, разрозненные свидетельства о которой мы находим в сохранившихся записях лекций (например, в конспектах XVII века в Хельмштедте и Париже). Преподаватели раннего Нового времени получали дополнительный доход от ведения частных курсов по темам, которые были особенно привлекательны для учащихся, вследствие моды или практической пользы, в том числе курсов, посвященных методам обучения и ведению заметок [Nelles 2001]²⁷. Различным учебным практикам и ведению читательских дневников, несомненно, издавна обучались в частном порядке — общаясь с учителями и другими студентами; и даже когда появились печатные пособия по этим вопросам, наглядное объяснение (преподавание на личном примере), вероятно, оставалось важным путем передачи знаний. Еще одним фактором, тормозившим появление полноценных руководств, было понимание того, что наиболее эффективные методики следует держать в секрете. Один автор университетской диссертации на эту тему отметил, что большинство ученых не хотели

²⁶ О ведении заметок см. [Kergerus 1658] — автор заявлял, что «использует более лаконичный метод Дрекселя»; [Philomusus 1684; Titius 1676; Placcius 1689] и [Morhof 1732], где имеются главы об эксцерпировании; ср. [Zedemaier 2000]. Более общую информацию о методах обучения см. [Vossius et al. 1658; Grotius et al. 1645; Alsted 1610]. В последнем источнике даны списки авторов, касавшихся этой темы. К руководствам на народных языках относятся [Sorel 1671, 1673; La Mothe Le Vayer 1668; Udenius 1684], а также [Wheare 1685], являющийся переводом [Wheare 1625, 1637]. Подборку переводов на современный итальянский язык разделов из инструкций по ведению заметок см. [Cevolini 2006a].

²⁷ [Frey 1674] (впервые опубликован в 1628), вероятно, основан на лекциях в одном из парижских коллегиумов, читавшихся вне основного курса; см. [Blair 1993]. Моргоф поясняет, что некоторые разделы его «Polyhistor» опирались на материалы частных уроков [Morhof 1732: 1.16, разд. 2, 171]; в основу посмертно опубликованного труда [Morhof 1731], как сообщается в предисловии, легли конспекты лекций.

делиться друг с другом собственными секретами составления заметок. Немногочисленные советчики рекомендовали «держатъ секреты своих ученых занятий при себе», поскольку людей больше всего впечатляют те достижения, которые они не могут объяснить [Fichet 1649; Sidelius 1713; Morhof 1732: I.1.15 разд. 29, 160–161]. Руководства с педагогическими рекомендациями по составлению заметок, таким образом, не могли быть полными даже в глазах их авторов, и, разумеется, они отражали идеи, а не реальную практику, хотя некоторые включали в себя образцы выдержек, которым предлагалось следовать [Drexel 1638: 88–102; Sacchini 1786: 79–96].

Справочники раннего Нового времени можно изучать, соотнося их с относительно многочисленными (по сравнению с предшествующими периодами) сохранившимися записями, включая заметки на полях книг и в отдельных манускриптах. Практика рукописных примечаний, разумеется, существовала не только в эпоху книгопечатания: в средневековых манускриптах поля слева часто нарочно делались широкими, чтобы читатели могли записывать там свои комментарии. Имеются доказательства того, что некоторые читатели папирусных свитков также делали заметки на полях и, что примечательно, использовали специальные символы, чтобы пометать интересующие части текста или те места, которые следовало редактировать²⁸. Книгопечатание способствовало появлению большого количества новых книг, имеющих поля и форзац, на которых удобно было оставлять записи, и существенная часть сохранившихся экземпляров книг раннего Нового времени содержат примечания или следы записей, которые были в дальнейшем удалены коллекционерами, стремившимися, чтобы книга приобрела

²⁸ В Александрии некоторые части корпуса текстов Гиппократов снабжали символами, заменявшими различные ключевые слова; см. [Von Staden 1989: 501–505; Smith 1979: 199–201]. Иероним описал практику использования астерисков (звездочек) и помет в виде черты («obelos») для обозначения мест библейского текста, требующих разного рода исправлений. Иероним, предисловие к книге Иова. URL: <http://www.ewtn.com/library/PATRISTC/PII6-i7.TXT> (в настоящее время ресурс недоступен).

первозданный вид²⁹. Не все записи, которые можно обнаружить в книгах раннего Нового времени, были читательскими заметками: в школьных изданиях (которые можно определить по двойному интервалу, позволявшему писать между строками печатного текста) ученики обычно записывали комментарии, продиктованные им в классе. В самых разных книгах можно встретить заметки, не имеющие отношения к тексту, от списков членов семьи и других записей, делавшихся на форзаце с целью сохранить определенную информацию, малоосмысленных рисунков и упражнений в каллиграфии до рецептов, молитв, стихов, записанных в книгу, поскольку она представляла собой удобную поверхность для письма³⁰. Однако в основном, особенно в книгах на латыни, примечания на полях и форзацах, оставлявшиеся в раннее Новое время, представляли собой читательские заметки — не записи личных впечатлений от прочитанного, с которыми мы сталкиваемся в более поздние периоды, а примечаниями, предназначенными в основном для облегчения поиска и выделения интересных мест в книге. Читательские записи могли содержать исправления текстов, добавлять перекрестные ссылки на аналогичные материалы в той же книге или в других сочинениях, передавать слова похвалы или критики, но в основном они отмечали интересные места текста, либо невербально (путем подчеркивания текста в сочетании с разного рода знаками на полях), либо с помощью ключевых слов, указывавших на рассматриваемые темы и примеры или на источники, которые цитировались в отрывках, представлявших особый интерес. Некоторые активные читатели снабжали весь текст

²⁹ Примерно 60–70 % инкунабулов и 50 % книг, опубликованных в 1590-е, содержат комментарии, однако в Библиотеке Хантингтона, которая формировалась за счет приобретений на рынке редких изданий, долгое время отдавали предпочтение чистым экземплярам, поэтому книги с читательскими записями здесь составляют всего 20 %; см. [Sherman 2002: 122–124].

³⁰ О заметках, не связанных с содержанием книги, см. [Sherman 2002: 130]; более общий обзор см. в [Sherman 2008]. В одном любопытном случае судебные показания были записаны в издании перевода Сенеки, вероятно, чтобы сохранить их на будущее; см. [Orgel 2000: 95]. См. также [Blair 1997: 195–201].

своего рода указателем с помощью ключевых слов на полях или списков интересных мест с номерами страниц на форзаце.

Педагоги рассматривали аннотации на полях как первый, обязательный шаг к конечной цели — составлению в ходе чтения собственного сборника выдержек из книг. На практике, разумеется, читатели могли делать в книгах записи, не переходя к следующему этапу — копированию отрывков в специальные тетради. В 1671 году Шарль Сорель рекомендовал делать записи в тетрадях при чтении книг, которые не принадлежали читателю, и оставлять пометки в книгах, которые ему принадлежали, ничего из них не выписывая, что избавляло от раздражающей необходимости прерывать чтение ради копирования цитат. Иезуит Франческо Саккини, напротив, рекомендовал делать перерывы в чтении, останавливаясь, чтобы переписать отрывки в тетрадь: это замедляло процесс чтения и помогало усвоению прочитанного [Sorel 1673: 12; Sacchini 1614: 73–74]. Независимо от того, копировали ли читатели цитаты самостоятельно, в процессе чтения или позднее, руководствуясь заметками на полях, или это делал за них кто-то другой, количество и объем дошедших до нас сборников читательских заметок (несмотря на их утрату в прошедшие века) служат доказательством энтузиазма, с которым многие образованные люди в Европе раннего Нового времени собирали воедино разрозненные заметки, сделанные при чтении.

Термин «*Adversaria*» служил обозначением читательских заметок, которое использовали сами их составители: в нем подчеркивалось то обстоятельство, что эти записи находятся в некотором отношении к другому тексту (при этом не имелось в виду, что это — отношения противостояния или соперничества)³¹. Фрэнсис Бэкон кратко пояснял, что заметки могут быть сделаны «в виде эпитомы, или краткого изложения» (то есть речь шла о конспектировании источника) или «в виде заголовков и названий общих мест» (то есть путем дословного или почти

³¹ Использованная в более широком смысле помета «Adv.» на полках Библиотеки Кембриджского университета обозначала книги, содержащие записи на полях; см. [Sherman 1995: 65–66].

дословного копирования отрывков и сохранения их в тетради под определенным заголовком, позволяющим в дальнейшем легко их найти и использовать). Бэкон считал второй метод «куда более выгодным и полезным», и большинство рекомендаций по составлению заметок относились именно к практике эксцерпирования [Snow 1960: 370]. Педагоги раннего Нового времени поручали ученикам переписывать в тетради для записей избранные места, встречавшиеся им во время чтения, сортируя их по тематическим заголовкам, которые назывались «общими местами» (*loci* или *topoi*), и требовали, чтобы ученики продолжали эту практику уже во взрослом возрасте. Некоторые рекомендовали делать заметки не только о прочитанном, но также об «увиденном и услышанном»; заметки «об увиденном», особенно во время путешествий, способствовали появлению новых жанров — путевых дневников и инструкций по эффективному отражению опыта в письменном виде [Drexel 1638: 83]³². Заметки также могли фокусироваться на рассуждениях самого автора: таковы «Мысли» Блеза Паскаля, «Книга общих мест» Джорджа Беркли и «Книги афоризмов» (*Sudelbücher*) Георга Лихтенберга, передающие оригинальные мысли, а не цитаты, выписанные из сочинений других писателей. Ученые отмечали общую тенденцию к смещению акцента на собственные рассуждения при составлении заметок, особенно начиная с XVIII века [Décultot 2003a: 18–19]. Тем не менее выписывание отрывков при чтении оставалось широко распространенной практикой среди студентов, ученых и многих литературных деятелей на протяжении всего XIX века и даже позднее. Один из поздних примеров — «Книга общих мест» с цитатами из прочитанного, опубликованная У. Х. Оденом в 1970 году³³.

Мы, впрочем, не должны приписывать распространение тетрадей общих мест и связанных с ними практик эксцерпирова-

³² О составлении заметок во время путешествий см. [Stagl 1995: 52–89; Alsted 1616: 301]

³³ О книге У. Х. Одена (1907–1973) «Определенный мир: книга общих мест» (1970) см. [Havens 2001: 61].

ния в раннее Новое время каким-то особым успехам педагогов. Вместо этого следует предположить, что советам учителей охотно следовали, поскольку они основывались на уже существовавших методах ведения записей (которые отразились, например, в структуре флорилегиев) и успешно отвечали новым обстоятельствам эпохи Возрождения, в которых оказались широкие круги образованной элиты. К этим обстоятельствам относились: широкое распространение бумаги, изобилие печатных текстов, как античных, так и современных, стремление подражать классической риторике и культуре в целом, особый энтузиазм к обретению утраченных текстов и принятие мер против утраты информации в будущем. Создание долговечных собраний отрывков из лучших прочитанных книг, в соответствии с рекомендациями педагогов, обещало стать эффективным методом организации всей доступной информации и извлечения пользы из нее.

В нашем распоряжении имеются собрания комментариев и черновиков конца XIV и XV века (и в гораздо больших количествах — от последовавших периодов), принадлежавших разным образованным людям — гуманистам, занимавшимся филологическими исследованиями, натуралистами, антикварам, натурфилософам, иногда — богословам, в XVII веке также обычным джентльменам, много читавшим и делавшим записи о прочитанном. Например, после смерти великого итальянского гуманиста Анджело Полициано (1454–1494) осталось много томов заметок и черновиков. Они быстро распространились среди студентов и коллег, которые хотели заполучить, прочитать или опубликовать их, иногда под именем Полициано, но иногда — без упоминания о нем. Сегодня десятки томов рукописей Полициано хранятся во многих европейских библиотеках, а важный список его «*Miscellanea*» был вновь обнаружен всего несколько десятилетий назад. Что касается наследия выдающегося французского гуманиста Гийома Бюде (1468–1540), до нас дошли семь томов его заметок — лишь малая часть его наследия, — испещренных пометками, сделанными цветными чернилами, и символами на полях, которым пока не дано объяснения. Из многочисленных

заметок Жозефа Жюста Скалигера (1540–1609) уцелело лишь несколько десятков томов. Что касается естественных наук, то более 400 томов рукописей Улиссе Альдрованди (1522–1605) свидетельствуют о попытках автора собирать и сортировать большие объемы информации. Историки и антиквары, такие как французский дворянин Никола Фабри-де-Пейреск (1580–1637), также собирали огромные коллекции записей³⁴.

Составление заметок зачастую процветало в определенных кругах, распространялось от учителя к ученикам, иногда этим занимались целые группы ученых. Иоахим Юнг (1584–1657), профессор математики, медицины, логики и естествознания в различных немецких университетах, собрал одну из крупнейших для своего времени коллекций заметок, объемом примерно 150 000 страниц, 45 000 из которых дошли до нас [Meinel 1995: 166, 168]. Группа гамбургских студентов профессора, включавшая Мартина Фогеля, Михаэля Кирстена и Винсента Плакциуса, распространяла его наследие, публикуя руководства по составлению заметок и оставляя собственные многочисленные комментарии. В аукционном каталоге, содержащем описание библиотеки Михаэля Кирстена, перечислены его манускрипты, рассортированные примерно по сорока рубрикам, включая указатели и краткие изложения книг, списки вопросов, а также «краткие изложения и материалы для сочинений». В предисловии отмечается, что «не было такой области наук, трудов по которой не читал бы Кирстен, причем читал, делая заметки и оставляя комментарии». Там же высказывается предположение (судя по всему, тщетное), что сыну или другу, располагающему множеством свободного времени, следовало бы их опубликовать [Kirsten 1679: сигн.)o(2r–v]³⁵. Другая примечательная коллекция личных архивов дошла до нас благодаря Королевскому обществу; в их числе черновики Сэмюэля Хартлиба и членов Королевского

³⁴ Об архивах богословов см. [Overgaauw 2006]; о Полициано — [Maier 1965]; о Бюде — [Grafton 1997: 169; 1993a: 753–755]; об Альдрованди — [Findlen 1994: 30; Frati et al. 1907]; о Пейреске — [Miller P. 2000: 2].

³⁵ Наследие Мартина Фогеля хранится в Leibniz Bibliothek в Ганновере.

общества Роберта Бойля, Джона Ивлина, Роберта Гука, Джона Локка и Исаака Ньютона³⁶.

Недавние исследования тетрадей для записей, составленных купцом Клементом Дрейпером (ок. 1541–1620) за время тринадцатилетнего тюремного заключения (в тюрьму он попал за долги), и двадцати сохранившихся томов записок сэра Уильяма Дрейка (1606–1669), ничем более не примечательного английского джентльмена, боровшегося с тяготами гражданской войны, позволяют предположить, что изучение заметок не должно ограничиваться теми несколькими персоналиями, которые до недавнего времени привлекали к себе основное внимание [Harkness 2007: гл. 5; Sharpe 2000]. И наконец, мы можем получить информацию о составлении заметок из тех заметок, которые в конце концов оказались напечатаны (с редакторскими поправками, которые следует принимать во внимание). Среди самых знаменитых — «Мысли» Паскаля (впервые опубликованные в 1670 году), «Краткие жизнеописания» Обри (впервые напечатанные только в 1898 году) [Pascal 2005: xi–xiv]³⁷. В обоих случаях оригиналы заметок сохранились, тогда как во многих других случаях — нет. Заметки, из которых составлялась справочная литература раннего Нового времени, редко сохранялись до наших дней: причиной этого были техники, использовавшиеся составителями объемных компиляций для преобразования записей в рукописи, пригодные для набора (см. об этом в главе 4).

До недавнего времени эти собрания рукописей изучались главным образом с точки зрения истории интеллектуального развития известных личностей. Часто высказывается мнение, что неопубликованные черновики дают более достоверное представление об образе мыслей и развитии их авторов. Мишель Фуко, например, называл читательские заметки и тетради с цитатами трудами, «предназначенными для заботы о самих себе», изучение

³⁶ См. [Hunter 1998a] об архивах Сэмуэля Хартлиба, Роберта Бойля, Роберта Гука, Исаака Ньютона и Лейбница. Об Ивлине см. [Hofmann et al. 1995; Mandelbrote 2003]; о Локке — [Yeo 2004a].

³⁷ Об Обри см. [Bennett 2000]. Благодарю Элизабет Йель за подсказку.

которых позволяет прийти к квазипсихоаналитическому пониманию хода мысли отдельного читателя, свободного в выборе того, что считать достойным внимания [van Hulle, van Mierlo 2004: 2; Foucault 1983: 243–246]. Не отрицая тот факт, что комментарии к прочитанному весьма интересны с точки зрения понимания отдельных личностей, следует отметить, что историки культуры также могут изучать составление заметок не как спонтанный процесс, но как результат применения определенных практик чтения и письма, которым учили в школах и которые поддерживались различными культурными моделями. Теории составления заметок могут рассказать нам о том, как понимались память и письмо, а практики ведения записей — об инструментах, которые оказались наиболее полезными для организации текстовой информации в Европе раннего Нового времени. Многообразие этих инструментов открывало широкий спектр возможностей — от использования тематических заголовков и алфавитных указателей до обращения к помощи коллег и секретарей (*amanuenses*), а также к печатной справочной литературе.

Заметки как подспорье для памяти

С античных времен и в течение всего раннего Нового времени способность быстро запоминать большие объемы информации высоко ценилась и считалась признаком не только интеллектуальных способностей, но и нравственных достоинств [Small 1997: 130; Carruthers 1990: 12–13]. Так же как их античных и средневековых предшественников, ученых раннего Нового времени нередко прославляли как людей, обладавших уникальной памятью, что отразилось в приписываемых им достижениях: например, правовед Антуан Мюре, судя по рассказам, запомнил по порядку 36 000 имен, Ж. Ж. Скалигер выучил «Илиаду» и «Одиссею» за двадцать один день, а про Эразма говорили, что он в детстве знал наизусть все стихи Горация и Теренция [Drexel 1638: 9]³⁸. Хотя

³⁸ О Скалигере и Эразме см. [Neumann 2001: 52].

некоторые из этих рассказов, возможно, содержат преувеличения или вовсе недостоверны, следует признать, что мнемонические способности могут различаться в зависимости от исторического контекста, а также под влиянием определенных культурных ценностей и тренировки памяти, так что не стоит пренебрегать этими рассказами на том основании, что описанное в них кажется заведомо невероятным, если исходить из нашего сегодняшнего повседневного опыта использования памяти. Выдающиеся достижения в этой сфере встречаются и в наши дни (например, запоминание по порядку пятидесяти двух карт в перетасованной колоде или большого количества цифр после запятой в числе «пи»), но в современной системе знаний память больше не считается самым ценным качеством ученого³⁹. К концу XVII века все чаще высказывалась озабоченность (которая изредка звучала и в предшествующие столетия) тем, что запоминание может вредить пониманию. Так, например, последователь Декарта ораторианец Никола Мальбранш (1638–1715) осуждал мнемотехники за то, что они запутывают мысли и мешают ясности идей, а также за то, что практикующие их люди гордятся тем, что забывают свои головы огромным множеством фактов [Malebranche 1993: II.X.13, 196]. Примерно в то же время Роберт Гук назвал «почти крылатым» утверждение о том, что «у хороших мозгов плохая память», которое благоприятным образом сочеталось с нелестной характеристикой, которую Гук давал собственной памяти⁴⁰. Снижение статуса памяти было одним из аспектов распространившейся критики как эрудиции в целом, так и показной эрудиции, вдохновившей на создание множества сатирических портретов ученых людей⁴¹. В дальнейшем памяти так и не

³⁹ Об Американском чемпионате по памяти см.: URL: <http://www.usamemorychampionship.com/>; Anthony Ramirez. You Must Remember This or Just Forget about It // New York Times. March 12, 2008.

⁴⁰ Цит. по: [Mulligan 1992: 49; Montaigne 1988: 1.9, 34]. См. [Yeo 2007b: 5, 30–31; Yeo 2007a: 37].

⁴¹ См., например, [Mencke 1937], а также главу 5 в этой книге — о жалобах на справочную литературу.

удалось вернуть себе то ведущее место, которое она занимала до XVII века. Так, например, в начале XX века один французский педагог категорично утверждал (несмотря на то что в образовательной системе Франции заучивание ценилось больше, чем в других странах): «Запоминание в слишком больших объемах может навредить интеллектуальным способностям более высокого порядка» [Chavigny 1920: 35].

Фрэнсис Йейтс впервые уделила внимание мнемоническим практикам как специальному объекту исторического исследования в своей новаторской работе, посвященной истории рецепции античной мнемотехники. Мнемотехника позволяла, используя яркие образы, запоминать и вспоминать необходимую информацию по ассоциации; часто для этого использовались определенные части дома. Аристотель и Цицерон объясняли происхождение этого метода легендой о Симониде, который запомнил всех погибших на пиру гостей по местам за столом, на которых они сидели. В наше время в книгах, посвященных тренировке памяти, по-прежнему рекомендуется использовать аналогичные техники, построенные на ассоциациях с яркими образами и местами ([Yates 1966: 202] цит. Цицерон, Об ораторе: II.lxxxvi, 351–354)⁴². Книга Йейтс создала впечатление, что использование мест памяти было основным методом, как в Античности, так и в эпоху Возрождения. Не отрицая факта использования ассоциаций с местами, особенно для быстрого запоминания речей или различных мнемонических трюков, я хотела бы подчеркнуть, что для долговременного удержания информации в памяти и ее дальнейшего накопления чаще прибегали к другому средству — составлению записок. Ведение такого рода записей было засвидетельствовано в античных источниках (Плинием), и можно предположить, что оно было главным средством составления флорилегиев и объемных компиляций в Средние века. Начиная с эпохи Возрождения историю составления записок можно изучать на материале множества сохранившихся источников. Изображения (и в рукописях, и в печатных книгах) также цени-

⁴² Ср. [Buzan 1991].

лись как средства мнемотехники, но ключевыми элементами средневековой педагогики были повторение и копирование [Blair 2008b: 63–65]⁴³.

Как отмечала сама Йейтс, европейские педагоги и ученые XVI и XVII веков всё более критично относились к роли памяти. Эразм, признававший, что ассоциации с местом могут быть полезны, утверждал, что «самая лучшая память основывается прежде всего на трех вещах: понимании, систематичности и старательности». Натуралист Улиссе Альдрованди (1522–1605) жаловался на то, что усилия, которые требуется приложить для заучивания системы мест, превышают получаемый результат, а Габриэль Ноде (1600–1653) считал эти занятия даже вредными, потому что «искусственная память портит и извращает естественную [память]». Представитель немецких академических кругов Варфоломей Кеккерман (1571–1608) считал, что мнемотехника «с философской точки зрения — запутана, с богословской — кощунственна» [Erasmus 1978: 671] (MS Aldrovandi 21, II, 166, цит. по: [Giudicelli-Falguières 1988: 23; Naudé 1963: 99; Hotson 2000: 83])⁴⁴. Взамен как эти, так и другие педагоги-гуманисты говорили о достоинствах составления заметок, которое они считали лучшим подспорьем памяти.

Справочники по составлению заметок и трактаты по мнемотехнике представляли две отдельных традиции, никак в явной форме не соотносившиеся друг с другом [Meinel 1995: 185–186]. Однако на практике ведение записей, конечно же, не исключало использование изображений или визуальных элементов в качестве мнемонических средств. Например, весьма плодотворный составитель заметок Конрад Гесснер использовал изображение руки как визуальное соответствие пяти латинским склонениям; рука вообще была распространенным мнемоническим образом, использование которого не предполагало развитой системы мест

⁴³ О таблицах и рисунках и их роли в педагогике раннего Нового времени см. [Murdoch 1984; Siegel 2009].

⁴⁴ Моргоф не отрицал полезности умения запоминать, но уделял больше внимания составлению заметок; см. [Morhof 1732: I.2.6, разд. 96, 384].

памяти⁴⁵. Макет рукописной или печатной страницы также мог облегчить поиск в памяти материала по ассоциации с внешним видом страницы, на которой о нем шла речь. Современники практически никогда не комментировали эти обстоятельства, однако в XVIII веке Исаак Уоттс (1674–1748) отчетливо высказался по поводу ценности визуальных подсказок, помогающих вспомнить нужную информацию: «В тех случаях, когда это возможно, старайтесь вызвать в памяти воспоминания об определенном месте или попытайтесь вспоминать прочитанное, представляя себе соответствующую страницу или разворот письменного или печатного текста». Уоттс также рекомендовал издателям всякий раз в точности воспроизводить макет страниц прежних изданий для удобства читателей, знакомых со старыми публикациями:

Было бы также очень удобно, если бы типографы в новых изданиях грамматик, Псалтири, Библии и т. п. помещали каждую главу, абзац или стих в той же части страницы, что и в прошлых изданиях: это бы очень помогало юным ученикам, которые пользуются преимуществами мест памяти.

Представление о «локальной памяти» Уоттса принципиально отличается от «мест памяти» Йейтс: у него речь идет о воспроизведении по памяти отрывка текста за счет соотнесения его с определенным местом на странице (скорее это напоминает то, о чем говорит Каррутерс применительно к средневековым манускриптам) [Watts 1761: 275–276; Carruthers 1990: гл. 7]. Мы можем до сих пор ощущать подобный эффект, когда речь идет о тексте, прочитанном на бумаге, но он часто теряется при использовании электронных носителей информации из-за различного отображения текстов на экране или в распечатке. Этот эффект также преднамеренно исключается издателями учебников, которые изменяют макет страницы и пагинацию в разных изданиях,

⁴⁵ См. илл. в [Braun 1990: 143]. О средневековой «гвидоновой руке», происходящей из теории музыки, см. [Murdoch 1984: 76, 81]. См. также [Sherman, Lukehart 2000].

чтобы свести к минимуму продажу подержанных экземпляров, поскольку преподаватели дают задания по новейшим изданиям, а студенты предпочитают строго следовать указаниям.

Педагоги раннего Нового времени в целом придерживались единого мнения относительно теории составления заметок, хотя и подчеркивали разные ее аспекты. Я хотела бы рассмотреть подробнее руководства, составленные иезуитами Франческо Саккини и Иеремией Дрекселем, которые стали самыми часто переиздаваемыми книгами данного жанра начиная, соответственно, с 1614 и 1638 годов — и вплоть до появления в начале XIX века их переводов на национальные языки и сокращенных версий. Саккини и Дрексель полагали, что составление заметок помогает памяти двумя способами. Прежде всего, процесс выписывания цитаты сам по себе помогал запомнить копируемый текст. Саккини рекомендовал переписывать каждый фрагмент дважды: сначала в тетрадь, где отрывки располагались в том порядке, в каком они встречались при чтении, а затем, после сортировки по типовым рубрикам (общим местам), — в отдельную общую тетрадь. Дрексель рекомендовал переписывать отрывок всего один раз, но затем составлять указатели, чтобы отыскивать в записях общие места. Оба соглашались в том, что «переписанное надежнее запечатлевается в памяти», в особенности благодаря тому, что составление заметок не дает спешить при чтении и таким образом помогает запоминанию и пониманию. Саккини ссылаясь на пример Демосфена, который, как сообщалось, восемь раз переписывал Фукидида, и на святого Иеронима, который переписал собственной рукой множество томов, «не из-за скудости своей библиотеки, но желая извлечь пользу из упражнений» [Drexel 1638: 56; Sacchini 1614: 74]⁴⁶. Заметки представляли собой подспорье памяти также в том отношении, что предлагали запись материалов, к которым следовало вернуться,

⁴⁶ Аналогичным образом Бивес высоко ценил переписывание текстов, помогавшее держать в узде непристойные мысли [Moss 1996: цит. № 125]. См. также сочинение Ричарда Стила «What Are the Hindrances and Helps to a Good Memory in Spiritual Things?» (1683); цит. по: [Knoles, Knoles 2003: 57].

чтобы изучить подробнее. «Через некоторое время вместо библиотеки [у вас] будет всего один том избранных текстов, который вы сможете держать под рукой, в отличие от самих книг — источников, и легко переносить куда и когда вы пожелаете». Учитывая портативный размер тетради, Саккини рекомендовал носить ее с собой повсюду и изучать в те моменты, когда более серьезные занятия невозможны из-за чрезмерной жары, холода или усталости, а также в свободные часы (*horae subsecivae*), когда человек находится в пути, принимает пищу или ожидает чего-либо. Таким образом, тетрадь вдвойне защищала от соблазнов праздности: для ее изготовления требовалось прилежание и упорство (по примеру муравьев или пчел), а уже после составления она давала возможность предаваться ученым занятиям практически в любых условиях. Менее требовательные педагоги советовали почаще перечитывать хотя бы ее заголовки, «чтобы возбуждать и раздражать нашу холодную и вялую память» [Sachini 1614: 77, гл. 6; Drexel 1638: 60; Wheare 1685: 323].

В руководстве в качестве довода в пользу составления заметок приводились аргументы против возражений, которые педагоги считали распространенными. В форме диалога, которую использовал Дрексель, нерадивый ученик Фаустин спрашивал: «Но для чего мне нужны эти отрывки, если я не хочу писать книги?» На что учитель по имени Евлогий (то есть красноречивый⁴⁷) отвечал, что заметки необходимы, не только чтобы писать книги, но также для ведения бесед и сочинений любого рода. «Пустой тратой времени является не составление заметок, но чтение без заметок... Если только вы не читаете Фому Кемпийского или других подобных авторов. Хотя я хотел бы, чтобы даже при чтении такого рода книг делались записи». Таким образом, чтение религиозных сочинений, особенно «Подражания Христу», также могло предполагать некоторого рода выписки из текста, хотя Дрексель не уточняет, чем они должны отличаться от описанного им ранее метода, применимого к книгам, которые читают

⁴⁷ Скорее, «разумный» — таково основное значение греч. εὐλογος. — *Примеч. науч. ред.*

ради содержащихся в них фактов или цитат [Sacchini 1614: 77, гл. 6; Drexel 1638: 60; Wheare 1685: 323]⁴⁸. Саккини считал лентяями даже тех, кто во время отдыха читал, не сохраняя прочитанное в памяти или в тетради для заметок. Педагоги-иезуиты не признавали чтение без письма. Короче говоря, эксцерпирование было обязательным (*excerpendum est*) [Drexel 1638: 1, 10, 45, 48; Sacchini 1614: 67–68].

Самым серьезным возражением против этого подхода было утверждение о том, что ведение записей вредит памяти. Дрексель и Саккини обсуждали свидетельства, согласно которым Платон, пифагорейцы и друиды древней Галлии избегали письма в процессе преподавания, считая его вредным для памяти. Саккини признавал критику письма у Платона и отмечал, что недостатки письменности только усугубились книгопечатанием, благодаря которому число тех, кто (безосновательно) называл себя мудрецом, выросло значительно больше, чем число действительно умных людей. Саккини подчеркивал, что содержимое записных книжек следует заучивать наизусть, чтобы учащиеся заполняли не только свои тетради, но и свои мозги. Дрексель возражал более основательно, подвергая сомнению сведения об устной передаче древней мудрости (*prisca sapientia*): «Как же тогда дошли до нас их произведения?» Древние люди писали на всех видах поверхностей: «...на воске, дереве, коре и листьях деревьев, свинце, коже, а также палимпсестах», но это стоило им больших усилий и затрат. В противовес этому Дрексель превозносит достоинства и простоту использования бумаги, печатных станков и «самого удобного (*expeditissima*)» способа письма [Sacchini 1614: 71; Drexel 1638: 68–69].

Наконец, и Саккини, и Дрексель отвечали на возражения, суть которых сводилась к тому, что заметки могут быть утрачены, например в результате кражи, или уничтожены огнем, водой, насекомыми и даже собаками (вот откуда, возможно, пошла знаменитая поговорка о том, что работу съела собака!) [Drexel 1638: 69]. Сак-

⁴⁸ Джон Ивлин писал комментарии к религиозным книгам, касающиеся того, как готовить себя и своих слуг к таинствам; см. [Mandelbrote 2003: 87–88].

кини сначала отвечает шуткой последователя Сократа Антисфена, который сказал ученику, пожаловавшемуся на потерю записей: «Ты поступил бы разумнее, доверив их своему мозгу, а не писчему материалу». Таким образом, Саккини вновь подчеркивает необходимость не только записывать цитаты в тетрадь, но и сохранять их в своей памяти. Но тут же замечает, отвечая своим критикам, что во всех человеческих делах преимущества идут рука об руку с неудобствами. Дрексель, в отличие от Саккини, не делает ни малейшей уступки доводам оппонентов и возражает им, что все наше имущество может быть утрачено или уничтожено, но это не повод от него отказываться [Sacchini 1614: 71–73]⁴⁹. Оба иезуита предостерегали от использования образцов исключительных результатов мнемотехники в качестве ориентира для оценки собственных возможностей. Они подчеркивали, напротив, слабость человеческой памяти, которую оба описывали как ограниченную, переменчивую и ненадежную (если не использовать вспомогательные инструменты), подверженную ошибкам при перегрузке; к тому же, замечали они, память можно утратить в старости или в результате болезни [Drexel 1638: 3; Sacchini 1614: 75]⁵⁰.

Саккини и Дрексель, хотя и соглашались по многим вопросам, имели разные представления об объемах чтения и составления заметок, и, соответственно, по-разному понимали значение заучивания и использования инструментов поиска. Саккини рекомендовал читать небольшое количество книг от начала до конца, дважды копируя избранные цитаты — один раз в тетрадь в том порядке, в котором они встретились в книге, второй раз — после сортировки по «общим местам»; затем следовало заучивать содержимое второй тетради путем постоянных занятий [Sacchini 1614: 26, 41]. Дрексель, напротив, хвастался тем, что делает выписки из работ ста или даже шестисот авторов в день, что указывало (даже если предполагать, что он преувеличивал) на другой

⁴⁹ Эта же аналогия используется в: Mapheus Vegius. *De educatione liberorum*. 1541. P. 237–238 (цит. по: [Châtelain 2003: 170; Drexel 1638: 69]).

⁵⁰ Томас Фуллер предупреждал о риске утраты памяти из-за болезни [Yeo 2004a: 12].

способ чтения, отличный от медленного и досконального, сторонником которого был Саккини. Дрексель рекомендовал вести по меньшей мере три тетради форматом в четверть листа — одну для библиографических ссылок, другую для цитат, представляющих интерес с точки зрения риторики, третью для исторических примеров; к каждой должен был прилагаться алфавитный указатель в отдельной маленькой тетрадке. Дрексель, кроме того, предлагал составлять к каждой тетради по два указателя, чтобы отделить светские темы от духовных, а также вести отдельные тетради по разным сферам знания, в том числе по медицине, праву, математике, философии и богословию [Drexel 1638: 87, 103, 165 (о разделении светских и духовных тем), 85 (тетради для отдельных областей знания)]. При таких объемах составления выписок, собираемых во множество томов из сочинений сотен авторов, указатель должен был играть ключевую роль, чтобы эти записи эффективно использовались в качестве «памяти». Метод Дрекселя предполагал на один этап копирования меньше (тем самым приносилась в жертву дополнительная возможность для запоминания текстов) и основывался на применении указателей, а не на заучивании содержания тетрадей, чтобы легко найти необходимый отрывок, когда он понадобится.

Дрексель не акцентировал свои разногласия с Саккини, которого цитировал в одобрительном ключе, но описывал его метод скорее как стимул, а не опору для памяти.

Ни у кого нет такой хорошей памяти, чтобы объять и сохранить все, что он читает. Следовательно, следует прибегать к выпискам, не для того чтобы меньше тренировать память, а чтобы лучше поощрять ее к выполнению необходимых задач. Те, кто не хочет тренировать память, не занимаются выписками и не составляют указатели: недостаточно выписать цитату, если не помнишь, что ты выписал [Drexel 1638: 75 (цит. Саккини), 66–67 (о памяти)].

Несмотря на то что Дрексель вновь назвал идеалом сохранение сделанных заметок в памяти, он предвидел, что заметки будут создаваться и храниться в таких объемах, что потребуется ука-

затель, чтобы вовремя найти заметки, составитель которых может уже не помнить, что когда-то их сделал. Если обобщать, то Саккини представлял традиционный педагогический подход, подчеркивая важность запоминания, конспектирования и основательного изучения ограниченного канона книг, в то время как Дрексель представлял интересы более жадных до знаний и «экстенсивных» читателей, сводя к минимуму запоминание и переписывание текстов, но взамен предлагал вести несколько тетрадей и использовать письменные инструменты поиска. Если мы назовем подход Дрекселя «современным», то мы должны признать, что это был не единственный подход, который пропагандировали и практиковали в Новое время. Книга Саккини продолжала публиковаться вплоть до XIX века, его призыв к интенсивному чтению и использованию соответствующих принципов обучения находит своих сторонников и в наше время. Столь же долгая жизнь ожидала и книгу Дрекселя; его модель экстенсивного чтения и составления заметок нашла многочисленных последователей, вносящих свой вклад в ее распространение и преобладание. В 1686 году Джон Локк изложил систему составления указателей к собственным заметкам, которую часто перепечатывали и использовали на протяжении XVIII века; по крайней мере однажды она была издана вместе с рекомендациями Дрекселя [Locke 1686]⁵¹.

Дрексель не отказывался от представления о том, что свои заметки следует помнить, но более поздние авторы иногда видели в них способ разгрузить память — инструмент для хранения и систематического поиска нужного материала без необходимости держать его в памяти. Крайнее выражение эта идея нашла в шутке, которую Эдгар Алан По приписывал писателю XVIII века Бернардену де Сен-Пьеру: «То, что я помещаю на бумагу,

⁵¹ Историю издания и исследование см. в [Уео 2004а: 2–3, 13 слл.]. Структура указателя Локка (без какого-либо сопроводительного текста, написанного самим Локком) была издана вместе с сокращенным текстом рекомендаций Дрекселя в [Ногне 1814]. Советы Локка высоко оценил Жан Леклерк и воспроизвел их в статье 1686 года в журнале *Ars critica* (Amsterdam, 1712; первое изд. 1696–1697), с. 99–100, цит. по: [Zedelmaier 2003: 61].

я вынимаю из своей памяти и забываю»⁵². В наши дни заметки также часто рассматриваются как средство, избавляющее память от обязанности помнить информацию, хранящуюся в письменном или электронном виде; проблема в таком случае состоит в том, чтобы вспомнить о необходимости обратиться к заметкам, или о том, как ими пользоваться, когда они потребуются. Специалисты по организации персональных данных говорят о том, что офисные работники в наши дни заботятся скорее не о том, чтобы держать в памяти материалы, которые они обрабатывают и регистрируют, но о том, чтобы помнить, как и где найти инструменты, обеспечивающие доступ к сохраненным материалам⁵³. Несмотря на все изменения в носителях и типах запоминаемой информации человеческая память остается важным фактором продуктивности мыслительной деятельности и часто полагается на поиск данных, размещенных для долгосрочного хранения на различных носителях. Одним из достижений педагогов и ученых раннего Нового времени стал впервые проведенный масштабный эксперимент по хранению больших массивов записей и разработке методов сортировки и поиска, позволяющих использовать эти данные.

Заметки как подспорье для сочинителей

Побуждая своих читателей собирать записи в нескольких тетрадах, снабженных указателями, Иеремия Дрексель заявлял о том, что выдержки из текстов полезны при написании сочине-

⁵² Цит. по: [Ferrer 2004: 9]. Феррер предполагает, что цитата, приписываемая Бернардену де Сен-Пьеру, представляет собой «клюкву». По использовал эту цитату в ноябрьском номере «Democratic Review» за 1844 год (с. 483), см.: URL: <http://www.eapoe.org/works/MISC/MARGDoi.HTM> (дата обращения: июль 2008). Оригинал цитаты см. в [Saint-Pierre 1840: 473]. Об интерпретации заметок как разрешения забывать информацию см. [Yeo 2007b: 30–31; Yeo 2007a: 34 слл.; Cevolini 2006a].

⁵³ См. сайт проекта «Keeping Found Things Found». URL: <http://kftf.ischool.washington.edu/index.htm>; [Jones 2007].

ний, и утверждал, что все продуктивные авторы полагались на сборники цитат, собранных за годы чтения. Античные ученые-«полиграфы», вроде Дидима Александрийского, и все знаменитые авторы, включая Вергилия, Плиния, Фому Аквинского и писателей более позднего времени, наверняка пользовались выписками из книг. Дрексель не приводил непосредственных доказательств в поддержку своим утверждениям об авторах прошлого, но прибегал в качестве аргумента к рациональной реконструкции. Как могли все эти авторы писать так много, не прибегая к конспектам? Дрекселю можно возразить только в том, что многие плодотворные писатели, жившие в раннее Новое время и в более ранние века, писали свои сочинения не на основе коллекций выписок, но полагаясь на память (не обязательно делая при этом временные заметки) и хороший доступ к книгам. Верно и обратное: некоторые активные составители конспектов раннего Нового времени не опубликовали ничего из собранных ими записей. Следовательно, хотя составление заметок и обосновывалось педагогами раннего Нового времени как подспорье при написании сочинений, составление выписок и написание собственных трудов не всегда шли рука об руку. Два случая послужат отличными примерами, иллюстрирующими различия методов, использовавшихся при написании сочинений в Античности и Средние века. С одной стороны, Плиний как совершенный образец активного составления выписок из книг; впрочем, сами его заметки не сохранились и наши знания о них основываются преимущественно на описании методов работы Плиния, сделанном его племянником. С другой стороны, Фома Аквинский, чьи методы работы можно изучить более подробно, чем у большинства средневековых авторов, благодаря тому что сохранились его автографы и манускрипты, написанным под его диктовку; однако, судя по всему, в своих трудах он не полагался на объемные собрания цитат.

Несмотря на то что до нас дошла лишь крошечная часть подлинных образцов античных текстов, проведя тщательный анализ языкового материала и сохранившихся свидетельств, филологи-классики успешно воссоздали подробную картину научных ме-

тодов, примером использования которых в I веке нашей эры был Плиний. Когда Плиний читал сам или когда ему читали вслух, он обозначал (давая указания или самостоятельно) представлявшие интерес фрагменты специальными пометами (*adnotationes*), соответствующие фрагменты тут же копировались на восковые таблички (*pugillares*), чаще всего под диктовку текста рабу или секретарю (*notarius*). Те же отрывки (*excerpta*) затем переписывались более аккуратно, для долгосрочного хранения на свитки папируса, снабженные тематическими заголовками; такие рассортированные заметки называли «комментариями», вероятно, они и представляли собой материал, на основе которого Плиний писал свои труды⁵⁴. Плиний Старший был, несомненно, выдающейся личностью. Рассказывали, что он посвящал занятиям все свое время, спать старался как можно меньше и заботился о том, чтобы ему читали за едой, когда он был в пути или принимал ванну. Он делал заметки к каждой прочитанной книге и оставил в наследство своему племяннику «сто шестьдесят записных книжек, исписанных мельчайшим почерком с обеих сторон: это делает их число еще большим» (пер. М. Е. Сергеевко) [Плиний Младший 1984: 46].

Плиний был не только активным составителем заметок, но и плодовитым автором, написавшим не только «Естественную историю» в тридцати семи книгах (единственный его труд, который сохранился), но также, по утверждению его племянника, шесть других произведений, составлявших вместе шестьдесят пять книг [Dorandi 2000: 50; Pliny the Younger 1969, 1: 172–175]. Как именно Плиний использовал свои заметки при сочинении, неясно. «*Commentarii*», скорее всего, располагались под заголовками или снабжались соответствующими пояснениями на полях. Изучение самого текста «Естественной истории» позволило обнаружить места, где Плиний использовал материалы из какого-нибудь

⁵⁴ Утверждения Дрекслера см. в [Drexel 1638: 32–48]. Доранди называет составление заметок в эпоху Античности пятиступенчатым процессом [Dorandi 2000: 31–32], в то время как в более раннем исследовании было выделено три этапа, см. [Skydsgaard 1968: 155]. Оба исследователя опираются на [Pliny the Younger 1969, III.v: 1, 172–179].

сочинения в том же порядке, в каком они появляются в тексте-источнике; в других случаях он распределял цитаты из одного источника по разным разделам, показывая, таким образом, способность следовать как источнику, так и последовательности тематических рубрик [Locher 1986: 20–29; Detlefsen 1899: 22].

Плиний Младший дал описание практических методов своего дяди, потому что его труд являл собой образец исключительного усердия, однако весьма вероятно, что методы работы Плиния в своей основе были типичны для большинства античных ученых. Диктовка секретарю или рабу была общераспространенной практикой среди авторов классической и поздней Античности, хотя некоторые из них записывали свои сочинения собственноручно, — именно это сообщал Порфирий о работе своего учителя, языческого философа Плотина, — многие при этом жаловались на недостатки диктовки (Порфирий, Жизнь Плотина 8, 4, цит. по: [Hadot 1998: 33 сн. 31])⁵⁵. Точно так же чтение вслух соседствовало в античный период с чтением про себя, хотя соотношение между ними является сегодня предметом споров между специалистами [Johnson W. 2000; McDonnell 1996]. В любом случае чтение вслух и письмо под диктовку не были препятствием ни для составления заметок, ни для сочинения новых трудов на их основе, как доказывает пример Плиния. От Цицерона (106–43 до н. э.), который хвастался, что собрал лучшие фрагменты сочинений всех авторов, до Плутарха (50–120 н. э.), заметки которого (*hypomnemata*) были, вероятно, очень важны как источник многих приведенных в его работах цитат, античные авторы делали заметки для повторного использования этого материала в собственных сочинениях. Анализ «Жизнеописаний» Диогена Лаэртского позволяет предположить, что, подобно Плинию, он полагался на выписки,

⁵⁵ Квинтилиан отмечал, что тексты, составленные под диктовку, требуют проверки, а Иероним — что диктовка поощряет торопливое, неразборчивое и неуточенное письмо. См.: Квинтилиан, Наставления оратору X, 3, 18–22, цит. по: [Dorandi 2000: 68; Arns 1953: 47–48]. Аналогичным образом, Амвросий отмечал, что собственноручная запись своего сочинения оставляет больше времени на размышления [Dekkers 1952: 133–134].

сделанные из разных источников по интересовавшим его темам (Цицерон, О нахождении 2, II, 4)⁵⁶.

Хотя процесс сочинения на основе заметок не был специально изучен, по меньшей мере в двух случаях мы имеем дело с работами, в которых утверждалось, что они представляют собой собрание заметок, и которые, по всей видимости, были таковыми. Авл Геллий называл свои «Аттические ночи» (опубликованные примерно в 180 н. э.) *commentarii*, составленными из первичных заметок (*annotationes*), которые он выписывал из книг во время чтения или из устных рассказов, считая их достойными запоминания. «Я отмечал [*annotabam*] то, что мне было угодно, какого бы рода оно ни было, не делая различия и без разбора, и сохранял для себя, в помощь памяти, словно некую кладовую учености»⁵⁷ (Авл Геллий, Аттические ночи, Вступление 2; пер. А. Б. Егорова). Независимо от того, воспринимаем ли мы эти высокопарные слова буквально, утверждение Геллия предполагает по меньшей мере, что современники считали правдоподобным то, что один автор мог собрать заметки, составившие двадцать томов исторических анекдотов и наблюдений о языке и обычаях [Gellius 1946: xxvi–xxvii]⁵⁸. Многие литературные «смеси» поздней Античности указывают на то, что выписывание цитат было обычным делом как для авторов, так, вероятно, и для их читателей. В случае произведения, известного нам как «Размышления» Марка Аврелия, римского императора, правившего в 161–180 н. э., мы имеем дело со сборником личных размышлений, который получил распространение по прошествии многих лет после смерти автора (вероятно, в IV веке). Марк Аврелий собрал мыс-

⁵⁶ О Варроне см. [Skydsgaard 1968]. О Плутархе — [Theander 1951; Helmbold, O'Neil 1959]. В [Prentice 1930] утверждается, что «История» Фукидида не является законченным произведением, так как составлена из отдельных листов, оставленных нескрепленными после смерти автора. О Диогене Лаэртском см. [Mejer 1978].

⁵⁷ Рус. пер. [Авл Геллий 2007: 17].

⁵⁸ В [Skydsgaard 1968: 103] утверждение Геллия воспринимается буквально, однако в [Holford-Strevens 2003: 35 ff] подчеркивается искусственный характер текста.

ли, максимы и наставления, как собственные, так и заимствованные из сочинений других авторов, продемонстрировав широкий спектр литературного материала, который мог включаться в заметки (*commentarii* или *hypomnemata*). Хотя то обстоятельство, что эти заметки дошли до наших дней, является скорее исключением, сам факт их составления в ту эпоху исключением, вероятно, не являлся [Hadot 1998: 30–34]⁵⁹. Благодаря этому мы можем реконструировать античные примеры того, как составление заметок стимулировало написание книг.

Довольно странно, учитывая долговечность пергамена, что от Средних веков у нас не осталось четко обозначенных объемных собраний заметок, равных по размерам, скажем, 160 свиткам заметок Плиния. На данный момент не существует исследований, рассматривающих то, как в Средние века работали с рукописями, которые могли служить подготовительными заметками (сюда относятся тексты или отрывки, включенные в альманахи или флорилегии, а также указатели и другие вспомогательные материалы). Тем не менее в одном случае в нашем распоряжении имеется неожиданно большой корпус свидетельств о методах работы одного схоластического автора, включающий собственноручно написанные и надиктованные рукописи, а также сообщения современников о принципах его работы. Необыкновенно высокий статус, которым Фома Аквинский (1225–1274) пользовался при жизни и до наших дней, дает нам право выдвигать предположения не только на основании сохранившихся документов, но и на основании того, что не сохранилось. Дрексель называет Фому Аквинского среди тех, кто «наверняка делал выдержки из текстов». Однако подробный анализ сохранившихся манускриптов (четырёх автографов, относящихся к началу карьеры философа, и рукописей, надиктованных позднее), а также рассказов современников о его рабочих методах позволяют предполо-

⁵⁹ Упоминается также об утраченных записках (*hypomnemata*) Памфилии, образованной женщины I в н. э. В [Skydsgaard 1968: 107–109] утверждается, что *hypomnemata* представляют собой греческий эквивалент латинского термина *commentarii*.

жить, что Фома Аквинский работал не с коллекцией выписок, как Плиний, но, скорее, полагался на память и доступные первоисточники [Drexel 1638: 42] (цит. по: [Dondaine 1956; Gils 1992]).

Фома Аквинский создал свои первые сочинения, написав их собственноручно, но его почерк (который уже в то время называли неразборчивым или нечитаемым) было так трудно разобрать, что копии, сделанные с автографов, кишели ошибками, так что Фоме приходилось надиктовывать окончательные версии своих работ, зачитывая собственные рукописи, а затем он стал составлять собственные тексты непосредственно в процессе диктовки⁶⁰. Аргументом, убеждающим в том, что сочинение происходило в процессе диктовки, является отсутствие сохранившихся автографов периода зрелого творчества философа. Любые автографы, например «Суммы теологии», должны были сохраниться с большой долей вероятности, учитывая то значение, которое придают другим дошедшим до нас автографам — куда менее значимым работам, но которые тем не менее хранили с благоговением. Но несмотря на то что работы эти почитались почти как реликвии, им не удалось избежать утраты некоторых фрагментов, которые теперь хранятся отдельно (сама по себе это практика дополнительно увеличила наши шансы узнать об их существовании) [Ibid.: 20 сн. 19]. Если бы Фома Аквинский писал свои труды на основе заметок, записанных на пергамене, можно было бы ожидать, что сохранятся и они, хотя бы в виде фрагментов. Но вместо этого, как показывает реконструкция Антуана Дондэна, Фома Аквинский сверялся с книгами по мере необходимости в процессе сочинения и мог рассчитывать на постоянное присутствие одного или нескольких секретарей. Способность философа диктовать одновременно трем-четырем секретарям тексты на разные темы считалась в то время чудом, но те же способности приписывают и Уинстону Черчиллю. Фома Аквин-

⁶⁰ О «*littera inintelligibilis*» («неразборчивом почерке») см. [Hamesse 1994: 196]. У неразборчивого почерка были и другие преимущества. Об использовании секретной переписки вне дипломатической и школьной сферы см. [Bischoff 1981].

ский сочинял всегда, когда был готов к этому, в том числе среди ночи, при этом он однажды разбудил своего товарища Райнальда, чтобы тот за ним записывал. Фома Аквинский также использовал в работе множество книг, которые держал под рукой; в обязанности его секретарей входило копирование необходимых ему текстов [Ibid.: 10–11, 17, 19]⁶¹.

Как и Плиний, Фома Аквинский не представлял собой норму для эпохи, но являлся исключительной личностью с точки зрения достоинств и числа его работ, а также в том отношении, что в зрелые годы он получал от секретарей неустанную помощь. Однако отсутствие больших собраний личных записей, рассчитанных на длительное использование при сочинении собственных книг (о чем мы можем судить по тому трепету, с которым обращались с другими рукописями Фомы Аквинского), вряд ли было чем-то исключительным. Хотя методы работы схоластов не были достаточно тщательно изучены, взрывной рост количества справочных инструментов начиная с XIII века позволяет предположить, что лучшие ученые того времени сверялись с книгами по мере необходимости и использовали инструменты разного рода (конкордансы, предметные указатели, системы символов, вроде пометок Гроссетеста), чтобы отметить необходимые отрывки и составить список цитат. Помимо составления флорилегиев и других пособий для проповедников, средневековые ученые, очевидно, не часто практиковали массовое копирование отрывков, которым занимались Плиний и большое количество читателей раннего Нового времени.

Начиная с XV века и особенно в последующие столетия, напротив, мы имеем дело с беспрецедентным количеством сохранившихся заметок. Но и тогда не все плодovитые писатели составляли коллекции цитат. В некоторых случаях накопление читательских заметок было уделом молодых людей, делавших

⁶¹ О самом верном спутнике Фомы Аквинского Райнальде де Пипемо см. [Torrill 1993: 399–403]. О Черчилле см. [Ball 2003: 122–124]; в статье «Time» от 14 октября 1946 года «Old Man, New Policy» говорится, что Черчилль за один раз надиктовывал блоки по 500 слов.

это под давлением учителей и не ставивших при этом конкретной цели стать автором; напротив, когда составители заметок все же становились авторами, составление заметок прекращалось. Образец такого подхода представляет Мишель Монтень (1533–1592), который, впрочем, также был во многих отношениях исключительной личностью. В самом начале своей литературной карьеры он делал заметки в книгах — комментарии в его экземпляре Лукреция относятся к 1564 году, когда Монтеню был тридцать один год, позднее заметки были сделаны и в его собственном экземпляре «Опытов», когда он готовил их переработанное издание; однако отдельные от книг заметки до нас не дошли. Он изображал себя человеком, глубоко погруженным в книги, но никогда не читающим больше часа подряд, при этом сочиняющим в окружении книг в собственной библиотеке (насчитывавшей, по его словам, около тысячи томов) [Screech 1998: 4; Montaigne 1988: II.10, 409, 413; II.18, 666; Montaigne 1965: 297, 301, 505]⁶². Монтень подчеркивал, что он мало полагается на цитаты, и сердито отзывался об авторах, которые с помощью них готовят «зелье из банальностей» [Comragnon 1979: 300–301; Goyet 1986: 18 слл.]. То, что писал Монтень о себе, не обязательно заслуживает доверия, но ученые согласны в том, что Монтень серьезно переделывал прочитанное новыми, иногда удивительными способами. Согласно предположению Виллея, метод, к которому прибегал Монтень, сочиняя как первые книги «Опытов», так и более поздние добавления к ним, состоял в том, что он полагался скорее на воспоминания о недавнем чтении, чем на многочисленные записи [Villey 1933, 2: 28, 38]⁶³. Аналогичным образом, Каспар фон Барт (1587–1658),

⁶² О Монтене и принадлежавших ему книгах см. [Montaigne 1988: III.12, 1056b; Villey 1933, 1: 59–271; de Botton, Pottière-Sperry 1997; Millet 2004]. Благодарю Джорджа Хоффмана за профессиональные советы по этим вопросам.

⁶³ О независимости Монтеня от собственного читательского опыта см. [Tournon 2000: xviii; Goyet 1986–1987]. Монтень, возможно, имел в виду именно свое недостаточное внимание к составлению заметок, когда писал «je suis un homme de nulle retention» («у меня нет никаких средств») [Montaigne 1988: II.10, 408].

поздний гуманист, который публиковал, по словам одного из современников, свои книги «телегами» и известный в том числе своим многотомным трудом «Adversaria», хвастал, что пишет исключительно по памяти, не выписывая цитаты, ничего не исправляя и не изменяя. Цитируя эти заявления, Пьер Бейль также упрекал фон Барта в неуважении к своим читателям, поскольку тот не стеснялся заявлять о столь низкопробных методах работы⁶⁴.

Утверждение Дрекслея, будто все плодovитые писатели полагались на выписанные цитаты, не может служить надежной исторической оценкой применительно к методам работы как его предшественников, так и современников, если учитывать противоположные примеры — в числе прочих Фому Аквинского, Монтеня и фон Барта. Однако это утверждение служит важным индикатором того, как Дрексель представлял себе составление выписок. Дрексель выступал за долгосрочное хранение и накопление заметок, считая их коллекции сокровищницами, с помощью которых каждый может в какой-то момент заняться активным сочинительством, даже если при выписывании цитат у него не было в голове определенной темы. Указатель позволяет пользователю находить нужные фрагменты тогда, когда в них возникнет потребность. Дрексель гордился, например, тем, что может собрать шесть страниц материалов по теме «слезы» из собственных записных книжек, а также более короткие справки о вакханалиях и танцах — их он приводит в качестве примера сохраненных записей, которые могут понадобиться достаточно неожиданно. «Вы не найдете такого ни в одном [печатном] указателе!» — язвительно замечал Дрексель. Дрексель также хвалился тем, что благодаря своим заметкам может писать две книги в год на любые темы [Drexel 1638: 95, 88–95 (слезы), 95–96 (воскресение); 96–98

⁶⁴ См. в [Bayle 1740, I: Barthius, прим. Т], цитируется «Barthius in Statium», t. III, p. 466; см. [Barthius 1624]. В рукописи «Grotiana» (то есть изречений, приписываемых Процию) отмечалось, что Барт издавал свои книги «полными телегами» («par charretées»), и высказывалось предположение, что у него также имелось огромное количество записных книжек («plein de charrettes de recueils»), цит. по: [Wild 2001: 27].

(любовь к врагам); 98–99 (танцы и прыжки); 99–101 (вакханалии); 54–55 (о скорости письма)]⁶⁵.

Гуманисты и поздние гуманисты ценили способность приводить цитаты и примеры по широкому и непредсказуемому кругу тем, как в риторическом, так и в научном дискурсе, то есть признавали пользу сохранения интересных материалов, несмотря на то что у автора может не быть определенного намерения использовать их в ближайшем будущем⁶⁶. Примерно так же, но с более узким кругом целей, в Средние века помощники проповедников собирали отрывки, которые могли служить материалами для написания проповедей на разные темы без дополнительного чтения. Но в отличие от средневековых помощников и вопреки призыву Саккини сосредоточиться лишь на небольшом числе тщательно отобранных источников, Дрексель рисовал в своем воображении составление заметок в больших масштабах, за пределами педагогического или религиозного литературных канонов. Принцип отбора, признаваемый Дрекселем, состоял в том, чтобы избегать «очевидного, банального, шаблонного и тысячи раз повторявшегося». И Дрексель, и Саккини предостерегали от рисков бездумного накопления чрезмерного количества заметок — «безрадостного усердия, заставляющего собирать пустяки и глупости, которые никогда не будут полезны». Так же как Геллий высмеивал приятеля, который принес ему толстую книгу заметок, представлявших собой разного рода курьезы, Дрексель насмеялся над Томасом Хазельбахом, который провел двадцать два года над составлением комментария к первой книге Исаяи: это, по мнению Дрекселя, было примером «образованного тщеславия и напрасных усилий»⁶⁷. Саккини задавался вопросом, что хуже — выписывать слишком много или

⁶⁵ Дрексель публиковал проповеди и религиозные трактаты со скоростью чуть меньше одного в год с 1618 по 1638 год; см. [Pörnbacher 1965].

⁶⁶ Например, Фамаиано Страда (1572–1649), профессор риторики в Римском коллегииуме, обсуждал в своей вступительной лекции реакции на чихание, скорее всего, к немалому удивлению слушателей, которые недоумевали, как он сумел написать на подобную тему; см. [Neumann 2001: 56].

⁶⁷ В [Drexel 1638: 83, 103, 105; Sacchini 1614: 87] содержались предостережения от «несчастливого любопытства». Оба автора цитировали отрывок из (Геллий, кн. 14, гл. 6, в [Gellius 1946, III: 43–47]).

слишком мало; чтобы найти золотую середину, он рекомендовал соотносить количество сделанных заметок с достоинствами их авторов, таким образом отдавая приоритет проверенному канону авторитетных источников, но при этом также отмечал, что можно пропускать высказывания известных людей, которые цитируют все. Дрексель предпочитал лишнее количество заметок их отсутствию, но при этом выступал за разумный отбор. Дрексель также признавал, что читатели могут разрабатывать собственные индивидуальные техники, не ограничиваясь его советами: «Если эти указания и правила составления заметок вам не нравятся, составьте для себя другие — меньше, короче, лучше соответствующие характеру ваших исследований, главное, чтобы вы делали заметки» [Sacchini 1614: 86–87; Drexel 1638: 83, сигн. [A8]r]. И многие действительно изобретали собственные способы организации тетрадей для заметок.

Структурирование чрезмерного количества заметок

Сохранившиеся заметки указывают на то, что советы педагогов, вроде тех, что давали Саккини и Дрексель, в целом соответствовали существовавшим практикам. Метод Саккини, например, в полной мере иллюстрирует неожиданно полный набор аннотированных книг и ученических тетрадей, принадлежавших герцогу Августу Брауншвейгскому (1579–1666), основателю библиотеки, известной в наши дни как Библиотека герцога Августа в Вольфенбюттеле, которая формировалась вокруг его собственной книжной коллекции. Не требуется предполагать какое-либо прямое влияние иезуитского учебного руководства на лютеранские круги, чтобы объяснить это соответствие. Саккини озвучил советы, которые, вероятно, были стандартными в педагогической среде XVI века, независимо от конфессиональных и региональных отличий. Август начал составлять заметки в одиннадцатилетнем возрасте под руководством своего наставника Мартина Фабрициуса. Будущий герцог подчеркивал в книгах, которые он читал, интересные отрывки, а затем переписывал

эти места в тетрадь в том порядке, в котором они встречались в тексте. Эта первая тетрадь из 435 страниц называлась «Собрание сентенций» (*Sentenzensammlung*). На следующем этапе составления заметок Август снова копировал те же фрагменты, помещая их под разными рубриками, во вторую тетрадь, озаглавленную «общие места» (*loci communes*). За пять лет автор собрал таким образом 2915 изречений классических авторов, в 1591 году он начал вести аналогичную тетрадь с цитатами из Библии; в ней насчитывалось 645 записей [Hess 2003; Hess 2002].

Рекомендации Дрекслея, напротив, лучше подходили для взрослых читателей, имевших доступ к многообразию книг, а не для молодежи, читавшей под руководством наставников. За пределами школьной среды стимулом для составления заметок служили не советы учителей, а, скорее, различные факторы, вдохновлявшие и самих педагогов. Обилие книг в сочетании с уверенностью в том, что «нет такой плохой книги», в которой не нашлось бы чего-то достойного сохранения, выступали наиболее общими причинами. Но выявлялись и более специфические мотивы. Так, исследователи предположили, что ведение читательских заметок английскими джентльменами, вроде Уильяма Дрейка или Роберта Сиднея-младшего, не планировавшими их публикацию, служило своего рода терапией в напряженный период английской гражданской войны, способом сформулировать личные ценности и позиции [Warkentin 2005: 238–239, 244; Sharpe 2000: 192]⁶⁸. Филолог-классик Адриан Тюрнеб (1512–1565) собирал филологические наблюдения об античной литературе во время французских гражданских войн, так как «скверное время и упадок дел в стране» не давали ему сосредоточиться на «серьезных исследованиях» [Turnèbe 1581: сигн.): (2r–v)]. Многие собиратели цитат и заметок были движимы желанием помогать не только себе, но и своим современникам и потомкам. Тетради общих мест, в частности, планировалось передавать внутри семьи. Роберт Сидней-старший надеялся, что его заметки помогут подготовить сына к общественной жизни; Эддисон и Стил

⁶⁸ Еще одним из мотивов Дрейка было самосовершенствование [Sharpe 2000: 89].

в «Зрителе» описывали общие тетради, предназначенные для следующих поколений — «в качестве подарка потомкам тем, кто пока еще не родился» [Warkentin 2005: 238]⁶⁹.

Первым примером накопления записей, мотивированного служением общему благу, стала деятельность Николя Фабри де Пейреска (1580–1637), дворянина из Экс-ан-Прованса, оставившего огромное количество заметок, почти ничего из которых не было опубликовано. Его биограф Пьер Гассенди (1592–1655) писал, что Пейреск всегда читал с пером в руке и «имел наготове секретарей, чтобы все записывать». «Потому что для него была непреносима мысль о том, что даже малейшее изобретение или наблюдение любого человека будет утрачено, и он всегда питал надежду, что либо он сам, либо кто-то другой извлечет из этого пользу». В результате «он делал записи о них в своих записных книжках, потому что полагал, что так им не грозит опасность быть забытыми». Пейреск затем распространял материалы, включенные в заметки, в своих многочисленных письмах, выступая тем самым информационным центром Республики ученых. Пейреск делал записи на отдельных листках, используя новый лист бумаги для каждого нового пункта, чтобы оставалось больше места для дальнейших добавлений: его особенно раздражала трата времени и усилий (даже если речь шла не о нем самом, а о секретаре) на то, чтобы писать поверх написанного текста из-за недостатка свободного места. Он присваивал каждому листку соответствующий заголовок, записывая его в верхнем левом углу, затем распределял листки по реестрам (то есть переплетенным томам), которые раскладывал стопками, на полках и на полу. Он также копировал всю свою переписку, сортируя ее также по стопкам, и снаружи каждой из них писал оглавление, а затем составлял каталог своих бумаг. И все эти материалы были завещаны после смерти его брату [Gassendi 1657: 200, 191–192 (2-й пар.)]⁷⁰.

⁶⁹ Joseph Addison. Spectator, 166 (10 сентября 1711 года). Т. 2. London: G. Woodfall, 1822. P. 352 (цит. по: [Podhurst 2004: 103–104]).

⁷⁰ О мотивах, побудивших Гассенди написать эту биографию, см. [Joy 1987: 50–61]. Благодарю Питера Миллера за беседы о Пейреске, которые были для меня очень полезны.

Бумаги Пейреска могли показаться беспорядочными, но, по словам Гассенди, он мог найти в них все нужное: «Потому что, хотя он часто извинялся, что все в его доме лежало хаотической и переработанной грудой или кучей, поиск необходимых вещей в этой огромной куче никогда не отнимал у него много времени, при условии, что никто, кроме него самого, не копался в его собрании редкостей, книгах и бумагах, а если кого-то и посылали что-то принести, то он не переменил привычный порядок вещей» [Gassendi 1657: 197 (2-й пар.)]. Пейреск был надежным источником любого рода информации, антикваром и специалистом по естественной истории, он регулярно заносил в свои записи самую разную информацию, а затем находил ее, чтобы делиться с другими (если получал соответствующие запросы). Пейреск использовал труд секретарей, которые копировали тексты, но, вероятно, он сам отвечал за организацию хранения и поиск в своих бумагах. Пейреск, служивший образцом организации информации по стандартам раннего Нового времени, при упорядочивании заметок полагался главным образом на собственную память. Для тех, кто подходил к составлению заметок менее скрупулезно, память играла еще более важную роль. Филолог-классик Исаак Казобон (1559–1614), заметки которого представляли собой «просто отсылки, причем не к конкретным местам в книгах, а к темам или терминам, к которым он намеревался вернуться», по рассказам, использовал память как единственный ключ «к этой огромной массе материалов» ([Pattison 1892: 425–428], обсуждение в [Yeo 2004a: 24]).

Некоторым ученым в действительности не удавалось находить нужную информацию в собственных бумагах. Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716), хоть и написал очерк о принципах организации, по собственным словам, сам не мог найти нужный материал среди массы неотсортированных заметок: «Записав что-то, я забываю об этом практически полностью в течение нескольких месяцев, и вместо того чтобы искать это среди хаоса заметок, которые у меня не было времени рассортировать и снабдить заголовками, я должен снова делать ту же работу». Лейбниц делал записи на листах или клочках бумаги, предположительно по ме-

тоту Мартина Фогеля (1634–1675), ученика Иоахима Юнга (Leibniz “*Mathematische Schriften*”; цит. по: [O’Hara 1998: 160])⁷¹. Роберт Бойль также был печально знаменит беспорядком, царившим в его бумагах. Несмотря на то что Бойль покупал разноцветные канцелярские принадлежности, он, очевидно, не применял на практике никакой последовательной системы сортировки. Среди его сохранившихся бумаг есть литературные тетради общих мест 1640-х годов, сборники рецептов 1650-х годов, записи экспериментов и наблюдений, сделанные после 1662 года, а также выдержки из этих рабочих дневников, сделанные в процессе подготовки публикаций по соответствующим темам [Hunter 1998b: 126–127, 1.33–34; Hunter, Littleton 2001: 376–377]⁷². У ученых, разбавивших бумаги Бойля после его смерти, не было ключа в виде личной памяти, которая могла бы направлять их работу, поэтому они называли эти бумаги «хаосом, сырым и не переваренным бог знает сколько раз [sic]»⁷³. Бойль сочинял, также записывая тексты на разрозненных листках, которые можно было перекомпоновывать внутри разных трактатов, над которыми он работал в то или иное время, а также переносить из одного труда в другой, однако эти листки «часто терялись, поскольку сам автор или его секретари клали их не на то место», а порядок их следования обозначался только кустодами, отсылающими к следующей странице. В результате Бойль был вынужден опубликовать извинение по поводу одного случая, когда части его работы были опубликованы в неправильном порядке из-за того, что «при отправке в типографию отдельные листы оказались неправильно переставлены» [Hunter, Davis 1996: 227; Hall 1987: 111–116].

Основным способом организации заметок в раннее Новое время, несмотря на то что его игнорировали ученые вроде Лейб-

⁷¹ О методе Фогеля см. [Von Murr 1779: 211; Meinel 1995: 178].

⁷² О рабочих дневниках Бойля см.: URL: <http://www.livesandletters.ac.uk/wd/index.html> (дата обращения: 14.09.2023).

⁷³ William Wotton to John Evelyn, August 8, 1699. British Library, Evelyn Collection MS 3.3.112 (цит. по: [Hunter 1998b: 123]). В цитате перефразированы стихотворные строки Драйдена.

ница и Бойля, было использование заголовков, под которыми собирались, а затем хранились заметки. Отнесение каждой заметки к определенной рубрике было именно тем занятием, на которое у Лейбница, судя по его жалобам, не оставалось времени. В результате его заметки становились бесполезны даже для него самого. Удивительно, как редко педагоги и сами составители заметок обсуждали выбор рубрик, несмотря на то что этот вопрос играл, несомненно, ключевую роль. Выбор того, под каким заголовком следует записать ту или иную цитату, зависел от решения (*judicium*) составителя и повсеместно признавался принципиальным для эффективного составления заметок, но чаще всего его принципы усваивались из личного контакта с учителем, а не из книг. Шарль Сорель, например, не предлагал научить самой способности суждения, которая, как он пояснял, «приобретается из уроков, усвоенных лично, и благодаря способности подмечать то, что признают ценным профессионалы» [Sorel 1673: 14]. Но составителям объемных компиляций, несомненно, было хорошо известно о потенциальной произвольности, которая была свойственна выбору заголовков. Так, например, Пьер Бейль манипулировал заголовками в своем «*Dictionnaire historique et critique*», пытаясь таким образом уменьшить размер огромного раздела со статьями на букву «А»; в результате статья, посвященная Александру Великому, оказалась отнесена к «Македонии», а под словом «Александр» была дана только отсылка [Van Lieshout 2001: 74]. Тем не менее современники обсуждали лишь отдельные трудности, возникающие при выборе заголовков, особенно те случаи, когда было несколько подходящих заголовков или не было ни одного.

В случаях, когда заголовков было несколько, перекрестные ссылки избавляли от необходимости переписывать те же самые заметки дважды. Перекрестные ссылки использовались в XIII веке в личной системе тематических указателей, разработанной Гроссетестом, а также в предназначенном для более широкого распространения «*Manipulus florum*» (1306) Фомы Ирландского. Однако только в руководстве по составлению заметок Винсента Плакциуса, вышедшем в 1689 году, мне удалось обнаружить экс-

плицитное описание соответствующей практики, впрочем, по данной иносказательно, поскольку конкретного термина для ее обозначения не существовало [Placcius 1689: 134]. Составитель мог копировать один и тот же отрывок несколько раз, приводя его под разными заголовками, как делал это неоднократно в своих тетрадах Август Брауншвейгский. Если же, напротив, ни один заголовок не казался подходящим, или потому, что требовалось слишком большое число заголовков, или потому, что никакой из них не соответствовал содержанию в точности, рекомендовалось, как правило, помещать соответствующий текст в категорию «разное». Шарль Сорель советовал французским читателям: «Если отрывок согласуется с разными заголовками и автор боится запутаться в них, полезнее будет не помещать такой отрывок в какую-то определенную рубрику, но завести отдельную тетрадь для записи заметок неясной тематики и без определенного заголовка». В этой тетради для разнородных записей, которая должна была быть достаточно вместительной, Сорель рекомендовал придерживаться алфавитного порядка; чтобы не забывать содержание цитат, следовало часто их перечитывать. Томас Бартолин не советовал относить запись к рубрике, которой она не вполне соответствовала, вместо этого соответствующие записи следовало помещать в раздел, не имеющий заголовка, в том порядке, в котором они встречались при чтении [Sorel 1673: 7; Bartholinus 1676: 191; Placcius 1689: 147]⁷⁴. Риск неправильно выбрать рубрику для цитаты ставил под угрозу возможную пользу от составления заметок, так как автор мог не найти нужный отрывок вновь.

Выбор рубрики происходил или во время чтения, если читатель переписывал отрывок непосредственно в тетрадь общих мест с упорядоченным содержимым, или на более поздней стадии: в таком случае заметки сначала располагались в порядке чтения, а затем сортировались по рубрикам, либо путем повторного копирования того же фрагмента (как рекомендовал Саккини),

⁷⁴ В рамках того же подхода историк Кристоф Шрадер (1601–1680) рекомендовал вести тетрадь для «сомнительных случаев» (*dubia*) и записывать туда вопросы, ответить на которые следует позже [Brendecke 2004: 189].

либо путем добавления заголовков на полях первой тетради (об этом будет сказано ниже), либо путем составления указателя к тетради (этого варианта придерживался Дрексель). Сомнения в отнесении цитаты к той или иной рубрике иногда отражались в рукописных заметках, например когда Монтень зачеркивал один заголовок и заменял его на другой в своих маргиналиях [Goyet 1986–1987, 8: 22–23]. Оригинальность Монтеня часто проявлялась в использовании того или иного отрывка для неожиданных целей, особенно когда цитате присваивался необычный заголовок, благодаря чему вместо стандартного «урока» получался оригинальный рассказ с непредсказуемым набором примеров. Так, чтобы продемонстрировать власть ложных убеждений, Монтень отнес к этой рубрике и страхи, связанные с переменой календаря (с юлианского на григорианский в 1582 году), и преследования ведьм, и представление о том, что хромые — более страстные любовники [Montaigne 1988, III: 11]. Поскольку Монтень, скорее всего, работал непосредственно с прочитанными текстами, а не с коллекцией выписок, то его маргиналии, в которых он экспериментировал с заголовками, вполне могли служить непосредственным стимулом его творчества.

Способность к суждению требовалась не только при отнесении того или иного отрывка к определенной рубрике, но и при его поиске в дальнейшем. Шарль Сорель писал о трудностях в принятии решения, возравставших по мере накопления всё большего количества заметок:

Что за странная прихоть судьбы — иметь так много полезного, но, не умея использовать, не использовать вовсе. Некоторые скажут, что изобилие всегда лучше недостатка и что все накопленное и имеющееся под рукой у составителя имеет большую ценность и всегда доставляет радость; однако нелепые и не относящиеся к делу цитаты отнюдь не следует считать ценными [Sorel 1673: 7].

Поэтому Сорель предостерегал (как когда-то Саккини и Дрексель) против использования читательских заметок, не имевших отношения к поставленной автором цели, поскольку такой способ

продемонстрировать свою ученость является пустым и даже вредным.

Современники редко обсуждали количество и структуру выделяемых рубрик, хотя связанные с этим решения могли играть важную роль. Если рубрик было слишком много, существовал риск разделить вопросы, тесно соотносящиеся друг с другом. Возможно, какая-то неудача в этом деле привела Жана Бодена к тому, что в одном месте своего труда по естествознанию (вероятно, составленного из нескольких разделов тетради общих мест, которую он рекомендовал вести по этой теме) он утверждал, что обилие сока делает плоды привитых деревьев слаще, а в другом — что старые деревья приносят более сладкие фрукты именно потому, что у них меньше сока [Blair 1997: 74]. С другой стороны, если использовалось слишком мало рубрик, они могли оказаться слишком объемными, что затрудняло поиск информации в них. Учебные руководства дают мало информации по поводу правильного количества рубрик. Эразм лишь в общих выражениях предостерегал против «излишнего дробления» тем и рекомендовал использовать такие рубрики, которые могли бы быть наиболее полезны в процессе сочинения устных и письменных текстов, при этом рубрики следовало «располагать в любом порядке, который вам удобен». Эразм отмечал эффективность разделения тем на такие рубрики, как «пороки» и «добродетели», «сходства» и «различия» и т. д., и сам последовал собственному совету при составлении указателя к своим «Пословицам» (Adagia), как видно из использования 257 заголовков — «общих мест», — использованных в издании 1508 года [Erasmus 1508; Moss 1996: 109, 113–114 (цитата)]. Один край диапазона представляли рекомендации педагогов-иезуитов, которые советовали использовать только 40 общих заголовков во избежание путаницы, которая возникает при введении слишком большого количества «loci communes», а другой край образывало изобретение Томаса Гаррисона: «шкаф для заметок» с 3000 заданными рубриками и дополнительным местом для еще 300. Впрочем, многие с опаской относились к использованию слишком большого количества рубрик: Бэкон советовал исполь-

зовать «значительно меньше [заголовков], чем можно найти в любом образце», а Джон Локк, внимательно относившийся к методу составления заметок, рекомендовал ограничиться примерно сотней рубрик [Nelles 2007: 98; Placcius 1689: 139]⁷⁵.

В некоторых случаях на введение рубрик вдохновляли печатные справочные труды. В одной книге-руководстве рекомендовалось составлять собственные списки рубрик на основе рубрик, используемых в печатных источниках, вроде «Театра человеческой жизни» Цвингера и «Полиантеи» Ланге. Шарль Сорель пояснял, что некоторые образованные люди заимствовали названия рубрик из статей в словарях, в которых они ожидали найти интересные заметки [Titius 1676: 102; Sorel 1673: 8]. Размышляя над названиями рубрик для своих «Пандектов», или универсального указателя книг (1548), Конрад Гесснер обращался к указателям в изданиях, которые он читал, и особенно — к указателям в собраниях общих мест. В 1630 году Иоганн Генрих Альстед советовал читателям использовать заголовки разделов его энциклопедии в качестве ориентира при сборе и организации собственных заметок [Alsted 1989: 2338]⁷⁶. Филолог из Цюриха Иоганн Каспар Хагенбух использовал заголовки печатных изданий более необычным образом: он составлял тетради, копируя названия рубрик из книг, при этом даже воспроизводя форму печатных заголовков, а свободные места между ними заполнял выдержками из тех же книг. Этот метод составления заметок был весьма необычным, однако ученые отметили общую тенденцию к использованию более индивидуальных заголовков и форм ведения записей, характерную для XVIII века [Weimar 2003: 75–76]⁷⁷.

Составление указателей к заметкам вызывало те же вопросы, что и выбор рубрик, поскольку каждый отрывок следовало вносить в указатель под определенным ключевым словом. Призывая составлять указатель к каждой тетради, Дрексель рекомен-

⁷⁵ О Бэконе см. [Snow 1960: 373]. О Гаррисоне и Локке — [Malcolm 2004: 216].

⁷⁶ См. обсуждение в [Zedelmaier 2001: 20; Zedelmaier 2000: 86 (о Гесснере)].

⁷⁷ О тенденции к идиосинкразии см. [Décultot 2003a: 15; Moss 1996: 261].

довал располагать отрывки в алфавитном порядке ключевых слов (*caput rei*): например, «невероятный рост божественной благодати» следовало поместить на букву «Б», под словом «благодать». Дрексель пояснял, что указатель следовало составлять так, чтобы на каждую букву алфавита отводился отдельный лист (при этом редко используемые буквы алфавита, такие как К, Q, X и Z, могли помещаться на одном листе ради экономии бумаги). В указателе давались ссылки на тетради, где содержались соответствующие отрывки; впрочем, Дрексель ничего не сообщал о форме этих ссылок: возможно, они должны были включать номера страниц [Drexel 1638: 135]. Поскольку со временем добавлялись новые заголовки листов, указатель или перечень заголовков приходилось располагать в алфавитном порядке только по первой букве. Таким образом, иногда требовалось просмотреть все заголовки, начинающиеся с определенной буквы, чтобы найти нужный. Несмотря на то что эта рекомендация была впервые опубликована в 1638 году, насколько мне известно, первые авторы, которые стали снабжать свои заметки указателями, жили в конце XVII века. Огромное наследие Иохима Юнга состояло из сотен стопок листов, форматом *in-quarto* и *in-octavo*, но тем не менее не было снабжено инструментами поиска — фоллиацией или перекрестными ссылками, не говоря уже об указателях. Итальянский натуралист Альдрованди сообщал, что поручил своим секретарям индексировать собранную им коллекцию заметок, но при этом сетовал на то, что работа над указателями отнимала больше времени, чем написание четырех или пяти «Естественных историй», поэтому он отказался от этой идеи [Meinel 1995: 166, 168; Giudicelli-Falguières 1988: 255]. Вместо указателей составители заметок организовывали даже крупные собрания выписок с помощью рубрик, названия и расположение которых (в тетрадах, стопках и т. п.) они попросту запоминали — отсюда понятно, насколько благоразумен был совет регулярно перечитывать заголовки собственных записок, чтобы удерживать их в памяти.

В отсутствие указателей некоторые составители заметок писали названия рубрик на полях своих бумаг (похожим обра-

зом читатели печатных книг нередко добавляли заголовки в форме рукописных маргиналий). Сэмюэль Хартлиб (умерший в 1662 году), который собирал и распространял между своими многочисленными корреспондентами информацию по самым разным темам, связанным с философией Бэкона, оставил дневники, состоящие в общей сложности из около 300 000 слов; на полях страниц он оставлял знаки, обозначающие содержание и лиц, упоминавшихся в дневниках, — своего рода сквозной указатель. Шарль Сорель, аналогичным образом, говорил о том, что знаки, используемые в печатных книгах для обозначения материалов того или иного рода, можно с таким же удобством применять и на полях рукописных заметок [Greengrass 1998: 44; Sorel 1673: 14].

Рекомендации Локка по составлению указателей к заметкам сыграли, судя по всему, решающую роль в распространении данной практики. В работе, которая впервые была опубликована на французском языке в 1686 году, затем на английском в 1706 году и пережила в дальнейшем множество переизданий, Локк рекомендует помещать в самом начале записной книжки перечень использованных в ней рубрик, располагая их по алфавиту по первым согласным и гласным буквам и снабжая указанием страниц, на которых в тетради находится соответствующий материал. Локк особенно гордился тем, что этот метод позволял избежать традиционной проблемы, состоявшей в том, что бумага впустую расходовалась на некоторые редко используемые заголовки, тогда как под другими заголовками, которые использовались очень часто, не хватало места для записей. Как видно, рекомендуя снабжать каждый заголовок в указателе номерами страниц, на которых начинается и продолжается соответствующая рубрика, Локк по сути учил своих читателей индексировать тетради с заметками и предлагал в качестве стандарта для указателя алфавитное расположение. Локк в целом следовал собственному методу индексирования, однако в некоторых его тетрадях первая страница с указателем отсутствует. Джон Ивлин (1620–1706), являвшийся, как и Локк, членом Королевского общества, отвел

отдельный том для указателя к своему трехтомному собранию общих мест, в которых заметки располагались по ключевым словам и темам [Уео 2004а: 19, 23 слл.]⁷⁸.

В XVIII веке индексирование заметок стало более распространенным и иногда принимало весьма сложные формы. В тетрадах Сэмюэла Джонсона имелся не сохранившийся до наших дней указатель к собранию общих мест, составленный по методу Локка. К особенно выдающимся достижениям относится 1200-страничный тематический указатель, составленный ученым-романистом Жан Полем (1763–1825) к собственной коллекции заметок. Преследуя сходные цели, Иоганн Иоахим Винкельман (1717–1768), великий грецист и теоретик неоклассицизма, посвятил последние годы жизни составлению заметок второго порядка на основе многочисленных эксцерптов из книг, собранных им прежде. Иоганн Каспар Хагенбух (1700–1763), весьма оригинальный собиратель заметок, составил также двенадцать томов рукописных указателей к двадцати четырем печатным указателям к надписям Грутера, которые перемежались его собственными комментариями, относящимися к соответствующим местам [DeMaria 1997b: 58; Décultot 2003b: 96; Helmreich 2003: 194; Weimar 2003: 74–75]⁷⁹.

Трудности индексирования и отнесения цитат к определенным рубрикам, с которыми сталкивались составители заметок раннего Нового времени, сохраняются и сегодня, особенно когда речь идет о библиотечной классификации. Постоянство в использовании рубрик особенно важно в библиотечных каталогах, поскольку, в отличие от указателей к отдельной книге или сборнику заметок, библиотечный каталог представляет собой коллективный труд, который ведется в течение долгого времени средствами огромного количества участников, рабо-

⁷⁸ О влиянии Локка см. [Décultot 2003a: 15–16]; об Ивлине см. [Hofmann et al. 1995: 38]. Описание рабочего стола Локка с множеством отделений для бумаг и ящиков см. в [Houghton 1979, I: 248]. Благодарю Питера Била за информацию об этом источнике.

⁷⁹ Благодарю Клауса Веймара за полезные разговоры и переписку.

тающих как одновременно, так и в разные периоды. В конце XIX века обучение составителей каталогов было выведено на профессиональный уровень, и перечень рубрик, которые следовало использовать, был стандартизирован, сначала внутри отдельно взятых библиотек (например, Публичной библиотеки Нью-Йорка или библиотек крупных университетов), затем — в более широких масштабах, после изобретения десятичной классификации Дьюи и начала регулярного издания Библиотекой Конгресса перечней тематических рубрик (с 1898 года). Несмотря на немалые усилия по обеспечению единообразия в составлении каталогов, названия рубрик варьируются в зависимости от эпохи и культурного контекста, а выбор заголовков зависит от предпочтений каждого каталогизатора, решение которого (несмотря на основательную подготовку) может отличаться от решения его коллег. Тематические заголовки образуют шкалу — от чрезмерно обобщенных до крайне специфических: тематическая рубрика, к которой отнесена всего одна публикация, не поможет вам найти другие интересующие вас источники; слишком большое количество результатов, напротив, представляет трудность с точки зрения освоения информации. Появление в недавнем прошлом дополнительного поиска по ключевым словам, который стал возможен благодаря использованию электронных носителей, привело к появлению нового уровня критериев поиска и отчасти сняло нагрузку с тематических рубрик, однако их назначение по-прежнему остается важнейшим этапом составления библиотечных каталогов (который теперь для многих изданий осуществляется централизованно по программе Библиотеки Конгресса, предполагающей каталогизацию изданий перед публикацией). Так будет и впредь, до тех пор, пока в языке будет существовать множество слов для передачи одних и тех же или похожих понятий. Поиск по ключевым словам, то есть по отдельным терминам, не позволяет отслеживать идеи так же хорошо, как это может сделать составитель каталога, который присваивает тематические рубрики исходя из понимания материала. Точно так

же иерархия тематических заголовков является одним из инструментов навигации по Всемирной паутине⁸⁰.

С точки зрения пользователя выбор оптимальной рубрики зависит от целей, для которых будет использован тот или иной текст. Учитывая разнообразие возможностей применения книг и записок, эти цели оказывается невозможно предсказать, когда носители текста помещаются на долговременное хранение. В общем и целом, как заметил Лейбниц на рубеже XVIII столетия:

Одну и ту же истину можно обычно поместить в несколько мест в зависимости от терминов, которые в ней содержатся, и даже в зависимости от средних терминов и причин, которыми она обусловлена... у одной и той же истины может быть множество мест в соответствии с разнообразием вопросов, для которых она оказывается действительна (Лейбниц, «Новые опыты о человеческом разумении», цит. по: [Malcolm 2004: 220]).

Понимание Лейбницем существования множества заголовков, соответствующих одной единице текста, питало его энтузиазм в отношении использования высокотехнологичных инструментов того времени, предназначенных для обработки большого количества заметок, которые можно было со временем перемещать между разными рубриками. Историкам нашего времени не известно ни одного сохранившегося образца этих инструментов, однако в 1779 году, по сообщению одного ученого, «шкаф для заметок», принадлежавший Лейбницу, находился в королевской библиотеке Ганновера [Von Murr 1779: 210]⁸¹.

⁸⁰ Об обучении составлению каталогов см. [Passet 1991]. О контролируемом словаре и его использовании в современных поисковых инструментах см. [Taylor 1999]. На протяжении многих лет Yahoo Directory предлагала возможность использования редактируемого человеком указателя к Всемирной паутине, сейчас большую активность проявляет проект Open Directory, администрируемый волонтерской сетью; см.: URL: <http://www.dmoz.org/>

⁸¹ Фон Мурр писал, что Лейбниц приобрел шкаф после смерти Клация, секретаря из Ганновера, для которого тот был изготовлен. Неясно, насколько широко известен был этот шкаф и были ли на его основе созданы другие виды мебели для хранения; о шкафе для хранения гербариев Карла Линнея (середина XVIII века) см. [Muller-Wille 2002].

Шкаф для заметок Гаррисона и использование полосок бумаги для составления заметок

Принадлежавший Лейбницу артефакт, очевидно мало повлиявший на беспорядок в его бумагах, был предметом мебели, впервые описанным в анонимной рукописи, которая сейчас находится в Британской библиотеке; недавно она была убедительно идентифицирована одним из исследователей как работа Томаса Гаррисона, активного последователя Сэмюэля Хартлиба. Как удалость выяснить Ноэлю Малколму, Гаррисон описал свое «книжное изобретение», или «указатель», в рукописи, написанной во время тюремного заключения в 1640-е гг., в надежде получить большое вознаграждение. Парламент проголосовал за публикацию «таблиц» Гаррисона, включая описание его инструмента и примерно 100 000 заметок, собранных Гаррисоном с его помощью, но не выделил из бюджета деньги на этот проект, поэтому все, что осталось от этого предприятия, — это рукопись Гаррисона с описанием «шкафа для ученых занятий» (*arca studiorum*). Этот текст привлек внимание Лейбница благодаря Винсенту Плакциусу, который опубликовал его в 1689 году в центральной части своего сочинения «Об искусстве эксцерпирования» (*De arte excerpendi*) вместе с некоторыми усовершенствованиями, сделанными им самим благодаря наличию у него такого шкафа, изготовленного по заказу [Malcolm 2004]⁸². Плакциус называл этот роскошный предмет мебели «ученым шкафом» (*scrinium literatum*).

Шкаф был предназначен для хранения полосок бумаги, подвешенных на крючках, каждый из которых соответствовал тому

⁸² Малколм пришел к выводу, что Плакциус пользовался не рукописью, ныне хранящейся в Британской библиотеке, а каким-то неизвестным нам списком. Я признательна Уильяму Ньюману, который привлек мое внимание к этому манускрипту (BL, Kenelm Digby Papers, MS Add 41,846), и Ноэлю Малколму за полезные консультации по данной теме. Рукопись была опубликована в [Placcius 1689: 121–149]; цитируя эту работу, я ссылаюсь на Гаррисона как на автора текста и на Плакциуса как на автора остальной части книги, а также примечаний. См. также [Yeo 2007b: 13 слл.].

или иному общему месту из алфавитного перечня, который был записан на маленьких свинцовых табличках. Плакциус хвастался, что таким образом к заголовку рубрики можно было привязать неограниченное количество листков. Металлические бруски с заголовками с одной стороны и соответствующими им крючками с другой были расположены по всей ширине шкафа, так что, открыв его, можно было охватить все рубрики одним взглядом. Шкаф был спроектирован из расчета 3000 заголовков, еще 300 ячеек были оставлены пустыми для дополнений. При этом Плакциус не предполагал, что эти дополнения могут нарушить алфавитный порядок заголовков. По мнению Кристофа Майнеля, этот шкаф был уникален, так как предлагал схему организации листков бумаги, используемых в качестве постоянного носителя записей. Однако энтузиазм Плакциуса по поводу этого инструмента был вызван главным образом методами составления заметок, которые практиковал (и которым обучал) Иоахим Юнг, использовавший для этого разрозненные листки бумаги, на каждом из которых записывалось только одно наблюдение или факт, что позволяло легко их перегруппировывать при необходимости [Placcius 1689: 145; Meinel 1995: 173].

История использования листков и карточек для заметок (сделанных из более плотной бумаги и имеющих стандартные размеры) в тот период только начиналась [Krajewski 2002; Tenner 1990]. Эти мобильные носители небольшого формата сыграли важную роль во многих сферах современной организации информации. Библиотечные каталоги перешли от переплетенных томов к карточкам в США в течение XIX века; инициатива Мелвила Дьюи по реорганизации процесса составления библиотечных каталогов, заявленная в 1877 году, подразумевала распространение стандартных карточек для задач каталогизации [Krajewski 2002: 104 слл.; Petschar et al. 1999]. К началу XX века учебники по методам научных исследований стали включать рекомендации по составлению заметок на каталожных карточках [Chavigny 1920; Heyde 1931]⁸³. До этого карточки производили в качестве мате-

⁸³ Благодаря Ноэля Малколма, приславшего мне экземпляр книги Хейде.

риала для печати, как, например, игральные карты или визитные карточки. Применение произведенных промышленным способом карточек для заметок началось с использования обратной стороны игровых карт, которую до начала XIX века оставляли пустой, так что они представляли собой удобную поверхность для письма. Записи на игровых картах время от времени делал, например, Монтескье (1689–1755). В 1775 году аббат Франсуа Розье, которому поручили составить указатель к публикациям Академии наук, описал использование обратной стороны игровых карт для этой цели [Shackleton 1961: 181; Rozier 1775: xi–xii]. Немецкий юрист Иоганн Якоб Мозер (1701–1785) и швейцарский физиогномист Иоганн Каспар Лафатер (1741–1801) также вели свои заметки на карточках, которые хранили в коробках [Zedemaier 2003: 51 слл.]⁸⁴. Для библиотечных нужд карточки были, вероятно, впервые использованы в каталоге придворной библиотеки Вены около 1780 года. Карточки большего формата с различными библейскими иллюстрациями предлагались для религиозного наставления и продавались в форме книги, из которой их следовало вырезать, а затем хранить в коробке [Krajewski 2002: 43–64; Te Heesen 2002].

Прежде чем в XVIII веке для письма начали использовать карточки, той же цели могли служить деревянные дощечки, вроде тех, что были в «математическом ящике» (*cista mathematica*) — изобретении иезуита-полимата Афанасия Кирхера, — который он посылал немецким принцам.

В нем находились двадцать четыре дощечки с математической и музыкальной информацией, предназначенные для облегчения подсчетов [Miniati 1989]⁸⁵. В 1653 году в трактате о математических диковинках поэт Георг Филипп Харсдёрффер предложил

⁸⁴ Я узнала о заметках Лафатера, сделанных на карточках и хранившихся в небольших коробках в форме книг, из неопубликованной речи Клауса Веймара, прочитанной в Гарвардском университете в 2005 году.

⁸⁵ Один экземпляр хранится в Музее истории науки во Флоренции, другой — в Библиотеке герцога Августа, см. [Konrad et al. 1985: 202–203; Raabe, Schinkel 1979: 190–191].

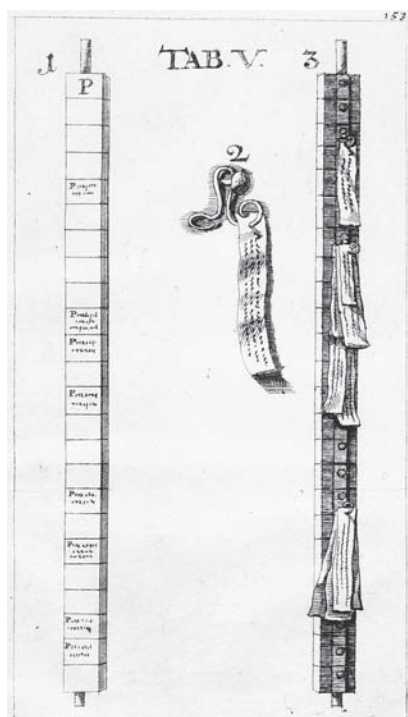
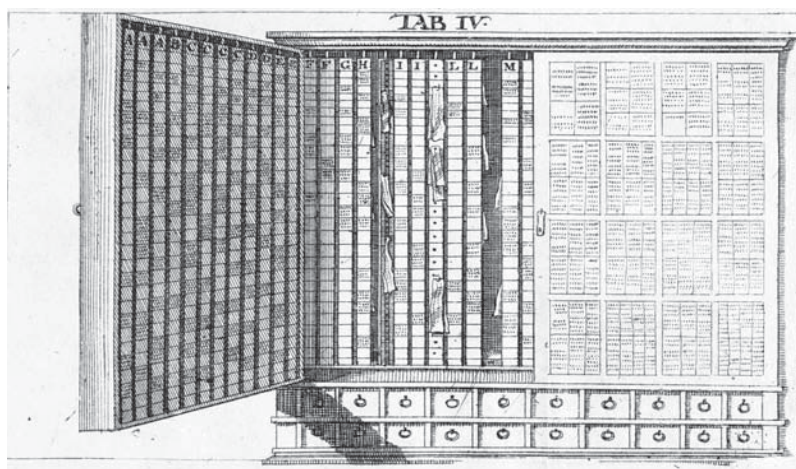

Рис. 2.1 и 2.2. Шкаф для заметок, описанный в книге Винсента Плакциуса «Об искусстве эксцерпирования» (*De arte excerpendi*, 1689) по рукописи Томаса Гаррисона 1640-х годов. Заметки, сделанные на листках бумаги, хранились на крючках, прикрепленных к металлическим брускам; каждый крючок относился к определенному тематическому заголовку, написанному на передней стороне бруска. В шкаф помещалось от 3000 до 3300 рубрик. Было изготовлено по крайней мере два таких шкафа — они принадлежали Плакциусу и Лейбницу, — но до наших дней не дошел ни один из них. Воспроизведено с разрешения Библиотеки Хоутон Гарвардского университета, GC6.P6904.689d, табл. IV и V после с. 153

использовать ящик с двадцатью четырьмя отделениями для сортировки ключевых слов по алфавиту⁸⁶. Но чаще для этих же целей использовались полоски бумаги, на которые разрезались большие листы. Существуют различные свидетельства об использовании полосок бумаги для организации информации начиная со Средних веков. Однако рациональные реконструкции на основе методов работы, которые представляются нам очевидными, часто бывают исторически неверными (как, например, рассуждения Дрекслея о ведении заметок всеми плодовитыми писателями). В этой главе и в главе 4, обсуждая использование полосок бумаги при составлении справочных произведений раннего Нового времени, я уделяю основное внимание сохранившимся материалам или описаниям современников.

Самыми ранними известными мне манускриптами с вклеенными листами были «*gariaria*», или дневники, которые вели «Братья общей жизни» в XV веке: полоски бумаги использовались ими не для упорядочения материала, а для составления временных заметок, которым затем придавали постоянный характер, вклеивая их в тетради⁸⁷. В XVI веке такие листки использовались для составления алфавитных указателей и расположения материала в компиляциях как по алфавиту, так и в систематическом порядке. Мы обнаруживаем полоски бумаги, вклеенные в библиотечные каталоги, коллекции заметок и рукописи, предназначенные для печати. В 1548 году библиограф Конрад Гесснер впервые рекомендовал использовать листки бумаги для создания алфавитного указателя: каждая запись из числа тех, которые требовалось расположить по алфавиту, делалась на одной стороне бумажного листа, который затем разрезался на полоски. В рамках более радикальной процедуры, позволявшей эконо-

⁸⁶ Georg Philipp Harsdorffer. *Delitiae philosophicae et mathematicae: Der philosophischen und mathematischen Erquickstunden dritter Theil*. Nürnberg, 1653. P. 57; см. обсуждение в [Meinel 1995: 170; Zedelmaier 2004: 199].

⁸⁷ Сообщение в личной беседе с Джоном ван Энгеном. Другие примеры, относящиеся к периоду после 1450 года, см. в [Honemann 2000b: 36-37 сн. 27, 42]; Хонеман отмечает расплывчатость границ между односторонней печатью, постером и листовкой (Zettel).

мать время и усилия, затрачиваемые на копирование, Гесснер рекомендовал, когда это возможно, вырезать цитаты непосредственно из печатной книги. В таком случае, отмечал Гесснер, требуются два экземпляра, чтобы была возможность вырезать нужный текст с лицевой и обратной сторон листа; при этом его, как ни странно, не заботило наличие третьего экземпляра, который оставался бы неповрежденным. Затем Гесснер объясняет, как закреплять полоски бумаги на листе с помощью временного клея, позволяющего их затем перемещать (это были своего рода предшественники стикеров), пока будет продолжаться сбор материала и его расположение в алфавитной последовательности. Наконец, полоски приклеивали постоянным образом — для дальнейшей печати или использования в рукописном виде [Gesner 1548: 20r]⁸⁸. Гесснер признавал, что многому научился у Конрада Пелликана, библиотекаря из Цюриха, известного тем, как тщательно он подходил к каталогизированию книг, однако прямые источники техники, описанной Гесснером, нам неизвестны [Germann 1994]⁸⁹.

Использование листов бумаги (с записями от руки, а не вырезанными из печатных книг) с похожими целями подтверждается документальными свидетельствами, датированными второй половиной XVI века⁹⁰. Многочисленные тома с заметками Улиссе Альдрованди состояли из полосок бумаги, приклеенных к отдельным листам или страницам тетрадей. Картограф Авраам Ортелиус (1527–1598) составлял «Географический тезаурус» (*Thesaurus geographicus*), собранный из заметок на листках бумаги, расположенных в алфавитном порядке, с широкими полями, оставленными для последующих дополнений [Tournoy 1998: 163–164]. Начиная с XVII века некоторое количество алфавитных

⁸⁸ Перевод на английский см. [Wellisch 1981: 12]. Веллиш предполагает, что использование этого метода имело «широкое распространение» (сн. 16).

⁸⁹ Гесснер называл Пелликана своим «наставником» и использовал его принципы библиотечной организации [Gesner 1548: 20v, 21v].

⁹⁰ Совет Гесснера по составлению указателей приводится (без упоминания о вырезании текста из печатных книг) в [Caramuel Lobkowitz 1988: 30] и дословно воспроизводится в [Placcius 1689: 85–88].

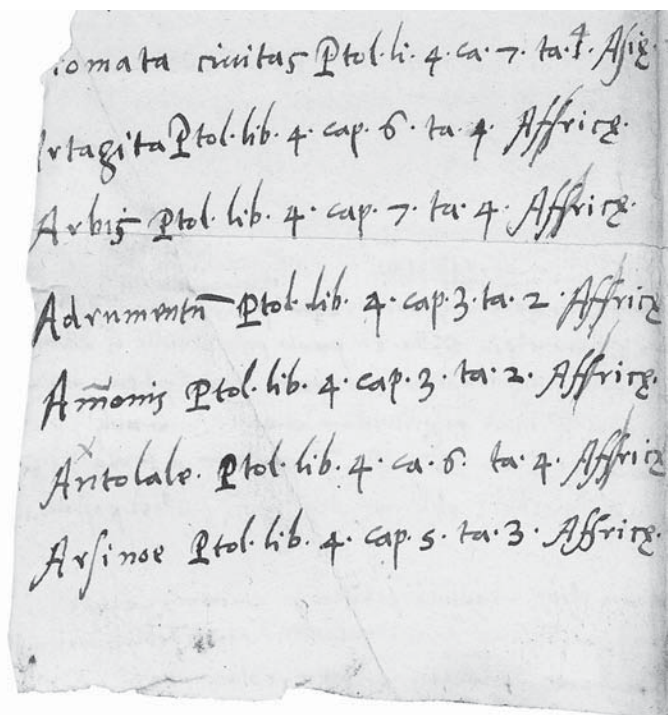

Рис. 2.3. Из рукописей Конрада Гесснера: перечень ссылок в процессе подготовки к расположению по алфавиту. Перед нами фрагмент исписанного с одной стороны листка бумаги, на который Гесснер выписывал африканские географические названия из 4-й книги «Географии» Птолемея с указанием номеров глав и карт (ta[bula]). На более позднем этапе Гесснер вырезал каждую запись, чтобы соединить их с записями из других списков в единый алфавитный перечень. Возможно, Гесснер скопировал этот список из существующего указателя, учитывая, что все термины в нем начинаются с одной и той же буквы; однако алфавитный порядок на этой странице и в этом разделе не является строгим: слово *Arbis*, например, расположено перед словом *Adrumentum*. Воспроизведено с разрешения Центральной библиотеки Цюриха, MS C 50a f. 348V

библиотечных каталогов были составлены таким же образом [Daly 1967: 86]⁹¹.

Во всех этих случаях возможность перемещать листки облегчала процесс создания алфавитного списка, указателя или каталога, однако эта подвижность утрачивалась, как только работа считалась завершённой и листки приклеивались навсегда на фиксированное место. Библиотечные каталоги, устроенные таким образом, были так же обречены на устаревание, как и те, что составлялись в виде продолжающейся рукописи, поэтому их равным образом снабжали широкими полями для возможных дополнений, отодвигая то время, когда потребуется составлять новый каталог.

В манускриптах раннего Нового времени обнаруживают разрозненные полоски бумаги с записями, которые, вероятнее всего, планировалось вносить для долговременного хранения в тетради общих мест, в соответствии с рекомендациями руководств по составлению таких собраний⁹². Некоторые из них, например, были найдены заложенными между страницами книг в собрании Роберта Сиднея, второго графа Лестера [Warkentin 2005: 240]. В сохранившейся рукописи стихотворения Джона Донна были обнаружены листки с цитатами, снабженные номерами, отсылающими к определенным рубрикам, что можно объяснить тем, что их планировалось перенести в тетрадь или даже в шкаф для записок [McLeod 2003: 94]⁹³. В таких случаях полоска бумаги была формой временной записи (делавшейся на том же носителе, что и постоянные), предназначенной для трансформации в постоянную путем приклеивания (как в *gariaia*) или копирования

⁹¹ См. каталог Библиотеки Мазарини, Париж, MSS 4134–4137, который составляют вырезки из копии библиотечной инвентарной книги [Gasnault 1988: 139]. См. также указатель XVIII века к «Theatrum geographicum» Ортелиа в BnF MSS Latin: 14351–14353 «Ad Abraham Ortelii Theatrum geographicum index a Gregorio Mariette concinnatus» (не датирован).

⁹² Удений, например, упоминает «codicilli reminiscenciae» («записную книжку для памяти»), в которой следует наскоро делать записи, чтобы затем переписывать их [Meinel 1995: 169].

⁹³ Благодарю Ноэля Маклеода за указание на этот источник.

(что было более привычным способом). Неясно, сколько времени заметки могли оставаться на полосках бумаги до их приклеивания. В 1657–1658 годах Блез Паскаль (1623–1662) собирал заметки для сочинения по апологии христианства (которое он так и не написал) на листах, которые он позже разрезал на полоски — по одной на каждую запись — и сшивал их в пачки, имеющие определенные тематические заголовки [Pascal 1991: 26; Keuntz 1985: 65–72]. Паскаль умер, не закончив работу, которая, возможно, имела бы продолжение в виде наклеивания этих листков в удобном порядке. В результате редакторы начиная с XVII века успели предложить множество вариантов расположения, которое казалось им оптимальным.

Учитывая общий контекст, можно утверждать, что Томас Гаррисон выступил настоящим новатором, заговорив в 1640 году о перемещаемых листках как о конечном продукте составления заметок и их постоянной форме. Впрочем, в те же годы с аналогичными методами экспериментировали и в Германии, поэтому неудивительно, что копия рукописи Гаррисона была обнаружена среди бумаг Иоганна Адольфа Тассиуса (1585–1654), профессора математики и естествоиспытателя из Гамбурга. Рукопись была обнаружена Винсентом Гармерсом, дядей Винсента Плаксиуса, благодаря которому завершился путь от английской рукописи к немецкой печатной книге [Meinel 1995: 181]. Тассиус был близким другом Иоахима Юнгия, собравшего огромное количество заметок. Юнгий записывал свои заметки на своего рода аналоге бумажных полосок — разрозненных листах *in-octavo* размером 16 × 10 см, на каждом из которых помещалась всего одна запись и одно название рубрики. Листы, относившиеся к одной теме, собирались вместе и складывались пополам, образуя своего рода пачку. После смерти Юнгия его ученик Мартин Фогель насчитал 330 таких пачек [Ibid.: 168]. Пейреск также записывал свои заметки на разрозненных листах, которые собирал в пачки, хотя листы эти были обычно размером побольше — в одну четверть. В конечном счете такие листки представляли собой вариант полосок бумаги, только меньшего размера. И те и другие легко было переставлять в нужном порядке, но Гаррисон отмечал, что бумажные

полоски, учитывая их размер, проще держать под рукой, чтобы делать заметки практически в любых обстоятельствах — «во время учебы, в Публичной библиотеке или в другом месте, при чтении, размышлениях или общении» [Placcius 1689: 133].

Впрочем, маленький размер бумажных полосок усугублял также и основной недостаток ведения записей на разрозненных листах, который, вероятно, был причиной нежелания многих составителей придерживаться этой практики. Речь идет о риске утраты заметок или их застановки, расположения в неправильном месте; это признавал Гаррисон:

Остается только одно принципиальное неудобство, которого мы избегаем: растерять или перепутать эти «листы Сивиллы» (как презрительно называют их некоторые). С первым [потерей] я сталкивался несколько раз к своей крайней досаде: потеря была вызвана неосторожно открытыми окнами или дверьми [Ibid.: 171]⁹⁴.

Плакциус обдумывал возможность хранения листков в переплетенных томах, из которых их все же можно было бы доставать, чтобы переставить на новое место. Но очевидно, что инструмент Гаррисона решал эту проблему гораздо изящнее. «Литературный шкаф» обещал соединить такое достоинство, как гибкость в расположении материалов, с надежностью в поддержании порядка, благодаря тому что полоски бумаги прикреплялись к выбранным заголовкам с помощью крюков, но при этом сохранялась возможность перемещать их в случае необходимости на другие крюки. Гаррисон также отмечал, что шкаф можно было изготовить больших размеров, чтобы в нем помещались более крупные полоски бумаги или целые листы [Ibid.: 147].

Рубрики в шкафу могли располагаться в любом порядке (хотя иллюстрация позволяет предположить алфавитное расположе-

⁹⁴ Адриан Тюрнеб также сравнивал свои читательские заметки с листами Сивиллы, поскольку и в тех и в других не было определенного порядка. Сивилины стихи были беспорядочно собраны после разрушении храма Юпитера, где они хранились [Turnèbe 1581: сигн. 2r–v].

ние). Там, где возможны были несколько заголовков, Гаррисон призывал делать перекрестные ссылки, экономя затраты труда на повторное копирование отрывков. Плакциус, будучи профессором риторики в Гамбурге, также высоко ценил удобство, с которым печатные материалы можно было хранить в шкафу, так как это помогало справиться с огромным потоком изданий, характерным для немецкой университетской жизни:

Особое преимущество состоит также в том, что можно помещать [в шкаф] целые фрагменты книг, программ или диспутов, текст которых можно разрезать (в случае если в нем нет ничего примечательного, кроме выбранных фрагментов, или если они имеются в двух экземплярах), а еще лучше — целые программы... Что особенно полезно для программ, которые печатают крупным фолио... отчего они мало подходят для переплета.

Плакциус предвидел смешение рукописных записок с печатными материалами — короткими текстами, взятыми целиком, или отрывками из более крупных. Он не уточнял, были ли «отрывки» получены путем разрезания страниц или вырезания из них отдельных цитат. Плакциус сетовал на то, что его окружает избыточное количество бумаг, и рекомендовал делать записи-леммы — *lemmaticae* (включающие только библиографическую отсылку, если использовать терминологию Дрекселя), наряду с дословным копированием цитат — *verbatim* (которые следовало хранить в шкафу) [Ibid.: 157–159].

Наконец, и Гаррисон, и Плакциус видели достоинство шкафа для записок в том, что они называли «общественной пользой», то есть в возможности делиться с другими информацией о трудностях и преимуществах составления записок. Гаррисон красноречиво описал, как трудно поделиться своей тетрадью с друзьями, которые хотели бы почерпнуть из нее какой-то материал:

Сколько раз какой-нибудь друг, которого нет рядом, спрашивает твоего мнения по какому-нибудь вопросу, и ты хотел бы быть полезен ему, но он ждет от тебя или просит

сами книги [или выдержки из них], которые ты не можешь дать, без неудобства для себя и не подвергая риску собственные занятия.

Шкаф, напротив, давал возможность поделиться заметками с другими, не расставаясь со всей коллекцией заметок и не подвергая ее риску: «Без задержки и без хлопот, связанных с поиском и копированием, можно передать листки, относящиеся к определенной рубрике, а затем разместить их на том же, пустующем месте после их возвращения» [Ibid.: 129, 145]. Пока заметки на определенные темы были отданы на время другим лицам, основная часть записей оставалась в безопасности в шкафу, и ими по-прежнему можно было пользоваться.

Гаррисон также предвидел коллективную работу со шкафом заметок: группа студентов колледжа или литературное общество, состоявшее, скажем, из шести и более человек, могли распределять между собой книги и темы для чтения или вместе хранить в шкафу отобранные цитаты. Сразу после получения задания они могли сообща изучать и сравнивать мнения и источники по любой теме, собрав их из большого количества книг [Ibid.: 146]. На шкаф возлагали некоторые надежды, связанные с составлением полного указателя всех книг, что было давней мечтой ученых раннего Нового времени по всей Европе — от Гесснера до Лейбница и включая Сэмюэля Хартлиба, которого очень ценил Гаррисон [Ibid.: 148–149; Malcolm 2004: 215–216]. Гаррисон рекомендовал использовать «глаза и руки многих людей для чтения авторов и отбора цитат», однако следовало полагаться на «оценку и интуицию нескольких человек или даже одного человека при оценке, вынесении суждения и сочинении, используя верный метод». Впрочем, он не описывал в деталях, как именно множество сотрудников должны были воплощать в жизнь решения одного человека [Placcius 1689: 148].

Плакциус также рекомендовал «эксцерпирование сообщения», или составление заметок группой, и отмечал его особенную пользу для научных обществ, основанных «в этом веке», включая официальные академии, неформальные литературные общества

и научные журналы. Некоторые из них существовали уже ко времени написания работы Гаррисона, примерно в 1640 году, как, например, Академия делла Круска и Академия деи Линчеи в Италии, «Плодоносное общество» (в Германии, 1617–1650). В Англии Сэмюэль Хартлиб делился планами создания «невидимого колледжа», который способствовал бы нравственному и философскому развитию путем распространения новых идей и исследований. К тому времени, когда писал Плакциус, уже возникли и вели свою деятельность Королевское общество и множество французских академий, а также появились первые научные журналы. В 1665 году начали издавать «Философские труды Королевского общества» (*Philosophical Transactions of the Royal Society*) и «Журнал ученых» (*Journal des sçavans*), затем последовали «Труды ученых» (*Acta eruditorum*, 1682–) и «Новости Республики ученых» (*Nouvelles de la Republique des Lettres*), издававшиеся в числе прочих Пьером Бейлем (в 1684 году)⁹⁵. Плакциус обращал внимание на то, что множество коллективных проектов «начались в этом веке»: комментарии к Библии, составленные иезуитами из Коимбры в 1590-е, поэтический сборник профессоров Гиссенской академии 1657 года, словари Академии делла Круска и Французской академии, журнал Бейля. Однако Плакциус также отмечал, что *libri sociales* («общественные книги»), написанные совместно, оставались редким явлением, и работе над ними часто мешали человеческая зависть и разногласия [*Ibid.*: 162–163]⁹⁶. Особый энтузиазм Плакциуса вызывала иерархия взаимодействия при использовании шкафа заметок: после записи текстов на полоски бумаги и присвоения им тематических заголовков составитель мог делегировать кому-нибудь другому (любому грамотному человеку) работу по распределению листков по соответствующим рубрикам [*Ibid.*: 156 (о делегировании)]. Предположительно, тех же помощников

⁹⁵ Об организационных проблемах, связанных с редактированием журнала в тот период, см. [Vittu 1997].

⁹⁶ Плакциус также ссылается на обсуждение Моргофом ученых обществ в [Morhof 1732: I.1.14, разд. 46–49, 149–150]. О «*Poetica Giessensis maior per Academiae Giessenae, nonnullos Professores... conscripta*» (Giessen: J. D. Hampel, 1657) см. [Schülling 1982: 71].

можно было просить о поиске тех или иных заметок в случае необходимости. Таким образом, шкаф облегчал выполнение совместных проектов равных участников, так и (представлявшееся менее сложным) делегирование учета и поиска помощникам, которые подчинялись тем, от чьего решения зависело создание заметок и выделение рубрик.

Формы совместного составления заметок

Продемонстрированный как Гаррисоном, так и Плакциусом значительный интерес к роли шкафа как инструмента для совместного составления заметок является ценным напоминанием о социальных аспектах как интеллектуальной деятельности в целом, так и составления заметок в Европе раннего Нового времени в частности. Гаррисон и Плакциус рассматривали шкаф как инструмент, отлично приспособленный для сотрудничества на равных, а Плакциус также предполагал более иерархизированные модели сотрудничества, при которых определенные задачи делегировались менее профессиональным участникам для почти что механического исполнения. Обе модели интеллектуальной деятельности в равной мере представляли собой сильный вызов общему представлению об ученых как о людях, работающих поодиночке.

Ученые раннего Нового времени часто рассказывали о своей работе в уединении, в окружении одних лишь книг. Именно так в «Опытах» описывал свою работу в библиотеке Монтень, хотя недавние исследования показали, что работал он среди домашней суеты и в постоянном присутствии секретаря. Изобразительные источники раннего Нового времени часто представляют ученых работающими в одиночестве, в окружении книг и артефактов или символических животных. Поскольку мы склонны проецировать собственные рабочие методы на прошлое, мы также воспринимаем научную деятельность и составление заметок как молчаливую, уединенную деятельность [Shapin 1989]⁹⁷. Однако

⁹⁷ О Монтене см. [Hoffmann 1998: гл. 2; Montaigne 1988: III.3, 828]. О живописной традиции изображения ученых за работой см. [Thornton 1997].

в последние годы историки перестали ограничиваться изучением этих изображений и самопрезентации ученых и обнаружили, что ученые раннего Нового времени полагались на разные виды помощи — от тех, кого они считали ниже себя в социальном или интеллектуальном отношении, например, секретарей, слуг и членов семьи, и от тех, кого считали равными, — коллег и друзей. Помощь, полученная от стоявших выше на социальной лестнице, обычно включала денежную поддержку и защиту, некоторые ее примеры я приведу в главе 4.

Историки науки долго считали бэконовский идеал иерархизированной исследовательской группы (изображенный, например, в «Новой Атлантиде») прообразом формальных и неформальных научных обществ, основанных в XVII веке [Webster 2002]⁹⁸. Однако недавние исследования выявили другие модели совместной интеллектуальной деятельности, которые, возможно, вдохновляли Бэкона и его последователей, а также коллективные проекты, независимые от Бэкона. Дебора Харкнесс указывала на сотрудничество (тесно переплетенное с конкуренцией), характерное для взаимодействия ремесленников и купцов в Лондоне конца XVI века [Harkness 2007]. Как и во времена Евсевия Кесарийского, история Церкви в XVI веке также была областью, в которой происходила новаторская работа в сотрудничестве. «Магдебургские центурии», лютеранская история, созданная в противовес традиционному католическому изложению, были изданы в тринадцати томах с 1559 по 1574 год группой из пятнадцати человек, работавшей в определенной иерархии под руководством Маттиаса Флациуса Иллирийского. В католическом мире, как и в Средние века, естественные институциональные и интеллектуальные условия для совместной работы создавали религиозные ордены. В XVII веке иезуиты, болландисты и представители других орденов реализовывали масштабные проекты по сбору и редактированию церковных документов⁹⁹. Церковные ценности поощряли

⁹⁸ О влиянии Бэкона во Франции см. [Le Doeuff 1984].

⁹⁹ О «Магдебургских центуриях» см. [Grafton 2001; Lyons 2003]; введение в ученую деятельность Французской Католической церкви см. [Neveu 1994: особенно гл. 1].

желание работать совместно, в группе, не стремясь к признанию индивидуальных заслуг, для пользы остальных братьев или христиан в целом и не взимая дополнительную плату.

До сих пор недостаточно изученным источником совместной интеллектуальной деятельности остается групповая работа студентов. Плакциус полагал, что первое обсуждение этой темы принадлежит Варфоломею Кеккерману (1573–1609), профессору физики, логики и богословия в Данциге, который называл следующие условия достижения успеха:

1. Если вместе работают три студента со схожими способностями и опытом. 2. Если у всех троих одна цель и все они изучают богословие, или политику и право, или учатся на другом факультете. 3. Если они одинаково добросовестны и усердны. 4. Если они преданы друг другу и дружат, так что каждый готов высказывать свое мнение, не испытывая зависти к другому. 5. Если они нанимают чтеца, или, не имея возможности нанять чтеца, выполняют эту задачу [чтение текста вслух] по очереди. 6. Предоставьте им заранее подготовленные тома, в которых они могли бы записывать то, что кажется им стоящим. 7. Они могут составлять заметки по очереди, но в сомнительных или неясных случаях, когда не вполне очевидно, к какой рубрике следует отнести ту или иную запись, им следует поделиться своим мнением друг с другом. 8. Эти совместно подготовленные тома потом может скопировать каждый из них или, если так им покажется удобнее, двое, не занятых чтением текста, могут делать заметки в отдельных томах, а третий, который читает, может записывать их потом, или, если они нанимают чтеца, каждый может писать в отдельном томе, если это необходимо, краткие заметки на основе высказанных мнений [Placcius 1689: 161]¹⁰⁰.

Кеккерман предвидел обсуждение в группах трудных решений, касающихся распределения по рубрикам, и совместное состав-

¹⁰⁰ Подробная ссылка, которую дает Плакциус (Cons. log. de adornandis locis communibus c.i.p. 3 columna 2 circa finem), соответствует изданию, отличному от того единственного, в котором я нашла этот текст [Keckermann 1614: стлб. 222–223 (ошибочно пронумерованы 220–221)]. О Кеккермане см. [Freedman 1997].

ление заметок, копию которых получал каждый член группы. Иоганн Генрих Альстед (1588–1638), профессор из Херборна, продолжил проект Кеккермана во многих направлениях, в том числе рекомендуя студентам работать в группах от трех до шести человек, называвшихся *collationes* («собrania») или *collegia* («коллегии») ¹⁰¹.

Занятия в группах не были исключительно немецким явлением. Жан-Сесиль Фрей из Парижа рекомендовал

никогда не читать в одиночестве, но всегда рядом с товарищем, слушающим тебя: он повторит для тебя то, что достойно записи, а ты сделаешь то же, когда читать будет он. Когда мы учимся в одиночестве, часто случается, что мы одобряем то, что не следует одобрять, и не одобряем то, что следовало бы. Этого не произойдет, если следовать моему совету.

В Англии педагог Чарльз Хул (1610–1667) рекомендовал студентам переписывать общие места, собранные другими студентами, в свои личные тетради и объединять цитаты, как предлагал Гаррисон, с помощью шкафа для заметок [Frey 1674: 25–26; Hoole 1969: 183]. Эти немногочисленные примеры позволяют предположить, что педагогическая практика сыграла свою роль в становлении идеалов совместной работы в XVII веке; Плакциус в любом случае считал совет Кеккермана работать в группе новаторским и имеющим непосредственное отношение к расцвету научных обществ. Однако обмен заметками не требовал ни формальных наставлений, ни специальной мебели. Наличие идентичных примечаний во многих дошедших до нас экземплярах труда Коперника «О вращении небесных сфер» (1543) свидетельствует о том, что среди астрономов середины XVI века имели хождение по крайней мере два набора подробных маргиналий с ценными комментариями к этому сложному произведению [Gingerich 2002: xix–xxi]. Хотя мы не знаем обстоятельств,

¹⁰¹ См. [Hotson 2000: 33 слл.] о стремлении Альстеда продолжить проект Кеккермана; о коллегиях см. [Hotson 2007: 241–242]. Благодарю Говарда Хотсона за полезное обсуждение и переписку на протяжении многих лет.

при которых были изготовлены копии с оригинальных примечаний Эразма Рейнгольда и Иофранка Оффюзия, эти списки являются одним из ранних примеров копирования заметок других людей, как рекомендовал делать Хул в руководстве 1660 года.

Пока лишь немногие ученые раннего Нового времени сотрудничали со своими коллегами, практически все они полагались на помощь других людей, которых считали ниже себя, как в интеллектуальном, так и в социальном отношении, и которых обычно не называли открыто. Например, Кеккерман упоминал, что группа студентов может нанимать чтеца для помощи в занятиях. Стивен Шейпин в своей программной статье отметил, что таких людей, отвечавших за изготовление, обслуживание и эксплуатацию экспериментального оборудования, особенно в Королевском обществе, последовательно исключали из всех отчетов о ходе экспериментов, а также из относящихся к ним иллюстраций, на которых изображали ангелочков, держащих за рычаги и работающих с инструментами: в результате обслуживающий персонал фактически был задействован, но становился «невидимым» [Shapin 1989]. Аналогичным образом при работе с текстами ученые полагались на «невидимых» помощников, которые занимались чтением, обобщением, отбором и сортировкой цитат, составлением указателей, но чаще всего работали писцами, записывающими текст под диктовку и делающими копии.

Кем же были эти помощники? Иногда в этой роли выступали члены семьи ученого, особенно жены и дети. Их участие труднее всего отследить, потому что с ними не было необходимости общаться посредством писем, также с ними не заключался официальный договор об оказании услуг. Клерикальная модель ученой жизни, подразумевавшая целибат, начала разрушаться в континентальной части Европы в XV веке (хотя все еще поддерживалась в Оксфорде и Кембридже до XIX века), поскольку профессора все чаще получали фиксированную плату, а не полагались на церковные приходы как источник дохода. Согласно исследованию Гади Альгази, вступление в брак накладывало на ученых новые обязательства и устанавливало новые отношения, и хотя традиционно звучали жалобы на тяготы содержания жены и детей,

наряду с этим иногда признавалось, что члены семьи оказывают помощь в научной деятельности главы семейства. Современные исследователи выявили модели, позволяющие установить роль в работе членов семьи даже в тех случаях, когда о них не осталось упоминания [Algazi 2003; Harkness 1997; Cooper 2006].

Супругу французского филолога Адриана Тюрнеба благодарили во вступительной оде за «добросовестность», проявленную ею при подготовке посмертного издания «Примечаний» (*Adversaria*), отредактированных сыном Тюрнеба при помощи секретаря покойного отца Иоганна Фурдина [Turnèbe 1581: сигн. Q2r; Lewis 1998: 204]¹⁰². Улиссе Альдрованди специально благодарил свою жену за то, что она «собрала воедино» его пятитомный «Словарь неодушевленных предметов». Вероятнее всего, это означало, что жена распределила и приклеила в алфавитном порядке заметки, которые он собирал на полосках бумаги и держал кучей в холщовых мешках (по одному на каждую букву). Возможно, она также помогала копировать цитаты из древних и современных авторов по вопросам естественной истории на такие же листки, особенно для шестидесятичетырехтомного рукописного труда своего мужа «*Pandechion epistemonicon*» [Findlen 1999: 29–57, 44 сн. 62]¹⁰³. В XIX веке работа жены и дочери Эмиля Литтре, выполнявшаяся для его словаря (напечатанного в 1859–1872 годах), была оплачена, но не напрямую, а за счет средств, предоставленных издателем на выплаты тем, кто выполнял работу по дому, пока женщины работали над словарем: сверяли цитаты и включали дополнения, поступившие от читателей, в словарные статьи [Littré 1992: 30–32]. При этом не вызывает сомнений, что во многих случаях помощь членов семьи не признавалась и остается не выявленной¹⁰⁴. В ходе судебных

¹⁰² Историки также отмечали, что вдова Исаака Казобона «неустанно настаивала на публикации» его «литературного наследия» [Nuttall 2003: 144].

¹⁰³ Об использовании холщовых мешков см. [Tugnoli Pattaro 1977: 15].

¹⁰⁴ См., например, комментарий Ж. Ж. Скалигера в письме Казобону (10 июня 1604): «Радуюсь вместе с тобой, что здоровье твоей жены восстановилось... она незаменима для твоего дома, твоих исследований и твоих детей» [Scaliger 1927: 46].

процессов иногда выплывала на свет информация о непризнанной помощи, как, например, в деле Амело де ла Уссе, который в 1660-е и 1670-е подготовил множество изданий для парижского книгопечатника Леонарда и безотлучно находился в типографии по несколько недель подряд. В эти периоды Амело полагался на помощь дочери Леонарда, которая переписывала для него тексты и с которой у него был адюльтер (женщина состояла в браке) [Soll 1995; Soll 2000].

Но чаще всего помощники не были членами семьи и получали деньги за свои услуги. Эразм, который придерживался безбрачной модели научной жизни, представляет собой замечательный предмет для исследования помощников разных уровней, которых он мог привлекать к работе, как свидетельствуют тексты его писем [Bierlaire 1968]. На раннем этапе своей карьеры, когда он вел скромную жизнь, получая плату за обучение сыновей состоятельных родителей, Эразм не мог позволить себе держать слугу и полагался в работе только на *pueri* («мальчиков»), своих учеников в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет, которые, в обмен на комнату и стол (отчасти оплаченные родителями мальчиков) и возможность практического обучения, выполняли разные случайные поручения, особенно переписывали тексты. Начиная с 1516 года у Эразма появилась возможность нанять настоящего *famulus*, или слугу (за годовое жалованье, выросшее с 20–24 до 32 флоринов в конце жизни Эразма, в дополнение к комнате и столу в его доме); обычно эти функции выполняли бедные студенты в возрасте от двадцати до двадцати четырех лет, которые не только делали копии и писали под диктовку, но также занимались коррективированием, колляцией или переводами текстов и доставляли письма и посылки. В 1521 году Эразм нанял экономку, освободив ассистентов от разных домашних обязанностей. Титул *amanuensis* («секретаря») Эразм приберег для трех любимых *famuli* (Канния, Талезия и Кузена), которые могли выполнять все те же задачи, включая, если потребуется, домашнюю работу, но своей наградой считали полное доверие мастера и более высокую оплату своих услуг. Мы знаем, например, что Николас Канний работал с Эразмом над усовершенствов-

ванием указателя к изданию «Пословиц» 1526 года, благодаря сохранившимся примечаниям на более раннем печатном указателе, написанным почерком того и другого [Michelini Tosci 1989: 39–49, илл. 6–7].

Жильбер Кузен (или Когнат, в латинизированной форме имени) был самым известным из секретарей Эразма, и тот безуспешно пытался привлечь его обратно, когда тот в 1535 году ушел после четырех лет службы, получив церковный приход в родном городе. Эразм пообещал Кузену сниженную рабочую нагрузку и часть даров, которые он будет получать. Кузен писал за Эразма письма, когда тот был не способен этим заниматься, составлял инвентарные описи его имущества участвовал в некоторых из его комментариев. Кузен продолжил публиковать собственные работы, в том числе рекомендации о том, как быть хорошим слугой, впрочем, он не упоминает в них отдельно о должности секретаря [Bierlaire 1968: 99–100; Cognatus 1535; Febvre 1907]. Отчаявшись вернуть Кузена, Эразм при найме следующего ассистента — Коуманса — добавил в договор пункт о «верности», пообещав ему бонус в 200 флоринов, если тот останется с Эразмом до его смерти, что Коуманс и сделал. Нам известно мало конкретных подробностей о взаимодействии ученых с секретарями, однако имеется редкий портрет того времени, на котором Эразм и Кузен изображены за работой, сидящими друг напротив друга за большим столом. С секретарями, хотя им и платили за работу, могли обращаться почти как с равными. Фактически некоторые ассистенты Эразма были равны ему по социальному положению, а работа такого рода часто воспринималась лишь как этап обучения студента и будущего ученого. В некоторых случаях ученый использовал в качестве *famulus* своего сына, когда тот достигал подходящего возраста: так, например, поступил Скалигер-старший, поручивший своему сыну Ж. Ж. Скалигеру секретарские задачи, такие как запись стихов под диктовку [Grafton 1983: 101].

Иногда отношения с ассистентами становились доверительными и близкими, как, например, в случае Ж. Ж. Скалигера,

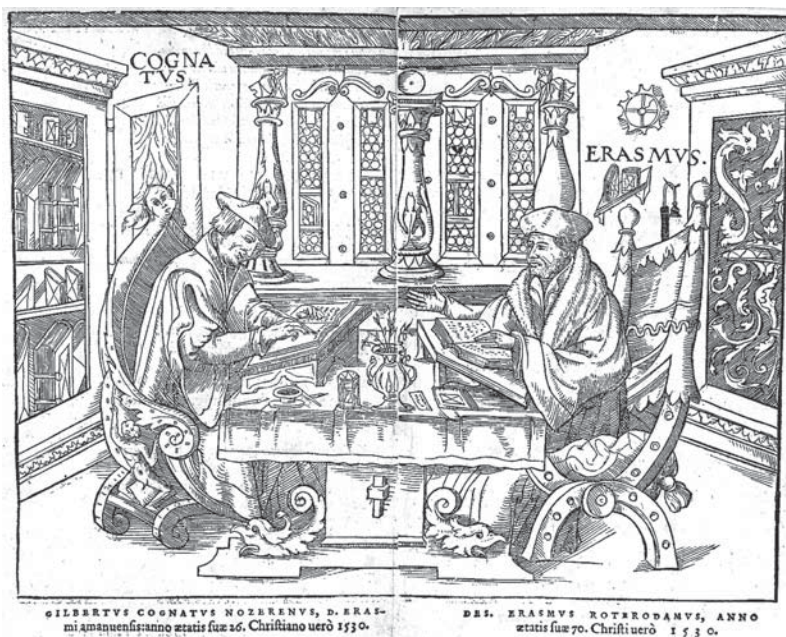

Рис. 2.5. «Жильбер Кузен из Нозеруа (Франция), ассистент Дезидерия Эразма, в возрасте 26 лет, в 1530 году. Дезидерий Эразм из Роттердама, в возрасте 70 лет, в 1530 году» (Effigies Des. Erasmi Roterodami. Basel: Oporinus, 1553). Воспроизведено с разрешения Университетской библиотеки Базеля, AN VI 4a, с. 7–8

который завещал все свое движимое имущество (за вычетом 30 флоринов горничной) слуге Йонасу Руссе. Аналогичным образом писец Уильяма Дрейка Томас Кен, научившийся так верно следовать ходу мысли Дрейка, что заметки, которые он делал во время чтения, почти не отличались от сделанных самим Дрейком, стал после многих лет службы близким другом и наследником своего работодателя. Но в некоторых случаях такое доверие бывало обманутым.

Рукописи Джона Мильтона оказались в руках Дэниэла Скиннера, прослужившего его секретарем один год; тот, пытаясь

преуспеть на карьерном поприще, опубликовал некоторые из них, но передумал, после того как был предупрежден о еретических взглядах, содержащихся в этих текстах [Scaliger 1927: 61]¹⁰⁵.

Иногда отношения с секретарями складывались напряженно. Многие ученые жаловались на ошибки и неточности, допущенные помощниками, или даже на то, что те прожигали бумагу, работая с лабораторным оборудованием¹⁰⁶. Некоторые сетовали на то, что слуги добавляют в их тексты несанкционированные изменения и бывают нечисты на руку. Ж. Ж. Скалигеру пришлось заплатить внушительный выкуп, чтобы вернуть украденное слугой комментированное издание Плавта; один из секретарей Монтеня скрылся с частью рукописи «Опытов», которая так и не была найдена¹⁰⁷. Эразм, по рассказам, обнаружил напечатанным черновик, который в спешке продиктовал студенту, а тот издал его без разрешения автора. Эразм также предотвратил в последний момент крупную кражу вещей домашнего обихода своим

¹⁰⁵ О Дрейке см. [Sharpe 2000: 273–274]. О Мильтоне см. [Mohl 1969: 8–9]. Благодарю Томаса Фултона за полезные разговоры о Мильтоне; новую оценку роли, которую сыграли различные помощники в составлении мильтоновской тетради общих мест, см. [Fulton 2010, прил. В].

¹⁰⁶ В различных ошибках издания «De materia medica libri sex» Диоскорида, подготовленного Адриани, обвинялись секретари, которые якобы слишком торопились с правкой текста [Grafton 1991: 5 сн. 25, 305]. Эразм извинялся за ошибки, в которых винил либо секретарей, либо самого себя [Bierlaire 1968: 30 сн. 43]. Гесснер называл своего секретаря ответственным за чрезмерную длину отдельных пассажей в сочинении [Gesner 1545: сигн. 4r]. Бойль извинялся за письма, которые сожгли в лаборатории его слуги [Hunter 1998b: 128–129]. Явная оплошность слуги привела к утрате в 1835 году рукописи «Французской революции» Томаса Карлайла: она была использована для разведения огня. Карлайлу пришлось переписать книгу; см. [Beal 2007: 3].

¹⁰⁷ Жалобу Эразма на несанкционированные добавления в текст см. в [Bierlaire 1968: 29] и в «Пословицах» (Adagia, i.x.xcv): «Был у меня один секретарь, который обожал вставлять что-то свое в написанное мною, о чем я понятия не имел» [Erasmus 1964: 162–163]. О выкупе см. [de Jonge 1977: 1], где цитируются «Lettres françaises» (éd. Ph. Tamizey de Larroque, 1879. P. 341). О Монтене см. [Hoffmann 1998: 43, 56]. Утраченная часть рукописи была посвящена доспехам.

famulus, сговорившимся со служанкой¹⁰⁸. Взаимодействие с помощниками подразумевало множеством обязанностей, было чревато разочарованиями, но также создавало ряд возможностей. Это не был принципиально новый тип отношений, но в период раннего Нового времени личные секретари перестали быть привилегией знати — их присутствие в домах представителей среднего класса стало обычным делом. Учитывая свои особые потребности, ученые иногда нанимали нескольких секретарей. На службе у Эразма, несмотря на его совет не держать чрезмерное количество слуг, в 1528 году находились до восьми человек [Hoffmann 1998: 42]¹⁰⁹.

Что же делали все эти помощники? Некоторые писали под диктовку, продолжая практики сочинительства, восходящие к Плинию и Фоме Аквинскому. Начиная с XIII века всё большее количество сохранившихся автографов и случайных комментариев указывают на то, что некоторые авторы предпочитали не диктовать, а писать самостоятельно. Петрарка, например, говорил о достоинствах собственноручного письма, поскольку оно помогало запоминать материал, а позже педагоги-иезуиты подчеркивали то же самое применительно к составлению заметок (Петрарка, Книга писем о делах повседневных XVIII.12.3–10, цит. по: [Hamesse 1994: 204]). Тем не менее ученые раннего Нового времени тоже сочиняли, надиктовывая, очевидно, из соображений заботы о здоровье, как в случае с Робертом Бойлем, у которого было слабое зрение и который, по имеющимся данным, имел одиннадцать секретарей, или из личных предпочтений, как в случае с Монтенем, который, похоже, надиктовывал некоторые части своих «Опытов», судя по явным ошибкам восприятия на слух, требовавшим исправления при вычитке. Жан Кальвин, страдавший от множества болезней, любил диктовать, лежа в кровати, используя заметки и несколько книг, которые он

¹⁰⁸ О присвоении черновика см. [Baillet 1685: II.2, 150]. О предотвращенной краже см. [Bierlaire 1968: 93].

¹⁰⁹ О росте числа секретарей в Милане XV века см. [Ianziti 1988: 10; Nigro 1995]. О слугах Эразма см. [Bierlaire 1968: 24, график после с. 39].

держал под рукой; затем он вносил в надиктованный текст собственноручные поправки, но доверял другим изготовление чистой копии, которая отправлялась издателю¹¹⁰.

Чаще всего ассистенты были заняты копированием письменных источников. Они переписывали целые тексты, как писцы в Средние века, когда какое-то издание нельзя было купить. Они переписывали заметки, сделанные их работодателем или кем-то другим (включая их самих), когда те требовалось перенести в другое место, или на другой материал, или сделать свежую копию¹¹¹. Они делали копии исходящих писем для архива. И главное, они переписывали набело сочинения с черновиков, пестрящих правками и добавлениями. Долгое время считалось нормальным поручать другим писчую работу. Еще в XIII веке «студентов предупреждали, что не стоит тратить свое время на записи проповедей, кроме своих собственных; записи [чужих] проповедей можно было уделять не больше одного дня в неделю» [D'Avray 2001: 26–27]. Габриэль Ноде, служивший секретарем и библиотекарем у знатных особ, но метивший выше, был, вероятно, благодарен судьбе за то, что его плохой почерк избавлял его от заданий, связанных с копированием манускриптов. Сэмюэль Хартлиб был исключением: он занимался письменной работой сам и собрал внушительную коллекцию рукописей, но все же и он пользовался услугами секретарей, так что рукописи, которые он одалживал другим, обычно были переписаны кем-то из его помощников [Nelles 1994: 219; Greengrass 1998: 43, 47]. Хотя и в XVII веке работа профессиональных писцов оставалась важным ремеслом,

¹¹⁰ О помощниках Бойля и их частой сменяемости см. [Boyle 1999–2000, I: ci; Hall 1987: 113]; об ошибках в восприятии и орфографии, которые они допускали, см. [Hunter, Davis 1996: 220]. О Монтене см. [Hoffmann 1998: 48; Hoffmann 1995]; о Кальвине — [Gilmont 1997: 177, 180].

¹¹¹ Самым верным и старательным секретарем Пейреска был Франциск Паррот, который переписывал тексты на многих языках, включая греческий, арабский и турецкий [Gassendi 1657: 200 (2-й паг.)]. Шарпе пришел к выводу, что писец, вероятно, переписывал примечания из книг Дрейка в тетради [Sharpe 2000: 273]. Монтескье поручал своим помощникам переписывать отобранный для использования материал из его тетрадей на карточки для заметок [Volpilhac-Augier 2003: 89].

требующим высокого уровня профессиональных навыков, а студенты периферийных университетов, вроде Кембриджа в штате Массачусетс, вплоть до 1735 года сами переписывали для себя учебную литературу, большинство ученых старались избегать письменного труда, поручая копирование другим, так как считали его механической работой и пустой тратой времени [Beal 1998; Knoles, Knoles 2003: 10]. Такое отношение к копированию заметно отличалось от взглядов китайских ученых, которые высоко ценили свои каллиграфические навыки и рукописи, переписанные собственноручно¹¹².

Педагоги не упоминали о поручениях по изготовлению копий и не критиковали эту деятельность, но многие из них не рекомендовали возлагать на других задания, требующие принятия разумных решений, такие как чтение и выписка цитат, хотя и признавали существование такой практики. Взяв за образец методы Плиния, Гуарино да Верона (1374–1460) полагал, что в процессе обучения молодой дворянин может нанять слугу для копирования отрывков в тетрадь, но при этом выбирать отрывки и надиктовывать их должен был он сам [Moss 1996: 54]. Саккини, ценивший процесс переписывания, так как он помогает запоминанию, не рассматривал возможность перепоручать даже эту часть работы при составлении заметок. Более прагматичный Дрексель уделял внимание этой теме, но предостерегал против передачи другим права выбора заметок. «*Notae propriae, notae optimaе* (лучшие записи — собственные)», утверждал он и прибавлял, что одна страница собственных записей стоит столько же, сколько «10, 20 и даже 100 страниц» чужих. Дрексель обосновывал свои возражения не мнемонической ценностью копирования, а важностью самостоятельного чтения и отбора.

Сколько есть на свете вещей, которые другие пропускают в своих занятиях, или проходят мимо них из-за отсутствия любопытства, или игнорируют, торопясь перейти к другим

¹¹² Китайские ученые тем не менее тоже нанимали переписчиков (сообщение Хильде де Вердт в личной переписке).

вещам, или, обнаружив их, понимают искаженно? В то же время внимательный читатель подмечал бы эти вещи к собственной пользе [Drexel 1638: 58–59].

Составление заметок не стоит перепоручать, поскольку никто другой не будет уделять этому процессу должное внимание. Равным образом Дрексель считал невежественными тех молодых людей, которые были уверены, что смогут получить все необходимое из указателей и справочной литературы [Ibid.: 72–73]¹¹³.

Впрочем, спустя примерно пятьдесят лет Даниэль Георг Моргоф выразил более гибкую позицию по поводу поручения работ: «Если вы можете себе это позволить, следует нанять образованных помощников и поручить им задачу [по составлению заметок], но так, чтобы при этом они ориентировались на ваше суждение при отборе: так поступали Сомез и другие выдающиеся мужи». Секретарю с хорошими аналитическими способностями, наученному применять критерии отбора, которые использует его начальник, можно доверять составление заметок: подобным образом пользователи шкафа для заметок Плакциуса полагались на заметки, составленные коллегами, которым они доверяли [Morhof 1732: I.1.21 разд. 12, 239]¹¹⁴. Хотя не всегда понятно, были ли заметки, сделанные рукой секретаря, результатом его собственного выбора или были сделаны по указанию работодателя, некоторые секретари, очевидно, занимались самостоятельным составлением заметок. Например, в доме образованного антиквара и коллекционера Роберта Коттона (1571–1631) работало множество людей, нанятых для сбора и упорядочения более чем 20 000 документов, посвященных истории Британских островов, в том числе один секретарь, который «специализировался на обобщении материала, составлении перечней и кратких описаний трактатов» [Tite 1994: 55].

¹¹³ Эта и другая критика справочной литературы обсуждаются в главе 5.

¹¹⁴ Суггестивный анализ взаимосвязи интеллектуального доверия и социального статуса в Англии XVII века см. в [Shapin 1994].

Писавший в 1620-е гг. скорее для аудитории джентльменов с политическими амбициями, чем для студентов и ученых, Фрэнсис Бэкон также предостерегал от излишнего доверия к тому, что прочитано другими: «Некоторые книги могут быть прочитаны тем, кому вы это поручили, выписывать из них отрывки также может кто-то другой, но так лучше поступать только с книгами низкого сорта и наименее важного содержания». Здесь критерием поручения задания выбрано качество книги: только малозначимые тексты могут читать другие люди. Давая частный совет своему кузену, Бэкон также рекомендовал не полагаться на других при сборе материала из книг, но имплицитно признавал существование этой практики, когда давал советы по отбору тех, «кто собирает» и «кто сокращает» [Bacon 2002: 439; Snow 1960: 373]. Практика обращения за такими услугами к специальным людям явно получила распространение в этих кругах, как бы ни порицали ее в теории. Пример Габриэля Харви показывает, какого рода работа при составлении объемных заметок могла делегироваться профессиональному читателю в политической элите Англии начала XVII века. Харви не только обобщал материал, но и рассуждал о том, какие уроки можно извлечь из истории Ливия, записывая эти рассуждения в своей копии книги, снабженной примечаниями для его нанимателя, графа Лестера [Jardine, Grafton 1990].

Секретари также занимались отбором, покупкой и систематической расстановкой книг своих патронов. Габриэль Ноде, избегавший писчей работы, издал для одного из своих работодателей библиотечный каталог. Один из библиотекарей XVIII столетия, Вильгельм Гейнзе, не только отбирал книги, которые следовало купить для библиотеки его начальника, архиепископа Майнца, но также делал выдержки из них и выбирал то, что следовало прочитать архиепископу [Naudé 1643; Le Moël 2003: 206–207]. Джон Локк держал библиотеку под собственным контролем, однако над составлением каталога работал вместе со своим слугой Сильвестром Брауновером. Покупка книг для частных библиотек так часто поручалась третьим лицам, что в английских аукционных каталогах XVII века хвастливо сообщалось, что они упрощают агентам закупку книг [McKitterick 1992: 35; Yeo 2004a: 19].

Решения по поводу того, какие аспекты научной работы можно делегировать, а какими стоит заниматься самостоятельно, принимались в каждом случае на основе множества факторов, включавших в себя не только теоретические принципы, но и практические ограничения, связанные с временем, финансовыми ресурсами, наличием помощников и другими подобными вещами. Применявшиеся критерии редко озвучивались, но в XVII веке некоторые авторы замечали, что выполнение «механических» задач следовало бы делегировать другим. В 1664 году испанский богослов и плодовитый автор Хуан Карамуэль описывал процедуру составления указателя к книге, очень похожую на ту, которая была предложена Гесснером (за исключением вырезания цитат из печатных книг): следовало отметить на полях книги отрывки, которые должны быть включены в указатель, затем поручить секретарю переписать эти отрывки, используя только одну сторону листов бумаги, и наконец, «приказать разрезать [эти листы] ножницами на полоски. Я полагаю, что лучше поручить это кому-нибудь, а не делать самому. Ведь речь идет о чисто механической работе... Затем позовите четырех или шестерых слуг или друзей, и пусть распределят листки по буквам и классам» на больших столах [Caramuel Lobkowitz 1988: 30]. Приняв сперва самостоятельно решение о том, что следет включить в указатель, Хуан Карамуэль посчитал важным поручить другим большую часть занятий по его составлению. А Ж. Ж. Скалигер характеризовал свою работу над указателем к крупному собранию античных надписей Грутера утверждением о том, что он делал ее «как слуга» [Scaliger 1927: 44 (27 июля 1602 года); Grafton 1975: 109; Grafton 1993a: 504–506].

Итак, мы можем увидеть признаки некоторых изменений в плохо определенных границах «механической» научной работы в XVI и XVII столетиях. В то время как Эразм и его помощники вместе работали над усовершенствованием алфавитного указателя к «Пословицам» в 1526 году, а Гесснер в 1548 году с удовлетворением объяснял, приводя мельчайшие технические подробности, как оптимизировать процесс индексирования, к XVII ве-

ку, насколько можно судить, составление указателей стало общепринятым, хорошо понятным и вполне механическим процессом в глазах как филолога Ж. Ж. Скалигера, так и богослова Карамуэля. Разумеется, их восприятие индексирования как механической работы не мешало другим, например Винсенту Плакциусу, самостоятельно и активно заниматься составлением указателей и списков значительно позднее в том же столетии. Однако Плакциус наряду с этим стремился очертить круг занятий, которые можно было безопасно поручать другим, и особенно ценил шкаф для заметок потому, что благодаря ему отдельно от других этапов составления заметок происходил процесс расстановки их по алфавиту, который легко можно было поручить даже неквалифицированным слугам.

За пределами филологических наук Лейбниц гордо описывал счетную машину собственного изобретения, которая должна была освободить астрономов от «рабского труда по вычислению», поскольку сложные подсчеты можно будет поручить помощникам более низкого ранга. «Выдающимся людям не стоит тратить время, подобно слугам, на вычисления, которые безопасно могут быть поручены кому-нибудь другому при условии использования машин» [Jordan 1897: 307; Leibniz 1959: 181]. Эта концепция, однако, не получила распространения, и в течение всего XVIII века математики часто сами занимались утомительными вычислениями. При этом в крупнейших вычислительных проектах, таких как, например, метрические таблицы Гаспара де Прони (1755–1839), была задействована иерархия работников «с горсткой математиков на вершине, за ними следовали вычислители, а в основании располагались 70–80 человек, совершавших миллионы операций сложения и вычитания» [Daston 1994]. Как и текстовые манипуляции «Магдебургских центурий», эти расчетные манипуляции подразделялись на иерархию задач, которые поручались иерархии людей, работавших вместе над получением результата.

В XIX веке отчетливее обозначились социальные и профессиональные различия. К 1900 году многие традиционно мужские задачи, такие как копирование текста, письмо под диктовку, делопроизводство и даже обыкновенные подсчеты, все чаще стали

передаваться женщинам. В 1920 году Шавиньи объяснял своим читателям, что стенография является «вспомогательной задачей», не предназначенной для профессионала (хотя у профессионала мог возникнуть соблазн заниматься этим самому), и подчеркивал важность использования машин для диктовки, стенографирования и вычислений, позволяющих избежать напрасной траты «интеллектуальной мощи» на «второстепенные занятия», связанные с канцелярской работой. Женщин нанимали секретарями в конторы и к писателям, а также «расчетчицами», которым доверяли сложные и утомительные вычисления, особенно в астрономии [Chavigny 1920: 96–101; Price, Thurschwell 2005; Johnson G. 2005]¹¹⁵.

В период раннего Нового времени границы между задачами, требующими суждения и оценки, и теми, которые считались механическими, оставались нечеткими, и люди сами принимали решения о том, что делегировать другим. Некоторые занимались составлением заметок в группе с коллегами, способности которых считались примерно равными. Другие обращались к помощи членов семьи — жен и детей. Почти каждый, кто мог себе это позволить, платил за услуги одного или нескольких помощников, с которыми состоял в иерархических отношениях: при этом характер заданий ранжировался от механических до тех, которые требовали рассуждения, а отношения в ходе взаимодействия варьировались от подозрительных или даже враждебных до близких и доверительных. В любом случае ученые раннего Нового времени обычно работали не одни, а вместе с кем-то еще, и это усложняло процесс выбора рубрик и организации заметок. Хотя лишь немногие в действительности пользовались шкафом для заметок, описанным Гаррисоном и Плакциусом, потому что это было бы весьма обременительно и затратно, привлекательность этого устройства состояла отчасти в той легкости, с которой им могли пользоваться различные люди, обычно участвовавшие в крупномасштабных проектах по составлению заметок в Европе раннего Нового времени.

¹¹⁵ О начале использования электронных «слут» см. [Krajewski 2010].

От частного к публичному: заметки на службе ученому сообществу

Заметки часто были не только плодом совместной работы нескольких человек, они также воспринимались как имеющие пользу не только для своих владельцев, но и потенциально для других людей. Эта концепция не возникла в раннее Новое время. Плиний Младший сообщал, что его дядя «рассказывал, что, будучи прокуратором в Испании, мог продать эти книжки Ларцию Лицину за четыреста тысяч, а тогда их было несколько меньше» (пер. М. Е. Сергеевко). Этот анекдот, который Плиний, очевидно, любил рассказывать, подчеркивал огромную ценность коллекции заметок, предмета гордости обоих Плиниев, поскольку дядя в результате завещал драгоценное собрание племяннику: 400 000 сестерциев, или 100 000 динариев, были стоимостью имущества, необходимого для принадлежности к низшему слою всадников, весьма малочисленной и зажиточной группы дворянства времен Плиниев (Плиний Младший, Письма, III.5.17)¹¹⁶. Плакциус сообщает о другой попытке приобретения заметок, примерно в 1660 году, когда некто за крупную сумму пытался купить заметки знаменитого правоведа Германна Конринга, но затем стало известно, что Конринг

полагался не на эксцерпты (которые этот великий человек очень торопливо записывал на бумаге, делая совсем мало примечаний), а на память и собственное суждение, а также на огромное количество книг и знание их содержания, что позволяло ему писать трактаты, выглядевшие так, будто в их основе лежит большая коллекция заметок [Placcius 1689: 185]¹¹⁷.

Хотя это невозможно подтвердить, из указаний Плакциуса следует, что в обстоятельствах той эпохи представлялось по

¹¹⁶ Лициний был преторианским легатом в Испании примерно в 73 году [Mullen 1974: 293–294]. Благодарю Джона Боделя за помощь в этом вопросе.

¹¹⁷ О заметках Каминга, о которых сохранилось мало сведений, см. [von Moeller 1915: 23–24]. Благодарю Константина Фазольта за указание на источник.

меньшей мере возможным задуматься о покупке чужих записок, если только они удовлетворяют определенным запросам. В этом анекдоте содержалось скрытое побуждение к ведению качественных записок, чтобы не терять шанс продать их, как это произошло с Конрингом, как бы редко ни выпадала такая возможность.

Нетрудно представить себе причины, по которым авторы не хотели продавать свои заметки даже за внушительные суммы. Во многих случаях они продолжали активно использовать эти записки и ценили их как драгоценные ресурсы, предпочитая завещать их членам семьи (как в случае Плиния), но не продавать раньше времени незнакомым людям. Другие, впрочем, были склонны предоставлять свои выписки и книги с рукописными примечаниями другим во временное пользование, принимая при этом меры предосторожности. Так, Эразм попросил друга о том, чтобы тот позволил его слуге скопировать заметки на полях его экземпляра словаря «Суда», надеясь сберечь время, потраченное на их составление¹¹⁸. В данном случае процедура, предложенная Эразмом, предполагала двойное перепоручение работы, так как он полагался на секретаря, переписывавшего заметки, составленные другим автором. Некоторые держали свои записки в тайне. В XVIII веке Жан-Жак Руссо, когда ему требовались деньги, продавал книги из своей библиотеки, но запрещал покупателю (которым был его издатель) печатать содержащиеся в книгах заметки на полях [Ribard 2002: 71]. Плакциус отмечал, что многие авторы наставлений рекомендовали держать заметки в секрете, чтобы они не были украдены или не стали объектом насмешек. Сам Плакциус, напротив, хвалился тем, что всегда открыто делился своими заметками со всеми [Placcius 1689: 186–187].

Единственный обнаруженный мною случай продажи автором собственных записок относится к биографии Конрада Гесснера, который на смертном одре формально продал свои записки и зарисовки по истории растений своему бывшему ученику и коллеге Каспару Вольфу за незначительную сумму. Гесснер заключил

¹¹⁸ Эразм, «Пословицы», II.1.1 (*Festina lente*) в [Erasmus 2001: 149]. О предоставлении записок во временное пользование см. [Décultot 2003a: 27].

эту сделку, чтобы убедиться, что его бумаги достанутся тому, кто издаст их. Однако Вольф не сдержал обещания. Он ничего не опубликовал и продал зарисовки растений (с разрешения наследников Гесснера) Иоахиму Камерарию, который использовал некоторые из них в качестве иллюстраций к собственным работам, не упоминая об их происхождении, и в конечном счете завещал их своему сыну. Сменив трех владельцев, «История растений» была наконец опубликована в 1753 и 1777 годах Казимиром Христофом Шмиделем, профессором ботаники Эрлангенского университета [Wellisch 1984: 24]. Необычная сделка Гесснера вполне соответствовала поведению составителей заметок, которые очень высоко ценили результаты своей работы: так, например, они отдавали распоряжение при пожаре спасти заметки прежде всего остального, а также старались добиться того, чтобы о судьбе заметок позаботились после их смерти¹¹⁹.

Продажа заметок проходила успешнее, если к моменту сделки их автора уже не было в живых. Пейреск, например, любил покупать рукописные автографы ученых людей: «Если он получал в подарок или приобретал книги, которые принадлежали ученым людям, он ценил их тем выше, чем больше в них было собственноручных примечаний, составленных владельцами». Пейреск также старался «заполучить» рукописи, чтобы их напечатать, если на это были согласны наследники, если же нет, то он поручал одному из писцов сделать копию для него самого [Gassendi 1657: 199–200 (2-й pag.)]. Пейреск, вероятно, стремился обладать чем-то, принадлежавшим известным ученым, — отсюда его внимание к рукописным заметкам и автографам. Однако его попытки опубликовать или хотя бы скопировать текст свидетельствуют также об интересе к содержанию записей.

Книги с маргиналиями Ж. Ж. Скалигера высоко ценились современниками. Николас Гейнзиус (1620–1681), по имеющимся данным, был владельцем двух сотен таких книг, приобретая их

¹¹⁹ О распоряжениях Жан Поля, отданных им жене, см. [Helmreich 2003: 197]. Показателен также пример мусульманского автора, который завещал свои заметки одному ученому, чтобы они не достались другому, который мог их уничтожить, см. [Makdisi 1990: 214].

на аукционе или в частном порядке. Учитывая тот факт, что он также был филологом-классиком, можно предположить, что он рассчитывал использовать заметки для собственных занятий. Возможно, не было совпадением и то обстоятельство, что книга, украденная слугой Скалигера, которую тот сумел вернуть лишь спустя шесть месяцев, заплатив значительный выкуп, содержала множество записей: маргиналии увеличивали стоимость книги как для потенциальных покупателей, так и для самого автора, который готов был заплатить больше, чтобы вернуть их [de Jonge 1977: 4–5]¹²⁰. В XVII веке один владелец книг с маргиналиями Джона Ди открыто заявлял о том, что благодаря им эти книги стали «куда более ценными» [Sherman 1995: 84]. Рукописные заметки недавно умерших авторов также упоминались в каталогах книг, реализуемых на аукционах. Например, в аукционном каталоге Библиотеки семьи Биго (братьев Жана, Николаса и Люка и их сына и племянника Эмерика (1626–1689)), изданном в 1706 году, перечислялись не только средневековые рукописи (анонсированные на титульном листе и предназначенные для продажи лишь после того, как будут проданы все остальные книги), но и рукописные заметки, такие как составленные Жаном Биго три тома *in-folio* «отрывков, общих мест и комментариев, относящихся к гражданскому и каноническому праву, а также к практике», десять томов *in-octavo* «общих мест в различных жанрах» и семь томов того же формата с «цитатами из Священного Писания, а также из произведений духовных и мирских авторов» [Martin 1706, V: 28].

Несмотря на отдельные случаи продаж, главным средством передачи заметок от одного владельца другому были завещания. Даже за пределами ученой среды записные книжки и тетради с заметками особо упоминались в завещаниях, чтобы обеспечить их сохранность и переход по наследству к сыну или внуку. Такие тетради представляли ценность для потомков, поскольку в них велся учет семейного дела и владений. Так, например, в тетради,

¹²⁰ Цитируется работа: F. F. Blok, Nicolaas Heinsius in dienst van Christina van Zweden. Delft, 1949. P. 125.

унаследованной Локком от отца, были записи, касавшиеся имущества, которым тот управлял [Beal 1993: 134; Yeo 2004b: 9]¹²¹. В некоторых случаях существовала вероятность, что общие интересы и схожие привычки побудят наследника использовать унаследованные заметки в учебных или профессиональных целях. Младшие члены научных семейств раннего Нового времени, состоявших из нескольких поколений (таких как, например, Скалигеры, Цвингеры, Фоссы, Этьенны или Казобоны), могли унаследовать не только (чего следовало бы ожидать) определенный образ действий, воспитанный семейными традициями, но и книги (в которых могли содержаться маргиналии), а также множество тетрадей с заметками, которые можно было вновь использовать. Хотя в моем распоряжении нет достаточного материала, относящегося к семьям ученых-гуманистов, который бы подтвердил эту гипотезу, на примере нескольких тетрадей общих мест, которые Роберт Сидни (1563–1626), первый граф Лестер, завещал своему сыну Роберту (1595–1677), можно увидеть, как сын продолжил использовать их, добавляя собственной рукой перекрестные ссылки и дополнительный материал [Warkentin 2005: 238–240]¹²². Опыт Сидни-младшего, дополняющего заметки отца и ссылающегося на них, позволяет предположить, что такая преемственность в интеллектуальных проектах могла существовать и в других семьях, особенно в тех, где в нескольких поколениях были представители одной профессии. Иногда тексты, записанные студентами колониального Гарвардского колледжа по специальному поручению, передавались следующему поколению студентов, и в них можно обнаружить дополнения, сделанные сыном или сыном друга первого переписчика. Гораздо позже Бенджамин Франклин рассказывал, как писал автобиографию, используя заметки, сделанные его дядей, который также предлагал оставить ему «все сделанные им стенограммы проповедей,

¹²¹ Со ссылкой на BL MS Add28273 (сообщение из личной переписки с автором).

¹²² Благодарю Жермену Варкентин за то, что она обратила мое внимание на этот пример. Похожим образом Гийом Бюде начал обучение с книг своего отца, содержавших рукописные примечания; см. [Grafton 1997: 148].

которые были бы неплохим запасом для начала, если бы я стал изучать Образ Божий» [Franklin 1985: 2–6; Knoles, Knoles 2003: 37]. Но Франклин не стал проповедником.

Существование завещаний в пользу лиц за пределами семьи — профессионалов в той же сфере или коллег — дает еще больше оснований предполагать, что тетради для заметок могли оказаться полезны другим членам того же профессионального цеха (и, возможно, служить при этом интересам покойного, на что, несомненно, надеялся Гесснер). Один английский юрист, умерший в Виргинии, завещал свои «заметки, сделанные в судах Вестминстера, и 8 томов записных книжек форматом в половину листа» одному коллеге из Англии [Byrd 2001: 33]. Натуралисты из круга Луки Гини (1490–1566) соревновались за его наследие, особенно стремясь завладеть его заметками и образцами, которые могли улучшить их положение и способствовать карьере, особенно за счет публикаций, в которых не обязательно назывался бы использованный источник. Однако некоторые коллекционеры «натуралий» боялись, что их наследники не будут заинтересованы в сохранении коллекций, особенно учитывая расходы, которые на это требовались, и включали в свои завещания сложные юридические условия, надеясь заставить наследников сохранить целостность коллекций — обычно без особенного успеха [Findlen 2003]. Завещанные научные и учебные материалы не всегда попадали в руки ценителей. С другой стороны, некоторые ученые, которым доставались заметки умерших коллег, могли оценить их очень высоко и опубликовать без указания автора, как поступил в 1493 году Рафаэле Реджио с комментариями к «Наставлениям оратору» Квинтилиана, собранными из маргиналий Лоренцо Валлы и Помпонио Лето (1407–1457)¹²³. Аналогичным образом в 1498 году великий издатель-гуманист Альд Мануций высказал в одном из печатных изданий подозрение, что кто-то из современников припрятал

¹²³ См. [Perosa 1981], включая репродукцию рукописи из Ватиканской библиотеки, MS Lat. 3378, содержащую текст Квинтилиана с примечаниями Валлы и Лето [Ginzburg 1999: 61].

рукописи Анджело Полициано, считавшиеся утраченными, с тем чтобы после опубликовать их под своим именем (Poliziano, *Opera omnia*. Venezia, 1498, p. iv, цит. по: [Maïer 1965: 8]).

Действующим фактором упомянутых случаев завещания и попыток приобретения заметок была надежда на то, что заметки, сделанные изначально для нужд одного лица, их составителя, могут быть использованы другими. Но успеху мешало множество препятствий: автор заметок обычно не хотел их продавать, а наследники чаще всего не проявляли интерес к заметкам или были неспособны ими воспользоваться. Заметки чаще всего оказывались эффективны для удовлетворения потребностей множества людей, если они изначально были предназначены автором (или модифицированы соответствующим образом) для использования другими людьми. Масштабные коллективные проекты (такие как «Pinakes» или библейские конкордансы XIII века), вероятно, основывались на соединении заметок множества составителей, работавших в составе групп, однако нам очень мало известно об этапах, предшествовавших окончанию работы. Хотя и менее целенаправленным образом, распространение флорилегиев, если серьезно воспринимать содержание прологов, часто предусматривало решение автора заметок поделиться результатами своей работы с другими людьми, как принадлежащими к его социальной группе, так и находящимися за ее пределами. У обеих рассмотренных моделей составления заметок для использования множеством пользователей были эквиваленты в мире печатных книг. Как отмечали современники, такие как Плакциус, различные коллективные проекты раннего Нового времени возникли на основе скоординированного составления заметок. Особенно распространенными — об этом подробнее речь пойдет в следующих главах — были заметки, предоставлявшиеся другим пользователям в форме печатных справочников, которые обычно представляли собой результат масштабного накопления читательских записей, часто выполнявшегося несколькими составителями и открывавшего доступ к информации благодаря использованию инструментов поиска.

Глава 3

Жанры справочной литературы и поисковые инструменты

Первые новые справочники, появившиеся начиная примерно с 1500 года, основывались на античных и средневековых источниках и моделях, но именно с них начался период новых экспериментов и стремительного развития методов организации информации. Печатные компиляции были объемнее своих средневековых предшественников и часто становились еще больше при переизданиях, оставаясь при этом коммерчески выгодными. Справочники стабильно продавались, несмотря на их огромные размеры и стоимость, а также несмотря на то что были доступны только на латыни¹. Внушительный размер многих справочных изданий раннего Нового времени был проявлением той же склонности к накопительству, которой было мотивировано создание огромных коллекций читательских записок. Однако если авторы записи могли полагаться на собственную память, чтобы разыскивать нужные заметки, печатные справочники должны были предложить своим читателям формализованные инструменты поиска, позволявшие ориентироваться в материалах, в создании которых они не принимали непосред-

¹ В качестве критерия «стабильных продаж» Иен Грин называет публикацию пяти изданий в течение тридцати лет, а в качестве критерия «бестселлера» — выпуск одного издания в год в течение десяти, двадцати и более лет; см. [Green 2000: 173, 175].

ственного участия. Эти инструменты часто снабжались инструкциями по использованию, которые указывали на то, что, несмотря на наличие у некоторых из них средневековых прообразов, от читателей старопечатных книг не ждали владения этими инструментами. Например, Конрад Гесснер объяснял справочные функции своей пятитомной «Истории животных», имевшей алфавитное расположение (*Historia animalium*, 1551²), следующим образом: «полезность лексиконов [таких, как этот] состоит не в том, чтобы читать их от корки до корки, что было бы скорее утомительно, чем полезно, а в том, чтобы сверяться с ними время от времени [*ut consulat ea per intervalla*]» [Gesner 1551b: второе предисловие «Любезным читателям» сигн. β1v–2r]. Классический латинский термин «*consulere*», обычно означавший обращение за советом к другим людям или оракулам, стал применяться и к книгам. Сознвая, что он вводит в обиход новое значение этого термина, Гесснер добавляет уточнение «*per intervalla*», чтобы подчеркнуть, что имеет в виду не сплошное, а прерывистое чтение. Очень скоро такие толкования и объяснения оказались больше не нужны: распространение разного рода справочной литературы, в основном на латыни, в конце XVI и начале XVII века привело к тому, что широкие круги образованных читателей познакомились с техниками справочного чтения, использованием алфавитного порядка и различных поисковых инструментов.

В этой главе я представлю галерею основных видов неспециализированных латинских печатных справочников, появившихся в 1500–1650 годах. Я не включила сюда специализированные справочники, например по праву, медицине и богословию, хотя и в них можно было обнаружить те же, а иногда и более сложные инструменты поиска, поскольку они предназначались для более узкой читательской аудитории с более специфическими профес-

² Тома «Истории животных» выходили с 1551 по 1587 год; алфавитное расположение соблюдалось внутри отдельных томов, но каждый из них охватывал отдельную область царства животных — «Четвероногих живородящих», «Птиц» и т. д. — *Примеч. науч. ред.*

сиональными потребностями³. Неспециализированная справочная литература, напротив, предлагала доступ к материалам, которые необходимо было освоить всякому, чтобы считаться хорошо образованным: то есть к латинскому языку и классической культуре, мудрости, собранной в сентенциях и исторических примерах (в равной мере из христианской и языческой истории), начиная с античных времен. Это были самые продающиеся жанры учебной литературы тех дней, и тем не менее им уделяли весьма скромное внимание, используя их в основном для иллюстрации общепринятых точек зрения, а не для изучения методов организации информации.

Объединяя разные жанры в единое понятие справочной литературы, я использую современный термин, впервые появившийся в 1889 году, через несколько десятилетий после того, как «справочники» («books of reference») стали обычным явлением, и использовавшийся для обозначения «сборников, энциклопедий, лексиконов, словарей и т. п.»⁴. Схожий с ним термин «book of references» («книга справок») был зафиксирован в 1612 году, но использовался в другом смысле — для обозначения рукописных тетрадей общих мест, которые поощряли вести школяров⁵. Учитывая многообразие взаимосвязанных терминов и концепций,

³ О жанрах юридической литературы см. [Coing 1973–1988; Stinzinger 1867: 69–71 (конкорданс), 121–148 (алфавитные компиляции)]. Благодаря Томаса Дюва из Мюнхена, познакомившего меня с ранними печатными изданиями юридической литературы. К богословским справочным изданиям относились многоязычные Библии, библейские конкордансы, «гармонии», демонстрировавшие параллели между четырьмя Евангелиями (иногда представленные в табличной форме). В медицине использовались такие виды справочной литературы, как издания полных собраний сочинений авторитетных врачей, таких как Гален, и указателей к ним, а также описания медицинской практики, сборники сведений о целебных растениях и рецептов.

⁴ Edwards. *Memoirs of Libraries*. Vol. II. 1859. P. 634 (цит. по: OED, 3rd ed., s. v. “reference” № 7). Согласно «Оксфордскому словарю», первое упоминание термина «books of reference» («справочники») засвидетельствовано в: Penny Cyclopaedia. Vol. V. 1836. P. 455.

⁵ В «Оксфордском словаре» цитируется «Ludus literarius» (1612) Дж. Бринсли, см. [Brinsley 1627: 188].

полезно рассмотреть, в какой мере эквивалент современного понятия «справочной книги» использовался в период раннего Нового времени.

Сегодня (несмотря на стремительное развитие справочных онлайн-инструментов) мы могли бы определить справочники как книги, хранящиеся на полках справочного отдела. Разумеется, ни в Средние века, ни в раннее Новое время в библиотеках не было специальных справочных комнат — их первое появление датируется серединой XIX века⁶. Многие библиотеки раннего Нового времени (вплоть до отказа от этой практики сперва в Сорбонне в 1615 году, и позднее всего — в Бодлианской библиотеке в 1757 году) выделяли определенные книги, которые прикреплялись цепями к столам, однако сам факт прикрепления цепи еще не означал, что мы имеем дело со справочником. Это была мера безопасности, которая не позволяла незаметно унести книгу с собой (хотя известно, что в некоторых случаях такие книги попросту уносили вместе с цепью) [Grafton 1993c: 40, рис. 34; Artier 1988: 46; Clark 1901: 261–266]. Некоторые более мелкие библиотеки, например в парижских коллегиумах, снабжали цепями все книги, которые им принадлежали. Часто привязывали книги, имевшие наибольшую ценность: например, все тома in-folio в Бодлианской библиотеке или все манускрипты в аббатстве Сен-Виктор в Париже. В колледжах Оксфорда книги, которые не имели цепей (в том числе вторые экземпляры прикрепленных книг), студенты могли «выбрать» или взять в пользование на год, это правило распространялось также на справочники [Desgraves 1988: 394; James 1986: ix]⁷. Из-за своих размеров, стоимости и популярности справочники часто оказывались среди прикрепленных цепью книг, но их не рассматривали в ка-

⁶ В Бостонской публичной библиотеке «читальные залы» существовали с момента ее открытия в 1845 году. О залах справочной литературы во многих финансировавшихся Карнеги библиотеках см. [van Slyck 1991: 378–379].

⁷ В перечне книг, предоставлявшихся на выбор в Колледже Линкольн Оксфордского университета, в 1543 году значился словарь «Калепино», который, вероятно, был завещан колледжу бывшим студентом, с тем чтобы сделать эту книгу доступной [Ker 1986b: 479, 484; 1986a: 456–457].

честве отдельной категории ценной литературы. С другой стороны, справочные книги (особенно их вторые экземпляры) могли находиться в свободном пользовании. В каталоге Бодлианской библиотеки, изданном Томасом Гайдом в 1674 году, специальный раздел был отведен «таким книгам, как словари, конкордансы, правовая литература, наставления. Я говорю о чрезмерном количестве книг такого рода, связанном с их очень широким использованием» [Hyde 1674: сигн. [**4]r]. Частое использование было основным критерием, на основании которого к одной группе относились не только гуманистические справочные жанры (такие как словари), но и важнейшие источники в таких профессиональных сферах, как право и богословие.

В библиотечных каталогах и других упорядоченных списках книг (например, каталогах аукционов) имеется несколько других примеров выделения категории книг, напоминающей справочную литературу. Так, в одном из средневековых библиотечных каталогов (около 1389 года) эта категория подразумевалась в последнем из восьми разделов, включающем учебники (в том числе классические труды), грамматику и словари; категория «дидактической» литературы появилась в каталогах в явной форме только в XVII веке [Stoneman 1999: 6; Meinel 1992: 66–67]⁸. Большинство книжных каталогов раннего Нового времени (как библиотечных, так и аукционных) были упорядочены по формату, языку и дисциплине (риторика, философия, поэзия и т. п.), однако соответствующим рубрикам не давалось никаких стандартных определений. Произведения, которые я называю справочниками, представляли собой фолианты, написанные на латыни, и упоминались в разных разделах — среди книг по грамматике, риторике и филологии (если речь шла о словарях и флорилегиях), или в ряду «разных произведений на латыни» (сюда относились книги с бессистемным расположением материала, которые мы обсудим ниже), или в разделе историй (как, например, «Театр человеческой жизни» Цвингера), но границы

⁸ Альстед отводил важную роль «дидактике» как «учению о познании дисциплин» [Alsted 1989, I: 89 слл.].

категорий и отнесение к ним того или иного издания были особенными для каждого списка⁹.

Категорию, аналогичную нашим «справочным книгам», можно обнаружить в XVII веке: это касается в особенности нового жанра сочинений о том, как формировать библиотеку, но также характерных жалоб на то, что читатели стали чрезмерно полагаться на справочники (которые мы обсудим подробнее в главе 5). Одной из первых и наиболее влиятельных книг о формировании книжного собрания был труд «Руководство по организации библиотеки» (*Advis pour dresser une bibliotheque*) 1627 года, написанный Габриэлем Ноде (1600–1653), который служил секретарем и библиотекарем у различных французских знатных особ, включая Мазарини. Работа была переиздана в 1644 году, а в 1661-м Джон Ивлин опубликовал ее в английском переводе под названием «*Advice on Erecting a Library*». В своем «Руководстве» Ноде обсуждал различные виды книг, которыми следовало комплектовать библиотеку. Сюда относились важнейшие авторы, как старые, так и новые, в лучших изданиях, а также комментарии к ним; далее — авторы, предложившие лучшие изложения той или иной науки или конкретной темы, но также и те, кто критиковал важнейших авторов или писал на малоизвестные темы, в том числе основные еретики. Затем Ноде уточнял:

Вы не должны забывать о всякого рода книгах *общих мест, словарях, смесях, собраниях прочтений, сборниках сентенций и прочих изданиях, имеющих характер справочников*; следует учитывать, что [их составителями] проделан большой путь, и они содержат материалы, готовые для использования теми, у кого хватит усердия извлечь из них должную пользу... Что касается меня, то я действительно нахожу эти собрания исключительно полезными и необходимыми, учитывая то, что краткость нашей жизни и огромное коли-

⁹ Из систематически организованных каталогов (алфавитные каталоги в данный момент не представляют для нас интереса) я изучила следующие [Kusukawa 1995; Leedham-Green, McKitterick 1997; de Jonge 1977; Finch 1986; Dupuy 1679; Martin 1706].

чество вещей, которые мы обязаны теперь знать, чтобы быть причисленными к числу образованных людей, не позволяют нам делать все самим [Naudé 1963: 51–52]¹⁰.

Использованный Ноде термин «*répertoire*» («справочник») означает категорию книг, вполне совпадающую с нашим понятием «справочной литературы»: она включает перечисленные Ноде типы книг, с которыми предлагалось сверяться в поисках лингвистической и культурологической информации.

Английское слово «*repertory*» и французское «*répertoire*» происходят от среднелатинского «*repertorium*», образованного от глагола «*reperire*» — «искать». Слово «*repertorium*» распространилось в позднем Средневековье и означало указатели, глоссарии и каталоги книг. Судя по определениям, приведенным в словарях раннего Нового времени, латинский термин и его эквиваленты на национальных языках сохраняли тот же диапазон значений в последующие века [Weijers 1990a: 204–205; Weijers 1991]¹¹. Термин был многозначным, однако Ноде использовал его в весьма специфическом смысле, который имел определенное распространение. Примерно в то же время французский иезуит Этьен Молинье предложил в целом сходный перечень, насмешливо перечисляя источники, использованные при составлении проповедей, в которых были собраны бесконечные примеры и отсылки: «В конце концов, нет недостатка в справочниках, “Калепинах” [то есть словарях], тезаурусах и книгах общих мест, с помощью которых умы не слишком искусные в изобретениях или слабые

¹⁰ См. [Naudé 1903: 59–61] (выделение курсивом добавлено в издании 1661 г.). О жанре трактатов об устройстве библиотек см. [Werle 2007: 304–349].

¹¹ «*Repertorium: index seu commentarius, particulatim rerum recensitarum descriptionem continens*» [Calepino 1554: 171]. *Dictionnaire de Trévoux* (1704): «*repertorium pour répondre au terme plus familier de ‘inventaire’*». Определения «*indices de livres*», «*tabella*» и «*lieux communs*» включают в себя слово «*répertoire*». Благодаря за эти наблюдения Жана Сеара. В «Оксфордском словаре» упоминается употребление слова «*repertory*» в значении «указатель, список, каталог или календарь», с примерами XVI–XVIII веков, и в значении «хранилище, склад», засвидетельствованном в XVI–XIX веках.

в познаниях могут помочь своей нищете»¹². Хотя справочные издания чаще вызывали критику, чем похвалу, другие авторы рекомендаций по устройству библиотек вслед за Ноде положительно отзывались о соответствующих жанрах. В своем руководстве 1631 года Франсиско Араос высоко оценивал «словари вещей», хорошо помогающие в неустанных трудах даже серьезным ученым, поскольку в них предлагались «обобщения и надежные знания о предметах и науках» [Araoz 1631: сигн. 4v]¹³. Аналогичным образом, когда Иоганн Ломайер посвятил свой труд «О библиотеках» (1669) руководителям голландского города Зютфен (вероятно, чтобы побудить их вложить средства в библиотеку), он предложил выбор из двух организационных схем, в каждой из которых присутствовала категория «универсальных книг», или «encyclia», включавшая в себя «тезаурусы, библиотечные инструменты и словари» [Lomeier 1669: 331; Lomeier 1962: 1–2]¹⁴. «Универсальные книги» Ломайера, как и «répertoires» Ноде, касались в основном грамматики, риторики и истории, то есть того, что было интересно скорее широкой публике, чем специалистам, — они были дважды «универсальными» или «общими» (как это отразилось в термине *enkuklios*), поскольку были энциклопедическими по охвату и потому что привлекали широкую читательскую публику, владеющую латинским языком.

Понятие «répertoire» у Ноде кажется привычным, потому что категория справочной литературы и практика справочного чтения пережили переход к их современному состоянию почти без изменений. Однако многие жанры, которые Ноде включал в список справочной литературы в 1627 году, не преодолели переход от предшествовавшей Новому времени сфокусированности на античной культуре и классических языках — к жанрам литературы на народных языках и современной тематике. Составлен-

¹² Etienne Molinier. *Mystere de la croix*. 1635. Сигн. e1r–v (цит. по: [Bayley 1983: xx]).

¹³ В [Géal 1999: 295–296] отмечается, что Араос отводил почетное место справочной литературе.

¹⁴ Фото библиотеки Зютфена, которую можно посетить и в наши дни, см.: URL: www.librije-zutphen.nl (дата обращения: 14.09.2023).

ный Габриэлем Ноде перечень справочников послужит для нас ценным путеводителем по жанрам, которые функционировали в качестве справочной литературы в XVI и XVII веках. Эти объемные латинские книги знакомили широкие слои образованной элиты с различными инструментами и методами поиска информации, имевшими решающее значение для успеха современной справочной литературы в XVIII веке.

Жанры справочной литературы, согласно Габриэлю Ноде

СЛОВАРИ

Словарь оказался на удивление стабильным жанром, начиная с первых средневековых образцов и до нашего времени; ему посвящена специальная литература, которую я не буду рассматривать в этой книге. В отличие от других жанров справочной литературы, словарь, как правило, первым (в европейской и других культурах) становился указателем сам по себе: материал в нем организован таким образом, чтобы необходимые объекты (слова, к которым даны определения) можно было легко найти (например, по алфавиту), не прибегая ни к каким дополнительным инструментам поиска. Не все книги, имеющие алфавитную организацию, обладают такой же степенью самоиндексируемости, какая доступна в словарях: алфавитный указатель к справочникам содержит множество терминов, которые встречаются в тексте статей, не являясь при этом их заголовками; поэтому во многих изданиях, например в «Британской энциклопедии», читателям советуют «сначала свериться с указателем».

Появление термина «*Dictionarium*» засвидетельствовано в XIII веке, но широко он не использовался вплоть до XV века. При этом к ранним словарям относились «*Derivationes*» (букв. «Словопроизводство») Угуччо Пизанского (конец XII века), не имевшие алфавитной организации, а также «*Expositiones vocabulorum Bibliae*» («Истолкования библейских слов», около 1248–1267 годов) Гийома Бретонского и «Католикон» Джованни Бальби (1286 год), выстроенные по алфавиту. Несколько сред-

невековых словарей были отобраны в XV веке для издания типографским способом, но десятки других сохранились в виде рукописей, некоторые из них — в сотнях списков [Weijers 1990a; Hamesse 1996b]¹⁵.

В период раннего Нового времени, как и в Средние века, словарь был одним из наиболее широкодоступных справочных жанров. Один исследователь насчитал около 150 словарей, напечатанных в типографиях с 1450 по 1650 год, многие из них пережили множество переизданий¹⁶. Некоторые словари были одноязычными (на латыни или одном из важнейших народных языков), в них, как правило, приводилась не только лингвистическая, но и энциклопедическая информация. Другие были многоязычными, в них давались переводы слов на один или несколько языков. Направление переводов было единым — с латыни на местные языки, — пока в 1440 году не был составлен изданный в 1499 году англо-латинский «Promptorium». С XVI по XVIII век выросло также число тематических словарей, описывающих термины, относящиеся к той или иной конкретной области. Печатные словари отличались от средневековых аналогов более последовательной алфавитной организацией, хотя в некоторых словарях слова группировались по корневому принципу [Estienne H. 1572; Tonelli 2006]. Поскольку развитие книгопечатания совпало в общем и целом с распространением гуманизма, после 1500 года средневековые словари (такие как «Католикон») перестали издаваться и были заменены словарями, основанными на идеях гуманизма, а не на средневековых представлениях о латинском языке.

Самым популярным словарем и повсеместно распространенной справочной книгой раннего Нового времени был «Dictionarium» Амброзио Калепино (1502), за первым изданием которого последовали еще 165 в XVI веке, 32 — в XVII и 13 — в XVIII.

¹⁵ См. также библиографию, составленную Дж. Шоу и др. URL: http://www.chass.utoronto.ca/edicta/shaw/bib_b.htm (дата обращения: май 2008).

¹⁶ Благодарю Питера Берка, предоставившего мне свой перечень словарей раннего Нового времени. О современных исследованиях см. [Considine 2008].

Монах-августинец из Бергамо Амброзио Калепино (1440–1510/11) получил основательное гуманистическое образование в области греческой и латинской филологии. Он посвятил составлению своего словаря около тридцати лет. Словарь содержал в основном сведения о классической латыни и энциклопедическую информацию, а также примеры из античной литературы [Labarre 1975; Strada, Spini 1994; Bravi et al. 2002]¹⁷. После смерти Калепино множество редакторов, имена которых большей частью неизвестны, вносили в словарь изменения, исправления и особенно дополнения, часто позаимствованные из других словарей (на что, например, язвительно жаловался Робер Этьенн [Estienne R. 1553; Furno 2001]). «Калепины» начались с латинского энциклопедического словаря с латинскими толкованиями, в котором сперва присутствовало лишь небольшое количество греческих эквивалентов, затем к нему прибавилась многоязычная составляющая — переводы на греческий и один или несколько народных языков появились в каждой статье (к 1545 году): в итальянских изданиях — переводы на итальянский, в фламандских — на французский, немецкий и фламандский. В более поздних изданиях присутствовали все эти языки, плюс испанский, древнееврейский, польский, венгерский и английский в различных сочетаниях, — всего около одиннадцати языков, о чем гордо сообщалось на титульных листах. Ассоциация имени Калепино с многоязычными латинскими словарями сохранялась и позднее: название «Калепин» присутствует в латино-японском и латино-венгерском словарях, изданных в 1870 и 1912 годах соответственно [Labarre 1975: 7–8]¹⁸. В период раннего Нового времени «Калепин» стал не только самой признанной маркой словаря, сохранявшей значение даже в начале XX века, но и обозначением словарного жанра в целом: в таком смысле его использовал, например, иезуит

¹⁷ Сердечно благодарю Кристофера Карлсмита, связавшего меня с Библиотекой Маи в Бергамо, и персонал библиотеки за бесценную помощь.

¹⁸ См. также: *Lexicon latino-iaponicum*. Roma: Typis S. C. de propaganda fide, 1870; *Calepinus latin-magyar* / ed. Melich János. Budapest: A Magyar Tudományos Akadémia, 1912.

Молинье, высказывание которого было процитировано выше. Один из авторов ввел в оборот глагол «calepinare», а слово «calepin» и поныне существует во французском языке, правда, приобрело значение «записной книжки» [Frey 1674: 2]¹⁹. Успех сочинения Калепино способствовал закреплению термина «dictionarium» в качестве обозначения лексикографического труда: только самые крупные словари получали другое название — «тезаурусов» (термин, который также используется по сей день)²⁰.

В 1685 году Адриен Байе отметил, что в редактировании и усовершенствовании оригинального текста Калепино (который Байе называл жалким) участвовало так много рук профессионалов, что «сегодня... от произведения самого Калепино не осталась почти ничего, кроме заголовка и названия книги» [Baillet 1685, I: сигн. e3r–v (обращение к читателю)]. В условиях принципиально коллективного и варьирующегося авторства, а также использования множества источников, «Калепин» менялся от издания к изданию и стал заметно отличаться с течением времени. Тем не менее главная задача «Калепинов» — предложить читателю относительно полный свод лексики классической латыни, обычно не принимаемая во внимание термины, употреблявшиеся в Средние века и в раннее Новое время, — оставалась неизменной для всех изданий. Так, слово «typographia», хотя и присутствовало на титульном листе почти каждой версии, впервые появилось среди слов, снабженных определениями, только в 1616 году, а глагол «imprimere» истолковывался лишь в смысле изготовления отпечатка на воске (как это было принято во времена Античности, практика печати книг на бумаге при этом игнорировалась). В дополнение к грамматической информации о заголовочном слове (форма родительного падежа, формы глаголов) в «Калепинах» приводи-

¹⁹ Монтень использует выражение «au bout de son calepin» (в конце своей записной книжки) в [Montaigne 1988: III.13, 1069]. Благодаря Ганса Раммингера за комментарии относительно глагола «calepinare» (значащего «переводить буквально, дословно, игнорируя контекст». — *Примеч. науч. ред.*).

²⁰ [Estienne R. 1531; Estienne H. 1572] и электронные ресурсы с тем же названием. См. также: Jean Nicot. *Thr  sor de la langue fran  oise*. Paris: Douceur, 1606.

лась энциклопедическая информация, почерпнутая из классических источников и важная для их понимания. Под словом «*elephas*» («слон»), например, давалось пояснялось, что слоны живут триста лет и что Пирр использовал их в сражениях. Эта информация не подвергалась быстрым изменениям, которые отвечали бы современному политическому и научному контексту. Так, термин «*Hollandia*» впервые появилось в «Калепине» лишь через 150 лет после обретения Голландией политической независимости. Вплоть до последних изданий XVIII века неизменным оставалось толкование слова «*Terra*» («Земля»): «...холодный и сухой элемент... Варрон, книга 4... Земля окружена вселенной, находится в центре мира, твердая, имеет сферическую форму... Цицерон “Тускуланские беседы”» [Caleripino 1554, 1616, 1718, 1746 s.v. «*Terra*»]. Даже в регулярно изменявшихся и исправлявшихся справочниках значительная часть каждого нового издания опиралась на многократное использование существовавшего ранее материала. Помимо практического преимущества такой инерции в сочинениях, адресованных католической аудитории (как, например, издания «Калепина» XVIII века, предназначенные для Падуанской семинарии), использование традиционного определения «Земли» было предпочтительно во избежание возможных претензий со стороны цензуры; и в любом случае этот текст содержал точное описание того, что значило слово «Земля» в произведениях античных авторов, для объяснения которых и создавался «Калепин».

Начиная с 1544 года издания «Калепина», напечатанные в Базеле, включали в себя отдельный словарь имен собственных — «Ономастикон» Конрада Гесснера²¹. В необычно длинном предисловии Гесснер сообщал, что с помощью друзей собрал имена собственные, имеющиеся в различных словарях, в том числе в «Калепине» и в «*Elucidarius carminum*» («Толкователе стихов») Робера Этьенна, вышедшем в 1541 году. Между тем брат Робера Шарль Этьенн (который также издал «*Elucidarius*» в 1559 году) составил еще один важный словарь собственных имен — «*Dictionarium historicum ac poeticum*» («Исторический и поэтический

²¹ [Gesner 1544] и по крайней мере 18 следующих изданий, до 1627 года.

словарь», 1553), многократно переиздававшийся вплоть до 1693 года. Даже не вдаваясь в детали сложной истории изданий этого жанра, можно заметить причудливую сеть взаимосвязей между различными словарями и людьми, участвовавшими в их создании, которые с готовностью изучали существующие справочники при подготовке новых изданий [Wooldridge 1977].

«Ономастикон» (так же как и «Калепин», от которого он отпочковался) и другие словари имен собственных содержали объяснения имен, встречающихся в античной литературе и относящихся к широкому спектру категорий: «...имена мужчин и женщин, народов, идолов, городов, рек, гор и других мест», а также языческих богов, областей, островов, равнин, заливов, холмов и гаваней, упомянутые как в духовной, так и в светской литературе [Estienne R. 1541; Estienne Ch. 1693]. Гесснер пояснял, что проделанная им работа может быть полезна по трем причинам: в «Ономастиконе» содержится достоверная и по-прежнему актуальная информация по истории и географии; в нем собраны имена собственные, которые использовались в античный период, но больше не актуальны (например, из различных «басен и выдумок»); и наконец,

авторы, пишущие комментарии и примечания, могут отсылать своих читателей к этому словарю, как мы поступили в наших примечаниях к речи Татиана против эллинов, в таком случае им не придется повторять одни и те же вещи много раз и писать одно и то же в каждом комментарии к каждому автору; таким образом, эта книга представляет собой своего рода единый комментарий [communis commentarius] к произведениям большинства авторов²².

²² «Ad lectorem, de triplici utilitate hujus Operis» в [Gesner 1616: сигн. AAai v (с. 2)]. Это предисловие впервые появилось в 1546-м. Гесснер ссылается здесь на свой перевод на латынь с комментариями «Речи против эллинов» Татиана, впервые опубликованный в качестве приложения к «Sententiarum sive capitulum, theologicorum praecipue ex sacris et profanis libris tomi tres per Antonium et Maximum monachos olim collecti» (Zurich: Froschauer, 1546. P. 378 (о Пелопе)). Примечания Гесснера включены в издание *Tatiani oratio ad Graecos*. Oxford: e Theatre Sheldoniano, 1700; ссылки на его «Ономастикон» содержатся на страницах 35 сн. 4 (о Зефире) и 42 сн. 1 (о поклонении Юпитеру Аммону в Ливии); Татиан был греческим христианским философом конца II века н. э.

Называя свой словарь имен собственных «единым комментарием», Гесснер подчеркивал его широкий охват и ценность для многочисленных пользователей, которым не придется тратить усилия на объяснение материала, который уже истолкован в словаре. Итак, Гесснер имплицитно подчеркивает тесную взаимосвязь между словарем и комментарием (к этому вопросу я еще вернусь), хотя эти жанры имели различную организацию.

Словари раннего Нового времени, будучи указателями к самим себе, оставались единственным жанром этого периода, не предполагавшим дополнительные поисковые инструменты²³. Удобство чтения достигалось за счет разбиения текста на абзацы, использования шрифта разных стилей и размеров. Основное отличие от средневековых словарей состояло в последовательном наборе текста с новой строки (вместо рубрикации), в начале каждой новой статьи.

ФЛОРИЛЕГИИ, ИЛИ «СБОРНИКИ СЕНТЕНЦИЙ»

Флорилегий был еще одним жанром справочной литературы, который приобрел хорошо определенные контуры уже в Средние века и широко распространился с началом книгопечатания. Флорилегии отличались от других жанров справочной литературы исключительным разнообразием размеров и себестоимости, а также поисковых инструментов. Я целенаправленно сосредоточила свое внимание на латинских изданиях формата *in-folio*, поскольку в них присутствуют наиболее сложные инструменты организации и поиска информации, и эти издания явно функционировали в качестве справочников, которые не читали от корки до корки, а открывали в поиске определенных сведений. Однако многие флорилегии как на латыни, так и на национальных языках издавались в более доступном формате *in-octavo* и содержали в основном нравоучительные и богослов-

²³ Шарль Дюканж предлагал для облегчения поиска энциклопедических материалов в его словаре средневековой латыни тематические указатели [Considine 2008: 268].

ские сентенции, собранные по тематическим рубрикам. Названия рубрик располагались по алфавиту, а других инструментов поиска в малоформатных флорилегиях, как правило, не было. Более короткие из них можно было читать и другими способами, а не только сверяться с ними в поисках рассуждений на различные духовные и нравоучительные темы. Количество печатных флорилегий очень трудно сосчитать из-за широкого ассортимента изданий и неопределенности границ с произведениями близких жанров, в основе которых лежали собрания цитат или исторических примеров. Вслед за перечнем Ноде, далее я отдельно рассматриваю организованные случайным образом сборники изречений и комментариев, вроде «Пословиц» Эразма, и книги общих мест, имеющие систематическую организацию, такие как «Театр человеческой жизни» Теодора Цвингера. В недавнем исследовании было высказано предположение, что на протяжении XVI века в продаже находились до 1 млн сборников изречений и примеров разного рода. Несмотря на трудности, которые представляют любые подобные подсчеты, можно отметить, что сборники цитат, несомненно, пользовались большим успехом²⁴.

Переход от рукописных к печатным изданиям не был ознаменован полной заменой средневековых флорилегий на труды гуманистов, как это было в случае со словарями. Средневековые флорилегии состояли в основном из духоподъемных и морализирующих цитат из Библии и трудов Отцов Церкви, и этот жанр продолжил свое существование в виде печатных изданий. В частности, два флорилегия, которые приписывают Фоме Ирландскому (автору «Букета цветов» 1306 года) активно издавались с середины XVI до середины XVIII века: «Лучшие изречения почти всех Отцов Церкви, преуспевших до нынешнего дня как в богословии, так и в философии» и «Лучшие цитаты из Библии» на более чем 800 страницах формата in-octavo содержали куда больше материалов, чем собрал сам Фома, но атрибуция средневековому автору, предположительно, воспринималась как важная

²⁴ Обоснования приведенной цифры недостаточно четкие [Vogel 1999: 186].

рекомендация для тех, кто принимал решение о покупке²⁵. Одновременно гуманисты публиковали в изданиях малых форматов сборники античных изречений, таких как «Нравственные двустишия» (*Disticha moralia*) Катона²⁶. Рынок был также наполнен свежесобранными флорилегиями, каждый из которых зачастую специализировался на определенном виде цитат, например на поэтических, как в «Поэтической жемчужине» (*Margarita poetica*) Альбрехта фон Эйба (1472, in-folio) или в «Саду знаменитых поэтов» (*Viridarium illustrium poetarum*) Октавиана Мирандулы (1507, in-quarto) [Moss 1996: 67–73, 95–98]. *Adagia*, *apophthegmata*, *parabola*, *proverbia*, *sententiae*, *similia* — специальные термины, которые встречались во многих заголовках, хотя их не всегда четко различали на практике: *parabola* и *similia* относились в основном к сравнениям, *adagia* и *proverbia* — к высказываниям, которые считались авторитетными из-за их древности и (или) частого использования; *sententia* была термином, означавшим «высказывание» в широком смысле, тогда как «апофтегма» была остроумной фразой, лучше всего понятной из определенного анекдота²⁷. При этом Ноде объединял все виды произведений под заголовком «собрания сентенций».

Наиболее успешный флорилегий форматом in-folio оказался одновременно самым крупным и распространенным из них. Это была «Полиантея» Доменико Нани Мирабелли, впервые опубликованная в 1503 году и пережившая не менее 44 переизданий до 1686 года. При этом благодаря новым редакциям размер произ-

²⁵ «*Flores omnium pene doctorum qui tum in theologia tum in philosophia hactenus claruerunt*». В KVK зафиксировано не менее тридцати изданий с 1553 по 1760 год; «*Flores Bibliae*» также публиковалась в этот период, но не так часто. См. [Rouse, Rouse 1979: 110; Hess 2008: 98].

²⁶ «*Catonis Disticha moralia*» (Augsburg: Otmar, Valentin, 1545) и десятки переизданий вплоть до XVIII века.

²⁷ Обширную библиографию источников риторического «*inventio*» раннего Нового времени, объединяющую произведения, которые я разделяю на флорилегии и «смесь» в зависимости от способа организации информации, см. в [Fumaroli 1980: 738–748]. О произведениях, предлагавших материалы для повторного использования, см. [Cherchi 1998; Lobbes 2000].

ведения увеличился в шесть раз — с 430 000 слов в 1503 году до более 2,5 млн к 1619-му²⁸. Доменико Нани Мирабелли (или Нани, род. примерно в 1455-м, умер после 1528-го) был ректором учебных заведений, настоятелем собора в Савоне (Лигурия), а также служил папским секретарем²⁹. Он объяснял создание этой работы тем, что, изучая в юности греческий и латынь, он любил собирать «самый цвет из великого многообразия текстов». Коллекция продолжала пополняться благодаря находкам, сделанным в ходе повседневных разговоров и изучения философии, пока он не решил, спустя годы, собрать все вместе, упорядочить и опубликовать «для общей пользы» [Nani Mirabelli 1514] (посвящение Рафаэлю Риарио, епископу Остии). Помимо упорядочения собственных выписок, собранных за годы учения и бесед, Нани полагался также на «Букет цветов» Фомы Ирландского, из которого он почерпнул бóльшую часть тематических заголовков и примерно половину содержимого рубрик, хотя и не упоминает этот источник [Rouse, Rouse 1979: 206]. В большей степени, чем это делали составители других флорилегиев того времени, Нани сочетал высказывания традиционных религиозных авторитетов и темы, использовавшиеся проповедниками, с новыми и заново оцененными источниками, вдохновлявшими педагогов и учени-

²⁸ Обзор полной истории изданий с подробным подсчетом слов см. ниже в главе 4 и таблице 4.1.

²⁹ Он называл себя *Dominicus Nanus*; я следую источникам, где он упоминается как Нани Мирабелли. Первое упоминание об этом человеке связано с его назначением ректором школ в Савоне в 1485 году; дата его смерти также не известна точно, но он умер после 1528 года. Благодаря доктору Марко Кастилью из Государственного архива Савоны за эту информацию, сообщенную мне в переписке в 2004 году. Доменико Нани Мирабелли из Савоны изучал каноническое право, служил настоятелем собора и папским секретарем; согласно статье в биографическом словаре SAUR, он был также поэтом и врачом. См. также «*Li scrittori della Liguria, e particolarmente della maritime di Raffaele Soprani*» (Genoa: Pietro Giovanni Calenzani, 1667. P. 84), где отмечается, что он также был автором «основанного на четырех Евангелиях сборника всех сентенций и авторитетных мнений языческих философов, поэтов и ораторов, приспособленных для его тетрадей общих мест, которые он назвал... *Harmonia evangeliorum*».

ков из числа гуманистов. О гуманистических настроениях Нани свидетельствовал также тот факт, что он выбрал для названия своей работы греческий термин, означавший «множество цветов»³⁰, вместо традиционных латинских обозначений³¹. В середине XVI века из других коллекций, как опубликованных, так и неопубликованных, было добавлено множество новых материалов, таких как эмблемы, басни, примеры, что сделало этот сборник крупнейшим по объему и охвату материалов из всех собраний цитат. Текстов, собранных под разными рубриками, накопилось так много, что в 1604 году один из редакторов, Йозеф Ланге, существенно переработал книгу, отсортировав материалы внутри каждой рубрики по типу цитаты (из Библии, из произведений Отцов Церкви, поэтов, философов, басен, эмблем и т. п.). Хотя «Полиантея», возможно, не играла такой доминирующей роли, как «Калепин», она служила эталоном для сборников изречений, отсортированных по рубрикам, которые следуют в алфавитном порядке. Например, на титульном листе «Великого театра человеческой жизни» (опубликованного впервые в 1631 году) пояснялось, что в книге использована перераспределенная в алфавитном порядке систематическая классификация Цвингера, «в соответствии с стандартами полиантеи»³².

Хотя произведение, в котором материалы отсортированы по расположенным в алфавитном порядке рубрикам, можно было бы считать содержащим указатель в самом тексте, в «Полиантее» были представлены три дополнительных новшества, о каждом из которых я написала подробнее ниже: алфавитный перечень процитированных авторов (присутствует в более ранних изданиях, но отсутствует в более поздних); алфавитный перечень

³⁰ От греч. πολυανθής, букв. «цветущий многими цветами». — *Примеч. науч. ред.*

³¹ Гилберт Хесс отмечает, что Нани был более склонен доверять гуманистическим источникам, чем другим флорилегиям [Hess 2015].

³² «Ad normam Polyanthae universalis dispositum» [Beyerlinck 1666]. Ян Грютер составил свой «Florilegium magnum seu polyanthea» (Strasbourg: Zetzner, 1624) на основе «Полиантеи» Ланге, хотя предпочитал сортировать поэтические цитаты по их стихотворной форме.

заголовков рубрик, по которым были разнесены материалы, включающий номера страниц, на которых начинались соответствующие статьи (этот перечень становился все длиннее по мере пополнения «Полиантеи» новыми статьями); и, для двенадцати самых длинных статей, древовидные схемы, отражавшие концептуальную организацию каждой темы (оставались неизменными от издания к изданию).

«СМЕСИ» И «ИЗБРАННЫЕ ЧТЕНИЯ»

Ноде также включил в свой список справочников книги, которые (по крайней мере до недавнего времени) должны были автоматически исключаться из этого разряда, поскольку составлялись без определенной последовательности — речь идет о жанре «смеси», или альманаха. Случайный порядок в основном игнорировался в исследованиях организационных моделей раннего Нового времени, которые, как правило, рассматривали конкуренцию между систематическим и алфавитным порядком, постепенно выходявшим на первое место³³. Однако сборники, составленные по случайному принципу, могли не менее эффективно выступать в роли справочной литературы, если снабжались хорошими алфавитными указателями, служившими инструментом поиска. Сегодня мы способны оценить это в большей мере, чем даже десятилетие назад, поскольку все чаще полагаемся на электронные справочные ресурсы, материалы в которых, как правило, не располагаются по алфавиту: для навигации по ним мы используем поисковые системы. Сама по себе Всемирная паутина является в некотором роде огромной «смесью» материалов, расположенных случайным образом, и доступ к ним мы получаем с помощью поисковых программ, работающих с применением множества (часто секретных) алгоритмов [Weinberger 2007].

В период раннего Нового времени алфавитный порядок сам по себе воспринимался как разновидность случайного располо-

³³ См., например: Фландерс Дж. Всеу свое место: Необыкновенная история алфавитного порядка. М.: Альпина нон-фикшн, 2022. — *Примеч. научн. ред.*

жения, при котором буквы и слова следовали друг за другом произвольным образом, и в результате рядом оказывались статьи, не имеющие концептуального отношения друг к другу. Так, например, в «Полиантее», организованной по алфавиту, темы следуют одна за другой без какой-либо логики: «*admiratio*» («Восхищение»), «*admonitio*» («Увещевание»), «*adolescentia*» («Отрочество»), «*adoptio*» («Усыновление»), «*adoratio*» («Поклонение») и т. п. Систематическое расположение, напротив, высоко ценилось, поскольку считалось, что оно сохраняет естественные отношения между вещами, так как взаимосвязанные темы помещаются в один раздел (например, «*adoratio*» («Поклонение») вместе с другими добродетелями, а «*adolescentia*» («Отрочество») вместе с другими периодами человеческой жизни). Разумеется, на практике не существовало единого мнения относительно того, как лучше представить соответствующие взаимоотношения между вещами, то есть об оптимальном систематическом порядке. Один историк насчитал девятнадцать разновидностей систематики, представленных в энциклопедических произведениях раннего Нового времени, в том числе расположение в порядке сотворения мира, согласно десяти заповедям, библейскому тексту и катехизису, различные хронологические и географические расположения, иерархический порядок дисциплин, а также последовательность цепи бытия [Michel 2002]. Однако в случае, если порядок казался читателям недостаточно очевидным, в справочные издания, организованные систематическим образом, обычно включали один или несколько алфавитных указателей, чтобы облегчить доступ к информации. Так, один из известных авторов того времени заявлял, что считает сложную систему организации информации в «Театре человеческой жизни» Теодора Цвингера невероятно трудной для использования, поэтому он был вынужден полагаться при использовании книги на указатель³⁴. Таким образом, на практике различия между разными

³⁴ Варфоломей Кеккерман жаловался на структуру «Театра» и отмечал, что он полагался при использовании книги на указатель, о котором подробнее будет сказано ниже.

системами организации размывались за счет широкого распространения алфавитных указателей в старопечатных справочных изданиях. Тем не менее составители сборников продолжали объяснять используемый ими порядок подачи материала заботой о читателе и серьезным отношением к делу.

Уникальным явлением эпохи Возрождения стали справочники, целенаправленно составленные по случайному принципу — в отличие от тех, которые казались беспорядочно скомпонованными из-за того, что пользователи не могли в должной мере оценить план составителя. В отличие от словарей и флорилегиев, произведения, которые Ноде называл «смесями» или «избранными чтениями», не были построены по средневековым моделям, но обращались к античным образцам, особенно к «Аттическим ночам» Авла Геллия, который утверждал, что следовал в составлении своих читательских заметок «случайному порядку» [Gellius 1946, I: xxvii]. Это признание вдохновляло гуманистов-подражателей, которые хвалили достоинства «*ordo fortuitus*», то есть случайного расположения.

Как и флорилегии, альманахи заметно варьировались по форме и языку: от малоформатных книг на народных языках до толстых фолиантов на латыни. Среди последних выделялось широко известное в Европе, благодаря многочисленным переводам, подражаниям и продолжениям, собрание испанского историка Педро Мексия (1496?–1552?) «*Silva de varia lección*», издания которого обычно представляли собой пухлые томики небольшого формата без указателей³⁵. Судя по другим пунктам перечня, Ноде подразумевал многочисленные латинские источники, озаглавленные «*variae lectiones*» («различные чтения») — латинский вариант французского *diverses leçons* — или *commentarii* (комментарии), или другими вариантами этих терминов. Такие источники состояли из бессистемно расположенных бесед о латинском или греческом языке и их употреблении. Примерно через пятьдесят лет Адриен Байе использовал тот же термин — *di-*

³⁵ О примечательной судьбе этого произведения см. [Mehía 1989, I: 54–59]. Об источниках Мексия см. [de Courcelles 2003a].

verses leçons (хотя и относился к этому жанру с меньшим энтузиазмом) при обсуждении «Adversaria» Адриана Тюрнеба. Этот текст состоял из коротких глав, расположенных по случайному принципу и содержавших филологические комментарии к отдельным группам латинских терминов, которые были перенесены без изменений из заметок, сделанных при чтении, как утверждается на титульном листе³⁶. Хотя обозначение «diverses leçons» использовалось применительно к работам на народных языках, этот же жанр существовал и в латинской ученой литературе — расположенные в случайном порядке комментарии о разных вопросах античных языков и культуры³⁷.

Одним из самых ярких образцов этого жанра, который, несомненно, способствовал закреплению термина «lectiones» в заголовках, были «Lectiones antiquae» (чтения древних авторов) Целия Родигина, известного также под именем Людовико Риккьери (1469–1525), профессора риторики из Феррары³⁸. Родигин сообщал, что его проект начался в 1491 году с комментариев к античным пословицам. Однако появление «Пословиц» Эразма — сначала в виде небольшой книги в 1500-м, потом, с дополнениями, в виде тома формата in-folio, в 1508 году — побудило Родигина пересмотреть свой подход к материалу и перейти к составлению

³⁶ [Baillet 1685: II.2, 202] ссылается на [Turnèbe 1581]. Тюрнеб хотел назвать свое произведение «observationes», но его издатель выбрал заголовок «Adversaria» [Lewis 1998: 200–201].

³⁷ Среди современных работ об этом жанре см. [Châtelain 1997; de Courcelles 2003b; Mandosio 2003; Mouren 2001]. Литературы о комментариях в эпоху Возрождения очень много; некоторые общие вопросы изложены в [Céard 1981; Most 1999; Goulet-Cazé 2002].

³⁸ Моргоф называл Родигина учителем Скалигера, см. [Morhof 1732: I.1.21 разд. 50, 247]. Скалигер держался в стороне от этого жанра, хотя и не высказывался о нем неодобрительно: «Я составил множество заметок к произведениям как греческих, так и латинских авторов: на их основе можно было издавать “разнообразные чтения”, “чтения древних авторов”, “смеси” и другие собрания такого рода, публикация которых стала своего рода спортом для склонных к саморекламе филологов нашего времени. Не то чтобы я считал такого рода заметки бесполезными или упрекал их авторов. Это было бы глупо. Но я предпочитаю, чтобы такие вещи публиковал кто-то другой, а не я» [Scaliger 1927: 32] (перевод на английский по изданию [Scaliger 1628: 47]).

сводного комментария к античной литературе. Выбранное им название содержало отсылку к работе Цезеллия Виндекса, которую цитировал Авл Геллий; сам ее текст был утрачен еще до эпохи Возрождения [Marangoni 1997; Marchetti 1989: 23–32; Gellius 1946, I: xxviii–xxix (предисловие); II: 6–9 (кн. 6, глава 2)]. Ориентируясь на модель Авла Геллия, Родигин, как он поясняет, «свел в один корпус все, что собрал в процессе чтения», и «смешал удивительное многообразие возлияний в один напиток, подобно тому, как пчелы делают нектар из сока различных цветов» [Rhodiginus 1516: сигн. AA4r]. Обещанное в предисловии разнообразие было реализовано в форме объемного собрания коротких глав, каждая из которых посвящалась тем или иным античным выражениям и лежащим в их основе обычаям или реалиям. Главы либо вовсе не были связаны друг с другом, либо соотносились через ассоциации идей (например, после серии глав о запахах следовали главы о носе и обонянии) [Rhodiginus 1516: XIII, главы 18–27]. «*Lectiones*» Родигина впервые вышли в 1516 году (и снова в 1517 году) в виде тома in-folio объемом 860 страниц с указателем на 80 страницах, а затем были изданы в 1542 году в существенно дополненной редакции, подготовленной после смерти автора его племянником; в ней насчитывалось 1182 страницы и имелся куда более подробный указатель — на 260 страницах. Эта расширенная версия пережила еще семь переизданий без новых изменений, вплоть до 1666 года³⁹.

В первом издании Родигин хвастался наличием трех указателей: списка названий глав в порядке их появления в тексте (не является указателем по современным стандартам), перечня авторов, в тексты которых Родигин предлагал внести поправки, с постраничными ссылками на соответствующие книги и главы «*Lectiones*», и общий предметный указатель, имеющий заглавие «Список вещей, достойных внимания, о которых идет речь в этих *Чтениях*, составленный, чтобы каждый мог найти, не испытывая

³⁹ [Rhodiginus 1516] переиздан в 1517 году; [Rhodiginus 1542] переиздан в Базеле в 1550 и 1566 годах, в Лионе в 1560-м и 1562-м, в Франкфурте в 1599-м, в Женеве в 1620-м, в Франкфурте и Лейпциге в 1666 году.

неудобств, то, что ему нужно». В издания, выходившие после 1542 года, также был добавлен алфавитный указатель процитированных авторов, но без конкретных отсылок, в отличие от перечня авторов, в произведения которых Родигин предлагал внести поправки, где имелись точные указания на их упоминание в тексте [Rhodiginus 1516; Rhodiginus 1542: титульный лист]. Родигин высоко оценивал значение инструментов, облегчавших использование объемных произведений, и рекомендовал указатели как специалистам, стремившимся исправить античные тексты, так и читателям-непрофессионалам, желающим узнать мнения экспертов об античном наследии. Один такой читатель решил обратиться к работе Родигина, когда обнаружил упоминание некоего Тараксиппа — духа, который, по преданию, пугал лошадей во время античных гонок на колесницах. Читатель записал объяснение Родигина на полях книги, в которой он встретил это имя: вероятно, он нашел соответствующее место с помощью указателя⁴⁰. «*Lectiones*» Родигина охватывали более широкий круг вопросов и были более популярны (учитывая содержащийся в них объем информации), чем многие другие «разнообразные чтения», уступавшие им по объему и предназначавшиеся для более специализированной ученой аудитории, интересовавшейся конъектурами к античным текстам⁴¹.

Ноде включал в понятие «смесь» и другие справочные издания, составленные по случайному принципу, которые не назывались «чтениями». Использование случайного порядка впервые получило заметный прецедент в гуманистических кругах благодаря Анжело Полициано, который в 1489 году опубликовал свои филологические комментарии под названием «*Miscellanea*»

⁴⁰ См. примечания на полях, принадлежащие анонимному читателю [Bodin 1597: 407]: «*de quo vide Caelium I.13.C.17*» («см. об этом у Целия I. 13 глава 17»). См. подробнее [Rhodiginus 1542: XIII.17, 485; Blair 1997: 199].

⁴¹ Среди других «чтений» следует назвать: «*Variarum lectionum libri VIII*» Марка-Антуана Мюпе (Venezia: Jordanus Zilletus, 1559; формат in-quarto), девять раз переиздававшиеся до 1600 года, а затем в 1791, 1830, 1888 годах; «*Variarum lectionum XIII novi libri*» Пьера Веттори (формата in-folio), выходившие в 1553–1609 годах пять раз; см. также [Blair 2006].

(«Смесь»)⁴². «Cornusoriae» («Рог изобилия») Никколо Перотти (1430–1480), изданный племянником после его смерти в 1489 году, не использовал изначально случайное расположение материала: в нем предлагались филологические комментарии к двадцати восьми эпиграммам «Книги зрелищ» (*De spectaculis*) Марциала в порядке их появления в книге. Однако объем комментариев Перотти оставлял в тени комментируемый текст: «Cornusoriae» состоял из 389 страниц формата in-folio, из них 48 были посвящены 8 строкам первой эпиграммы. Одно только слово «ferant»⁴³, употребленное в шестом стихе, вызвало перечисление 700 примеров использования этого глагола в латинской литературе [Furno 1995: 133; Hankins 1993: 56–57]. «Рог изобилия» Перотти с самого первого издания содержал алфавитный указатель на 100 страниц (по 200 пунктов на странице), благодаря которому книгу можно было использовать в справочных целях, как эквивалент словаря, содержащий около 20 000 лемм. Конрад Гесснер в «Пандектах» (1548) отнес «Рог изобилия» и другие словари в раздел об «авторах, которые писали смеси», поясняя, что «большинство греческих и латинских словарей следуют порядку букв, но не порядку вещей (или не учитывают даже порядок букв, как “Рог изобилия” Перотти и “Комментарии к греческому языку” Бюде)» [Gesner 1548: 19r (раздел xiii, часть 1)]⁴⁴. То, что книга Перотти имела статус словаря, также очевидно из того, как часто материалы из нее заимствовались, без указания источника, в другие словари, в том числе Калепино, Робера Этьенна и Форчеллини (*Lexicon totius latinitatis*) — в XVIII веке [Furno 1995: 16]⁴⁵. Успех словаря Калепино и «Тезауруса латинского языка»

⁴² «Смесь» Полициано была переиздана в Париже в 1511-м, в Базеле в 1522-м и 1524-м г., а также публиковалась в изданиях «Орега» (собрания сочинений) Полициано. О влиянии Полициано см. [Grafton 1983: 22, 42–44; Mandosio 2001: 33, 41–43].

⁴³ Личная форма глагола *ferre* «нести». — *Примеч. науч. ред.*

⁴⁴ Гийом Бюде опубликовал свои «*Commentarii linguae Graecae*» в 1529 году.

⁴⁵ Сходные утверждения применительно к этому же периоду имеются у Моргофа [Morhof 1732: 1.4.9 разд. 9, 821–822]. Эразм использовал работу Перотти как справочный ресурс, см. [Charlet 1997: 603].

(*Thesaurus linguae latinae*, 1531) Робера Этьенна, которые появились за пять лет до последнего издания «Рога изобилия», также мог сыграть роль в вытеснении Перотти с книжного рынка после значительного успеха, который имели по меньшей мере двадцать четыре издания, вышедшие до 1536 года.

Отчетливые сходства комментария и словаря отмечались авторами обоих жанров: в предисловии к переизданию «Рога изобилия» Перотти издатель отметил превосходство этого сочинения над словарем Калепино, поскольку в первом слова одной группы рассматриваются вместе и не рассеиваются по тексту, как это происходит при использовании алфавитного порядка, например, в «Калепинах». И наоборот, в предисловиях к словарю Калепино или к «*Dictionarium*» Этьенна сами эти книги характеризуются как «своего рода комментарии», подобно тому как Гесснер назвал «универсальным комментарием» свой «*Ономастикон*» [Perotti 1532: Валентин Курион пытливому читателю]⁴⁶. Разница между словарем и комментарием была не в методах и не в целях, а в сфере охвата и принципах организации. В то время как авторы латинских словарей стремились включить в издания статьи практически о каждом слове, употреблявшемся в классической латыни, авторы несистематических комментариев, или «разнообразных чтений», не делали таких попыток, а, скорее, использовали жанр «смеси» для публикации комментариев к отдельным терминам и местам из текстов по собственному выбору, избегая слов, являющихся, по мнению автора, слишком сложными или слишком банальными. Формат «*Variae lectiones*» давал отличную возможность собрать краткие наблюдения или отдельные эмендации к коротким текстам или фрагментам, которые не могли претендовать на отдельное издание или комментарий [Mouren 2001: 17–19]. Перотти связал свои комментарии с текстом эпиграмм Марциала, но ушел от них довольно далеко:

⁴⁶ Робер Этьенн отзывался о своем «*Dictionarium*» (1536) как о «своего рода комментарии» (*hoc commentandi genus*), в то время как словарь Калепино в издании 1570 года упоминается как «разновидность комментария, которую мы называем словарем»: обсуждение этой темы см. в [Céard 1997: 90]; обсуждавшийся выше пассаж из сочинения Гесснера см. в [Gesner 1616: сигн. Aaa1v].

так же поступали и другие авторы несистематических комментариев, чувствуя себя вправе отвлекаться от темы и гордо сообщая о том, что освещение темы с неожиданной стороны доставляет куда большее удовольствие. В одной из таких работ среди инструментов поиска даже предлагался отдельный список отступлений, так как автор предполагал, что именно эти отрывки могут вызвать у читателей наибольший интерес⁴⁷.

Один из бестселлеров раннего Нового времени (с учетом размера книги и ее стоимости), переживший до 1696 года 163 издания, также может считаться «сводным комментарием», хотя одновременно он относится к жанру «собрания сентенций». Речь идет об «Адагиях» («Пословицах») Эразма, представлявших собой не только коллекцию высказываний и фразеологизмов (которых в нем насчитывается более чем 4300), собранных из литературных источников на латыни и греческом и расположенных в произвольном порядке, но также комментарии, содержащие самые разнообразные лингвистические и культурологические пояснения и ставшие знаменитыми отступления от толкований [Van der Naeghen 1972]. Огромный успех этого произведения во многом объясняется уникальными способностями Эразма, который был остроумным автором и превосходным латинским стилистом, и его исключительно высокой репутацией, однако и сам жанр, в котором написаны «Адагии», сколь бы странным это ни казалось нам сегодня, явно нравился современникам — напомним, что Родигин также собирался опубликовать похожее произведение. Выбор Эразмом произвольного порядка воспринимался как признак отказа от утилитарных целей в пользу эстетических и литературных. Хотя фактически Эразм оставлял возможность для утилитарного, справочного прочтения своей книги, снабдив ее тщательно проработанными указателями нескольких видов (позволяющими находить конкретные пословицы, общие места, а также «другие слова и вещи»), чтобы объемный том мог служить

⁴⁷ Список отступлений занимал полтора листа, был составлен без какого-либо порядка и потому должен был просматриваться целиком [Dolet 1536, II: вступительная часть].

также в качестве справочника [Balavoine 1984; Mandosio 2003: 22–23; Michelini Tocci 1989: 39–49].

Не все «смеси», ориентированные на справочное чтение, состояли из комментариев к античной литературе и культуре. Произвольный порядок был также характерен для создававшихся в эпоху Возрождения компиляций исторических, естественно-исторических и естественнонаучных материалов. Две из них, например, обыгрывали название сочинения Авла Геллия: «*Dies geniales*» («Праздничные дни») Алессандро Алессандри (1522) и «*Dies caniculares*» («Каникулярные дни»; названные так, поскольку в книгу были включены диалоги, состоявшиеся в разгар летней жары) итальянского епископа Симоне Майоли (1597). Майоли сообщал, что «собрал эти тексты практически из всех авторов, которые затрагивали данные темы, и соединил их, всячески стремясь к порядку, в единый труд». Книга получила форму диалога, проходящего через главы, посвященные отдельным темам и занимающие более 1 000 страниц формата in-folio. «*Dies geniales*» Алессандро Алессандри были разбиты на короткие главы, объединенные тематически, но не строго; их особенно часто издавали и цитировали⁴⁸. Оба произведения были снабжены пространными указателями.

Хотя многие «смеси» встречались оформлены как справочники, были среди них и такие (причем иногда весьма объемные), которые не предполагали возможности справочного чтения, поэтому указатели в них отсутствовали. Так, например, «Опыты» Монтеня, отнесенные во многих библиотечных и аукционных каталогах раннего Нового времени в категорию «разное», издавались без указателей примерно пятьдесят лет после первой публикации⁴⁹.

⁴⁸ Вслед за изданием «Каникулярных дней», вышедшем в Риме в 1597 году, последовали еще пять изданий на латыни (до 1691 года) и два в французском переводе — в 1612 и 1643 годах [Maioli 1614: предисловие, сигн.): (3v; Alexander ab Alexandra 1539]; в KVK можно обнаружить восемнадцать изданий «Праздничных дней» Алессандро д'Алессандро с 1522 по 1667 год.

⁴⁹ Указатели впервые появились в издании 1627 года (на французском языке) — см. [Sauce, Maskell 1983: 110] — и в 1632 на английском (как сообщается на титульном листе). О сочинении Монтеня как «oeuvre mêlée» см. [Garavini 2000].

ТЕТРАДИ ОБЩИХ МЕСТ

И Ноде, и Молинье выделяли «тетради общих мест» отдельным пунктом в перечнях жанров справочной литературы, подчеркивая тем самым их отличие от «сборников сентенций», что может показаться странным, учитывая тот факт, что материал флорилегиев чаще всего располагался под теми же рубриками. Таким образом, большинство флорилегиев можно считать тетрадами общих мест. Однако «общие места» использовались при организации материала, не ограничивающегося цитатами из авторитетных источников, в частности, наставлений или примеров. Так, произведения Филипа Меланхтона или Иоганна Генриха Альстеда, имевшие заглавие «Общие места богословия» («*Loci communes theologici*»), представляли собой смесь определений и поучений, цитат и примеров, а также философской аргументации, расположенных под рубриками достаточно широкого содержания, такими как «*de dei providentia*» («о божественном провидении»), расположенными систематически или по алфавиту⁵⁰.

Одной из первых напечатанных книг общих мест стала «*Officina*» («Мастерская») Иоганна Равизия Текстора (Johannes Ravisius Textor, 1520, in-quarto), содержавшая перечни разного рода примеров, не снабженных ни указателями, ни заголовками, которые, впрочем, были добавлены в более поздние издания. Одним из крупнейших и наиболее проработанных произведений в жанре «общих мест» был «Театр жизни человеческой» (*Theatrum vitae humanae*, 1565) Теодора Цвингера (1533–1588), профессора этики, позднее — риторики, а затем — теоретической медицины в Базельском университете. В новых изданиях, вышедших в 1571 и 1586 годах, Цвингер расширил и заново структурировал собранный материал, при этом объем произведения вырос с 1500 до 4500 книжных разворотов. В отличие от флорилегиев, «Театр» фокусировался на образцах человеческого поведения, взятых из античной, а также средневековой и даже современной

⁵⁰ [Alsted 1653: 38–41]; Melancthon. *Loci communes theologici*. Wittenberg, 1536 (см. [Rehermann 1974]).

истории, упорядоченных с помощью сложной иерархической системы рубрик. Заявленная цель сборника состояла в том, чтобы направлять читателя, рекомендуя, как вести себя в любой возможной ситуации, с помощью положительных и отрицательных примеров. Каждая статья состояла из короткого рассказа, служащего примером определенного типа человеческого поведения, от забывчивости до стойкости, а также всех пороков и добродетелей. В действительности в «Театре» было бессистемно собрано большое количество информации, имеющей весьма отдаленное отношение к этической аргументации, в том числе списки императоров, святых, пап, названия растений, растущих в тех или иных местностях, а также перечень из более чем двухсот разновидностей смерти⁵¹. Цитаты представляли собой преимущественно апофтегмы, служившие моралью к коротким историям из жизни (которые, например, должны были демонстрировать человеческую жестокость, или глупость, или остроумие). Цвингер представлял свой «Театр» как изображение всего многообразия человеческого опыта, опирающееся на его собственную амбициозную модель организации, которую он существенно пересматривал для каждого издания. Чтобы представить ее, Цвингер составил древовидную схему, достигшую невиданного уровня сложности, которая занимала десятки страниц, связанных друг с другом с помощью символов.

Хотя Цвингер нигде не признавал, что его система может показаться некоторым читателям едва ли более предпочтительной, чем беспорядочное расположение, он дополнил издания своего труда традиционными инструментами поиска. В первом издании имелись как оглавление с перечислением названий разделов в порядке их появления в тексте, так и алфавитный указатель тех же заголовков. Впрочем, Цвингеру и его издателю было известно, насколько ограничены возможности указателя, учитывающего только заголовки, а не само содержание разделов, поэтому в первом издании были принесены извинения за отсутствие более проработанного указателя; в частности, объяснялось, что такой указатель

⁵¹ См. [Moss 1996: 114–115] о Равизи Тексье; [Ong 1976] о Равизи и Цвингере.

невозможно было составить вовремя к Франкфуртской ярмарке, учитывая трудности, вызванные «очень серьезной эпидемией чумы» [Zwinger 1565: сигн. e[4]v (предисловие типографа)]. Второе издание Цвингер дополнил «указателем примеров» («index exemplorum»), содержащим в основном имена собственные, которые встречались практически в каждом примере или историческом анекдоте. В следующих двух изданиях (1586 и 1604 годов; последнее было подготовлено сыном Цвингера Якобом после смерти отца) к элементам паратекста были добавлены, соответственно, алфавитный указатель источников и алфавитный указатель «примечательных слов и вещей». В 1631 году «Театр» лег в основу нового объемного труда под названием «Великий театр жизни человеческой», составленного фламандским теологом Лаврентием Бейерлинком в 7 томах форматом в половину листа (общее количество страниц — 7400, более 10 млн слов), плюс восьмой том с указателями. Эта крупнейшая из всех энциклопедических компиляций, созданных до XVIII века, включала в себя длинные статьи (некоторые достигали объема в 100 разворотов), помещенные под тематическими рубриками, расположенными в алфавитном порядке. Однако внутри каждой рубрики сохранялась значительная часть иерархии подразделов, разработанной Цвингером. Помимо сложного перечня рубрик в порядке их следования в тексте, в издании имелся объемный алфавитный указатель, объединявший имена собственные с «примечательными словами и вещами», который обеспечивал доступ к тексту компиляции, лишь отчасти обладающей способностью к самоиндексации.

Поисковые инструменты раннего Нового времени

В жанрах справочной литературы, перечисленных Ноде, обычно присутствовало множество элементов паратекста (до или после основного текста), целью которых было помочь читателю оценить достоинства и возможности использования каждой книги [Genette 1997; von Ammon, Vögel 2008]. Применявшиеся инструменты часто следовали средневековым моделям, но были

масштабнее, многочисленнее, сложнее и, как правило, проще в использовании, чем их предшественники, представленные в рукописях. Издатели и авторы вкладывали значительные творческие и финансовые ресурсы в подготовку этих инструментов: они должны были не только привлекать читателей, но и, как можно судить по сопровождающим их аннотациям, разъяснять принципы справочного чтения.

ПЕРЕЧЕНЬ ИСТОЧНИКОВ (*CATALOGUS AUCTORUM*)

Старейшей разновидностью паратекстов, которыми снабжались компиляции, были, вероятно, перечни источников. Они существовали в Античности и были унаследованы в Средние века, особенно в различных жанрах юридической литературы. Юстиниан распорядился в VI веке, чтобы в «Дигесты» (*Digesta*) был включен список авторов, работы которых цитировались в тексте, чтобы таким образом легитимировать составленную из них компиляцию. В средневековых рукописях «Дигестов» обычно присутствовал перечень, состоящий из тридцати восьми авторов с названиями их произведений [Skydsgaard 1968: 101–116; Roby 2000: xxiv]. Начиная с XII века источники часто указывали на полях манускриптов, однако Винсент из Бове предпочитал цитировать их непосредственно в тексте, чтобы более поздние переписчики не пропустили эти сведения [Rouse, Rouse 1986: 148; Vincent of Beauvais 1964: стлб. 3 (пролог, 3)]. Выделив наименования источников, потом было легко собрать их в список. Рукописи словаря «Католикон» в XIV веке снабжались списками авторов и некоторых из процитированных произведений. Такие перечни должны были удостоверить ценность приведенных отрывков и побуждать читателей обращаться к оригинальным источникам. Именно последняя цель подчеркивалась в предисловии к «*Manipulus florum*», которое заканчивается перечнем из двадцати четырех авторов и 376 принадлежащих им произведений. Необычным было то, что этот список распространялся также отдельно от флорилегия, в качестве базовой библиографии авторитетных источников [Rouse 1965; Powitz 1996: 311].

Печатная «Полиантея» вслед за своим средневековым источником включала алфавитный перечень процитированных авторов, но без названий их произведений. Как и во многих перечнях авторов раннего Нового времени, некоторые из имен трудно идентифицировать: эти списки не давали точные отсылки, по которым произведения тех или иных авторов можно было найти в библиотеке, — они предназначались для того, чтобы произвести впечатление и вызвать уважение к сочинению, собранному из такого количества разных авторитетных источников. Бывало так, что составители цитировали некоторые из них не по оригинальному тексту, а по цитатам в других произведениях, о которых они не упоминали. В «Полиантее» 1539 года и нескольких последующих изданиях перечень источников отсутствовал. Это изменение совпало с быстрым ростом объема «Полиантеи», но могло свидетельствовать также и о том, что репутация произведения достаточно укрепилась, чтобы можно было обойтись без отсылок к авторитетным источникам. Возможно, на решение о том, включать ли в очередное издание перечень источников, влияли также практические соображения, такие как наличие неиспользованных страниц в тетради. После серьезного редактирования в «Полиантее» 1604 года список источников был восстановлен. Теперь он включал в себя 630 авторов.

Наиболее распространенной формой перечня источников была именно та, которая использовалась в «Полиантее», — алфавитный указатель имен авторов, не содержащий отсылок ни к названиям использованных работ, ни к местам в книге, где они упоминаются. Эти перечни вводились не в качестве поисковых устройств, но для рекламы качества издания. Сознвая возможность злоупотреблений при составлении таких списков, Теодор Цвингер написал обоснования к «*catalogus auctorum*» для изданий 1571 и 1586 годов:

Ссылаться на имена авторов, произведений которых вы в глаза не видели, — не более чем пустое хвастовство. Получается, что вам не стыдно узнавать то, о чем они писали, из более поздних источников, но стыдно в этом признаться.

Честно поступает тот, кто хранит с благодарностью память о том, что оказалось для него полезным. Поэтому мы составили только краткий список авторов, на труды которых мы добросовестно ссылаемся в этом издании «Театра», чтобы удовлетворять принципам составления указателя, при этом не желая казаться первыми, кто отказался от практики, которую используют все [Zwinger 1586: сигн. YYyYY[7]r].

Цвингер хотел дистанцироваться от тех, кто скрывает источники, которыми в действительности пользуется, и предпочитает упоминать античных авторов, даже тех, к произведениям которых у него не было доступа. Неясно, что имел в виду Цвингер под «принципами составления указателя», — в его сохранившихся записях практически каждая цитата связывается с определенным источником. Судя по всему, он полагал, что от такой объемной компиляции, как «Театр», ожидают наличия обширного указателя имен авторов.

Иногда перечень источников отличался по форме от стандартного алфавитного указателя, и с его помощью решались дополнительные задачи. Примером этого могут служить два издания «Адагий». С одной стороны, сокращенное издание формата in octavo 1530 года содержало каталог основных процитированных авторов с разделением на категории: историки, поэты, ораторы и т. п. [Erasmus 1530]. Перечень с такой разбивкой должен был помочь наименее обеспеченным и наименее образованным читателям — аудитории малоформатного издания — получить представление о цитируемых античных источниках. С другой стороны, для образованных читателей в 1551 году вышло новое издание «Адагий», в которое типографом Фробеном был включен необычный для того времени указатель, упоминающий всех авторов, которые «толкуются или исправляются» в данном издании, с отсылкой к конкретным страницам текста. Этот новый, «четвертый» указатель, о добавлении которого гордо сообщалось на титульном листе, в отличие от прежних перечней источников, был настоящим поисковым инструментом [Erasmus 1551: сигн. hh2r–5v]. Указатель оказался настолько специфическим, что был

напечатан вновь еще только один раз — Фробеном в 1559 году, и (насколько мне известно) больше не издавался, хотя основная часть работы по его составлению уже была доступна другим издателям для копирования. Менее академичные по сравнению с Фробеном типографы, очевидно, не хотели вкладывать время и деньги в приспособление уже существующего указателя к своим собственным изданиям. Только произведения в жанре «античных чтений» (*lectiones antiquae*) регулярно снабжались указателем процитированных авторов с номерами страниц, но в перечни эти включали только тех античных авторов, к работам которых гуманисты предлагали поправки. Достижения в этой области были для гуманистов предметом особой гордости. Например, в издании «*Lectiones*» Родигина 1542 года, напечатанном Фробеном, такой указатель авторов, снабженный номерами страниц, напечатан наряду с классическим алфавитным указателем авторов, чьи произведения использовал Родигин, в котором нет конкретных отсылок [Rhodiginus 1542]⁵².

В большинстве разновидностей компиляций перечень авторов без указания страниц использовался для того, чтобы продемонстрировать читателю масштаб и авторитетность издания. Однако от этого обыкновения в результате отказались. Возможно, потому, что такие списки становились всё более длинными, ведь теперь в них надо было включать не только античные, но и современные источники, авторы которых могли оскорбиться, если их имена окажутся пропущены. В работе Альстеда 1630 года издания имелся перечень процитированных авторов, но у Бейерлинка в 1631 году такого списка уже не было, как и у других известных компиляторов XVIII века, таких как Чеймберс, Цедлер и Дидро. Алфавитные указатели авторов вновь появились в современной справочной литературе, но теперь они использовались с иной целью — в них перечислялись сокращения имен авторов статей (например, в «*Encyclopedia Britannica*») или авторов, из работ которых цитируются примеры (в «*Oxford English Dictionary*»).

⁵² Особенно длинный перечень авторов (семнадцать страниц), к которым предложены эмэндации, приведен в издании Тюрнеба 1581 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ («ELENCHUS» ИЛИ «SERIES TITULORUM»)

Помимо списков авторов, в компиляциях раннего Нового времени часто приводились перечни заголовков в порядке их появления в книге. Такие перечни часто называли указателями, хотя они не являются таковыми по современным стандартам, и я не буду их так называть. Отнесение оглавлений к числу указателей часто приводит к несоответствиям между количеством указателей, упомянутых на титульной странице, и тем количеством, которое обнаруживает в издании современный читатель. В таких перечнях-оглавлениях часто указывались номера страниц для каждого заглавия. Если в печатном издании таких отсылок не было, читатель мог сам внести их от руки⁵³. Однако даже без номеров страниц такие перечни рубрик представляли собой ценный инструмент, позволяющий быстро составить представление о всех темах, представленных в сборнике: благодаря этому у читателя появлялась возможность выбрать наиболее подходящие рубрики, которые интересуют его в конкретном томе. Учитывая многообразие возможных терминов, под которыми располагался текстовый материал, можно сказать, что перечни рубрик позволяли читателям ознакомиться с содержанием справочника: по той же причине составителям заметок предписывалось регулярно перечитывать список рубрик в своей тетради общих мест.

Существует мнение, что оглавления редко присутствовали в античных и средневековых книгах, и все же их можно увидеть в некоторых ранних компиляциях, таких как «Естественная история» Плиния и «Этимологии» Исихора. Оглавления присутствуют и в крупнейших произведениях XII века — «Декрете» Грациана и «Сентенциях» Петра Ломбардского, — а к 1250 году их наличие стало стандартом, особенно в рукописях, произведенных в мастерских. «Зерцало великое» Винсента из Бове начинается с перечня рубрик, которые затем появляются в тексте в виде

⁵³ В «Stobaei collectiones» (Венеция, 1536) BL 653.3.7 читатель от руки добавил в перечень рубрик номера страниц.

заголовков различных разделов [Minnis 1979: 394]. Такая техника уведомления о содержании книги на пороге XIII века обосновывалась одним из компиляторов, Годфри из Витербо, тем, что она «ведет в желанную пристань читателей, бороздящих моря» объемных произведений (цит. по: [Melville 1980: 95]). В XIII веке списки глав часто добавлялись к более ранним манускриптам, в которых их изначально не было [Rouse, Rouse 1979: 29].

Доменико Нани Мирабелли, таким образом, следовал за своими средневековыми предшественниками, включив в первое издание своей «Полиантеи» перечень рубрик без номеров страниц. Однако в перечне Нани указывалось (с помощью одной или двух «звездочек»), требует ли та или иная рубрика длительного или краткого изучения и содержит ли она древовидную схему (такие разделы обозначались «cum arbore»). В перечень рубрик включались также некоторые термины, не требовавшие изучения сами по себе, либо потому, что они появлялись в соседних статьях (например, «Abominor» в статье «Abominatio»), либо из-за наличия перекрестных ссылок на другие подходящие рубрики (например, «Absolvere»: см. «Perfectio»). Во втором и многих последующих переизданиях в перечень были включены номера страниц, при этом в некоторых изданиях XVI века перечень рубрик был удален и заменен шестистраничным разделом под названием «определения», в котором приводились во взаимосвязи термины, относящиеся к порокам и добродетелям (многие из которых присутствовали в названиях рубрик)⁵⁴. В изданиях, вышедших после редакции 1604 года, перечень рубрик был расширен до примерно 840 терминов.

Эразм Роттердамский самостоятельно составил указатель общих мест для «Адагий», материал в которых был намеренно расположен в случайном порядке. В этом указателе он перечислил пословицы (снабдив их номерами страниц), отнеся их к 257 раз-

⁵⁴ Перечни рубрик были удалены, например, из изданий 1539, 1546, 1567, 1574 годов. В издание Холина 1567 года был добавлен раздел о пороках и добродетелях, который сохранялся до издания, вышедшего в Сен-Жерве в 1604 году, но был удален из изданий, следовавших после пересмотренной версии Ланге 1604 года.

личным темам. Он, разумеется, стал важным инструментом поиска для читателей, которые собирались перекопать сборник Эразма, состоящий из более чем 4300 крылатых выражений, в поисках пословиц, посвященных интересующей их теме. Однако в первой версии сами названия рубрик оказались расположены в случайном порядке. Их можно было просматривать подряд, но нельзя было использовать для справок. Один читатель, отчаявшись, добавил в принадлежавший ему экземпляр собственноручно написанный алфавитный перечень рубрик, который снабдил чем-то вроде перекрестных ссылок (присвоив номер каждой из них) к составленному в случайной последовательности печатному перечню. В следующем издании (1515 года) издатель фактически дополнил имевшийся список алфавитным указателем, но форма отсылок в нем была несовершенной, так как отсылала читателей к пронумерованным столбцам, в которых были набраны соответствующие заголовки из первого указателя⁵⁵.

Теодор Цвингер представил в 1565 году более удобный вариант рубрикатора, снабдив более поздние издания своих произведений отступами, имевшими до трех различных уровней, что позволило выделить подразделы, на которые разбивались выделенные им систематические рубрики. Такие «series» или «catalogus titulorum» в сочетании с номерами страниц оказались долговечным способом обеспечения доступа к тексту, который был закреплен Бейерлинком в его «Великом театре». Хотя Бейерлинк и заменил систематическое расположение Цвингера алфавитной последовательностью, он сохранил внутри рубрик подразделы, которые часто восходили к Цвингеру, и каждая из книг его «Великого театра» начиналась с подробного описания рубрик, начинавшихся с соответствующих букв алфавита, а также их подразделов, вплоть до пятого уровня. Появившийся в результате «elenchus», или «index titulorum», оказался достаточно длинным, но позволял легко получить представление о структуре статей, некоторые из которых занимали до 100 разворотов. Как в систематическом указателе Цвингера, так

⁵⁵ Ср. [Erasmus 1508], экземпляр из Библиотеки Хоутон, и [Erasmus 1515]. Илл. с рукописными дополнениями см. в [Blair 2008a].

и в алфавитном указателе Бейерлинка использование отступов обеспечивало эффективный обзор подразделов каждой рубрики. Их можно сравнить со списками в «Microsoft PowerPoint», но без маркеров. С добавлением к тексту этих «elenchi» отсылок на страницы они стали служить одновременно поисковыми устройствами и представлением структуры книги⁵⁶.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЗАГОЛОВКОВ

Перечень заголовков в порядке их упоминания в тексте сам по себе выступал алфавитным рубрикаторм в тех книгах, материал которых был расположен в алфавитном порядке, какими были, например, «Полиантея» или «Великий театр». Но если рубрики располагались в систематической последовательности, дополнительный алфавитный список рубрик создавал полезную альтернативу просмотру систематического перечня с начала до конца, чтобы найти те пункты, которые наилучшим образом отвечали интересам читателя. Винсент из Бове, возможно, был первым, кто предложил алфавитный перечень рубрик, снабдив им первые восемь томов своего «Зерцала исторического»⁵⁷. Такого рода указатель было очень просто составить, поскольку для этого достаточно было перекомпоновать материал, уже присутствовавший в перечне рубрик. (Так был составлен указатель, подготовленный для первого издания «Театра» в условиях эпидемии чумы и нехватки времени.) Тем не менее, как и при любом другом способе расположения заголовков, недостатком такого указателя было отсутствие какого-либо систематизированного набора терминов, с помощью которых можно было бы описать различные понятия и темы. Одно из преимуществ латыни как языка науки состояло в том, что латынь, как считалось, предлагала более

⁵⁶ Ср. «elenchus titulorum» в [Zwinger 1565, 1586] и [Beyerlinck 1666]. Цвингер также применил иерархические отступы в тексте предисловия к изданию 1586 года.

⁵⁷ В указателе в разных рукописях перечислены от 260 до 450 статей, см. [von den Brincken 1972: 903].

стабильный и понятный набор категориальных терминов, чем любой народный язык. Тем не менее даже на латыни потенциальных названий рубрик (*tituli*) было очень много, и к их числу относились не только термины классической латыни, но и те, которые возникли внутри средневековой христианской теологии и более поздней педагогической практики, у которых не было точных классических соответствий.

Цвингеру было хорошо известно, что одни и те же или сходные понятия и предметы могут обозначаться разными заголовками. В предисловии к своему алфавитному указателю рубрик Цвингер предупреждает читателей, что не следует ожидать, что в перечень будут включены все синонимические заглавия:

Если вы не нашли каких-то вещей под одним заголовком, поищите их под другим, имеющим синонимическое значение. Так слава и доброе имя, богатство и достаток, управление и правитель, мошенничество и фальсификация, хитрость и смекалка... хотя и следуют в реальной жизни рука об руку, различаются с точки зрения терминологии, так что часто некоторые вещи ускользают от внимания исследователя, если он не ищет их в синонимичных рубриках. Мы не стремились к скрупулезности при выделении подразделов, чтобы наше трудолюбие не способствовало небрежности других или, скорее, их бездействию. Среди вас будут те, кто станет жаловаться на множество лишних вещей и разные недостатки. И я не отрицаю, что они имеются. Но, хоть мы и считаем, что ничто человеческое нашему проекту не чуждо, хотим честно признаться: таким читателям, в свою очередь, следует помнить, что и они — люди, и проявлять как самообладание, с которым должно прощать других, так и смекалку, необходимую для обретения знаний [Zwinger 1586: сигн. AAaAAr].

Цвингер пытался таким образом предвосхитить критику со стороны тех, кто, как несколькими десятилетиями ранее Дрексель, мог пожаловаться на то, что не смог найти в указателе нужную информацию, несмотря на наличие там множества других, бесполезных сведений [Drexel 1638: 73]. Извиняясь за

Amor hominum erga bruta	1126	Odium dominorum	1137
Amor feruorum erga dominos	1126	Odium feruorum	1137
Amor brutorum erga homines	1127	Odium uitiorum, ethicum	1137
		Odium erga hostes	1137
LIBRI XVII. TITVLORVM SERIES.			
DE BONIS ATQVE MALIS CORPORIS.			
Indoles bonorum corporis	1146	Forma fetus non naturalis, que tamen actiones naturales non semper	
Inuentiones quæ rursus corporis bonorum	1146	impediat. Partus non naturalis	1149
Edacatio & institutio liberorum, in iis que ad corporis bona perti-		Fetus iam editi mores & gestus	1149
nent	1147	Partus numerosi, gemini & trigemini	1149
Studium in conferendis aut exercendis bonis corporis	1147	Infantum cura statim à partu	1150
Imitatio studij in corpore exercendo	1147	Pueri expostitij	1150
Viri qui conceperunt, & pepererunt	1148	Partus suuiri præfagia, oracula, somnia	1151
Virgines que conceperunt	1148	Ceremonie post editum infantem celebrari solite	1151
Virgines que conceperunt	1148	Corporis sanitas inculpata	1151
Partus editus, mortis matris	1148	Sanitas cum re aliqua non naturali, que actionem tamen non ledat:	
Partus immaturus	1148	uerbi gratia, figura aut numerus partium immutatus	1152
Partus maturus	1148	Sexus immutatus	1152
Partus serotinus & tardus	1148	Calui	1152
Partus difficilis & cum dolore	1148	Febribus obnoxij	1152
Partus sine dolore	1148	Maniaci, insani, Furiosi, Deliri, Melancholici	1152
Concipitus simulatus	1148	Demoniaci, Obfessi	1152
A' dijs facti, siue demonibus, Deorum filij	1148	Obliviosi	1154
Pueri qui genuerunt	1149	Vigilie nimie	1145
Senes qui genuerunt	1149	Somnus præter naturam Leibargus, Caros, Coma	1154
Forma fetus naturalis, que tamen diuini quid & miraculose iondum		Cæci, & ex cæcæ	1155
babet	1149	Monoculi, Coclees	1157
Forma & figura fetus monstruosa, & præter naturam. Partus præter		Sirabones & Lusci	1157
naturam	1149	Lippi	1157
			Suzda

Рис. 3.1. Из «series titlulorum», или перечня заголовков, в порядке их упоминания в «Театре жизни человеческой» Теодора Цвингера (Базель, 1565). В этот раздел на с. 1154 включена рубрика «Obliviosi» («Страдающие забывчивостью»). Воспроизведено с разрешения Библиотеки Хоутон Гарвардского университета, *2000–512F

недостатки указателя, Цвингер умудрился даже превратить их в достоинства: читателю следовало не лениться, но проявлять прилежность и сообразительность, чтобы эффективно использовать указатель, включая в поиск синонимы и другие термины, связанные с искомым, если первая попытка поиска оказалась безуспешной.

Цвингер дает дополнительные четкие инструкции для читателя по поводу того, как использовать одновременно два поисковых инструмента — series titlulorum и алфавитный указатель рубрик.

Повторим здесь то, что мы уже говорили в начале: в этом указателе мы не отражали в точности все мелкие подразделы. Тем не менее, если кому-то потребуется конкретная

специальная рубрика, то, чтобы не быть вынужденным изучать всю массу материала, ему следует ознакомиться с перечнем заголовков [в порядке упоминания в тексте], используя в качестве ориентира номера [страниц]. Например, если читателя интересуют *medici legati* («врачи-посланники»), и он обнаружил, что они не упоминаются в рубрике *medici* («врачи»), то пусть обратится к разделу «посланники», и там он найдет то, что ищет [Zwinger 1586: сигн. CCCCC[6v] (конец перечня заголовков)].

Впрочем, хотя Цвингер дает понять, что ему известно о проблемах, которые могут решить перекрестные ссылки, он не приводит такие ссылки ни в одном из указателей, они появлялись только в начале разделов текста. То же можно сказать и о поздних изданиях «Полиантеи», в которых перекрестные ссылки приводились в конце некоторых рубрик, но не в перечне рубрик (например, в конце статьи «Невменяемость»: «см. подробнее ниже в статьях “Безумие” и “Идиотизм”»). Нани Мирабелли не использовал перекрестные ссылки в изданиях 1503 и 1514 годов, хотя у Фомы Ирландского и в других средневековых источниках они присутствовали⁵⁸.

АЛФАВИТНЫЕ УКАЗАТЕЛИ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

В 1571 году Цвингер впервые включил в книгу *index exemplorum* («указатель примеров»), состоявший из имен лиц (а в некоторых случаях — географических названий и этнонимов), которые встречались в приведенных примерах. Таким образом, в указателе были учтены не темы или моральные наставления, но сами люди, чье поведение или чья судьба служили уроком читателю. Впрочем, в указатель включались иногда случайным образом и тематические статьи, как, например, «Память (*Memoria*), использование», расположенная между «Мемнон (*Memnon*), чудес-

⁵⁸ «*Amentia*» содержала отсылки на «*insipientia*» и «*stultitia*» [Polyanthea 1585: 56]. О перекрестных ссылках у Фомы Ирландского см. [Moss 1996: 41], в сборниках примеров XIV века — [Bremond et al. 1982: 61–62].

ELENCHVS TITVLORVM ET ARGV- MENTORVM QVÆ HOC LIBRO Decimotertio, siue Littera. O. continentur.		
O BEDIENTIA quid & vnde dicta? Eius obiecti species variz, praestantia ibid. Necessitas, fructus 1. Copditiones siue proprietates & gradus 3. Obediencie perfectae exempla biblica & historica ibid. Vtilitatum exempla s. Praemia ex S. Scriptura & historia 9. O bedientiae verae conditiones. Nempe vt sit Fortis Cæca & stabilis Prompta Humilis Perseuerans O bedientia Mortuorum ibid. Belluarum & rerum inanimatarum. Puta Leonis 8. Lupi Scorpionum Rauarum Solis Fluuiorum De obedientia apophthegmata Ethicorum & Christianorum 9. & 10. Inobedientia quid, eiusque granitas 10 Inobedientia mandatorum Dei varie punita ibid. O BLIVIS quid, eorumque forma, inuentor 11. Vbi & qua de causa inueniuntur ibid. Eorum inscriptiones 12 O BESVS OBESITAS. Vide <i>Pinguis</i> . Item <i>Affidus corporis</i> Obesitatis perna Vide <i>Perna</i> O BLATIO quid & vnde dicta? 11 Oblationes in specie variz in veteri testamento Vtputa Primogenitorum Primitiarum Ornamentorum, auri, byssi Oblatio supplicium 13 Oblatio etiam rerum minimarum Deo gratia ibid. Oblationum obligatio quæ & qualis? ibid.	O blatio & acceptio. Item Recusatio munerum ex facta scriptura 13. Vide <i>Munera</i> O BIGATION quid, eiusque diuisio 14. Requiritur vt teneat ibid. Obligaciones Theologice & politici familiares ibid. Obligaciones legitimæ vnde apud Iurice, oriantur? 15 Obligatio voti quibus modis soluitur. Item Iuramenti 16 O BLIVIO quid & vnde dicta? De ea apophthegmata ibid. Oblivio considerata Respectu subiecti. Puta Litterarum Nominum Mandati Scientiarum omnium Rerum gestarum Dictorum Respectu causæ. Vt pote causata ex Senio Ictu Calia Vino Veneno Morbo Litteris 17 Oblivio nulla ibid. O BMVTESCENCIA quid & vnde dicta? ibid. Obmutescentes Qui? Doctores Oratores, Legati Musici Historiones Propter quid? Ex Pudore Indignatione, ira. 18 Mortore O BSCENITAS quid & vnde dicta? 18 Obscenitas verborum fugienda. Eius effectus	& perna ibid. Obscenia dicta declinare Vide <i>Popularitas</i> Obscenia usurpare Vide <i>Improbitas</i> O BSCVR o loco natia ad alta promoti Vide <i>Honor</i> . Obsequium Vide <i>Amicitia</i> Obsequia praestare effecundo Forum 19 Nuptias Mortem, cædem Equum O BSEVANTIA quid & vnde dicta? Eius gradus & diuisio. Erga quos sit exhibenda. ibid. O BSEVATIO, obseruare quid? 19 Obseruare aliqua, nulla Obseruatio vana, superficialia. Vide <i>Superficialis</i> , <i>Astologia</i> . O BSESSIO siue OBSESSIO quid & vnde dicta? 20 Obfessio Subditis Hostibus ibid. Ad obfessionem oportune & feliciter faciendam requisita ibid. Ad eandem sustinendam & peragendam oportuna 21. Puta Ad tutelam obfessorum de Exercitanda cura factorum 24 Emittendo & recipiendo nuntio Introducendis auxiliis & commestitutibus suggerendis. Disimulanda inopia, defectu Eruptionibus Obfessorum constantia 25 Fallentis 25, qui obfidentur O BSONIVM, OBSONATORES qui, quid & vnde dicta? ibid. O BSTETRICES, OBSTETRICATIO quid & vnde dicta? ibid. Obstericandi & obstericam vsus antiquus, officia ibid. O BSTINATIO quid eiusque etymon, variz species, & exempla biblica & historica 26 11 4 Indi-

Рис. 3.2. Из перечня рубрик к «Великому театру человеческой жизни» Лаврентия Бейерлинка (Кёльн, 1631), где имеется до пяти уровней отступов, демонстрирующих иерархию подразделов внутри одной статьи. Статьи расположены по алфавиту, однако в оглавлении отдельных статей использованы многие из систематических подразделов, присутствовавших в «Театре» Цвингера, у которого Бейерлинка активно заимствовал материал. В фрагменте текста, представленном на иллюстрации, имеется рубрика «Забывчивость» («Oblivio»), которая подразделяется на следующие пункты: определение и этимология термина, афоризмы, то, к чему может относиться забывчивость (буквы, имена и т. п.), причины забывчивости (в том числе старость, удар, падение и т. п.). Воспроизведено с разрешения Библиотеки Уиденер, Библиотека Гарвардского колледжа, СУС 25

ная статуя» и «Мемфис (Memphis), бездарный актер» [Zwinger 1586: index exemplorum, сигн. QQqQQ3v]. При первом вхождении имя писалось с заглавной буквы, при последующих упоминаниях — со строчной. Некоторые статьи об одних и тех же лицах были сгруппированы вместе, в то время как другие — нет, и причины этого были не очевидны, однако рядом с каждым именем был указан номер страницы. Во вступлении к указателю и здесь упоминались трудности, которыми сопровождается «поддержание постоянного порядка среди такого многообразия вещей и имен». С одной стороны, Цвингер жаловался на то, что алфавитный порядок не учитывает хронологию: «Если бы все эти вещи располагались по алфавиту, то те, которые произошли в более ранние времена, попали бы в середину или в конец списка, в порядке следования букв». С другой стороны, Цвингер пришел к выводу, что это решение было наиболее практичным: «Разумеется, здесь лучше подойдет использование алфавитного порядка при грамматическом устройстве» [Zwinger 1586: сигн. DDdDD1r (отсылка к index exemplorum)].

Цвингер также занимался проблемой «разнообразия имен собственных у разных авторов, повышающего сложность [работы с ними]». Люди были известны по их родовым именам, личным именам, прозвищам и другим прибавлениям к именам (*nomen*, *praenomen*, *cognomen*, *agnomen*). Для многих имен существовали также альтернативные варианты написания и разные версии (Цвингер проиллюстрировал это рядом примеров). «Поэтому *exempla* часто попадают в перечень под разными буквами. Тем не менее, во избежание повторов, мы предпочитали помещать их в один пункт, оставив в других местах лишь примечания с указанием на источник» [Zwinger 1586: сигн. DDdDD1r]. Цвингер заявлял о пользе перекрестных ссылок, хотя чаще всего названная проблема решалась без их использования, путем включения в указатель различных написаний или вариантов имени (личного имени, фамилии или прозвища), в каждом случае — со ссылкой на страницу. Многообразие имен стало причиной того, что многие «самоиндексируемые», то есть выстроенные по алфавиту книги, стали нуждаться в дополнительном указателе, перечис-

ляющем различные формы имен. Например, в 1555 году в «Appendix» («Приложении»), дополнявшем «Библиотеку» Гесснера, в таблице имен, отсортированной по фамилиям, были приведены личные имена, под которыми соответствующие персоналии упоминались в тексте справочника; это было сделано, чтобы помочь читателям, «которые не знали или не помнили [эти имена]» (записи имели форму вроде «Лютер, см. Мартин») [Simler 1555: сигн. *3v-[*8]v]. С учетом еще большего разнообразия имен в народных языках, в указателе к «Французской библиотеке» (1584) Лакруа дю Мэна были даны отдельные записи для разных вариантов написания, а иногда и отдельные записи для личных имен и фамилий (например, de Crenne Elisenne и Helisenne de Crenne, Seve и Sceve Maurice). Таким образом, читателей отсылали к правильной странице без использования перекрестных ссылок. При этом в указателе к «Magnum theatrum» (1631) персоналии по-прежнему располагались в основном по личным именам с перекрестными ссылками на фамилии (впрочем, этот принцип соблюдался непоследовательно), однако к концу XVII века в биографических словарях стали отдавать предпочтение фамилиям [La Croix du Maine 1584: сигн. oiiijv]⁵⁹. Несмотря на неопределенность, связанную с некоторыми именами, я полагаю, что указатели имен собственных представляли собой наиболее эффективные поисковые инструменты: это, несомненно, объясняется отчасти тем, что они пережили рубеж столетий с куда меньшими изменениями, чем понятийные категории.

ОБЩИЕ АЛФАВИТНЫЕ УКАЗАТЕЛИ

Для наиболее основательно проиндексированных книг составлялся также общий указатель «памятных слов и вещей», содержащихся в различных статьях и не включенных в рубрикатор или указатель имен собственных. В случае с «Театром» Цвингера

⁵⁹ У Бейерлинка: «Huss: см. Jan Hus» или «Zwingli: см. Huldrych Zwingli». Однако под именем «Julius Caesar Scaliger» дана отсылка «см. Scaliger», но такой статьи в книге нет [Beyrerlinck 1666, 8].

этот указатель стал единственным дополнением к посмертному изданию, подготовленному сыном Цвингера Якобом (1604). К «Адагиям» Эразма Роттердамского общий указатель был добавлен в издании Фробена в 1550 году. Им дополнили указатели, использовавшиеся с 1508 года, в число которых входил алфавитный перечень пословиц (по первому слову), а также список заголовков — общих мест (сначала без алфавитного указателя рубрик, затем — с ним). Чуть позже — в 1551 году — был добавлен «четвертый указатель» процитированных авторов. «Третий указатель» представлял собой перечень «вещей, достойных упоминания, но не вошедших в первый указатель»:

Любезный читатель, здесь упомянуто все, о чем написано в этой книге и что не было названо в первом указателе, причем [здесь это собрано] в таком количестве, что ты будешь жаловаться скорее на избыток материала, чем на отсутствие чего-либо. Пропущено же только то, что уже есть в первом указателе [Erasmus 1550].

Итак, «Театр» Цвингера и «Адагии» Эразма были снабжены четырьмя отдельными указателями, которые должны были дополнять, но не повторять друг друга. В результате для полноценного применения поисковых инструментов в справочных изданиях раннего Нового времени необходимо было обращаться к ним по нескольку раз — используя разные ключевые слова, осуществляя поиск в разных указателях и даже указателях к указателям.

Многие из компиляторов признавали существование значительных трудностей, с которыми можно было столкнуться при использовании указателей в справочных целях. Конрад Гесснер, например, поощрявший составление указателей и высоко ценивший немецкие издания за то, что указатели в них присутствовали чаще, чем у остальных, отмечал, что «часто бывает тягостно все время обращаться к указателю, чтобы что-то найти». Гесснер обосновывал алфавитный порядок расположения статей в своих естественных историях тем, что они таким образом содержат внутренний указатель и благодаря этому становятся проще

в использовании, особенно для неопытных читателей, которые составляли большинство [Gesner 1548: 19v (разд. xiii, ч. 2); Gesner 1551b: первое предисловие «ad candidum lectorem», сигн. b1v]. При этом каждая из естественных историй Гесснера была снабжена несколькими указателями, подразделяющимися по видам животных (например, рыбы, птицы, рептилии) и по языкам (некоторые из которых требовали особых шрифтов), включая латинский, греческий, древнееврейский и многие народные языки. Аналогичным образом «Орнитология» Альдрованди была снабжена семнадцатью различными указателями [Pinon 2003: 66]. Наличие множества указателей не было уникальным для естественной истории с ее ареальным и номенклатурным многообразием. В 1569 году в плантеновском издании сочинения Фомы Аквинского «*Secunda secundae*» (наиболее читаемой части «Суммы теологии», из-за ее практической применимости к вопросам морали) имелось семь указателей, в том числе указатель общих мест, библейских цитат, примечательных доктрин и опровергнутых ересей [Thomas Aquinas 1569: сигн. a1r-обв; Hillgarth 1992: 4]. Однако в случае с индексами больше не всегда означало лучше: в издании Стобея 1559 года Гесснер с гордостью отмечал наличие единого указателя (считая это новшеством), включавшего как имена собственные, так и тематические рубрики, за счет чего сокращалось количество мест, к которым необходимо было обращаться при поиске [Gesner 1559: сигн. HHr].

Указатели Гесснера считались одними из лучших для своего времени: в них все ссылки на ту или иную тему были удачно собраны в одном месте и строго соблюдался алфавитный порядок [Wellisch 1981: 15]. Во многих указателях XVI века предлагался лишь алфавитный перечень, основанный на кратких резюме, напечатанных в типографских маргиналиях, при этом в них не делалось попыток объединить взаимосвязанные статьи. Например, в «*Margarita philosophica*» Грегора Рейша различные статьи по одной теме перечислялись одна за другой, а иногда даже могли быть разделены другими терминами из-за непоследовательного расположения по алфавиту [Reisch 1973: указатель в конце книги].

В начале XVII века в «Magnum theatrum» (1631) и в «Энциклопедии» Альстеда (1630) появились указатели, представлявшие собой большой шаг вперед по сравнению с использовавшимися в XVI веке. Это были единые индексы, объединявшие имена собственные, названия рубрик и «памятные слова и вещи» в один перечень со строгой алфавитной последовательностью. В таких указателях важнейшие пункты также подразделялись, что позволяло как различать, так и группировать различные вхождения того или иного термина или понятия надлежащим образом. Иоганн Генрих Альстед, скорее всего, сам составил указатель к своему труду или разработал его устройство. В нем он, надо полагать намеренно, привлек внимание к фрагментам, которые в противном случае могли остаться незамеченными в отдаленных разделах текста. Гипотеза Коперника, например, упоминалась под заголовком «Terra, an moveat» («Земля, движется ли она»); дискуссия, к которой он отсылал, рассматривалась не в одной из центральных глав, посвященных физике, но в разделе «разное», помещенном в последнем томе, который назывался «farrago disciplinarum» («разные науки»). О том, что Альстед придавал указателям большое значение, можно понять из его предсмертной просьбы к зятю, которого Альстед призывал составить указатель к работе, которую он собирался опубликовать, находясь при смерти, — «Prodromus religionis triumphantis»⁶⁰.

Весьма примечателен был указатель к «Великому театру», составленный на 687 страницах in-folio неким Р. Принкциусом, лицензиатом богословия, «приложившим для этого множество усердия и педантичности». Принкциус поясняет, что он собрал вместе «материалы, предметы, истолкованные слова и примеры» и расположил их по алфавиту «в одном каталоге, чтобы у вас не было сомнений в том, где что искать». В указателе использовалась эффективная и точная форма ссылок: сначала буква, обозначающая один из двадцати шести томов, на которые был поделен алфавитный рубрикатор, затем номер страницы и буква (от А до

⁶⁰ [Alsted 1641: сигн. 5Т6v]. Благодарю за эту информацию Говарда Хотсона.

G), обозначающая определенную часть страницы. В статьях использовались разные виды шрифта для отделения названий рубрик (курсив) и имен собственных (прописные буквы) от остального текста. Больше всего впечатляет то, что пункты указателя были сгруппированы под определенными рубриками, отличными от тех, под которыми приводились соответствующие примеры в тексте. Пример про Парацельса, которого наказали за то, что он установил слишком высокую цену за свои медицинские услуги, Бейерлинк поместил в раздел «Жадность», и под этим подзаголовком он приводится в указателе Принкциуса, но также значится в разделе «Mercedis defraudatio punita» («Наказание за мошенничество в коммерции»). Этот указатель стал образцом вдумчивого и точного представления материала. Несмотря на традиционные извинения за ошибки, допущенные из-за «огромного объема [материала], недостатка времени и большого числа составителей», мне удалось найти совсем мало неточностей (Принкциус в [Beyerlinck 1666, 8: сигн. (:)2r]). Упоминание «различных составителей» подразумевает, что Принкциус работал не один, а скорее всего, полагался на третьих лиц, отбравших материал из 7000 страниц текста. Мы можем только предполагать, каким образом данные из приблизительно 35 000 статей (во многих из которых имелось несколько подразделов) получилось свести в указателе в единый последовательный перечень.

Долгое время чудо индексирования, которое явил Принкциус, не удавалось повторить никому. «Cyclopaedia» Чеймберса была снабжена указателем начиная с четвертого издания, вышедшего в 1741 году. В «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера, завершавшейся в спешке и под давлением с разных сторон, указатель отсутствует, но есть перекрестные ссылки в самих статьях, снабжающие читателя некоторым инструментом для поиска нужных тем в семнадцати томах текста. В 1780 году издатель Панкук стал продавать отдельный двухтомный алфавитный указатель к тридцати трем томам «Энциклопедии» и дополнений к ней⁶¹

⁶¹ Издание «Энциклопедии» включало 17 томов текста, 10 томов иллюстраций, 4 тома дополнений и два тома с таблицами. — *Примеч. науч. ред.*

[Mouchon 1780]. Указатель к энциклопедии «Британника» впервые появился в 1824 году, одновременно с дополнениями к пятому изданию.

В последние десятилетия XVII века появились превосходные указатели в изданиях классики «для дофина» («ad usum Delphini»), подготовленных ведущими учеными по заказу Пьера-Даниэля Юэ для воспитания юного дофина (хотя коллекция адресовалась более широкой читательской публике). Эти указатели по-прежнему ценятся современными учеными даже в тех случаях, когда сами издания не представляют особого значения. Юэ задумывал их как конкордансы, описывающие словоупотребление каждого автора, из которых можно составить полный словарь латинского языка; впрочем, этот проект так никогда и не был претворен в жизнь [Pattison 1889: 278; Volpilhac-Auger 2000; Furno 2000; Holford-Strevens 2003: 342].

Указатели были очень востребованы читателями — издатели с гордостью упоминали о них на титульных листах и извинялись в случае их отсутствия. Указатели, как отмечал Гесснер, выполняли двоякую задачу: помогали читателю вернуться позднее к уже прочитанному отрывку и направляли его к новым текстам; поэтому, с одной стороны, в указатели вносились изменения и дополнения, облегчающие их использование в дальнейшем, а с другой — их первоначальному успеху могли препятствовать ошибки в указании номеров страниц, так раздражавшие Дрекслея. Один ученый раннего Нового времени настолько строго связывал появление указателей с развитием книгопечатания, что отрицал наличие каких-либо индексов в рукописных и первых печатных книгах [Gesner 1548: 19v; Drexel 1638: 73; Bartholinus 1676: 192]. Действительно, в печатных книгах указатели встречаются чаще, чем в манускриптах, и пользоваться ими проще. Записи в печатных указателях всегда начинаются с новой строки, а не следуют за предыдущей, как в рукописях, где этот принцип использовался для экономии места. Ссылки на номера страниц и листов (при условии, что в этом отношении издание было аккуратным) также облегчали поиск необходимых отрывков. И, что самое важное, печатными указателями снабжались все экземпля-

ры изданий, к которым они относились, их больше не производили, как в Средние века, в виде необязательного дополнения, которое необходимо было приобретать отдельно. Указатели получили распространение во всех видах печатных книг, как крупно-, так и малоформатных, и упрощали чтение книг, к которым читатели предпочитали регулярно обращаться за теми или иными сведениями [Cahn 1994: 73; Blair 2000]. Однако именно справочная литература способствовала распространению чтения со справочными целями и в частности — использованию алфавитных указателей.

К XVIII веку указатель стал настолько распространенным инструментом, что его воспринимали как нечто само собой разумеющееся и искали новые способы его применения. В 1749 году Дени Дидро использовал указатель, чтобы упомянуть автора, которого он не решался назвать в тексте, поскольку тот был известен своими неортодоксальными взглядами, и его имя могло привлечь внимание цензоров⁶². Цензоры изучали элементы паратекста определенно с меньшей бдительностью, чем современные ученые и чем сообразительные читатели того времени. Равным образом для приведения терминов, которые цензоры запретили бы в других местах книги, можно было использовать перечни опечаток [Blair 2007b: 35]. «Знания из указателей» стали формулировкой, выражающей презрение (ее ввел в оборот Джонатан Свифт), а к XVIII веку некоторые авторы начали напрямую отказываться снабжать свои произведения указателями, опасаясь, что читатели не станут читать текст целиком⁶³. Эти новые опасения по поводу указателей еще раз подчеркивают их важную роль в техниках чтения XVIII века.

⁶² В своем «Письме о слепцах» (*Lettre sur les aveugles*), опубликованном с фиктивными выходными данными «Лондон, 1749», Дидро упомянул Джозефа Рафсона (1648–1715) только в указателе со ссылкой на место в тексте, где тот цитировался анонимно. Благодарю Мариан Хобсон за эту информацию.

⁶³ О Свифте и «Писаках» см. [Lund 1998]. Профессор истории Йенского университета Мартин Шмайзель отказался снабдить указателем свою книгу «*Versuch zu einer Historie der Gelehrtheit*» (Йена, 1728), как сообщается в [Zedelmaier 1992: 101].

ДРЕВОВИДНЫЕ СХЕМЫ

Одним из самых заметных элементов, ассоциирующихся со структурированием информации в период раннего Нового времени, стала древовидная схема (дендрограмма), особенно характерная для педагогических произведений, но встречавшаяся также и в справочной литературе. Современники использовали общий термин «*tabula*» («таблица»), размывая тем самым различия между древовидной схемой и таблицей, состоящей из строк и столбцов, но мне хотелось бы эти различия сохранить. Древовидную схему часто называют «рамистской», по той причине, что Петр Рамус (Пьер де ла Раме, 1515–1572) выступал за ее использование в своей педагогической программе, позволявшей изучать различные темы в кратчайшие сроки; при этом он подчеркивал деление тем на составные части и расположение этих частей с помощью схем. Однако древовидная схема существовала как до Рамуса, так и в раннее Новое время, независимо от его влияния. Для таблиц, упорядочивающих материал с помощью строк и столбцов, известна более древняя генеалогия благодаря непрерывному распространению хронологических таблиц Евсевия начиная с IV века⁶⁴. Однако в средневековых манускриптах также экспериментировали с древовидными схемами⁶⁵. «Фигурные скобки» часто использовались в средневековых сборниках проповедей для объединения отрывков, посвященных определенному термину, и они стали стандартным элементом дендрограмм в печатных книгах, хотя в некоторых инкунабулах оставляли пустые места, чтобы вписать туда скобки от руки. Сходство формы может скрывать различия в функциях древовидных схем — чаще всего они иллюстрировали концептуальное разделение темы, но иногда применялись в качестве поискового инструмента.

Начиная с 1503 года в «Полиантее» имелись дендрограммы для шестнадцати рубрик (с перекосом в пользу заголовков, начинаю-

⁶⁴ О рамистских диаграммах см. [Höltgen 1965; Evans 1980; Siegel 2009: 64–80].
О хронологической таблице см. [Brendecke 2004].

⁶⁵ О средневековых дендрограммах см. [Murdoch 1984; O’Boyle 1998: 255].

щихся с «А», вероятно, потому что энергия и финансы заканчивались по мере продвижения работы), которые оставались неизменными в следующих изданиях⁶⁶. Древовидные схемы присутствовали, как правило, в длинных статьях, посвященных основным с точки зрения религии порокам и добродетелям, при этом такие схемы не служили поисковыми инструментами. Зато в них присутствовала дополнительная информация из авторитетных источников, наряду с некоторыми цитатами, и их последовательно возводили к Фоме Аквинскому. В большинстве схем цитировалась «*Secunda secundae*», вторая часть второй книги «Суммы теологии», посвященная основным добродетелям. Возможно, Нани скопировал ее из существовавших средневековых изображений того же материала. Древовидная схема в «Полиантее» наглядно и эффективно демонстрировала разделы, выделенные Фомой Аквинским в многочисленных параграфах текста, причем в первом издании некоторые схемы занимали целую страницу (в последующих изданиях их уменьшили). Схема также могла служить планом проповеди по определенной теме и, таким образом, выступала дополнительным ресурсом для проповедников, обращающихся к флорилегию в поисках нужных цитат. В колофоне Нани рекомендовал их как подспорье для памяти: «[Для вас имеются] некоторые материалы, представленные в форме дерева, которые таким образом проще сложить в сундук вашей памяти» [Nani Mirabelli 1503: 339r]. Идея о том, что деление на разделы способствует запоминанию, не только составляла центральную мысль рамистской педагогики (получившей развитие во второй половине XVI века), но в целом имела долгую историю, восходящую к Гуго Сен-Викторскому, который рекомендовал разделение понятий в качестве одного из способов их запоминания [Rivers 1997; Zinn 1974]. Существование разного рода «*tabulae*» (таблиц и диаграмм) говорило само за себя, так как они представляли материал в обобщенном

⁶⁶ Диаграммы имеются в статьях «*Abstinencia*», «*Abusio*», «*Acedia*», «*Amicitia*», «*Anima*» (в трех частях), «*Avaritia*», «*Fides*», «*Gloria*», «*Humilitas*», «*Invidia*», «*Iustitia*», «*Luxuria*», «*Mendacium*», «*Modestia*», «*Superbia*», «*Temperantia*», «*Tribulatio*» [Polyanthea 1503 (также в издании 1648 года)].

виде, широко распространенном среди педагогов раннего Нового времени, и никто не высказывался подробно ни за, ни против них [Brendecke 2004: 177]⁶⁷.

«Театр» Цвингера превзошел все остальные справочные произведения по количеству и длине дендрограмм, которые все были опущены в пришедшем на смену труде Бейерлинка. Почти все публикации Цвингера пестрели древовидными схемами, а в некоторых случаях диаграммы и вовсе составляли основную часть книги⁶⁸. Сохранившийся черновик одной из диаграмм свидетельствует о внимании, которое Цвингер уделял этим схемам, тщательно перерабатывая их для каждого из трех изданий «Театра».

Первая древовидная схема в «Театре» представляет логическую структуру всего произведения и его разбивку на тома и книги, с указанием их номеров, но без номеров страниц. В своей попытке дать таким образом обзор всего труда Цвингер следовал за Конрадом Гесснером, который включил схему деления на книги в свои «Пандекты». Однако диаграмма Цвингера заняла четыре страницы, соединенные друг с другом значками маленького размера (которые поэтому трудно обнаружить на странице), и вследствие этого не позволяла обозреть структуру всей работы в целом; кроме того, из-за отсутствия номеров страниц она была не очень удобна в качестве поискового инструмента.

В начале каждой книги «Театра» Цвингер также помещал диаграмму названий рубрик, содержащихся в ней (*dispositio titulorum* — «расположение заглавий»), которая часто занимала до десяти страниц и более. В таких диаграммах не было ссылок на текст, и они не были задуманы как инструменты поиска, но от-

⁶⁷ О профессоре, рекомендовавшем использование диаграмм в Парижском университете (где у Петра Рамуса не было последователей), см. в [Crassot 1630: сигн. a9r].

⁶⁸ Цвингер посещал курсы Рамуса, будучи студентом в Париже, и называл Рамуса крестным отцом одного из своих детей [Rother 2001: 14–16, 25; Dufournier 1936: 325]. Однако в недавних исследованиях было отмечено, что диаграммы Цвингера сложнее, чем у Рамуса, и, возможно, на него повлияло общение с другими учеными, например с Гуго Блоцием; см. [Molino 2006: 49, 53; Felici 2009].

Рис. 3.3. Древовидная схема из «Полиантеи» (Кёльн, 1567) для статьи «Abstinentia» («Воздержание»). Диаграмма не является поисковым инструментом, ориентирующим читателя в содержании статьи, она, скорее, предлагает план урока или проповеди по конкретной теме. Диаграмма представляет собой адаптированный вариант трактовки темы у Фомы Аквинского, особенно в комментарии к «Сентенциям» Петра Ломбардского, процитированном в нижней части второй скобки. Воспроизведено с разрешения Баварской государственной библиотеки, Мюнхен, полочный шифр 2 PLat 1074, p. 2

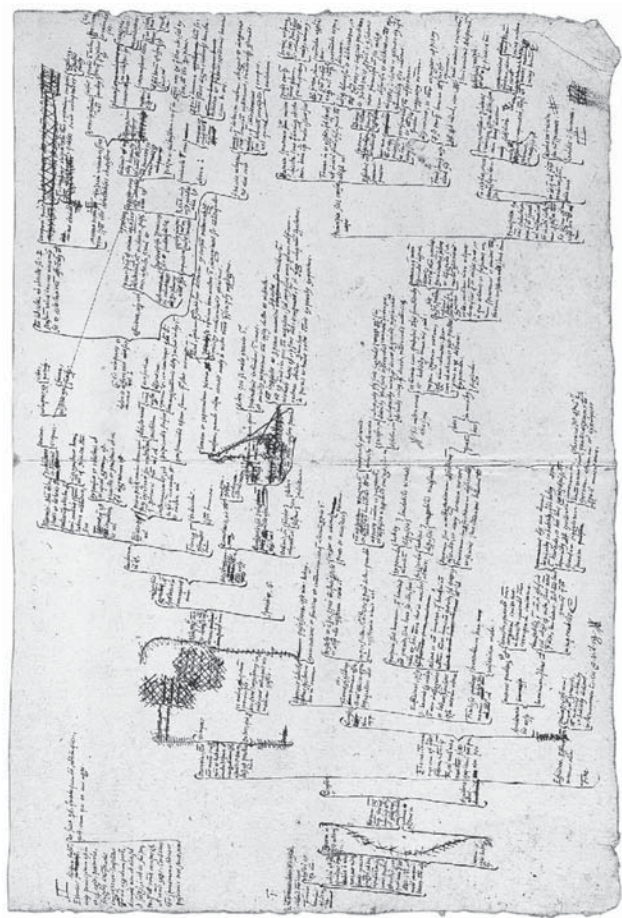

Рис. 3.4. Черновик дендрограммы, посвященной политике, найденный в рукописях Цвингера среди подборки «примечаний к первым книгам “Политики” Аристотеля... из лекций Теодора Цвингера, записанных Людовиком Изелием». Схема предположительно написана рукой Цвингера, ее почерк отличается от того, которым сделан конспект лекций; она выполнена на листе большого формата и содержит многочисленные исправления. В печатном виде она заняла бы несколько страниц, как многие диаграммы Цвингера. Воспроизведено с разрешения Университетской библиотеки Базеля, Mscr FIX 7a

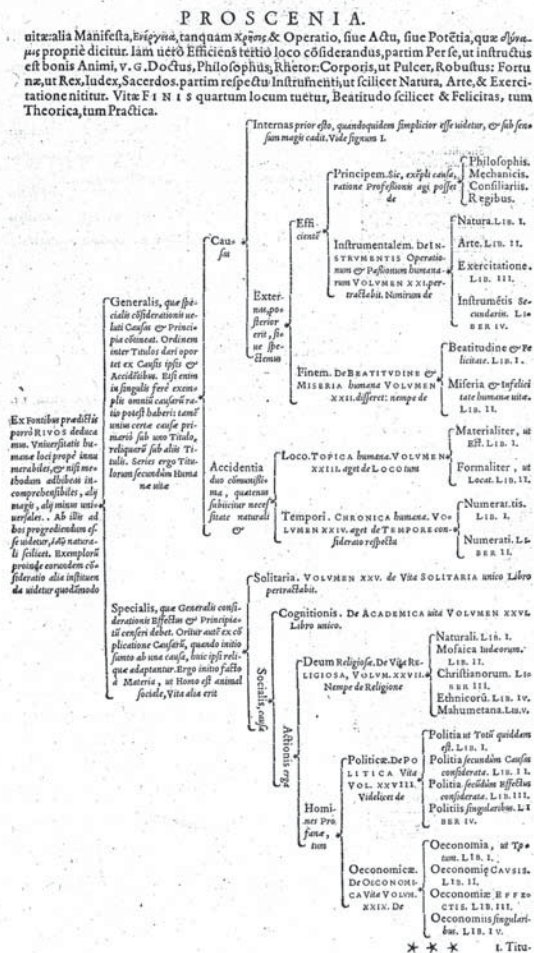

Рис. 3.5. Часть многостраничной дендрограммы, в которой Цвингер представил содержание всего своего «Театра» (1586). Диаграмма занимает более десяти страниц, ее части соединены между собой специальными знаками. На этой странице представлена часть диаграммы, относящаяся к томам 21–29, каждый из которых включает в себя от одной до четырех книг. В верхней части надпись «vide signum I» («см. знак I») отсылает читателя к диаграмме на следующей странице (помеченной «I»), раскрывающей книги 10–20. Воспроизведено с разрешения Исследовательского центра особых собраний Библиотеки Чикагского университета, АЕЗ.294.1587, сигн. ***iv

ражали логическую схему, лежащую в основе выбора названий рубрик и их расположения. Цвингер использовал шесть или семь уровней деления — от общего к частному — по принципу стандартных бинарных оппозиций (например, содержание/форма, внутреннее/внешнее, общее/частное, целое/часть, отрицательное/положительное) и категориальных отношений (причина, приводящие признаки, субъект и т. д.). Конечным пунктам диаграмм на полях справа соответствовали названия рубрик, рассматриваемых в тексте в более или менее близких формулировках. Некоторые из перечисленных на схеме подразделов были удалены из текста, другие — переформулированы, а некоторые из отображенных рубрик не были связаны с материалами, собранными Цвингером, и включались в диаграмму из-за требований ее логической структуры. Диаграмма должна была служить обоснованием рубрикации текста и порядка расположения подзаголовков, предлагая своего рода идеальное рассмотрение темы.

Появление диаграмм Цвингера и внесение в них самим автором многочисленных корректировок были мотивированы не только потребностью в организации материала, но, прежде всего, стремлением Цвингера к истинному порядку, происходящему из природы вещей и имеющему непреходящее значение. Цвингер жаловался на произвольность и неадекватность заголовков, использовавшихся многими его предшественниками в произведениях справочных жанров — сборниках «чтений» (*variae lectiones*), тетрадах общих мест и иного рода коллекциях примеров:

Все они испытывали при работе большой дефицит заглавий и скорее нагромождали их, чем соединяли между собой; при этом они действовали исходя из собственных удобств, а не из природы вещей. Следует установить другой порядок, который не зависел бы от воли писателя, но имел научное основание и таким образом мог бы стать вечным. Научный метод должен быть произведен из природы вещей [Zwinger 1586: сигн. **6r–v]⁶⁹.

⁶⁹ Глубокий анализ и дополнительные примеры диаграмм Цвингера см. в [Schi-erbaum 2008].

Поскольку Цвингер рассматривал свои тщательно проработанные схемы как выражение истинных взаимоотношений между вещами, он стремился вносить поправки в диаграммы в каждом издании, чтобы достичь поставленной им цели.

В некоторых случаях можно проследить роль диаграмм в организации собрания материалов Цвингера. В издании 1565 года раздел о плодородности земли включал в себя ряд незаполненных рубрик (например, о вине, молоке, соли и свинце) или таких, в которых имелась только пара примеров (например, о золоте и смоле). В 1586 году раздел о плодородности земли в рубриках, посвященных металлам (например, свинцу и золоту, жести и железу), был существенно расширен, в то время как рубрики о вине, молоке и соли по-прежнему пустовали, словно в ожидании следующей порции дополнений⁷⁰. «Театр» Цвингера оставался незаконченным произведением: стимулом работы над ним было абстрактное устремление представить в книге весь опыт человечества, однако предел ему положила краткость человеческой жизни. Имелись расхождения между идеальным «театром», изображенным в диаграммах Цвингера, и фактическим набором примеров, но для Цвингера были особенно важны разработка уровней заголовков и подзаголовков и составление необыкновенно сложных диаграмм.

Впрочем, какими бы полезными ни казались диаграммы самому автору, факты свидетельствуют о том, что ему не удалось увлечь ими современников. Древовидные схемы пропали в «*Magnum theatrum*» Бейерлинка без какого-либо объявления, которого можно было ожидать при переходе к алфавитному порядку. Многие подразделы, введенные Цвингером, сохранились в статьях Бейерлинка (особенно в длинных), но их расположение больше не изображалось в виде схем. Варфоломей Кеккерман (1573–1609), профессор философии и богословия Гейдельбергского, а затем Данцигского университета, написавший множество учебников, резко критиковал схемы Цвингера за отсутствие в них логики и невозможность их применения на практике.

⁷⁰ Ср. [Zwinger 1565: 1313 слл.] и [Zwinger 1586: 3969–3970].

В небольшом трактате о составлении тетрадей общих мест Кеккерман описал множество схем организации таких сборников, от алфавитной до следующей порядку десяти заповедей. Автор также касается модели, использованной Цвингером:

Еще один, более полный порядок, или более полное собрание, был предложен Цвингером в его «Театре жизни человеческой». С его помощью Цвингер попытался охватить рубрики, относящиеся вообще ко всем вещам. Он проделал огромную работу, но не знаю, можно ли считать, что результат был равен затраченным усилиям. В самом деле, этот порядок не имеет строгой логической организации и в то же время не дает возможности сверяться с информацией обо всех вещах или находить желаемое без значительных трудностей, не прибегая к помощи алфавитного указателя [Keckermann 1614: стлб. 225 (ошибочно указан 211)].

По мнению Кеккермана, три указателя Цвингера (указатель рубрик, имен собственных и «памятных слов и вещей») являлись ключевыми инструментами для использования «Театра» в справочных целях. Они избавляли читателей от необходимости разбираться в сложных, постоянно меняющихся организационных схемах Цвингера. Дополнительным признаком относительно малой употребительности этих схем является тот факт, что мне удалось обнаружить лишь один экземпляр издания с читательскими записями в диаграммах Цвингера, в то время как примечания к указателям писались регулярно (об этом см. подробнее в главе 5).

Однако диаграммы, даже если их редко читали, служили еще одной важной цели, имевшей значение не только для авторов, щедро уделявших свое внимание этому вопросу, но также для читателей, даже тех, кто лишь бегло просматривал схемы, не изучая их подробно. На фоне разрастания объемов компиляций, за счет включения в них подробных описаний и накопления огромного количества отдельных фактов, именно диаграммы служили доказательством того, что справиться с таким огромным массивом материала все-таки можно, даже если диаграмму не

удается поместить на одном развороте, и требуется публиковать серию схем, связанных между собой сложным образом. В «Театре» Цвингера диаграммы дополняли колоссальные объемы текста, выступая не в роли поисковых инструментов и не в качестве вспомогательного средства для запоминания материала: они служили ободряющим подтверждением того, что даже такую сложную информацию можно организовать систематически. Аналогичным образом, энциклопедические амбиции Федерико Чези привели его к созданию сложных древовидных схем (как, например, лист с информацией о пчелах, озаглавленный «*apiarium*»), снабженных комментариями на сотнях страниц [Freedberg 2002: 170–174]. В справочных произведениях преобладал текст, однако «Полиантея» и «Театр» заимствовали этот визуальный инструмент из практики преподавания риторики и философии и использовали его не в качестве поискового инструмента, но в роли концептуального путеводителя по сложному материалу [Bolzoni 2001].

МАКЕТ СТРАНИЦЫ, ИЛИ MISE-EN-PAGE

Помимо вышеперечисленных паратекстуальных инструментов, сам по себе текст и его макет играют важную роль в облегчении процесса использования справочной литературы. Возможности компьютерной обработки текстовых данных позволили нам осознать роль пробелов и положения слов, а также различных размеров и видов шрифтов (заглавных букв, курсива, жирного шрифта) при форматировании страницы текста с целью добиться оптимального результата. Оценивать влияние на читателей прошлого непривычных нам особенностей печатного текста следует с осторожностью, особенно учитывая отсутствие свидетельств того времени, касающихся восприятия макета страницы. Однако многие элементы, которые хорошо знакомы нам сегодня, развивались в ранних печатных книгах, особенно в произведениях справочной литературы. Проведенный мною анализ удобства макета страницы в различных изданиях раннего Нового времени для наведения справок обусловлен взглядом на этот

вопрос современного человека, но, во всяком случае, этот взгляд многим обязан практикам раннего Нового времени, а не чужд им. Решения, касающиеся создания макета, обычно принимались в типографии, но в отдельных случаях авторы пытались влиять на них⁷¹. Развитие *mise-en-page* в изученной мною справочной литературе (особенно в «Полиантее» и «Театре») не происходило линейно, от одного издания к другому. Некоторые издатели и редакторы вносили изменения в макет и организацию поисковых инструментов, другие же либо копировали их, либо пренебрегали даже копированием. Однако можно отметить, что в целом издателям XVII века получалось удачно разместить на странице больший объем текста, повысив при этом его удобочитаемость.

Средневековые рукописные флорилегии и другие компиляции, а также указатели сильно различались по простоте использования. В наиболее дорогих экземплярах применяли сочетание цвета с пустым пространством и верхними колонтитулами, чтобы выделить заголовки и разделить цитаты, идущие одна за другой, но в некоторых манускриптах не использовалось ни одно из этих средств, в других применялась только часть из них. Так, в одной из рукописей Фомы Ирландского, представляющей собой середину между этими полюсами, имелись колонтитулы и использовались красные заглавные буквы, чтобы выделить начало новой статьи, но при этом каждая новая запись под тем же заголовком следовала сразу за предыдущей и отделялась от нее только знаком абзаца, выполненным красными чернилами. Источник цитаты, обычно помещавшийся в конце ее текста, не был отделен от нее никаким образом. Читатель мог довольно легко найти нужную статью по заголовку, но затем ему следовало читать ее целиком в поисках нужного автора или цитаты. Еще одним препятствием для неопытного читателя были сокращения.

С началом книгопечатания цвет перестал использоваться для выделения текста (хотя заказчик мог попросить добавить его

⁷¹ В [Martin 2000: 323–325] обсуждаются указания Декарта относительно макета и формата страниц. Недавнее обсуждение этого вопроса см. в [Carmichael Lobkowitz 1988, VII: 22–24].

вручную), тогда как пустое пространство и варьирование шрифтов стали важнейшими элементами макета страницы, особенно в справочной литературе. Большинство крупноформатных справочных изданий следовали средневековой модели, единой для рукописей Библии и других объемных произведений: она состояла в разбиении текста на два столбца⁷². Вместе с ними появилось центральное поле, а пространство для текста стало уже, что облегчало его просмотр в поисках конкретных слов. Поощрялось также использование знаков абзаца, потому что так расходовалось меньше места, чем если начинать набор с новой строки. Центральное поле стало излюбленным местом для расположения буквенных индексов (A–G), облегчающих поиск, как, например, это сделано в «Адагиях» Эразма и «Великом театре» Бейерлинка.

В 1503 году «Полиантея» была напечатана шрифтом «антиква» с небольшим количеством сокращений, что соответствовало недавно установившимся гуманистическим моделям; в ранних изданиях, опубликованных на территории Германии, например в Страссбурге в 1517 году, использовался готический шрифт. В этом и последующих изданиях, хотя прозаический текст во многих жанрах XVI века было принято печатать без разбиения на абзацы (как, например, предисловие Нани или главы «Опытов» Монтеня), в тексте «Полиантеи», состоявшем из отдельных предложений, было успешно использовано пустое пространство, чтобы отделить друг от друга статьи и подразделы внутри них⁷³.

Поиск рубрик, который был достаточно простым уже в средневековых манускриптах благодаря рубрикации, пожалуй, не особенно усовершенствовался в печатных версиях «Полиантеи». Заголовки обозначались различными способами: с помощью украшенных инициалов разного размера или с помощью неболь-

⁷² Исключением стали «*Lectiones antiquae*» Родигина, в которых главы (часто довольно короткие, меньше чем на страницу) располагались по всей ширине страниц. О появлении столбцов в рукописях XIII века см. [de Hamel 2001: 117].

⁷³ О разбиении на абзацы см. [Laufer 1985; Janssen 2005].

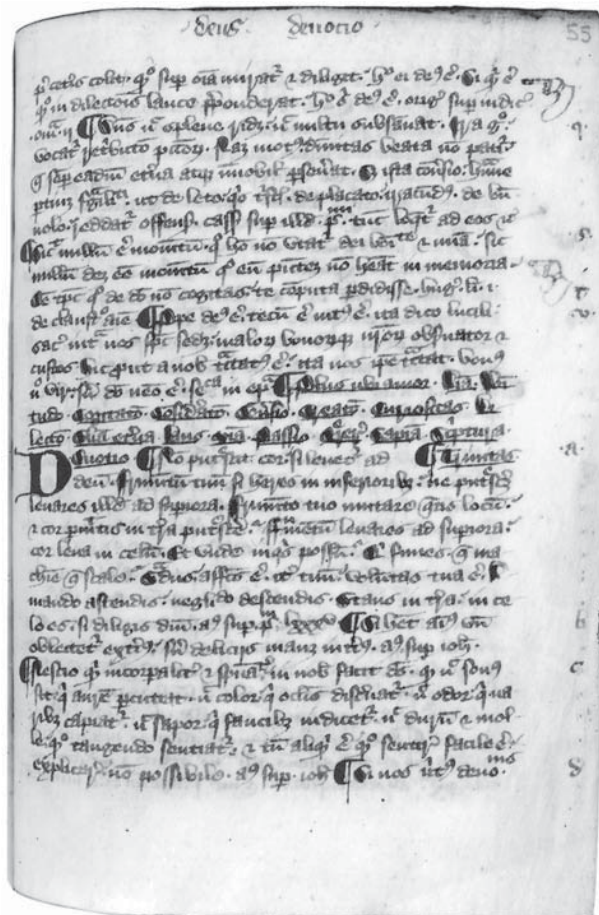

Рис. 3.7. Рукопись XIV века флорилегия «Manipulus florum» (1306) Фомы Ирландского (который часто переписывали). В манускрипте имеется множество инструментов, облегчающих справочное чтение, в том числе колонтитул сверху страницы, показывающий, что на странице находятся статьи о «Бог» и «набожности», а также рубрикация заголовков и знаков абзаца, маркирующих начало новой цитаты, но при этом текст цитат не начинается с новой строки. Читатель добавил изображение указательного пальца, чтобы отметить представляющие интерес фрагменты, а также буквы на полях, с помощью которых пронумерованы цитаты в каждой рубрике (до «U» в разделе «Бог», то есть двадцать одна цитата, и четыре — под заголовком «набожность»). Воспроизведено с разрешения Кембриджской университетской библиотеки, Ff.vi.35, f. 55r

шого выступа (выходившего на поля) и (или) более крупного шрифта. В более поздних изданиях заголовки рубрик обычно маркировались более единообразно, что облегчало их просмотр. Принципиальные улучшения в печатных изданиях, по сравнению с их средневековыми предшественниками, касались ориентирования внутри статей — появление этих новшеств совпало со значительным увеличением объема статей, поскольку Нани добавил новые цитаты к позаимствованным у Фомы Ирландского. В отличие от средневековых манускриптов, каждая цитата внутри раздела начиналась теперь с новой строки. Кроме того, ссылки на источники часто располагались теперь по центру строки или были отмечены символом абзаца. Цитаты обычно группировались по автору, а в ранних изданиях появление каждого нового автора отмечалось указанием на полях его имени. Перечисленные особенности облегчали просмотр статьи при поиске конкретного автора или конкретной цитаты в подборке.

По мере увеличения объема «Полиантеи» в некоторых изданиях на полях стали маркироваться новые статьи или указываться разночтения; иногда там также помещались краткие сведения о содержании соответствующих отрывков. К 1600 году, после многократных добавлений, названия рубрик стали выделяться малыми прописными буквами (за счет этого заголовки были хорошо различимы, но не очень выделялись на странице), а статьи стали представлять собой длинные перечни цитат, в которых трудно было найти нужного автора. В редакции 1604 года Йозеф Ланге модернизировал как форму, так и содержание «Полиантеи». Ланге улучшил удобочитаемость каждой статьи, сгруппировав авторов по категориям, которые указывались заглавными буквами в центре столбца: Библия, Отцы Церкви, поэты, философы и т. п. Источник указывался курсивом в конце каждой статьи, а поля обычно оставались пустыми; курсивом также выделялось имя главного персонажа анекдота или афоризма.

В изданиях «Полиантеи» XVII века использовались различные размеры и виды шрифтов, линии и символы абзаца, заметно облегчавшие справочное чтение, несмотря на то что количество текста на странице существенно увеличилось, по сравнению

с изданиями начала XVI века, за счет увеличения размера строки и использования более мелких шрифтов.

Если в период расцвета «Полиантеи» цитаты нумеровались исходя из двух уровней рубрикации — по заголовку статьи и подзаголовку, в соответствии с типом процитированного источника, — то Цвингер в своем «Театре» стремился поддерживать до пяти уровней деления на разделы и подразделы. Основные заголовки относились к обоим столбцам, были набраны заглавными буквами, за ними следовало описание, набранное курсивом; подзаголовки ограничивались одним столбцом и выделялись (иногда, но не всегда) заглавными буквами меньшего размера. Дополнительные уровни деления не были никак маркированы в издании 1565 года. Однако макет издания 1586 года, текст которого был в три раза длиннее, включал новые вспомогательные элементы. Так, предисловие было разбито на разделы, отделенные с помощью заголовков и параграфов (которые, как и прежде, могли растягиваться на две страницы формата in-folio, однако это все равно было меньше пяти в издании 1565 года); кроме того, в тексте границы разделов и их место в иерархии подчеркивались с помощью разного рода линий, шрифтов и декоративных элементов. Цвингер использовал три специальных символа (подобных старинному «hedera», то есть листу плюща, который появился в позднеантичный период как знак пунктуации), с помощью которых помечал материалы в порядке нисходящей важности: трилистник, лист плюща, смотрящий вправо, и лист плюща, смотрящий влево (возможно, это перец)⁷⁴. Указующим перстом помечали перекрестные ссылки при первом вхождении (эти ссылки присутствовали уже в издании 1565 года, но не выделялись специально) [Sherman 2008: гл. 2]. Таким образом, Цвингеру удалось систематическим образом применять четыре уровня заголовков, хотя правила не всегда выполнялись безукоризненно. Авторам было прекрасно известно об ошибках в форматировании текстов. Так, например, Гесснер отметил в списке

⁷⁴ О листе плюща см. [Parkes 1992: 61; Wingo 1972: 122–127]. О графических символах XVIII века см. [Barchas 2003: гл. 5, 151].

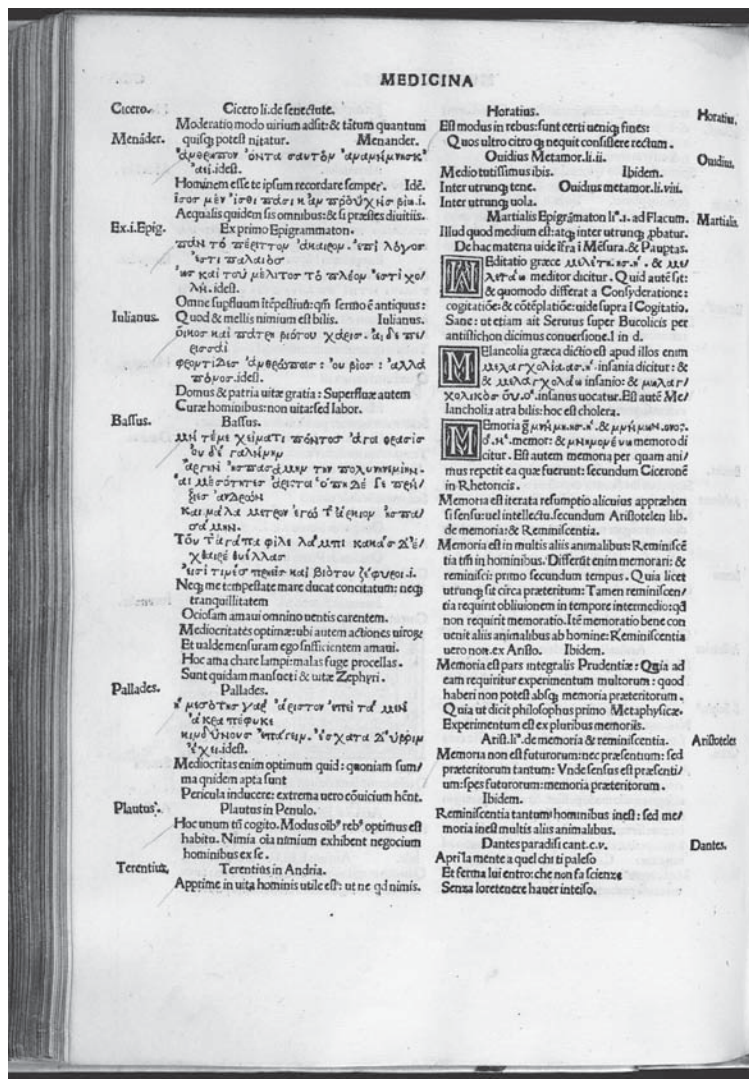
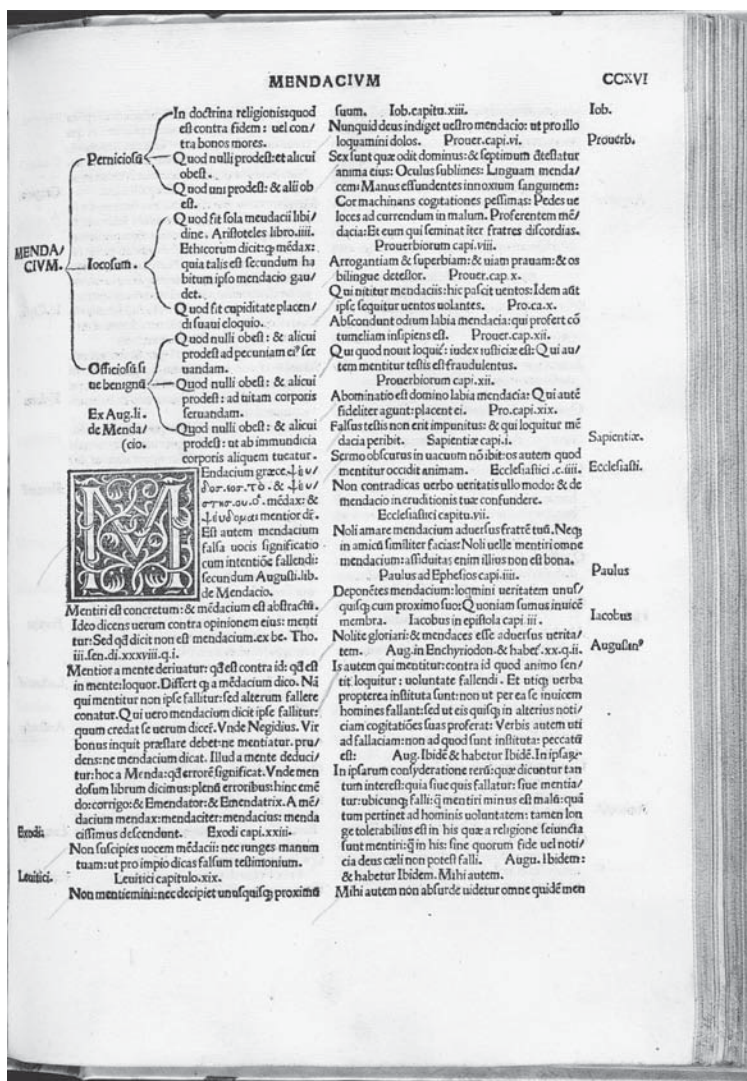

Рис. 3.8. Образец разворота текста из «Полиантеи» Доменико Нани Миранделли (1503). Гравированные инициалы (обратите внимание, что один из них случайно был напечатан вверх ногами) и пустое пространство отделяют статьи друг от друга. В верхнем колонтитуле даны названия статей, текст которых находится в начале соответствующей страницы. Имена цитируемых авторов указаны на

полях напротив текста и по центру столбца, до начала цитаты. В статье «Mendacium» («Ложь») приведена небольшая древовидная схема. Неизвестный читатель отметил многие из цитат с помощью черты на полях. Воспроизведено с разрешения Библиотеки Хоутон Гарвардского университета, Туп 252.03.596F, ff. 215v–216r

«errata» к одному из томов своих «Пандектов» следующее: «на листе 54с, строка 29 слова “De bonis spiritibus, de malis spiritibus” (“О добрых духах, о злых духах”) относятся к предыдущему заголовку и должны быть напечатаны строчными буквами» [Gesner 1549: 157v]⁷⁵.

Наряду с другими аспектами сложной схемы, разработанной Цвингером, эти символы, маркирующие уровни текста, не были сохранены в «Magnum theatrum» Бейерлинка. Линии сохранили свое значение, они появлялись между статьями; кроме того, появилась новая вертикальная линия по центру страницы между столбцами; однако все заголовки ограничивались шириной одного столбца и набирались либо заглавными буквами, либо курсивом (заголовки меньшего уровня). Из символов использовались только указующие персты для перекрестных ссылок и астериски (звездочки), которыми отмечался текст, добавленный после Цвингера. В результате ориентироваться в тексте было не легче, чем в издании 1586 года, особенно это касалось статей, занимавших десятки страниц (а некоторые и больше: например, статья «Bellum» («Война») была объемом более ста страниц). В то время как визуально привлекательный макет страниц в «Театре» Цвингера поощрял чтение без определенной цели и был удобен для просмотра в поисках нужной информации, «Великий театр» Бейерлинка был ориентирован на использование указателя: эффективность поиска достигалась за счет отсылки к разделам от А до G на каждой странице.

Scriptores bibliothecarii, или Книги о книгах

Такого рода неспециализированные жанры латинской справочной литературы, тесно связанные между собой, на грани пересечения, фокусировались на информации об классических языках, литературе, культуре и исторических примерах и представляли

⁷⁵ «Partitiones» составили 19-ю книгу «Пандектов» и не вошли в основное издание [Gesner 1548].

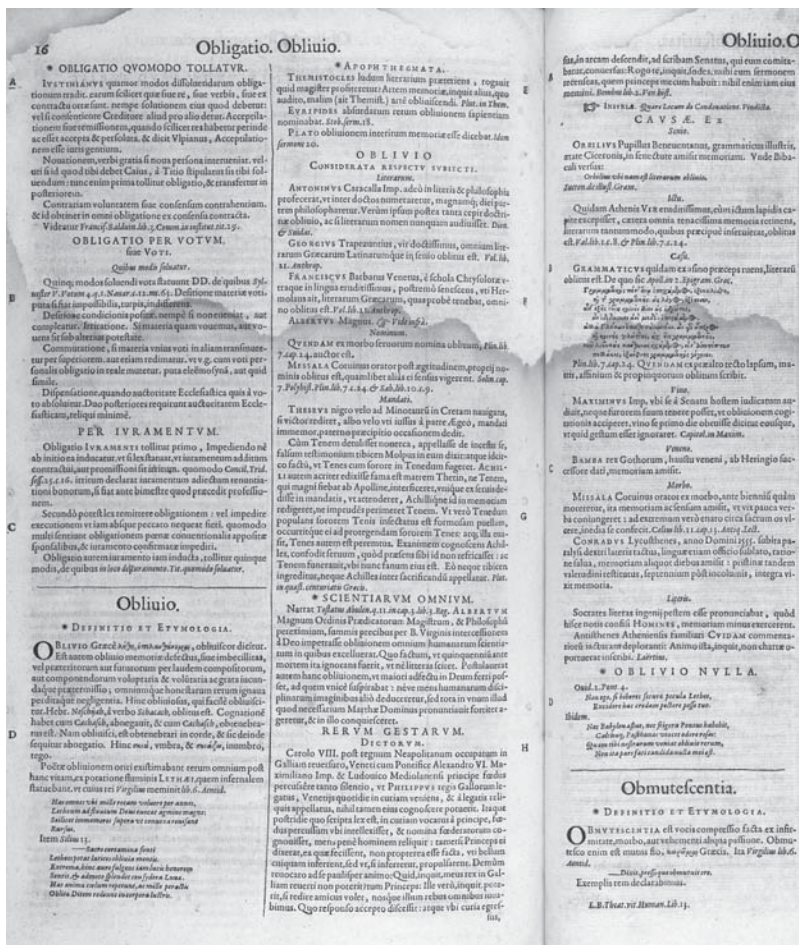

Рис. 3.9. Образец разворота текста из «Великого театра жизни человеческой» (1631) Лаврентия Бейерника; включает полностью статью «Oblivio» («Забывчивость»). На странице помещается значительно больше слов, чем в издании 1604 года. Буквы А–Н на полях помогают отсылать к конкретному месту на странице; линии разделяют статьи и столбцы, с помощью варьирования размера и характера шрифтов и пустого пространства формируется иерархия статей и подразделов. Воспроизведено с разрешения Библиотеки Уиденер, Библиотека Гарвардского колледжа, СYC 25 O16–17

Рис. 3.10. Декоративные символы, использованные в «Театре человеческой жизни» (1586) Цвингера при заглавиях рубрик и сопровождающих комментариях, в нисходящем иерархическом порядке: лист клевера, повернутый вправо перец, повернутый влево перец; для последнего уровня деления декоративного символа не предусмотрено. Указующий перст отмечает перекрестную ссылку на другой раздел произведения. Воспроизведено с разрешения Исследовательского центра особых собраний Библиотеки Чикагского Университета, AE3.Z94.1587, vol. 1, p. 14

собой двигатели изобилия («соріа»), которое так высоко ценили авторы, ораторы и аудитория в эпоху Ренессанса, как в письменных трудах, так и в устных выступлениях. На страницах этих книг в одном удобном месте и в сопровождении поисковых инструментов, облегчавших доступ к информации, располагались отрывки из книг, для чтения которых у многих не было времени или удобной возможности, или они уже были когда-то прочитаны, но больше не были доступны читателю. Эти жанры первыми получили развитие, часто на основе средневековых моделей, в начале XVI века. В дальнейшем они стали наиболее активно издаваемыми и распространяемыми латинскими справочными трудами большого формата. Их успех сыграл важную роль в распростра-

нении справочного чтения и методов организации информации среди широкого круга читателей, владевших латынью.

К началу XVII века к этим жанрам присоединились другие, более новые, также ориентированные на образованных неспециалистов. Книги о книгах становились всё более доступными в качестве источников информации о литературе и в качестве образцов организации информации по мере быстрого роста числа и размеров личных библиотек благодаря появлению книгопечатания. Габриэль Ноде ввел в обиход удобный термин для обозначения таких жанров в опубликованном им в 1643 году библиотечном каталоге, где он обсуждает их пользу для такого проекта: *scriptores bibliothecarii*, или, согласно словоупотреблению других современников, *scriptores bibliothecarum* («библиотечные авторы» или «авторы о библиотеках»). К таким жанрам, помогавшим получать знания о книгах, относили библиотечные каталоги, библиографии, книготорговые каталоги, а также некоторые метажанры, развившиеся в середине XVII века, такие как библиографии библиографий и перечни библиотек [Naudé 1643: 132–134]⁷⁶. Библиотечные каталоги и биобиблиографии имели средневековые и античные корни, но начиная с середины XVII века стали выходить новые важные произведения в этих жанрах, а также возникали новые жанры, быстро развивавшиеся вместе с книжным рынком и включавшие книготорговые и аукционные каталоги, а также путеводители по библиотекам.

БИБЛИОТЕЧНЫЕ КАТАЛОГИ

За исключением сводного каталога книжных владений английских францисканцев, большинство средневековых библиотечных каталогов были предназначены для местного использования — теми, кто хранил ту или иную коллекцию книг. Большинство

⁷⁶ Другие упоминания «*Bibliothecarum scriptores*» того времени встречаются в «*Nomenclator scriptorum philosophicorum atque philologicorum*» (1598) Изабеля Шпаха и «*Bibliotheca philosophica*» (1616) Пауля Болдуана, см. [Taylor 1955: 13, 16].

каталогов раннего Нового времени оставались рукописными и составлялись по средневековым образцам, во многих книги были рассортированы по дисциплинам, что, вероятно, соответствовало расположению самих книг; к такому каталогу мог (но необязательно) прилагаться дополнительный алфавитный указатель имен авторов или заглавий [Derolez 1979]. В самом начале XVII века появились печатные библиотечные каталоги, которые стали новым источником знаний о книгах за пределами узкого локального контекста — Ноде рекомендовал также делать копии рукописных каталогов, чтобы получить дополнительную информацию об имеющихся в наличии книгах [Naudé 1963: 25]. Университетская библиотека Лейдена известна как первая, опубликовавшая свой каталог в 1595 году, за ним последовал в 1605 году каталог Бодлианской библиотеки, а вышедший в 1679 году знаменитый каталог Библиотеки семейства де Ту способствовал установлению семичастного деления по дисциплинам в качестве нормы для французских книжных каталогов [James 1986: vii; Pol 1975; Coron 1988: 123]. Стремление повысить свою репутацию среди частных коллекционеров подпитывалось изданием книг, описывавших восхитительные библиотеки по всей Европе. Конкуренция за включение в эти книги была такой жесткой, что одного из ведущих авторов этого жанра обвинили в неподобающем поведении: якобы он чрезмерно раздувал количество достойных упоминания библиотек⁷⁷.

БИБЛИОГРАФИИ

Жанр библиографии или биобиблиографии был еще одним полезным инструментом для исследователей и коллекционеров книг, так как в произведениях этого жанра перечислялись книги, превосходившие объемы какого бы то ни было отдельного собрания. Термин «библиография» был введен в обиход только

⁷⁷ [Saint-Charles 1644] называет своим предшественником [Clément 1635], дающего описание Библиотеки Эскориала. О жалобе см. [Baillet 1685: II.i, 273–274].

в середине XVII века и специально применялся к современным изданиям. Так, например, недавние публикации обсуждались в «*Bibliographia politica*» Ноде 1633 года и в ежегодных списках парижских изданий, публиковавшихся Луи Жакобом де Сен-Шарлем начиная с 1645 года под названием «*Bibliographia parisiensina*». В период раннего Нового времени общепринятым термином, обозначающим библиографию в более широком смысле (а не списки недавно выпущенных книг), было слово «*bibliotheca*» (и его эквиваленты в национальных языках — «*bibliothèque*», «*libraria*»); в XVIII веке эти термины применялись также к другим жанрам, содержащим информацию о книгах, таким как периодические издания и антологии [Balsamo 1990: 5; Chartier 1994: гл. 3; Taylor 1941; Arend 1987].

Библиографии, разумеется, возникли не с появлением книгопечатания и не в раннее Новое время. К библиографическим произведениям, известным уже в Античности и в Средние века, относились автобиблиографии (например, перечень собственных работ, составленный Галеном), доксографические труды (например, Диогена Лаэртского или Стобея, перечисляющих авторов и их произведения), перечни процитированных или рекомендованных сочинений (начиная с XII века), списки авторов и произведений, принадлежащих к тем или иным религиозным или региональным традициям. К последней категории относится, например, книга «*De viris illustribus*» («О знаменитых мужах»), написанная Отцом Церкви Иеронимом (347–420), чтобы продемонстрировать достижения христианских авторов его эпохи. Это произведение переписывалось и было объектом подражаний в течение всех Средних веков, особенно начиная с XII века, когда появились библиографии, посвященные конкретным монашеским орденам. Первая печатная библиография, «*De ecclesiasticis scriptoribus*» («О церковных писателях», 1494), принадлежала Иоганну Тритемию (1462–1516), аббату монастыря в Шпонгейме, и относилась именно к этой традиции — она охватывала 963 церковных автора, при этом предпочтение явно отдавалось немецким монахам, представлявшим окрестные монастыри, которые ранее

уже упоминались в библиографиях авторов соответствующего региона. Одна из библиографий, составленная совместно общинами Конгрегации Виндестейма (1470–1530), также включала в себя информацию о распределении книг между общинами — еще один пример того, как библиотечные каталоги и библиографии могли пересекаться и по форме, и по выполняемым функциям [Rouse, Rouse 1986: 147, 152; Balsamo 1990: 7–15]⁷⁸.

Конрад Гесснер (1516–1565) заметно отошел от модели локальной библиографии в своей «*Bibliotheca universalis*» («Универсальной библиотеке», 1545), в которой он попытался представить исчерпывающий перечень произведений на латыни, греческом и древнееврейском языках, «сохранившихся и не сохранившихся, древних и недавних, вплоть до наших дней, ученых и неученых, опубликованных и скрытых [в рукописях] в библиотеках» [Gesner 1545: титульный лист и сигн. *3r]. Амбициозные претензии Гесснера на представление исчерпывающей информации были чем-то новым и требовали обоснования, чтобы избежать обвинений в упоминании в библиографии «дурных книг»:

Ни один автор не был мною отвергнут, и не столько потому, что я считаю их всех достойными памяти или включения в каталог, сколько для того, чтобы исполнить мой замысел, в соответствии с которым я решил упоминать без разбора попросту всех авторов, которых встречаю. <...> Мы хотели только перечислить книги, а выбор и суждение оставить на волю читателей.

Результатом его труда стал алфавитный перечень, включающий примерно 10 000 произведений 3000 авторов, с подробными сведениями о публикациях, а часто и с дополнительной информацией об авторе и (или) содержании его работ. Гесснер, как он сам объяснял, включил в библиографию «оценки, краткие содержания, [отрывки из] предисловий и названия глав, — все вместе

⁷⁸ Основным источником Тритемия послужил труд «О знаменитых мужах», составленный в XII веке Сигебертом из Жамблу, находившегося примерно в 150 милях от Шпонгейма; см. [Mertens 1983].

или что-то из этого, смотря по обстоятельствам», но при этом не предлагал собственных суждений [Gesner 1545: сигн. *3r–v].

Цитируя Плиния — «нет такой плохой книги...» — Гесснер поясняет, что включил в библиографию даже книги, получившие неодобрение цензуры, чтобы читатели, особенно менее образованные из них, были предупреждены, что от таких книг следует держаться подальше, а также книги, написанные варварской прозой⁷⁹, потому что и они могут научить добрым и полезным вещам [Gesner 1545: сигн. *3v]. Гесснер также оправдывал всеохватность своей библиографии тем, что суждения об авторах меняются со временем и не одинаковы в разных регионах:

Многие авторы, общеизвестные и считающиеся полезными в одном месте, совершенно или почти неизвестны в другом; есть также и такие, которых некогда читали все, а теперь они бесполезны для занятий... Очень многие авторы прекрасно известны каждому в наши дни, но через сто лет их будут знать лишь немногие.

Только исчерпывающий перечень мог возродить знание об авторах, преданных забвению. Всеохватность подразумевала использование таких источников, как «Суда», «Пир мудрецов» Афиней, антология Стобея, содержавших информацию об авторах, «от которых ничего не осталось, или осталось лишь несколько предисловий, или даже одно, или только одно письмо» [Gesner 1545: сигн. *3v]⁸⁰. Гесснер надеялся, что знания о том, что такие произведения когда-то существовали, будут способствовать их новому открытию. Однако Гесснер также работал с информацией из новейших источников, включая каталоги книгоиздателей и книготорговцев, которые он получал «из разных мест», библиотечные каталоги, а также письма и рекомендации от многочис-

⁷⁹ Речь идет о сочинениях на средневековой латыни; книги на народных языках стали последовательно включаться только в более поздние издания «Универсальной библиотеки». — *Примеч. науч. ред.*

⁸⁰ Об остром чувстве утраты литературного наследия, которое переживал Гесснер, см. [Müller 2003: 80].

ленных корреспондентов, принадлежавших к Республике ученых [Zedelmaier 1992: 24; Gesner 1545: сигн. *3r].

«Библиотека» Гесснера выдержала лишь одно издание, а задача составления дополнительного тома — «Пандектов» (1548), который должен был предоставить тематический указатель ко всем книгам «Библиотеки», — так и не была реализована в полной мере⁸¹. Однако влияние «Библиотеки» было куда более сильным и продолжительным, чем можно было ожидать от единственного издания: ее регулярно цитировали и приводили в пример, рекомендовали для использования и приобретения в различных руководствах XVII и XVIII веков [Wilkins 1646: 32; Vogler 1691: 10–11; Zedelmaier 1992: 44–43]. Сперва «Библиотека» вызвала появление ряда сокращенных изданий и продолжений, выходивших в Цюрихе, в которых информация, представленная о каждой книге, была сведена к минимуму, но при этом охватывала тысячи новых авторов (до 9000 в продолжении, опубликованном Зимлером в 1583 году) [Hejnic, Bok 1989; Wellisch 1984]. Затем «Библиотека» Гесснера способствовала созданию дополнительных библиографий, в особенности посвященных литературе на народных языках. Первой вернакулярной библиографией стал первый том «*Libraria*» (1550) Антона Франческо Дони (1513–1574), включавший 159 итальянских авторов. Хотя Дони следовал принципу Гесснера, состоявшему в том, чтобы не выбирать между хорошими и дурными авторами, его список скорее можно назвать единственным в своем роде, чем тщательно составленным. В 1548 году Джон Бейл (1495–1563) опубликовал первую библиографию английских авторов в своем труде «*Illustrium maioris Britanniae scriptorum summarium*» («Краткое описание знаменитых писателей Великобритании»), представлявшую собой хронологический список авторов (писавших на латыни) и, вероятно, вдохновленную непосредствен-

⁸¹ Не был выпущен том о литературе по медицине; впрочем, эту лакуну отчасти восполнили библиография ботанической литературы в издании травника Иеронима Бока (1552) и галеновская библиография для его собрания сочинений (1562), также составленные Гесснером. — *Примеч. науч. ред.*

ными контактами с Конрадом Гесснером во время путешествия⁸² Бейла по континентальной Европе с 1540 по 1547 год. Во Франции Франсуа Лакруа дю Мэн и Антуан дю Вердьё составили каждый по собственной «Библиотеке», стремясь превзойти Дони своими длинными перечнями французских авторов. Хотя Лакруа дю Мэн предложил также классификацию книг по различным категориям, соперничая тем самым с «Пандектами» Гесснера, влияние его было непродолжительным; впрочем, эти тома ценили за содержащиеся в них библиографические сведения и переиздали в XVIII веке⁸³. В 1625 году Георг Драуд (1573–1635) в сочинении «*Bibliotheca classica*» привел каталог авторов, писавших на протяжении предыдущего века, а другой свой труд — «*Bibliotheca exotica*» посвятил произведениям на народных языках [Draud 1625a, 1625b].

К середине XVII века количество доступных библиографий, включая библиографии, посвященные определенным темам, вызвало потребность в создании путеводителя по этим изданиям: такая идея была успешно воплощена иезуитом Филиппом Лаббе (1607–1667) в сочинении «*Bibliotheca bibliothecarum*» (1653, более полное издание — 1664). Лаббе перечислил в алфавитном порядке около 800 авторов библиографий и предложил читателям восемь тематических указателей, позволявших находить библиографии по заданной теме. Этот жанр, однако, не получил дальнейшего развития и был возрожден только в 1812 году Габриэлем Пиньо, который считал свой «Универсальный библиографический репертуар» произведением совершенно нового жанра [Taylor 1955: 24–39, 64].

⁸² Бейл находился в изгнании из-за своих протестантских убеждений. — *Примеч. науч. ред.*

⁸³ О Дони см. [Chartier 1994: 72–73; Balsamo 1990: 56; Cherchi 1998: 143–165]. См. [Bale 1971]; рукописный автограф см. в [Bale 1902]. Бейл использовал в работе тетрадь, в которой располагал в алфавитном порядке информацию о фондах множества английских библиотек, которые позже были расформированы. [La Croix du Maine 1584; Verdier 1585] были переизданы в виде шеститомника под названием «*Les bibliothèques françaises de La Croix du Maine et du Verdier*» (Paris: Saillant et Nyon, 1772–1773).

КНИГОТОРГОВЫЕ КАТАЛОГИ

Жанр книготоргового каталога не имел средневековых предшественников, но приобрел большое значение в период раннего Нового времени. Распространение информации о книгах, доступных для покупки или копирования, зависело в Средние века исключительно от личных контактов: на магазинах могли вывешивать таблички с перечнем имеющихся в наличии рукописей, но книжные торговцы полагались главным образом на информацию, полученную друг от друга или от посредников. Острая необходимость возвращения средств, вложенных в изготовление книг, объясняет тот факт, что издатели и книготорговцы пошли на дополнительные расходы, связанные с публикацией книготорговых каталогов. Лишь незначительная часть этих дешевых и функциональных изданий (сначала они печатались с одной стороны на отдельных листах, потом стали издаваться в виде брошюр или даже книг, содержащих сотни страниц) сохранилась до наших дней, однако каталоги были известны современникам и активно использовались ими [Wittmann 1984: 8; Hirsch 1974: 63–65]⁸⁴. Начиная с 1564 года в каталогах проводившейся дважды в год книжной ярмарки во Франкфурте перечислялись новейшие издания с разбивкой по языкам (латинский и немецкий) и областям знаний, «для использования иностранными книготорговцами и всеми, кто изучает литературу» [Fabian 1972–1978, I: 3; Pollard, Ehrman 1965: 70–84; Flood 2007]. Поскольку книги, как правило, были доступны для продажи на протяжении многих лет после выхода в свет, то стали выпускать и сборники, составленные из таких каталогов. Например, в 1592 году было издано собрание, охватывающее все каталоги Франкфуртской ярмарки с 1564 по 1592 год. Этот том имелся у выдающегося парижского коллекционера книг Жака-Огюста де Ту, который оставлял в нем свои примечания, ставя астериск на книгах, которые у него уже были,

⁸⁴ О сохранности брошюр и листовок см. [Mandelbrote 2000a: 55]. Сами владельцы такой печатной продукции выступали за ее уничтожение, см. [Mandelbrote 2003: 73].

и косую черту рядом с теми, которые он хотел приобрести [Coron 1988: 116]. С помощью каталогов новости о книгах распространялись среди потенциальных покупателей в самых отдаленных землях, но они могли быть полезны и местным покупателям, например в Париже, где у книготорговцев не хватало места на витринах, чтобы выставить все имеющиеся у них книги [Mandelbrote 2000a: 55]. До середины XVII века в книготорговых каталогах обычно не указывались цены, их сообщали устно, либо в личной беседе, либо через агента. Английские ярмарочные каталоги были первыми, в которых начиная с 1668 года стали последовательно печатать цены [McKitterick 1992: 35, 38].

В конце XVI века в связи с распространением аукционов, продававших книжные собрания почивших книговладельцев, появился особый подвид книготорговых каталогов. Первый такой аукцион был проведен в Нидерландах в 1596 году, а первый дошедший до нас аукционный каталог датируется 1599 годом. По оценкам исследователей, в сохранившихся аукционных каталогах представлены лишь 20 % от 25 000–30 000 аукционов, проведенных в Нидерландах в XVII–XVIII веках. Один из книжных обозревателей XVIII века описывал странную готовность нидерландских наследников расставаться с книгами покойных родственников, чтобы переделать библиотеку сообразно собственным вкусам — этот процесс, в свою очередь, весьма облегчала частота аукционов, на которых можно было недорого покупать книги [Charon, Parinet 2000: 6; Lankhorst 2000: 20–21]. В Англии аукционы начали проводить с 1676 года, во Франции — только с 1700 (приблизительно), отчасти из-за конфликтов между книготорговцами и аукционистами, спорившими за контроль над торговлей книгами, — однако наивысшего расцвета это явление достигло в XVIII веке [Lawler 1898]⁸⁵. Следует с осторожностью использовать аукционные каталоги в качестве свидетельства о принадлежности книг тому или иному лицу: некоторые книги,

⁸⁵ Хотя с 1556 года у аукционистов была монополия на проведение аукционов, для книготорговцев часто делались исключения при условии, что они не будут ничего покупать на аукционе; см. [Mandelbrote 2000a: 57].

которые действительно принадлежали такому лицу, могли быть пропущены, так как члены семьи оставляли их себе или продавали до аукциона, при этом книготорговцы могли добавить в тот же каталог другие книги, продававшиеся на аукционе. Возможно, они делали это, чтобы способствовать продаже книг за счет репутации покойного владельца коллекции, известного своей ученостью. Лучшим доказательством такой практики является существование специальных указов и жалоб на то, что «старый хлам из магазинов и бракованные издания навязывали покупателям, выдавая их за книги из библиотек выдающихся людей»⁸⁶. Габриэль Мартин (1679–1761) разработал для своих 147 аукционных каталогов систему классификации, но редко включал в них указатель — вместо этого он ставил пользователей перед необходимостью читать каталоги от корки до корки, несомненно, желая увеличить таким образом объем продаж [Martin 1706: сигн. iјv (№ 3); Martin 1711: сигн. [av]r (№ 7); Martin 1746: vii]⁸⁷. Аукционные каталоги часто сохраняли, переплетая целыми группами, иногда в них подписывали цены, по которым были проданы книги [McKitterick 1992: 37]⁸⁸.

Эти инструменты пришлось по нраву профессиональным и квазипрофессиональным коллекционерам книг. Бодлианской библиотеке принадлежит почти полный, снабженный множеством рукописных примечаний набор каталогов, опубликованных оксфордскими книготорговцами, в которых они рекламировали книги, привезенные с континента. Ганс Слоан (1660–1753), жадно скупавший книги и собравший в результате огромную коллекцию, которую он завещал Британской библиотеке, был вла-

⁸⁶ «The general catalogue of books» («Общий книжный каталог», 1680) Клавеля, цит. в [Mandelbrote 2000b: 347]. Похвалу образованному владельцу см. в [Martin 1711: сигн. aijr–aiiijr]. О правилах, действовавших в Голландии, см. [Lankhorst 2000: 25; Charon, Parinet 2000: 7; Masson 2000: 127].

⁸⁷ Мартин включил указатель в 1035-страничную «Bibliotheca bultelliana», очевидно, в ответ на просьбы ученых [Martin 1711: сигн. [av]r (#6)]. Ни в одном из английских аукционных каталогов указателей не было [McKitterick 1992: 37].

⁸⁸ О некоторых ценах, указанных таким образом, речь пойдет ниже.

дельцем 700 томов аукционных каталогов [Roberts 1997: 331; Mandelbrote 2000b: 357–358]. При этом каталоги использовались также в качестве недорогих путеводителей многими образованными людьми, которые приобретали книги время от времени. Джон Ивлин, например, был владельцем 20 таких каталогов [Hofmann et al. 1995: 32]. В некоторых случаях, когда доступ к определенной книге был затруднен или невозможен, просмотр каталога или библиографии мог заменить знакомство с текстом книги. Каталоги аукционов, вероятно, использовались в этих целях студентами и профессорами во время занятий по курсу истории литературы («*historia litteraria*»), который предлагал своеобразное введение в мир книг и давал оценку недавним изданиям. В самом деле, в конце XVII века в Германии, где были распространены такие курсы, маленьким университетским библиотекам не уделялось должной заботы, так что профессора больше полагались на собственные книжные собрания и, при возможности, на библиотеки местных высокопоставленных особ [Yeo 2001: 94; Grafton 1991: 161; Nelles 2000: 50 слл.].

Книги о книгах были полезны как источники информации, либо потому что они сообщали о книгах, некогда принадлежавших уважаемым людям (такие сведения имелись в библиотечных или аукционных каталогах), либо потому что в них перечислялись издания, доступные для продажи или хотя бы представленные в виде аннотаций (об этом узнавали из книготорговых каталогов или библиографий). Также такие каталоги, снабженные владельческими пометами, могли служить списками книг, которые кто-то приобрел или рассчитывал приобрести. Так, например, имевшиеся печатные каталоги использовались как учреждениями, так и частными лицами в качестве основы для новых каталогов, сформированных из рукописных примечаний на полях печатного текста. Экземпляр издания каталога Бодлианской библиотеки в Оксфорде 1674 года был переплетен с дополнительными листами и дополнен множеством записей: в таком виде он служил рукописным каталогом *Bibliothèque Mazarine* в Париже (*Mazarine Library*, Paris, MSS 4138–4145). Аналогичным образом Конрад Гесснер указывал, что его «Универсальная библиотека» может

быть снабжена пометами о расположении книг на полках и дополнениями на пустых частях листа, выступая, таким образом, каталогом частной библиотеки. Возможно, следуя совету Гесснера, Филип Эдуард Фуггер (1546–1618), сын Георга Фуггера, каталогизировал свою библиотеку, делая пометы в издании 1574 года — продолжении «Библиотеки» Гесснера [Gesner 1545: сигн. 4v; Balsamo 1990: 39]⁸⁹.

Эти жанры также служили образцами для упорядочения собственных книг и списков книг: один из рукописных библиотечных каталогов XVIII века был явно составлен по образцу аукционного каталога [Masson 1988: 264]. Похожим образом, французская система классификации, кодифицированная Жаком-Шарлем Брюне в 1810 году, основывалась на более ранних классификациях, использовавшихся в библиотечных каталогах (в частности, в составленном в 1678 году Жаном Гарнье каталоге Библиотеки Парижского коллегиума иезуитов и в каталоге Библиотеки семьи де Ту, опубликованном в 1679 году) и в книжной торговле (в числе прочего в аукционных каталогах, публиковавшихся Габриэлем Мартином с 1703 по 1761 год). Сложные схемы классификации знаний — яркими примерами которых были абстрактный план музея Самуэля Квиккеберга (1565), «Театр памяти» Джулио Камилло (1550), а также систематическая организация «Театра» Теодора Цвингера или «Энциклопедии» Иоанна Генриха Альстеда — редко использовались прагматически настроенными «*scriptores bibliothecarii*», для которых первостепенное значение имели расположение по дисциплинам, языкам и формату [Brunet 1810; Jolly 1988b: 379–383; Bolzoni 2001; Blair 2007a].

НОВЫЕ ЖАНРЫ: КНИЖНЫЕ ОБЗОРЫ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Книги о книгах, для которых в целом характерны были функциональность и многообразие, пережили переход от преобладания вопросов античной науки к более современным темам

⁸⁹ О Фуггере см. [Widmann 1966: v].

(об этом я пишу более подробно в главе 5) без особенных трудностей. Однако одновременно с переносом внимания с античного на современное происходило развитие новых жанров. Исторические или биографические словари и книжные обзоры уделяли внимание скорее современным, чем античным авторам и часто были составлены на народных языках. Третий жанр, уникальный для немецкой академической среды, был посвящен «*historia litteraria*» («истории литературы») и «*notitia librorum*» («знанию о книгах»); в нем сочетались библиографическая информация, суждения о книгах и общие педагогические рекомендации. Произведения этого жанра писались обычно на латыни и фокусировались на неолатинской литературе. Это объясняется тем, что жанр уходил корнями в университетскую среду, а также тем, что развитие образования на народных языках происходило в немецкоязычных землях медленнее, чем в Англии и Франции. Однако и в этих публикациях внимание уделялось преимущественно новинкам, а не классической античной литературе.

В конце XVII века возникло множество предпосылок для появления периодических библиографических изданий. Это было связано в том числе с возникновением институтов, которые организовывали публикацию некоторых из них (например, Королевского общества), развитием издания книг по подписке и, что важнее всего, с расширением читательской аудитории, заинтересованной в получении новостей из Республики ученых, что побуждало издателей идти на риск [Broman 2000]⁹⁰. Одной из наиболее общих черт периодических изданий, появившихся в конце XVII века (некоторые из них, впрочем, просуществовали недолго), было присутствие в них книжных обзоров, в которых излагалось краткое содержание недавно опубликованной книги, иногда в сочетании с несколькими отрывками, а также ей давалась оценка. В некоторых случаях (например, в «*Philosophical Transactions*», 1662–) книжные обзоры составляли относительно небольшую часть журнала. Другие периодические издания, напротив,

⁹⁰ Об изданиях по подписке см. ниже.

содержали главным образом отзывы и рецензии на книги: такими были, например, «Journal des sçavans» (издававшийся с 1665 года), «Nouvelles de la République des Lettres» (1684–) Пьера Бейля, «Acta eruditorum» (Лейпциг, 1682–) и «Weekly Memorials for the Ingenious» (1681–), прямо обещавшие дополнить «заголовки книг, информация о которых ежегодно печатается в наших книготорговых каталогах: их сведения следует признать немного суховатыми» (цит. по: [McKitterick 1992: 38–39]).

Книжные обозрения рекламировались как средство от избытка книг, но, конечно, вскоре их самих стало слишком много. Почти одновременно с появлением этого жанра возникли обвинения в том, что его авторы пишут рецензии, не читая сами книги. Такое обвинение, например, было выдвинуто против многотомных «Jugemens des sçavans» Адриена Байе: «Если справедливо то, что один человек не может прочесть все книги, о которых говорит [Байе], он должен признать, что делает обзоры книг, которые и сам не был способен прочитать» [Boschet 1691: 22]. Среди итогов бума книжных обозрений в XVIII веке можно упомянуть 9000 рецензий, написанных Альбрехтом фон Галлером (1708–1777) за тридцать один год работы на «Göttingische Zeitung von gelehrten Sachen» (наряду с этим он опубликовал также десять томов, посвященных разным темам, от медицины до поэзии), а также публикации флорентийца Джованни Лами, редактора «Giornale de' litterati d'Italia» и основателя «Novelle letterarie», писавшего обзоры огромного количества книг, знакомясь лишь с первыми страницами каждой из них: при этом он обычно полностью или частично переписывал тексты предисловий⁹¹. Из-за скорости работы рецензентов качество оценки в книжных обзорах явно страдало, но нельзя сказать, что это вредило продажам или репутации журналов.

Хотя периодические издания формально казались противоположностью справочной литературе, издаваясь в виде серий небольшого формата и обладая однодневным значением, редакторы журналов предпочитали говорить о своих публикациях как

⁹¹ О Галлере см. [Fabian 1976: 162]; о Лами см. [Dooley 1997].

о равнозначных справочным трудам. В действительности к концу XVII века благодаря появлению ежегодных и объединенных указателей хорошо сохранившиеся подборки выпусков журналов могли использоваться в справочных целях [Yeo 2001: 70–75]. В журнале *Acta eruditorum* с самого первого выпуска составлялся ежегодный «*index auctorum ac rerum*» (именной и предметный указатель), а после десяти лет издания редакторы поручили составить отдельный том из семи указателей к имевшимся выпускам журнала; над этим трудоемким заданием работали по меньшей мере восемь человек, указатель был опубликован в 1693 году. Этот и последовавшие за ним тома указателей, публиковавшиеся раз в десять лет, давали подписчикам возможность извлекать максимальную пользу из выпусков, которые они уже получили, в то же время потенциальным новым читателям предлагалось начать подписку с момента выхода указателей, чтобы затем получить такие же преимущества [Laeven 1990: 73–76]. Даже если указатель не публиковали издатели журнала, это могли сделать другие: так, книготорговец Корнелис ван Бёгем опубликовал указатель к «*Journal des sçavans*» за 1665–1681 годы и сводный указатель к «другим наиболее выдающимся ученым журналам» в четырех отдельных томах, которые печатались с 1689 по 1701 год⁹².

Обсуждение литературных новинок в академической среде процветало в немецких университетах в связи с подъемом *historia litteraria*, пришедшимся на 1660–1740 годы [Gierl 2001]. Наиболее полной и влиятельной книгой в этом жанре был «*Polyhistor*» Даниэля Георга Моргофа (1639–1691), частично изданный в 1688 году, а в более полной версии — в 1708-м, уже после смерти автора, и переиздававшийся в 1714, 1732 и 1747 годах. «Полигистор», с одной стороны, представлял собой руководство по чтению книг и получению знаний, с другой стороны, путеводитель

⁹² Они были озаглавлены, соответственно, «*La france sçavante, id est Gallia erudita*» («Ученая Франция») и «*Apparatus ad historiam litterariam novissimam*» («Инструмент для изучения новейшей литературной истории»; 1689, 1694, 1699, 1701); см. [van Lieshout 2001: 209].

по литературе, содержащий как длинные цитаты, так и острые суждения. Вероятно, основой книги стала педагогическая практика, поэтому он получил форму учебника, однако им можно было пользоваться и в справочных целях благодаря двум пространственным указателям — авторскому и тематическому. Биографические словари новых авторов также зародились в немецкой академической среде. Пауль Фреер (1611–1682) в «*Theatrum virorum eruditione clarorum*» («Театре людей, знаменитых своей ученостью», 1688) давал биобиблиографическую информацию, а также небольшие портреты авторов⁹³, работавших в разных областях науки. Разновидностью того же жанра были словари анонимных трудов и сочинений, изданных под псевдонимами: их составители обещали в результате тщательного анализа идентифицировать авторов печатных и рукописных произведений, в которых отсутствовало имя автора. Винсент Плакциус (известный описанием шкафа для записок) опубликовал в 1674 году краткий перечень таких произведений, который лег в основу вышедшего после его смерти, в 1708 году, двухтомника формата in-folio «*Theatrum anonymorum et pseudonymorum*» [Placcius 1674; Placcius 1708]⁹⁴.

Энциклопедия

В нашем исследовании жанров справочной литературы раннего Нового времени, опирающемся в основном на категории, использовавшиеся в тот период, практически не упоминается термин, который преобладает в наши дни, — «энциклопедия». Слово «*Encyclopædia*» не использовалось для обозначения при-

⁹³ Эти портреты напечатаны на отдельных листах в виде небольших галерей (4 × 4 портрета с подписями). — *Примеч. науч. ред.*

⁹⁴ Расширенную версию этой работы представляет собой «*Bibliotheca anonymorum et pseudonymorum ad supplendum et continuandum Placcii Theatrum*» (1740) Кристофа Хоймана. См. [Lemcke 1925; Mulsow 2006]. О Моргофе см. [Waquet 2000].

вычного нам жанра вплоть до того момента, когда изданием «Cyclopaedia» Эфраима Чеймберса в 1728 году и вдохновленной ею французской «Энциклопедии» (1751–1775) было положено начало популярности как самого термина, так и жанра, который он обозначал (см. об этом в главе 5). Когда термин «encyclopaedia» был впервые введен в обиход в начале XVI века, он означал философский идеал взаимосвязи между дисциплинами, и в этом значении он просуществовал до конца XVII века⁹⁵. Произведения, называвшиеся «энциклопедиями», часто представляли собой абстрактные трактаты по разным дисциплинам, однако начиная с конца XVI века слово «энциклопедия» стало появляться в подзаголовках или даже заголовках дидактических произведений. Особенно сложно определить, что означал термин «энциклопедия» в тот период, когда для него предлагалось множество интерпретаций одновременно (вероятно, труднее, чем в те периоды, когда термин вообще не существовал в качестве отдельной категории)⁹⁶. Многие сочинения раннего Нового времени охватывали несколько дисциплин и (или) предлагали их классификацию, и могли, таким образом, считаться в той или иной степени энциклопедическими. Альфредо Серрай, составивший наиболее полный перечень энциклопедий раннего Нового времени, включил в свой список не только жанры справочной литературы, уже обсуждавшиеся в данной работе, но и другие виды книг, такие как книги секретов, научную поэзию и трактаты о методах и устройстве различных дисциплин [Serrai 1988, 1991]. Другие широкие толкования энциклопедизма раннего Нового времени

⁹⁵ В «Оксфордском словаре английского языка» первое употребление слова датировано 1531 годом в значении «цикл дисциплин». В 1690 году Фуретье дал слову похожее определение: «Encyclopédie: s. f. science universelle, recueil ou enchaînement de toutes les sciences ensemble» («Энциклопедия, то есть универсальная наука, собрание или соединение всех наук») [Furetière 1690]. В философских словарях и словарях латыни того периода термин не засвидетельствован. Подробную его историю см. в [Dierse 1977].

⁹⁶ Литература об энциклопедиях раннего Нового времени очень обширна. См. особенно [Stammen, Weber 2004; West 2002; Meier 2002; Binkley 1997a; Eybl 1995; Kenny 1991; Arnar 1990; Schmidt-Biggemann 1983; Vasoli 1978].

относят к этому разряду энциклопедические нарративы, иллюстрированные издания и собрания предметов (как, например, библиотеки, музеи и кунсткамеры).

Один из вариантов термина «энциклопедия» впервые появился в дидактической работе — издании 1583 года «Жемчужины философии» (1503) картезианского монаха Грегора Рейша (умершего в 1525 году), имевшем подзаголовок «наиболее совершенная циклопедия всех дисциплин». Напечатанная на 600 страницах форматом in-quarto, «Жемчужина» представляла собой компендиум по всем «свободным искусствам», а также естественной и нравственной философии, с подразделом о «механических искусствах», в общей сложности в двенадцати книгах [Reisch 1583; Ferguson 1929; Münzel 1937]. «Жемчужина» была с самого начала снабжена алфавитным указателем, оглавлением и ясной структурой разделов и подразделов, что делало возможным поиск конкретных вопросов и облегчало просмотр в справочных целях. В отличие от рассматривавшихся до сих пор книг, в которых компилировались подборки материалов, в «Жемчужине», как в учебнике, обобщались основы каждой дисциплины. Эта «циклопедия» была сосредоточена не на теории дисциплин, а на их содержании. С тем же акцентом это слово употреблялось в заголовке последнего печатного издания «Speculum maius» Винсента из Бове в 1624 году. Бенедиктинцы из Дуэ продавали массивный фолиант под обновленным названием, собравшим множество новых метафор, связанных со справочной литературой: «Библиотека всего мира, четыре зеркала (природное, учительное, нравственное, историческое) в одном, в котором представлены история всего сущего в природе, энциклопедия всех наук, сокровищница нравственной философии, обширный театр времен и человеческих деяний»⁹⁷. Ключевые термины — «история», «энциклопедия», «сокровищница» (thesaurus) и «театр» (напеча-

⁹⁷ См. [Vincent of Beauvais 1964]: «Bibliotheca mundi Vincentii Burgundi, ex ordine praedicatorum venerabilis episcopi Bellovacensis, speculum quadruplex, naturale, doctrinale, morale, historiale. In quo totius naturae Historia, omnium scientiarum Encyclopedia, moralis philosophiae Thesaurus, temporum et actionum humanarum Theatrum amplissimum exhibetur».

таннные красным цветом на титульном листе) — относились, соответственно, к каждому из четырех разделов произведения Винсента. «Энциклопедия» подразумевала «Зерцало учительное» (*Speculum doctrinale*), посвященное наукам и искусствам, но с фокусом скорее на обилии информации, которую можно почерпнуть в каждом из них, чем на теории их взаимосвязи. В этих случаях, как видно, «энциклопедия» уже ассоциировалась с энциклопедическим содержанием.

«*Encyclopedia septem tomis distincta*» («Энциклопедия, разделенная на семь томов») Иоганна Генриха Альстеда, вышедшая в 1630 году, стала первым справочным изданием, в названии которого использовалось слово «энциклопедия» само по себе, без сопровождающих терминов и метафор. Это сочинение было переиздано всего однажды, в 1649 году, но было широко известно (как и «Библиотека» Гесснера) и, возможно, стало катализатором всё более частого использования слова «энциклопедия» в названиях книг. В последующие десятилетия под этим названием вышло множество работ, как специализированных, так и мультидисциплинарных⁹⁸. «Энциклопедия» Альстеда также способствовала распространению термина «энциклопедист», который Джон Ивлин применил в отношении самого Альстеда в 1651 году, а Христиан Либерий, употребляя его на латыни, стал обозначать им не только Альстеда, но и других авторов справочной литературы. В своем наставлении о книгах в 1681 году Либерий предвосхитил обвинения в том, что он отклонился от существующих компендиев, заявив, что у него «нет ни времени, ни желания читать, не говоря уже о том, чтобы переписывать от-

⁹⁸ Среди специализированных работ следует назвать «*Encyclopedia juris*» (1640) Иоганна Филиппа, «*Encyclopaedia mathematica*» (1642) Якоба Равенсперга, «*Encyclopedia chirurgica*» (1689) и «*Encyclopedia medica*» (1691) Иоанна Долея. Среди более общих трудов — «*Encyclopédie des beaux-esprits*» (Paris: Lamy, 1657, 1659), «*Schola-ludus sive encyclopaedia viva*» (1657) Иоанна Коменского, «*Encyclopaedia synoptica... in usum iuventutis*» (1672) Иоанна Гезелия. Однако среди авторов крупных справочных произведений, предшествовавших французской «Энциклопедии», только Чеймберс использовал этот термин в заголовке; см. [Kafker 1981].

рывки из Цвингера, Родигина, Альстеда, Бейерлинка и других, будь то летописцы или энциклопедисты»⁹⁹. В XVIII веке слово «энциклопедист» применялось уже более специфически по отношению к авторам коллективного труда, известного как «Энциклопедия» Дидро¹⁰⁰.

Модель энциклопедии, предложенная Альстедом через век с четвертью после «Жемчужины» Рейша, точно так же представляла собой структурированный компендий по всем дисциплинам, но имевший значительно больший масштаб, сообщая более подробную информацию по каждой науке (так, например, в раздел «Лексика» были включены глоссарии важнейших корней и терминов на древнееврейском, халдейском, сирийском, арабском, греческом и латинском языках) и включая большое количество новых дисциплин, многие из которых упоминались только в работе Альстеда. Альстед признавал первоначальное значение слова «энциклопедия», демонстрируя иерархию и деление дисциплин в больших древовидных схемах, представленных в начале книги, а также в более кратких — расположенных по всему тексту. В то же самое время «Энциклопедия» Альстеда была полезным справочником, содержащим информацию о многих областях знания, имевшим ясное форматирование и снабженным единым подробным указателем, в котором статьи по той или иной теме были сгруппированы вместе и снабжены подразделами, как это было бы сделано сегодня. «Энциклопедия» Альстеда представляла собой компендий информации по всем дисциплинам, причем соответствующие главы обычно разделялись для удобства запоминания на изложение основных принципов и пронумерованный перечень правил. Хотя Альстед нечасто называет свои источники, исследования показали, что при составлении «Энциклопедии» он использовал широкий спектр справочников

⁹⁹ Evelyn. Memoires, 1857. Vol I. P. 278: «Куртис был учеником Альстеда-энциклопедиста». OED s.v. «encyclopedist», цит. по: [Liberius 1681: сигн. A2r].

¹⁰⁰ В «Оксфордском словаре английского языка» термин «encyclopedist» в этом значении датируется 1796 годом (Hutton); оно сохраняется и в наши дни, см. [Kafker 1988].

и трактатов того времени, заимствуя из них отдельные отрывки и составляя парафразы, которые он затем вставлял в свою работу в соответствии с используемой им систематикой [Hotson 2000; Hotson 2007: гл. 5–6]¹⁰¹. Альстед управлял информацией в своем учебнике учебников, прибегая скорее к сокращению и пересказу, чем к открытому цитированию избранных мест из авторитетных источников.

Не раскрывая в полной мере источники своих заимствований при составлении текста, Альстед с готовностью признавал, что многим обязан восемнадцати другим «великим людям — моим предшественникам» в деле «представления в одной синтагме великих просторов философского царства». Список предшественников Альстеда демонстрирует широкий диапазон воззрений того времени на то, что же составляет энциклопедический проект [Alsted 1989, I: сигн. iiiv–iiijr]. Альстед упоминал множество работ, созданных в немецких университетах, где он провел много лет, в том числе трактаты, посвященные отдельным дисциплинам, которые вместе составляют энциклопедию («Клеменс Тимплер и Варфоломей Кеккерман в своих различных systemata»), а также учебники рамистов, написанные для детей и сводившиеся к простейшим сборникам определений из всех областей знания («Paedagogus» Томаса Фрейгия)¹⁰². Однако в список Альстеда входили также сочинения других конфессий и жанров, от иезуитской «Bibliotheca selecta» Антонио Поссевино до эзотерического труда «Macrocosmus et microcosmus» Роберта Фладда, от трактатов по классификации знаний, до объемных компиляций вроде «Театра» Цвингера и полностью

¹⁰¹ Альстед перечислил некоторые из источников, которые он рекомендовал к прочтению и использовал сам, в разделе «Дидактика», гл. 5 [Alsted 1989, I: 102]. Благодарю Говарда Хотсона, приславшего мне в 1991 году из Оксфорда свою диссертацию, с которым мы впоследствии поддерживали полезное общение и переписку.

¹⁰² Iohannes Thomas Freigius, «Paedagogus, hoc est libellus ostendens qua ratione prima artium initia pueris quam facillime tradi possint» (Basel: Sebastian Henricpetri, 1582); о Кеккермане см. [Hotson 2007]; о Тимплере — [Freedman 1988].

табличного представления дисциплин в «Theatrum philosophicum» Якоба Лорхарда¹⁰³.

Исследование энциклопедий раннего Нового времени осложняется отсутствием четкого эквивалента привычной нам категории до XVIII века, а также существованием множества различных направлений, которые современники идентифицировали как части энциклопедического проекта. Авторы энциклопедических произведений разрывались между попытками охватить теоретические аспекты иерархии дисциплин и преодолением практических трудностей в предоставлении читателю больших объемов информации. Альстед употребил термин «энциклопедия» в названии справочного произведения, но систематически организованная компиляция материалов из учебников, которую он предложил в качестве энциклопедии, не нашла прямых последователей. Напротив, убедительный коммерческий успех, которым пользовались в XVII веке алфавитные словари, и удобство алфавитного порядка как для пользователей, заинтересованных в справочной информации, так и для компиляторов, не имевших особенных претензий на теоретизирование, позволяют объяснить распространение словарей искусств и наук, которые в результате сообщили (эн)циклопедии ее форму и подзаголовок через важнейшие образцы этого жанра в XVIII столетии.

Противоречия энциклопедизма раннего Нового времени, признававшего ценность как тщательно разработанной системы знания, так и представления больших объемов полезной информации, не исчезли с появлением новой формы. Чеймберс утверждал, что его «Циклопедию» можно читать целиком, начиная

¹⁰³ Jacob Lorhard, «Theatrum philosophicum in quo artium ac disciplinarum philosophicarum plerarumque omnium... praecepta in perpetuis schematismis ac typis tanquam in speculo, cognoscenda obiiuntur» (Basel: Conrad Waldkirch, 1613) и «Ogdoas scholastica continens diagraphen typicam artium...» (Sankt Gallen: Straub, 1606). Альстед, вероятно перепутав названия, ссылался вместо вышеуказанной работы на «heptas philosophica» Лорхарда. Оба произведения представляют собой сборники таблиц, по одной на каждую область знания, с отдельной пагинацией, общим объемом в 450 и 380 страниц соответственно.

с длинных, хорошо структурированных статей и переходя затем по перекрестным ссылкам, чтобы составить знание обо всей дисциплине. При этом д'Аламбер в «Encyclopédie» защищал использование алфавитного порядка и предлагал древо знания, демонстрировавшее взаимосвязь между дисциплинами, разнесенными по расположенным в алфавитном порядке статьям. Дидро подчеркивал полезность перекрестных ссылок, с помощью которых читатель может установить множество взаимосвязей, находясь в исходной точке¹⁰⁴.

Напряженность отношений между философской системой и эффективной организацией информации затронула и современные энциклопедии. К попыткам систематической организации относятся как «Encyclopedia metropolitana» Кольриджа, которая так и не была издана целиком, так и одиннадцатое издание энциклопедии «Британника», построенное вокруг пространного представления основных дисциплин. В пятнадцатом и последнем печатном издании «Британники» (1985) в явной форме декларируются множественные цели энциклопедии, причем выделяются три отдельных компонента: «Microaedia» для быстрых справок, «Macroaedia» для подробных статей, и однотомная «Proaedia», в которой представлена круговая диаграмма разделения знания на десять категорий, каждая из которых связана с остальными и с центром круга; сама эта модель следует ложной этимологии термина «encyclopaedia», толкуемого как «круг знаний»¹⁰⁵ [Céard 1991]. «Пропедия», вероятно, не пользовалась популярностью, поскольку она не соответствует нашим методам чтения энциклопедий, так что из электронной версии «Британники» она была исключена.

Переход справочной литературы на электронные платформы начал и, несомненно, продолжит менять состав, методы пополнения и использования соответствующих инструментов. Функция поиска заменила алфавитный указатель, расширенные ги-

¹⁰⁴ О Чеймберсе см. [Yeo 2000; Diderot, d'Alembert 1966: xviii–xix, xxxvi (предисловие); 5: 642 (статья «Encyclopedia»)].

¹⁰⁵ От греч. κύκλος «круг» и παιδεία «обучение, образование». — *Примеч. науч. ред.*

перссылки поощряют использование перекрестных ссылок в качестве оптимального способа перехода от одной темы к другой, как это рекомендовали делать Чеймберс и Дидро; коллективное составление, давно ставшее стандартом в печатных изданиях, на сегодняшний день подразумевает возможность обратной связи и участия читателей в дальнейшей работе, по крайней мере в формате «Википедии». Несмотря на все эти изменения (а будут, несомненно, и новые), современные справочные труды основываются на опыте развития справочных жанров в прошлых столетиях. Концепция справочного произведения, составленного с нейтральной позиции, для общего блага, для удовлетворения широкого диапазона интересов, в результате коллективной работы множества авторов, происходящей как синхронно, так и в диахронии, была воплощена уже в справочных новолатинских сочинениях раннего Нового времени, таких как «Полиантея» и «Театр». Это будет показано в следующей главе.

Глава 4

Компиляторы, их мотивы и методы

Большая работа тяжела, потому что она большая.

*Сэмюэл Джонсон. Словарь английского языка,
предисловие*

Авторы справочной литературы занимаются организацией текстовой информации в масштабе, выходящем за рамки нормы, если оценивать их в историческом контексте. Изучение их мотивов и методов работы открывает глаза на многое. С одной стороны, общепринятые представления и практики часто лучше проявляются в объемных произведениях с меньшими литературными претензиями. С другой стороны, исключительность задач, связанная с огромным массивом материала, и нехватка времени могут стать причиной возникновения необычных методов работы и новаторских интеллектуальных обоснований. В период раннего Нового времени мы обнаруживаем, например, использование вырезок из печатных книг, которые затем вклеивались в рукописи объемных компиляций, и оправдание самой практики масштабного компилирования созданием «общего сада» с цветами на любой вкус.

Лишь немногим авторам справочной литературы были посвящены отдельные исторические исследования. Лучше всего изучены те, кто участвовал в создании знаменитых современных словарей, как, например, Джеймс Мюррей, составитель «Оксфордского словаря английского языка» (первый выпуск которого вышел в 1884 году), или Сэмюэл Джонсон, автор «Словаря английского

языка» (1755). Эти исследования содержат летопись героических подвигов упорства и изобретательности, а также проясняют роль помощников (сотен людей, участвовавших в составлении «Оксфордского словаря», или шести наемных компиляторов в случае словаря Джонсона) и технологий, пусть и примитивных, вроде использования полосок бумаги. Участие множества сотрудников в написании справочных трудов, как правило, с трудом поддается изучению: например, историкам так и не удалось установить личности всех участников работы над «Энциклопедией» Дидро и д'Аламбера, которых насчитывается более 140. Договоренности о совместной работе часто бывали устными, и о них не оставалось никаких свидетельств [Winchester 2003; Reddick 1996; Kafker 1996; Quemada 1998]. Более того, в нашем распоряжении чаще всего нет рукописных черновиков или заметок к справочным книгам раннего Нового времени: рабочие материалы крупных компиляций часто включались в издательский манускрипт, чтобы сэкономить на их копировании. Эти бумаги активно размечали и после печати просто выбрасывали. Нам известна, например, одна страница из словаря 1587 года, которая сохранилась в переплете другой книги. В случае со словарем Джонсона несколько рабочих рукописей сохранились только благодаря тому, что соответствующие материалы были пропущены и не вошли в исправленное издание, для которого они были подготовлены¹. Аналогичным образом, заметки, собранные для публикации, но оставшиеся неиспользованными, могут пролить свет на методы работы компиляторов объемных справочных произведений XVI века, таких как Конрад Гесснер и Теодор Цвингер.

При попытке понять, как именно авторы справочной литературы раннего Нового времени работали над организацией материалов и что они думали о своей работе, мы прежде всего обращаемся к печатным изданиям, в том числе к паратекстам, составленным теми, кто участвовал в создании книги (авторами, редакторами или издателями), а также изучаем изменения в содержании и спо-

¹ О странице из «Словаря» Томаса Томаса см. [Stevenson 1958]; о Джонсоне — [Reddick 1996: 4–5].

собах представления текста. Контекст также содержит ценные свидетельства, в том числе комментарии современников, а также замечания о методах составления заметок и совместной работы, описанных в главе 2. Авторы справочной литературы часто характеризовали себя как составителей собраний заметок, и в основе многих справочных изданий действительно лежали такие собрания — от «Естественной истории» Плиния до «Dictionary of Phrase and Fable» (1870), создание которого Эбенезер Кобэм Брюэр (1810–1897) объяснял своей «детской привычкой к составлению заметок, которым я продолжал заниматься всю свою жизнь»².

Стремление к накоплению заметок, характерное для эпохи Возрождения, важно для понимания как происхождения, так и популярности многих справочных изданий, появившихся в раннее Новое время. Печатные компиляции были бы невозможны, если бы составитель (а их, как правило, было несколько) не предоставил большое количество ранее сделанных записей, и эти книги не нашли бы своих покупателей, если бы они не предлагали то, в чем были заинтересованы читатели, а именно — готовые читательские заметки, которые они не желали или не могли делать сами, но тем не менее хотели иметь в своем распоряжении. В главе 2 я рассмотрела некоторые мотивы и методы работы ученых раннего Нового времени, связанные с составлением и хранением большого количества выписок. В этой главе я хотела бы специально остановиться на мотивах и методах создателей печатных компиляций.

Положение компилятора и развитие «Полиантеи»

Мишель Фуко прозорливо заметил, что у функции «автора» есть своя история. Хотя его собственная периодизация была сделана грубо и на скорую руку, работа Фуко стимулировала

² P. M. C. Hayman, E. Cobham Brewer LLD: A Brief Memoir by His Grandson в Brewer's Dictionary of Phrase and Fable / ed. Ivor Evans. 1970. P. vii–xii, особенно ix–x (цит. по: [Bunge 1992: 24]).

более подробное исследование концепции и природы авторства в различных исторических контекстах и вызвала появление множества толкований термина «автор» [Foucault 1977; Love 2002; Ezell 1999]. В современной модели понимания автора как «вдохновенного гения» текст, составленный из отрывков других текстов, считается работой скорее компилятора, чем автора и расценивается как нечто более низкое по сравнению с авторским текстом, потому что содержит очень мало оригинального сочинения. Постмодернистская концепция авторства, напротив, воспринимает процесс отбора как имеющий большую интерпретационную ценность, в рамках этой концепции компилятор может быть реабилитирован и поставлен наравне с «автором». Однако сложившиеся отрицательные коннотации, связанные с практикой компилирования, и утилитарный характер многих компиляций удерживали ученых от их исследования, вплоть до недавнего времени.

При этом изучение компиляций представляется весьма многообещающим, не только потому, что в их создании задействованы суждение и творческий подход составителя, но также (и это важно для целей моего исследования) потому, что компиляция была широко распространенной формой организации информации в периоды, предшествовавшие Новому времени. Компиляторы отбирали, пересказывали, сортировали и представляли текстовый материал таким образом, чтобы облегчить его использование другими. Изучение мотивации компиляторов и их представлений о самих себе, а также их методов работы, таким образом, открывает путь к пониманию истории организации информации. Компиляции раннего Нового времени, разумеется, были многим обязаны долгой средневековой традиции, поэтому основательнее всего это явление изучали медиевисты [Parkes 1976; Minnis 1979; Hathaway 1989; Guenée 1983].

В классической латыни глагол «*compilare*» имел отрицательное значение — «расхищать» или «грабить» (в основном применительно к людям и зданиям, без специальной отсылки к текстам), однако уже в VII веке Исидор Севильский определял слово «*compilator*» нейтральным образом: «...человек, который смести-

вает чужие слова со своими собственными, подобно тому, как те, кто изготавливает краски, добавляют много разных [цветов] к известке». К XIII веку глагол «*compilare*» мог заменяться множеством других терминов («*excerpere*», «*colligere*», «*defflorare*»), обозначающих процесс составления экстрактов или отбора «цветов» (лучших фрагментов) из имеющихся источников. В течение XIII века, по мере увеличения числа компиляций разного рода (флорилегиев, энциклопедий и других подобных произведений), компиляторы стали точнее формулировать в предисловиях к сборникам отличительные черты собственной роли. В частности, работа компилятора состояла в том, чтобы доносить слова автора (*auctor*), не добавляя к ним собственного «авторства» и претендуя только на характер представления, но не на содержание материала³. Около 1250 года Бонавентура, преподававший тогда богословие в Парижском университете, различал компиляторов и авторов в зависимости от соотношения оригинальных слов и тех, которые заимствованы у других:

Есть четыре способа создания книги. Один пишет чужие слова, ничего не добавляя и не изменяя, и его следует называть просто писцом (*scriptor*). Другой переписывает чужие слова, добавляя к ним что-то, но не от себя, его мы называем компилятором. Третий записывает и собственные, и чужие слова, но чужие слова играют главную роль, а свои он добавляет для доказательства; его мы зовем комментатором, но не автором. Четвертый тоже пишет и собственные слова, и чужие, но главную роль при этом играют его собственные слова, тогда как чужие могут быть добавлены для подтверждения; вот его мы должны называть автором⁴.

³ Исидор сформулировал это определение в ответе Вергилия на обвинение в краже некоторых стихов у Гомера [Isidore of Seville 2004: 802; Isidore of Seville 2006: 216]. Об употреблении термина в XIII веке см. [Roest 1997; Guenée 1983: 60 слл.; Minnis 1979: 387 слл.].

⁴ Бонавентура (1250–1252) «Комментарии на четыре книги Сентенций Петра Ломбардского». Вопросы к предисловию к первой книге, вопрос 4: «Что является действующей причиной или автором этой книги?» (цит. и обсуждение в [Parkes 1976: 127–128].

В комментарии на предисловие к «Сентенциям» Петра Ломбардского Бонавентура явным образом использовал это различие, чтобы похвалить Петра Ломбардского как «автора», который стоит на вершине иерархии создателей книг. Однако в экономике литературы, где даже в определении автора упоминается частичное использование чужих слов, компилятор, соединяющий вместе чужие слова, не добавляя много от себя, должен был пользоваться не меньшим уважением. Компилирование в целом высоко ценилось как литературная и научная деятельность как в Средние века, так и в раннее Новое время. Критические суждения об этой практике, связанные с приписыванием большей ценности остроумию и оригинальности, появляются в основном в XVII столетии⁵.

Средневековые компиляторы, особенно составители флорилигов и энциклопедий, обычно говорили о себе с уничижением, а иногда не сообщали собственного имени, подчеркивая авторство тех, чьи произведения они цитировали, а не собственное участие. Тем не менее компиляторы никогда не были простыми переписчиками, они всегда преобразовывали материал, который распространяли⁶. Группируя отрывки по рубрикам или тематическим главам, компиляторы устанавливали параллели между высказываниями разных авторов, связанными с различными контекстами, и побуждали к интерпретации, основанной на тематических параллелях, которые могли отличаться от того содержания, которое отрывок имел в оригинальном тексте. Компиляторы стремились упоминать важных авторов в качестве источников и иногда приводили название цитируемых работ, но при этом редко давали более точные отсылки, содержащие номера книг или глав. Компиляторы упрощали вхождение выбранных

⁵ О XIII веке см. [Minnis 1979: 413]; о XVI веке — [Lobbes 2000: 127]. В 1696 году, например, поэт Лонжепьер жаловался, что Пьер Бейль понапрасну тратил свой ум на деятельность, требовавшую только работоспособности и эрудиции, когда писал свой «Исторический и критический словарь» (1697; цит. в [Nedergard 1958: 219]).

⁶ На этот абзац меня вдохновил [Munk Olsen 1982].

ими отрывков в нравоучительный текст, внося, намеренно или ненамеренно, небольшие изменения, о которых не сообщалось. Так, например, цитаты из текстов языческих авторов можно было отредактировать, убрав упоминания древних богов или изменив множественное число «боги» на единственное «Бог», чтобы облегчить их истолкование и использование в христианской среде. Составители флорилегиев обеспечивали удобный и «безопасный» доступ к языческим авторам, избавляясь от сложных мест и незаметно подправляя те, которые прошли отбор.

Хотя базовые техники компилирования оставались на удивление стабильными, его функции и масштабы с течением времени менялись. Ранние флорилегии были короткими, строились вокруг нескольких авторов или тем и характеризовались в некоторых прологах как заметки, сделанные сперва для личного использования, а потом распространенные среди третьих лиц (например, среди членов монашеского ордена). К XIII веку флорилегии стали длиннее (например, «*Florilegium Oxoniense*» включал 1400 цитат), и некоторые из них были адресованы более широкому кругу читателей. В одном из прологов обещалось, что в книге найдется что-то полезное для всякого нравственного состояния:

Так что эта [книга] позволит неподготовленным умам — учиться, благоразумным — упражнять себя, охладевшим — обрести страсть, а слабым — утешение; здесь больной найдет средство для излечения, здоровый останется здоровым, уставший восстановит силы, голодный насытится, усердный найдет материал для чтения, ленивый сподвигнется на действие или восхитится; пусть простой человек прочтет то, что сможет понять, а бедный получит то, о чем стоило написать⁷.

Утверждение о том, что в флорилегии для каждого найдется что-то полезное, стало общим местом печатных флорилегиев, издание которых в большей мере, чем у средневековых книг

⁷ Французский перевод см. в [Munk Olsen 1979: 56].

этого жанра, зависело от привлечения как можно большего числа покупателей.

На протяжении раннего Нового времени объем компиляций увеличивался, причем это касалось всех рассматриваемых жанров: количество слов в флорилегиях среднего размера выросло с нескольких десятков тысяч слов в сочинении Фомы Ирландского до 430 000 в «Полиантее» 1503 года; что касается самых больших трудов, то 4,5 млн слов у Винсента из Бове соответствуют 10 млн в «Великом театре» Бейерлинка. Такое увеличение объема стало возможным благодаря снизившейся после начала книгопечатания себестоимости производства; ему также способствовала необходимость продавать большее число экземпляров, чтобы окупить расходы на издание, — для этого необходимо было привлекать потенциальных покупателей с самыми разными интересами. Чтобы оправдать новый масштаб накопления информации, компиляторы раннего Нового времени подробнее, чем их средневековые предшественники, представляли себя в образе объективных рассказчиков, служащих общему благу. Они объясняли, что включают в свои сборники материалы, пригодные для разных целей и удовлетворяющие разным вкусам, дурные примеры наряду с хорошими, при этом во многих случаях отказываясь выражать собственное мнение об истинности или ценности сообщаемой информации. Вместо этого они призывали читателей выносить собственные суждения при оценке и выборе необходимых сведений из всего накопленного материала. На титульных страницах и в предисловиях каждого нового издания сообщалось о том, что в книге содержится «более точный и более полный материал»: это позволяет предположить, что такие обещания считались эффективным средством для повышения продаж этих огромных томов. Основным принципом, которым, как ожидалось, руководствовались читатели, может быть сформулирован так: «Чем больше, тем лучше». Рост объемов упрощался преемственностью изданий компиляций, вроде «Полиантеи». Каждое новое издание превосходило по объему предыдущие не только благодаря совместной работе участников этого издания, но и в результате многолетне-

го труда нескольких поколений компиляторов. Имена некоторых из них нам известны, других — нет.

В первом издании «Полиантеи» Нани приводил обосновывания своего труда, знакомые еще со Средних веков, но признавал и появление некоторых отступлений от средневековых практик. Он утверждал, что отобрал лучшее из литературы, самое подходящее для нравственного воспитания молодых и старых, мужчин и женщин, стремясь к тому, чтобы его сочинение «было полезно для как можно большего числа людей». Нани посвятил свою оду к читателю восхвалению достоинств проведенного отбора, благодаря которому он «нашел золото среди нечистот», — вероятно, это стало возможным, потому что он закидывал сети шире, чем его предшественники. Нани — испытывая, впрочем, опасения, что это может стать предметом критики, перечислил 163 авторов, работы которых он цитировал, признавая, что некоторые из них насмеются над Священным Писанием и занимают позиции, противоречащие католической вере [Nani Mirabelli 1503: *Ad lectorem elegia*]. Впрочем, Нани обещает, что благодаря тщательному отбору источников он сможет провести читателя безопасным путем через мелководье языческой литературы — выразительные стихи Овидия и Горация и трудные места Аристотеля — к христианской этике. Он также включил в свой труд цитаты из произведений некоторых современных авторов, таких как Данте и Петрарка. Темы религиозного наставления и безопасного чтения подчеркивали гравированные изображения, имеющиеся в первых двух изданиях. На титульном листе первого издания был представлен автор, сидящий у алтаря и протягивающий руки к корзине цветов, вокруг которых расположены группами изображения религиозных и других авторитетных деятелей. Этот образ проливал свет на смысл греческого заглавия, которое Нани также разъяснял в предисловии, чтобы читатель не воспринимал его как синоним флорилегия [Gastert 2003: 307–308; Hess 2008: 79–81].

Несмотря на обращение к религиозным темам, своей главной аудиторией Нани считал молодых людей, изучающих риторику. Именно им Нани с гордостью предлагал определения и описания, переводы на латынь греческих цитат, сентенции философов,

историков и поэтов на латыни и греческом, а также таблицы, передающие устройство наиболее обширных тем. «Полиантея» в своих первых изданиях отчасти служила словарем трудных слов, предлагая в дополнение к основным статьям множество кратких, содержащих только определение, греческую этимологию и одну цитату (и то не всегда) в качестве примера⁸. Двоякая привлекательность «Полиантеи» для читателей — в качестве инструмента для занятий гуманистической риторикой, а также для написания проповедей и упражнений в благочестии — становится очевидной из набора книг, с которыми она оказывалась в одном переплете: это были словари и учебные пособия по чтению поэзии, с одной стороны, и сборники проповедей — с другой. Такую двойную востребованность можно наблюдать до XVII века, когда «Полиантея» стала слишком объемной, чтобы ее можно было переплести вместе с другими книгами⁹.

Вскоре текст «Полиантеи» по причинам, требующим изучения, стал постоянно пересматриваться в следовавших одно за другим изданиях. Жанр, предполагавший накопление цитат, распреде-

⁸ См. в начале раздела «А» короткие статьи s.v. «Ab», «Abactor», «Abacus», «Abdicatio», «Abyssus», «Abiuratio», «Abominatio», «Abortivus», «Abrogatio». В некоторых более поздних изданиях эти статьи были либо удалены, либо расширены и дополнены цитатами.

⁹ Среди множества копий «Полиантеи», имеющих в Государственной библиотеке Мюнхена, четыре находятся в составе конволютов, в которых «Полиантея» переплетена с другими книгами: с венецианским изданием 1507 года соседствуют «Vocabula suis locis et secundum alphabeticam ordinem collocata» Дионисия Нестора (Venezia, 1506); страсбургское издание 1517 года переплетено вместе с «Sermones et exhortationes ad monachos» Иоганна Тритемия (Strassburg: Joannes Knobloch, 1516) и с «Pastoris nuntii poenitentiae visiones» (Strassburg: Joannes Schottus, 1522). Произведения такого же рода переплетали с «Полиантеей» несколько десятилетий спустя: экземпляр кёльнского издания 1546 года соседствует с «Fabularum liber, ad omnium poetarum lectionem mire necessarius» Юлия Гигина (Basel: Ioannes Hervagius, 1549), экземпляр кёльнского издания 1552 года — с «Homiliae de sanctis» Генриха Гельма (Köln: Gennepaeus, 1552); наконец, экземпляр еще одного кёльнского издания (1574 года) переплетен вместе со сборником сентенций «Sententiarum volumen absolutissimum» Стефана Белленгарда (Lyon: Ioannes Tornaesius, 1569).

ляемых по рубрикам, разумеется, предоставлял удобную возможность для добавления и изъятия материала, внесения изменений как в состав рубрик, так и в содержание. Но не все произведения, имевшие подобную структуру, переписывались после смерти составителей таким количеством новых авторов. Эразм добавлял материал к своим «Адагиям» до конца жизни, однако во многих посмертных изданиях его собрания пословиц менялись только паратекстовые элементы, но не сам текст. В этом случае международный авторитет Эразма, несомненно, воспринимался как основной фактор, обеспечивающий продажу «Адагий», поэтому ни один редактор не решался вносить дополнения или «корректировать» работу Эразма (напротив, сокращенные издания пользовались успехом на рынке). Новые версии «смесей» и «lectiones antiquae», принадлежащих авторам менее почитаемым, чем Эразм, как правило, также следовали одному из наиболее полных изданий — если не первому, то посмертному, но опиравшемуся (как утверждалось) на сохранившиеся заметки покойного автора. Однако «Полиантея», как и словарь Калепино (хотя география ее изданий была не столь обширной), стала своего рода брендом, так что множество разных издателей вносили значительные дополнения и правку в ее текст, иногда указывая свое авторство, иногда нет. В некоторых изданиях новые материалы помечались специальным символом (впрочем, иногда непоследовательно), вероятнее всего, для того чтобы оправдать слова, помещенные на титульном листе, о том, что представленное издание полнее и лучше исправлено, чем все предыдущие¹⁰. Ранний успех «Полиантеи» на книжном рынке и система привилегий, используемая для защиты денежных вложений издателя, вероятно, также могут объяснить тот факт, что текст «Полиантеи», как и «Калепин», пересматривался с такой частотой.

¹⁰ В предисловии к «Полиантее» 1514 года сообщалось, что все новые статьи будут помечены «X», но на деле некоторые старые статьи оказались помечены, а некоторые новые — нет (например, «Abbatissa»). В кёльнском издании 1552 года добавления были обозначены символом абзаца; в венецианском издании 1592 года было написано «Tortius» около нового материала из указанного источника.

В континентальной Европе, где производилась справочная литература, о которой идет речь, система привилегий регулировала конкуренцию на протяжении всего раннего Нового времени, гарантируя издателю, который обращался за привилегией (внося соответствующую плату), монополию на издание определенного произведения на несколько лет. Срок действия привилегий варьировался в зависимости от времени, места издания и характера издаваемого труда; во Франции он имел тенденцию к увеличению — от трех-пяти лет в начале XVI века до двенадцати-пятнадцати к середине XVII. Привилегии действовали только в пределах юрисдикции предоставившего их органа, будь то Священная Римская империя, местный городской совет или королевство, как, например, Франция, и предоставлялись только для новых или существенно дополненных изданий. Как утверждает Джордж Хоффман, на основании исследования хронологии изданий Рабле и Монтеня во Франции в XVI веке, когда срок привилегии на выпуск книги, пользовавшейся успехом, подходил к концу, у издателей возникал стимул напечатать новое издание, достаточным образом дополненное, чтобы гарантировать получение новой привилегии, прежде чем издание книги разрешат кому-то из конкурентов¹¹. Так, два переиздания «Опытов» Монтеня были напечатаны ближе к концу срока действия привилегии на предыдущее издание, причем было объявлено, что они существенно дополнены («на одну треть», согласно действовавшим во Франции условиям предоставления привилегий). Таким образом издатели Симон Милланж, из Бордо, и Абель Ланжелье, из Парижа, сумели сохранить монополию на публикацию «Опытов» в течение трех периодов действия привилегий, выпустив свои издания в 1580, 1588 и 1595 годах. Аналогичным образом, у издателей «Полиантеи» после хороших продаж предыдущего издания возникало желание расширить ее текст, чтобы продлить монополию на публикацию. В действительности самым явным признаком того, что та или иная

¹¹ Англия импортировала все свои книги на латыни, кроме тех, которые производились непосредственно для использования Оксфордским и Кембриджским университетами; см. [Roberts 2002]. Об истоках французской системы привилегий см. [Armstrong 1990]; о ее влиянии см. [Hoffmann 1993].

книга раннего Нового имела успех на рынке, был тот факт, что один и тот же книгопечатник выпускал ее новое издание в течение пяти–десяти лет после выхода первого.

Издатели не были обязаны получать привилегию, и они шли на связанные с этим расходы и трудности только при работе над книгами, для которых требовалась защита от конкуренции, потому что ожидалось, что они будут хорошо продаваться (это касалось хрестоматий и школьных учебников), или потому, что их публикация стоила особенно дорого (иллюстрированные или крупноформатные книги). «Полиантея» соответствовала обоим критериям: производство ее стоило дорого, и она хорошо продавалась, так что большинство изданий «Полиантеи», вероятно, были защищены привилегиями. Однако во многих случаях у нас нет точных данных о наличии привилегии или ее сроках: информация об этом иногда указывалась на титульном листе (что свидетельствовало о факте существования привилегии, но не о сроках ее действия¹²), или, реже, полный текст привилегии воспроизводился во вступительной части книги (вероятно, когда в тетради оставалось свободное место).

Поскольку до нас дошло очень мало издательских записей, из которых можно было бы почерпнуть дополнительную информацию, то именно изучение сохранившихся экземпляров для реконструкции истории издания часто обнаруживает важнейшие свидетельства об обстоятельствах производства книг, в том числе об институте привилегий и партнерстве книгопечатников¹³. История публикации «Полиантеи» состоит из нескольких групп изданий, выходивших с небольшим временным интервалом в одном и том же городе, часто у одного издателя, с одной и той же (возобновлявшейся) привилегией. Такое положение дел мы обнаруживаем, например, в Кёльне: издания Геннепея 1546 и 1552 годов, затем Холина — 1567, 1574, 1575, 1585 годов; и во

¹² В действительности в изданиях XVI века срок действия привилегии иногда указывался и на титульном листе (с формулировками вроде «cum privilegio Regio ad triennium / decennium»). — *Примеч. науч. ред.*

¹³ О привилегиях и рынке научных книг см. [Maclean 1988; 1990; 1991]; о существовании международного партнерства см. [Maclean 2007].

Табл. 4.1. Краткая история изданий антологии «Полиантея» (1503–1681)

Год публикации	Место публикации	Издатель	Число обнаруженных экземпляров	Существенные изменения в заглавии и содержании	Количество слов
1503	Савона	de Silva	20	Polyanthea	430 000
1507	Венеция	Liechtenstein	28		
1507/08	Венеция	Rusconi	11/9		
1512	Базель	Alantsee	32		
1512	Париж	Petit; Bade	5		
1513	Лион	Gueynard	10		
1514	Савона	Bibliacqua	16	Дополнения, сделанные Мирабелли, которые отсутствуют в других изданиях	
1517	Страсбург	Schürer/ Alantsee	20/17		
1518	Трино (Италия)	Ferrari	2		
1522	Лион	Gueynard	6		
1539	Золлингген	Soter	35		
1546	Кёльн	Gennepæus	19		

Год публикации	Место публикации	Издатель	Число обнаруженных экземпляров	Существенные изменения в заглавии и содержании	Количество слов
1552	Кёльн	Gennepaeus	29		
1567	Кёльн	Cholinus	26	Добавления Аманция	
1574/75	Кёльн	Cholinus	5/16	Добавления Торция	
1585	Кёльн	Cholinus	17		1 млн
1592	Венеция	Ciolti	14		
1600	Париж	Douceur	2		
1600	Лион/ Женева	Vignon	10/1		
				Дополнения, приписываемые «анониму из Лиона»	
1604	Лион/ Женева	Cardon/ Vignon	2/6		
1604	Лион	Zetzner	15	Polyanthea nova существенные исправления и дополнения Йозефа Ланге	2 млн
1607	Франкфурт	Zetzner	42	Polyanthea nova	

Табл. 4. 1. Продолжение

Год публикации	Место публикации	Издатель	Число обнаруженных экземпляров	Существенные изменения в заглавии и содержании	Количество слов
1607/8	Венеция	Guerilius	12/2	Nova polyanthea	
1612/13	Франкфурт	Zetzner	16/35	Novissima polyanthea	
1614	Лион	Harsy	6	Novissima polyanthea	
1616	Венеция	Guerilius	16	Novissima polyanthea	
1617	Франкфурт	Zetzner	38	Novissima polyanthea	
1619/20	Лион	Harsy/ Ravaud	5/20	дополнения Сильвия Florilegium magnum	2,5 млн
1621	Франкфурт	Zetzner	35	Florilegium magnum	
1622	Венеция	Guerilius	9	Novissimarum novissima polyanthea	
1624	Страсбург	Zetzner	11	Florilegium magnum	
1625/26	Лион	Harsy/ Ravaud	7/5	Florilegium magnum	
1627/28	Франкфурт	Zetzner	1/26	Florilegium magnum	
1630	Венеция	Guerilius	19	Novissimarum novissima polyanthea	
1639	Страсбург	Zetzner	2	Florilegium magnum	

Год публикации	Место публикации	Издатель	Число обнаруженных экземпляров	Существенные изменения в заглавии и содержании	Количество слов
1639	Женева	Stoer	28	Florilegium magnum	
1645	Страсбург	Zetzer	42	Florilegium magnum	
1648/49	Лион	Ravaud/ Huguetan	29/1	Florilegium magnum	
1659	Лион	Huguetan/ Ravaud	30	Florilegium magnum	
1669	Лион	Huguetan	41	Florilegium magnum	
1681	Лион	Huguetan	41	Florilegium magnum	

Примечание. Данная таблица составлена на основе изучения сохранившихся экземпляров, сведения о которых можно обнаружить в онлайн-каталогах библиотек. Здесь перечислены только издания, о существовании которых свидетельствуют не менее двух сохранившихся экземпляров. Здесь также собраны вместе экземпляры, которые, вероятно, следовало бы считать частью одного издания, публиковавшегося совместно несколькими книгопечатниками, иногда в разных городах или в разные годы. Чтобы в точности установить взаимоотношения между разными изданиями, необходимы обширные сопоставления соответствующих экземпляров, хранящихся в разных местах. Такую задачу я перед собой не ставила. Более подробные результаты исследования (по данным библиотечных каталогов), выполненного Морганом Зондеретгером весной 2006 года, доступны по адресу: www.people.fas.harvard.edu/~amblair (дата обращения: 15.09.2023).

Франкфурте: Цетцнер публиковал «Полиантею» в 1607, 1612, 1613, 1617, 1621, 1627–1628 и 1663 годах¹⁴.

Можно также заметить, что некоторые издатели сначала работали вместе, а потом сменяли друг друга при издании «Полиантеи», вероятно, после того как выкупали или наследовали привилегию на публикацию, как, например, в Лионе: за публикацией Арси в 1614 году последовали издания Арси и Раво в 1619, 1620 и 1625 годах, Раво — в 1626-м и 1648-м, Раво и Гутетана — в 1649-м и 1659-м, и наконец, Гутетана в 1669 и 1681 годах. Вступать в партнерские отношения могли также издатели из разных городов и государств, часто это были члены одной семьи, например братья, живущие в разных местах. Близкие родственные отношения шли на пользу делу: братья Алантзее в 1512 году печатали книги в Вене и Базеле, в 1517-м — в Вене и Страсбурге; Цетцнеры напечатали не только семь изданий «Полиантеи» во Франкфурте, но также одно в Лионе (1604) и три в Страсбурге (1627, 1639, 1645). Семья Цетцнеров издавала «Полиантею» почти шестьдесят лет, на протяжении жизни не одного поколения.

Успех «Полиантеи» был стремительным. Вслед за первым изданием, напечатанным в Лигурии (Северная Италия), в городе с ограниченными коммерческими связями (Савоне), в течение десяти лет новые издания были опубликованы в важнейших издательских и коммерческих центрах Европы: Венеции (1507, 1508), Базеле (1512, совместно с Веной), Париже (1512) и Лионе (1513)¹⁵. В то время как большинство сохранившихся экземпляров первого издания находятся сегодня в итальянских коллекциях (три экземпляра хранятся в Англии), экземпляры изданий, выходивших в крупных центрах книгопечатания, имели более широкую географию распространения: двадцать восемь сохранившихся копий венецианского издания 1507 года находятся сейчас в две-

¹⁴ О Холине см. [Reske 2007: 446].

¹⁵ Из перечисленных мест издания только Париж и Лион находились в одной юрисдикции с точки зрения действия привилегий; весьма вероятно, что второй издатель достигал финансовой договоренности с ее владельцем, но могло быть и так, что издатель нарушал привилегию, оставаясь безнаказанным, если владелец привилегии не обращался в суд.

надцати европейских странах, а двадцать пять экземпляров базельского издания 1512 года — в одиннадцати разных странах. Впрочем, Нани Мирабелли в 1514 году напечатал собственные дополнения к «Полиантее» снова в Савоне: издание включало полный текст папской привилегии, полученной на семь лет. Нани пояснил, что после преподавания канонического права в Риме и Болонье он решил, что «будет очень полезным не только для других, но и для меня самого» добавить в книгу «общие положения папского права, а также некоторые эпиграммы и другие заслуживающие внимания материалы» [Polyanthea 1514: (предисловие) “ad rev. Riarium”]. Добавления, сделанные Нани, включали новые рубрики, такие как «lex» (право) и «рара» (Папа Римский), а также новые юридические максимы, распределенные по имевшимся рубрикам. Хотя ни в одном из других изданий этих юридических дополнений не было, их включение имело неожиданные последствия: один из трех сохранившихся экземпляров савонского издания, оказавшихся в Англии, принадлежал Генриху VIII; на полях книги сохранились записи, относящиеся к юридическим материалам под рубриками «закон», «брак» и «обет»; можно предположить, что король сверялся с «Полиантеей», обдумывая свой развод с Екатериной Арагонской, вступивший в силу в 1533 году. Примечания не содержали оценок: на полях были отмечены те или иные темы, для выделения фрагментов, вызвавших интерес читателя, использовались маникулы (изображения указательного пальца), подчеркивания и другие обозначения¹⁶.

После смерти Нани многие редакторы утверждали, что дополнили «Полиантею», но не за счет новых юридических положений, а путем добавления большего количества цитат из литературных источников. В страсбургском издании (Schürer, 1517) сообщалось о включении в него переводов Данте и Петрарки, в более поздние издания были добавлены пространные прозаические фрагменты из сочинений Петрарки [Polyanthea 1517]. В большинстве изда-

¹⁶ Одиннадцать экземпляров этого издания сохранились в Италии, три — в Англии (в Лондоне и в Кембридже). Генриху VIII принадлежал экземпляр BL.C.45.g.9; см. [Alston 1993: 397].

ний XVI века сохранялись вступительные паратексты Нани: ода, посвящение и список источников. Однако некоторых из них включали дополнительные издательские предисловия, которые могли затем использоваться в последующих изданиях¹⁷. Одно из таких предисловий появилось в издании 1539 года, вышедшем в Золингене (небольшом католическом городе недалеко от Кёльна), затем оно было воспроизведено в кёльнских изданиях 1546 и 1552 годов; из-за отсутствия указания автора, обычно его приписывают издателю. В предисловии читателю сообщается, что в издании были добавлены новые материалы, а сам текст стал более насыщенным и лучше исправленным; кроме того, утверждается, что оценка материала стала более отчетливой, чем у Нани, намерение которого состояло в передаче цитат других авторов в нейтральном ключе, независимо от того, касаются ли они хорошего или дурного: «Я включил в текст изречения философов, историков, поэтов, как греческих, так и латинских, чтобы каждый мог узнать, что они думали по тому или иному вопросу, идет ли речь о грехах или добродетелях» [Polyanthea 1552: предисловие, сигн. a1jv]. В то время как средневековые компиляторы обещали читателю прежде всего нравственно возвышенные цитаты, которые они корректировали без предупреждения, если в этом возникала необходимость, Нани предложил другой принцип обоснования своего труда, которому последовали и другие компиляторы раннего Нового времени: он делал акцент на разнообразии материалов, содержащих информацию, на основе которой уже сам читатель должен выносить суждения нравоучительного характера.

В 1567 году «Полиантея» досталась Мартину Холину из Кёльна, который выпустил за восемнадцать лет по меньшей мере три издания. На титульных листах изданий 1567, 1574 и 1585 годов присутствует информация о королевских привилегиях на десять

¹⁷ Я не видела экземпляров всех изданий «Полиантеи», включенных в KVK, и часто у меня не было возможности просматривать разные издания одновременно, чтобы делать подробное сопоставление, поэтому мой перечень изменений в истории изданий «Полиантеи» не претендует на исчерпывающую полноту. Он, скорее, указывает на общие тенденции, характерные для компиляций раннего Нового времени.

лет; все они были посвящены разным знатым лицам. Холин пояснял, что выбрал «знаменитую „Полиантею“... чтобы употребить свои типографские прессы для такого труда, который мог бы стать украшением его предприятия и принести пользу научным занятиям» [Polyanthea 1567: предисловие, сигн. +2r]¹⁸. Холин первым включил в свое издание 1567 года материалы из другого капитального флорилегия, который незадолго до того (в 1556 году) издал Бартоломей Аманций. Он также добавил новое предисловие, дающее определения пороков и добродетелей, которое оставалось стандартным для всех последующих изданий вплоть до 1604 года. Холин с гордостью говорил о новых объемах книги, благодаря которым читатель получит возможность «с выгодой воспользоваться плодами трудов двух авторов, уплатив скромную стоимость всего одной книги». Он упоминает по имени человека, который, вероятно, отвечал за редактирование, при этом он должен был ничего не выпускать из первоначального текста Нани, но только устранять повторы: «М[агистр] Петр Линнер, знающий оба языка, публичный профессор латыни в этом городе, помогал мне во всех этих делах» [Polyanthea 1567: предисловие, сигн. +2v]¹⁹. К этому моменту «Полиантея» уже в два раза превосходила по объему оригинальную версию Нани²⁰.

¹⁸ Издание 1567 года было посвящено Иоганну Гейру, декану Апостольского коллегиума и советнику курфюрста Кёльнского; издание 1574 года — Фредерику фон Холдингхаузеру, схоласту собора Шпейера и канонику Майнца и Вормса; издание 1585 года — Бурхарду фон Лангену, провосту собора в Миндене и канонику Хильдесхайма.

¹⁹ См. [Amantius 1556]. Аманций также совместно с Петром Апианом подготовил крупнейшее для того времени издание надписей — «Inscriptiones sacrosanctae vetustatis non illae quidem Romanae, sed totius fere orbis» («надписи достопочтенной древности, не только римские, но и со всего мира») (Ingolstadt: Apianus, 1534); см. [Stenhouse 2005: 32; Polyanthea 1567: предисловие]. Никакой информации о Линнере получить не удалось.

²⁰ Издание Нани Мирабелли (1503) состояло из 339 листов in-folio, с двумя столбцами текста на странице, по пятьдесят три строки в столбце, шесть слов в строке, что дает в общей сложности 430 000 слов. Издание 1585 года состояло из 1039 страниц, по два столбца на каждой странице, шестьдесят три строки в столбце, восемь слов в строке — всего около 1 млн слов.

В 1585 году Холин утверждал, что вновь дополнил книгу, включив в нее содержимое другого флорилегия, составленного Франциском Торцием. Его сочинение, впрочем, не дошло до нас в виде отдельного издания; возможно, оно существовало только в рукописи или заявление о его включении в текст было просто маркетинговым ходом, вдохновленным успехом добавления антологии Аманция в предыдущее издание. В новом предисловии Холин дал высокую оценку этим коллекциям, вобравшим, по его словам, всё лучшее из античных и современных трудов, — «действительно ведь, как справедливо заметил Плиний, нет такой книги, которая не была бы полезна хотя бы отчасти», — и сохранившим их пользу для нынешнего общества, а известие о них — для потомков. Флорилегий предлагал читателю «простой и приятный обзор всех наук и дисциплин», предоставляя «безопасное убежище» тем, кто интересовался философией или медициной, правом или богословием [Polyanthea 1585: сигн. ()2r–v]. Акцент на безопасности отобранного материала, игравший преобладающую роль в оде и предисловии Нани, никуда не делся, но стал второстепенным по отношению к разнообразию и изобилию материала, охвату самых разных дисциплин, а также предположению о том, что каждая книга содержит что-то достойное отбора и сохранения.

Затем последовали еще три издания (Венеция, 1592, Лион/Женева, 1600 и 1604), в которых вновь заявлялось о внесении в текст исправлений и дополнений (впрочем, лишь незначительных), после чего новый амбициозный компилятор, Йозеф Ланге (ок. 1570–1615) переработал «Полиантею» основательным образом. Лионское издание 1604 года стало первым в длинной череде публикаций Цетцнера. Ланге включил в «Полиантею» много нового материала, и это были не только цитаты из уважаемых авторов, но и отрывки нового типа, взятые из собраний эмблем, басен, примеров и иероглифики XVI века (подразумевавшей тогда символическую интерпретацию понятий). Чтобы проще было обнаружить новый материал в каждой рубрике, Ланге разработал систематическое деление каждой статьи на разделы, в зависимости от характера включенного материала (Библия,

Отцы Церкви, поэты, ораторы, гербы и т. п.). Ланге обосновывал использование названия «*Polyanthea nova*» («Новая полиантея») тем, что, хотя он и не был «первоизобретателем» этого труда, сочинение приобрело теперь «совершенно новый вид и форму», устроенные «таким образом, чтобы читатель мог безошибочно и с легкостью выбрать из той или иной категории [цитат] то, что сочтет нужным для своих целей». Ланге пояснил, что добавил в издание афоризмы, сравнения, пословицы, эмблемы, басни и примеры, которые очень полезны для украшения речи, так что теперь читатели будут избавлены от тягостного труда и тщетного поиска этих материалов среди множества разных книг [*Polyanthea* 1604b: сигн.)(2r–3r.]. Ланге добавил также цитаты более традиционного типа по изданию «Цветов» Фоми Ирландского 1553 года. Гилберт Хесс изучил принципы включения этого материала в издание: Ланге брал первые три сентенции из каждой рубрики в собрании 1553 года, но пропускал все цитаты длиннее трех строк. Вместо того чтобы использовать интеллектуальные или идеологические критерии отбора, Ланге руководствовался в основном практическими соображениями: привести максимальное количество кратких цитат, так чтобы не увеличивать при этом чрезмерно объем книги. Хесс отмечает также, что у некоторых цитат в «Новой полиантее» было отчетливо протестантское звучание, вероятно, потому, что Ланге собирал их в ходе предшествующей работы, — но большая их часть была исключена в последующих изданиях [Hess 2008: 99; Hess 2015]²¹.

В предисловии, датированном мартом 1607 года, Йозеф Ланге сообщил некоторые мотивы столь существенной переработки «Полиантеи»: незадолго до 1604 года он перешел в католичество из протестантизма, который исповедовал, будучи выходцем из Кайзерберга (Эльзас); в результате обращения он, его жена и пятеро детей остались без работы и друзей. Поэтому он «был вынужден искать пользу [то есть доход] от нового издания этой

²¹ «Langius» может передаваться на немецком языке как «Ланг» или «Ланге»; я, вслед за Гилбертом Хессом, предпочитаю последний вариант. Об исправлениях, внесенных Ланге, см. также [Moss 2003; Mejer 1994; Ullman 1973].

книги» [Polyanthea 1612: сигн. 2r] (посвящение Иоганну Адаму, аббату Кемптена (Бавария)). Ланге был хорошо подготовлен к выполнению этой задачи. К тому времени он уже опубликовал сборник под названием «Общие места, или Антология» — толстую книгу форматом в одну восьмую печатного листа, содержащую сентенции, афоризмы и сравнения на латинском языке, разделенные на представленные в алфавитном порядке тематические рубрики; в ней содержались многие материалы, которые он впоследствии добавил к «Полиантее»²². В предисловии Ланге, в рассказе о роли страсбургского юриста Филипа Глейзера в побуждении к занятиям и поддержке проекта, имеется необычная деталь, о которой я напишу ниже. В «Антологии», которая была гораздо меньше и дешевле «Полиантеи», Ланге выражал надежду на то, что издание заинтересует разные категории читателей. Он писал, имея в виду прежде всего молодежь, тех, у кого, как сетовал Глейзер, возникали трудности в поиске «основ риторики». Однако «Антология», посвященная Августу Младшему, герцогу Брауншвейгскому, наряду с этим предлагала «видным вельможам и дворянам», а также «политикам, занятым самыми насущными проблемами государства», «удобный доступ к выдающимся высказываниям и рассказам о деяниях мудрейших людей» [Lange 1662: lectori candido («Любезному читателю»), сигн. +4V; посвящение, сигн. +3r]. Обещая, что его сочинение будет полезно всей «христианской республике», Ланге возвращался к топосу нравственного наставления для людей всех сословий и возрастов, напоминая моральные категории «Florilegium Duacense». Наряду с этим Ланге подчеркивал практическую ценность книги, которой можно было пользоваться за пределами библиотеки, с легкостью переноса и держа под рукой в аудиториях и классных

²² Один и тот же текст печатался под двумя разными заголовками: «Locis communes» (Strasbourg: haeredes Rihelii, 1598), переиздававшиеся Рихелем в 1621-м, 1622-м, 1625-м и Цетцнером — в 1624 году; и «Anthologia» (Strasbourg: Wilhelm Christian Glaser, 1625; 1631; Strasbourg: Josias Stadelius, 1655; 1662; 1674). Я цитирую издание 1662 года, доступное в виде микрофильма, предисловие в нем датируется 3-м днем до апрельских календ (то есть 30 марта. — Примеч. науч. ред.) 1598 года.

комнатах, а также при выполнении заданий под присмотром наставника, — и за такое удобство достаточно было заплатить скромную цену²³.

«Полиантея», напротив, была объемной и более дорогой — издание Ланге было самым большим из вышедших на тот момент, в нем насчитывалось около двух млн слов. Его производство потребовало больших вложений, но и давало больше возможностей для извлечения прибыли²⁴. Цетцнер из Франкфурта и его наследники издавали «Полиантею» на протяжении целого столетия, постепенно перейдя к превосходной степени в заглавии увидевшей свет в 1613 году «*Novissima polyanthea*» («Новейшей полиантеи»). «*Polyanthea nova*» Ланге издавали также Герильи в Венеции (пять изданий в 1607–1630 годах), изменивший порядок слов в названии на «*Nova polyanthea*», Арси, Раво, а затем Гугетан в Лионе (десять изданий, 1614–1681) под названием «*Florilegium magnum*» («Большой флорилегий»). В лионское издание 1619 года были включены очередные дополнения — в том числе новые рубрики, древнееврейские этимологии и новые сравнения, о которых сообщал «брат Сильвий Инсулан» (то есть Дюбуа из Лилля). В этот момент объем «Полиантеи» превысил 2,5 млн слов, что было в шесть раз больше оригинала Нани; в издании насчитывалось 978 статей. На титульном листе начиная

²³ «Эта книга призовет тех, кто не занимает государственных должностей, к скромности, а ленивых к трудолюбию, принесет утешение отчаявшимся, вернет к похвальной умеренности высокомерные умы, опьяненные удачей; послужит руководством для неумелых, приведет в восторг образованных людей, накажет дилетантов (*scioli*); научит молодежь уважению, мужчин мужеству, стариков мудрости, и всех их — почтению и добродетели. Говоря кратко, нет такой сферы жизни и такого возраста, представителям которых нечему было бы научиться у этого флорилегия как у самого полного и полезного перечня рекомендаций о том, как жить честно и вести себя благоразумно» [Lange 1662: сигн. +3v (посвящение), сигн. 5v–6r (*ad lectorem*)].

²⁴ Подсчет слов исходит из следующих характеристик: 1271 страница, по два столбца на странице, восемьдесят строк в столбце (с поправкой на заголовки и пустые строки), десять слов в строке. О большей выгоде, которую приносило издание книг крупных форматов в XVIII веке, см. [Sher 2006: 82].

с 1619 года отмечалась работа семерых компиляторов (хотя в составлении участвовало еще большее число лиц): Нани Ми-рабелли, Аманция, Торция, Холина (издателя из Кёльна), анони-ма из Лиона (ответственного за издание 1600 года), Ланге и Сильвия [Polyanthea 1639: К читателю, сигн. 2v]²⁵. Рассуждая о высоком качестве и обилии материала, Сильвий предложил в своем предисловии новый вариант цветочной метафоры: по-мимо того, что цветы красивы и благоухают (тем самым поощряя людей к благочестивому поведению), цветы «Полиантеи» имеют множество, иногда противоположных друг другу, медицинских свойств — они могут согревать и охлаждать, сжимать и раскры-вать [Polyanthea 1639: К читателю, сигн. 2r]. Сильвий также подчеркнул разнообразие потребностей, которые способна удовлетворить эта книга.

Моральное наставление никогда не исчезало из обоснования публикации «Полиантеи», в которой старые темы и материалы сохранялись, несмотря на добавление новых. Однако представ-ление (имплицитно присутствовавшее в средневековых флори-легиях) о том, что все сентенции в равной мере должны оказывать нравственное воздействие на любого читателя, уступило место другой идее — о том, что, какими бы разнообразными ни были нужды читателей, они найдут в книге подходящий материал. Изобилие материала и разнообразие читателей заставляло компиляторов уделить внимание не столько нравоучительному характеру текста, сколько проблемам справочного чтения и про-стоте использования книги. Почти в каждое издание включался алфавитный перечень процитированных источников и список рубрик в порядке (алфавитном) их появления в книге. Однако материалы внутри каждой рубрики становилось всё труднее просматривать из-за дополнений, которые следовали одно за другим и просто помещались в конце уже существовавшего текста статей. Например, новые цитаты, добавленные из Овидия,

²⁵ В этом издании 2987 столбцов, по семьдесят пять строк в каждом столбце (с поправкой на множество пустых строк), двенадцать слов в строке, — в целом примерно 2 688 300 слов.

оказывались отделены как от тех, которые имелись в более ранних прибавлениях, так и от тех, которые изначально присутствовали в издании 1503 года. Ланге удалось особенно хорошо справиться с этой проблемой, благодаря тому что он заменил простое нагромождение материала использованием единой модели для каждой статьи, в которой цитаты сортировались по типам авторов: философы, поэты и т. п. Хотя материал имел четкую иерархию, нисходящую от Библии и Отцов Церкви к поэтам и философам (в основном античным), а затем — к эмблемам и «иероглифике», собранным из недавно вышедших книг, трудно сказать, в какой мере добавления из недавних источников подкрепляли или ослабляли авторитет более традиционного материала [Hess 2008: 100]. В любом случае, сталкиваясь с тем, что объем «Полиантеи» постоянно увеличивался компиляторами, включавшими всё больше и больше текста в каждое новое издание, читателям приходилось полагаться на собственное решение, отбирая материал при каждом обращении к книге (среди различных рубрик, типов источников и цитат) и занимаясь этим значительно активнее, чем это приходилось делать их средневековым предшественникам, имевшим дело с куда меньшими по объему флорилегиями.

Компиляторы XVI века, работавшие в других жанрах, также заявляли «нейтральную» позицию и стремились к точности приводимых цитат, не выражая явной поддержки выраженным в них мнениям. В длинном предисловии, посвященном форме, целям и источникам книги, Теодор Цвингер отказывался от ответственности за надежность или нравственность сентенций и поступков, утверждая при этом, что сами сведения о них он воспроизводит достоверным образом:

Мы не приводим ничего, что не было бы сказано прежде: и если вы отвергаете авторитет тех, о ком мы пишем, то делаете это по своему усмотрению, однако вы должны признать, что мы рассказали о них честно и правдиво... Мы не можем сделать все. Задача составителя сборника состоит в том, чтобы добросовестно передать сказанное и написан-

ное другими, и, как я уже говорил, следить скорее за надежностью свидетельств, чем за достоверностью [самих] событий [Zwinger 1586: сигн. [**j]v]²⁶.

Такая позиция «нейтрального рассказчика» была отмечена и у некоторых средневековых компиляторов, таких как, например, Винсент из Бове, но даже он не заявлял напрямую о несовместимости интересов разных читателей. Цвингер, напротив, ясно говорит, что ожидает от читателей несогласия в оценках и выборе: «То, что кажется истинным одним, покажется ложным другим; что кажется благом тебе, другому покажется злом» [Zwinger 1586: сигн. **jv]²⁷. Решение, которое предлагал Цвингер (как и Гесснер прежде), состояло в том, чтобы включить в сборник весь материал и оставить выбор и суждение читателям.

Разнообразие, как утверждалось во многих предисловиях, доставляет удовольствие, но оно же, с точки зрения Цвингера, было ключевым фактором той полезности, которой обладало его собрание:

Итальянцы любят итальянские [примеры], немцы — немецкие, скифы — скифские. Поскольку мы стремились к пользе для каждого, нам пришлось собрать примеры разного рода. Примеры, которые вы отвергнете, посчитав слишком экзотическими, могут больше понравиться кому-то другому. Равным образом не стоит рвать на общем поле те растения, от которых получит пользу кто-то другой, даже если вам они не нравятся, если, конечно, вы не думаете, что все остальные растения произрастают там только для вас [Zwinger 1586: сигн. **3v].

Цвингер использует традиционную цветочную метафору и упоминает общественные ботанические сады, которые осно-

²⁶ Замечательным примером нового использования старых пословиц является выражение «мы не можем всего» (*non omnia possumus omnes*), процитированное Цвингером из «Эклог» Вергилия (VIII. 63). Также см. об этом предисловии в [Blair 2005].

²⁷ В [Minnis 1979: 389] отмечается, что в некоторых местах Винсент из Бове «предполагает, что философия одного человека может быть ядом для другого».

ывали в его время в городах, где имелись медицинские факультеты. Будучи врачом, Цвингер непосредственно знал об этих садах (в предисловиях к другим книгам он, в частности, упоминает один из них, находившийся в Падуе) и о действовавших в них правилах, согласно которым считалось «дурным отрывать ветки, цветы или посевы, выкапывать луковицы или корни» [Zwinger 1586: сигн. **4v]²⁸. Правила эти, несомненно, были придуманы для предотвращения краж посетителями ценных растений для собственных коллекций или садов, однако Цвингер сослался на них, предвосхищая критику того, что в его «Театре» описаны растения, представляющиеся бесполезными или чрезмерно экзотичными: по его мнению, каждое включенное в книгу растение могло оказаться полезным для кого-то. Таким образом, Цвингер представлял «Театр» как общественное пространство, как ботанический сад, в котором читатели с разными интересами смогут найти для себя что-то полезное и который следовало посещать, относясь к другим посетителям с уважением.

Сравнивая накопленные им примеры с ботаническим садом, с разнообразием цветов, экзотических и местных, восхитительных и скромных, Цвингер предлагал своего рода элегантную вариацию на афоризм Плиния. По наблюдениям Цвингера, с растениями дело обстоит так же, как с книгами: «Нет растения настолько низменного, чтобы не было в нем хоть чего-то полезного». Это же правило относится к примерам, каждый пример человеческого поведения служил пользе дела:

Старые [exempla], вследствие своего возраста, наделены величием. Новые сильнее поражают наши чувства и способны нас тронуть, особенно если это примеры из близкой нам жизни. Редкие примеры можно порекомендовать за их новизну и необычность. Те же, которые считаются общепринятыми или даже вошли в поговорки, приобретают авторитет благодаря привычке и длительному использованию.

²⁸ См. правила общественного сада в Лейдене (ок. 1600 года), цит. в [Ogilvie 2006: 79–80].

Цвингер особенно старался обосновать включение в книгу дурных примеров наряду с образцами благонравного поведения. Он утверждал, что назидательны и те и другие. Дурные примеры показывают, чего следует избегать и что — ненавидеть, хорошие — чему подражать и чем восхищаться [Zwinger 1586: сигн. *4v (о травах), *4r, ***6v (exempla)].

Цвингер продолжал следовать собственному суждению при распределении примеров по рубрикам (в некоторых случаях один и тот же отрывок помещался в несколько рубрик) и в систематической организации самих рубрик, которой он уделял особое внимание. Однако объемные компиляции многое оставляли на суд читателя, особенно решения о том, насколько достоверным можно считать тот или иной пример, о выборе, интерпретации и использовании примеров. Во вступительном напутствии к изданию 1586 года Цвингер подчеркивал прежде всего то, что в его «переносном бумажном театре» читателю предоставлена большая свобода.

Если вам не нравится экстравагантность заголовка, выбор примеров, вызывает сомнение правдивость истории, не устраивает порядок расположения, и при этом вы не лишены ни голоса, ни слуха, то кто может ограничить вашу свободу, с учетом той вольности, в которой все мы живем в наши дни? Пусть будет так [Zwinger 1586: сигн. *2v].

Цвингер прекрасно сознавал, что не может контролировать, каким образом читатели будут использовать его сочинение, и что та же свобода позволяет обосновать его собственную вольность в роли компилятора при накоплении огромных объемов информации.

Хотя модель выборочного компилирования (как в «*Bibliotheca selecta*» Поссевино) не исчезла, готовность компиляторов удовлетворить разнообразие читательских мнений оставалась рефреном и в справочных жанрах Нового времени, включая антологии XVIII века, которые предлагали различным группам читателей формировать собственные суждения через знакомство с широ-

ким спектром литературных текстов, без какого-либо сопровождения самого компилятора [Baillet 1685, I: сигн. a[g]r-v; Benedict 1996]. «Циклопедия» Чеймберса и «Энциклопедия» Дидро также служили множеству разных интересов. Однако лишь немногие произведения Нового времени придерживались того же духа беспрепятственного накопления материала, который был характерен для латинских компиляторов XVI и XVII веков. Крупнейшие из этих компиляций (в особенности «Полиантея» и «Театр», а также его продолжение «Великий театр») разрослись до таких размеров, что работа компилятора всё меньше подразумевала отбор и оценку, которые стали задачами, возложенными на читателя, и всё больше — работу по организации текста. Мотивы, двигавшие этими компиляторами, как экономические, так и интеллектуальные, вероятно, смогут объяснить то обстоятельство, что они стали заниматься управлением информацией в таких значительных масштабах.

Финансовые мотивы компиляторов

Мотивы составления компиляций были весьма разнообразны: с одной стороны, книгопечатание давало компиляторам потенциальную возможность извлечения из своей работы финансовой прибыли, с другой — многие компиляторы подчеркивали интеллектуальные достоинства такой деятельности и утверждали, что делают свое дело не ради прибыли. Компиляторы обычно начинали с составления огромного количества читательских заметок, иногда это становилось их настоящей страстью. Некоторые компиляторы публиковали свои труды на основе заметок, сделанных за многие годы, которые, вероятно, вначале не предназначались для публикации. Доменико Нани Мирабелли, например, опубликовал свою «Полиантею» в возрасте старше пятидесяти лет, после нескольких десятилетий преподавания и коллекционирования «цветов» в процессе чтения. В то же время другие компиляторы были на удивление молоды и, несомненно, собирали заметки под конкретный проект: Гесснеру было двадцать девять,

когда он опубликовал «Универсальную библиотеку», Теодору Цвингеру тридцать два в момент выхода первого издания «Театра», Целию Родигину двадцать два, когда он начал составлять свои «Античные чтения» в 1491 году (впрочем, его книга увидела свет только в 1516 году) [Marangoni 1997: 7].

Компиляторы часто участвовали во множестве проектов по составлению каталогов, сборников и указателей и могли похвастаться тем, что получали удовольствие и прибыль от сбора и сортировки информации [Hunter 1998a: 13; Love 1993: 200; Sherman 1995: 64]. После составления универсальной библиографии Конрад Гесснер, например, стал писать огромные труды по естественной истории — о четвероногих животных, змеях, рыбах, птицах и растениях. Во всех своих компиляциях Гесснер продолжал комбинировать информацию, почерпнутую из чтения книг и наблюдений за природными образцами, а также полученную от десятков корреспондентов по всей Европе, заслуги которых он охотно признавал в своих книгах. Во многих случаях, однако, другие проекты компиляторов не заканчивались публикациями, так что мы не знаем о них ничего или почти ничего.

Один необычный источник позволяет нам увидеть, как компилятивные занятия полностью захватили Винсента Плакциуса (1642–1699), известного нам как автора выпущенного в 1689 году руководства по составлению заметок (с описанием шкафа для заметок), а также словаря сочинений, выпущенных анонимно и под псевдонимами (опубликованного в 1674 и 1708 годах). В письме, прилагавшемся к его книге «*De arte excerpendi*» («Об искусстве эксцерпирования»), Плакциус описывает свои компилятивные занятия, которыми он занимался на протяжении тридцати лет; цель этого рассказа состояла в том, чтобы дать другим возможность учиться на его ошибках. По мнению Плакциуса, компилятор обладает определенным типом личности. Плакциус вспоминал, как в восьмилетнем возрасте, «движимый естественным рвением к эксцерпированию», он просил у своей няни книги, чтобы копировать их части в алфавитном порядке. Однако зрелому Плакциусу не нравилось то, что в этих занятиях еще отсутствовало здравое суждение, так что он рекомендовал,

чтобы дети-школьники не делали выписок, «за исключением фраз на латыни и греческом». В возрасте четырнадцати лет, когда он поступил в гимназию в Гамбурге, его врожденная тяга к эксцерпированию проявилась явным образом, «подобно пламени, которое тем сильнее, чем больше его сдерживают». Плакциус имел в виду, что его наставник пытался ограничить это рвение, но он всё равно занимался составлением выписок из генеалогических таблиц, собранных из разных книг, вроде «Мифологии» Натале Конти. Когда умер его отец, Плакциус потерял и наставника, которому отец, несомненно, платил, поэтому теперь он мог беспрепятственно заниматься выписыванием цитат. Он читал «Aurifodina» Дрекслея и учился с Михаэлем Кирстеном (1620–1678), студентом Юнгия, составившим огромное количество заметок, который допускал его и его брата до занятий два раза в неделю по часу [Ibid.: 190–193; Kirsten 1679; Mulsow 2006: 234–235]. В этот период Плакциус собрал на разрозненных листах «некоторые особенные материалы для будущего тезауруса» и, несмотря на сомнения своего нового учителя по поводу зрелости его суждений, начал собирать сентенции и примеры в «большой том формате в четверть листа с алфавитным расположением», взяв за образец «Флорилегий» Ланге. Он копировал сентенции на внутреннюю, а примеры — на внешнюю часть разрозненных листов, сложенных посередине, снабжая заголовками каждую страницу или по две вместе.

Хотя в зрелые годы Плакциус отказался использовать результаты работы этого периода, назвав их «тошнотворной массой бесполезной ерунды», вскоре он начал создавать произведения, которые сохранил и высоко ценил. Плакциус завершил автобиографический раздел описанием семидесяти двух своих работ, которые остались в рукописях, словно побуждая читателей присылать запросы на их публикацию. Среди этих работ были разного рода списки и сборники: «изречения поэтов и ораторов в одном томе», общий обзор и улучшенный указатель к «Aerarium poeticum» Вайнриха в двух томах; заметки к работам женщин, собранные по алфавиту на полосках бумаги; указатель редких слов, отсутствующих в словаре Калепино; дополнения к библио-

графии Драуда; генеалогические таблицы богов; наблюдения над итальянскими изречениями, судебными формулировками, французскими фразами и т. п. Список на двадцати страницах оканчивался единственным произведением Плакциуса, которое было опубликовано, — библиографией работ, выпущенных анонимно и под псевдонимами [Placcius 1689: 194].

Плакциус упомянул вскользь об имевшемся у него плане написания энциклопедии по каждой теме, содержащей латинские выражения для изящества и разнообразия словоупотребления: «Если бы я писал ради славы или наживы, то на этот том был бы хороший спрос» [Ibid.: 199]. Возможно, здесь содержится намек на успех «Полиантеи». Сам Плакциус определенно полагал, что пишет не для славы и не ради прибыли. Но для чего он тогда столько занимался эксцерпированием? Плакциус не уточняет своих мотивов, но можно предположить, что двигали им во многом стремление к порядку, к доступности книг и знаний, которая становится возможной благодаря усовершенствованным указателям, форматированию, выборке и обобщениям. В 1689 году Плакциус написал о своей работе, предупреждая других о подстерегавших на пути ловушках, с которыми он столкнулся. Он особенно сожалел о том, что ему не удалось избежать четырех взаимосвязанных проблем: торопливого составления чрезмерного количества заметок без должного суждения; составления выписок, которые в дальнейшем оказались ненужными; несовершенства заметок (ошибочных или слишком коротких); а также того, что писал больше заметок, относящихся к чужим словам, чем к своим собственным мыслям [Ibid.: 226–227]. Разумеется, Плакциус не утратил веру в коллекционирование записей, составление указателей и других инструментов поиска, но решил дать несколько советов и наставить других, чтобы они могли выполнять эти важные задачи как можно эффективнее.

Плакциус был профессором риторики и зарабатывал на жизнь преподаванием в Гамбургском университете. Помимо лекций, как и большинство профессоров, он давал студентам частные консультации. Хотя Плакциус подчеркивал тот факт, что занимался составлением компиляций не для выгоды, а ради интеллектуаль-

ной ценности, которую он видел в них для себя и для других, его утверждение о том, что компиляция может оказаться выгодной с финансовой точки зрения, скорее всего, соответствовала общему мнению и практикам того времени. Авторство в раннее Новое время обычно давало мало возможностей для извлечения финансовой выгоды, и возможности эти были непредсказуемы. Одни авторы могли продать свои рукописи издателю за очень скромную сумму, другие надеялись получить вознаграждение или подарок от покровителя или от того, кому они посвятили свой труд. Более амбициозные и состоятельные авторы могли вложить в публикацию своих произведений собственные деньги, часто выступая в партнерстве с издателем и получая затем причитающийся им процент прибыли²⁹. Компиляции же, напротив, часто составлялись по заказу издателей, которые оплачивали стоимость работы в предвкушении прибыли от продаж справочника-бестселлера. Издатели заказывали компиляции наряду с сокращенными версиями и переводами. Для некоторых компиляторов вознаграждение, очевидно, было важным мотивом. Например, Ланге описывал свои обстоятельства в момент публикации «Новой полиантеи», вскоре после религиозного обращения, следующим образом: он находился «в очень тяжелом положении, обремененный женой и пятью детьми... покинутый почти всеми людьми, ищущий нового, скитающийся, подобно бродяге» [Polyanthea 1612: сигн. 2r (посвящение)]³⁰.

Во вступительных материалах к изданиям можно найти некоторые сведения о том, какого рода поддержку оказывали книгопечатники компиляторам, работавшим по их заданию. Ланге описывал, например, договоренности, имевшиеся относительно его первого сборника, озаглавленного «Общие места, или Флорилегий»

²⁹ О партнерстве Монтеня с издателем Симоном Милланжем см. [Hoffmann 1998: гл. 3]. О моделях развития карьеры французских авторов XVII века см. [Viala 1985].

³⁰ О сокращенных версиях см. [Ezell 1999: 91]. Так, например, Вальтер Рифф был нанят страсбургскими издателями для подготовки кратких версий книг и составления популярных компиляций по медицине; см. [Chrisman 1982: 52, passim].

(*Loci communes sive florilegium*) и опубликованного в 1598 году, когда он еще был протестантом. В предисловии Ланге сообщает, что юрист Филип Глейзер обратился к нему, когда он преподавал риторику в гимназии в Страсбурге, с идеей о создании книги, которая собрала бы воедино все «основания риторики»: сентенции, афоризмы, сравнения и примеры³¹. Глейзер объяснил ценность такой работы, заметив, что «многие люди весьма высокой учености собирали коллекции такого рода». Однако сам Глейзер был тогда занят «более серьезными делами», поэтому спросил Ланге, готов ли он взяться за этот труд. Ланге описал в предисловии достигнувшую между ними договоренность следующим образом:

Поэтому, чтобы я мог легко заниматься этим, не встречая препятствий и не испытывая неудовлетворенности от работы, он пообещал мне для выполнения этого труда, имевшего большую ценность для Республики ученых, не только все необходимые книги и покрытие различных расходов, но также оплату публикации этой книги его тестем Йосией Рихелем, одним из самых уважаемых издателей. Я был очень тронут речью этого щедрого и добродетельного человека и его стремлением к общественному благу, а также очевидной пользой самого проекта, поэтому я весьма охотно приступил к работе [Lange 1662: предисловие «К читателю», сигн. +5r].

Ланге описывает проект как благотворительное деяние на пользу общества со стороны Глейзера, однако при этом публикация принесла доход издателям из семьи Глейзера — его тесть Рихель опубликовал одно за другим еще шесть изданий этого сочинения под названием «*Loci communes*» («Общие места»), а Вильгельм Христиан Глейзер (предположительно также родственник) напечатал тот же труд в 1625 и 1631 годах под названием «*Anthologia sive florilegium*» («Антология, или Флорилегий»). Как имевшие, так и не имевшие личную заинтересованность спонсоры проекта оплатили расходы Ланге. Ланге прямо указал,

³¹ Биографические сведения о Ланге см. [Gass 1918: 24–26]. Благодарю Аннет Браун из мэрии Кайзерсберга за копию этой статьи.

что в полученную им плату за работу входили книги и, возможно, компенсация других неуказанных расходов, а также стоимость необходимых материалов, таких как бумага, чернила и, возможно, услуг помощника. В частности, в «Общих местах» среди благодарностей за работу над указателем к «другим басням, эмблемам и символам», встречающимся в работах Камерария и Альчиати (которые, впрочем, не вошли в сборник, «потому что гора бумаг был огромной, а времени, чтобы закончить работу, оставалось мало»), мы находим упоминание некоего «очень благовидного» молодого француза [Ibid.: сигн. CCCC1r]³².

Другие компиляторы также отмечали щедрость своих издателей. Некто И. Д. Свенций редактировал «Полиантею» для Иоанна Герилия из Венеции, который напечатал ее в 1607 году, а затем вплоть до 1630 года переиздал еще четыре раза. Свенций выразил благодарность за

неусыпную и старательную заботу, а также исключительную добросовестность издателя, который, не жалея средств, нанимал профессионалов для работы над набором и корректурой. Ведь это один из самых знаменитых издателей нашего славного города [Венеции], и его книги ищут, покупают, и восхищаются ими больше, чем другими [Polyanthea 1607: сигн. [a3]v].

Если отношения складывались благополучно, компилятор и издатель могли использовать вступительные разделы книги, чтобы выразить благодарность друг другу, в результате объем тома становился еще большим. Однако подобные пространные похвалы не были нормой. В большинстве книг ничего не говорилось о взаимоотношениях их создателей. В некоторых случаях одна или обе стороны сообщали во вступлении или в списке опечаток о возникших противоречиях³³.

³² О Йосии Рихеле и Вильгельме Кристиане Глейзере см. [Reske 2007: 892–893, 901].

³³ Примеры напряженных взаимоотношений между редактором и издателем, обвинявшими друг друга в опечатках и орфографических ошибках, см. в [Richardson 1994: 12, *passim*].

Хотя спонсорство со стороны издателей было самой надежной поддержкой для компиляторов, некоторые стремились получить за свою работу денежное вознаграждение от благородных покровителей. Франсуа Грюде Лакруа дю Мэн (1552–1592), будучи сам дворянином, попросил покровительства у короля и высших чинов королевства во вступительных материалах к своей «Библиотеке» (1584). Эта библиография произведений на французском языке, которую, как утверждал Лакруа дю Мэн, он собирал шестнадцать лет, с тех пор как приехал в Париж студентом в семнадцатилетнем возрасте, довольно точно следовала образцу «Универсальной библиотеки» Гесснера. Как и Гесснер, Лакруа дю Мэн утверждал, что включил в свой сборник всех авторов, как невежественных, так и ученых, и хотя высоко ценил некоторых из них, никогда не критиковал никого, «потому что здесь мы только перечисляем их работы и сочинения, а наши суждения о них выскажем в другом месте». В своем посвящении королю Лакруа дю Мэн назвал также несколько других работ, которые он «готов представить читателям», включая библиографию латинских авторов, родившихся во Франции, список всех дворянских родов Франции, который содержит описания более чем 20 000 из них «в алфавитном порядке, так чтобы никого не разозлить, когда я их опубликую». Лакруа дю Мэн также собирался послать королю список своих рукописных трудов, который он ранее распространил в 350 экземплярах среди друзей во Франции и за ее пределами. В списке было много книг по истории, включавших в себя перечисление королей, королев и благородных семей. Лакруа дю Мэн хвастливо утверждал, что никто еще не написал «так много книг для Франции», как он, но в то же время признавал, что «всё сделанное [мною] отвергалось еще чаще, чем планы Христофора Колумба». Лакруа дю Мэн вновь попросил о королевском покровительстве в «Библиотеке», но, вероятно, так и не получил его, поскольку никакие другие его работы так и не были никогда опубликованы [La Croix du Maine 1584: сигн. av v, avii v–aviii r (К читателю); и сигн. aiii r–v (Посвящение)].

Стоимость производства объемных изданий требовала привлечения других, принципиально новых инструментов финанси-

вания. Чтобы собрать деньги для своей «Универсальной космографии» (*Cosmographia universalis*; 1544), огромной, щедро иллюстрированной компиляции по географии, Себастьян Мюнстер попросил пожертвования у городов, которые описывал в книге. Некоторые согласились, другие отказались. Книга имела огромный успех, и вскоре последовали следующие издания, однако Мюнстер получил лишь 60 гульденов, а основная часть прибыли ушла издателю, который брал на себя расходы и риски [Burmeister 1963: 120]. Традиция изданий по подписке возникла в Англии в начале XVII века, начало ей положила публикация в 1617 году «Этимологического словаря одиннадцати языков» Джона Миншо: к книге прилагался перечень подписчиков³⁴. Тем не менее многие объемные справочные издания в итоге разорили или почти разорили своих издателей, как, например, «Тезаурус греческого языка» (*Thesaurus linguae graecae*), поставивший на грань банкротства фирму Анри Этьенна, или «Оксфордский словарь английского языка», лишивший средств «Clarendon Press»³⁵.

Интеллектуальные мотивы компиляторов и развитие проекта Цвингера

Интеллектуальные мотивы особенно хорошо прослеживаются в истории создания объемных и сложных книг, составленных без специального поручения от издателей или покровителей. Теодор Цвингер представляет собой превосходный пример компилятора, которым двигала не столько потребность в денежных средствах, сколько дерзкие интеллектуальные амбиции и желание заслужить репутацию. Хотя отец его приехал в Базель в зрелом возрасте, Теодор Цвингер с рождения принадлежал

³⁴ Миншо (1560–1627) был учителем словесности в Лондоне. Об истории подписных изданий см. [Clapp 1931, 1933]. О финансировании по подписке интеллектуальных проектов см. [Parry 2002; Greengrass 1995].

³⁵ Об Этьенне см. [Considine 2008: гл. 2, 93]; об «Оксфордском словаре» — [Murray 1977: 251].

к базельской элите благодаря матери, Кристине Хербстер, сестре известного издателя и профессора Иоганна Хербстера, известного под латинским именем — Иоганн Опорин. Отучившись после окончания школы Томаса Платтера в Базельском университете, Цвингер отправился в Лион, где три года проработал в издательстве, затем в Париж, где изучал греческий, древнееврейский и сирийский языки, а затем в Падую, где получил степень по медицине. Вернувшись в Базель, Цвингер стал профессором университета, преподавал сначала риторику, потом этику, затем теоретическую медицину. Он женился на Валерии Рюдин, дочери богатого цехового мастера, держал дом на широкую ногу и часто принимал гостей [Gilly 2002; Gilly (готовится к изданию): прил. 1; Berchtold 1990, 2: 655–680; Dufournier 1936; Moréri 1759; Zwinger]. Цвингер был другом и протеже Базилия Амербаха, которому приходился свойственником по жене и который, как и сам Цвингер, собирал картины³⁶. Цвингер также известен тем, что встал на защиту Кастеллиона и проявлял интерес к работам Парацельса; он вел обширную переписку более чем с сотней ученых по всей Европе³⁷. Цвингер работал в период необычного культурного брожения в Базеле, возникшего благодаря приезжавшим в город иностранцам, относительно нестрогой цензуре (ужесточившейся с 1558 года) и стремлению к примирительному и «либеральному» гуманизму, распространенному среди издателей и интеллектуалов [Berchtold 1990, 2: 517–523]³⁸.

Цвингер приложил руку к многим издательским проектам. Он переводил и редактировал тексты, писал предисловия и при-

³⁶ Опорин был женат на сестре Амербаха вторым браком. О Амербахе и Цвингере как коллекционерах см. [Fischer 1936].

³⁷ См. [Gilly 1977–1978], где приведен перечень корреспондентов Цвингера. Подробнее о семи из них см. [Berchtold 1990, 2: 671–678]. Благодаря Карлоса Джилли, показавшего мне свою работу «Theodor Zwinger e la crisi culturale della seconda metà del Cinquecento» до публикации, за его щедрую помощь и превосходные советы, которыми он делился во время моего визита в Базель и в дальнейшем. Дальнейшую информацию о биографии Цвингера и историческом контексте см. [Hieronymus 2005, 1: 16–26].

³⁸ Однако терпение имело свои пределы: по утверждению Опорина, цензоры дважды отправляли его в тюрьму, см. [Steinmann 1969: 180].

смаатривал за изданием работ различных ученых в типографиях Базеля [Gilly 1985: 64, 78, 166]³⁹. Он опубликовал множество собственных работ, посвященных этике, медицине, истории, путешествиям, а также колоссальный труд «Театр человеческой жизни»⁴⁰. В 1565 году Иоганн Опорин, дядя Цвингера с материнской стороны, напечатал первое издание «Театра» в сотрудничестве с Амброзием и Аврелием Фробенами, возглавлявшими издательство, основанное Иоганном Фробеном, издателем Эразма. В 1571 году типография Фробена опубликовала второе издание, существенно дополненное и заново упорядоченное Цвингером. На оба издания распространялись императорская привилегия и привилегия короля Франции. На титульном листе издания 1571 года было указано, что эти привилегии охраняют содержащееся в книге произведение в течение десяти и семи лет соответственно. В издании 1565 года не указывался срок действия привилегий, но появление в 1571 году нового издания, возможно, совпало с окончанием одной из них (например, французской, которая была короче императорской), по истечении стандартного шестилетнего срока. Действительно, еще одно издание было напечатано в Париже также в 1571 году — в нем не было новых правок Цвингера, оно представляло собой версию публикации 1565 года, с необходимыми купюрами — для использования католиками. Книга вышла с шестилетней привилегией и была дважды переиздана: Николя Шено или Михаэлем Сонниусом. Николя Шено имел огромный успех, будучи воинствующим католиком и специализируясь на публикации коротких полемических произведений во время религиозных войн 1560-х годов. К началу 1570-х годов он стал чаще печатать работы ученых; ориентируясь на гуманистические настроения, он использовал для рекламы своей типографии девиз Иоганна Фробена из Базе-

³⁹ Джироламо Меркуриале, например, полагался на помощь Цвингера в организации издания своих книг в Базеле; см. [Siraisi 2008].

⁴⁰ О «*Methodus apodematica*» Цвингера см. [Stagl 2002: гл. 2; Stagl 1995: 123 слл.; Felici 2009; Molino 2006]. О его этических принципах см. [Lines 2007]. О «*Teatre*» см. [Gilly 2002; Blair 2005; Schierbaum 2008].

ля (эта символическая ассоциация вовсе не означала, что между Шено и наследниками Фробена существовали какие-либо коммерческие отношения). Шено часто вел дела с Сонниусом, который, вероятно, выступил в качестве младшего партнера в издании «Театра», судя по тому, что среди сохранившихся экземпляров большая часть содержит издательскую марку Шено, а не Сонниуса. В это парижское издание было включено письмо, адресованное читателю, «от книгопродавца». В письме Шено преуменьшал расходы, которые понес базельский издатель, обещал тщательно устранить религиозные ошибки из текста (хотя и признавал, что, учитывая размер и разнородность этого труда, что-то может быть пропущено) и гордо заявлял о включении в книгу указателя слов и вещей (которого не было в издании 1565 года), составленного «трудолюбивым и образованным студентом факультета права Иеронимом Верруцием», который взялся за эту работу, хотя многие отказались. Как и другие издатели компиляций и ученых трудов, Шено подчеркивал свое желание служить общему благу: «Глубоко взволнованный возможностью принести пользу обществу и благорасположенный к литературным трудам, я решил, что было бы преступлением дальше отказывать студентам в тех преимуществах [которые предоставляет этот труд]»⁴¹. В 1586 году Теодор Цвингер опубликовал еще более объемное третье издание «Театра» (Basel: Episcopus). Два года спустя Цвингер умер, но третье издание его «Театра» было опубликовано еще раз его сыном Якобом в 1604 году (Basel: Henricpetri)⁴².

Помимо этих хорошо зарекомендовавших себя изданий, сохранились несколько экземпляров издания с выходными данны-

⁴¹ О Шено см. [Racaut 2009: 25–26, 37–39; Zwinger 1571b: сигн. aij v–aiij r]. Этот указатель отличается от всех, представленных в базельских изданиях, тем, что в нем вперемешку даны имена собственные и названия рубрик.

⁴² Якоб Цвингер (1569–1610) был младшим из двух сыновей Цвингера, его старший брат Бонифаций умер в 1588 году по время учебы в Падуе; см. [Hieronymus 2005, 1: 29]. «Театр» 1565 года состоял из 1428 страниц, в два столбца, в среднем по семьдесят строк на странице, по девять слов в строке, — всего, таким образом, около 1,8 млн слов. В издании 1586 года было 4373 страницы, в два столбца, по восемьдесят строк на странице, по девять слов в строке, — всего около 6,3 млн слов.

ми «Basel: Froben, 1575», у которого было много общего с базельским изданием 1571 года, однако в нем сообщалось, что его текст был «исправлен и одобрен цензорами Фландрии [Galliae Belgicae]». Изменения были незначительными, что позволило сохранить практически по всему тексту прежнюю пагинацию. Например, из предисловия Цвингера было удалено предложение, в котором прославлялись «Магдебургские центурии» — многотомная протестантская церковная история, представленная автором в качестве образца ученых занятий и прилежания; хвалебные отзывы о протестантских источниках традиционно исключались из католических изданий [Zwinger 1575]⁴³. Как и на базельское издание 1571 года, на новое издание распространялись десятилетняя привилегия императора Священной Римской империи и семилетняя привилегия короля Франции. Незначительное количество сохранившихся экземпляров, вероятно, говорит о том, что издание 1575 года вышло гораздо меньшим тиражом, чем другие, и всё же этот тираж оправдывал получение привилегии, что свидетельствует как о высокой себестоимости производства, так и о потенциальной выгоде от пиратских изданий. В 1586 году Эпископий снова издал «Театр» сразу после того, как закончилось действие императорской привилегии, выданной Фробену в 1575 году. Хотя «Театр» не был таким бестселлером, как «Полиантея», необходимые привилегии аккуратно возобновлялись через соответствующие периоды времени.

Опорин, без сомнения, надеялся получить прибыль от публикации первого издания «Театра», но в своем трогательном извинении по поводу неизбежных ошибок в тексте и отсутствия списка ошибок он подчеркивал огромные трудности, с которыми

⁴³ Благодаря Мартина Мульзова за то, что он обратил мое внимание на экземпляр, хранящийся в Государственной библиотеке Мюнхена. В KVK также указаны экземпляры из Архиепископской епархиальной и соборной библиотеки Кёльна и Университетской библиотеки Фрайбурга. В [Ong 1977: 171 сн. 39] Вальтер Онг упоминает экземпляр, описанный книготорговцем Йозефом ван Маттом из Станса, Швейцария. О различиях во вступительной части см. [Zwinger 1575; Zwinger 1571a: 13], о связанных с ними различиях в наборе см. [Zwinger 1571a: 11–12].

пришлось столкнуться при производстве такой большой книги, особенно в период эпидемии чумы, поразившей Базель в 1563–1564 годах.

Мы можем честно и открыто признаться в том, что нами двигало не столько стремление к финансовой выгоде (в чем кто-нибудь мог бы незаслуженно нас обвинить), сколько преимущества, которые она дает республике: по этой причине мы взялись за такую трудную работу в столь бедственное время, в то время как другие оставляли свои труды и беспокоились о смерти, а не о благе республики, и это позволило нам довести ее до успешного завершения благодаря милости Божией [Zwinger 1565: сигн. FFF[5]r; Karcher 1956: 46–49].

Опорин явно болезненно воспринимал высказывавшееся многими гуманистами обвинение в том, что издатели искали лишь прибыли и печатали в спешке тексты плохого качества. Опорин, напротив, стремился получить статус «издателя-гуманиста», которого бы уважали за качество выпускаемых изданий (среди которых была книга Везалия «*De humani corporis fabrica*» («О строении человеческого тела», 1543)) и владение классическими языками. Хотя Опорин, разумеется, также думал о прибыли и брал небольшие заказы с предоплатой, он при этом не печатал книг на народных языках, несмотря на то что их потенциальный рынок сбыта был гораздо больше. Опорин адресовал свои публикации более или менее широкой образованной публике. Как он утверждал в одном письме, греческо-латинское издание Исократы и Демосфена придется по душе не столько рафинированным ученым, сколько знатным читателям (*grosse Herren*) и «наполовину образованным школьным учителям и студентам», которые еще не получили нужных навыков; в то же время конкорданс, который, по его словам, оказался «слишком дорогостоящим и трудным», будет «незаменимым для некоторых», но, вероятно, не для многих [Steinmann 1969: 104, 139, 183]. Начав свою деятельность в бедности, Опорин сумел создать себе потрясающую репутацию (в одном из писем он сообщал,

что ценит свои достижения в издательском деле выше денег и удовольствий и даже жизни и здоровья) и дважды женился на представительницах базельской элиты. Однако умер он, оставив долги, хотя и владея множеством рукописей и книг, которые были проданы, чтобы заплатить кредиторам⁴⁴. «Театр» не разорил его, но и не наполнил его сундуки, как это, возможно, сделала бы «Полиантея».

«Театр» был, как мне кажется, прежде всего произведением, которое должно было способствовать престижу его создателей — автора, издателя и в целом города Базель. Цвингер и сам восхищался в предисловии к изданию 1586 года горячим приемом первого издания, хотя оно было еще «таким грубым и неотшлифованным» [Zwinger 1586: сигн. ***5r]. О том, что эта работа было предметом особой гордости местных жителей, можно сделать вывод из эпитафии некоему Даниэлю Ульхарду, в которой его называли «самым опытным типографским наборщиком третьего издания “Театра человеческой жизни” того самого великого Теодора Цвингера»; Ульхард умер в апреле 1587 года в возрасте тридцати семи лет вскоре после публикации книги. То, что он приложил руку к публикации книги объемом в 4500 страниц, было единственным достижением этого человека, засвидетельствованным на его надгробии в в двух печатных сборниках надписей [Tonjola 1661: 136; Gross 1625: 140]. Последовавшая годом позже смерть самого Цвингера была отмечена во множестве публикаций. Профессор богословия и проповедник собора Иоганн Якоб Гриней опубликовал проповедь, которую произнес на похоронах Цвингера, с гравированным портретом и элегией (подписанной «F. P.» — вероятно, другом Цвингера Феликсом Платтером), а два студента, Пауль Цинк, изучавший медицину, и Валентин Тилон, ставший в дальнейшем юристом, опубликовали памятные листы, содержавшие тот же гравированный портрет и их собственные элегии. В изданном в 1589 году томе (куда также были включены элегии Тилона памяти Каспара

⁴⁴ Под конец жизни Опорину стали отказывать в кредитах [Steinmann 1969: 189–190; Steinmann 1967; Gilly 2001].

Табл. 4.2. История издания «Театра» Цвингера и его продолжения —
«Великого театра» Лаврентия Бейерлинка (1565–1707)

Год публикации	Место публикации	Издатель	Обнаруженные экземпляры	Существенные изменения в заголовке и содержании	Количество страниц (только текст)
1565	Базель	Joannes Oporinus	60	<i>Theatrum vitae humanae</i>	1428 с. 1,8 млн слов
1571	Базель	Froben	42	Множество дополнений, в т. ч. указатель предметов, новое расположение материала	3455 с.
1571/72	Париж	Chesneau/ Sonnus	19/13	Издание 1565 года с добавлениями и купюрами для использования католиками	2316 с.
1575	Базель	Froben	3	Базельское издание 1571 года с купюрами для использования католиками	3455 с.
1586/87	Базель	Episcopus/ Henricpetri	80/7	<i>Theatrum humanae vitae</i> с дополнениями и новым расположением материала	4473 с. 6,3 млн слов

Год публикации	Место публикации	Издатель	Обнаруженные экземпляры	Существенные изменения в заголовке и содержании	Количество страниц (только текст)
1604	Базель	Henricpetri	58	Издание 1586 года с новым «предметным указателем», опубликованное Якобом Цвингером	4473 с.
1631	Кёльн	Nieratus	45	Сильно расширенный <i>Magnit theatrum vitae humanae</i> Бейерлинка	7468 с. + указатель на 600 с. 10 млн слов
1656	Лион	Huguetan + Ravaud	54		
1665/66	Лион	Huguetan + Ravaud	57		
1678	Лион	Huguetan	53		
1707	Венеция	Balleonius/ Pezzana	13/17		

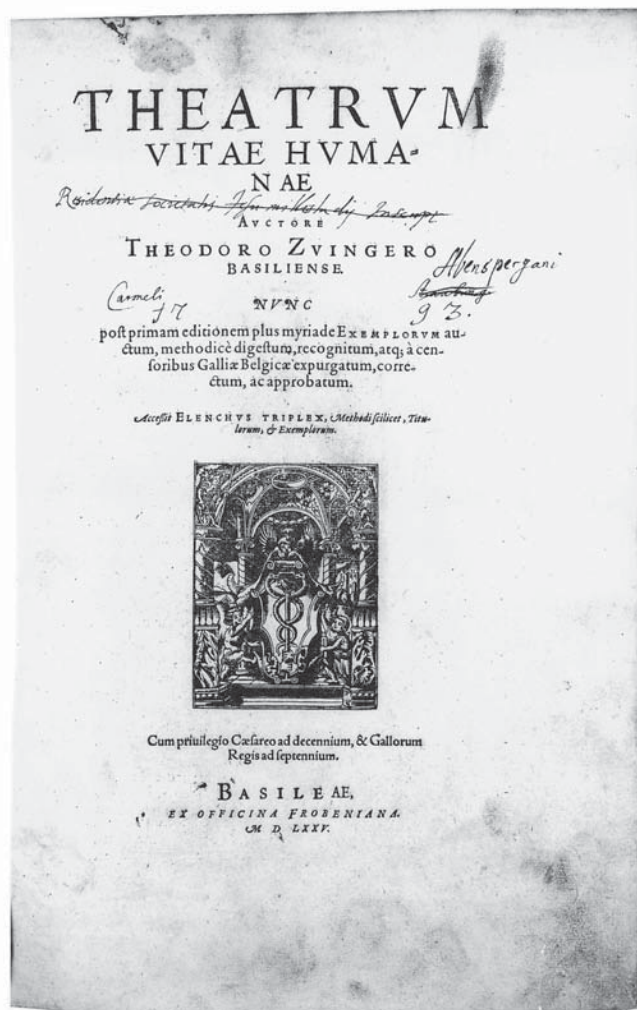

Рис. 4.1. Титульный лист «Театра жизни человеческой» (1575) Теодора Цвингера, на котором утверждается, что текст был «дополнен тысячами примеров», а также «расположен в соответствии с методом, исправлен, очищен и одобрен цензорами» католической Фландрии. Изменения были достаточно мелкими, что позволило сохранить в этом издании ту же пагинацию, что и в [Zwinger 1571a]. Было обнаружено только три экземпляра этого издания. Воспроизведено с разрешения Баварской государственной библиотеки, Мюнхен, полочный шифр 2H misc 38c, vol. 1

Баугина) были напечатаны эти и другие стихи, восхвалявшие Цвингера. То, что репутация Теодора Цвингера сохранялась долгие годы (чему, возможно, способствовали его потомки, среди которых были два других Теодора Цвингера, жившие в 1597–1654 и 1658–1724 годах), ясно доказывает тот факт, что эпитафия и другие высказывания, связанные с Цвингером, включались в сборники знаменитых базельских надписей вплоть до 1661 года [Hieronymus 2005, 3: 1994–2002]⁴⁵.

Цвингер писал, что его побуждала к работе личная добродетель, но более всего — общественная польза от проекта невиданного прежде масштаба [Zwinger 1586: сигн. ***5r]. Цвингер подошел к решению задачи со своей исключительной жадой знаний и стремлением накапливать золотые крупички информации. Отчим Цвингера Конрад Ликосфен оставил большую коллекцию примеров, которую Цвингер использовал в качестве основы первого издания «Театра», однако объем следующих двух изданий Цвингер увеличил в три раза уже самостоятельно (вместе с помощниками, на которых он полагался). Цвингер явно проявил большое усердие к этой работе. Он не только собрал беспрецедентное количество примеров, но также применил иерархическую структуру заголовков исключительной сложности. В каждом из трех изданий, подготовленных Цвингером, текст был коренным образом перекомпонован и существенно дополнен. Каждое следующее из и без того длинных предисловий становилось еще длиннее, поскольку Цвингер давал разъяснения относительно источников и состава произведения, его структуры и цели.

Самое усовершенствованное предисловие Цвингера к «Театру» начинается с теории познания как такового: «Знание стоит на двух ногах, опираясь то на одну, то на другую в большей мере, в зависимости от характера предмета — будь то история, или знание частных вещей, или примеров, или же теория или знание универсалий или принципов, выведенное с помощью разума»

⁴⁵ Много материалов об этом и похоронных элегий, посвященных Цвингеру, вошли в [Reusner 1589: Aa2r–Cc5v] (всего на 38 страницах); эпитафии см. в [Gross 1625: 131–132; Tonjola 1661: 136–137].

[Ibid.: сигн. *3r]. Задачей Цвингера в «Театре» было скорее приведение подробностей и демонстрация примеров, чем изложение принципов. Он следовал правилу Сенеки, который полагал, что «путь через наставления долог, а через примеры — короток и эффективен» [Ibid.: сигн. *3r]. Однако рекомендации Цвингера могли служить двойной цели, относясь как к созерцанию, так и к деятельности.

Примеры из человеческой истории, собранные в 29 томах этого Театра, служат, во-первых и сами по себе, задачам философского созерцания, но во-вторых — действию: в той мере, в которой, следуя приведенным примерам, читатели благодаря изучению побуждаются к подобным действиям — физическим, математическим, богословским, этическим, механическим, — так что сами очевидным образом становятся творцами добра и зла. Поэтому история человечества полезна как для познавательного опыта, так и для умения действовать. Таковы две цели, которые здесь описаны кратко, но при использовании оказываются значительными и обширными [Ibid.: сигн. [***6]r].

Цвингер признавал, что многие из приведенных в «Театре» примеров можно применять к разным дисциплинам, но главной сферой, для которой предназначал их сам Цвингер, была этика. Примеры не только служили этической теории, но были призваны вдохновлять на поведение, соответствующее этическим принципам, благодаря тому, что читатель размышлял над частными примерами по той или иной теме.

Цвингер защищал (как мы уже видели) идею накопления примеров любого рода: древних и современных, неизвестных и знаменитых, сказочных и правдивых, хороших и дурных. Цвингер претендовал на то, чтобы охватить весь диапазон человеческого поведения, чтобы читатель мог увидеть «не только тех, кто жил [ранее], не только тех, кто живет сейчас, не только тех, кто будет жить когда-нибудь, но всех их вместе». Результат своей работы Цвингер даже сравнивал с тем, что предстанет Божественному взору на Страшном суде:

Вот так, собрав в одном месте все поступки и страсти всех людей, живших с начала до конца времен, мы, вероятно, можем теперь желать, а не просто надеяться, что этот «Театр», доведенный, наконец, до полного завершения, напоминает в некотором роде то, что предстанет пред строгим взглядом самого справедливого Судии [Ibid.: сигн. ** 3v].

Цвингер испытывал лишь небольшое замешательство при сравнении своего «Театра» с совершенным Божественным созерцанием человеческого поведения. Он гордился амбициями и успехом своей энциклопедической жажды знаний, но старательно демонстрировал время от времени собственную скромность.

Цвингер посвятил третье издание «Театра» «единственному и триединому Господу, вечному создателю, правителю и судье всего сущего», о чем высокопарно сообщалось крупным шрифтом на отдельной странице [Ibid.: сигн. *2r]. Выбор Бога в качестве покровителя издания был, разумеется, необычен; его высмеяли в 1716 году в сатирическом изображении эрудиции. Иоганн Генрих Альстед также начал свою «Энциклопедию» 1630 года обращением к Богу, но оно было сформулировано как молитва, предшествовавшая более привычному посвящению государю⁴⁶. Посвятив свою работу Богу, Цвингер был вынужден отказаться от финансовой выгоды, которую мог бы получить, адресовав свой труд человеку; впрочем, прежде он уже познал эту выгоду. Первое и второе издания «Театра» были посвящены трем братьям Вейтмозерам — Иоганну, Христофу и Исайе/Илие, правителям Винкеля и Фалькенштейна, с которыми Цвингер учился в Падуе «шестью годами ранее», примерно в 1559 году; благодарность им была выражена и в предисловии к изданию 1586 года [Zwinger 1565: 3, 30; Zwinger 1571a; 1575: Посвящение; Zwinger 1586: сигн. ***5r]. Однако в это время Цвингер стремился уже к иного рода признанию. Посвящение Богу свидетельствовало об отсутствии заин-

⁴⁶ Посвящение Иисусу иронически представлено в [Mencke 1937: 74; Alsted 1989]: «Deo uni et trino patria... Amen Amen». Сочинение было посвящено принцу Трансильвании Гавриилу.

тересованности в обыкновенных земных наградах и об осознанной претензии на «скромное и достоверное» представление, как указано в посвящении, «благородного подобия всего человечества», достойного божественного внимания и одобрения [Zwinger 1586: Посвящение].

Такие же самонадеянные амбиции характерны и для других случаев самопрезентации Цвингера; в частности, мы видим их в эскизах Ганса Бока, приглашенного украсить фасад дома, купленного Цвингером в феврале 1572 года, а также на портрете кисти Ганса Бока (датированном не позднее 1587 года) [Kunstmuseum Basel 1984: 55–56, 79–81, 155–156]. Эти изображения почти совпадают по времени с публикацией второго и третьего изданий «Театра», и главный акцент в них сделан на классических образцах человеческого падения вследствие неумеренной гордыни. Следуя примеру представителей базельской элиты (несколько муралов сохранились до наших дней благодаря поддержанию их облика на протяжении веков), Цвингер планировал заказать муралы на наружных стенах дома. На эскизах фасада (нам не известно, были ли они воплощены в жизнь) Фаэтон и Икар изображены вокруг центрального сюжета, посвященного Беллерофонту, который (не раз продемонстрировав свое величие) оскорбил богов, попытавшись подняться на Олимп, оседлав Пегаса, и был низвергнут вниз. Мораль выражена надписью на фасаде на немецком языке: «Бойся забираться слишком высоко, чтобы не упасть» [Ibid.: 94]. Другие изречения — на латинском, греческом, древнееврейском и немецком языках, — находившиеся внутри дома Цвингера, приводятся в местных коллекциях эпитафий и надписей и представляют собой многозначительные назидания с призывами к благочестию и морали⁴⁷. Искусно выполненный портрет Ганса Бока изображает падение Беллерофонта и напоминания о смерти

⁴⁷ Одна из надписей напоминает высказывание Тихо Браге «глядя вверх, я смотрю вниз». Это и другие высказывания см. в [Tonjola 1661: 400–403; Gross 1625: 475 слл.]. В [Dufournier 1936: 27] сообщается, что девиз Цвингера гласил: «Первое время на веслах, потом — под ветром попутным» (Гомер, Одиссея, XI, 640).

(песочные часы и череп) на заднем плане и символ славы — лавровый венок — на переднем плане. Картина, таким образом, передает смешанное послание: предлагая помнить о смерти и падении из-за гордыни, она также возвещает о великих притязаниях Цвингера и его успехе в достижении бессмертной славы благодаря своей работе. В портрете, как и в посвящении «Театра», тесно переплетены скромность и гордыня⁴⁸.

Вышедший в 1586 году «Театр» стал своего рода итогом жизни компилятора. Это был необыкновенно амбициозный и своеобразный проект организации и классификации информации, на создание которого Цвингера побудило стремление представить весь «театр человеческой жизни» и достичь бессмертной славы, даже если не удастся добиться поставленной цели. Хотя «Театр» не был бестселлером, он пользовался значительной известностью. Как и многие другие справочники, «Театр» цитировали значительно реже, чем использовали, но мы находим документальные подтверждения того, что к нему обращались, среди прочих, Кеплер и Монтень [Grafton 1997: 198⁴⁹]⁵⁰. Хотя эта книга была полна благожелательных упоминаний о протестантах, католики также стремились получить к ней доступ.

Альдрованди получил персональное разрешение на чтение книги и отмечал, что изучал ее очень внимательно (делая на листе пометы «perlegi», то есть «прочитал»). Он также составил своего рода указатель к «Театру» в двух тетрадах, заполненных расположенными по алфавиту полосками бумаги, на каждой из которых указана рубрика с отсылкой к соответствующей странице⁵¹. Парижское издание 1571 года было предназначено для использова-

⁴⁸ Я благодарна Эвелину Линкольну за полезные советы относительно портрета. О более раннем изображении Цвингера см. [Geelhaar 1992: 23]; еще один находится в частной коллекции и нигде не воспроизведен.

⁴⁹ Цит. Kepler «Gesammelte Werke» (т. 13, с. 188–197).

⁵⁰ К Монтеню и другим примерам рецепции Цвингера я вернусь в главе 5.

⁵¹ Благодарю Дэвида Лайнза за информацию об экземпляре Альдрованди в Болонье. См. Bologna MS Aldrovandi: 33, цит. в [Fratì et al. 1907: 31; Mando-sio 2002: 27].

Рис. 4.2. Цветной портрет Теодора Цвингера (1533–1588) кисти Ганса Бока-Старшего является выдающимся произведением швейцарской настенной росписи того времени. Цвингера окружают символы литературной славы (лавровый венок) и традиционные напоминания о смерти (песочные часы и череп); на заднем плане можно видеть изображение падения Беллерофонта, низвергнутого богами за его гордыню. Воспроизведено с разрешения Музея искусств Базеля, инв. номер 1877; фото Мартина П. Бюлера

ния католиками, однако задача по «очищению» столь объемной работы не была выполнена на должном уровне, по крайней мере так представлялось одному из пользователей издания, который добавил в свой экземпляр рукописные примечания⁵². На протяжении целого столетия после первой публикации «Театр» продолжали упоминать как образец большой книги⁵³. Неизменная привлекательность содержания «Театра», в особенности для католической аудитории, хотя на этом рынке книга никогда не продавалась в значительных объемах, становится очевидной из самого факта издания более объемного и явно ориентированного на католиков «Magnum theatrum vitae humanae» в 1631 году и четырех его переизданий, появившихся до 1707 года.

«Великий театр»

«Magnum theatrum» стал, пожалуй, самым большим справочником XVII века. В восьми томах на 7468 страницах и 600 страницах алфавитного указателя содержалось в общей сложности около 10 млн слов. Справочник был создан по заказу двух братьев, Антония и Арнольда Хиератов (Hieratus) из Кёльна, которые говорили о нем как об итоге длительной совместной работы. На титульном листе сочинение однозначно приписывалось Лаврентию Бейерлинку, «богослову, протонотарию, канонику и протоиерею из Антверпена», который был указан как единственный автор⁵⁴. Однако во вступительных материалах (которые присутствовали не во всех экземплярах издания 1631 года, в поздних изданиях — более последовательно) раскры-

⁵² См. [Zwinger 1571b], экземпляр Библиотеки Университета Миннесоты.

⁵³ «Во всех работах Кардано содержится столько же томов, сколько в “Театре жизни человеческой”» (Guy Patin, *Lettres inédites de Charles Spon à Guy Patin*: 206, цит. в [Maclean 1994: 330–331]).

⁵⁴ Об общем контексте устройства фронтисписа см. [Remmert 2005]. Подсчет слов исходит из следующих характеристик: 7468 страниц, по два столбца на странице, семьдесят семь строк на странице и девять слов в строке, в общей сложности 10 350 000 слов.

вალაშ роль многих других участников, благодаря которым издание справочника стало возможным⁵⁵. Бейерлинк умер в 1627 году, а Антоний Хиерат не дожил до завершения печати, так что вступительная часть, не подписанная, за исключением посвящения, вероятно, составлена Арнольдом Хиератом. Учитывая эти обстоятельства, необычный раздел, озаглавленный «*theatri proscenium*» («просцений театра»), говорит об истории справочника и о роли в ней покойных участников проекта:

Пять человек в разных местах и в разное время (каждый по-своему) вели эту работу к тому завершённому состоянию, в котором она сегодня выходит в свет. Первый [Конрад Ликосфен] заложил фундамент, второй [Теодор Цвингер] воздвиг само здание и придал ему форму, третий [сын Теодора — Якоб] ничего не добавил, но усовершенствовал имевшееся [добавив один указатель]. Четвертый и пятый прибавили завершающие штрихи и колофон к весьма объёмной работе [Beyerlinck 1666: сигн. e2r (*proscenium*)]⁵⁶.

Четвертым участником, внесшим вклад в работу, был Бейерлинк, который «произвел новое из старого, увеличив размер “*Vitae humanae theatrum*” вдвое по всем показателям». И наконец, книгопечатник Антоний Хиерат, член городского совета и книготорговец в Кёльне, назван пятым участником, «под руководством которого вышло пятое и последнее издание». Антоний назван человеком «огромного усердия и трудолюбия», который тщательно взвешивал все, что делал, и намеренно советовался по каждой теме с друзьями, разбиравшимися в соответствующих вопросах. Он издал множество книг, некоторые из которых — большого размера, «к великой пользе для себя самого и для Республики ученых», как следует из списка, включающего более

⁵⁵ Содержатся в экземпляре Колледжа Иисуса Кембриджского университета. От всей души благодарю Сюзан Кобболд за помощь. Отсутствуют в экземплярах Гарвардского и Корнелльского университетов.

⁵⁶ Антоний и Арнольд Хиераты, сыновья Антона Хиерата-старшего (1597–1627), вели издательскую деятельность с 1627 по 1632 год; см. [Reske 2007: 467–468].

пятидесяти опубликованных им произведений (большая их часть, вероятно, по-прежнему оставалась в продаже), от трактатов Отцов Церкви и трудов по священной истории до математических сочинений Клавиуса, «Иероглифов» Пьеро Валериано и «смеси» Лелия Бисциолы «*Horae subsecivae*» («Свободные часы», 1611), ошибочно процитированной под названием «*Successivae lectiones*» [Ibid.: сигн. e2v, [e3]r].

За этой рекламой изданий Хиерата необычно подробно описывалось его спонсорское участие в создании «Великого театра»:

И наконец, что касается этого «Театра», поскольку у него [Антония Хиерата] была доля в наследственных правах на базельское издание «Театра» и он видел, что из-за некоторых ошибок, заметных католикам, издание нельзя будет распространять [в католических землях], в особенности в Испании и в Италии, он передал оставшиеся у него экземпляры некоему франкфуртскому издателю, сохранив за собой, тем не менее, право на создание нового «Театра» (если он того пожелает). Уже в то время он начал думать о новом издании «Театра». Посоветовавшись в письмах с разными друзьями, он договорился с Лаврентием Бейерлинком о начале и завершении работы на следующих условиях: (1) все, что можно сохранить из старого «Театра» без подозрения в ошибках, будет сохранено; (2) названия рубрик будут расположены в алфавитном порядке, поскольку ученый [систематический] метод организации исторического материала встречает меньше одобрения; (3) во избежание утомительного копирования правильно напечатанные книги будут разделены на части, и те части, которым предстоит войти в новое издание, будут прикреплены к листам бумаги, организованным сообразно устройству большого тома. При этом Антоний Хиерат проявил себя как человек щедрый и благородный, когда речь заходила о тратах; кроме того, он не жалел ни сил, ни трудов до тех пор, пока наконец не увидел, что его замысел издания «Театра» был полностью выполнен и доведен до совершенства. Антоний Хиерат достиг бы большого успеха в издании этого труда, к великому благу для него самого (как было сказано выше) и для Республики ученых, если бы ему была дарована более долгая жизнь. Итак, благородный читатель, пользуйся результата-

ми его трудов, наслаждайся ими и отнесись благосклонно к душе того, кто так верно служил Республике ученых [Ibid.: сигн. [e3]v].

Основным мотивом составления этого необычного «просцения», или предисловия, стало желание увековечить память покойного издателя и сообщить о методах, с помощью которых из старого произведения появилось новое, большего объема.

В данном случае в распоряжении Антония Хиерата оказалось значительное число экземпляров старого издания Цвингера⁵⁷. Хиерат продал многие из них франкфуртскому издателю, но некоторые оставил себе и заказал составление нового, улучшенного «Театра», намереваясь продавать его в католических землях. Протестанты с большей готовностью использовали католические книги, вроде «Полиантеи», чем католики — протестантские, такие как «Театр» Цвингера. Католическая цензура была более централизованной и деятельной (особенно в Испании и Италии), чем цензурные ограничения протестантов, действовавшие лишь на локальном уровне. Кроме того, протестанты с самого начала проявили прагматизм в вопросе использования католических книг, потому что в противном случае у них было бы слишком мало книг для чтения, учитывая недавнее происхождение Реформации. Расчет Хиерата на то, что существует неохваченный рынок, проявляющий интерес к «Театру», был очевидно оправданным, поскольку «Magnum theatrum» переиздавался (без существенных изменений) еще четыре раза — в Лионе Гугетаном и Раво в 1656 и 1666 годах, Гугетаном — в 1678 году, и в Венеции Паоло Баллеони — в 1707 году. Каждый раз «Великий театр» публиковался с необходимыми привилегиями, а также с разрешениями католических каноников Кёльна (места первой публикации)

⁵⁷ Простое наследование Генрикпетри из Базеля, который выпустил в 1604 году последнее издание «Театра», маловероятно, поскольку Генрикпетри умер в 1627 году, а Бейерлинк к этому времени уже закончил свою работу. Однако Хиерат мог унаследовать эти экземпляры от другого издателя, который продавал их. О сложных международных сделках книготорговцев см. [Maclean 2007].

и Антверпена (места жительства автора). Они хвалили сочинение за «более точное» и «простое» расположение материала, аккуратно сделанные купюры и усердно прибавленные дополнения, а также свидетельствовали, что текст не содержит ничего, противоречащего католической вере, но, напротив, исполнен «здорового и надежного учения, полезного для кандидатов не только богословского, но и других факультетов»⁵⁸. «Очистка», произведенная Бейерлинком, оказалась эффективной. Мне не встретилось больше ни одной пометы читателей цензурного характера. Напротив, вольнодумный католик Ги Патен, высоко оценивший «Театр человеческой жизни» как «действительно очень хорошую книгу», жаловался, что «в последнем кёльнском издании (1631) текст был кастрирован, поскольку из него убрали все, что говорилось неприятного о священниках и монахах [в оригинале Цвингера]» [Patin 1846, 1: 196, 394]. Подобно тому, как Цвингера читали католики, экземпляры изданий Бейерлинка можно было найти в протестантских институтах, таких как колледжи Кембриджа и Оксфорда. Справочная литература куда успешнее произведений других жанров пересекала религиозные границы в обоих направлениях.

Лаврентий Бейерлинк (1578–1627) привлек внимание Хиерата как цензор города Антверпен и опытный компилятор. Бейерлинк составил сборник христианских афоризмов, который был опубликован Плантеном в 1608 году и включал в себя ряд цитат, взятых (с необходимыми ссылками) из «Театра» Цвингера, а также изданный Хиератом в 1613 году «*Promptuarium morale*» («Нравственная кладовая»). После изучения богословия и посвя-

⁵⁸ На титульных листах сообщалось, что публикация происходит с разрешения (Церкви) и с привилегией (этот аспект не уточняется в 1631 и 1707 годах). На лионские экземпляры распространялось действие двадцатилетних привилегий, датированных сентябрем 1655 и февралем 1678 года (сведения об этом сообщаются на титульном листе). Экземпляры, которые мне удалось сравнить, указывают на использование нескольких, отличных друг от друга наборов, и речь не идет о перепечатке ранее изданных материалов. Разрешения на издание 1631 года были выданы Франкеном Зирштоффием из Кёльна и Петром Кунсом из Антверпена, несомненно, коллегой Бейерлинка.

щения в 1602 году в духовный сан Бейерлинк занимал различные церковные должности, потом стал протонотарием сельского поселения, а затем и города. Он был известен своим красноречием как на народном языке, так и на латыни, остроумием, неустанным стремлением к учебе, а также щедростью. Он умер по возвращении из поездки в Кёльн (возможно, по делам, которые вел с Хиератом), завещав свою библиотеку Левенскому университету и основав несколько стипендий для его студентов⁵⁹. «Он завершил “Великий театр” полностью, кроме указателя», но оставил незаконченными другие проекты, «в том числе краткую версию “Театра” в одном томе» [Beyerlinck 1666: сигн. iiv]. План Бейерлинка по изданию однотомного компендия «Театра» так никогда и не был осуществлен.

Содержащийся в «просцении» перечень из трех условий, на которых Бейерлинк согласился взять задание, напоминает пункты договора, заключенного сторонами. Бейерлинк ничего не удалял без необходимости из старого «Театра». Это, с одной стороны, уменьшало работу Бейерлинка, а с другой — позволяло издателю продавать новый «Театр» в качестве полной версии старого «Театра», в той мере, в какой это допускала католическая вера. Материалы в новом «Театре» располагались в алфавитном порядке. Неизвестно доподлинно, кто пришел к выводу о том, что сложная система организации текста и схем, применявшаяся Цвингером, не подходит для такой объемной работы, но Бартоломей Кекерман, как видно, разделял это мнение. В третьем условии оговаривался способ работы Бейерлинка: следовало не переписывать отрывки, но делать вырезки из старых печатных страниц «Театра» Цвингера и прикреплять нужные фрагменты

⁵⁹ Жизнеописание Бейерлинка во вступлении к книге является нашим основным источником информации о нем; современные биографии см. в [Ijsewijn 1987; Paquot 1768, 2: 22–24]. О его участии в споре о цензуре см. [Verbeke 2010: 357–358]. Об афоризмах, взятых у Цвингера, см. [Beyerlinck 1608: 66, 67, 93]. «*Promptuarium morale*» Бейерлинка (Köln: Hieratus, 1613) переиздавалась Хиератом до 1634 года не менее четырех раз. Сборник проповедей вышел в год его смерти под заглавием «*Selectae conciones*» (Köln: Antonius Hieratus, 1627).

на листы бумаги, с которых затем печатали «Великий театр». Именно здесь в «просцени» появляется похвала Хиерату за то, что он не жалел средств. В рассмотренном выше случае Ланге благодарил Глейзера за предоставленные книги и покрытые расходы; теперь мы можем увидеть, почему щедрость издателя в предоставлении книг была так важна для компилятора. Издатель снабжал компилятора экземплярами печатных книг, с тем чтобы тот мог вырезать отобранные фрагменты, экономя тем самым время и силы на их копирование. Для такого метода работы требовалось наличие хотя бы двух экземпляров одной книги, чтобы компилятор мог делать вырезки с обеих сторон каждой страницы. Помимо «Театра» Цвингера, Бейерлинк, возможно, делал вырезки из других печатных книг, например из «Каталога императоров, королей и знаменитых людей, любивших астрономию» Генриха фон Ранцау (1526–1599), у которого Бейерлинк, по его собственному признанию, заимствовал около двадцати страниц для статьи «Астрономия, астрология»⁶⁰. Такой метод компилирования, мотивом для которого послужило в данном случае наличие нераспроданных копий «Театра» Цвингера, владельцем которых оказался Хиерат, позволял издателям извлекать новую выгоду из старых книг. Задание, которое Хиерат дал Бейерлинку, вероятно, предполагало предоставление книг и расходных материалов (например, бумаги, чернил и клея) и, возможно, оплату расходов на содержание самого компилятора и составителя указателя, некоего Каспара Принкция, выпускника факультета богословия.

У разных издателей и составителей были свои мотивы для создания объемных компиляций. Компиляторы различались по профессии, месту жительства, вероисповеданию и возрасту, но все они, как правило, гордились своей деятельностью и качествами, которых она требовала, — начитанностью, усердием в работе и здравым смыслом. Некоторые из них, подобно Плакциусу,

⁶⁰ См. [Beyerlinck 1666]: «Astronomia», «Astrologia» A564, где начинается обширный раздел (до A575), и A575 — начало другого раздела (до A586). Бейерлинк достаточно точно ссылается на [Ranzovius 1584].

были одержимы жаждой собирания заметок и информации разного рода, которую они не стремились публиковать ради прибыли или репутации. Многие составляли сборники, чтобы издать их, либо в надежде на покровительство знатных особ (Лакруа дю Мэн), либо, чаще всего, по заказу издателя (Ланге и Бейерлинк), поскольку успешное издание приносило доход и типографу, и составителю. При этом компиляторы и издатели также стремились работать на пользу Республики ученых и приобрести соответствующую репутацию (как мы видели в случае с Цвингером и Опорином). Чрезвычайные усилия, приложения которых требовала такая работы, часто были вызваны несколькими мотивами и получали различные обоснования.

Методы компиляции

Во вступительной части компиляций постоянно говорилось об огромных усилиях, затраченных на составление; всё более заметным это становилось по мере того, как объем компиляций увеличивался. Эразм задал параметры этой темы в издании «Адагий» 1508 года, в котором число пословиц увеличилось с примерно 600, собранных им в 1500 году, до 3000. На титульном листе Эразм упоминает «огромные усилия» и «бессонные ночи», которых потребовала работа над сборником. В 1515 году издатель Эразма Фробен отметил также, что работу позволил осуществить «выдающийся талант» [Erasmus 1508: тит. л.; Erasmus 1515: 633]. В «Полиантее» 1503 года Мирабелли говорит о собственном таланте, но в более поздних изданиях акцент был сделан на усердном труде и бессонные ночи⁶¹. Тема труда упоминалась в каждом издании «Театра». Называя свой труд «неустанным», Цвингер прибегал к аллюзии на высказывание Вергилия о том, что неустанный труд преодолевает все препятствия; в 1571 году Цвингер назвал свою работу «сизифовым трудом», а в 1586-м сообщил,

⁶¹ [Nani Mirabelli 1503: сигн. aiii v; Polyanthea 1567: Посвящение, сигн. ()2r-v; Polyanthea 1574: Посвящение, сигн. ()2r; Lange 1662: сигн. [+7]r-v].

что посвятил «Театру» столько усердия и трудов, сколько мог. Бейерлинк поместил себя в конце ряда тех, кто вложил «столь многие труды» в работу над книгой [Zwinger 1565: сигн. e[4]v]⁶². Аналогичным образом, Гесснер подчеркивал масштаб своих трудов в предисловии к «Библиотеке», над которой он интенсивно работал три года, будучи молодым человеком. Он сравнивал завершение работы над книгой с высадкой на землю после кораблекрушения или возвращением после восхождения на высокую гору⁶³. Упомянутые объемные компиляции, разумеется, относятся к числу самых трудозатратных достижений авторов раннего Нового времени.

До нас не дошло непосредственных рассказов о том, какие героические меры приходилось предпринимать упомянутым компиляторам, но сохранилось несколько исторических анекдотов, касающихся похожих обстоятельств. Например, Томас Платтер (1499–1582), в школе которого учился Цвингер, вспоминал, как жевал сырую репу и песок и пил холодную воду, чтобы не заснуть и дольше заниматься учебой [Le Roy Ladurie 1997: 34]. Среди других трюков можно отметить погружение одной ноги в холодную воду и чтение одним глазом, чтобы другой в это время отдыхал. Метод одного из ученых, состоявший в том, чтобы спать только каждую вторую ночь, не оправдывал себя, когда речь шла о долгой работе⁶⁴. Все понимали, что тяжелый труд ученого требует наносить вред собственному организму. Ученые регулярно

⁶² Ср. «Labor omnia vicit improbus» («труд неустанный все победил») (Вергилий, Георгики, 1, 145–146; пер. С. В. Шервинского) [Zwinger 1571a: сигн. →→→ 5v (Посвящение); Zwinger 1586: сигн. ***5r; Beyerlinck 1666: proscenium, сигн. 2r].

⁶³ «Я радуюсь и благодарю бессмертного Бога за то, что освободился от этой работы, которая поглотила меня почти на три года, и что я смог вернуться в порт, как корабль, потерпевший крушение в открытом море, где не было ничего, кроме моря и воздуха. Теперь я вспоминаю свои труды с удовольствием, как человек, спустившийся с горы» [Gesner 1545: сигн. [*6]r; Müller 1998: 301].

⁶⁴ О стратегиях Ф. А. Вольфа (1759–1824) см. [Pattison 1908, 1: 342 слл.]. Благодарю за ссылку Джонатана Шихана. О попытках Иоганна Лоренца Мосгейма (1694–1755) установить особый режим сна см. [Neumann 2001: 52 сн. 13].

жаловались на ущерб для зрения и здоровья в целом. Жена Адриана Тюрнеба (1512–1565), автора объемного тома «*adversaria*», считала причиной смерти мужа слишком много бессонных ночей, проведенных над книгами⁶⁵. Причиной смерти Луи Морери (1643–1680) в возрасте тридцати семи лет современники называли переутомление от работы над вторым изданием биографического словаря в 1674 году, вышедшим посмертно в 1681 году; за ним последовало еще восемнадцать (часто дополненных) переизданий до 1759 года [Moréri 1759, 7: 778–789 (статья «Moréri»)]. Компиляторы постоянно сталкивались с перегрузками из-за чрезмерного количества книг, которые необходимо было прочесть, и текстов, которые надо было написать, и всё время искали способы, чтобы облегчить свою работу.

Компиляторов также стесняли сроки работы. Многие ученые раннего Нового времени жаловались на нехватку времени и описывали разные трюки, помогавшие работать быстрее. Например, Джероламо Кардано рекомендовал читать книгу по частям, помечая сложные места, чтобы вернуться к ним позже [Cardano 1643: гл. 39, 187; Cardano 2002: 151]⁶⁶. Историки обнаружили следы спешки в работах знаменитых авторов раннего Нового времени, которые были известны также своим умением делать несколько дел одновременно. Один французский автор ошибся при описании героев прочитанной книги, вероятно, из-за того, что сильно торопился или отвлекался. У Жана Кальвина было мало времени на подготовку к лекциям и проповедям, так что он читал книги и диктовал письма из постели, заботясь о своем хрупком здоровье. Его комментарии к Библии были составлены помощником де Галларом, который делал заметки во время

⁶⁵ Роберт Бертон писал о «трудностях ученых», как физических, так и психологических, в своей «*Anatomy of melancholy*» (1621), ч. 1, разд. 2, 3, 15. Жалобы Бойля на зрение см. в [Boyle 1661: сигн. A3v]. О Тюрнебе см. [Lewis 1998: 313].

⁶⁶ Он также рекомендовал вырезать фрагменты существующих текстов, чтобы затем вставлять их в новые. Я написала об этом подробнее в следующем разделе. Нехватка времени также регулярно становилась темой руководств и наставлений. См., например, [Grotius et al. 1645; Vossius et al. 1658; Zedlermaier 1992: 53 сн. 146].

лекций Кальвина и приносил их ему для исправления. Когда Кальвин сочинял сам, он делал это быстро: например, один из своих памфлетов он написал за три дня⁶⁷. Женева во времена Кальвина требовала соблюдать необыкновенную дисциплину в расходовании времени, однако ученые повсеместно сталкивались с трудной задачей вместить безграничное стремление к знаниям (не говоря уже о других полезных видах деятельности) в ограниченный период человеческой жизни. Винсент из Бове красноречиво сформулировал эту проблему (хотя задолго до него это сделал Плутарх), упоминая о спешке, в которой ему пришлось готовить свои заметки для публикации (Плутарх, О спокойствии духа, 1,464F, цит. по: [Hadot 1998: 32]). Несмотря на глубокие корни этой проблемы, распространение книгопечатания, вероятно, еще больше усилило давление сроков на работу ученого.

Лакруа дю Мэн, например, в своей многословной саморекламе, призванной отвергнуть обвинения в плагиате, создал заставляющее изображение работы над своей «Библиотекой», библиографией книг на французском языке, опубликованной в 1584 году. Каждый день после того, как началось издание книги, он передавал издателям

тетрадь с копиями текстов, состоящую из двенадцати страниц письменного текста, или (чтобы было понятнее) трех больших листов бумаги, образующих двенадцать страниц, исписанных моим мелким почерком. На каждой странице было более сорока строк, в каждой строке более двенадцати слогов. [Вот что требовалось], чтобы обеспечить работой наборщиков, занимавшихся моей книгой [La Croix du Maine 1584: сигн. [avii]r; Balsamo, Simonin 2002: 194].

Он также ежедневно вносил в гранки правки, однако не сообщает об этом никаких подробностей. При таком методе работы Лакруа дю Мэн не мог внести правки в начало текста, достигнув

⁶⁷ Об ошибках Доминика Буура см. [Bouhours 1988: 1v]. О Кальвине — [Engam-mare 2004: 32–37].

конца сочинения, так как предыдущие страницы уже были напечатаны. Друзья итальянского библиографа Антона Дони утверждали, что он посылал свои книги в печать, не дописав их, и сочинял дальше, следуя подробным инструкциям от издателей⁶⁸. Многие авторы раннего Нового времени трудились в спешке, но работавшие в этот же период компиляторы, особенно если они получали заказ от издателя с определенным сроком сдачи книги, стали олицетворением работы в условиях, когда необходимо справиться с огромным объемом материала за короткое время.

В предисловиях к книгам авторы и издатели часто извинялись за ошибки, возникшие из-за спешки, в которой сочинялись и печатались книги [Turnèbe 1581, II: сигн. S2v (перед с. 417)]⁶⁹. Это стало регулярной темой в предисловиях к «Полиантее». Причем заявления об исправлении прежних ошибок, допущенных в спешке, соседствовали с извинениями за ошибки, имеющиеся в новом издании. В первом издании «Новой полиантеи», сильно переработанной Ланге, издатель Цетцнер уделил особое внимание возможным недостаткам: «Давайте открыто и честно признаем, что из-за объема этой работы и почти бесконечного разнообразия материала, из-за ограниченности времени и множества серьезных трудностей и препятствий, нам не удалось сделать всё вполне удовлетворительным образом» [Polyanthea 1604b: Издатель к читателю, сигн.)(3r]⁷⁰. Заметно обновленное издание было особенно уязвимо для ошибок, которые можно было исправить в последующих изданиях. На многих титульных листах справочных книг сообщалось об исправлении текста по сравнению с предыдущими изданиями. При этом по крайней

⁶⁸ См. письма Пьетро Марио Буони да Римини и Франческо Марколини, которые Дони включил в «I mondi e gli inferni» (Venezia, 1562. P. 279, 281), цит. по: [Bolzoni 2001: 301].

⁶⁹ Анри Этьенн извинялся за спешку, с которой была написана его «Апология» на французском языке, и пообещал потратить сэкономленное время на подготовку изданий на греческом и латыни, которые он ценил более высоко; см. [Boudou 2002: 58] (цит. Apologie, I, x).

⁷⁰ Аналогичные заявления см. в предисловиях к [Lange 1662; Polyanthea 1607, 1612].

мере один компилятор был недоволен тем, что это может навредить авторитету более ранней версии, и попросил убрать упоминания об исправлениях из второго издания «Магдебургских центурий» [Steinmann 1969: 160]. Когда в новых изданиях появлялись сообщения об исправленных ошибках, эту информацию часто трудно было отследить, потому что исправления не помещались в текст. И разумеется, масштабы исправлений в некоторых случаях преувеличивались.

Жанры, основанные на объединении огромного количества разрозненных фрагментов, особенно легко подвергались модификациям, как намеренным, так и нет. Помимо реорганизации материала и дополнений к каждому изданию «Театра», основные изменения в статьях «Театра» Цвингера касались источников цитат, которые сильно различались от издания к изданию, поскольку одна ссылка заменялась другой, ссылки добавлялись или опускались целиком по причинам, которые не были в точности ясны, потому что некоторые изменения сводились к удалению точных библиографических сведений⁷¹. Современникам было

⁷¹ Я исследовала изменение ссылок, приведенных в разделе «Oblivio» («Забывчивость»), сравнивая издания [Zwinger 1586: 33–36] и [Zwinger 1565: 18, 1154], и пришла к выводу, что почти ни одна из них не сохранилась в прежнем виде. Некоторые из ссылок были исправлены: так, в издании 1565 года на с. 18 пример Кальвизия (который не мог запомнить имена Улисса, Ахилла и Приама) приписывался Равиз[ию Текстору], в действительности же он был взят дословно из [Rhodiginus 1542: XIII.31, 505]. В издании 1586 года пример был расширен и справедливо атрибутирован Родигину, а ссылка на Жана Тиксье де Равизи была удалена как ошибочная. «Calvisius hebeto ingenio» («Кальвизий — человек слабого ума») приведен в указателе со ссылкой на соответствующий раздел статьи «Obliviosi» («Забывчивые») (735), однако анекдот там не пересказывается; см. [Ravisius Textor 1552: сигн. III2r, 734–735]. Некоторые ссылки оказались выпущены: пример «Thraces» («Фракийцев», которые, по слухам, умеют считать только до четырех) был точно атрибутирован Равиз[ию] в издании 1565 года (с. 18), ср. [Ibid.: 734–735]; в издании 1586 года тот же анекдот появляется на странице 35, но уже без ссылки. Некоторые ссылки, наоборот, были добавлены в более позднем издании: пример «Quidam Atheniensis Vir» («некоего афинянина», который позабыл грамоту после того, как его ударили камнем) был атрибутирован «Вал[ерию Максиму] кн. 1 гл. 8» на с. 1154 в издании 1565 года; а на с. 34 в издании 1586 года эти сведения дополнены (ссылкой на «Естественную историю»

хорошо известно о нестабильности текста в таких сборниках, где изменения легко могли пройти незамеченными. Скалигер, например, жаловался на неуказанные изменения в некоторых итальянских изданиях «Адагий» Эразма. Редактор словаря «Калепин» 1718 года жаловался на добавления материала, собранного в течение многих лет «полуобразованными» людьми; сами издатели стремились увеличить объем книги, обманывая таким образом доверчивых читателей, особенно юных [Scaliger 1695: 141; Calepino 1718: сигн. а3r].

Несмотря на жалобы, компиляторы привыкли полагаться на уже имевшиеся сочинения, либо свои собственные, либо своих предшественников, поддерживая с ними своего рода дистанционное сотрудничество во времени. Многие источники оставались при этом неназванными, однако компиляторы ссылались на справочные произведения с большей готовностью, чем другие авторы. Цвингер постоянно цитировал «*Lectiones antiquae*» Целия Родигина и обсуждал более двух дюжин других компиляций в каждом из своих предисловий. Ланге в издании «Антологии» 1598 года признавал, что полагался на множество флорилегиев, включая работы Цвингера и многие источники, которые упоминал Цвингер. Судя по одному сохранившемуся листу из издательского экземпляра, Томас Томас составлял свой латинско-английский словарь 1587 года, делая примечания на полях печатного текста другого латинско-английского словаря, опубликованного четырьмя годами ранее [Zwinger 1565: 8, 14–16, Zwinger 1586: сигн. *¹r–*²2r; Lange 1662: сигн. :)(5v; Stevenson 1958].

Плиния Старшего. — *Примеч. науч. ред.*): «Val. lib. 1 c. 8 et Plin. lib. 7. cap. 24». В некоторых случаях ссылки были полностью изменены. Так, пример Мелитида (который умел считать только до пяти) на с. 18 издания 1565 года дан со ссылкой на «Brusonius lib 3. Alex lib. 2 cap. 25» (речь идет о «*Facetiae et exempla*» Брузони, впервые опубликованных в 1518 году, и «*Dies Geniales*» Алессандро Алессандри 1539 года); а на с. 36 издания 1586 года тот же пример приписывается Плутарху. Непоследовательность в цитировании источников была обычным явлением для ранней печатной справочной литературы и требует более подробного исследования, однако такое исследование затрудняют несоответствие цитируемых источников и отсутствие в них средств поиска.

Компиляторы полагались на помощь третьих лиц не только в диахронии, но и в настоящем времени, в момент составления компиляций. Как правило, в нашем распоряжении имеется мало информации об этих людях, но, вероятно, у большинства компиляторов были помощники. Даже Конрад Гесснер, который постоянно жаловался на стесненные финансовые обстоятельства и, как считалось, работал один (хотя и признавал, что получал материалы от множества корреспондентов), вскользь упоминал секретарей (во множественном числе), на которых, например, возлагал ответственность за излишнюю многословность отдельных мест «Универсальной библиотеки». Сохранилось также письмо Гесснера, в котором он просит содействия в найме помощника⁷². Цвингер, описывая пятнадцатилетнюю работу над третьим изданием «Театра», говорит о себе как о человеке «невеликого таланта и слабого здоровья» (на момент окончания работы ему было пятьдесят три года), занятом выполнением университетских обязанностей, домашними заботами и медицинской практикой. В том же абзаце предисловия Цвингер упоминает своего «единственного помощника Базилия Луция, моего дорогого кузена», услугами которого «в переписывании [текстов] уверенным и изящным почерком и склеивании материалов, которые необходимо было поместить вместе, он пользовался более трех лет». Однако в начале своего предисловия Цвингер упомянул еще одного молодого родственника, Иоанна Луку Изелия (Изелина), своего «дражайшего пасынка», для которого Цвингер изложил метод обучения перед его отъездом на учебу во Францию и Италию. Изелин был сыном его жены Валерии Рюдин от первого брака. Он опубликовал некоторые лекции Цвингера на основе собственных конспектов и сам стал в дальнейшем профес-

⁷² О том, что Гесснер работал один, см. [Wellisch 1984: 18] и [Braun 1990], где упоминается только о помощи в подборе образцов. См., однако, [Gesner 1545: сигн. 4r]. Гесснер также просил Теодора Цвингера помочь ему найти «сносно обученного наукам, усердного в изучении медицины, бедного, скромного и благочестивого юношу»; см. [Gesner 1577: 111v–112r (письмо от 8 апреля 1565 года)]. Благодарю Кэндис Делайл за эту ссылку и за наши полезные разговоры; см. [Delisle 2009: 84–85].

сором Базельского университета⁷³. Общей чертой помощников компиляторов была, несомненно, юность, поскольку юные помощники требовали скромную плату и могли выполнять работу с большей физической энергией. В одном из поздних изданий «Калепина» отмечалась помощь «очень сильного молодого человека», который работал над изданием четыре года, но не имел необходимых для этого книг [Caleripino 1718: сигн. a3v]. Йозеф Ланге ничего не говорит нам о помощи, которую он мог получать, но его жена и пятеро детей, разумеется, приходят на ум в качестве возможных помощников для выполнения тех задач, которые называл Цвингер, — копирования и наклеивания. Примеры из главы 2 подтверждают склонность ученых раннего Нового времени полагаться, по возможности, на помощь как близких, так и дальних родственников, хотя о такой помощи редко сообщали в самих изданиях. Издатели, писавшие предисловия, иногда упоминали в них тех, кто помогал им — за деньги, за книги, за какие-то услуги или просто в знак дружбы. Холин, например, признавая помощь Петра Линнера в подготовке издания 1567 года, в 1574 году упоминает «друга, весьма образованного», который помогал исправлять греческие цитаты, приведенные у Нани Мирабелли и испорченные со временем. В предисловии ко второму изданию «Ономастикона» Конрад Гесснер заявил, что друзья (оставшиеся безымянными) собирали материалы для его словаря имен собственных — для всех букв, кроме A, B, R, S, V, X и Z, которыми он занимался сам. Разумеется, в этом случае друзья, как и секретари, могли также быть ответственными за ошибки, на что указывал Гесснер [Polyanthea 1574: Посвящение, сигн. ()2v; Gesner 1616: сигн. AAa1v]⁷⁴.

⁷³ См. [Zwinger 1586: сигн. ***5r (Луций), сигн. *6r (Изелин)]; они упоминаются в [Forster 1980: 24, 56; Hieronymus 2005, 3: 1994]. Позже Изелин стал членом городского совета Базеля. Наследие Цвингера включает в себя рукопись, озаглавленную «Аннотации к первым книгам Аристотеля из лекций Цвингера, записанных рукой Людовика Изелина» (Universitätsbibliothek Basel Mscr FIX 7a). Изелин также делал заметки о своих путешествиях, следуя рекомендациям Цвингера, см. [Stagl 1995: 91].

⁷⁴ В полном заглавии «Ономастикона» пояснялось, что он был «частично составлен Конрадом Гесснером, частично — его друзьями».

Использование полосок бумаги при составлении компиляций

Основные компилятивные техники не менялись на протяжении многих лет. И в Средние века, и в раннее Новое время процесс компилирования обычно включал в себя выбор фрагмента из источника и отнесение его к той или иной тематической рубрике, под которой он затем хранился, чтобы проще было найти. Однако некоторые новые приемы получили широкое распространение или впервые стали использоваться в компиляциях раннего Нового времени. Особенно это касается использования полосок бумаги и вырезания фрагментов из печатных книг с последующей вставкой в нужное место компиляции.

Несколько сохранившихся средневековых черновики показывают, что основной метод составления упорядоченных компиляций в XIII и XIV веках заключался в том, что под заголовком рубрики или буквой оставляли пустое пространство, куда затем можно было добавлять материал. Таким образом был создан доминиканский библийский конкорданс XIII века. Аналогичным образом, изучение рукописей исторических компиляций XIV века позволяет обнаружить, что сперва на страницу переписывался материал из основного источника, за ним следовали выписки из разных мест, сделанные другим почерком, и оставалось пустое пространство для будущих записей. Отсюда можно сделать вывод, что над книгой работали вместе несколько человек, читавших разные источники [Melville 1980: 67–68; Melville 1988; Rouse, Rouse 1974b]. Применение алфавитного расположения обычно ограничивалось составлением списков, записи в которых были упорядочены по первой или двум первым буквам, при этом выписки из одного источника располагались друг за другом. Строго алфавитное расположение в средневековых текстах было редкостью (самый известный пример — «Католикон» Бальби). Его можно было добиться с помощью той же процедуры, но это потребовало бы нескольких этапов копирования или составления промежуточных

списков на восковых табличках⁷⁵. В недавнем издании «*Tabula libri ethicorum*» — конкорданса к «Этике» Аристотеля, составленного Фомой Аквинским не позднее 1304 года (несомненно, с помощью секретарей), — на основании текста и содержащихся в нем ошибок (текстологических и относящихся к алфавитному расположению) делается вывод, что при составлении использовались полоски бумаги. Однако тот факт, что одни и те же отрывки, содержащие одни и те же ошибки, встречаются в двух разных разделах указателя, не может быть твердым доказательством использования бумажных полосок. Повторы могли быть связаны с тем, что переписчик сделал две записи в разных разделах с небольшим перерывом во времени. Видимо, в законченных текстах как таковых нельзя обнаружить доказательства, позволяющие с уверенностью утверждать об использовании (или не использовании) полосок бумаги в процессе расстановки материалов по алфавиту или при составлении компиляции в целом⁷⁶.

Убедительные доказательства их применения содержатся скорее в открытых упоминаниях этой практики в публикациях или письмах, а также в сохранившихся физических свидетельствах. Например, из писем известно, что Дюканж (1610–1688) использовал «маленькие полоски» и «отдельные половинки листов бумаги» при составлении своего словаря средневековой латыни [Considine 2008: 270–271]. И, что еще важнее, благодаря относительно хорошей сохранности личных бумаг начиная с эпохи Возрождения, в нашем распоряжении имеются образцы таких полосок бумаги из рабочих записей и черновиков.

Манускрипты, использовавшиеся при составлении печатных компиляций, редко сохранялись, поскольку обычно были испещре-

⁷⁵ Об использовании восковых табличек при составлении компиляций см. [Munk Olsen 1979: 52 сн. 2], цитирующего предисловие Хадоарда к «*Collectaneum*».

⁷⁶ Фома Аквинский, «*Opera omnia*», т. xlviii: *Sententia libri politicorum. Tabula libri ethicorum* / cura et studio fratrum praedicatorum (Roma, 1971), предисловие Рене Антуана Готье, подготовившего издание «*Tabula*», с. B45–46. [Zedemaier 2004: 197] предостерегает от выводов об использовании полосок бумаги на основе заверченного текста; в [Daly 1967: 86] использование таких полосок связывается с доступностью бумаги.

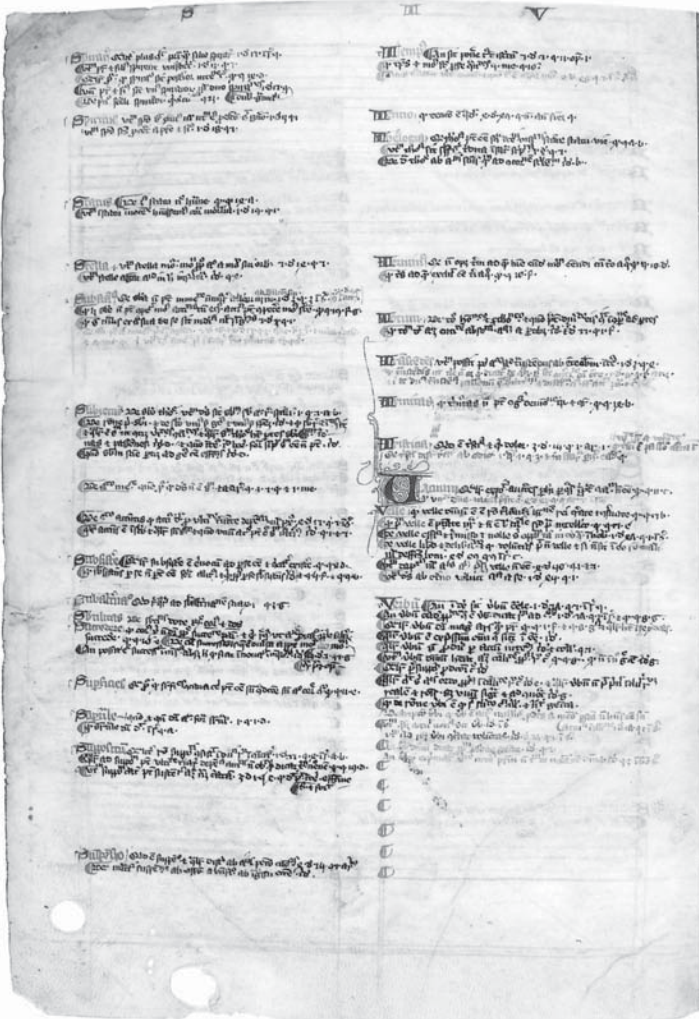

Рис. 4.3. Средневековый указатель XIV века, оформление которого предполагает возможность дополнений. Рукопись явно закончена, в ней есть рубрикация и продуманный макет страниц, но оставлены также пустые места. На рисунке мы видим их под буквами S, T и U/V, куда позднее был добавлен новый материал другими чернилами. Воспроизведено с разрешения магистра и членов совета Колледжа Пембрук, Кембридж, MS Pembroke 39; фото службы копирования Библиотеки Кембриджского университета

ны пометками и повреждались в процессе типографского набора, после чего их выбрасывали. При этом сохранялись манускрипты, которые остались не задействованы в этом процессе, либо потому что они были подготовлены для издания, но затем намеренно или ненамеренно отложены, либо потому что они относились к более ранним стадиям работы и представляли собой либо черновики, либо подготовительные заметки. Сохранилась, например, одна из рукописей «*Lectiones antiquae*» Целия Родигина, в которой текст расположен очень плотно (одиннадцать строк рукописи соответствуют тринадцати с половиной строкам напечатанного текста), а узкие поля заполнены примечаниями, так что следующие вставки делались на полосках бумаги, приклеенных к странице. Использование таких полосок для дополнений стало особенно знаменитым благодаря Марселю Прусту, который склеивал их вместе в длинные ленты, чтобы делать вставки в свои рукописи⁷⁷.

Использование полосок бумаги стало общераспространенным в XVI веке, когда их стали применять для перемещения информации внутри сложных организационных схем, как алфавитных, так и систематических. Конрад Гесснер подробно описал свой метод составления указателей с использованием перемещаемых листков, вероятно, полагая, что эта информация будет новой для его читателей; он также охотно делился ею с посетителями и корреспондентами (одним из которых начиная с 1560 года был Цвингер)⁷⁸. Улиссе Альдрованди также делал заметки на полосках бумаги для

⁷⁷ Рукопись Родигина хранится под шифром MS 306 в Biblioteca Concordiana в Ровиге (Италия). Благодарю Микеле Мараньони из Библиотеки Академии деи Конкорди, которая любезно согласилась выслать мне копии образцов страниц из этой рукописи, особенно л. 145v, соответствующий в печатном издании [Rhodiginus 1516: X.27, 514], в котором имеется множество дополнений на полях и на вклейках. Одна «*paperolle*» Марселя Пруста могла достигать в длину двух метров. См. [Brée 1963: 183]. Благодарю Вирджини Грин за информацию по этому вопросу.

⁷⁸ Гесснер не только опубликовал свои рекомендации, но и ответил в письме на вопросы о его методе составления указателей. См. [Gesner 1577: 136v (Цюрих, 29 августа 1561 года)]. Благодарю за эту ссылку Лорана Пинона. Переписку Гесснера с Цвингером, которая началась в 1560 году и завершилась за месяц до его смерти в декабре 1565 года, см. в издании [Gesner 1577: 104v–115r].

последующего расположения по алфавиту, как было описано в главе 2. Хотя Гесснер связывал использование листочков с алфавитным расположением, их можно было столь же легко применять и для упорядочения собираемого материала в систематическом порядке. В наследии Теодора Цвингера в Университетской библиотеке Базеля, наряду с сотнями писем, имеется несколько листов, исписанных почерком двух разных людей. Возможно, эти листки сохранились, поскольку не были использованы в рукописи, с которой печатался «Театр»⁷⁹. Цвингер всегда признавал основополагающую роль записей, собранных его отчимом Конрадом Ликосфеном (Вольфхартом) (1518–1561), но при этом считал сложную организацию этих записей в «Театре человеческой жизни» исключительно своей заслугой. Ликосфен и сам был выдающимся компилятором: он опубликовал собрание знамений, которое пользовалось особенно долгой популярностью, и собрание из примерно 7000 афоризмов; в 1551 году он издал эпитому «Универсальной библиотеки» Гесснера, в которой сократил сведения, изначально сообщенные Гесснером о каждой книге, но при этом добавил около тысячи новых авторов, уместив всю эту информацию в менее объемный том. Ликосфен также составлял указатели, в том числе к «Космографии» Себастьяна Мюнстера и базельскому изданию «Географии» Птолемея 1552 года⁸⁰ [Lycosthenes 1998; Gesner 1551a; Burmeister 1963: 138]. Когда Ликосфен умер в возрасте сорока трех лет от апоплексического удара, он оставил, по словам Цвингера, «кучу неразобранных примеров, собранных за пятнадцать лет», для которых не были определены ни форма, ни устройство будущей компиляции [Zwinger 1586: сигн. ***4v].

⁷⁹ Из одиннадцати примеров на этих двух листках, относящихся к собакам, только один приведен в «Театре» 1586 года, причем печатный текст не воспроизводит написанное на листке дословно. Ср. в рукописи: «A Delo ubi Dianae templum fuit canes arcebantur quod impurum et procax animal canis esset. Alex ab Alex lib 2. cap. 14» и [Zwinger 1586: 66]: «Ab arce Atheniensium, ubi Minervae, et a Delo, ubi Dianae templum fuit, arcebatur canis quod impurum et procax animal esset. Alex Lib. 2. cap. 14». Благодарю Чарльза Драммонда за помощь в этом вопросе.

⁸⁰ Geographia Claudii Ptolemaei Alexandrini. Basel: Henricpetri, 1552.

Среди рукописей Цвингера мне удалось обнаружить несколько половинок бумажных листов с заметками, сделанными почерком Ликосфена, которые, возможно, были частью большого собрания заметок, сделанных на полосках бумаги; впрочем, не сохранилось никаких свидетельств того, как их хранили в XVI столетии (в тома с корреспонденцией они были помещены, вероятно, уже в XIX веке)⁸¹. Примеры, записанные на листках бумаги, имеют в точности ту же форму, в какой указаны такого рода тексты в издании «Театра»: в начале указаны имена человека или нескольких людей, о которых идет речь, написанные прописными буквами, в конце дается ссылка на источник. На листках, исписанных почерком Ликосфена, несколько записей сделаны под общим тематическим заголовком, расположенным в верхней части листка вместе с номером; на некоторых в нижней части даны перекрестные ссылки на другие листки, включающие название рубрики, номер страницы и «тома». Эта маркировка позволяет предположить, что листки с записями хранились в переплетенных томах и, возможно, были приклеены некоторого рода временным клеем, в соответствии с рекомендацией Конрада Гесснера, или же были скреплены вместе, как показывал Плакциус [Placcius 1689: илл. между с. 66 и 67]. Никаких следов отверстий (для скрепления с помощью ниток или хранения на крючках) на листках не имеется, однако признаки того, как они изначально хранились, могли быть утрачены за прошедшие столетия.

Вместе с этими листками, содержащими по несколько заметок, в рукописном наследии Цвингера обнаружились листки другого типа. Это узкие полоски бумаги (вероятно, вырезанные из целого листа, как описывал Гесснер), исписанные неровным и неразборчивым почерком, содержащие по одному ключевому слову на полях, без какой-либо нумерации (единственными номерами на этих листках являются те, которые позднее добавили библиотекари). Возможно, эти бумаги были частью материалов, собранных самим Цвингером (или его помощниками). Записи Ликосфена

⁸¹ Благодаря Карлоса Джилли за помощь в поисках подписи Ликосфена.

положили начало процессу распределения примеров по рубрикам, однако заметки Цвингера еще не были сгруппированы таким образом. Полоска бумаги служила инструментом, позволявшим экономить трудозатраты, поскольку материал, написанный на ней, можно было перемещать, пока он не окажется на своем окончательном месте, не производя дополнительного копирования. Это вело к некоторому увеличению расхода бумаги, поскольку на листах, которые затем предполагалось разрезать, можно было писать лишь с одной стороны; однако экономия времени и исключение ошибок, которые бывают при переписывании, компенсировали недостатки этого метода. Впрочем, дополнительное копирование могло потребоваться, если один и тот же отрывок появлялся более чем в одном месте в итоговой версии текста, поскольку рукопись, предназначенная для типографии, состояла из полосок бумаги, приклеенных на свои окончательные места.

Вырезание и вставка материалов из рукописей и печатных книг

На более раннем этапе работы можно было сэкономить усилия, если текст не копировался, а вырезался из другого источника. Конрад Гесснер, работавший в Цюрихе на поколение раньше Цвингера, особенно продуктивно применял на практике этот дополнительный метод. В то время как все листки из материалов Цвингера состояли из отрывков, переписанных на бумагу для использования в компиляции, на листах, сохранившихся в архиве Гесснера, имеется много материалов, вырезанных из других работ — из писем, как входящих, так и исходящих, из манускриптов, использовавшихся в типографиях в процессе печати (от них потом обычно избавлялись), и наконец, из печатных книг. Гесснер определенно рекомендовал вырезать и вставлять в нужные места фрагменты печатных книг при составлении указателей. «Там, где это возможно, можно сэкономить таким образом много усилий» [Gesner 1548: 20r].

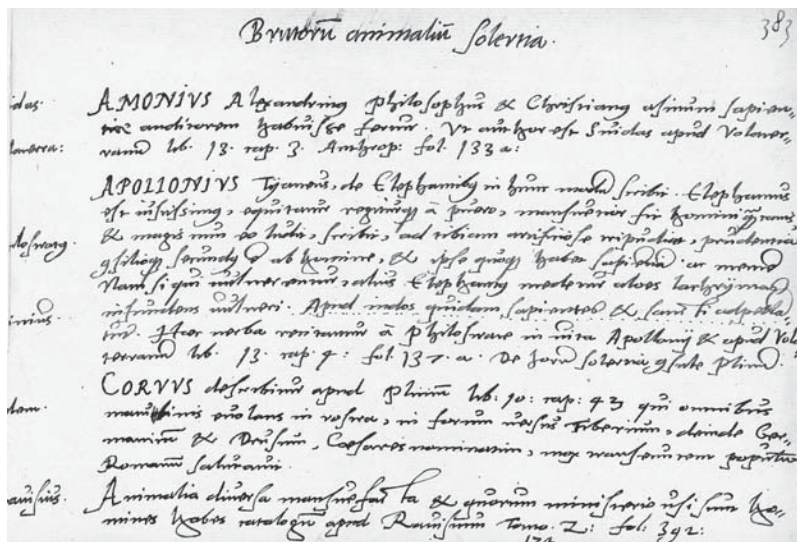

Рис. 4.4. Один из нескольких листов с записями, сохранившихся среди рукописей Цвингера: № 383 «о хитрости диких животных»; номер 174 внизу страницы был добавлен позже, при каталогизации документа. Форма статей, собранных в одной рубрике, — написание заглавными буквами имен собственных, приведение ссылок на источники (в конце большинства статей) — соответствует той, которая используется в «Театре» Цвингера. Источники также перечислены на левом поле, но их текст обрзан. Записи, вероятно, сделаны рукой Конрада Ликосфена (1518–1561), отчима Цвингера. Воспроизведено с разрешения Университетской библиотеки Базеля, Mscr 1,13 № 174

Разумеется, не всегда вырезание печатного текста представлялось возможным, но Гесснер находился в удобном положении, позволявшем ему использовать эту технику: у него были тесные связи с издателем его книг Христофом Фрошауэром. Типографы предоставляли компиляторам вроде Гесснера экземпляры книг, которые использовались в процессе печати и размечались, после чего их нельзя было продать, а также издания, которые имели низкую рыночную стоимость или вовсе никакой стоимости, по разным причинам (например, книги, которые были «уценены», говоря современным языком). Книги, не представлявшие ценно-

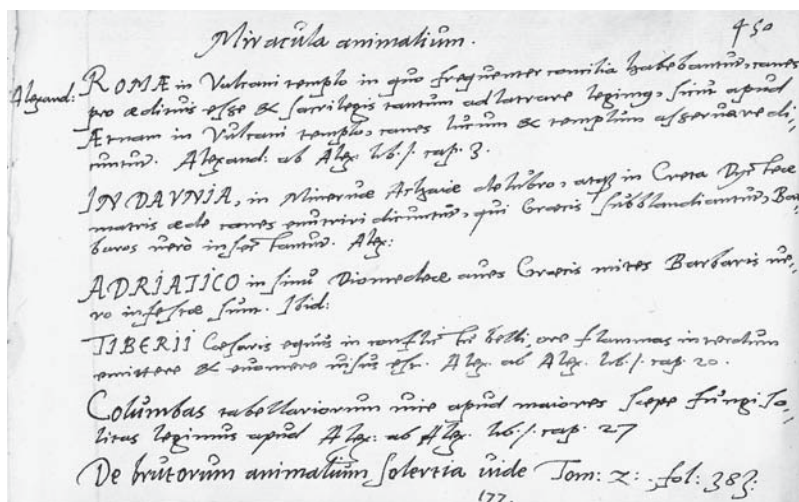

Рис. 4.5. Другой листок с записями Ликосфена: № 450 «об удивительных свойствах животных», который заканчивается перекрестной ссылкой на «том 2, лист 383, о хитрости животных» (см. рис. 4.4). Эта отсылка подразумевает, что листки были каким-то образом собраны в тома (Плакиус приводит изображение листов бумаги, хранящихся в отдельных томах, см. [Placcius 1689: илл. 2]). Все тексты на этом листке атрибутированы Алессандро Алессандро, автору часто переиздававшейся компиляции «Dies geniales» (первое издание — 1522 года), статьи в которой были расположены в случайном порядке. Воспроизведено с разрешения Университетской библиотеки Базеля, Mscr 1,13 №177

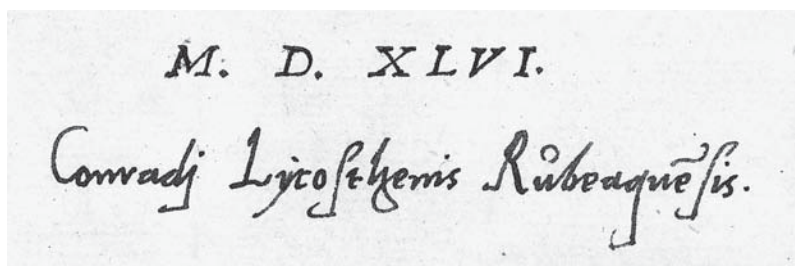

Рис. 4.6. Экслибрис Конрада Ликосфена на принадлежавшем ему экземпляре книги «Подлинная история смерти святого Иоанна Диаса Испанского» (Historia vera de morte Sancti viri Ioannis Diazij Hispani. Basel: Oporinus, 1546). Здесь мы видим тот же почерк, что на листках с записями на рис. 4.4 и 4.5. Воспроизведено с разрешения Университетской библиотеки Базеля, полочный шифр Aleph E XI 53.1

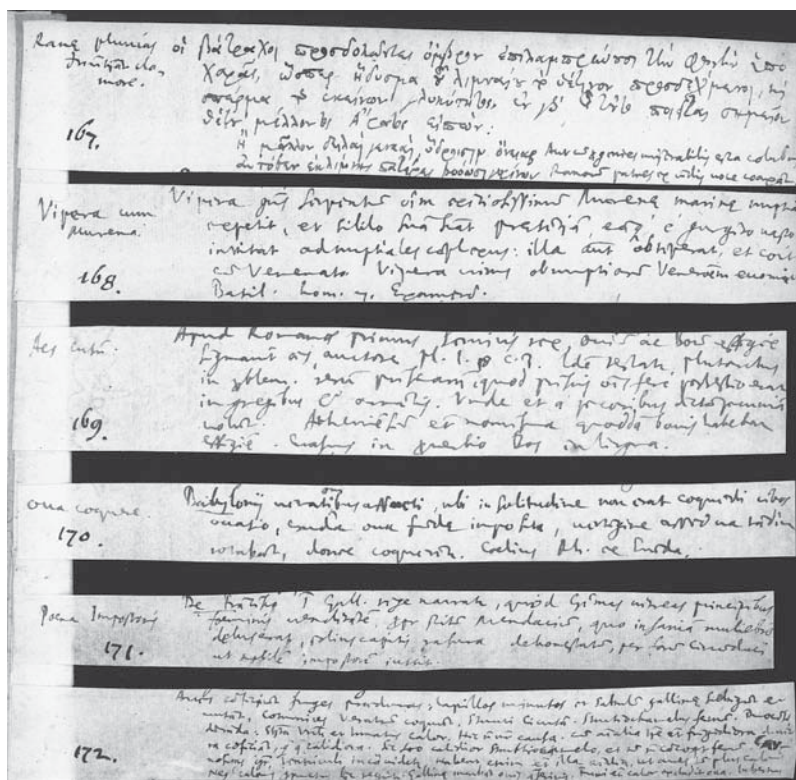

Рис. 4.7. Другие полоски бумаги из материалов Цвингера; записи сделаны другими почерками и имеют отличный (от записей Ликосфена) формат. В этих листках, написанных поспешно и неразборчиво, не предлагается объединение взаимосвязанных статей, но приводится название рубрики на полях. Нумерация была добавлена библиотекарями. Воспроизведено с разрешения Университетской библиотеки Базеля, Mscr 1,13 № 167–169

сти, разумно было использовать разрушительным для них способом, который предложил Гесснер: для добавления текстов в собрание заметок, при составлении указателя или подготовке нового произведения, предназначенного для печати.

Гесснер вырезал фрагменты из книг не только для составления указателей, но также при сборе заметок для компиляций, которые

планировал опубликовать. Один такой сборник сохранился, потому что никогда не печатался: заметки были собраны в тома уже после смерти автора Каспаром Вольфом (1525–1601), которого Гесснер назначил душеприказчиком, передав ему свои рукописи. Трехтомный манускрипт, озаглавленный «*Thesaurus medicinae practicae*» («Тезаурус практической медицины»), был составлен, как отметил Вольф на титульном листе, из «автографов на листках бумаги, фрагментов писем и рекомендаций всех знаменитых докторов его времени, а также из свидетельств его собственного опыта и наблюдений»⁸². Тома состояли из листков, наклеенных на страницы формата in-folio под тематическими заголовками, расположенными по алфавиту по названиям болезней. Нам не известно, как Гесснер хранил свои бумажные полоски до того, как они приклеивались на листы, но, вероятно, он группировал их по рубрикам, независимо от того, держал ли их в связках, в ящичках, корзинах и т. п. На каждой полоске были написаны рецепт, определение, наблюдение или описание, относящиеся к болезни, названной в заголовке; форма листков была весьма разнообразной. Некоторые из них представляли собой классические заметки — то, что Гесснер выписывал в процессе чтения, или записи его наблюдений, сделанные на листах бумаги, которые затем разрезались на полоски. Гесснер мог писать на любой удобной поверхности, которая попадалась под руку, в том числе на кусках толстой синей бумаги, в которую заворачивали переплетенные книги при продаже. Имеются также листки с записями, сделанными другим почерком, который принадлежал либо секретарю Гесснера, либо, как указано в упомянутом заголовке тома, одному из авторов писем. Гесснер постоянно вырезал полезные фрагменты из писем и распределял их среди собственных заметок. Об этом он рассказал одному из корреспондентов, когда тот попросил у Гесснера разрешения свериться с письмом,

⁸² Центральная библиотека (ZB) Цюриха, MS 204a (Том 1): о болезнях головы; MS 204b (Том 2): о болезнях грудной клетки и брюшной полости; MS 204c (Том. 3): о болезнях почек, желчного пузыря и половых органов. Образец страницы с переводом см. в [Fischer et al. 1967: 118–119].

отправленным некоторое время назад. Гесснер ответил, что это невозможно, потому что письмо больше не существует в целом виде⁸³. Включая в «Тезаурус» отрывки, которые Гесснер сохранил среди своих заметок, Вольф столкнулся с проблемой, состоявшей в том, что письма писались обычно на двух сторонах листа бумаги и, вклеивая их в манускрипт, составитель лишался части информации, содержащейся в письме. В таких случаях Вольф находчиво придумал вырезать в бумаге окошко и вставлять в него письмо таким образом, чтобы можно было прочесть текст с обеих сторон⁸⁴. Столетие спустя Пьер Бейль включал полученные им письма в рукописи, которые отправлял издателю: об этом можно судить по его указаниям издателю в некоторых сохранившихся письмах. Эти рукописи возвращались Бейлю после окончания работ, вероятно, по его просьбе, чтобы он мог сохранить свою переписку [Labrousse 1963: 47–48 сн. 97].

На некоторых фрагментах из рукописей, вклеенных в «Тезаурус», имелись пометки, характерные для расчета набора, то есть признаки подготовки рукописи к печати, когда наборщик подсчитывал, сколько материала поместится на каждой странице и где будут проходить границы страниц. Наборщики указывали номера страниц и сигнатуры, они могли также перечеркивать текст после того, как набор был подготовлен. Эта практика, возможно, вела происхождение от средневековых нотариусов, которые вымарывали отрывки текста, уже переписанные в другое место. После печати книги такие маркированные страницы считались отходами, и их выбрасывали, однако Гесснер получил для своих нужд некоторые материалы такого рода⁸⁵. Кроме того, среди бумаг Гесснера имеются листки, вырезанные из печатных

⁸³ Письмо Гесснера Баугину от 14 ноября 1563 года в [Gesner 1976: 28, 71]. Благодарю Брайана Огилви за эту ссылку; см. [Ogilvie 2006: 180]. В одном случае Гесснер разрезал собственное письмо (вероятно, копию уже отправленного текста); см. ZB Zurich, MS 204b, л. 40v.

⁸⁴ См. пример в ZB Zurich, MS 204b, л. 93.

⁸⁵ О расчете набора см. [Hellenga 1962: 95–96]; о средневековых нотариусах — [Petrucchi 1995: 167].

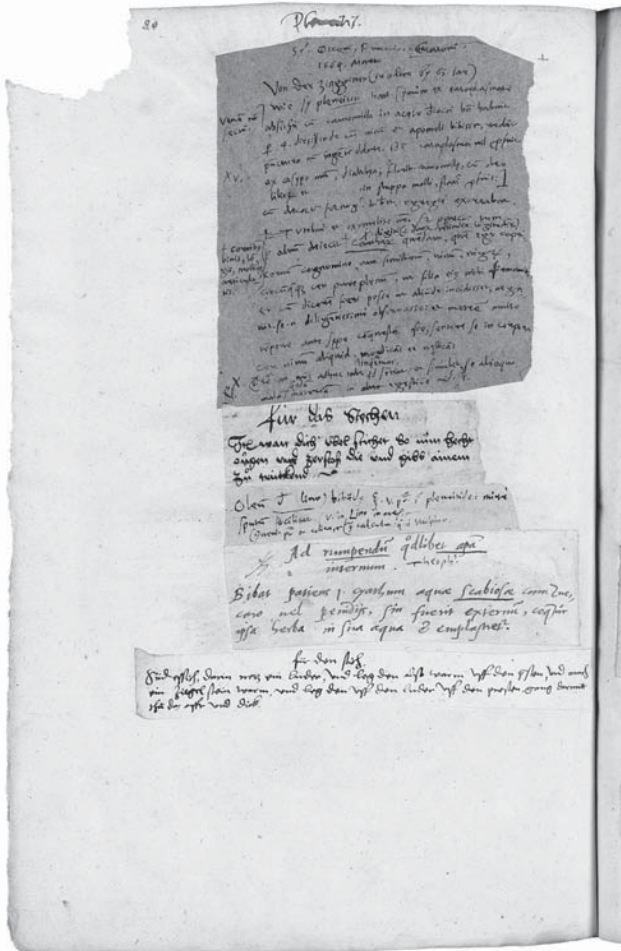

Рис. 4.8. Страница из «Тезауруса практической медицины», составленного после смерти Гесснера, в 1596 году Каспаром Вольфом из записей, собранных Гесснером. Гесснер, вероятно, в течение долгого времени собирал такие листки, группируя их по рубрикам (по названиям болезней), в соответствии с которыми они расположены в этом томе. На вклеенных полосках бумаги приведены материалы на латыни и немецком, одна из приведенных на рисунке статей написана на плотной синей бумаге, которую использовали в типографии, чтобы заворачивать непечатные книги. Воспроизведено с разрешения Центральной библиотеки Цюриха, MS 204b, л. 80r

книг на немецком и латинском языках. На некоторых таких печатных фрагментах также есть пометки красным карандашом, сделанные для расчета набора. Это указывает на то, что они использовались при публикации переиздания уже печатавшейся до этого работы. Поскольку делать набор по старой печатной книге проще, чем с рукописи, издатели, когда это было возможно, приобретали книги для набора новых изданий⁸⁶. Печатный экземпляр, использованный таким образом, также отправлялся в отходы типографии, и Гесснер находил применение некоторым из таких книг при составлении заметок.

Учитывая постоянные финансовые трудности, которые испытывал Гесснер, возможность получить тексты совершенно бесплатно, из типографских отходов, несомненно, была для него весьма привлекательной. Однако Гесснер, вероятно, вырезал отрывки также из книг, которые не собирались отправлять в мусорную корзину. Он намекал на это в своих рекомендациях по составлению указателей. Я не нашла книг, которые были бы разрезаны так, чтобы можно было предположить, что их использовали для составления заметок, но это говорит лишь о том, что после такого использования книгу выбрасывали, или это делали новые владельцы, поскольку текст был испорчен.

Практика вырезания фрагментов для последующей вставки в новые книги, вероятно, возникла среди издателей и чаще всего применялась при манипуляциях с рукописями. Издатели часто разрезали имеющиеся в их распоряжении рукописные экземпляры в процессе печати, как правило, для того, чтобы несколько наборщиков могли работать одновременно над разными частями текста, но также для задач редактирования. Так, Опорин из Базеля однажды прямо попросил автора предоставить рукописный текст, написанный только на одной стороне листа, чтобы можно было упорядочить материал путем вырезания и последующей вставки необходимых фрагментов [Ing 1988: 73; Steinmann 1969: 127]. Этой же практики придерживались плодовые авторы: Джероламо Кардано рекомендовал вырезать и вставлять отрыв-

⁸⁶ Такие покупки, например, совершал Плантен; см. [Voet 1985: 66].

ки из существующих текстов (своих и, возможно, чужих), чтобы изменить структуру книги или написать новую книгу, а Роберт Бойль описывал процесс разрезания собственных рукописных заметок, из которых затем составлялся текст для публикации⁸⁷. Издатели также вырезали и вставляли фрагменты текста из отпечатанных листов в корректорские гранки. Например, один из разворотов принадлежавшего Гесснеру экземпляра («Handexemplar») «Библиотеки» очевидным образом отличается от других сохранившихся копий: два фрагмента были вырезаны из другого листа того же тиража (у них такой же макет страницы и тот же шрифт) и вставлены на нижнее поле. В дальнейшем, в «стандартных» экземплярах книги эти отрывки были включены в текст соответствующих страниц. Устройство Handexemplar, который Гесснер снабдил врезными буквами — для простоты навигации — и множеством собственных примечаний на полях, проще понять, если считать его экземпляром книги на одной из последних стадий корректуры, который Гесснер сохранил для собственных нужд. Таким образом, Гесснер, возможно, не получил у типографа ни одной копии готового издания в качестве авторского экземпляра [Gesner 1545: 434v–435r]⁸⁸. Наконец, издатели брали книги из собственных запасов и добавляли в них пустые страницы (в каждый разворот), чтобы записывать туда дополнения и изменения, которые должны быть внесены в следующие издания. В наследии Гесснера имеется переложенный таким образом экземпляр «Библиотеки» 1583 года, который сохранился, по-

⁸⁷ О вырезании и последующей вставке фрагментов текста при сочинении книг см.: Cardano. *De subtilitate*. Basel: Henricpetri, 1582. Lib. 17. P. 503; или: *Opera Omnia*. Lyon: Huguetan et Ravaud, 1663. Vol. III. P. 626; и обсуждение в [Siraisi 1997: 18; Grafton 1999: 4]. «Я был вынужден, повинуюсь Вам, не только разорвать на части, но и перемешать трактат, с которым Вы ознакомились, вырезая с помощью ножниц то целую страницу, то половину, а в других местах — четверть страницы» [Boyle 1661: сигн. A3r–v; Hunter, Davis 1996: 215].

⁸⁸ Экземпляр Центральной библиотеки Цюриха, полочный шифр Dr M 3. Благодарю Урса Лея за помощь в работе с фондами Центральной библиотеки Цюриха. О книжном собрании Гесснера см. [Leu et al. 2008]. О другом случае вырезания и вставки текста на стадии корректуры при издании «*Apiarium*» Федерико Чези см. [Freedberg 2002: 170].

сколько книга больше не переиздавалась. На вставленных листах есть рукописные дополнения; кроме того, в книгу добавлен отпечатанный лист с оглавлением книги Франсуа Отмана, из которой его вырвали: эти материалы были готовы к включению в следующее издание [Gesner 1583]⁸⁹.

Технологией вырезания и последующей вставки текстовых фрагментов из печатных книг, позволявшей экономить затраты труда на копирование текстов, пользовались в основном составители объемных произведений. Гесснер непосредственно рекомендовал поступать таким образом, а из «просценция» «Великого театра» следует, что этот метод был одним из условий работы Бейерлинка («3. чтобы избежать утомительного копирования, верно напечатанные книги будут разделены на части»). Сэмюэль Хартлиб утверждал, что так же, вероятно, поступал и Цвингер (если только он не имел в виду вступительные замечания к «Великому театру»). В 1641 году Хартлиб написал в своем дневнике: «Цвингер делал эксцерпты, используя [sic] старые книги и вырывая из них целые листы, ведь было бы невозможно написать так много, если бы всё приходилось выписывать или копировать» [Hartlib 2002: *Ephemerides* (1641), «ars excerpendi»]. И Бейерлинка, и Цвингера легко могли прибегать к этой технологии, вставляя в текст большие фрагменты из печатных книг, и они косвенно признавались в этом⁹⁰. В моем распоряжении нет рукописных свидетельств, относящихся к процессу составления «Полиантеи», но вполне можно представить себе, что экземпляры старых изданий использовались при наборе новых.

Помимо составителей объемных компиляций, вырезанием и последующей вставкой фрагментов из рукописей и печатных книг в раннее Новое время занимались читатели: их мотивы

⁸⁹ Экземпляр Центральной библиотеки Цюриха. О добавлении пустых листов см. [Brendecke 2005].

⁹⁰ Цвингер признает, например, что он «заимствовал множество вещей» у Якоба Миддендорпа, автора «*Officiorum scholasticorum libri duo*» (1570) и «*Academiarum orbis christiani libri duo*» (1572), в [Zwinger 1586, XXVI: 4062]. См. выше об использовании Бейерлинком сочинения Ранзовия.

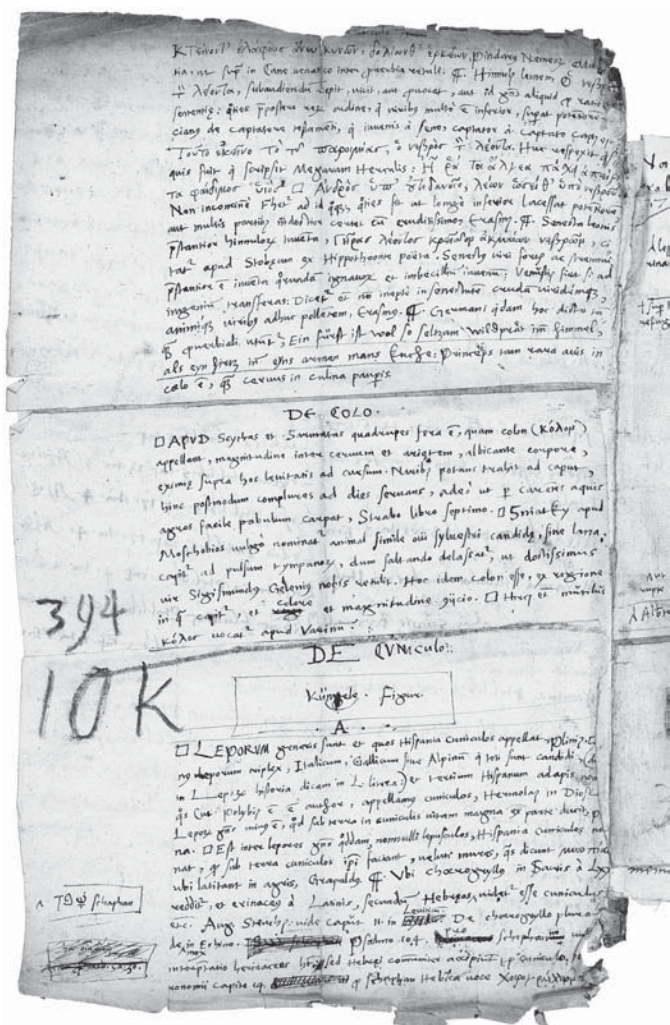

Рис. 4.9. Страница рукописи, с которой была напечатана «*Historia animalium*» («История животных») Гесснера (1551). При расчете набора или разметке текста для печати наборщик использовал красный карандаш, чтобы проставить номер страницы и сигнатуру (394, K), которые должны были появиться в печатном издании. В рукописи выделено начало раздела о кролике («*De cuniculo*») и оставлено место для изображения («*figura*»). Напечатанная книга [Gesner 1551b] отвечала всем этим указаниям. Воспроизведено с разрешения Центральной библиотеки Цюриха, MS C 50a л. 355v

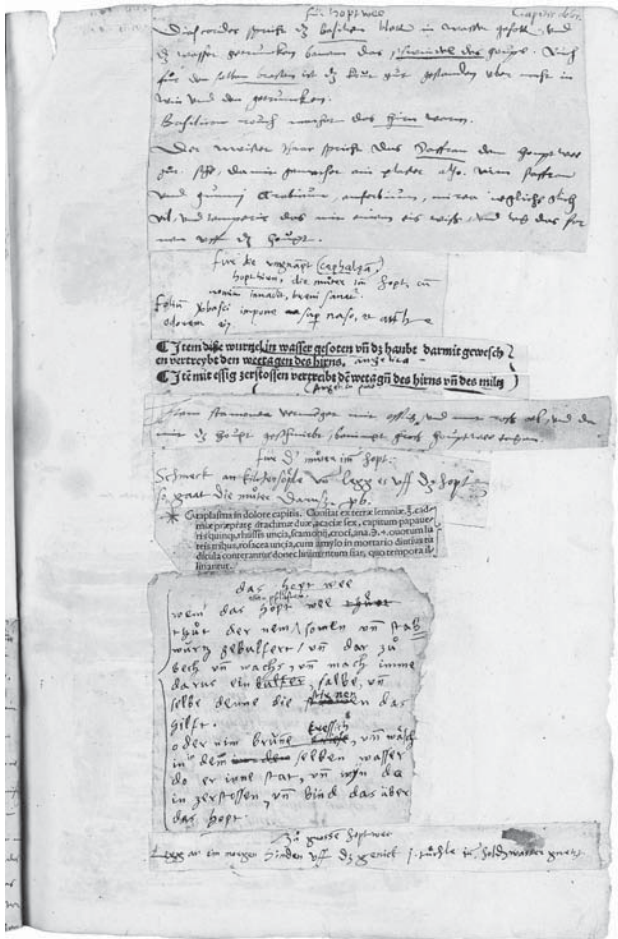

Рис. 4.11. Страница «Thesaurus practicae medicinae», составленного из заметок Гесснера, включает в себя два фрагмента, вырезанных из печатных книг: один, напечатанный по-немецки готическим шрифтом, другой — на латыни, антиквой. На последнем имеются пометки, сделанные красным карандашом; в частности, текст перечеркнут красной линией, как на рис. 4.10. Это позволяет предположить, что фрагмент был вырезан из экземпляра книги, использованного при расчете набора, например для издания новой редакции того же произведения. Печатный текст, размеченный наборщиком, обычно выбрасывали, но Гесснер вырезал из него фрагменты, чтобы сохранить среди своих заметок. Воспроизведено с разрешения Центральной библиотеки Цюриха, MS 204a л. 47r

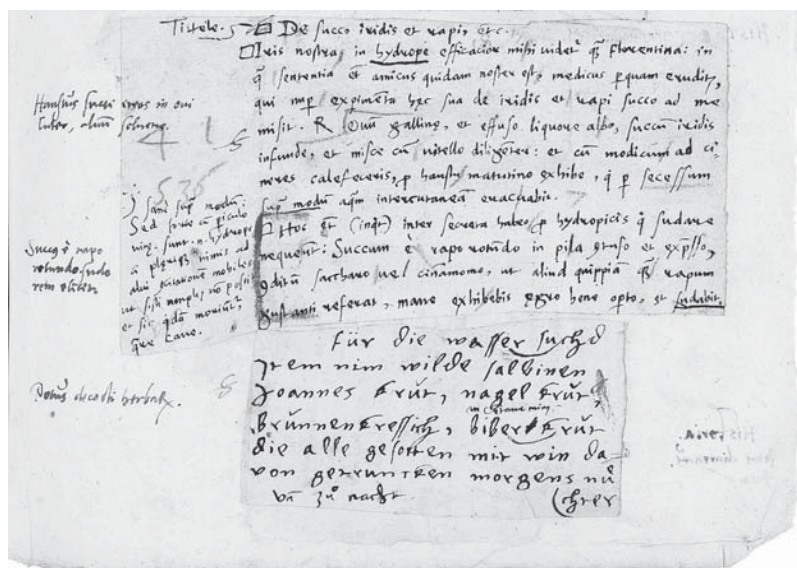
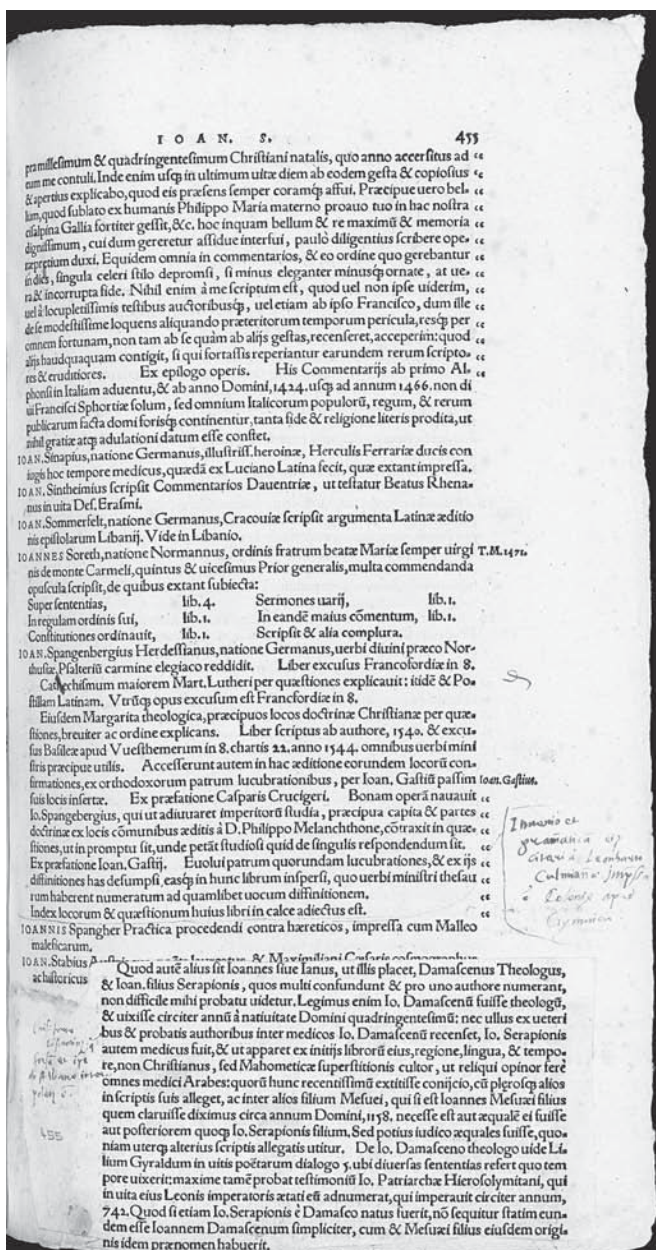

Рис. 4.12. Раздел из «Thesaurus practicae medicinae» Гесснера, включающий фрагмент рукописи, использованной при расчете набора (обратите внимание: красным карандашом подписаны сигнатура и номер страницы). Гесснер забрал части размеченной рукописи и включил их в свое собрание заметок. Воспроизведено с разрешения Центральной библиотеки Цюриха, MS 204b, л. 240r

Рис. 4.13. «Универсальная библиотека» (1545), личный экземпляр Гесснера с его записями по всей книге. Вероятно, Гесснер использовал его как удобное место хранения информации, снабдив книгу врезными буквами на обрезе. Гесснер, скорее всего, имел в виду возможность нового издания, которое, впрочем, так и не состоялось. Кроме примечаний, сделанных от руки, на этой странице имеется печатный абзац, приклеенный снизу; он набран таким же шрифтом и был вырезан, вероятно, из другого места той же самой книги. В других экземплярах «Библиотеки» текст этого абзаца включен в основной текст, напечатанный на этой странице: это говорит о том, что данный экземпляр использовался для корректуры в типографии, а затем был изъят из обращения и стал личной копией Гесснера. Воспроизведено с разрешения Центральной библиотеки Цюриха, Dr M 3, 455r

могли быть самыми разными — от заимствования красивых деталей до воплощения намерений автора, предполагавших кражу чужого текста. Самой распространенной из такого рода практик, которая считалась приемлемой вплоть до XIX века, было вырезание иллюстраций, вензелей и других декоративных элементов из средневековых манускриптов и печатных книг, с тем чтобы с их помощью украсить другую рукопись или книгу или просто для коллекции. К 1500 году развитие книгопечатания привело к общему уменьшению ценности средневековых манускриптов, которые, как считалось, заменялись печатными изданиями тех же текстов. Разумеется, отдельные рукописи продолжали цениться благодаря их уникальному содержанию или происхождению, однако огромное количество рукописей было уничтожено (наиболее заметным было их уничтожение при роспуске монастырей в Англии), а пергамен, на котором они были написаны, использовался в качестве крышек для банок, обоев или в переплетах печатных книг.

Лишь в XVIII веке возникновение рынка редких книг и рукописей начало менять эту тенденцию [Myers, Harris 1996]. Средневековые манускрипты иногда разрезали и в допечатную эпоху (еще в XIV веке), чтобы перенести миниатюры из старой рукописи в новую. Но эта практика интенсифицировалась с началом книгопечатания, когда стало преобладать мнение, что большинство средневековых рукописей не имеют ценности. Миниатюры, вырезанные из средневековых рукописей, в основном применялись для украшения других рукописей и печатных книг или в качестве детских картинок, которые можно было собирать или использовать в играх. И только с середины XIX века они стали ценными предметами коллекционирования, которые начали продавать за высокую цену [de Hamel 1998]⁹¹. Запасы средневековых рукописей казались поистине неисчерпаемыми в течение долгого времени, так что до XIX века ни библиотекари, ни кни-

⁹¹ О вставке средневековых миниатюр в рукописную Библию XVI века см. [Sherman 1999: 130–131]. Благодарю Билла Шермана за полезные разговоры на протяжении многих лет.

готорговцы, ни библиофилы не испытывали угрызений совести, вырезая миниатюры из принадлежавших им книг. Печатные изображения или инициалы также вырезались из книг и вставлялись в рукописные тетради общих мест или дневники, которые вели английские джентльмены или, например, один французский ткач [Jammes 1997: 813–817]⁹². Из печатных книг также вырезали фронтисписы, гравюры или титульные листы с автографами, вставляя их в другие экземпляры, что очень долго считалось одним из способов улучшить (или «усовершенствовать») книгу, повысив ее коммерческую ценность. В томах XVIII и XIX веков, изобилующих иллюстрациями, часто можно обнаружить дополнительные материалы, вырезанные из других источников (в основном это изображения, но в ряде случаев также фрагменты рукописей и текстовый материал) и вставленные на специально добавленные в переплет пустые страницы. Некоторые из таких экземпляров приобрели огромную ценность и стали признанными предметами коллекционирования, владеть которыми стало престижно⁹³.

Авторы раннего Нового времени также иногда просили своих читателей вырезать материалы со страниц печатных изданий, чтобы воплотить определенный авторский замысел: внести ис-

⁹² Рукописная «смесь» сэра Джона Гибсона (1606–1665) содержала картинки, вырезанные из печатных книг; см. [Smyth 2004a: 126]. Другие примеры см. в [Smyth 2004b]. Ткач, работавший при Людовике XIV, вырезал картинки из памфлетов (*canards*), вставлял их в собственную хронику и переписывал сопровождающие тексты [Chartier 1985: 72]. Об инициалах, вырезанных из печатных изданий, см., например, указатель XVIII века к Ортелию, упомянутый в главе 2: BnF MS Latin 14351–14353. В обзоре истории письменных форм Пипса и Слоуна были смешаны рукописные и печатные материалы, см. [McKitterick 1992: 47].

⁹³ Об «усовершенствовании» книг см. [Barker 2006]. См. экземпляр «*Johnsonian Miscellanies*» под ред. Джорджа Биркбека Хилла, в 2 томах (Oxford: Clarendon Press, 1897) с дополнительными иллюстрациями, разросшийся до девяти томов и включающий среди прочего добавленные портреты и листы рукописей: Houghton Library, MS Hyde 75. Благодарю Сюзан Халперт из Библиотеки Хоутон, которая помогла мне разобраться в этих материалах.

правления или дополнить книгу подвижными частями. В одном из изданий XVI века автор произвел замену некачественной иллюстрации, вставив правильную в перечень ошибок и попросив читателей вырезать ее и вставить поверх неправильного рисунка в основной текст⁹⁴. В одном из экземпляров лексикона «Суда» издания 1705 года элементы напечатанного в конце тома списка «Errata» были вырезаны и вклеены в надлежащие места в тексте⁹⁵. В произведениях других жанров, содержащих материалы для вырезания и подвижные элементы, читателям или книжным специалистам (переплетчикам или рубрикатерам, которые раскрашивали печатные иллюстрации) предписывалось вырезать и вставлять в нужные места соответствующие фрагменты книги. В публикациях по астрономии, содержащих круговые таблицы (вольвеллы), последние печатались на отдельных листах, из которых их надо было вырезать, а затем прикреплять бечевкой к соответствующей странице книги, чтобы имитировать движение планет вокруг центральной веревочной оси. В некоторых книгах по анатомии имелись откидные элементы (которые вклеивали читатели): под ними открывались изображения внутренних органов человеческого тела. В руководстве по исповеди 1682 года были таблицы, которые можно было вынимать и использовать для учета признания и отпущения собственных грехов. В «Иллюстрированной академии» (Bilder-Akademie) Штоя⁹⁶ XVIII века читателям предлагалось вырезать изображения, занимавшие целую страницу, и наклеивать их на картон,

⁹⁴ Издание «La théorique des cieux et sept planètes» (Париж, 1557) Оронса Фине содержит иллюстрацию, предназначенную для того, чтобы ее вырезали, а затем вставили в книгу поверх другой. Благодарю за эту информацию Анни Шарон-Паран.

⁹⁵ См. один из экземпляров «Суды» (1705) в цифровой коллекции «Eighteens Century Collections Online» (I, 8, 83, 92). Некоторые из такого рода исправлений присутствовали и в других экземплярах, в том числе в еще одном экземпляре того же издания (ECCO, с. 82 и 92). Благодарю Кристин Хауген, сообщившую мне об этом примере.

⁹⁶ Имеется в виду немецкий богослов и педагог Иоганн Зигмунд Штой (1745–1808). — *Примеч. науч. ред.*

чтобы использовать в качестве карточек для обучения детей [Gingerich 1993]⁹⁷.

В общем и целом, книгопечатание способствовало развитию более бесцеремонного обращения с книгами за счет снижения себестоимости изданий и увеличения их тиражей. Иоахим Рингельберг (1499–1531) рассказывал, что во время своих частых переездов он не мог брать с собой все свои книги, поэтому оставлял себе только страницы с собственными заметками на полях, а от остальных частей книг избавлялся⁹⁸. В конце XVII века библиофил Жан-Николя де Тралаж записывал ссылки на интересовавшие его книги на листки бумаги, которые вклеивал в большую тетрадь, однако наряду с рукописными заметками он включил туда и несколько печатных фрагментов, например титульный лист «*Le pieux pèlerin*» («Благочестивого паломника») Бернардина Сурия, который, впрочем, не обязательно был вырван из книги, но мог распространяться в качестве рекламного материала⁹⁹. Записные книжки Иоганна Иоахима Винкельмана (1717–1768) содержат несколько страниц, вырванных из многоязычного словаря [Décultot 2001: 35 сн. 11]. Таким образом, соединение рукописного и печатного текста происходило не только благодаря рукописным пометам на полях книг, но за счет вставки печатных фрагментов в рукописи¹⁰⁰. К концу XVII века некоторые системы для хранения данных были специально организованы таким образом, чтобы их легко можно было использовать для смешанного

⁹⁷ Благодаря Оуэна Гингериха за экспертные замечания о круговых таблицах (вольвеллах). О других разновидностях вырезок см. [Lindberg 1979; Karr 2004]. О книгах по анатомии см. [Carlino 1999]. Руководство по исповедям см. [Leutbreuer 1682]; библиографическое описание — в [Petit 1997: 187]. О Штое см. [Te Heesen 2002].

⁹⁸ См. «*De ratione studii*» Рингельберга в [Ringelberg 1967: 58–59; Moss 1996: 137].

⁹⁹ Библиотека Мазарини, MS 4299 «*Recueil de catalogues de livres imprimés et de manuscrits*, par Jean Nicolas de Tralage». Титульная страница взята из книги: Bernardin Surin. *Le pieux pèlerin ou voyage de Jerusalem*. Brussels: François Forpens, 1666 — объемного сочинения о Святой земле.

¹⁰⁰ Майнелъ считает такое «смешение» в порядке вещей [Meinel 1995: 166]. Другие называют его «взаимообогащением», см. [Hindman, Farquhar 1977: 101–156].

материала, как, например, знаменитый шкаф для заметок Плакциуса или «картотеки», в которых церковные антиквары хранили результаты своих исследований в Париже¹⁰¹.

Несмотря на то что во многих обстоятельствах вырезание и вставка текста в раннее Новое время признавались приемлемыми, повреждение книг, принадлежащих другим лицам, считалось преступлением. Правилами Библиотеки герцога Августа в Вольфенбюттеле 1572 года читателям запрещалось приносить с собой ножи и ножницы и приходить в длинной одежде, под которой можно было спрятать такие приспособления. Библиотекари были обязаны проверять возвращаемые книги, чтобы убедиться, что их вернули в целости и сохранности. Эти правила ясно указывали на озабоченность по поводу того, что читатели, которым хотелось заполучить определенную часть книги, могли ее вырезать. Мельхиор Голдаст (1578–1635) проделывал это совершенно безнаказанно: он оправдывал вырезание фрагментов из средневековых манускриптов, которым он занимался во множестве библиотек, тем, что благодаря его публикациям они увидят свет. Однако Маттиас Флациус Иллирийский (1520–1575) стал объектом едкой критики современников за то, что воровал книги и вырезал из них страницы, путешествуя из монастыря в монастырь под видом монаха. Однако современные ученые не принимают во внимание эти обвинения, считая их сплетнями [Olson 1981: 115; Mulsow 2001: 341]. Этот пример в любом случае служит хорошим свидетельством того, что наблюдателям раннего Нового времени преступления такого рода казались одновременно вероятными и предосудительными. Повреждения и кражи путем разрезания редких книг или изъятия из них страниц (особенно часто так поступали с картами или гравюрами, которые затем продавали по отдельности) продолжались в Новое время и остаются проблемой по сей день¹⁰².

¹⁰¹ О шкафе для заметок Плакциуса см. главу 2; о папках, или «porte-feuilles» отца Леонарда де Сен-Катрин, библиотекаря августинцев на Place des Victoires в Париже (1695–1706), см. [Neveu 1994: гл. 1].

¹⁰² См., например, «дело о Кембриджской рукописи» с участием Дж. О. Холливеда-Филлипса (1820–1889) [Schoenbaum 1993: гл. 3]. Вор, вырезавший из книг редкие карты, был арестован в 2006 году в Йеле.

В большинстве случаев авторы и читатели раннего Нового времени вырезали фрагменты из книг с конструктивными целями — чтобы создавать новые сочинения или готовить улучшенные издания, экономя затраты труда на копирование текста. В других случаях ученые раннего Нового времени одобряли разрезание книги для ее полного или частичного уничтожения. Цензура побуждала вырывать из книг отдельные страницы или целые тетради. Беспокойство по поводу переизбытка информации также заставляло некоторых поддерживать «чистку» существующей литературы. Они считали нужным отобрать только отрывки, представляющие интерес, и только небольшое количество книг, которые следовало передать следующим поколениям. Однако подобные предложения, возможно, были столь категоричными как раз потому, что, при всем желании, невелика была вероятность их осуществления¹⁰³.

Способы ускорить и облегчить работу, изобретенные в раннее Новое время, использовались и в следующие века. На нашей памяти ученые и писатели вырезали материалы из собственных рукописных заметок и черновиков, чтобы использовать их в публикациях и лекциях¹⁰⁴. Некоторые также вырезали фрагменты из печатных книг, вставляя их затем в свои заметки, письма или сочинения. Один из авторов XX столетия рассказывал о том, как вырезал из прочитанных книг не понравившиеся ему части¹⁰⁵. В XIX веке появились альбомы для вырезок, а примерно в 1900 году — услуги по подбору вырезок из недолговечной и дешевой печатной продукции, вроде газет и журналов. До недавнего времени копирование и вставка выступали не метафорой про-

¹⁰³ Примеры деструктивных импульсов см. в предисловии к этой книге, а также в [Désormeaux 2001: 61–62; Yeo 2001: 90–91].

¹⁰⁴ Благодаря Питера Берка, рассказавшего мне о том, как он при составлении лекций вырезал и переносил в другие места фрагменты своих заметок, набранных на пишущей машинке в 1960-е годы, а также Малколма Шмуца за воспоминания о том, как аналогичные методы использовал Лоуренс Стоун.

¹⁰⁵ О том, как Эмили Дикинсон делала вырезки из различных книг, включая Библию, см. [Smith 2004]. См.: Céline, *Le Bulletin des lettres*, 14 (25 января 1933 года). Р. 10–11 (цит. в [Compagnon 1979: 27]). См. также [Blair 2003: 28].

цесса отбора и повторного использования фрагментов, но буквальным описанием физического процесса, в котором умело использовались относительная дешевизна печати и возможность избежать лишней работы, а также избежать неточности при копировании [Collingwood 1972: 257–261]. Уильям Смелли, составивший значительную часть первого издания «Британской энциклопедии» (в трех томах, 1768–1771), возможно, действительно описывал собственный метод работы, когда «рассказывал в шутку, что создал “Словарь искусств и наук” с помощью ножниц, вырезая из различных книг необходимое количество (*quantum sufficit*) материала для издателя»¹⁰⁶. Выбор терминов «вырезать» и «вставить» в текстовых процессорах, в котором заметно желание обеспечить преемственность с докомпьютерными методами работы, и в наши дни метафорически намекает на деятельность авторов, в арсенале которых наряду с бумагой, пером и чернилами имелись клей и ножницы.

Использование полосок бумаги, в том числе отрывков, вырезанных из печатных источников, продолжалось долгое время после Гесснера и Бейерлинга. Сэмюэл Джонсон собирал материалы для своего словаря на клочках бумаги, соединяя печатные и рукописные фрагменты. При этом интересно отметить, что некоторые детали этого метода Джонсону пришлось изобретать заново: первый черновик был написан им на обеих сторонах бумаги, так что пришлось переносить текст на новые листы, исписанные с одной стороны, которые можно было разрезать на кусочки. Над проектом работало шестеро помощников, которые копировали помеченные Джонсоном отрывки на листы бумаги, затем разрезали их на полоски, сортировали в алфавитном порядке и вклеивали в рукопись словаря. Джонсон непрерывно редактировал словарь до самой своей смерти, движимый отчасти потребностью извлекать финансовую выгоду, поскольку только новое издание гарантировало новые авторские права и связанные

¹⁰⁶ Robert Kerr. *Memoirs of the Life, Writings and Correspondence of William Smellie*. 2 vols. Vol. 1. Edinburgh: John Anderson, 1811. P. 362–363 (цит. по: [Yeo 2001: 180]).

с ними выплаты [Reddick 1996: 4–5, 38, 43]¹⁰⁷. В Англии XVIII века, несмотря на использование новой системы интеллектуальной собственности, мотивы компиляторов, побуждавшие их исправлять и дополнять свои сочинения, и методы работы не сильно изменились со времен Гесснера. Те же привычные факторы действовали и век спустя при составлении и продаже «Оксфордского словаря английского языка». Хорошо известно, что этот знаменитый словарь был составлен на бумажных листках, хранившихся в отдельных ящиках. Проект начался под руководством Герберта Кольриджа (1830–1861), который подготовил пятидесят четыре ящика для 100 000 листков с цитатами, которые он рассчитывал получить от читателей-помощников. Кольридж умер через два года после начала работы, успев дойти лишь до середины буквы «А». Под руководством Джеймса Мюррея масштабы проекта были расширены до 1029 ящиков, в которых помещались миллионы листков. «Оксфордский словарь английского языка» издавался с 1884 по 1928 год частями, под руководством множества редакторов¹⁰⁸.

Вырезание и вставка готовых текстов было замечательным инструментом, позволявшим сэкономить затраты труда на переписывание и избежать изменений, которые легко могли быть внесены при изготовлении копий (хотя в те времена к этому аргументу, насколько мне известно, не прибегали). Поскольку использование этого метода облегчало осуществление масштабных заимствований из имеющихся компиляций и других источников, оно сделало возможным производство объемных компиляций в меньшие сроки и с меньшими трудозатратами, чем те, о которых сами компиляторы заявляли на протяжении многих лет. Существующие сегодня электронные инструменты предлагают еще более эффективные методы автоматического создания

¹⁰⁷ Об использовании Джонсоном бумажных полосок см. [Johnson S. 2005: 419–425]. Карл Линней, вероятно, заново «изобрел» такие полоски в 1760-е годах после экспериментов с другими методами; см. [Müller-Wille, Scharf 2009: 19 слл.].

¹⁰⁸ Об истории составления «Оксфордского словаря английского языка» см. [Murray 1977; Winchester 1998: 95–96].

текстов; так, мы можем обнаружить уже около 200 000 книг по многим конкретным темам, «сочиненных» компьютером. Механические методы сочинения испытывают на прочность границы существующих концепций авторского права, предполагающего оригинальность и творческий характер сочинения, однако в XVIII веке, в самом начале развития авторского права, эти критерии также играли весьма незначительную роль. Даже в Англии, где впервые возникло авторское право, статут королевы Анны 1710 года разрешал копировать некоторые элементы книг (например, отдельные сцены или образы персонажей из романов), а также создавать их сокращенные или исправленные версии, антологии и подражания. Поэтому в период раннего Нового времени «механизированный» характер составления компиляций никогда не создавал проблем правового характера. С значительным ростом числа произведений справочной литературы в XVIII веке (к которому я вернусь в следующей главе) компиляторы стали использовать множество тактических приемов, чтобы не дать конкурентам потеснить их на рынке, но обращения в суды редко бывали успешными¹⁰⁹. Использование полосок бумаги, вырезание и вставка фрагментов текста при составлении справочников способствовали делегированию некоторых задач (таких как сортировка и наклеивание) помощникам, которые считались непрофессионалами (например, женам и детям), однако само по себе использование этих инструментов не предполагало «механистического» отношения к более значительным интеллектуальным задачам, стоявшим перед составителями; впрочем, одни компиляторы вдохновлялись ими в большей мере, другие — в меньшей.

¹⁰⁹ Об автоматизации компилирования см. [Cohen 2008]. Благодаря за эту ссылку Леа Прайс. Об историческом контексте XVIII века см. [Stern 2009: 73–75]. Компиляторы-конкуренты обращались в немецкие суды, чтобы помешать публикации и распространению «Универсального лексикона» Цедлера на том основании, что его невозможно было написать, не прибегая к плагиату их работ, см. [Quedenbaum 1977: 68 слл.].

Глава 5

Влияние печатных справочных изданий раннего Нового времени

Определить влияние, которое имели справочники в Европе раннего Нового времени, особенно сложно. Такие книги были дороги и часто принадлежали организациям, поэтому в нашем распоряжении есть очень мало свидетельств о физических лицах, которые действительно пользовались ими. На изданиях справочников также оставляли меньше маргиналий, чем на произведениях других жанров, отчасти потому что соответствующие книги принадлежали библиотекам, которые не одобряли пометы в книгах, а отчасти, возможно, из-за характера чтения такой литературы. Если в справочных изданиях все же появлялись читательские пометы, то обычно это были подчеркивания, линии на полях или отдельные знаки (астериск или указующий перст), которыми помечались те или иные отрывки; при этом они не содержали никаких сведений о том, как читатель планировал использовать данный фрагмент текста. По таким маргиналиям не получается установить почерк конкретного читателя, и не ясно даже, сколько именно читателей оставляли пометы, которые сохранились в книге, и за какое количество посещений библиотеки они были оставлены. Наконец, в те времена, как и сейчас, справочные издания не были тем типом источников, на который любят ссылаться авторы. Многие из читателей, которые работали со справочниками, отрицали это, и довольно трудно установить факт такого использования, если автор вполне мог обра-

титься напрямую к первоисточнику. В то же время у нас есть определенные доказательства широкой распространенности и востребованности справочной литературы — они заключаются в большом числе напечатанных работ и множестве изданий, экземпляры которых в значительном количестве сохранились до наших дней; они также содержатся в комментариях современников относительно использования справочников, в том числе в жалобах на упадок образованности, которому они якобы способствуют; еще одним доказательством может служить распространение инструментов, характерных для справочной литературы, на другие жанры печатной и рукописной книги.

Широкая распространенность (географическая, хронологическая и социальная)

Хотя справочная литература обычно производилась в крупных центрах книгопечатания Западной Европы (в Базеле, Страсбурге и Кёльне на Рейне, а также в Лионе и Венеции), произведения, получившие наибольший успех, такие как, например, «Полиантея», распространялись по всей Европе, невзирая на религиозные, политические и языковые барьеры. Одним из косвенных свидетельств, по которому можно сделать вывод о широте использования книги, является географическая распространенность сохранившихся экземпляров. Разумеется, многие редкие книги хранятся сейчас в библиотеках, весьма удаленных от тех мест, где они использовались в раннее Новое время: так, например, обстоит дело практически со всеми экземплярами, оказавшимися в книжных собраниях Северной Америки, Восточной Азии или Австралии. Однако справочная литература на латыни, которая находится сейчас в европейских библиотеках, обычно приобреталась не на рынке редких книг, а «естественным путем» — за счет наследования, захвата или слияния, которые чаще всего происходили на местном уровне, так что их сегодняшнее местоположение позволяет достаточно достоверно определить ареал их использования в прошлом (или, по крайней мере, установить

последний пункт, где они были изъяты из обращения). Стабильности местонахождения этих книг способствовало то обстоятельство, что справочная литература обычно не ассоциировалась с какими-то знаменитыми авторами и не воспринималась в качестве ценных изданий, а также не считалась значимой с точки зрения национального достояния (все эти факторы обычно влияли на приобретение книг европейскими институтами в период Нового времени). Разумеется, в раннее Новое время книги могли совершать путешествия на дальние расстояния благодаря торговле и перемещению людей, например студентов, возвращавшихся домой после обучения за границей, или религиозных изгнанников, но итоговое местоположение книги обычно находится недалеко хотя бы от одного места, где этот экземпляр хранился в прежние века. Эклибрисы и другие свидетельства принадлежности книг частным лицам подтверждают распространение «Полиантеи» и «Театра» от Англии до Центральной Европы, в северных и южных землях.

Сети распространения книжной продукции довольно трудно реконструировать из-за очень малого количества типографских отчетов за тот период, сохранившихся до наших дней, однако недавние исследования показали международный масштаб деятельности издателей, участвовавших в совместных предприятиях и книгообмене, преодолевая значительные расстояния, границы языков и вероисповеданий. Урегулирование долговых вопросов, часто вынужденное (вызванное банкротством или смертью), приводило к обмену печатными материалами, которые получатель не выбрал бы сам, а получив их, естественно, стремился продать¹. Такого рода операции, происходившие между итальянскими и английскими книготорговцами, возможно, объясняют тот факт, что три экземпляра «Полиантеи», изданные в 1503 году в Савоне, и четыре экземпляра «Полиантеи», изданные там же в 1514 году, оказались в Лондоне, Оксфорде и Кембридже, в то время как все остальные сохранившиеся экземпляры находятся в Италии или Испании.

¹ Примеры таких продаж см. в [Maclean 2007].

Издатели торговали друг с другом без зазрения совести, невзирая на религиозные барьеры, однако церковные и государственные власти пытались регулировать производство и распространение книг, которые считались опасными с религиозной, нравственной или политической точки зрения. Цензура существовала и в протестантских, и в католических регионах, но гораздо проще проследить ее деятельность у католиков благодаря существованию печатных перечней запрещенных книг². Протестантская цензура действовала на местном уровне, в основном до публикации, и не порождала заметного количества запретов в отношении уже напечатанных трудов. Католики искали способы сделать некоторые протестантские книги приемлемыми для чтения, в то время как другие сочинения подвергались окончательному запрету. Справочная литература в особенности, вследствие ее очевидной пользы, относилась к числу произведений, которые в католических списках запрещенных книг разрешалось использовать с определенными купюрами: например, требовалось исключить восхваление протестантских деятелей и учений. В периоды усиления цензуры, как, например, в 1590-е годы, требовалось особое разрешение на приобретение и использование книг вроде «Театра» Цвингера. Его могли получить те, кто считался достойным доверия в вопросах веры и для кого эти книги представляли насущную потребность (часто — для использования в полемических целях, но также — для энциклопедических задач): среди признанных достойными был, например, Улиссе Альдрованди [Fragnito 2001; Firpo 1970]³. Впрочем, «Театр» представлялся полезным даже для служителей Церкви:

² Речь идет об «Index librorum prohibitorum», издававшемся начиная с середины XVI века. — *Примеч. науч. ред.*

³ «Театр» Цвингера включали в списки запрещенных книг, опубликованные в Антверпене в 1570 году, в Парме в 1580 году, в Португалии в 1581 году, а в испанских указателях 1583 и 1584 годов содержалось требование о сокращении текста в восьмидесяти местах даже в парижском издании 1571/2 года, которое напечатали для читателей-католиков; римский указатель 1596 года призывал запретить все издания, если они не будут исправлены; см. [Bu-janda 1984–2002, 4: 461–462 (Португалия); 6: 57, 265, 545, 867–868 (Испания); 7: 233–234 (Антверпен); 9: 179–180 (Парма), 724 (Рим)]. О разрешении, полученном Альдрованди, см. в главе 4.

книга была обнаружена, в частности, в фондах Библиотеки семинарии в Пьезоле в 1646 году. Судя по сохранившимся экземплярам, «Театр» имелся и у других книговладельцев-католиков, в том числе во Франции. Найденные экземпляры были отцензурированы в соответствии с католическими требованиями, либо на усмотрение самого владельца, либо согласно опубликованным инструкциям [Comerford 1999: 206–207, 213]⁴. Протестанты, напротив, охотно использовали «Полиантею», несмотря на ее общую католическую направленность. Например, в 1610 году группа учеников из Страсбурга преподнесла своему учителю экземпляр «Полиантеи» Ланге, хотя сам Ланге, живший изначально в Страсбурге, к тому времени успел обратиться в католичество.

Справочная литература была особенно полезна в местах, где доступ к книгам был ограничен. Даже в Европе признали пользу флорилегиев для замены других книг, когда Ян Грутер составил сборник в форме тетради общих мест для использования религиозными изгнанниками в качестве «библиотеки, которую они могут взять с собой, отправляясь в изгнание». Грутер знал о такой потребности, так как сам побывал в положении беженца после разграбления Гейдельберга в 1622 году, в ходе которого были уничтожены и его собственная библиотека, и большая библиотека пфальцграфства, где он работал⁵. По сходным причинам справочная литература на латыни ценилась европейцами, проживавшими за пределами Европы. В архиве обнаружен документ с просьбой разрешить испанскому форпосту на Филиппинах приобрести экземпляр «Театра» Цвингера [Gilly 1985: 430–431]⁶.

⁴ В экземплярах издания [Zwinger 1586], хранящегося в Калифорнийском университете в Сан-Диего, и [Zwinger 1571b] из Библиотеки Университета Миннесоты (парижское издание, предназначенное для католиков) имеется много рукописных цензурирующих помет. Еще один пример см. в [Hess 2015]. Никола Фабри де Пейреск также составил пространные рукописные списки исправлений, которые требовалось внести в текст «Театра». Благодарю за эту информацию Питера Миллера.

⁵ Janus Gruterus «Bibliotheca exulum» (Frankfurt, 1625), обсуждение в [Moss 1996: 240].

⁶ Благодарю Карлоса Джилли, который обратил на это мое внимание.

В 1618 году миссии иезуитов в Китае принадлежал экземпляр «Театра» 1586 года издания. Переплетенное в семь томов произведение находилось среди книг некоего Юбера де Сен-Лорана из Дуэ, который должен был присоединиться к миссии в Пекине. Юбер умер в пути, но его книги прибыли на место и стали частью книжного собрания миссии. Они были отмечены экслибрисом, пояснявшим, что Юбер унаследовал эти тома от своего брата Жана, профессора греческого языка в академии Дуэ, и содержали предупреждение о наличии в книге цитат из авторов-еретиков: «следует читать с осторожностью... а [запрещенных авторов] цитировать и упоминать как можно меньше» [Verhaeren 1949: 918]⁷. В испаноговорящих странах Америки можно найти как прямые, так и косвенные свидетельства о хранении экземпляров «Великого театра». Тома 2 и 6 одного из изданий (вероятно, издания 1656 или 1666 года, ошибочно датированного 1665 годом) указаны среди книг, ввезенных мексиканским книготорговцем в 1683 году; в 1802-м году среди 900 томов одной из крупнейших библиотек, собранной провинциальным таможенником, официально значился восьмитомный комплект 1707 года издания. Что касается косвенных доказательств, то восемь экземпляров «Полиантеи» и пять экземпляров «Великого театра», которые имеются сегодня в латиноамериканских библиотеках, вполне могли происходить из колониального имущества [Leonard 1947: 431; Bernstein 1946: 180]⁸. Представитель североамериканских колоний Коттон Мэзер лестно отзывался об «Энциклопедии» Альстеда, сравнивая ее с «Северо-Западным проходом»⁹, однако экземпляр «Великого театра» (1707), который имеется сейчас в Бостонской публичной библиотеке, не связан с колониальным периодом: он попал в библиотеку среди первых приобретений в 1840 году (цит. по: [Mather 1994: Ixiv])¹⁰.

⁷ Благодарю Флоренс Хсиа, указавшую мне на этот источник.

⁸ См. фонды национальных библиотек Бразилии, Колумбии и Мексики.

⁹ Морским путем через Северный Ледовитый океан. — *Примеч. науч. ред.*

¹⁰ Благодарю за информацию о провениенции сотрудников отдела редких книг Бостонской публичной библиотеки.

Справочной литературой на латыни пользовались в течение долгого времени после выхода первых публикаций, насколько можно судить по экслибрисам и содержательным примечаниям, сделанным в отдельных экземплярах спустя сто и более лет после их выхода в свет. Эти книги были дороже и объемнее большинства произведений других жанров, и их приходилось переплетать для длительного использования, поэтому они не слишком сильно повреждались от употребления и имели шанс сохраниться на долгое время. Следует отметить, что, помимо физической прочности, эти книги в течение многих лет сохраняли определенную ценность. Например, экземпляр «Театра» 1565 года издания был подписан как новогодний подарок в 1666 году, спустя более века после публикации, и это говорит о том, что книга считалась достаточно ценной, чтобы стать подарком к главному событию года¹¹. Еще один экземпляр активно дополнялся читательскими записями даже в XVIII веке¹². Экслибрисы также сохранили свидетельства о поздних приобретениях «Театра». Например, в 1793 году кармелиты из Абенсберга купили экземпляр издания 1575 года, который принадлежал иезуитам из Мильштадта; экземпляр «Театра» 1586 года издания был помечен как принадлежащий иезуитам из Гейдельберга с 1746 года, затем стал собственностью Гейдельбергского лица (предположительно после роспуска иезуитов несколькими годами позже), потом был снова продан и в конце концов оказался в собрании Чикагского университета¹³. Эти примеры подтверждают замечание одного ученого о том, что «Театром» активно пользовались на протяжении двух столетий [Stagl 1995: 159–160].

Экземпляры «Полиантеи» также читали и писали в них комментарии многие годы после публикации. В издании 1613 года

¹¹ Экземпляр Библиотеки Хоутон. О новогодних подарках см. [Davis 2000: 23–24, 36].

¹² Экземпляр хранится в Институте истории Реформации Женевского университета. Благодарю Макса Энгаммара, поделившегося со мной этими сведениями.

¹³ См. [Zwinger 1575] — в Государственной библиотеке Мюнхена (титульный лист на рис. 4.1) и [Zwinger 1586] в Библиотеке Регенштайн Чикагского университета.

обнаружены заметки студента из Оксфорда, которого приняли в университет в 1693 году¹⁴. «Полиантею» 1567 года приобрел в 1734 году Андреас Феликс Эфель, который, хотя и был библиофилом, не оставил без внимания содержание книги и сделал множество заметок в своем экземпляре «Полиантеи»; например, в рубрике «*munera*» («дары») он записал немецкую пословицу, а под заголовком «*lex*» («закон») — длинный пример на латыни с пояснением «*lex dura*» («закон суров»), взятый из истории Италии XVIII века¹⁵.

Учитывая долгий срок службы справочников на латыни, постоянный выход новых изданий вплоть до конца XVII века производит особенно сильное впечатление, поскольку новые книги приходилось продавать, конкурируя со старыми, всё еще находившимися в обращении. Хотя некоторым владельцам (чаще всего институтам) принадлежало множество изданий одного и того же справочного сочинения, в общем и целом выход новых изданий позволяет предположить, что эти произведения достигали всё большего числа владельцев и пользователей, как прямо, так и косвенно, за счет перепродажи старых изданий теми, кто покупал себе более новые.

Трудно найти сведения о ценах, по которым продавались новые книги, поскольку в торговых каталогах цены обычно не отражались, а в экслибрисах появлялись лишь в редких случаях. Цены на одну и ту же книгу могли весьма значительно различаться. В случае с тремя экземплярами «Католикона», изданного в Аугсбурге в 1469 году, в установлении цены, вероятно, играло роль благосостояние покупателя; но здесь речь идет о самых ранних продуктах типографского производства, в то время конкуренция отсутствовала, и вопрос о цене был достаточно спорным. В самом деле,

¹⁴ Экземпляр Баллиол-колледжа в Оксфорде, подписанный Сэмюэлем Хиллиардом, родившимся в 1676 году и записанным в матрикулы в 1693 году.

¹⁵ [Polyanthea 1567: 548], экземпляр Государственной библиотеки Мюнхена. Добавленное Эфелем рукописное примечание является точной цитатой из «*Rerum Italicarum scriptores*» (1723–1751) Лодовико Антонио Муратори (факсимильное издание: Bologna: Arnaldo Forni Editore 1975–1989, т. 16 (1730), стлб. 1067).

Бамбергский собор приобрел два из упомянутых экземпляров по очень высокой стоимости — один на пергамене за 48 золотых флоринов, а другой на бумаге за 47 флоринов, в то время как доминиканцы из Бамберга купили свой экземпляр примерно в тот же период всего за 16 флоринов [Geldner 1950: 38–39, 42 (post-scriptum)]¹⁶. Со временем деятельность Франкфуртской ярмарки и формирование множества центров книгопечатания, вероятно, помогли устранить такие серьезные несоответствия в ценах, однако в раннее Новое время цена всегда оставалась предметом торга и формировалась под влиянием конкретных обстоятельств (в том числе таких, как недостаток или избыток конкретной книги в данное время в данном месте). Крупноформатные справочные издания, естественно, стоили дорого, пока были новыми: в отчете об инвентаризации, составленном испанским книготорговцем в 1556 году, отмечено наличие «Полиантеи» 1539 года издания за 408 мараведи — это была одна из самых дорогих книг в списке [Pettas 1995: 84]. Стоимость книг одного формата снизилась с середины XVI до середины XVII века, однако новый рекорд объема и стоимости справочного издания был установлен «Великим театром». В 1638 году Дрексель пошутил по поводу цены на «Великий театр», который стоил, по его словам, 70 флоринов, и это не считая переплетных работ [Drexel 1638: 140]¹⁷.

Когда речь шла о бывших в употреблении экземплярах, стоимость справочников снижалась, иногда довольно существенно, если судить по оценкам в инвентарных описях, сделанных после смерти владельцев, и в аукционных каталогах, где иногда указывалась цена продажи. Даже среди несокращенных полноформатных справочных изданий на латыни наблюдался очень большой разброс цен. «Полиантея» замыкала список: она стоила на удив-

¹⁶ Гельднер отмечает, что 48 флоринов равнялись стоимости тринадцати быков.

¹⁷ Стоимость переплетных работ оценивалась в одну треть стоимости книги, см. [Aquilon 1988: 185]. Для сравнения: префект ботанических садов Лейденского университета (академическая должность среднего уровня) получал в 1590-е годы жалование 400 флоринов; см. [Molhuysen 1913–1924, 1: 180]. Благодарю Брайана Огилви за помощь в этом вопросе.

ление недорого — 16 пенсов за каждый из двух экземпляров, указанных в инвентарном списке Библиотеки епископа Ричарда Кокса 1581 года [Leedham-Green 1992: № 1.26, 1.183]. «Полиантея» к тому же была достаточно портативна, благодаря чему ее можно было переплестать относительно дешево, используя мягкую пергаменную обложку. Так был переплетен экземпляр, принадлежавший Эдварду Сильвестру из Оксфорда (подробнее см. ниже), а «Полиантея» мюнхенских иезуитов была переплетена в музыкальную рукопись XIV века (чтобы сэкономить еще и на стоимости нового пергамена)¹⁸. В экземпляре аукционного каталога Библиотеки Томаса Бартолина 1691 года указана стоимость многих справочных изданий, что позволяет увидеть, насколько по-разному их оценивали. С одной стороны, некоторые большие и недавно изданные книги продавались по высоким ценам. «Великий театр» (год издания не указан) был среди самых дорогих и продавался на аукционе за 17 фунтов стерлингов, больше стоили всего несколько книг, такие как многотомная «История Франции» (Мезере) 1685 года, проданная за 22 фунта 4 шиллинга 8 денариев. Близкую стоимость имели недавнее многотомное издание «Трудов» Кардано (1663 года, 13 фунтов 2 шиллинга) или собрание сочинений Гиппократ и Галена (1679 года, 18 фунтов 2 денария). Изучение цен по всему каталогу показало, что выше всего ценились новые издания, но стоимость книг также зависела от специфических интересов тех, кому случилось присутствовать на аукционе. С другой стороны, в нем отмечены также справочные издания, проданные по гораздо меньшей цене. «Калепин» 1656 года был приобретен за 5 фунтов, «*Lectiones antiquae*» Родигина (вероятно, издание 1666 года) — за 2 фунта 1 шиллинг, а каталог Бодлианской библиотеки 1674 года — за 2 фунта 1 шиллинг 2 денария. Более старые издания стоили еще дешевле. Например, «Библиотека»

¹⁸ [Polyanthea 1552], экземпляр Государственной библиотеки Мюнхена, переплетен в фрагменты средневековых музыкальных рукописей; аналогичный переплет издания [Gesner 1583] — в экземпляре Библиотеки Регенштайн Чикагского университета.

Гесснера с приложениями продавалась всего за 3 шиллинга 8 денариев, а «Adversaria» Тюрнеба (1604) — за 3 шиллинга 1 денарий. Сборник пословиц, датированный 1646 годом (автор и формат неизвестны), продавался в том же ценовом диапазоне — за 4 шиллинга 2 денария [Bartholinus 1691: 45–46]¹⁹.

На многих сохранившихся экземплярах справочников имеют ся экслибрисы организаций, религиозных или образовательных, и такие книги были доступны членам соответствующих сообществ, имевшим доступ в библиотеку (то есть, например, членам коллегіума, но не его студентам). Библиотеки университетов и коллегіумов раннего Нового времени обычно прирастали не за счет приобретений, но благодаря подаркам и завещаниям, чаще всего от сотрудников или бывших студентов. Книги, полученные по наследству, часто попадали в библиотеки коллегіумов через годы или десятилетия после их покупки. В одном из экземпляров «Театра» заметки на полях успели оставить владельцы — отец и сын — прежде чем книга стала собственностью их колледжа в Кембридже²⁰. Часто бывает неясно, принадлежат ли записи в таких книгах первому владельцу, более поздним читателям или и тем и другим. Католические церковные ордены, особенно многочисленные церковные обители, возникшие на волне Контрреформации, напротив, чаще всего распоряжались специальными средствами, выделенными на покупку книг для библиотеки. В экземпляре «Полиантеи» 1539 года издания, принадлежавшем картезианцам из Брукстейма, имеется заметка, сообщающая, что пергаменный манускрипт «Декреталиев», экземпляров которого у ордена имелось больше, чем нужно, был продан за 3 флорина, которые пошли на покупку других необходимых книг, в том

¹⁹ В экземпляре BnF подписаны цены. Копии издания Бейерлинка были оценены в 40, 44, 60, 68 талеров (разница, вероятно, зависела от переплета), см. [Georgi 1742: 143–144].

²⁰ [Polyanthea 1539] попала в Кембриджский Кингз-колледж в 1592 году благодаря подарку выпускника Роджера Гуда. [Theatrum 1586], экземпляр Колледжа Эммануэль (Кембридж), подписан Томасом Боунестом, бакалавром (1590–1591 годы), и Уильямом Боунестом, бакалавром (1620–1621 годы), предположительно сыном или племянником первого.

числе «Полиантеи»²¹. Любопытно, что у картезианцев из Бруксгейма был также экземпляр «Полиантеи» 1507 года. Обе книги хранятся теперь в Библиотеке Корнелльского университета. Очевидно, что владение несколькими изданиями становившейся всё более объемной «Полиантеи» считалось полезным, по крайней мере настолько, чтобы не избавляться от лишнего экземпляра. Аналогичным образом иезуитам из Мюнхена принадлежали несколько экземпляров «Полиантеи», в основном приобретенные вскоре после публикации: «Полиантея» 1604 года была куплена в 1604 году, а «Новейшая полиантея» 1617 года — в 1618 году. Им же принадлежала «Полиантея» 1552 года издания (дата приобретения не указана)²².

Латинские справочные издания отвечали потребностям широкого круга читателей, владевших латынью. Судя по сохранившимся экслибрисам, «Великий театр» поначалу принадлежал институтам, а вот у «Полиантеи», как и у «Театра», засвидетельствовано множество частных владельцев. Среди них были врачи, юристы, церковнослужители, учителя и знатные лица²³. «Полиантея» охватила особенно широкую аудиторию читателей среди латинских книг такого размера.

На экземпляре «Полиантеи» 1517 года имеется экслибрис, написанный еврейскими буквами (недатированный): он мог принадлежать обратившемуся в христианство еврею из местной общины, или, что еще более вероятно, владельцу, который, будучи рожден христианином, демонстрировал таким образом свои по-

²¹ [Polyanthea 1539], экземпляр Библиотеки Корнелльского университета.

²² Экземпляры Государственной библиотеки Мюнхена.

²³ Духовенство: Фрэнсис Ди, епископ Питерборо, подписал [Polyanthea 1617a] в 1638 году; преподобный Томас Мортон, епископ Ковентри и Личфилда (бакалавр Кембриджского университета 1586–1587) преподнес в дар экземпляр [Zwinger 1604] (обе книги хранятся в Кембридже, в Колледже святого Иоанна). Врачи: Уильям Пэдди, доктор медицины и член Студенческого братства, в 1602 году преподнес в дар [Polyanthea 1567] (Колледж святого Иоанна, Оксфорд); подпись Андреа Фальконе, доктора медицины из Лиона, стоит на [Theatrum 1565] (Национальная библиотека Франции). Юристами подписаны [Polyanthea 1507] в Оксфордском колледже Брасенос и [Zwinger 1565] в Государственной библиотеке Мюнхена.

знания²⁴. На экземпляре «Полиантеи» 1669 года имеется экслибрис знатной дамы, курфюрстины Аделаиды, на экземпляре 1585 года — экслибрис женского Монастыря босых кармелиток в Праге²⁵.

Способы использования

Одним из стимулов к покупке, на который делали упор в предисловиях к справочной литературе на латыни, была многогранность справочных изданий, их способность предложить «что-то для каждого». Разумеется, такие книги, как «Калепин», «Полиантея» и «Театр» читались в самых разнообразных обстоятельствах, хотя имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства их использования часто ограничены и неполны. В предисловиях и посвящениях, по понятным причинам адресованных богатым принципам и предпринимателям, от которых автор надеялся получить вознаграждение, часто отмечалась полезность компиляций

²⁴ Экземпляр из Британской библиотеки; в книге также имеются заметки, сделанные разными чернилами. Благодарю Магду Тетер, расшифровавшую подпись «Casparus Keselmaichler» (или что-то близкое к этому), а также Элишеву Карлебах, Дебру Каплан и особенно Стивена Бернетта за помощь в идентификации владельца. Владелец, возможно, был некто Каспар Кессельмейер из Ландау (города, находящегося на территории современной Германии, неподалеку от Страсбурга), получивший в 1540 году степень на факультете права Гейдельбергского университета, см. [Тоерке 1889: 574]. Поскольку евреям не разрешалось учиться в университете, этот Кессельмейер был либо евреем, обращенным в христианство, либо христианином, который знал древнееврейский язык. Еврейская община в Эльзасе насчитывала в XVI веке 100–115 семей, в Ландау также имелось еврейское население, вплоть до изгнания в 1545 году; см. [Weill 1971: 53–54]. Благодарю за эту ссылку Чарльза Ригтса.

²⁵ На экземпляре [Polyanthea 1669] в Государственной библиотеке Мюнхена имеется владельческая запись «ex libris serenissimae electricis Adelaidis» (и никаких последующих добавлений). Генриетта Аделаида Савойская (1636–1676) в 1651 году вышла замуж за курфюрста Баварии Фердинанда Марию. Она была известна как покровительница искусств [von Bary 1980]. Благодарю Чарльза Драммонда за идентификацию. [Polyanthea 1585], экземпляр с надписью «ex libris conventus Pragensis Carmelitarum Discalcatarum», хранится в Корнелльском университете.

для деловых людей, которые слишком заняты, чтобы много читать. Лучший пример такого использования представляет экземпляр «Полиантеи» 1514 года с пометами английского короля Генриха XVIII, оставленными в разделах, вызывавших у него особый интерес по личным и политическим причинам (таких, например, как «закон», «брачные узы», «Папа Римский»).

В качестве источников разнообразного материала (*coria*) компиляции цитат и примеров были полезны всем, кто сочинял на латыни и старался произвести впечатление своими познаниями в литературе, как античной, так и библейской. Например, в конце XVI века парижского юриста можно было заставить за переписыванием текстов из печатных флорилегиев (собрания греческих эпиграмм Этьенна и исторической книги общих мест) в записные книжки в процессе поиска аргументов для своей практики [Houllemare 2004]²⁶. Проповедники были изначальной аудиторией средневековых флорилегиев и продолжали пользоваться «Полиантеей». Католические проповедники периода барокко восприняли то, что называли «стилем тезауруса», состоявшим в накоплении множества примеров, цитат и энциклопедической информации, которые семинаристам приходилось собирать с самого начала обучения. Однако это изобилие можно было получить из печатных флорилегиев, если собственных заметок оказывалось недостаточно [Bailey 1983: x–xi]. Например, Библиотеке семинарии в Фьезоле, созданной после постановления Тридентского собора о том, что в каждой епархии должна быть семинария для обучения священнослужителей, принадлежали «Полиантея», «Калепин» и «Театр», которые в ее собрании были основными справочными изданиями [Comerford 1999: 203, 213]. Врачи также могли обращаться к компиляциям за цитатами или примерами. Итальянский врач Джироламо Меркуриале не раз просил Цвингера прислать ему экземпляр «Театра» 1586 года, хотя у него уже было издание 1571 года, однако по крайней мере в одном случае Меркуриале не использовал примеры из этой работы, хотя мог бы [Siraisi 2008: 89–90; Agasse 2000: 239]. По-

²⁶ О важности флорилегиев для французских чиновников см. [Vogel 2000].

сколько Цвингер получил медицинское образование и вел медицинскую практику, его «Театр» изобиловал медицинскими примерами, а среди его корреспондентов было множество врачей-практиков.

Основными пользователями гуманистической справочной литературы на латыни были, несомненно, преподаватели и студенты факультета искусств. Вряд ли в Оксфорде или Кембридже был хоть один колледж, в котором не было бы экземпляра «Полиантеи», обычно среди множества других справочных трудов. Многие справочники позиционировались как полезные для учащейся молодежи, но лишь немногие экслибрисы с определенностью свидетельствуют, что владельцами этих книг были студенты, независимо от того, были они куплены новыми или бывшими в употреблении²⁷. Однако свидетельства другого рода подтверждают, что студенты пользовались справочной литературой. Особенно у многих был словарь «Калепин». Например, двадцать послушников-иезуитов, вступивших в братство в Тулузе с 1547 по 1587 год, привезли с собой словари, от простейших, малоформатных («*Dictionarium puerorum*» Робера Этьенна или «*Epitheta*» Тиксье де Равизи — своего рода словаря прилагательных, если использовать современные категории) до объемных и более дорогих, вроде «*Thesaurus Ciceronianus*» Низолио и словаря «Калепин», который был «у каждого, знакомого с классической литературой» [Aquilon 1988: 154]. Старшие современники воспринимали эти словари как нечто новое для их поколения. Роберт Этьенн (1503–1559) вспоминал в предисловии к своему изданию «Калепина» (1553): «Когда мы были студентами [примерно в 1520 году], мы видели, сколь велика была потребность в полных исправленных словарях». Удовлетворяя эту потребность, Этьенн утверждал, что его словарь особенно поможет учащимся обнаруживать слова, неправильно написанные в изданиях, которыми они пользовались [Calepino 1554: предисловие].

²⁷ Одним из примеров является [Polyanthea 1575], подписанная шестнадцатилетним Томасом Андерхиллом, экземпляр хранится в Колледже Эммануэль, Кембридж.

В этом и в других случаях мы видим, что справочники, как и в наши дни, использовались в качестве авторитетных источников информации, по которым можно был проверять или исправлять другие источники. Например, издатель-гуманист Плантен из Антверпена приобретал множество справочных изданий для своих корректоров: в 1563 году он потратил 60 флоринов на четыре тезауруса, семь словарей, два библейских конкорданса, Библию на латинском языке, Новый Завет на греческом, а в дальнейшем совершал новые покупки такого рода [Gerritsen 1991: 157]. Предположительно, эти книги служили источниками, с которыми сверяли и на основании которых исправляли цитаты, орфографию и ссылки в латинских и греческих сочинениях, изданиями которых славилась типография Плантаена. К сожалению, нам ничего не известно о том, как Плантен делал выбор между разными возможностями при покупке справочников, предпочитал ли он одни издания другим, как более точные и заслуживающие доверия.

Мне не удалось найти комментариев современников по поводу использования справочной литературы для сверки текстов. Вариант использования, который лучше всего задокументирован, хотя его часто критиковали и, возможно, эту практику стоило держать в тайне, состоял в обращении к справочной литературе как к источнику цитат и информации об Античности. Учителей можно считать основными пользователями справочников. Например, известно об одном учителе из Бергамо XVI века, которому принадлежало множество словарей и флорилегиев, включая «Полиантею» [Vittori 2001: 30, 47–53]²⁸. В эпоху Античности Ювенал высмеивал родителей, которые ожидали, что учителя их детей могут быстро отвечать на трудные вопросы. Учителям-гуманистам эпохи Возрождения также приходилось думать о том, чтобы впечатлить родителей и покровителей, и они конкурировали друг с другом за репутацию и работу (Juvenal, *Satires*: VII, 228–243)²⁹. Основным источником репутации были

²⁸ Благодарю за эту ссылку Кристофера Карлсмита.

²⁹ О педагогах-гуманистах см. [Grafton, Jardine 1986: гл. 1, 4].

ученые комментарии к классическим текстам, распространявшиеся в классах, в разговорах и публикациях. Габриэль Ноде продемонстрировал использование учителями справочной литературы для быстрого составления таких комментариев, описав работу одного из преподавателей Парижского университета около 1627 года:

Вот поэтому, как обычно говорят, «Калепин» — а этим словом они обозначают все виды словарей — обеспечивает преподавателям существование; и если я должен это подтвердить для множества людей, в том числе самых знаменитых, то подтверждаю, и не без основания, потому что один из самых почтенных учителей владел примерно пятьюдесятью и постоянно их изучал; так что, впервые столкнувшись в подаренной ему «книге двусмысленностей» с трудным словом, он немедленно обратился к одному из своих словарей и выписал оттуда больше страницы текста на поля вышеназванной книги. И всё это он проделал в присутствии одного нашего общего с ним друга, которому, не удержавшись, заявил, что те, кто увидит эту запись, легко поверят в то, что он сочинял ее больше двух дней, хотя на самом деле трудился он только над ее переписыванием [Naudé 1903: 59–60; Naudé 1963: 51–52].

Ноде утверждал, что пересказывает сцену, очевидцем которой был общий приятель его самого и владельца словарей, однако все участники этой сцены остаются неназванными; в комментарии было указано только, что под «книгой двусмысленностей» подразумевалось, вероятно, произведение, приписываемое Ксенофону³⁰. Учитель, про которого говорилось, что он был одним из самых почтенных представителей своей профессии, изображен человеком, который постоянно «изучает» свою большую коллекцию, состоящую из более чем пятидесяти «словарей». Термин «словарь» использован в данном случае в широ-

³⁰ См.: Giovanni Nanni (Annius Viterbiensis). *Antiquitatum variorum autores*. Paris: Joannes Parvus, Jodocus Badius, 1512. Кн. 4. Благодарю за помощь в этом вопросе Люка Дейца.

ком смысле, который подразумевает не только лингвистические труды, но и в целом справочные издания с алфавитным расположением статей. Знакомство учителя с этими источниками (а читал ли он какие-то другие?) давало ему возможность немедленно обращаться к книге, в который имелся нужный комментарий, что создавало ему репутацию старательного и эрудированного человека. Учитель хотел бы скрыть тот факт, что он пользуется коротким путем к ответу, но не смог не похвалиться тем, как легко ему удалось получить результат, поскольку все, что от него требовалось, — это переписать текст источника. Слегка поддразнивая учителя за обман, Ноде оставил без комментария его навыки в получении информации из правильных книг и прежде всего — умение найти нужный отрывок для копирования. Эти навыки совершенствовались в раннее Новое время благодаря наличию и использованию большего количества справочной литературы.

Что-то похожее на принципы работы описанного выше парижского учителя можно было обнаружить в Оксфорде примерно в тот же период. Эдвард Сильвестр оставил после смерти Баллиол-колледжу свой экземпляр «Театра» 1586 года издания с большим количеством заметок. Сильвестр поступил студентом в Баллиол в 1604 или 1605 году, впоследствии он открыл успешную частную гимназию, где готовил мальчиков к поступлению в университет, в 1642 году он получил степень бакалавра богословия и жил в колледже, не будучи его преподавателем, до самой своей смерти в 1653 году. Сильвестр исписал пять томов своего экземпляра «Театра» перекрестными ссылками и специальными знаками на полях, а также добавил на многие страницы нумерацию по особой системе, которая функционировала как поисковый инструмент и была, возможно, связана с принципами составления заметок. Если Сильвестру попадался интересный материал, он по порядку (но с некоторыми пропусками) нумеровал цитаты Цвингера на обеих страницах разворота числами от 1 до 15 или 25 (в зависимости от количества цитат в соответствующей последовательности). Нумерация Сильвестра игнорировала любые границы разделов, которые встречались на

соответствующем развороте, а также все заголовки и подзаголовки Цвингера. Персональная система ссылок Сильвестра оперировала только номерами страниц и номерами цитат, без учета сложной иерархической структуры «Театра», и была, вероятно, более удобной, учитывая относительную простоту цифр по сравнению с многоуровневыми заголовками и подзаголовками (сам Цвингер нумеровал только самые крупные разделы — книги и части книг).

Обстоятельства интенсивного и тщательно задокументированного использования «Театра» Сильвестром становятся понятны из экскурса, который вошел в каталог выпускников-богословов Оксфорда, опубликованный в 1691 году.

[Сильвестр] в Университете традиционно был «козлом отпущения», которому поручали корректировать или редактировать латинские проповеди скучных университетских богословов, прежде чем их читали в церкви Святой Девы Марии, а также греческие или латинские стихи других авторов (таких же скучных, как и предыдущие), которые собирались включить (иногда в качестве эпиграфов) в издававшиеся время от времени книги. Сильвестр дожил до тех лет, когда некоторые из его учеников возглавили оксфордские колледжи. Среди них были Джон Оуэн, ставший деканом Колледжа Крайст-Черч (Христа Спасителя), Джон Уилкинс — директор Колледжа Вадхэм и т. п. С другими его учениками, ставшими докторами, бакалаврами богословия, права и физики, а также магистрами искусств, они встречались раз в год на банкете, на который непременно приглашали своего учителя, сажая его во главе стола, откуда он мог напитать их разум учеными речами и филологической критикой [Wood 1691–1992, II: 705].

Активный читатель наследия Цвингера второй четверти XVII века не представлялся Энтони Вуду в 1691 году личностью, достойной восхищения. Сильвестр оставался бастионом латинской культуры и классического образования, которые всё больше выходили из моды — по крайней мере, согласно более поздней оценке Вуда, — но всё еще были полезны коллегам и студентам,

которым нужна была помощь, чтобы сдавать экзамены по латинскому языку и произносить на латыни проповеди, речи и стихи. Классические аллюзии, которыми Сильвестр пересыпал свою речь, представлялись желанным развлечением во время пиров, организованных его бывшими студентами, которые заметно превзошли своего учителя на ученом поприще. Университетский «козел отпущения», разумеется, извлекал из «Театра» (и, вероятно, другой справочной литературы) много пользы, хотя навыки, позволившие ему делать это (включая разработку собственной системы нумерации справочного материала), не были высоко оценены поздними комментаторами.

Другие свидетельства использования «Театра» можно найти в художественных произведениях, в которых оно высмеивалось. В заключительных строках одной английской пьесы, сочиненной в 1583 году, педантичный поэт, которому заказали эпитафаму (поэму в честь невесты ко дню свадьбы), заявлял, что ему придется для этого не спать всю ночь, «ворочая таблицы Цвингера» («*pervolvendis tabulis Zwingeri*») [Fraunce 1906: V.8, 91, строки 2707–2709]³¹. Хотя публика не узнавала из пьесы о результатах его трудов, было понятно, что речь идет о смехотворном и несостоятельном персонаже. Похожим образом в прозаическом сатирическом произведении под названием «Негодный оратор» (опубликованном на латыни в 1659 году и на немецком в 1665 году) высмеивался хитроумный болтун, который мог рассказать по любому поводу анекдот из Ланге (имелась в виду «Полиантея» или один из других сборников его авторства):

Ударишь ли ты себя ногой по голове или сапогом по шлему... что бы ни случилось [даже самое абсурдное], этого достаточно, чтобы не промолчать. Флорилегий Ланге никогда не подведет тебя. Надо ли сказать о порванной одежде или о купальной шапочке, выбери из флорилегия что-нибудь, относящееся к афинской эпохе. Расскажи нам, что случилось с индийцами или про обычаи диких скифов... и эти примеры,

³¹ Под таблицами могут подразумеваться указатели, а также дихотомические диаграммы в произведениях Цвингера.

собранные вместе, как множество лоскутов, можно сшить между собой такими замечательными словечками, как «однако», «более того», «впоследствии», «следовательно» и т. п.³²

Эта сатира на риторические принципы того времени высмеивала тех, кто реагировал на любую ситуацию тем, что связывал с помощью нескольких вводных слов фрагменты из «Полиантеи», которые были бесполезны и не относились к делу.

Несмотря на множество описаний, в которых она представлена в негативном ключе, справочная литература сообщала своим владельцам статус, подразумевающий определенный уровень благосостояния и образования. Владение книгами напоказ было предметом сатирических изображений начиная с Сенеки и до конца раннего Нового времени. В то же время оно было связано с покровительством книгам и образованию, которое ученые обычно старались поощрять³³. Несомненно, некоторые экземпляры справочных изданий, оставшиеся нетронутыми (особенно если речь идет о восьми томах «Великого театра»), служили их владельцам главным образом солидным украшением книжной полки. По тем же причинам справочная литература часто считалась хорошим подарком — книги были достаточно ценными и несли в себе символическую пользу и ученость. Помимо экземпляра «Театра» 1565 года, из надписи на котором становится понятно, что он был преподнесен в качестве новогоднего подарка (о нем было сказано выше), сохранился еще один экземпляр, подписанный как дружеский подарок, который в 1609 году юрист Бартоломей Флуск вручил своему товарищу Захарии Фиркеру³⁴. В 1610 году студенты страсбургского Коллегиума проповедников преподнесли экземпляр «Полиантеи» 1607 года издания своему

³² Schupp, *Orator ineptus* (1659) и пер. Balthasar Kindermann, *Der deutsche Redner* (1665), ч. 2, сигн. avі, цит. по: [Cahn 1994: 65–66]. Благодарю Гилберта Хесса и Томаса Эртмана за помощь с немецким текстом.

³³ См. Сенека, О безмятежности духа, IX.4. О трудностях, связанных с этим местом, см. [Nelles 1994: 134]. Карикатуры на библиотеки, собранные напоказ, в Испании раннего Нового времени см. в [Géal 1999: 269].

³⁴ [Zwinger 1565], экземпляр Государственной библиотеки Мюнхена.

учителю Маттиасу Бернеггеру (1580–1640). Бернеггер был в тот момент единственным молодым преподавателем (иначе у него, скорее всего, уже был бы свой экземпляр), и он был страстным любителем поисковых устройств: в дальнейшем он инициировал лютеранский проект по составлению указателя всех слов и необычных грамматических конструкций в классических произведениях³⁵. Разумеется, подаренная книга могла в дальнейшем служить текстом, который читали и которым активно пользовались: по крайней мере один из подарочных экземпляров («Театр» 1565 года) содержал заметки.

Использование справочников в публикациях

Стигматизация использования компиляций и различных способов облегчить работу, которая заметна уже в описании учителя у Ноде, стала еще более отчетливой в конце XVII века, и во многих случаях присутствовала в оценке методов работы ученых эпохи Ренессанса. Долгое время считалось, что автор, пойманный на использовании справочной литературы, вредил своей репутации, за счет этого повышалась значимость таких фактов как для обвинения, так и для защиты. Моя цель состоит не в том, чтобы оценить качество работы ученых эпохи Возрождения, соотнеся их с некоторыми вневременными стандартами или какими-то прошлыми или современными идеалами «подлинной учености», но, скорее, в том, чтобы «измерить» влияние справочной литературы на методы работы и отношение к науке в XVI и XVII веках. Специалисты по интеллектуальной истории, изучавшие рецепцию известных авторов, часто сталкивались с проблемой избытка цитат из их работ; при этом лишь некоторые из них были результатом непосредственного знакомства

³⁵ В [Gass 1918: 26] описан экземпляр «Полиантеи» из Кайзерберга «с красивым золотым обрезом»; впрочем, позолота, вероятно, была нанесена позже. Благодарю за эту информацию Аннет Браун из мэрии Кайзерберга (Эльзас). О Бернеггере см. [Malcolm 2004: 216].

с цитируемыми текстами, тогда как другие были заимствованы из источников-посредников, в том числе справочных изданий. При изучении рецепции справочной литературы историки сталкиваются с противоположной проблемой: лишь немногие пользователи, как в Европе раннего Нового времени, так и сегодня, признаются в использовании справочных изданий, ссылаясь на них.

Печатными книгами, в которых с наибольшей вероятностью можно обнаружить цитаты из справочников, чаще всего оказываются другие справочники. Как мы видим, составители более поздних изданий справочной литературы полагались на более ранние и заимствовали цитаты из других произведений тех же или связанных жанров. Заимствования часто делались без ссылок на источник, однако компиляторы признавали использование других компиляций значительно охотнее, чем большинство других авторов, и упоминали их как в перечнях использованной литературы, так и в атрибуции конкретных цитат. Компиляторы, возможно, испытывали меньше угрызений совести, признаваясь в использовании других компиляций. Возможно, они надеялись получить в ответ такое же признание со стороны своих коллег при перечислении использованных источников. По мере появления всё большего количества справочных произведений в компиляциях раннего Нового времени называлось всё больше других компиляций среди источников. Например, в первом издании «Полиантеи» 1503 года упомянуты всего несколько античных и средневековых компиляций — Исихора Севильского, Валерия Максима и Варрона, но не указаны, например, Диоген Лаэртский, Винсент из Бове и Стобей (труды которого еще не были напечатаны). К 1607 году в «Полиантее» были перечислены все вышеназванные и появившиеся за это время компиляции, включая «Театр» Цвингера, «*Lectiones antiquae*» Родигина и «*Dies geniales*» Алессандро Алессандри. При указании источников многих (но не всех) цитат, в компиляциях обычно упоминались имена авторов или авторы и названия их произведений, но для некоторых цитат указывались также книга и глава или номер страницы. В некоторых случаях в ссылке давалась формулиров-

ка «процитировано по» или другое выражение с тем же смыслом, а затем — сведения о промежуточном источнике цитаты. Например, в «Полиантее» 1648 года в статье «Голод» среди исторических примеров приводится одна цитата из Теодора Цвингера о падении Тира в 1134 году в результате голода и упоминание «ужасающего голода» в Иерусалиме, которое приписывают «Целию [Родигину], взявшему его у Егесиппа» [Polyanthea 1648: 1007]³⁶.

Цвингер включил Родигина, Тюрнеба и Эразма в список использованных источников и упомянул в предисловии примерно сорок компиляторов, работу которых он «использовал то чаще, то реже при подготовке этого издания “Театра”» и на которых он иногда давал ссылки (но, возможно, недостаточно последовательно) при отдельных цитатах. Цвингер сознавал, что работает в жанре, в котором уже написано множество произведений. Он ставил себе в заслугу разработку структуры «Театра», но не претендовал на большую оригинальность содержания. Значительное число имен, на которые ссылается Цвингер, принадлежали авторам недавно вышедших компиляций, включая Эразма, Педро Мексия, Алессандро Алессандри и внесшего большой вклад в создание «Полиантеи» Бартоломея Аманция. Невзирая на разногласия по вопросам веры, Бейерлинк упомянул труды Цвингера в качестве одного из источников своих «*Aporthegmata*», наряду с компиляциями Эразма, Ликосфена и Баттисты Фульгози [Zwinger 1586: сигн. **1v–2r; Beyerlinck 1608]. Однако за пределами компиляций прямые ссылки на справочные труды найти очень трудно.

Даже при современных принципах научного цитирования справочные издания, к которым обращаются в процессе исследования, часто остаются неназванными в итоговой публикации. Ученые используют справочники, чтобы найти или проверить то, что относится к общим знаниям, которые нет необходимости атрибутировать, чтобы они считались заслуживающими доверия.

³⁶ См. [Zwinger 1586: 656] (другие точные цитаты не предлагаются); [Rhodiginus 1542: XIII.24, 494] (ссылки на XXIII.4 или XXIII.24 в различных изданиях «Полиантеи» были неточными: отличались на одну-две цифры).

Изучение справочной литературы играет вспомогательную роль в ходе исследования, только завершающие этапы которого документируются в сносках. Например, в справочниках находят библиографическую информацию, ведущую к источникам, которые в конечном счете будут процитированы. Разумеется, большинство случаев использования справочной литературы вообще не связаны с выходом каких-то публикаций, что только уменьшает наши шансы обнаружить письменные свидетельства такого использования. У авторов раннего Нового времени были те же самые причины не упоминать справочные издания, к тому же они в целом в меньшей степени принимали на себя обязательство ссылаться на источники, даже те, которые цитировали непосредственно. Авторы раннего Нового времени приводили библиографические ссылки с разной степенью точности и в основном в тех случаях, когда ожидали, что это придаст силу их аргументам, которые будут таким образом подкреплены признанным авторитетом. Для большинства авторов того периода упоминание источников в большей степени было связано с риторической стратегией, чем свидетельствовало об интеллектуальной порядочности. Джон Селден, например, рекомендовал следующий подход:

Цитируя книги, упоминайте сначала авторов, которых обычно читают, остальных вы также можете читать для собственного удовольствия, но называть их не стоит. Цитирование авторов в основном зависит от обстоятельств: я пишу о них, как бы желая призвать в свидетели, иногда чтобы объяснить вольность выражения, а также чтобы воздать должное автору и похвалить себя за то, что я читал его.

Итак, упоминание при цитировании было привилегией авторов, которые придавали дополнительный вес утверждениям сочинителя и поднимали на новый уровень его репутацию [Selden 1689: 9–10]³⁷.

³⁷ Об аналогичном средневековом принципе см. [Goddu, Rouse 1977: 489]. Более общие сведения о роли цитат см. в [Compagnon 1979].

Современникам было хорошо известно о том, что многие источники используют без упоминания. Некоторые испытывали гнев, обнаружив, что их произведения были процитированы без должной ссылки, другие просто отмечали факт необозначенного использования чужих работ. Конрад Гесснер, например, отмечал, что трудно отследить использование антологии Стобея, некоторые разделы которой он опубликовал на латыни в 1559 году, потому что обращение к ней часто никак не документировалось.

Цитаты, взятые из [Стобея], приводятся регулярно, при этом некоторые упоминают его имя, другие же скрывают, откуда заимствовали цитаты, потому что они обнаружили их в тезаурусе. Фаворин Камерс, греческий словарь которого у меня есть, перевел на латынь несколько коротких изречений из этого собрания... и Волатерран перенес многие из них в свои книги [Gesner 1559: сигн. 35v].

Хотя Камерс и Волатерран не упоминали Стобея в качестве своего источника, Гесснер был уверен, что обнаружил у них цитаты из античного компилятора. Авторы раннего Нового времени, прекрасно владевшие материалом классических сентенций, которыми они приправляли собственные сочинения, и активно пользовавшиеся компиляциями, которые служили им подспорьем в этом деле, находились обычно в лучшем положении, чем современные историки, с точки зрения возможности выявления скрытых цитат. Многие авторы раннего Нового времени практиковали заимствование текстов из античных и современных книг без указания своих источников, хотя одновременно сами осуждали такое поведение у других авторов, особенно когда такие обвинения использовались в спорах по более принципиальным вопросам, например о первенстве³⁸.

Скрытое цитирование само по себе не вызывало негодования. Напротив, упоминание источников в эпоху Возрождения часто считалось неуместным. Монтень, например, не называл античных

³⁸ О понимании плагиата в период раннего Нового времени см. [Kewes 2003; Cherchi 1998]; пример спора см. в [Jardine 1984]. Ни система привилегий, ни законодательство об авторском праве XVIII века не были направлены на защиту оригинальности выражений или концепций, см. [Stern 2009].

авторов, которых цитировал, потому что ожидал, что это смогут сделать его читатели; разумеется, никто из его современников не жаловался на такой подход. Называя авторов по имени, он рисковал бы оскорбить образованных читателей, лишая их удовольствия распознать аллюзии и прерывая ровное течение прозы. Современные издатели произведений раннего Нового времени обычно стараются выявить цитаты и аллюзии, присутствующие в книгах, вроде «Опытов» Монтеня, и это очень помогает современным читателям. Но, отмечая аллюзии на античных авторов, редакторы не всегда отслеживают непосредственный источник, которым пользовался автор, — было ли это издание соответствующего произведения, выпущенное в тот период, или цитата взята из промежуточного источника, например из справочной литературы. В результате справочники идентифицируются в качестве источников цитат и аллюзий раннего Нового времени значительно реже, чем они выступали в этой роли. Конечно, доказать скрытое использование компиляций бывает особенно трудно.

Необъявленное использование справочников иногда можно установить, но только если взятый из них материал можно отличить от текста оригинала или других промежуточных источников. Убедительные аргументы, доказывающие использование справочного издания, обычно опираются на наличие явных ошибок или примечательное соположение текстов. Энтони Лейн, например, пришел к выводу об отсутствии четких доказательств того, что Кальвин использовал антологию сочинений Отцов Церкви «*Catena in Genesim*» (составленную Липпоманом), поскольку отрывки, вызвавшие подозрения, могли быть с тем же успехом взяты из других источников-посредников [Lane 1999: гл. 1]. С другой стороны, Фауста Гаравини в своем исследовании «Опытов» (II, 33, «История Спурины») предложила убедительный аргумент в пользу того, что Монтень использовал «Театр человеческой жизни» Теодора Цвингера [Garavini 1992; Garavini 1994: 75–81]³⁹. Героем, давшим название этому эссе, был красивый этрусский мальчик

³⁹ Более общую информацию об использовании Монтенем компиляций, в частности Цвингера, см. в [Villey 1933, 2: 27–32; 1: 270–271].

по имени Спурина, который изуродовал себя, чтобы избавиться от сексуальных домогательств. Монтень рассказывает эту историю в качестве примера противостояния сексуальному желанию через наказание тела. Хотя историю Спурини можно найти в разных изданных в XVI веке сборниках классических материалов в качестве примера красоты, скромности и целомудрия, в «Театре» Цвингера она помещена в рубрику «истязание плоти путем бичевания, причинения боли и т. п.», и именно в таком значении история была использована Монтенем, наряду с другими примерами, которые Монтень включил в то же эссе [Zwinger 1565: 447; Montaigne 1988: II.33, 728–735].

Аргументация в пользу версии о скрытом использовании справочной литературы также бывает убедительна в тех случаях, когда некоторые особенности изложения можно связать с конкретным справочным изданием, но нельзя объяснить простым цитированием первоисточника. Используя этот подход, удалось, например, показать использование Эдмундом Спенсером двух компиляций по античной мифологии — «Genealogia deorum gentilium» Боккаччо (1360–1374) и «Mythologiae» Натале Контини (1551) [Lotspeich 1932: 14–19]⁴⁰. Впрочем, попытки обнаружить следы использования справочной литературы у того или иного автора требуют множества трудов, которые часто не приводят к определенным результатам. Поэтому такого рода исследования предпринимались, как правило, только в отношении самых известных авторов. Уолтер Онг, например, связал последовательность прилагательных в одном из сонетов Шекспира с влиянием риторического сборника общих мест, а именно (хотя эта гипотеза подразумевает перевод текста) справочника о прилагательных, составленного Равизи Текстье («Epitheta») [Ong 1976: 122–123]⁴¹. Другие исследователи отметили использование «Смеси» Тоттеля (1557) различными английскими поэтами эпохи Возрождения, включая Шекспира [Hammond 2003; Tottel 1965]. Аналогичным образом, испанский драматург Педро Кальдерон де ла Барка

⁴⁰ Благодарю Питера Линденбаума, обратившего на это мое внимание.

⁴¹ Ссыл. на [Ravisius Textor 1524].

(1600–1681), получивший образование у иезуитов, имел экземпляр «Великого театра» Бейерлинка, и были установлены параллели между этим справочником и его стихами [Paterson 2000].

Использование справочной литературы не обязательно подразумевало отсутствие вдохновения и умения оригинально мыслить. Творчество Монтеня, Шекспира или Кальдерона получало импульсы из источников разного рода. Справочные издания, которые сами были составлены на основе материалов, имевших самое разное происхождение, возможно, были особенно привлекательны в этом отношении. Однако названные авторы так умело обращали текст своих источников на пользу собственным сочинениям, что требуется весьма тщательный анализ, чтобы прийти к убедительным аргументам в пользу того, что они полагались именно на справочники. Разумеется, справочной литературой так же охотно пользовались для получения той или иной информации, заимствования примеров, цитат и т. д. и менее значимые авторы. Было, например, установлено влияние «Театра» Цвингера на два трактата, вышедших в Базеле и Цюрихе, в которых были заимствованы примеры из этого справочника. В трактате о целомудрии, изданном в Базеле в 1575 году, большинство примеров поведения женщин также были взяты из «Театра» Цвингера, причем без точных ссылок на источник. Автор, впрочем, признавал в предисловии, что использовал материалы Цвингера и оправдывал заимствования тем, что труд Цвингера был малодоступен даже в городе, где он был напечатан [Hoeniger 1575] (цит. в [Hieronymus 1997, II: № 534]). В трактат о храмах 1587 года Рудольф Хоспиниан (1547–1626) включил позаимствованный у Цвингера перечень античных и церковных библиотек [Nelles 1994: 209; Hospinianus 1672: 269; Zwinger 1586: 3816–3819].

Сообщения о том, что прославленные ученые-гуманисты никогда не использовали справочную литературу, могут показаться в большей степени заслуживающими доверия, но не все они подкреплены доказательствами. В «Застольных беседах», приписываемых Жозефу Скалигеру (1540–1609), автор отрицает, что когда-либо пользовался даже словарем, разве что для того, чтобы отметить упущения его составителей: «Я никогда не использовал

лексиконов, кроме самого простого, и то не для того, чтобы находить в нем слова, но чтобы добавлять новые слова, встреченные при чтении». В «Застольных беседах» также утверждалось, что близкий друг Скалигера Казобон также не использовал словари, и Скалигер высмеивал некоего Герсения за то, что тот получал знания *per compendium* («из компендиев») [Scaliger 1695: 83, 170, 179–180]. Работа без справочной литературы, возможно, была нормой среди ученых раннего Возрождения, когда словарей было еще очень мало. Очевидно, что Гийом Бюде не полагался на существовавшие греческие лексиконы при написании в 1510-х годах своих комментариев. Хотя он и не называет свои источники, его суждения не совпадают с теми, которые были доступны в словарях того времени [Grafton 1997: 153]. Но к 1600 году этот метод занятий был уже скорее неприемлем: в отличие от ранних гуманистов, которые «перепрыгивали» от одного недавно открытого текста к другому, филологи начала XVII века «тянули цепь, которая становилась всё длиннее», и у всех крупных ученых была справочная литература⁴². Когда в 1609 году внушительная Библиотека Жозефа Скалигера продавалась с аукциона, в ее составе имелась прекрасная подборка справочных изданий: десяток словарей и лингвистических комментариев, включая «Калепин» (1598), Перотти, Бюде, «Adversaria» Тюрнеба (1581), «Adagia» Эразма (1558), а также «Полиантею» (1539), «Театр жизни человеческой» Цвингера (1571) и менее значительные собрания такого рода, авторы которых не были указаны: «Thesaurus vocum latinorum», «Aprophthegmata variorum authorum» и «Promptuarium linguae latinae» (Антверпен, 1571) [de Jonge 1977: 24–25, сигн. B1r–B2r].

Отец Жозефа, Юлий Цезарь Скалигер черпал некоторые антикварные сведения из компиляций, таких как «Dies geniales» Алессандро Алессандри и «Античные чтения» (Lectiones antiquae) Целия Родигина (который, по имеющимся свидетельствам, был одним из его учителей), также из флорилегиев он брал некоторые редкие цитаты из Тибулла и Петрония, хотя крайне редко указы-

⁴² Марк Паттисон, «Isaac Casaubon» 1559–1614 (London, 1875. P. 123), цит. в [Nuttall 2003: 146].

вал источники такого рода [Scaliger 1994, I: 55–56, 283 сн. 431; III: 231 сн. 837]⁴³. Кроме того, Юлий Скалигер защищал использование указателей от нападок Эразма, так как считал их полезным инструментом для тех, чья память недостаточно хороша и требует проверить латинские выражения, которые они собираются употребить. Впрочем, этот случай может иметь такое объяснение: в полемике Юлий Цезарь Скалигер готов был использовать любой аргумент, чтобы раскритиковать Эразма, не упустил он и возможность похвалить не слишком уважаемый жанр вспомогательной литературы, каким считался указатель [Scaliger 1999: 116]⁴⁴.

Представление о Скалигере как о человеке, никогда не пользовавшемся справочной литературой, возможно, было основано не столько на отношении к этой теме самого Скалигера и его высказываниях, сколько на появившейся в середине-конце XVII века ностальгии ученой публики по эпохе подлинной образованности, казавшейся утраченной. Племянник Исаака Казобона Мерик Казобон красноречиво сформулировал преобладавшее ощущение упадка после высот учености, достигнутых примерно в 1600 году его дядей и его современниками, включая большого друга Казобона Жозефа Скалигера. Мерик сетовал на энтузиазм, который ученые проявляли к новым подходам, обещавшим быстрый и короткий путь к познаниям и распространявшимся различными новаторами, в том числе последователями Пьера де ла Раме (влияние которого в Англии усилилось после его смерти в 1572 году), Яна Амоса Коменского, Рене Декарта и Фрэнсиса Бэкона. Мерик проявлял нетерпимость к экспериментальным и математическим методам, а также к «пансофии» и представлению логики в форме таблиц. В неопубликованном трактате 1668 года Мерик Казобон рекомендовал добросовестно учиться и читать, а не спорить о лучших методах, потому что усердие и прилежание, по его мнению, были истинными ключами к эру-

⁴³ Благодарю за эти ссылки Люка Дейца. Об использовании Скалигером флорилегиев см. [Ullman 1928: 162]. О Родигине — учителе Скалигера см. [Morhof 1732: I.1.21 разд. 50, 247].

⁴⁴ Благодарю за эту ссылку Мишеля Маньена.

диции [Casaubon 1999: 177; Feingold 2001: 162–164]. После того как Скалигер, Казобон и другие ученые эпохи Возрождения были возведены на пьедестал в качестве образцов истинной учености и добросовестности (в особенности после публикации застольных бесед и сборников Scaligerana и им подобных), противопоставленных более поздним имитаторам, невозможным стало допускать, что они также пользовались справочной литературой. Для Мерика Казобона и других ученых, оплакивавших упадок подлинного образования, справочники выступали основной причиной этого упадка, так как предлагали короткий путь к знаниям для тех, кто не хотел приложить надлежащих усилий для их достижения (см. подробнее ниже).

Рукописные заметки

Влияние справочной литературы также можно измерить, изучив, как те или иные издания использовались и воспроизводились в рукописных компиляциях и указателях. В различных руководствах давались рекомендации по заимствованию рубрик и материалов из печатных справочников. Титий, в частности, упоминал «Полиантею» Ланге и «Театр» Цвингера среди шести книг, включенных им в список особенно полезных источников, из которых следовало перенимать названия рубрик [Titius 1676: 102; Sorel 1673: 8] (Johannes Sturm цит. в [Moss 1996: 150, цит. № 183]). Этому совету явно последовал автор одного анонимного манускрипта 1628 года, содержащего тематический указатель к разным богословским произведениям, который довольно близко следует рубрикам «Полиантеи». Печатные компиляции, вероятно, были источником названий рубрик и различных материалов для рукописных тетрадей общих мест также в тех случаях, когда их названия не упоминались в тексте. Прибегая к доказательствам такого же рода, как те, которые Гаравини применил к «Опытам» Монтеня, Гилберт Хесс утверждал, что одиннадцатилетний герцог Август Брауншвейгский в своей рукописной тетради общих мест использовал цитаты из «Illustrium

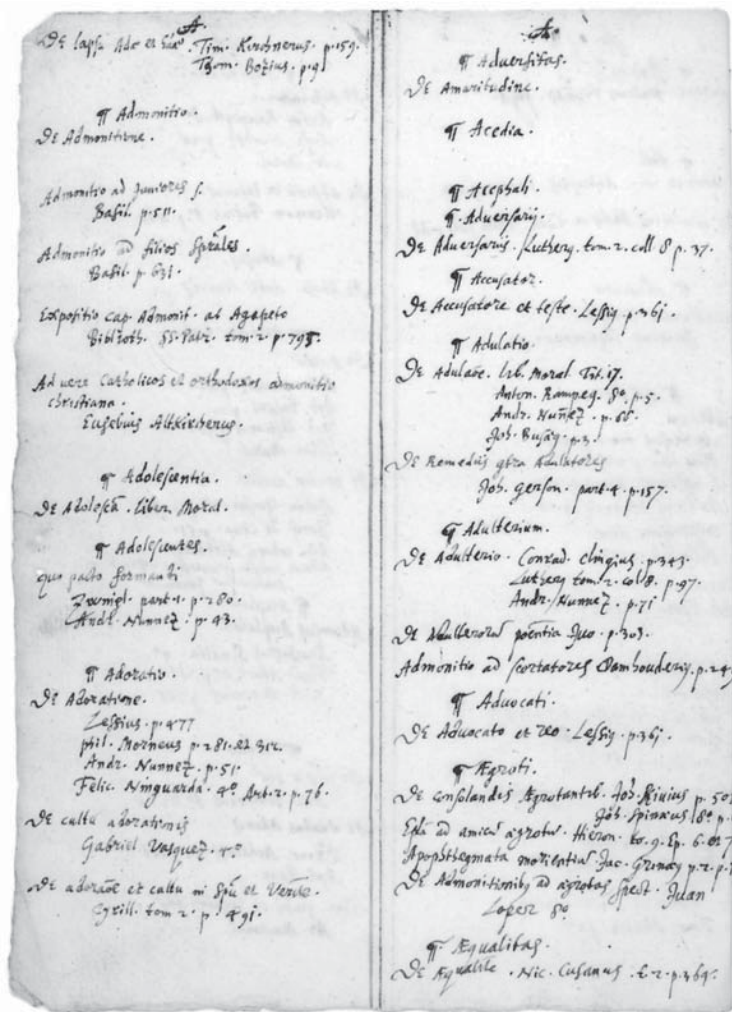

Рис. 5.1. Анонимная рукопись 1628 года, озаглавленная «Богословский указатель» и повторяющая названия рубрик «Полиантеи»; в ней подобраны места из книг, относящиеся к каждой рубрике. Из рубрик, приведенных на этой странице, только «Acephali» и «Adversarii» отсутствуют в «Полиантее». Отдельная группа заголовков, выпадающих из алфавитного порядка, вероятно, была добавлена позже на свободное место, оставшееся между «Adversitas» и «Adulatio» вверху правого столбца. Воспроизведено с разрешения Кембриджской университетской библиотеки, MS Gg.1.28

poetarum flores» Октавиана Мирандулы — он использовал те же заголовки рубрик и приводил их в том же порядке, кроме того, он цитировал те же источники, что и Мирандула, хотя ни разу не упомянул его флорилегий [Hess 2003: 143].

Печатные справочники, таким образом, играли большую роль в распространении не только собранного в них материала, но и категорий для отбора, сортировки и дальнейшей работы с цитатами, которые читатели переносили в свои рукописные заметки и которые влияли на характер их использования. На более общем уровне, справочная литература способствовала распространению методов и инструментов справочного чтения. Эти практики не возникли впервые в раннее Новое время, но именно в этот период они стали более известными, благодаря тому что в XVI и XVII веках справочная литература оказалась доступна более широкой аудитории.

Заметки содержат полезную информацию о том, как те, кто читал с пером в руках, обращались с текстом и его ловушками. Большинство заметок состоят (в порядке убывания частотности) из подчеркиваний в тексте или пометок на полях — вертикальных или волнистых линий, перекрещенных линий, точек или маникулов («указующих перстов»); менее часто встречаются вербальные заметки. Пометы делались обычно чернилами, но иногда, например в английских книгах XVII века, встречаются и карандашные, что опровергает общее мнение, будто в раннее Новое время редко использовали карандаш⁴⁵. Разумеется, нельзя делать однозначного

⁴⁵ Бринсли рекомендовал использовать карандаш, чтобы проще было стирать написанное, см. цит. в [Sherman 2008: 162]. Первое известное описание графитового карандаша появляется у Конрада Гесснера в 1565 году [Stallybrass et al. 2004: 409]. Карандашные заметки есть, например, в экземплярах следующих изданий: [Zwinger 1571a] в Колледже Магдалины, Оксфорд; [Zwinger 1586; Gesner 1583] в Баллиол-колледже, Оксфорд; [Rhodiginus 1517] в Бодлианской библиотеке. Заметки красным карандашом — [Polyanthea 1617b] в Колледже Иисуса, Оксфорд. Черновые заметки Джона Ивлина, сделанные карандашом, часто затем обводились чернилами им самим или кем-то другим, вероятно, чтобы обеспечить их сохранность; см. Evelyn «Miscellaneous notes» (Британская библиотека MS Add 15950), напр., 78v слл., где Ивлин обвел чернилами список книг, первоначально написанный карандашом; о карандашных заметках Ивлина, обведенных Джоном Обри в его рукописи, см. [Yale 2008: 170–171].

вывода, будто отрывки, рядом с которыми не было пометок, не были прочитаны читателями — авторами примечаний. Тем не менее выборочность помет в справочных изданиях позволяет предположить справочный характер чтения, особенно если признаки чтения имеются в указателе и других поисковых инструментах. Лишь в редких случаях заметки позволяют предположить, что читатель пытался прочитать справочное издание целиком. В двух экземплярах «*Lectiones antiquae*» Родигина (которые были предназначены не только для справок, но и обещали читателю удовольствие от разнообразия расположенного в случайном порядке материала) первые сорок-пятьдесят страниц снабжены множеством пометок, которые дальше полностью отсутствуют: такое положение дел характерно для книг, которые читали последовательно (хотя и не до конца), а не в справочных целях⁴⁶. В другом случае Анри де Мем, президент Парижского парламента и владелец ученой библиотеки следить за которой он нанял Габриэля Ноде), делал разрозненные заметки при чтении «Суды» и «Греческого тезауруса» Анри Этьенна. Обе книги были предназначены для справок, и Мем выписывал из словарей отрывки (определения и примеры) выборочно, но при этом следовал алфавитному порядку оригинала; это позволяет предположить, что он просматривал указанные источники систематическим образом⁴⁷.

Напротив, можно с уверенностью говорить о том, что чтение носило справочный характер, когда отдельные статьи в книге густо усеяны пометами, а в других местах их вовсе нет, или когда читатель проявлял внимание к поисковым инструментам. В одном из экземпляров Бейерлинка были подчеркнуты разделы указателя, посвященные туркам, и на соответствующих страницах текста также имеются признаки чтения, в том числе внима-

⁴⁶ [Rhodiginus 1666], экземпляр Колледжа Брасенос (все главы кн. 1 также помечены в оглавлении), [Rhodiginus 1517], экземпляр Колледжа святого Иоанна (заметки до с. 55).

⁴⁷ Henri de Mesmes. Excerpta. BnF MS Add Lat. 87. P. 105–139 (о «Суде»), 139–162 (об Этьенне). В XVIII веке Винкельманн делал объемные выписки из Бейла и Цедлера, см. [Déculot 2003b: 94].

тельно внесенные исправления⁴⁸. В других случаях пометки могут появляться в указателе, но отсутствовать в тексте соответствующих разделов; тогда встает вопрос, не отметил ли автор заранее интересовавший его материал, а потом не стал искать его в тексте или нашел, но счел его малоинтересным. Впрочем, некоторые пометы в указателях делались явно после прочтения основного текста. В частности, вносившиеся дополнения и исправления указывали на желание усовершенствовать указатель для будущего использования в справочных целях⁴⁹.

Пометы в экземплярах «Полиантеи» демонстрируют избирательность читателей. То, что они часто проявляли особый интерес к религиозным темам, неудивительно, учитывая организацию сочинения, в котором материал собран вокруг различных добродетелей, грехов и других религиозных понятий. В одном из экземпляров особенно много помет в разделах «Eucharistia» («Евхаристия»), «Matrimonia» («Брачные узы») и «Simoniam» («Симония»), также есть редкие пометы, относящиеся к другим, в основном также религиозным, темам. В другом экземпляре пометы есть только в разделах «Christi nativitas» («Рождение Христа») и «Humilitas» («Смирение»)⁵⁰. В третьем, наряду с разделами, посвященными определенно религиозным понятиям, пометы имеются в рубриках «Bellum» («Война»), «Mendacium» («Ложь») и «Mercatura» («Коммерция»)⁵¹. Во всех случаях чаще всего отмечались цитаты из Библии и произведений Отцов Церкви. Экземпляр первого издания «Полиантеи», напротив, показывает, что читателя (анонимного и не датировавшего свои

⁴⁸ Например, читатель исправил «Me Sin» на «Muesin», добавив «ue» над строкой. См. [Beyerlinck 1666: VII.T231], экземпляр Библиотеки Регенштайн Чикагского университета.

⁴⁹ См. [Zwinger 1565], экземпляр Колледжа святого Иоанна, Кембридж, заметки в указателе и тексте. См. также заметки в [Erasmus 1508], обсуждавшиеся в главе 3; см. [Erasmus 1515], экземпляр Библиотеки Хоутон, содержащий рукописный перечень отрывков из Гомера на отдельном листе.

⁵⁰ [Polyanthea 1514], экземпляр Тринити-колледжа, Кембридж, и [Polyanthea 1575], экземпляр Колледжа Эммануэль, Кембридж.

⁵¹ [Polyanthea 1539], экземпляр Кингз-колледжа, Кембридж.

записи) интересовали прежде всего цитаты из классических произведений, так что он, например, даже добавил несколько стихов из «Медеи» Сенеки в рубрику «*naufragium*» («кораблекрушение»). А читатель издания 1567 года сделал пометки в рассказе о дочери, которая ухаживала за сидевшим в тюрьме отцом, заботясь о его пропитании. Следы чтения заметны также в других античных историях. В «Полиантее» 1517 года один из читателей добавил цитату в рубрику «невежество», отметив при этом, что не может вспомнить источник⁵².

Пометы на изданиях «Театра» Цвингера отличались особым разнообразием. Герберт из Чербери (1583–1648), английский барон и дипломат, писавший о религии и истории, классифицировал свои экземпляры Цвингера (1604) и «Великого театра» как богословские произведения, так что его внимание к религиозным аспектам при чтении было предсказуемым⁵³. Однако другие читатели выделяли в этих книгах энциклопедическую информацию разного рода. Один читатель, например, воспроизвел в заметках на полях не только основную информацию раздела о еврейских правителях («пророк Самуил дает евреям царя Давида»), но и сведения, сообщенные между делом и не являющиеся центральными в подборке Цвингера («Иудея разделена на 5 равных частей»)⁵⁴. Привлекательность книг Цвингера не ограничивалась их информационной составляющей. Один из читателей особенно отмечал истории о жестокости и смерти, такие как примеры людей, погребенных заживо или умерших от еды или питья, или о мертвецах, которые оживали⁵⁵. Цвингер образовывал своего читателя, предлагая широкий спектр волнующих и развлекающих историй, в которых было много жестокости и немного секса, в то время как в более консервативной «Полиантее» поучение состоя-

⁵² [Polyanthea 1503: ccxxxii v], экземпляр Нью-колледжа, Оксфорд. [Polyanthea 1567: 353], экземпляр Колледжа св. Иоанна, Оксфорд. [Polyanthea 1517: cviii v], экземпляр Библиотеки Макленнан Университета Макгил.

⁵³ Завещано Колледжу Иисуса, Оксфорд, см. [Fordyce, Кнох 1937: 27–28].

⁵⁴ [Zwinger 1575: 2860], экземпляр Государственной библиотеки Мюнхена.

⁵⁵ [Zwinger 1565: 1208, 1213, 1243], экземпляр Колледжа св. Иоанна, Кембридж.

ло в основном в цитировании библейских, церковных и античных источников. «Театр», который стоил куда дороже и имел высокую себестоимость, обеспечивал свою публику такими же сильными ощущениями, что и сборники знамений, выходившие на латыни и народных языках, часто в меньших и более дешевых форматах (как, например, работа отчима Цвингера — Ликосфена, — из которой Цвингер мог почерпнуть некоторые из своих материалов)⁵⁶. Предлагавшиеся остроумные высказывания не всегда приходились по вкусу читателям. Один из них сделал пометку «смехотворно» рядом с шуткой, которую приписывали старухе, увидевшей, как Стратоник-кифаред покидает Коринф: «Как могла утроба твоей матери выдерживать тебя десять месяцев, если твой город не вытерпел тебя и дня? Эразм, Адагии, из [Пира мудрецов] Афиня, книги 8»⁵⁷. И наконец, Цвингер был интересен некоторым читателям как самостоятельный автор, голос которого можно было различить (в отличие от тех, кто занимался составлением «Полиантеи»), — такой вывод можно сделать из читательских маргиналий к предисловиям Цвингера и его заявлениям, предваряющим те или иные разделы «Театра»⁵⁸.

Помимо использования поисковых устройств, имевшихся в печатном виде, читатели «Полиантеи» и «Театра» также применяли собственные стратегии организации информации, хотя мы и не всегда можем восстановить схемы их организации. Один из читателей «Театра» помечал перекрестные ссылки на примеры, относившиеся к одним и тем же историческим личностям, и явно был недоволен «указателем примеров», присутствующим в самом издании. Впрочем, читатель прекратил эту практику после нескольких примечаний, вероятно, осознав масштабность

⁵⁶ См. [Lycosthenes 1557] форматом в четверть листа и [Lycosthenes 2007] форматом в пол-листа на народном языке. См. [Moss 1996: 197]: «...спрос на “Театр” опустился так низко, как только мог опуститься спрос на латинское издание».

⁵⁷ [Zwinger 1586: XV.2, 2978], экземпляр Библиотеки Регенштайн Чикагского университета.

⁵⁸ [Zwinger 1586: 86, 212], экземпляр Колледжа Эммануэль; [Zwinger 1565], экземпляр Библиотеки Хоутон; заметки по всему тексту предисловия.

задачи⁵⁹. В том же экземпляре имеются таблицы, добавленные к каждому из двадцати девяти томов Цвингера и свидетельствующие о желании обращаться к изданию в справочных целях не только с помощью сплошной нумерации страниц, но и по номерам томов (хотя ни в одном из указателей Цвингера номера томов не указывались). Некоторые читатели, используя собственную систему ссылок, добавляли нумерацию, которая, на удивление, отсутствовала в работе Цвингера (если не считать номеров страниц). Например, один из читателей, предположительно преподаватель Кингз-колледжа Роджер Гуд, нумеровал цитаты внутри отдельной статьи, которые посчитал заслуживающими внимания (например, 1, 2, 3 в статье «Mendacium» («Ложь») в «Полиантее» 1539 года)⁶⁰. Аналогичным образом, Эдвард Сильвестр пронумеровал заинтересовавшие его цитаты на обеих страницах одного разворота. В экземпляре «Полиантеи», принадлежавшем Сэмюэлю Хиллиарду, а теперь хранящемся в Баллиол-колледже в Оксфорде, интересные цитаты помечены специальными номерами (3.168 или 2.103, но также 7, 73, 473), которые предположительно служили тематическими ключами к тетради общих мест или какой-то другой системе составления заметок [Polyanthea 1613]⁶¹. Еще один читатель, пронумеровавший цифрами от 1 до 4 разные цитаты в разделе о пользе музыки, оставил также единственное найденное мною примечание к одной из древовидных схем Цвингера: он добавил рубрику («гончары») и связанный с нею номер страницы в схему, имеющуюся в томе о ремеслах, и тем самым сделал диаграмму пригодной для использования в качестве поискового устройства по конкретному вопросу⁶². В описанных выше случаях читатели использовали записи,

⁵⁹ [Zwinger 1575: 17], экземпляр Государственной библиотеки Мюнхена.

⁶⁰ [Polyanthea 1539: s.v. «mendacium»], экземпляр Кингз-колледжа, Кембридж.

⁶¹ Хиллиард был записан в матрикулы в 1693 году (в Тринити-колледже), в 1699 году стал проповедником молельни на Петтикот-лейн, с 1704 года — каноником в Линкольне.

⁶² [Zwinger 1571a: 288 слл., 3191], экземпляр Колледжа Магдалины, Оксфорд: в диаграмме в XIX томе подписаны номера страниц.

чтобы облегчить возвращение к заинтересовавшему их отрывку, применяя собственные методы составления заметок.

Судя по обилию читательских заметок и влиянию справочников на рукописные собрания, печатная справочная литература распространяла знания о поисковых инструментах и методы чтения в справочных целях, которым следовали читатели, развивая их в собственных рукописных примечаниях и заметках. Помимо этого, некоторые весьма убедительные доказательства активного использования справочной литературы можно почерпнуть из жалоб и критики такого рода сочинений, которая высказывалась в Европе раннего Нового времени.

Жалобы на справочную литературу

Во многих ситуациях распространение справочной литературы, предлагающей читателям собрания отрывков или резюме, вызывало жалобы, некоторые из которых напоминают озабоченность, которую высказывают в наши дни по поводу новых методов работы, от «Google Books» и «Википедии» до интеллектуального анализа данных. Жалобы прошлого, как и в наши дни, транслируя нормативные суждения, дают историкам ценные свидетельства о предмете беспокойств тех, кто произносил эти жалобы: часто эти беспокойства были вызваны куда более масштабными явлениями, чем распространение и использование определенных видов текстов. Недовольство справочными инструментами в Европе раннего Нового времени относилось и к тем из них, которые развивались в более раннюю эпоху (хотя те, кто жаловался, зачастую ничего не знали об этих предшественниках), и к тем, которые отражали новые направления, характерные для Европы в XVI и XVII веках. Жалобы, вероятно, не особенно влияли на сокращение использования справочных инструментов — напротив, они замечательно свидетельствовали о том, что их использование имело весьма значительное распространение, — но имели определенное интеллектуальное воздействие, так как способствовали формированию новых понятий и идеалов труда

ученых в связи с реакцией на общепринятые практики того времени. Так же, как и в XIII веке, озабоченность по поводу того, что читатели слишком часто полагаются на выдержки из книг, влияла на укрепление представления об «оригинале»: в результате в течение XVII века жалобы на сборники цитат поддерживали находившиеся на стадии развития требования к точности цитирования и учету оригинального контекста цитаты⁶³.

Особенно долгую историю имели жалобы на то, что краткие изложения способствуют утрате полных оригиналов. Впервые они были озвучены в X веке мусульманскими учеными (в том числе Али ибн Ридваном) и европейскими гуманистами (в числе которых был Эразм), которые активно занимались распространением и восстановлением античных текстов⁶⁴. К XVII веку страх утраты источников по этой причине стал менее острым. В своих рекомендациях учащимся Дегори Уир (1573–1647) признавал, что «краткие версии иногда причиняли миру вред и привели к исчезновению некоторых из лучших античных сочинений», однако затем называл рассматриваемый жанр полезным отправным пунктом: «И всё же мы не должны на этом основании презирать те эпитомы, в которых сокращение выполнено разумным образом». В 1685 году Адриен Байе пришел к выводу, что не стоит винить краткие изложения в утрате каких бы то ни было оригиналов [Wheare 1685: 39; Baillet 1685: I.11, 453, 457–458].

Более сложными и дольше сохранявшими влияние были жалобы на то, что, полагаясь на компиляции, читатели игнорировали оригиналы и за счет этого могли быть введены в заблуждение ошибками в тексте и прийти, в результате использования выдержек из текстов, к еще большему непониманию. Сами ком-

⁶³ См. в главе 1 об оценке оригиналов в XIII веке. О повышенном интересе к оригиналам в XVI и XVII веках и многообразии сфер (в числе которых — право, богословие, историография), которые способствовали развитию этого интереса, см. [Burke 2002: 154–158].

⁶⁴ О Ридване, ибн Джумае и Эразме см. главу 1. См. также сообщение Антония Августина, согласно которому составление Фестом сокращенной версии словаря Валерия Флакка привело к тому, что сохранился только один экземпляр первоначального текста, см. [Grafton 1983: 134–135].

пиляторы жаловались на других компиляторов за то, что те якобы приносят в материал неточности. Например, Винсент из Бове отмечал, что в имеющихся флорилегиях из сочинений Аристотеля изменены порядок и форма слов, по сравнению с оригиналом, и даже в тех случаях, когда отрывки верно передают смысл, вложенный автором, они передают оригинал с сокращениями или, наоборот, вставляют в него объяснения [Vincent of Beauvais 1964: стлб. 8 (Пролог, 10)]. Четыреста лет спустя Пьер Бейль одобрил проект «Полиантеи», но указал, что она может стать полезной, в особенности для студентов, только если цитаты в ней будут исправлены по оригиналам и перестанут изобиливать ошибками [Bayle 1740, III: 53 («Langius»)]. Многие ученые обвиняли компиляции с большим размахом — как будто те способствовали подъему новых философских школ, которые они не одобряли. Например, Иоанн Солсберийский (1120–1180) вполне мог иметь в виду некий флорилегий, когда жаловался, что его противники корнифицианцы полагались на сокращенные и упрощенные изложения авторов вместо правильного обучения логике и красноречию. Более прямые обвинения встречаются в журнале записей XIII века Парижского университета, где причиной расцвета номинализма в философии называли использование сборников сентенций с алфавитным расположением [John of Salisbury 1971: I.2–6, 14]⁶⁵. В обоих случаях обвинения были полемическими, и целью их было скорее вызвать негодование читателей по поводу поведения членов новой философской школы, чем тщательно изучить лежащие в его основе причины. Эта линия нападения просуществовала долго. В часто цитируемом отрывке 1707 года Джон Локк сетовал на то, что «[Послания] были обрезаны и изуродованы, так что не только обычные люди принимали их стихи за отдельные афоризмы, но и люди более высокой учености, читая их, упускали при этом большую часть силы, лежащую в их взаимосвязности». Жалоба Локка была скорее полемическим приемом в споре с религиозными воззре-

⁶⁵ Обсуждение в [Munk Olsen 1982: 160]. *Chartularium Universitatis Parisiensis*. III, ix / ed. Denifle and Chatelain. 1894 (цит. в [Hamesse 1990: 228]).

ниями сектантов и энтузиастов среди его современников, чем содержала реальное наблюдение об их читательских привычках. Основная мысль Локка состояла в том, что эти люди приходили к ошибочным выводам, потому что полагались на неправильные методы чтения, в то время как в его интерпретации Библии отражены истинные «взаимосвязи» внутри этой книги⁶⁶. Аналогичным образом в Китае XII века жалобы Чжу Си на то, что при чтении фрагментов пропадает подлинное понимание классиков, можно интерпретировать в контексте конкуренции между философскими школами [De Weerdт 2007a: гл. 5].

Звучавшие в Европе раннего Нового времени жалобы на использование сборников цитат принимали и более специфические формы, чем общее осуждение тенденции к накоплению плохо выбранных отрывков без указания их источников и без учета оригинального контекста. Речь идет о модели восприятия, которой положил начало Петрарка и которая просуществовала до XVIII века. Ее приверженцы полагали, что сборники цитат имеют ценность, только если они отобраны в результате взвешенной оценки тем, кто будет в дальнейшем использовать эти цитаты. Полагаться на собрания, составленные другими, означало принимать участие в механическом производстве литературы, несомненно более простом и быстром, но лишенном адекватной личной рефлексии. Поэтому педагоги обычно противопоставляли значимость самостоятельного составления заметок в процессе чтения использованию печатных собраний цитат и справочной литературы в целом⁶⁷. Однако, несмотря на критику, другие педагоги охотно поощряли обращение к таким книгам. Например, Ян Амос Коменский (1592–1670) критиковал печатные собрания общих мест, но делал исключение для Ланге, работами которого

⁶⁶ John Locke. A Paraphrase and Notes on the Epistles of St Paul. 1733. P. vi–vii (цит. в [Stallybrass 2002: 50]). Благодарю за это наблюдение своего коллегу Дэвида Холла.

⁶⁷ О петрарковской критике использования «маленьких фрагментов» см. в [Quillen 1998: 76]. Примеры из XVIII века см. в [Byrd 2001: гл. 4]. См. также Roger Ascham, «The scholemaster» (1570), 42v–43r, цит. в [Baldwin 1956: L.698; Drexel 1638: 58; Sorel 1673: 8–9], см. обсуждение в главе 2.

он пользовался при подборе цитат. И, разумеется, источниками такого рода в действительности пользовались многие, подобно упомянутому Ноде «известному магистру»⁶⁸.

Были и те, кто обвинял саму практику накопления заметок в том, что она поощряет авторов писать, даже когда им нечего сказать. Такая критика варьировалась от шутливой формы, часто обращенной на самого себя, как, например, у Монтеня и Роберта Бертона («nous ne faisons que nous entregloser», или «we can say nothing but what hath been said»⁶⁹), до язвительных нападок — у более поздних авторов. Джонатан Свифт, например, насмехался над теми, кто писал «с пустыми головами, но обложившись тетрадами общих мест», явно полагая, что сам он неуязвим для таких обвинений⁷⁰. Аналогичным образом, Мальбранш проклинал культуру цитирования, в которой одни авторы пространно цитируют других без какой-либо цели, кроме как для того, чтобы сделать вид, что они читали книги, которых на самом деле не читали⁷¹. Критика составления эксцерптов, которое, как утверждалось, наносит вред независимости суждений и поощряет рабскую имитацию и плагиат, особенно долго звучала в Германии XVIII века, где дольше всего сохранилось и само увлечение эксцерпированием [Décultot 2003a: 22–25].

Печатные справочники также критиковали за неразборчивость в накоплении отрывков, а также игнорирование их первоначального контекста. Габриэль Ноде, который, впрочем, рекомендовал пользоваться справочной литературой, считал «полиматию», или «некритичное накопление материала в больших объемах», одной

⁶⁸ «De Latinae linguae studio perfecte instituendo didactica dissertatio» в [Comenius 1986: 366–367]; обсуждение см. [Mejor 1994: 658].

⁶⁹ «Все, что мы можем, — интерпретировать самих себя» и «Мы можем говорить лишь то, что уже было сказано». — *Примеч. науч. ред.*

⁷⁰ См. [Montaigne 1988: III.13, 1069; Burton 1927: 20 («Демокрит к читателю»)]. Jonathan Swift. *Tale of a Tub*. 1958 (впервые опубликована в 1704 году). P. 148 (цит. в [Yeo 2004a: 10]).

⁷¹ Malebranche. *Recherche de la vérité*. 1674. IV.8.3 (цит. по: [Compagnon 1979: 233]).

из трех главных причин возникающих ошибок⁷². Аналогичным образом, Бернар Лами (1640–1715), автор комментариев к Библии и трактата по механике, жаловался на то, что компиляции сеют в умах смятение, так как в них собраны противоречащие друг другу цитаты и пассажи, вырванные из контекста [Moss 1996: 277]⁷³. Адриен Байе в целом с симпатией относился к справочной литературе, высказавшись в специальной главе о «предубеждениях против сокращенных версий, резюме, отрывков, сборников и компиляций на основе произведений античных авторов», где он, в частности, оспорил обвинение в том, что всё вышеперечисленное способствовало утрате античных оригиналов. Но и он предупреждал, что такого рода произведения полезнее всего тем, кто их составил, и их следует избегать читателям, не знакомым с текстом оригиналов, в том числе юношеству, для которого они часто были предназначены:

Те, кто читает не сшитые лоскутки [*pièces décousues*] цитат по этим огромным собраниям, не могут знать целей их первоначальных авторов и легко могут использовать фрагменты целого вопреки тому, что замыслили авторы... Это должно вызывать у нас неприязнь к объемным компиляциям, известным под названиями «Театр жизни», «Полиантея», «Сад ораторов», и многим другим, чьи красивые имена служат лишь одной цели — произвести на нас впечатление [Baillet 1685: I.11.466, 467–468].

Для Байе самым серьезным недостатком справочной литературы было накопление материала, оторванного от оригинального контекста и лишенного ссылок на этот контекст.

Такое обвинение может показаться странным, учитывая ту регулярность, с которой авторы XVII века, как может нам показаться, использовали источники без внимания к их оригиналь-

⁷² Naudé. *Apologie des grands hommes*. 1625. P. 641–642. Обсуждение в [Bianchi 2001: 44].

⁷³ Мосс отмечает, что Лами исключил из объектов своей критики «Энциклопедию» Альстеда.

ному контексту, но жалоба эта была произнесена не только Байе. Этот новый аргумент против постоянно критикуемого жанра, возможно, появился отчасти благодаря распространению историзма, но я полагаю, что в большей степени он возник из поиска критериев, позволяющих отличать истинное образование от его видимости⁷⁴. Средневековые флорилегии исходили из предпосылки, согласно которой сентенции из авторитетных источников (обычно — из Библии или избранных произведений античных и христианских авторов) могут быть применены с пользой в любом контексте, независимо от их изначальной цели. Авторы сборников цитат, примеров и анекдотов раннего Нового времени обещали ту же универсальность своих материалов, но по мере того как всё больше и больше текстов становилось доступно в виде отрывков, простое использование цитат переставало считаться проявлением учености. Вместо этого демонстрация знания оригинального контекста цитаты, который часто отсутствовал или был искажен в компиляции, стала отличительным знаком человека, читавшего оригинал. Или, скорее, отсутствие такой демонстрации было поводом для критики со стороны ученых людей, причем ее мотивом часто становилось соперничество разных групп⁷⁵.

В основе большинства жалоб образованных людей на справочную литературу лежало более или менее явное осознание меняющегося статуса латинского образования в рамках широкого спектра культурных изменений в XVI и XVII веках, включая подъем национальных языков и рост грамотности, увеличение числа студентов университетов и повышение социальной мобильности (или, по крайней мере, того, что воспринималось как таковое). Подобно тому, как Иеронимо Скварчафико жаловался в 1477 году, что книгопечатание позволяет «каждому притворяться образованным», компиляции обвиняли в том, что они позволяют любому выставлять себя ученым. Гуманист Конрад Муциан

⁷⁴ О принципах исторического мышления в тот период см. [Grafton 2007; Burke 1969].

⁷⁵ Пример такого соперничества см. в [Haugen 2011: гл. 4].

Руф (1471–1526) замечал с сожалением, что «Адагии» Эразма — «не что иное, как флорилегий, помогающий студентам демонстрировать знания, которых у них на самом деле нет» (цит. по: [Grafton 2003: 39]). Такие упреки звучали постоянно, поскольку ученые в самых разных обстоятельствах испытывали неуверенность в своем социальном статусе, и часто у них были на то причины. Ричард Монтегю (1577–1641), англиканский богослов и епископ, отмечал: «Сокращения книг, которые создавались много лет назад и продолжают создаваться сейчас, — одно из главных бедствий образования и образованных людей. Они позволяют человеку, оставаясь праздным, испытывать самоуверенность и самодовольство»⁷⁶. К концу XVII века во Франции положение ученых действительно коренным образом ухудшилось: образ ученого постоянно высмеивали за педантизм в театре, обучение на латыни больше не ценилось ни в салонах, ни при дворе, где вместо этого восхищались остроумными репликами «*honnête homme*» («учтивых людей»)⁷⁷.

В таких условиях те, кто получил образование на латыни, активно жаловались на низкие стандарты обучения, принятые среди их современников. В «*Menagiana*» (1715), или застольных беседах, которые приписывают Жилью Менажу (1613–1692), словари рассматривались в одном ряду с лотереями — как развлечение для масс: «Словари и лотереи, число которых растет на наших глазах день ото дня, являются, безусловно, признаками невежества и подлости нашего века» [Ménage 1715, I: 137]. Аналогичным образом, Пьер-Даниэль Юэ (1630–1721), несмотря на свою успешную церковную и литературную карьеру в должности епископа Суассона, а затем Авранша, а также члена Французской академии и редактора серии изданий классических авторов, известной своими подробными указателями, с горечью рассуждал о «причинах упадка учености». Как и Мерик Казобон, Юэ считал конец XVI века золотым периодом образованности. Юэ указывал

⁷⁶ Richard Montague. *Diatribes upon the first part of the Late History of Tithes*. London, 1621. P. 415–416 (цит. в [Feingold 2001: 163]).

⁷⁷ Об образе педанта см. [Royé 2008].

в качестве главной причины последовавшего затем упадка изобретение «новых методов, с тем чтобы сделать людей образованными». В эпоху Возрождения получить образование было трудно: «Книгопечатание еще не привело к бесконечному размножению книг», поэтому они были дороги и читать их было тяжело, поскольку не было еще таких вспомогательных инструментов, как переводы, предисловия, деление текста на разделы, примечания, комментарии и таблицы. Грамматики и словари встречались редко и были малопривлекательны. Те, кто мог преодолеть все эти препятствия, становились превосходными учеными. Они, естественно, стремились поделиться с современниками и потомками результатами своих тяжких трудов, сократить и облегчить им путь к образованию, но именно это и привело к упадку:

Результат их трудов был слишком велик, а благие намерения привели к очень плохим последствиям: легкость обучения ослабила его качество. Довольствуясь фальшивой эрудицией, тем, что лежит у основания горы, они [теперь] экономят усилия и не хотят взбираться на вершину, где находится истинная эрудиция. Огромное число кратких изложений, новых методов, указателей и словарей — всё это притушило живой энтузиазм, с которым люди становились образованными... Все науки сегодня свелись в основном к словарям, и никто не ищет другие ключи, чтобы открыть их [Huet 1722: 171–173 (#74): *causes de la décadence des lettres* («причины упадка учености»)]⁷⁸.

Впрочем, ни одно из явлений, которые Юэ указывал в качестве причин упадка образования в его дни, не было таким уж новым для XVII века, как это следует из его утверждений. Но, разумеется, количество указателей, компиляций и справочных инструментов разного рода сильно увеличилось с тех пор, как они были впервые изобретены (в XIII веке), поэтому многими учеными они воспринимались как новая эпидемия, которую принесли с собой книгопечатание и амбициозное стремление казаться образованными, которое овладело множеством людей.

⁷⁸ О Юэ см. [Shelford 2007].

Инструменты, помогающие имитировать ученость, находились в продаже среди печатной продукции примерно с 1500 года, но что было действительно новым в XVII веке, так это четкое осознание падения статуса латинского образования. Такое положение дел складывалось постепенно на протяжении примерно 150 лет, и к концу XVII века его признаки выявлялись безошибочно. Юэ и другие ученые указывали на справочную литературу как на основную причину возникших проблем, обвиняя ее в том, что она сделала ложные признаки образованности слишком широкодоступными, а также в дискредитации самой идеи поиска ориентиров в лучших отрывках из авторитетных источников. В действительности в культуре того времени существовало множество сил, стремившихся сместить латинское образование с его первенствующих позиций в сферу компетенции академических специалистов, хотя учебные программы по-прежнему включали основы античной литературы и культуры, посвящая в них юношество на протяжении еще двух столетий.

Вместо того чтобы возлагать всю вину на справочную литературу, сегодняшние исследователи интеллектуальной истории называют влияние идей Рене Декарта главным ударом по гуманистическим методам обучения; причем интересно то, что Декарт использовал доводы, приводившиеся в жалобах филологов, против них самих. В то время как Мерик Казобон и другие воспринимали Декарта как автора еще одного бесполезного метода, обещавшего быстрый результат без занятий и трудов, Декарт утверждал, что реальным упрощением задачи является как раз опора на текстовые источники, к которым прибегали ученые-латинисты, вместо того чтобы мыслить самостоятельно. В противовес этому Декарт выступал за то, чтобы выстроить новую философскую систему, начиная с первых принципов, и жаловался на нежелание современников пойти по этому пути:

Я удивлен тем, что среди такого количества исключительных умов, которые справились бы с этим гораздо лучше меня, не нашлось ни одного, у кого хватило бы терпения разобраться в этих вещах, и что почти все они уподобляются тем

путешественникам, которые, сойдя с главной дороги на тропинку [на короткий путь], остаются блуждать там среди колючих кустов и обрывов [Descartes 1996: 497–498].

То есть позиции обеих сторон спора, происходившего между антикварами и модернистами в последние десятилетия XVII века, совпадали в критике кратких путей в науке и предпочтении долгого и тяжелого труда, но придерживались противоположных мнений о том, что собой представляет краткий путь. Антиквары (то есть сторонники превосходства Античности в XVII веке) проклинали справочную литературу как незаконный короткий путь к знаниям, подрывавший истинно гуманистическую ученость, и призывали к тщательному изучению античных текстов без использования изданий-посредников. Однако для Декарта, оказавшегося в лагере модернистов, желание полагаться на античные источники само по себе представлялось попыткой пойти по короткому пути; вместо этого он предлагал искать философскую истину путем рациональных рассуждений на основе первых принципов. В итоге Декарт симпатизировал справочной литературе не больше, чем ученые из лагеря антикваров. Он полагал, что допустимо использовать компиляции для того, чтобы освежить в памяти уже прочитанные произведения, но предостерегал от изучения «несвязных отрывков» (*pièces détachées*), создающего только видимость образования и не ведущего к мудрости [Baillet 1987: VIII.3; 2: 469].

Переход от антикваров к модернистам

Необходимо учесть множество факторов, чтобы объяснить сложный интеллектуальный переход от позднего гуманизма к Просвещению, с постепенным уменьшением значения античных источников в пользу более современных. Ссора антикваров и модернистов во Франции (которая началась с выхода в 1687 году книги Шарля Перро «Параллели между древними и новыми в вопросах искусства и наук») и связанная с ней «Битва книг» в Англии (1690–1704) были двумя эпизодами, в которых сравнение античных и современных достижений происходило в явной

форме во всех сферах, от литературы и искусства до науки и техники. Антикваров приводили в негодование заявления модернистов о том, что более современные авторы и их труды превосшли достижения античных предшественников. Дебаты с аналогичными предпосылками велись также, например, во Франции, по поводу выбора языка (латыни или французского) для официальных надписей и договоров, или о том, какую концепцию естествознания преподавать в университетах (Аристотеля, Декарта или Ньютона, — во французских университетах Ньютона стали изучать только в 1730-е, а от Аристотеля отказались в 1690-е годы)⁷⁹.

Три четверти века назад Поль Азар назвал период с 1680 по 1715 год определяющими десятилетиями в этом брожении умов. И хотя Азара раскритиковали как за то, что он пренебрег предшественниками «модернизма», который он относил к указанному периоду, так и за то, что он сосредоточил внимание лишь на нескольких фигурах, современные исследования в целом подтвердили тезис Азара о том, что именно в те годы основной интерес образованных людей сместился с комментариев к античной культуре и традиции на обсуждение новых теорий и наблюдений, сформировавшихся в различных областях науки или благодаря путешествиям, чему способствовали перемещения людей и книг внутри Республики ученых [Hazard 1935]⁸⁰. Мои занятия справочной литературой на латинском языке подтвердили датировку Азара. С 1666 по 1707 год некоторые из справочников, которые я изучала, были напечатаны в последний раз: «*Lectiones antiquae*» Родигина — в 1666 году, «Полиантея» — в 1681-м, «Великий театр» Бейерлинка — в 1707-м⁸¹. После этого из всех крупных латинских

⁷⁹ Об этих дебатах см. [Perrault 1964; Fumaroli 2001; Levine 1991; Haugen 2011]. Об учебной программе в Париже см. [Brockliss 1987].

⁸⁰ См. критику в [Mesnard 1985]; наиболее современную интерпретацию того периода — в [Israel 2001].

⁸¹ Книга под названием «*Polyanthea hoc est florilegium seu opusculum continens suavissimos sententiarum flores... ab authore collectore congestum qui ex Thom. a Kempis amat nesciri*» (Köln: Johannes Petrus Muller, 1735) представляет собой другое, анонимное произведение, которое гораздо короче «Полиантеи» Мирабелли. Благодарю за предоставленную мне копию этого издания Библиотеку Университета Иллинойса в Урбана-Шампейн.

справочных изданий предыдущего столетия продолжили издавать только словарь Калепино (двенадцать изданий до 1779 года, все, кроме одного, напечатаны семинарией в Падуе, вероятно, для использования студентами в духовных учебных заведениях) [Labarre 1975: 104–109]. Разумеется, экземпляры объемных справочников на латыни по-прежнему оставались доступны. Поддержанные книги покупали, читали, делали записи в течение всего XVIII века, но, спустя 150–200 лет регулярного переиздания этих произведений, после 1707 года не вышло уже ни одного. Даже если отход от культуры позднего гуманизма везде происходил с разной скоростью, справочные издания, предназначенные для поощрения риторических упражнений, комментариев и построения аргументации на латинском языке, в Европе XVIII столетия были уже определенно не так востребованы.

Тем не менее в те же самые десятилетия современники продолжали говорить о растущем изобилии печатных словарей, как отмечено, например, в предисловии к одному словарю 1690 года: «Одному человеку вряд ли по силам сосчитать все словари, которые были переизданы или составлены за последние пятнадцать-двадцать лет; большая часть из них продавалась и продолжает продаваться на удивление успешно» [Furetière 1690: предисловие, сигн. *3r]. В то время как справочные издания, предназначенные в основном для тех, кто хотел овладеть классической культурой и изящным латинским стилем, выходили на свет в последний раз, отлично начали продаваться другие (часто новые) виды справочной литературы, составленные на народных языках и посвященные текущим или недавним тенденциям, а не античному миру. Около 1750 года Жан Лерон д'Аламбер назвал главными новыми жанрами три вида словарей: лингвистические, исторические и словари наук и искусств [Diderot, d'Alembert 1966: 958]⁸². Хотя издание словарей на народных языках не было новым веянием, в конце XVII века таких словарей стало издаваться гораздо больше, и они сильно выросли в объеме, в некоторых из них открыто

⁸² Статья «Dictionnaire» («Словарь») (подписана «О», что означает д'Аламбер); см. [Kafker 1988: 2].

назывались латинские предшественники. Исторические и биографические словари, а также словари наук и искусств представляли собой по преимуществу новые жанры, не содержащие отсылки к латинским предшественникам, однако я хотела бы отметить, что косвенным образом, по-разному, они были обязаны прежнему успеху своих латинских предшественников. Справочная литература на латыни открыла дорогу этим новым сочинениям, продемонстрировав коммерческую жизнеспособность объемных справочных изданий, обогатив опыт компиляторов коллективным авторством, новыми методами составления сборников и различными формами представления материала и организации поисковых инструментов, а также, что важнее всего, распространив практику чтения в справочных целях.

Латинские жанры не исчезли полностью, но приняли новые формы, с более узким охватом материала и менее обширной целевой аудиторией. Исчезли флорилегии, предназначенные для широкой публики, однако в справочных пособиях предлагались списки синонимов, просодическая информация и примечательные примеры использования того или иного слова в античный период, чтобы помочь в написании сочинений на латыни (этот навык по-прежнему требовался во многих случаях от учеников на протяжении XIX века). «*Gradus ad Parnassum*» («Шаг к Парнасу», 1691) Пауля Алера продолжали издавать вплоть до 1862 года, и факт его использования в той или иной мере признавали такие литературные деятели, как Стендаль (1783–1842) и Жюль Валле (1832–1883)⁸³. В то же время практика отбора лучших цитат из источников, представлявших широкий интерес, распространилась и на народные языки, проявившись, например, в антологиях лучших фрагментов из английских романов XVIII века, в которых легко узнавались принципы эксцерпирования из произведений античных авторов [Price 2000: 71]. В середине XIX века

⁸³ О продолжительном использовании латыни в европейском образовании Нового времени см. [Waquet 1998]. О книге «*Gradus ad Parnassum*» см. [Compere, Pralon-Julia 1992: 98–108]. О том, что Стендаль полагался на пособие, вроде «*Gradus*», см. [Didier 1996: 14]; о Жюле Валле в этой связи — [Waquet 1998: 171].

начали выходить «Familiar Quotations» («Знакомые цитаты») Бартлетта, изначально представлявшие собой сборник цитат из античной и современной «классики» и предназначавшиеся для аудитории, которая была знакома с большей частью приведенных материалов. Выдержав десятки новых редакций, публиковавшихся вплоть до наших дней, именно этот «бренд» флорилегиев постепенно стал ориентироваться на то, чтобы знакомить читателей с авторами, с которыми они могли не быть знакомы, в том числе с античными классиками, известность которых уменьшалась, но также с новинками литературы, произведениями восточноазиатских мыслителей, а также, например, с авторами-женщинами и авторами-представителями меньшинств [Cohen 2003; Cochrane 1992]. Однако «Бартлетт» — не единственный флорилегий, который просуществовал до наших дней. Сохраняя два главных мотива, стоявших за компиляциями раннего Нового времени, сборник «Повторяем Шекспира» («Brush Up Your Shakespeare») предлагает читателям крылатые фразы, а книга под названием «Мудрость древних: нестареющие уроки ведения дел от Александра Великого, Юлия Цезаря и знаменитых правителей древней Греции и Рима» (Wisdom from the Ancients: Enduring Business Lessons from Alexander the Great, Julius Caesar, and the Illustrious Leaders of Ancient Greece and Rome, 2001) предлагает извлечь из классических примеров практические и нравственные уроки, актуальные в наши дни.

Жанр «избранных прочтений» стал особенно привлекателен для специалистов в классической филологии. Филологи XIX века продолжили использовать заглавие «*variae lectiones*» для публикации эмендаций и разрозненных комментариев⁸⁴. В то же время использование произвольного порядка и ориентация на собрания афоризмов и античных примеров способствовали появлению «смесей» (*mélanges*) и сборников изречений одного автора (названия которых прибавляли к его имени «окончание» -*ana*), со-

⁸⁴ Примеры из эпохи Нового времени варьируются от «*Variae lectiones ad textum Evangeliorum*» (1801) Андреаса Бёрча до «*Variae lectiones in Mischnam et in Talmud Babylonicum*» (1867–1886) Рафаэля Рабиновича.

стоящих из остроумных высказываний и образцов поведения уже не античных деятелей, а недавно ушедших из жизни ученых и других замечательных людей [Wild 2001; Beugnot 1981].

Последние книги, озаглавленные «*loci communes*» («общие места»), вышли в начале XVIII века и были составлены преимущественно из библейских текстов и юридической литературы. Однако составление заметок с использованием принципов «общих мест» сохранялось гораздо дольше на народных языках — до XIX века и даже позже⁸⁵. Соответствующий жанр печатной книги также сохранился, хотя и с некоторыми преобразованиями, в виде словарей наук и искусств, появившихся в первой половине XVIII века и предлагавшихся читателям, как убедительно доказал Ричард Йо, в качестве готовых тетрадей общих мест, которые позволят им «вспомнить ранее прочитанное или исследовать темы, лежащие за пределами их нынешних знаний» [Yeo 2001: 116]. Содержимое этих произведений было расположено в алфавитном порядке, как и во многих «тетрадах общих мест», но основное внимание уделялось недавним достижениям, особенно в области науки, а не классическим цитатам и сведениям о культуре, как в собраниях, о которых писал Ноде.

Из новых жанров на народных языках самую непосредственную преемственность с латинскими предшественниками можно отметить у толковых словарей. Антуан Фюретьер, опубликовавший в 1690 году первый из толковых словарей новой волны (за которым последовали «Словарь Французской академии» в 1694 году и «Словарь Треву» в 1704 году), открыто сравнивал стоявшую перед ним задачу с задачами авторов латинских словарей и ссылался на своих предшественников, в том числе Робера и Анри Этьеннов. Фюретьер признавал, что составить словарь на родном языке проще, чем на мертвом; в то же время словарь современного языка должен представлять язык в его целостности,

⁸⁵ Об устойчивости практики составления тетрадей общих мест см. [Havens 2001; Herrick 1998]. Эдит Уортон, Э. М. Форстер, Кэтрин Мэнсфилд и У. Х. Оден вели такого рода тетради; в США им на смену в XIX веке пришли альбомы для вырезок. О начале составления тетрадей общих мест на народных языках в раннее Новое время см. [Moss 2005: 47–48].

включая разговорную речь, чего никто не ждет от словаря мертвого языка [Furetière 1690: предисловие, сигн. *[4]r-v; Merlin 2003]. Стараясь не отставать от самого распространенного латинского словаря — «Калепина», — Фюретьер также заявлял, что его словарь представляет энциклопедический интерес. Он обещал читателям словарь, лишенный привычной сухости, но отличающийся большим разнообразием материалов, с примерами из истории, цитатами из источников, а также «сотней примечательных фактов из естествознания, экспериментальной физики и практических искусств»: «Вы научитесь [здесь] не только словам, но и бесконечному количеству вещей, принципам, правилам и основам искусств и наук» [Furetière 1690: сигн. *3v]. Новый словарь национального языка имел не менее энциклопедический характер, чем «Калепин». По этой причине иезуиты решили выпустить конкурирующее издание, известное как «Словарь Треву» (*Dictionnaire de Trévoux*), в котором книга Фюретьера предстала очищенной от любых следов симпатии к протестантизму или инакомыслию [Miller A. 1994]⁸⁶.

Появлением новых биографических словарей мы также обязаны словарям имен собственных, фокусировавшихся на античной истории, которые многократно переиздавались вплоть до 1686 года, когда вышло последнее издание «*Dictionarium historicum ac roeticum*» Шарля Этьенна. Напротив, биографические словари на народных языках, которые стали появляться с середины XVII века, уделяли внимание в основном деятелям недавнего прошлого, и их авторы черпали материал из так называемых «похвальных слов» (*éloges*) значимым представителям различных профессий, дисциплин или регионов⁸⁷. «*Grand dictionnaire his-*

⁸⁶ О важном произведении-конкуренте — «*Dictionnaire de l'Académie*» («Словаре Французской Академии») — см. [Quemada 1998].

⁸⁷ См., например: Lorenzo Cresso. *Elogi d'huomini letterati*. Venezia, 1666. О французских жизнеописаниях философов см. [Ribard 2002: гл. 4]. О похоронных речах как источнике немецких «*Gelehrtenlexika*» см. [Nelles 2000: 56]. Более общие сведения см. в [Yeo 2001: 17–18; Yeo 1996]. Уже в Средние века имелись сборники жизнеописаний святых, врачей, известных людей, которые не были, однако, организованы как справочные издания.

torique» Луи Морери (1674) стал первым биографическим словарем на национальном языке, а его составитель посвятил больше страницы перечню своих предшественников, включающему также Шарля Этьенна. Имя Морери, как и Калепино, стало названием бренда, книги под которым печатались по всей Европе (с множеством дополнений), вплоть до выхода двадцать четвертого издания в 1759 году, и остаются важнейшим источником биографической информации о персоналиях раннего Нового времени [Miller A. 1981: 15–24]. Хорошо известно, что Пьер Бейль начал составление своего «Dictionnaire historique et critique» с исправления ошибок, содержавшихся в «Морери» и других публикациях. Однако затем Бейль далеко отошел от своего первоначального замысла и издал весьма необычный труд, как по содержанию, так и по форме. Многие из статей в нем были короткими, изобиловали фактами и охватывали без какой-либо системы как библейских и античных деятелей, так и авторов недавнего прошлого (включая, например, Спинозу, что было довольно необычно). В примечаниях первого уровня, которые во многих случаях оказывались гораздо пространнее самой статьи, Бейль оценивал, часто критически, поведение соответствующей личности и приводил имеющиеся суждения о ней, а в примечаниях второго уровня давал ссылки на источники. Хотя в «Морери» содержалось гораздо больше постоянно пополняемой биографической информации, примечательность подхода Бейля объясняет устойчивость его текста, пережившего множество изданий, и огромную востребованность его словаря во Франции XVIII века, где Бейля читали как предтечу философов [Van Lieshout 2001: 104, 256]. Читатели Библиотеки Мазарини наперебой пытались получить доступ к томам словаря в 1715 году, и труд Бейля стал одним из самых частых приобретений для книжных собраний, если судить по данным 500 инвентарных книг парижских библиотек за 1750–1780 годы [Gasnault 1988: 143]⁸⁸.

⁸⁸ О владельцах этого издания см. [Mornet 1910: 460]. О том, как читали словарь Бейля парижане, см. [Labrousse 1987].

Словари искусств и наук, от «Циклопедии» Чеймберса (1738) до «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера (1751–1780), обычно рассматриваются в качестве непосредственной модели современных энциклопедий. Успех составленного Эфраимом Чеймберсом двухтомного изложения различных областей науки, статьи которого, как длинные, так и краткие, были расположены по алфавиту, побудил французского издателя поручить его перевод на французский язык Дени Дидро, начинающему писателю, искавшему работу. Вышедший много лет спустя результат работы превосходил двухтомник Чеймберса и по объему, и по амбициозности замысла: семнадцать томов с текстом формата in-folio и одиннадцать томов иллюстраций, в подготовке которых приняли участие 140 выявленных авторов (большинство из которых в то время работали анонимно). «Энциклопедия» установила стандарты одноименного жанра, преобладавшие в Новое время: многотомное, иллюстрированное справочное издание, написанное множеством авторов, с алфавитным расположением статей. Однако в XVIII веке книга оказалась примечательной вовсе не благодаря своему формату. Хотя «Энциклопедия» представляла собой эклектическую смесь статей, в том числе вполне традиционных, которые копировались иногда из других источников, многие ее статьи были написаны известными философами эпохи Просвещения — не только Дидро и д'Аламбером, но также в числе прочих Монтескье, Тюрго и Вольтером. Эти статьи часто были пронизаны критикой Церкви и государства, в соответствии с планом философов реформировать общество через убеждение представителей элиты. «Энциклопедия» была допущена к печати несмотря на этот дерзкий настрой благодаря различным манипуляциям, позволившим его завуалировать: например, критика пряталась внутри безобидных с виду статей; авторов, которые считались опасными, забывали назвать по имени, хотя их идеи излагались в тексте; перекрестные ссылки использовались для создания тенденциозных ассоциаций. Хотя «Энциклопедия» после выхода первого тома печаталась за пределами Франции, она широко читалась французами благодаря трудностям с исполнением цензурных указаний: с одной стороны, сам главный

цензор симпатизировал проекту, с другой — была налажена хорошо организованная сеть по производству книг за рубежом и их контрабанде во Францию⁸⁹.

Успех и слава «Энциклопедии» привели к взрывному росту числа энциклопедий (как специализированных, так и общих) по всей Европе. Некоторые из них явным образом были идеологически ангажированы в пользу философов, либо против них, другие же составлялись с очевидным упором на информационную составляющую [Didier 1996]⁹⁰. Вслед за образцовым трудом Дидро, энциклопедии становились длиннее, к их созданию всё чаще привлекали множество авторов, текст снабжали иллюстрациями. До 1800 года вышло еще несколько энциклопедических изданий формата in-folio, однако после окончания XVIII века энциклопедии практически всегда печатались в меньшем формате [Rétat 1984: 189; Kafker 1994b: 391–392]⁹¹. Среди них «Британская энциклопедия» (1768–1771), опубликованная в трех томах формата in-quarto Уильямом Смелли, который вернулся к более ранней модели составления таких трудов одним компилятором. «Британника» единственная из энциклопедий XVIII века стала брендом, новые издания под которым следовали одно за другим, каждое было основано на предыдущем, но при этом существенно отличалось от него. С середины XIX столетия «Британника» стала задавать стандарт современной энциклопедии, и это влияние продолжалось весь XX век.

Предложенное д'Аламбером деление словарей на три вида не учитывало крупнейшее справочное издание XVIII века — «Uni-

⁸⁹ Чтобы составить представление об обширной библиографии, посвященной «Encyclopédie» и ее контексту, см. [Kafker 1988, 1996; Darnton 1979, 1982; Leca-Tsiomis 1999]. О перекрестных ссылках см. [Darnton 1985: 200]; о необъясненном использовании произведений Локка Жокуротом см. [Edelstein 2009: 15–16, прил. С].

⁹⁰ В 1762 году один из современников отметил, что немецкий термин «Enzyklopädie», почти не известный десятью годами ранее, стал очень популярен (Friedrich Molter. Kurze Enzyklopädie oder allgemeiner Begriff der Wissenschaften. Karlsruhe, 1762 (предисловие) (цит. в [Dierse 1977: 4])).

⁹¹ «Encyclopédie méthodique» (1782–1832) состояла из 158 томов текста и 51 тома иллюстраций; в «Oekonomische Enzyklopädie» (1773–1858) было 242 тома.

versal-Lexicon» Иоганна Генриха Цедлера в 68 томах, публиковавшийся с 1732 по 1750 год и включавший в себя биографические статьи, а также статьи, посвященные географии, истории, науке и технологиям и даже лингвистическую информацию; таким образом, он сочетал в себе признаки всех трех жанров, которые д'Аламбер рассматривал отдельно. Цедлер брал с участников работы над словарем клятву хранить молчание, поэтому мы не знаем, сколько человек писали статьи; известно только имя редактора, нанятого Цедлером после 1738 года, Карла Гюнтера Людовичи, опубликовавшего четыре дополнительных тома (1751–1754) после смерти Цедлера. Включавший 67 млн слов «Универсальный лексикон» больше не издавался, но в справочных целях им пользуются до сих пор — как факсимильными изданиями, так и онлайн-версией. В отличие от «Великого театра» Бейерлинка, крупнейшие справочные издания XVIII века — «Универсальный лексикон» и «Энциклопедия» (содержавшая около 25 млн слов) — публиковались по подписке и частями на протяжении десятилетий⁹². Такой способ производства не позволял с точностью планировать, что будет в следующих томах, или корректировать более ранние статьи в свете более поздних. К обоим произведениям почти сразу по окончании издания вышли дополнительные тома, чтобы смягчить остроту этой проблемы. Однако и в них не было полного перечня статей, как у Бейерлинка в начале каждого тома.

Составители словарей искусств и наук Нового времени, как правило, не признавали модели, использовавшиеся в латинских

⁹² Лексикон Цедлера доступен онлайн. URL: <http://mdz10.bib-bvb.de/~zedler/zedler2007/index.html> (дата обращения: 15.09.2023). В [Quedenbaum 1977: 299] указано, что «Universal-Lexicon» состоит из 125 142 столбцов; таким образом, по моим оценкам, исходящим из восьми слов в строке и шестидесяти семи строк в столбце, «Лексикон» в общей сложности включает 67 076 112 слов. См. [Schneider 2004; Carels, Flory 1994]. Благодаря Мэтта Лоя за подсчеты для французской «Энциклопедии»: 19 104 страницы в двадцать одном (текстовом) томе, включая четыре тома дополнений; текст набран в два столбца, по семьдесят четыре строки на странице, по девять слов в строке.

справочных жанрах⁹³. Тем не менее трудно представить себе, чтобы публикация таких объемных, дорогих и сложных по своей структуре книг не учитывала опыт успешного издания и продажи большого количества более ранних компиляций. Расположение статей по алфавиту, использование тематических рубрик и макета страницы (с набором текста в столбцах и колоннитулами), облегчавшего использование книги в справочных целях, восходили к нововведениям, сделанным еще в Средние века. В печатных справочных изданиях раннего Нового времени эти аспекты были доведены до совершенства благодаря экспериментам с расположением и дополнением текстов, использовавшихся в справочных целях. Перекрестные ссылки были единственным из множества поисковых инструментов, появившихся впервые в ранних печатных справочниках и затем последовательно применявшихся в последующие эпохи. Д'Аламбер использовал иерархическую схему, чтобы представить читателям обзор иерархии и областей знания; при этом схема д'Аламбера, во многом напоминавшая схемы Цвингера и Альстеда, была сосредоточена на взаимосвязи между дисциплинами, в то время как Цвингер и Альстед глубоко погружались в частные аспекты отдельных тем. В энциклопедиях XVIII века обычно не было списков источников, перечней рубрик или общих указателей, однако в 1780 году Пьер Мушон опубликовал без разрешения Дидро отдельный указатель к «Энциклопедии» (в двух толстых томах), а в XIX веке такие указатели стали уже больше распространены [Mouchon 1780]. К сожалению, сегодня мы знаем удивительно мало о том, как производились энциклопедии XVIII века, — например, о том, как Дидро обращался с собственными заметками и текстами, а также статьями более чем ста других участников проекта. Нам также мало известно о том, как издатели передавали друг другу свой опыт управления такими масштабными проектами.

Термины, в которых создатели энциклопедий XVIII века обобщивали свою работу, были очень похожи на те, которыми

⁹³ Однако в «Deutsche Encyclopädie» (1778–1807) Альстед упоминается; см. [Goetschel et al. 1994: 268].

пользовались авторы латинских справочников. В предисловиях обычно с гордостью сообщалось о пользе предлагаемой работы, о том, что она содержит много информации, интересной широкому кругу читателей с разнообразными интересами. Многие также подчеркивали, что создание произведения потребовало больших трудов и взвешенного суждения. Коллективное авторство стало нормой, независимо от того, шла ли речь об одном авторе и нескольких помощниках или же о сотнях участников; в меньшей степени это относилось теперь к последовательным переизданиям одного произведения. В энциклопедиях XVIII века не было какого-либо единого подхода к участию в создании произведения множества авторов: Цедлер старался скрыть этот факт и никогда не указывал имена участников проекта, в то время как Дидро считал, что каждую статью следует подписать с помощью особой системы символов, к которой он может предоставить ключ. Дидро говорит о себе примерно так же, как говорили о себе компиляторы Средних веков и раннего Нового времени: они просто передают слова других и не несут за них ответственности. На практике осуществление проекта с коллективным авторством и коллективной ответственностью, по замыслу Дидро, осложняла цензура. Когда публикация издания во Франции была остановлена после появления первого тома, многие участники проекта больше не хотели быть названными в тексте, и кажется маловероятным, что Дидро последовательно обозначил собственное авторство, помечая статьи «звездочкой», как он обещал в предисловии. Возможно, он не сделал этого, чтобы читателям не бросалось в глаза, что большую часть статей в последних томах написал именно он⁹⁴. Еще больше осложняла идентификацию участников проекта тот факт, что некоторые особенно продуктивные участники привлекали помощников, которым полностью или частично поручали написание статей⁹⁵.

⁹⁴ О компиляторах XVIII века см. [Brot 2006: 87–93; Edelstein 2009]; об авторстве «Encyclopédie» — [Schwab 1969; Kafker 1988]. Искренне благодарю Фрэнка Кафкера за полезные разговоры на эту тему.

⁹⁵ Одного такого анонимного секретаря нанял Шевалье де Жакур; см. [Perla, Schwab 1971: 451].

Практика скрытого использования и открытой критики продолжала свое существование и в XVIII столетии. Так, например, Монтескье, утверждавший, что ненавидит компиляции, полагался на антологию Стобея по крайней мере при цитировании текстов в своих «Discours sur la sincérité» («Беседах об искренности», 1717) [Volpilhas-Augier 2003: 87]. Вольтер жаловался на умножение числа словарей, но сам при этом многократно переиздавал свой «Философский словарь», пользовавшийся хорошим спросом, а также при создании собственных работ вырезал и вставлял в новые места отрывки из собственной прозы и произведений других авторов⁹⁶.

Важнее всего то, что благодаря латинским справочным жанрам знание об инструментах и методах справочного чтения распространилось за пределы круга специалистов и стало достоянием образованной публики в целом. В XVIII веке больше не было необходимости, как это делали в XVI и XVII веках, включать в справочные издания специальные разъяснения о том, как пользоваться указателями. От читателей справочников XVIII века, содержавших указатели, ожидалось также знакомство с использованием расположенных по алфавиту рубрик и перекрестных ссылок. Разумеется, справочные издания никогда не диктовали читателям, как именно следует их читать. Изучение одного из экземпляров «Энциклопедии», снабженного читательскими заметками, позволило предположить, что один и тот же читатель читал его как последовательно, так и в справочных целях, в разное время на протяжении тридцати лет, в течение которых ему принадлежала эта книга [Jouffroy-Gauja, Haechler 1997]. Распространение чтения в справочных целях можно также проследить по увеличению частотности терминов, описывающих эту практику. Конраду Гесснеру в 1551 году приходилось объяснять, что представляет собой использование книги для «consulere» (наведения справок), а в XVII веке понимание этого термина и его эквивалентов на национальных языках уже не вызывало никаких

⁹⁶ Вольтер, «Livre» (книга) в «Dictionnaire philosophique», цит. в [Désormeaux 2001: 61]. О методах сочинения Вольтера см. [Feret et al. 2007].

проблем. В 1653 году Георг Филипп Харсдёрффер не испытывал ни малейших угрызений совести по поводу того, что не читал книги от корки до корки. Он отмечал, что книги, не являющиеся учебниками, часто предназначаются для справок, используя при этом глагол, который остается в ходу до сих пор: *nachschlagen*. Энтони Вуд впервые использовал термин «look up» для обозначения обращения к книге в справочных целях в 1692 году. Словарь Фюретьера (1690) был первым из крупнейших французских словарей, в котором под словом «consulter» регистрировалось понятие «обращения к книге для справки»⁹⁷.

К XVIII веку появилось известное описание Сэмюэлом Джонсоном собственных методов работы, в котором он подчеркивал, что многим обязан библиотечным каталогам и указателям, поскольку стремился извлекать полезные для себя отрывки, не читая всю книгу целиком:

Знание бывает двух видов. Мы можем знать предмет сами или знать, где найти информацию о нем. Если у нас возникает вопрос по любому предмету, первое, что мы должны сделать, это понять, в каких книгах он уже рассматривался. Для этого нам придется просмотреть каталоги, а также пролистать последние страницы библиотечных книг [Boswell 1934, 2: 363] (цит. в [Kernan 1987: 213–214]).

Под последними страницами Джонсон, вероятно, имел в виду указатель в конце книги. Заявление Джонсона о такого рода книжном знании содержит отсылку к «*notitia litterarum*», которую отстаивал в своем «*Polyhistor*» Даниэль Георг Моргоф, и Джонсон, по имеющимся сведениям, определенно признавал эту связь. Джонсон находил рекомендацию некоего преподобного Герберта Крофта «читать до конца любые книги, которые начал читать», непрактичной и ненужной. Вместо этого он утверждал следующее: «Книга может быть ни на что не годной, или в ней может

⁹⁷ Georg Philip Harsdörffer. *Delitiae*. 1653, репринт 1990. P. 57 (цит. в [Zedelmaier 2001: 22]). «OED», s.v. «look» g. *Consulter*: «Il faut que je consulte mes Livres» [Furetière 1690: s.v. «consulter»].

быть только одна вещь, которую следует знать. Так должны ли мы читать ее от корки до корки?» [Boswell 1934, 4: 308]⁹⁸. Составляя свой словарь, Джонсон, как и многие авторы справочников прежде него, полагался на справочные инструменты. Нам известно, например, об одном случае, когда он использовал вместо оригинала указатель к «Клариссе», а «Циклопедию» Чеймберса он сам называл «справочником, за которым я тянусь в первую очередь»⁹⁹. Джонсон, разумеется, не был обычным читателем, своей необыкновенной деятельностью и успехами он заслужил особое восхищение современников. Одна из них, Мэри Ноулз, например, писала: «Он знает, как читать, лучше, чем кто-либо другой; он сразу проникает в самую суть книги, вырывает ее сердце» [Boswell 1934, 3: 284–283] (обсужд. в [Lipking 1991: 159]).

Предложенные Джонсоном методы чтения для расширения кругозора и чтения в справочных целях могут служить примером сжатого представления современных методов организации информации. Сегодня эти принципы знакомы всем, кто занимается исследовательской деятельностью, обращаясь к книгам и электронным ресурсам, с поправкой на появление за прошедшие 250 лет новых медиа и множества усовершенствований в поисковых инструментах, а также новых техник хранения и поиска информации. Вряд ли можно найти единственное объяснение появлению практик, понятий и терминов, связанных с управлением информацией, которые используются в наши дни, но очевидно, что объемные справочные издания на латыни, появившиеся с 1500 по 1700 год, сыграли важную роль в передаче и преобразовании средневековых техник, оказавшихся удобными для компиляторов, издателей и читателей раннего Нового времени.

⁹⁸ О том, чем Джонсон обязан Моргофу, см. [Boswell 1835, 2: 336–337], Приложение 2: перепечатка репортажа из «New Monthly Magazine» (декабрь 1818), обсуждение в [Evans 1977: 143].

⁹⁹ W.R. Keats «Two Clarissas in Johnson's Dictionary» (1937), цит. в [DeMaria 1997a: 89, 100].

Эпилог

Многие методы организации информации и поисковые инструменты, играющие сегодня важную роль в информационной культуре, стали результатом формирования в XVIII веке стандартной формы энциклопедического труда. Историки полагают, что основной скачок в развитии информационных технологий для бизнеса и делопроизводства пришелся на период с 1870 по 1910 год. Именно в это время идеалом стала считаться объективная и контролируемая обработка информации, появились новые офисные технологии копирования и картотечного вертикального хранения, а также новые жанры в делопроизводстве, такие как меморандум¹. Новации в развитии справочных инструментов были предопределены продолжающимся накоплением публикаций, особенно в тех сферах научных исследований, которые предполагали активное использование более ранней литературы. Нередко инструменты, которые сегодня широко используются в большинстве академических дисциплин, начали свое развитие в рамках химии — научной области, исследователи которой могли «вернуться на шестьдесят лет назад и найти информацию, которая остается полезной сегодня». К таким инструментам относятся, например, реферативные журналы (начиная с их предшественников, выходивших в XVII и XVIII столетиях), третичные руководства к первичным и вторичным литературным источникам (такие, как, например, «Handbuch der Anorganischen Chemie» («Справочник по неорганической химии») Гмелина, впервые

¹ О развитии технологий до появления телеграфа см. [Headrick 2000]; о периоде от телеграфа до кремниевых процессоров, спутников и сотовой связи — см. [Feather 2004]. Об организации информации в офисе см. [Beniger 1986; Yates 1989]. О меморандумах см. [Guillory 2004].

напечатанный в 1817–1819 годах, а к 1870 году включавший уже десять томов), сводные указатели к журналам [Schofield 1999: 96]. Индекс цитируемости появился в разных науках в 1950-е годы и с самого начала использовался для оценки социологического и исторического влияния, а также научной значимости того или иного произведения: продвижение индексирования на рынке должно было окупить вложенные в него затраты [Trolley, O'Neill 1999; Wouters 1999]. Профессиональные разновидности этих технологий продолжают использовать и сегодня. Индекс Хирша применяется в некоторых сферах для автоматического расчета статуса исследователей.

Впрочем, история справочной литературы Нового времени охватывает не только те инструменты, которые продолжают активно использоваться в наши дни, пусть в новых формах и под новыми названиями, но также эксперименты в этой области, которые не увенчались успехом, несмотря на серьезные вложения человеческих и материальных ресурсов. В 1910–1934 годах Поль Отле и Анри Лафонтен создали в Брюсселе Mundaneum (город знаний), информационное хранилище, в котором на 12 млн карточек хранились данные, использовавшиеся сотрудниками, чтобы отвечать на вопросы, пришедшие по почте [Rayward 1975; Levie 2006]². В 1945 году Вэнивар Буш замыслил создание механической системы аннотирования, хранения и поиска информации, которую он назвал «memex». Сегодня многие считают интернет воплощением этой идеи, хотя имя Вэнивара Буша скорее важно для описания генеалогии сети интернет уже после ее появления, чем для непосредственного объяснения ее корней [Bush 1945]³. Единственным осязаемым результатом прозрения Буша стал прибор под названием «быстрый селектор», созданный Ральфом Шоу в 1949 году для автоматического поис-

² Благодаря Алекса Чисара за информацию об Отле.

³ Взвешенную оценку достижений Вэнивара Буша см. в [Buckland 2004]; об истоках сети интернет см. [Gillies, Cailliau 2000], а также вебсайт ее создателя Тима Бернерса-Ли. URL: <http://www.w3.org/People/Berners-Lee> (дата обращения: июль 2008).

ка документов на микрофильмах с помощью фотоэлемента, сличавшего введенный пользователем код запроса с кодом, нанесенным на микрофильм. После попытки использовать быстрый селектор для сортировки больших объемов документов, расскреченных после войны, Шоу счел прибор неудачным и написал, что книги остаются «по-прежнему самым эффективным инструментом для хранения и поиска информации». Однако предложенная Бушем концепция поиска информации по цепочкам личных ассоциативных связей каждого пользователя, а не по установленным заранее рубрикам, оказалась наиболее эффективно реализована в интернет-поисковиках (цит. по: [Varlejs 1999: 53; Yeо 2007a: 40 слл.]). Технология микрофильмирования в целом не оправдала энтузиазма, с которым ее встретили при начале использования в 1920-х годах: тогда она считалась окончательным решением проблемы хранения и поиска информации. Однако в 1990-е годы проект «Ранние английские книги в интернете» (Early English Books Online (EEBO)) и другие проекты, в рамках которых изображения с микрофильмов стали доступны онлайн, позволили извлечь пользу из масштабных вложений в изготовление микрофильмов, которые были сделаны десятилетия назад [Cadу 1999].

Стремительные изменения в технологиях, особенно в последние десятилетия, также позволили понять, иногда с горьким сожалением, как много человеческого труда было вложено в решение задач, которые вскоре устарели благодаря появлению компьютеров. Многие крупные проекты индексирования, запущенные в первой половине XX века, были завершены как раз к моменту их широкого распространения: например, сводная библиография публикаций по истории науки «Isis» была наконец составлена в 1984 году, в результате шестидесяти одного года коллективной работы [Whitrow 1999]. Контраст между ручным и современным компьютерным индексированием хорошо иллюстрирует история указателей к ранним изданиям «Quotations» Бартлетта. Для их составления группе из двадцати четырех человек потребовалось шесть месяцев, в то время как компьютерное индексирование современного издания занимает три часа. Таким

образом, трудозатраты снизились с примерно 19 200 часов в XIX веке до трех часов [Cochrane 1992: 13]⁴. Справочные инструменты устаревают не только с точки зрения их содержания, но и с точки зрения методов составления. Используемые сегодня практики и их результаты, несомненно, также быстро устареют.

И всё же справочная литература, которую ценой стольких финансовых затрат и трудов создавали предыдущие поколения, была — и остается сегодня — во многих отношениях полезной. В свое время эти книги служили важными инструментами, делавшими возможным решение различных задач или, по крайней мере, облегчавшими их решение, а также служившими моделями управления информацией, которые их пользователи могли воспроизводить в собственной практике записи и организации материала. Кроме того, их публикация демонстрировала наличие читательского спроса, что способствовало поиску новых решений различных задач управления информацией (хорошим примером может служить путь от «быстрого селектора» к «интеллектуальному анализу данных» в сфере автоматизированного поиска информации) [Menzies, Hu 2003]. Для историков справочная литература остается богатым и обширным полем для исследования культуры прошлого: ее материал дает сведения о знаниях, идеалах и методах работы авторов этих трудов в гораздо более отчетливой форме, чем источники других видов.

Из исторических исследований редко удается извлечь ясные уроки для настоящего. Историю организации текстовой информации с помощью личных заметок и печатных справочных изданий в 1500–1700 годах можно представить как повествование об падении с высот великой учености к преобладанию легких путей и субститутов первоисточников, а можно наоборот — как рассказ о триумфальном шествии новых методов, которые становились всё демократичнее и одновременно всё более сложными. Аналогичным образом, среди тех, кто рассуждает о процессах в инфор-

⁴ Приведенное мною количество часов, затраченных на работу, возможно, занижено, так как я исходила из современных стандартов восьмичасового рабочего дня и пятидневной рабочей недели.

мации, происходящих в наши дни или грядущих в будущем, громче всех звучат голоса, с одной стороны, тех, кто предсказывает апокалиптические сценарии, а с другой — горячих сторонников развития информационных технологий. Я попыталась отстраниться от обеих крайностей, хотя склоняюсь скорее к позиции оптимистов, поскольку уверена, что новые исследовательские инструменты и технологии могут одновременно повысить продуктивность осмысленной научной деятельности и расширить доступ к знаниям широкой аудитории. Нарратив об упадке использовался столетиями и остается привлекательным сегодня, однако его скорее стимулирует общая беспокойная обстановка, чем какие-то конкретные изменения. Впрочем, учитывая долгую историю этого нарратива, в современных обстоятельствах он кажется не более уместным, чем в эпоху Возрождения или в Средние века, когда он воспроизводился наиболее активно [Starn 1975].

У технологий по-прежнему есть ограничения. В моей сфере деятельности не существует инструментов, которые заменили бы субъективное глубокое знание предмета исследования и способность к тщательной оценке материала на основании понимания контекстов. Человеческое внимание — один из наших самых ценных ресурсов, и многие игроки сражаются за него, предлагая беспрецедентный ассортимент программного обеспечения и электронных устройств. Несмотря на то что функция хранения информации была делегирована другим носителям, человеческая память по-прежнему играет ключевую роль при определении того, на какой объект, когда и в какой мере будет направлено внимание индивида. Равным образом, способность к суждению по-прежнему играет основную роль при отборе, оценке и обобщении информации для ответственного формирования знаний. Сейчас как никогда нам доступно много возможностей, позволяющих довольствоваться недостоверной или неполной информацией и положиться на краткие описания (сниппеты), которые выдает поиск в сети интернет, не вникая в соответствующий контекст [Levy 2001: 101–103]⁵. В отличие от справочников

⁵ О деконтекстуализации см. [Mayer-Schönberger 2009: 78].

раннего Нового времени, которые критиковали за то, что они не всегда содержали материал по интересующей теме, интернет-поиск выдает результаты в любом случае. Вопрос лишь в том, достаточно ли хороши эти результаты и насколько они зависят от наших навыков по оптимизации параметров поиска и оценке результатов. Эти навыки сами по себе требуют постоянного оттачивания и усовершенствования в ответ на изменения поисковых систем и доступных для поиска материалов. Если продвинутому пользователю справочников раннего Нового времени необходимо было быть знакомым с достаточно устойчивым, каноническим набором цитируемых авторов и поисковых инструментов, то опытный пользователь сети интернет обязан непрерывно оценивать увеличивающийся ассортимент материалов, которые могут выдаваться в качестве результатов поиска, от сайтов онлайн-магазинов до блогов, от ресурсов государственных ведомств до продуманных разработок скамеров. С оцифровкой огромных объемов печатного материала чрезвычайно полезным (и, вероятно, всё более трудным для молодых поколений) становится понимание инструментов и категорий мира печатной книги, в том числе справочной литературы, библиотечных каталогов, указателей и условностей разных жанров, которые оказываются размытыми или незаметными при их представлении в электронном виде.

Будучи историком, я испытываю беспокойство относительно нашей способности обращаться к старым источникам, пребывавшим в забвении на протяжении жизни одного или многих поколений. Эта способность в прошлом часто доказывала свою продуктивность. Она пригодилась и гуманистам эпохи Возрождения, заново открывавшим средневековые рукописи античных текстов, и генетикам, читавшем работы Менделя десятилетия спустя после их первой публикации, и историкам. Сейчас, когда мы склонны хранить бóльшую часть своих данных на электронных носителях, появляется риск исключения из цепочки передачи информации всего, что не обновляется регулярно в новых форматах, поскольку можно ожидать, что и программное обеспечение, и электронные устройства успеют не один раз

устареть даже на протяжении одной жизни. Однако ученые, в особенности историки, продолжают ставить новые вопросы к старым материалам, пусть даже эти материалы кажутся другим бесполезными или уже достаточно изученными. Например, справочники XVI и XVII веков, написанные на мертвом языке старой культуры и сосредоточенные на проблематике еще более отдаленной культуры, на протяжении веков продолжают изучать в разных аспектах: языковые словари — в поисках определений и интересных примеров, исторические — чтобы перенести в современные издания статьи о персоналиях, которые не были включены в них раньше. Использование флорилегиев и тетрадей общих мест не так заметно, поскольку прямого развития эти жанры не получили.

Ранние справочные издания по сей день остаются эффективными рабочими инструментами. Издателям текстов раннего Нового времени очевидна ценность этих трудов, дающих возможность свериться с источниками в том виде, в котором они существовали в прежнее время, а не с их современными версиями, чтобы оценить и истолковать произведение в адекватном историческом контексте. Специалистам по интеллектуальной истории полезно понимать методы работы и инструменты, использовавшиеся авторами, которых они изучают. Поисковые устройства и визуальное представление информации в справочных трудах дают множество способов изучить интеллектуальный ландшафт времен их создания. Я постаралась показать, что новолатинская справочная литература представляла собой результат совместного труда нескольких поколений ученых, составлявших заметки на основе тщательного изучения античных текстов и комментариев к ним, который был представлен с продуманной отсылкой к вопросам общественного блага и разнообразию читательских интересов. Помимо решения задач, эксплицитно заявленных в этих трудах, справочные сочинения способствовали выработке новаторских методов организации текстовой информации в эпоху стремительного роста числа публикаций, так что именно им мы во многом обязаны методами чтения и обработки информации, которые используются нами до сих пор.

Перечень процитированных источников

РУКОПИСНЫЕ ПЕРВОИСТОЧНИКИ

Базель, Университетская библиотека:

Теодор Цвингер. Рукописное наследие. Frey Mscr 113. Mscr FIX 7a.

Кембридж, Библиотека Кембриджского университета:

Аноним. Указатель (XIV в.), прибавление к сочинениям Роберта Килуордби: *Tabulae super originalia*, *Tabula super sententias*. Pembroke College. MS 39.

Аноним. Указатель к различным богословским сочинениям, 1628. MS Gg.i.28.

Фома Ирландский. *Manipulus florum*. MS Ff.vi.35.

Лондон, Британская библиотека:

Джон Ивлин. Различные заметки. MS Add 15950.

Париж, Библиотека Мазарини:

Каталоги Библиотеки Мазарини. MSS 4134–4137, MSS 4138–4145.

Жан-Николя де Траляж. Заметки. MS 4299.

Париж, Национальная библиотека Франции (BnF):

Ad Abraham Ortelii *Theatrum geographicum index* a Gregorio Mariette concinnatus. MS Latin 14351–14353.

Анри де Мем, Эксцерпты. MS Add Lat. 8726.

Жан де Отфюме. Указатель к сочинению Винсента из Бове «*Speculum historiale*». MS Lat 14355, 14356.

Цюрих, Центральная библиотека:

Конрад Гесснер, Рукописное наследие. MS C 50a: различные рукописи Гесснера.

MS S 204a, 204b, 204c: *Thesaurus medicinae practicae e Conradi Gesneri schedis autographis et celeberrimorum sui aevi medicorum epistulis, consiliis scriptis propriaque experientia et observatione collectus a Casparo Wolphio Phys. Prof, et archiatro Zuriceri*, 1596.

ПЕЧАТНЫЕ ПЕРВОИСТОЧНИКИ

Авл Геллий 2007 — Авл Геллий. Аттические ночи. Книги I–X / пер. с лат., под ред. А. Я. Тыжова. Санкт-Петербург: Гуманитарная академия, 2007.

Бэкон 1977 — Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1977.

Гиппократ 1936 — Гиппократ. Избранные книги / пер. В. И. Руднева. Москва: Гос. изд-во биол. и мед. лит-ры, 1936.

Декарт 1989 — Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 1 / Сост., ред. В. В. Соколов. Москва: Мысль, 1989.

Плиний Младший 1984 — Плиний Младший. Письма / изд. подгот. М. Е. Сергеевко, А. И. Доватур. 2-е изд. М.: Наука, 1984.

Alembert 1995 — d'Alembert J. Preliminary Discourse / tr. Richard N. Schwab. Chicago: University of Chicago Press, 1995.

Alexander ab Alexandra 1539 — Alexander ab Alexandra. *Genialium dierum libri sex*. Paris: J. Roigny, 1539.

Al-Juzajani 1974 — Al-Juzajani. The Life of Ibn Sina / ed. and tr. William E. Gohlman. Albany: State University of New York Press, 1974.

Alsted 1610 — Alsted J. *Consiliarius academicus et scholasticus, id est methodus formandorum studiorum*. Strasbourg: L. Zetznerus, 1610.

Alsted 1616 — Alsted J. *Orator, sex libris informatus*. Herborn: Corvinus, 1616.

Alsted 1641 — Alsted J. H. *Prodromus religionis triumphantis*. Gyulafehérvár, 1641.

Alsted 1653 — Alsted J. *Loci communes theologici perpetuis similitudinibus illustrati*. Frankfurt: I. Pressius, 1653.

Alsted 1989 — Alsted J. *Encyclopedia septem tomis distincta* (Herborn, 1630). Факсимильное издание: Stuttgart-Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog, 1989.

Amantius 1556 — Amantius B. *Flores celebriorum sententiarum Graecarum et Latinarum*. Dilingen: Mayer, 1556.

Araoz 1631 — Araoz F. *De bene disponenda bibliotheca*. Madrid: ex officina Francisci Martinez, 1631.

Bacon 1868 — Bacon F. *The Works of Francis Bacon*: 14 vols / ed. James Spedding, Robert Leslie Ellis, Douglas Denon Heath. London: Longmans, Green, 1868.

Bacon 2001 — Bacon F. *Advancement of Learning*. New York: Modern Library, 2001.

Bacon 2002 — Bacon F. *Essays // Francis Bacon. The Major Works* / ed. Brian Vickers. Oxford: Oxford University Press, 2002.

Baillet 1685 — Baillet A. *Jugemens des sçavans sur les principaux ouvrages des auteurs*. Paris: A. Dezallier, 1685.

Baillet 1987 — Baillet A. *La vie de Monsieur Descartes* (Paris, 1691). 2 vols. Факсимильное издание: New York: Garland Publishing, 1987.

Balbi 1971 — Balbi G. *Catholicon*. Westmead, Eng.: Gregg International, 1971.

Bale 1902 — Bale J. *Index Britanniae scriptorum...* John Bale's Index of British and Other Writers / ed. Reginald Lane Poole with Mary Bateson. Oxford: Clarendon Press, 1902.

Bale 1971 — Bale J. *Scriptorum illustrium Maioris Brytanniae catalogus*: Basle 1557, 1559. Farnborough, Hampshire: Gregg International Publishers, 1971.

Barthius 1624 — Barthius C. *Adversariorum commentariorum libri lx*. Frankfurt: D. Wechel, D. Aubry, C. Schleichius, 1624.

Bartholinus 1676 — Bartholinus Th. *De libris legendis dissertationes vii*. Copenhagen: D. Paul, 1676.

Bartholinus 1691 — Bartholinus Th. *Catalogus librorum...* Thomae Bartholini. Copenhagen: Bockenhoffer, 1691.

Bartholomaeus Anglicus 2007 — Bartholomaeus Anglicus. *De proprietatibus rerum* / ed. Christel Meier et al. Turnhout: Brepols, 2007.

Bayle 1740 — Bayle P. *Dictionnaire historique et critique*. Amsterdam: Brunel et al., 1740.

Beyerlinck 1608 — Beyerlinck L. *Apophthegmata christianorum*. Antwerp: Plantin, 1608.

Beyerlinck 1666 — Beyerlinck L. *Magnum theatrum vitae humanae ... ad normam Polyanthae universalis dispositum*. 8 vol. Lyon: Huguetan, Ravaud, 1666. (Первая публикация — 1631.)

Boccaccio 1915 — Boccaccio G. *Lo zibaldone boccaccesco Mediceo Laurenziano plut. xxix-8*. Facsimile / ed. Guido Biagi. Firenze: Leo Olschki, 1915.

Bodin 1597 — Bodin J. *Universae naturae theatrum*. Frankfurt: Wechel, 1597.

Bodin 1945 — Bodin J. *Method for the Easy Comprehension of History* / tr. Beatrice Reynolds. New York: Columbia University Press, 1945.

Bodin 1979 — Bodin J. *Six Bookes of a Commonweale* / ed. Kenneth McRae. New York: Arno Press, 1979.

Bonaventure — Bonaventura. *Commentaries on the Sentences of Peter Lombard, 1250–1252*. URL: <http://www.franciscan-archive.org/bonaventura/opera/bono1001.html> (дата обращения: 14.09.2023).

Boschet 1691 — [Boschet A.]. *Reflexions sur les jugemens des sçavans, envoyées à l'auteur par un académicien*. La Haye: Arnout Leers, 1691.

Boswell 1835 — Boswell J. *The Life of Samuel Johnson... to which are added anecdotes... by various hands*. 10 vols. London: John Murray, 1835.

Boswell 1934 — Boswell J. *Boswell's Life of Johnson*: 6 vols / ed. G. B. Hill. Oxford: Clarendon Press, 1934.

Bouhours 1988 — Bouhours D. *La manière de bien penser dans les ouvrages de l'esprit* / ed. Suzanne Guellouz. Toulouse: Atelier de l'Université de Toulouse-Le Mirail, 1988. (Первая публикация — 1687.)

Boyle 1661 — Boyle R. *Some Consideration Touching the Style of the H. Scriptures*. London: H. Herringman, 1661.

Boyle 1999–2000 — Boyle R. *Works of Robert Boyle*: 14 vols / ed. Michael Hunter and Edward B. Davis. London: Pickering and Chatto, 1999–2000.

Brant 1944 — Brant S. *The Ship of Fools* (Narrenschiff) / tr. and ed. Edwin H. Zeydel. New York: Columbia University Press, 1944.

Brinsley 1627 — Brinsley J. *Ludus literarius: or, The grammar schoole*. London: F. Kyngston for J. Bill, 1627.

Brunet 1810 — Brunet J. *Manuel du libraire*. Paris: Brunet, Leblanc, 1810.

Burton 1927 — Burton Th. *The Anatomy of Melancholy* / ed. Floyd Dell and Paul Jordan-Smith. New York: Tudor Publishing, 1927.

Bury 1970 — Bury R. de. *Philobiblon* / tr. E. C. Thomas. Oxford: Blackwell, 1970.

Byrd 2001 — Byrd W. *The Commonplace Book of William Byrd II of Westover* / ed. Kevin Borland, Jan Kirsten Gilliam, and Kenneth A. Lockridge. Chapel Hill: University of North Carolina Press for the Omohundro Institute of Early American History and Culture, 2001.

Caccialupi 1510 — Caccialupi G. B. *Tractatus de modo studendi*. 2 vol. Pavia: J. de Burgofranco, 1510.

Calepino 1554 — Calepino A. *Ambrosii Calepini dictionarium*. Genève: R. Estienne, 1554.

Calepino 1616 — Calepino A. *Dictionarium undecim linguarum*. 2 vol. Basel: Henricpetri, 1616.

Calepino 1718 — Calepino A. *Septem linguarum Calepinus hoc est lexicon latinum, variarum linguarum interpretatione adjecta* / ed. Jacobus Facciolatus. Padua: ex typographia Seminarii, 1718.

Calepino 1746 — Calepino A. *Septem linguarum Calepinus*. Padua: ex typographia Seminarii, 1746.

Callimachus 1949–1953 — Callimachus / ed. Rudolf Pfeiffer. 2 vols. Oxford: Clarendon, 1949–1953.

Caramuel Lobkowitz 1988 — Caramuel Lobkowitz J. *Theologia praetentionalis... Est theologiae fundamentalis tomus IV* (Lyon, 1664). Факсимильное издание: V. Romani. Il “syntagma de arte typographica” di Juan Caramuel ed altri teste secenteschi sulla tipografia e l'edizione. Manziana: Vecchiarelli editore, 1988.

Cardano 1643 — Cardano G. *De propria vita liber*. Paris: J. Villery, 1643.

Cardano 2002 — Cardano G. *The Book of My Life* / tr. Jean Stoner; ed. Anthony Grafton. New York: New York Review of Books, 2002.

Casaubon 1999 — Casaubon M. *Generall Learning: A Seventeenth-Century Treatise on the Formation of the General Scholar* by Meric Casaubon / ed. Richard Serjeantson. Cambridge: RTM Publications, 1999.

Cassiodorus 2003 — Cassiodorus. *Institutions of Divine and Secular Learning, and On the Soul* / tr. James Halporn. Liverpool: Liverpool University Press, 2003.

Chavigny 1920 — Chavigny P. *Organisation du travail intellectuel: Recettes pratiques à l'usage des étudiants de toutes les facultés et de tous les travailleurs*: 5. éd. Paris: Librairie Delagrave, 1920.

Clément 1635 — Clément C. *Musei sive bibliothecae tam privatae quam publicae extractio, instructio, cura, usus*. Lyon: sumptibus J. Prost, 1635.

Cognatus 1535 — Cognatus G. *Oikéτης sive de officio famulorum*. Paris: Wechel, 1535.

Colle 1618 — Colle I. *De idea, et theatro imitatricium et imitabilium ad omnes intellectus, facultates, scientias et artes: Libri aulici*. Pesaro: I. Boatius, 1618.

Comenius 1986 — Comenius J. A. *Opera omnia*. Praha: Academia, 1986.

Crassot 1630 — Crassot J. *Institutiones absolutissimae, in universam Aristotelis Philosophiam*. Paris: D. Thierry, 1630. (Первая публикация — 1617.)

Davis 2004 — Davis N. (ed.) *Paston Letters and Papers of the Fifteenth Century*. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Descartes 1996 — Descartes R. *Recherche de la verité par la lumière naturelle // Oeuvres de Descartes* / éd. par Charles Adam et Paul Tannery. Vol. 10. Paris: Vrin, 1996. P. 495–532.

Diderot, d'Alembert 1966 — Diderot D., d'Alembert J. *Encyclopedié*. 35 vol., 1751–1780. Vol. 4. Факсимильное издание: Stuttgart-Bad Cannstatt: Frommann, 1966.

Diogenes Laertius 1938 — Diogenes Laertius. *Lives, Teachings, and Sayings of Eminent Philosophers* / tr. R. D. Hicks. 2 vols. Cambridge: Harvard University Press, 1938.

Dolet 1536 — Dolet E. *Commentariorum linguae latinae tomus primus*. 2 vol. Lyon: Gryphius, 1536.

Doni 1551 — Doni A. F. *La secunda libraria del Doni*. Venezia, 1551.

Dotson 1994 — Dotson J. E. (tr. and intr.) *Merchant Culture in Fourteenth-Century Venice: The Zibaldone da Canal*. Binghamton, NY: Medieval and Renaissance Texts and Studies, 1994.

Draud 1625a — Draud G. *Bibliotheca classica*. Frankfurt: B. Ostern, 1625.

Draud 1625b — Draud G. *Bibliotheca exotica*. Frankfurt: B. Ostern, 1625.

Drexel 1638 — Drexel J. *Aurifodina artium et scientiarum omnium; excerptendi sollertia*. Antwerp: vidua Ioannis Cnobbari, 1638.

Dupuy 1679 — Dupuy P., Dupuy J. *Catalogus Bibliothecae Thunae*. Paris, 1679.

Du Verdier 1585 — Du Verdier A. *La bibliothèque*. Lyon: B. Honorat, 1585.

Encyclopedia Britannica 1985 — *Encyclopedia Britannica*. 15th ed. Chicago: Encyclopedia Britannica, 1985.

Erasmus 1508 — Erasmus D. *Adagiorum chiliades tres*. Venezia: Aldus, 1508.

Erasmus 1515 — Erasmus D. *Adagiorum chiliades tres*. Basel: Froben, 1515.

Erasmus 1530 — Erasmus D. *Adagiorum omnium, tam graecorum quam latinorum aureum flumen, per Theodoricum Cortehoeuium selectum*. Antwerpen: Martinus Caesar, 1530.

Erasmus 1550 — Erasmus D. *Adagiorum chiliades quatuor*. Basel: Froben, 1550.

Erasmus 1551 — Erasmus D. *Adagiorum chiliades quatuor*. Basel: Froben, 1551.

Erasmus 1964 — Erasmus D. *The Adages of Erasmus: A Study with Translations* / tr. Margaret Mann Phillips. Cambridge: Cambridge University Press, 1964.

Erasmus 1978 — Erasmus D. *Collected Works of Erasmus*. Vol. 24: *Literary and Educational Writings: 2* / tr. and ed. Betty Knott and Brian McGregor. Toronto: University of Toronto Press, 1978.

Erasmus 2001 — Erasmus D. *The Adages of Erasmus* / tr. Margaret Mann Phillips, ed. William Barker. Toronto: University of Toronto Press, 2001.

Estienne Ch. 1553 — Estienne Ch. *Dictionarium historicum ac poeticum*. Paris: Ch. Estienne, 1553.

Estienne Ch. 1693 — Estienne Ch. *Dictionarium historicum, geographicum, poeticum: Gentium, hominum, deorum gentilium, regionum, insularum, locorum, civitatum, aequorum, fluviorum, sinuum, portuum, promontiorum ac montium, antiqua recentioraque, ad sacras et profanas historias, poetarumque fabulas intelligendas necessaria nomina*. Geneva: de Tournes, 1693. (Первая публикация — 1553.)

Estienne H. 1572 — Estienne H. *Thesaurus Linguae Graecae*. Genève: H. Estienne, 1572.

Estienne R. 1531 — Estienne R. *Dictionarium seu Latinae Linguae thesaurus*. Paris: R. Estienne, 1531.

Estienne R. 1536 — Estienne R. *Dictionarium*. 2. ed. Paris: R. Estienne, 1536.

Estienne R. 1541 — Estienne R. *Dictionarium propriorum nominum virorum, mulierum, populorum, idolorum, urbium, fluviorum, montium caeterorumque locorum*. Paris: R. Estienne, 1541.

Estienne R. 1553 — Estienne R. *Ambrosii Calepini dictionarium quarto et postremo ex R. Stephani latinae linguae thesauro auctum*. Genève: R. Estienne, 1553.

Fabian 1972–1978 — Fabian B. *Die Messkataloge des sechzehnten Jahrhunderts, 1564–1592*. 4 Bd. Hildesheim: Olms, 1972–1978.

Fichet 1649 — Fichet A. *Arcana studiorum omnium methodus et bibliotheca scientiarum librorumque earum ordine tributorum universalis*. Lyon: G. Barbier, 1649.

Franklin 1985 — Franklin B. *Autobiography* / ed. J. A. Leo Lemay and P. M. Zall. New York: W.W. Norton, 1985.

Fraunce 1906 — Fraunce A. *Victoria: A Latin Comedy* / ed. G. C. Moore Smith. Louvain: Uystpruyst, 1906.

Freigius 1582 — Freigius I. Th. *Paedagogus, hoc est libellus ostendens qua ratione prima artium initia pueris quam facillime tradi possint*. Basel: S. Henricpetri, 1582.

Frey 1674 — Frey J.-C. *Via ad divas scientias artesque linguarum notitiam, sermones extemporaneos, nova et expeditissima*. Arnstad: typis Meurerianis, 1674. (Первая публикация — 1628.)

Furetière 1690 — Furetière A. *Dictionaire universel, contenant generalement tous les mots françois tant vieux que modernes, et les termes de toutes les sciences et des arts*. Den Haag: Leers, 1690.

Gamier 1678 — Gamier J. *Systema bibliothecae Collegii Parisiensis Societatis Jesu*. Paris: Cramoisy, 1678.

Gassendi 1657 — Gassendi P. *The Mirrour of True Nobility and Gentility Being the Life of the Renowned Nicolaus Claudius Fabricius Lord of Peiresk* / tr. W. Rand. London: J. Streater for H. Moseley, 1657.

Gellius 1946 — Gellius A. *The Attic Nights*. 3 vols. / tr. John C. Rolfe. (Loeb Classical Library). Cambridge: Harvard University Press, 1946.

Georgi 1742 — Georgi Th. *Europäisches Bücher-lexikon*. Leipzig: Th. Georgi, 1742.

Gesner 1545 — Gesner C. *Bibliotheca universalis sive Catalogus omnium scriptorum locupletissimus, in tribus linguis, Latina, Graeca et Hebraica: Extantium et non extantium, veterum et recentiorum in hunc usque diem, doctorum et indoctorum, publicatorum et in bibliotheca latentium*. Zürich: Froschauer, 1545.

Gesner 1548 — Gesner C. *Pandectarum sive partitionum universalium... libri xxi*. Zürich: Froschauer, 1548.

Gesner 1549 — Gesner C. *Partitiones theologicae*. Zürich: Froschauer, 1549.

Gesner 1551a — Gesner C. *Elenchus scriptorum omnium, veterum scilicet ac recentiorum, extantium et non extantium, publicatorum atque hinc inde bibliothecis latitantium, qui ab exordio mundi usque ad nostra tempora in diversis linguis, artibus ac facultatibus claruerunt ac etiamnum hodie vivunt* / ed. Conradus Lycosthenes. Basel: Oporinus, 1551.

Gesner 1551b — Gesner C. *Historiae Animalium lib. I de Quadrupedibus viviparis*. Zürich: Froschauer, 1551.

Gesner 1559 — Gesner C. *Ioannis Stobaei sententiae ex thesauris Graecorum delectae*. Zürich: Froschauer, 1559.

Gesner 1577 — Gesner C. *Epistolarum medicinalium libri III*. Zürich: Froschauer, 1577.

Gesner 1583 — Gesner C. *Bibliotheca instituta et collecta primum a Conrado Gesnero... / ed. Iohannes Iacobus Frisius*. Zürich: Froschauer, 1583.

Gesner 1616 — Gesner C. *Onomasticon propriorum nominum virorum, mulierum, sectarum etc.* // Calepino, 1616. Basel: Henricpetri, 1616. (Первая публикация — 1544, предисловия были прибавлены в издании 1546 года.)

Gesner 1976 — Gesner C. *Vingt lettres à Jean Bauhin fils, 1563–1565* / tr. Augustin Sabot. Saint-Etienne: Publications de l'Université de Saint-Etienne, 1976.

Gross 1625 — Gross J. G. *Urbis Basil. Epitaphia et inscriptiones*. Basel: J. J. Genathi, 1625.

Grosseteste 1995 — Grosseteste. *Opera Roberti Grosseteste Lincolniensis* / ed. Philip W. Roseman. Vol. 1. Turnhout: Brepols, 1995.

Grotius et al. 1645 — Grotius H. et al. *Dissertationes de studiis instituentis*. Amsterdam: Elsevir, 1645.

Gruterus 1624 — Gruterus J. *Florilegium magnum seu polyanthea*. Strasbourg: Zetzner, 1624.

Guarino 2002 — Guarino B. *De ordine docendi et studendi* // *Humanist Educational Treatises* / ed. and tr. Craig Kallendorf. (I Tatti Renaissance Library). Cambridge: Harvard University Press, 2002. P. 260–309. (Первая публикация — 1459.)

Hartlib 2002 — Hartlib S. *The Hartlib Papers: A Complete Text and Image Database of the Papers of Samuel Hartlib (c. 1600–1662) Held in Sheffield University Library*. Sheffield: Online Humanities Research Institute, 2002.

Heyde 1931 — Heyde J. E. *Technik des wissenschaftlichen Arbeitens. Zeitgemäße Mittel und Verfahrensweisen: Eine Anleitung*. 3. Ausg. Berlin: Junker und Dünhaupt, 1931.

Hippocrates 1953 — Hippocrates. *Aphorisms* / tr. W. H. S. Jones. Cambridge: Harvard University Press, 1953.

Hoeniger 1575 — Hoeniger N. *Propugnaculum, castitatis et pudicitiae... tam virginum quam uxorum*. Basel: Henricpetri, 1575.

Hoole 1969 — Hoole Ch. *A New Discovery of the Old Art of Teaching Schoole*, 1660. Факсимильное издание: Menston, UK: Scolar Press, 1969.

Horne 1814 — Horne G. *An Abridgment of Drexelius* // *The Literary Diary*. London: Taylor and Hessey, 1814. P. 3–7.

Huet 1722 — Huet P.-D. *Huetiana ou pensées diverses de M. Huet*. Paris: J. Estienne, 1722.

Hugh of St. Victor 1961 — Hugh of St. Victor. *Didascalicon, a Medieval Guide to the Arts* / tr. Jerome Taylor. New York: Columbia University Press, 1961.

Hyde 1674 — Hyde Th. *Catalogus impressorum librorum Bibliothecae Bodleianae in Academia Oxoniensi*. Oxford: e Theatro Sheldoniano, 1674.

Ibn 'Abd Rabbih 2006 — Ibn 'Abd Rabbih. *The Unique Necklace* / tr. Issa Boullatta. Reading, UK: Garnet Publishing, 2006.

Ibn al-Nadīm 1970 — Ibn al-Nadīm, M. *The Fihrist of al-Nadīm: A Tenth-Century Survey of Muslim Culture* / ed. and tr. Bayard Dodge. New York: Columbia University Press, 1970.

Ibn Khaldūn 2005 — Ibn Khaldūn. *The Muqaddimah: An Introduction to History* / tr. Franz Rosenthal, abridged N. J. Dawood. Princeton: Princeton University Press, 2005.

Isidore of Seville 2006 — Isidore of Seville. *The Etymologies of Isidore of Seville* / tr. Stephen A. Barney [et al.]. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Jähiz 1969 — Jähiz. The Life and Works of Jähiz / ed. and tr. Charles Pellat. Berkeley: University of California Press, 1969.

John of Salisbury 1971 — John of Salisbury. The Metalogicon: A Twelfth-Century Defense of the Verbal and Logical Arts of the Trivium / tr. Daniel D. McGarry. Gloucester, MA: Peter Smith, 1971.

Johnson S. 2005 — Johnson S. Samuel Johnson's Unpublished Revisions to His Dictionary of the English Language / ed. Allen Reddick [et al.]. Факсимильное издание: Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Kâtip Çelebi 1835–1858 — Kâtip Çelebi. Lexicon bibliographicum et encyclopaedicum. 7 vol. / ed. and tr. Gustavus Fluegel. London: R. Bentley, 1835–1858.

Keckermann 1614 — Keckermann B. Consilium logicum de adornandis et colligendis locis communibus, rerum et verborum // Opera omnia. Vol. 2. Genève: Aubertus, 1614. Col. 220–242.

Kergerus 1658 — Kergerus M. Methodus excerpendi drexeliana succinctior. Antwerpen: Cnobbari, 1658.

Kirsten 1679 — Kirsten, Michael. Catalogus librorum. Hamburg: G. Rebenlinus, 1679.

La Croix du Maine 1584 — La Croix du Maine, F. de. Premier volume de la bibliothèque. Paris: l'Angellier, 1584.

La Mothe Le Vayer 1668 — La Mothe Le Vayer F. de. Observations diverses sur la composition et sur la lecture des livres. Paris: Louis Billaine, 1668.

Lange 1662 — Lange J. Anthologia sive Florilegium rerum et materiarum selectarum. Strasbourg: W. Ch. Glaser, 1662. (Впервые опубликовано под названием: Loci communes sive florilegium rerum et materiarum selectarum praecipuarum sententiarum, apophthegmatum, similitudinum, exemplorum, hieroglyphicorum. Strasbourg: Rihel, 1598.)

Leibniz 1951 — Leibniz G. W. Precepts for Advancing the Sciences and the Arts // Leibniz. Selections / ed. Philip Wiener. New York: Scribner's Sons, 1951. P. 29–46.

Leibniz 1959 — Leibniz G. W. Leibniz on His Calculating Machine / tr. Mark Kormes // A Source Book in Mathematics / ed. David Eugene Smith. Vol. 1. New York: Dover, 1959. P. 173–181.

Leutbreuer 1682 — Leutbreuer Ch. La confession coupée ou la méthode facile pour se préparer aux confessions particulières et générales. Paris: D. Thierry, 1682.

Liberius 1681 — Liberius Ch. Bibliophilia sive de scribendis, legendis et aestimandis libris exercitatio paraenetica. Utrecht: F. Halma, 1681.

Littre 1992 — Littre E. Comment j'ai fait mon dictionnaire / éd. Jacques Cellard. Arles: Editions Bernard Coutaz, 1992.

Locke 1686 — Locke J. Nouvelle méthode de dresser des recueils // Bibliothèque universelle et historique. 1686. Vol. 2. P. 315–359.

Lomeier 1669 — Lomeier J. De bibliothecis liber singularis. Zutphen: H. Beerren, 1669.

Lomeier 1962 — Lomeier J. A Seventeenth-Century View of European Libraries: Lomeier's De bibliothecis. Chapter X / ed. and tr. John Warwick Montgomery. (University of California Publications in Librarianship. Vol. 3). Berkeley: University of California Press, 1962.

Lorhard 1606 — Lorhard J. Ogdoas scholastica continens diagramphen typicam artium. Sankt Gallen: Straub, 1606.

Lorhard 1613 — Lorhard J. Theatrum philosophicum in quo artium ac disciplinarum philosophicarum plerarumque omnium... praecepta in perpetuis schematismis ac typis tanquam in specula, cognoscenda obiciuntur. Basel: C. Waldkirch, 1613.

Lycosthenes 1551 — Lycosthenes C. Elenchus scriptorum omnium. Basel: Oporinus, 1551.

Lycosthenes 1557 — Lycosthenes C. Prodigious ac ostentorum chronicon. Basel: Petri, 1557.

Lycosthenes 1998 — Conrad Lycosthenes. Apophthegmata et son annotation manuscrite. 2 vols / éd. and introd. Etienne Ithurria. Genève: Slatkine, 1998.

Lycosthenes 2007 — Lycosthenes C. Wunderwerck / Hrsg. Pia Holenstein Weidmann, Paul Michel. Zürich: Olms, 2007.

Maioli 1614 — Maioli S. Dies caniculares, hoc est colloquia tria et viginti physica. Mainz: J. Th. Schönwetter, 1614.

Malebranche 1993 — Malebranche N. Treatise on Ethics (1684) / tr. Craig Walton. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1993.

Martial 2006 — Martial. Valerii Martialis liber spectaculorum / ed. Kathleen M. Coleman. Oxford: Oxford University Press, 2006.

Martin 1706 — Martin G. Bibliotheca Bigotiana. Paris: J. Boudot, Ch. Osmond, G. Martin, 1706.

Martin 1711 — Martin G. Bibliotheca Bultelliana seu catalogus librorum Bibliothecae Caroli Bulteau. Paris: P. Giffart, G. Martin, 1711.

Martin 1738 — Martin G. Catalogus librorum bibliothecae... Comitum de Hoyon. Paris: G. Martin, 1738.

Martin 1746 — Martin G. Catalogue des livres de feu M. l'abbé d'Orléans de Rothelin. Paris: G. Martin, 1746.

Mather 1994 — Mather C. *The Christian Philosopher* / ed. Winton U. Solberg. Urbana: University of Illinois Press, 1994.

Melanchthon 1536 — Melanchthon Ph. *Loci communes theologici*. Wittenberg: P. Seitz, 1536. (Первая публикация — 1521.)

Ménage 1715 — Ménage G. *Menagiana ou bons mots et remarques critiques, historiques, morales et d'érudition de Monsieur Ménage, recueillies par ses amis*. 4 vol. / éd. Antoine Galland et al. 3 éd. Paris: Delaulne, 1715.

Mencke 1937 — Mencke J. B. *The Charlatanry of the Learned. De eharlataneria eruditorum, 1715* / tr. Francis E. Litz. New York: Alfred A. Knopf, 1937.

Mexía 1570 — Mexía P. *Diverses leçons de Pierre Messie*. Lyon: G. Cotier, 1570.

Mexía 1989 — Mexía P. *Silva de varia lección*. 2 vol. / ed. Antonio Castro. Madrid: Catedra, 1989.

Montaigne 1965 — Montaigne M. de. *The Complete Essays* / tr. Donald Frame. Stanford: Stanford University Press, 1965.

Montaigne 1988 — Montaigne M. de. *Essais*: 3 vol. / éd. Pierre Villey. Paris: Presses Universitaires de France, 1988.

Moréri 1759 — Moréri L. *Grand dictionnaire historique*. Paris: Les libraires associés, 1759.

Morhof 1731 — Morhof D. G. *De legendis, mutandis et excerptendis auctoribus: Libellus posthumus*. Hamburg: Ch. W. Brandt, 1731.

Morhof 1732 — Morhof D. G. *Polyhistor*. 3rd ed. Lübeck: P. Boeckmannus, 1732. (Первая публикация — 1688.)

Mouchon 1780 — Mouchon P. *Table analytique et raisonnée des matières contenues dans les XXXIII volumes du Dictionnaire des sciences, des arts et des métiers*. Paris: Panckoucke, 1780.

Muret 1559 — Muret M.-A. *Variarum lectionum libri VIII*. Venezia: J. Zilletus, 1559.

Nani Mirabelli 1503 — Nani Mirabelli D. *Polyanthea*. Savona: Da Silva, 1503.

Nani Mirabelli 1514¹ — Nani Mirabelli D. *Polyanthea*. Savona: Bibliaqua, 1514.

Naudé 1643 — Naudé G. *Bibliothecae Cordesiana catalogus*. Paris: Vitray, 1643.

Naudé 1903 — Naudé G. *Instructions Concerning Erecting of a Library* / tr. John Evelyn. Факсимильное издание: Cambridge, MA: Houghton Mifflin, 1903. (Первая публикация — 1661.)

¹ Другие издания см. *Polyanthea*.

Naudé 1963 — Naudé G. *Advis pour dresser une bibliothèque*. Leipzig: Edition Leipzig, 1963. (Первая публикация — 1627.)

Pancirolli 1629–1631 — Pancirolli G. *Rerum memorabilium sive deperditarum pars prior commentariis illustrata*. Frankfurt: G. Tampachius, 1629–1631.

Paquot 1768 — Paquot J. N. *Mémoires pour servir à l'histoire littéraire des Pays-Bas*. Vol. 2. Louvain: Impr. académique, 1768.

Pascal 1991 — Pascal B. *Pensées* / éd. Ph. Sellier. Paris: Bordas, 1991.

Pascal 2005 — Pascal B. *Pensées* / ed. Roger Ariew. Indianapolis: Hackett, 2005.

Patin 1846 — Patin G. *Lettres de Gui Patin*. 3 vols / éd. J.-H. Reveillé-Parise. Paris: J.-B. Baillière, 1846.

Pattison 1892 — Pattison M. Isaac Casaubon, 1559–1614. 2nd ed. Oxford: Clarendon press, 1892.

Pepys 1970 — Pepys S. *The Diary* / ed. Robert Latham and Wiliam Matthews. Berkeley: University of California Press, 1970.

Perotti 1532 — Perotti N. *Comucopiae*. Basel: V. Curio, 1532.

Perrault 1964 — Perrault Ch. *Parallèle des anciens et des modernes* / Hrsg. H. R. Jauss. Факсимильное издание: München: Eidos Verlag, 1964. (Первая публикация — 1688.)

Philomusus 1684 — Philomusus [псевдоним издателя Лабграт]. *Industria excerptendi brevis, facilis, amoena a multis impedimentis quibus adhuc tenebatur, exsoluta*. Konstanz: J. J. Labhart, 1684.

Photius 1606 — Photius. *Bibliotheca* / tr. Andreas Schott. Augsburg: Pinus, 1606.

Photius 1994 — Photius. *The Bibliotheca: A Selection* / ed. and tr. Nigel Wilson. London: Duckworth, 1994.

Placcius 1674 — Placcius V. *De Scriptis et scriptoribus anonymis syntagma*. Hamburg: Ch. Guthius, 1674.

Placcius 1689 — Placcius V. *De arte excerptendi, vom Gelährten Buchhalten liber singularis quo genera et praecepta excerptendi*. Stockholm; Hamburg: G. Liebezeit, 1689.

Placcius 1708 — Placcius V. *Theatrum anonymorum et pseudonymorum* / ed. Matthias Dreyer. Hamburg: Vidua G. Liebnerickelii, 1708.

Plato 1973 — Plato. *Phaedrus and the Seventh and Eighth Letters* / tr. Walter Hamilton. New York: Penguin, 1973.

Pliny the Elder 1967 — Pliny the Elder. *Natural History*. 10 vols / ed. H. Rackham. Cambridge: Harvard University Press, 1967.

Pliny the Younger 1969 — Pliny the Younger. *Letters and Panegyricus*. 2 vols / tr. Betty Radice. Cambridge: Harvard University Press, 1969.

Poe 1844 — Poe E. A. *Marginalia* // *New Democratic Review* (November), 1844. URL: (дата обращения: май 2008).

*Polyanthea*² 1503 — *Polyanthea*. Savona: Da Silva, 1503.

Polyanthea 1507 — *Polyanthea*. Venezia: Liechtenstein, 1507.

Polyanthea 1514 — *Polyanthea*. Savona: Bibliaqua, 1514.

Polyanthea 1517 — *Polyanthea*. Strasbourg: Schürer, 1517.

Polyanthea 1539 — *Polyanthea*. Solingen: Soter, 1539

Polyanthea 1552 — *Polyanthea*. Köln: Gennepaeus, 1552.

Polyanthea 1567 — *Polyanthea*. Köln: Cholinus, 1567.

Polyanthea 1574 — *Polyanthea*. Köln: Cholinus, 1574.

Polyanthea 1575 — *Polyanthea*. Köln: Cholinus, 1575.

Polyanthea 1585 — *Polyanthea*. Köln: Cholinus, 1585.

Polyanthea 1604a — *Polyanthea*. St Gervais [Genève]: Vignon, 1604.

Polyanthea 1604b — *Polyanthea nova* / ed. Joseph Lange. Lyon: Zetzner, 1604.

Polyanthea 1607 — *Nova polyanthea*. Veneyia: Guerilius, 1607.

Polyanthea 1612 — *Polyanthea nova*. Frankfurt: Zetzner, 1612.

Polyanthea 1613 — *Novissima polyanthea*. Frankfurt: Zetzner, 1613.

Polyanthea 1617a — *Novissima polyanthea*. Frankfurt: Zetzner, 1617.

Polyanthea 1617b — *Novissima polyanthea*. Frankfurt: Zetzner, 1617.

Polyanthea 1639 — *Florilegium magnum*. Genève: J. Stoer, 1639.

Polyanthea 1648 — *Florilegium magnum*. Lyon: Ravaut; Huguetan, 1648.

Polyanthea 1669 — *Florilegium magnum*. Lyon: Huguetan, 1669.

Porphyrogenitus 1617 — *Porphyrogenitus C. Opera* / ed. Ioannes Meursius. Leiden: Elzevir, 1617.

Possevinus 1607 — *Possevinus A. Bibliotheca selecta de ratione studiorum*. Köln: I. Gymnicus, 1607.

Ptolemy 1552 — *Geographia Claudii Ptolemaei Alexandrini*. Basel: Henricpetri, 1552.

Ranzovius 1584 — *Ranzovius H. Catalogus imperatorum regum et virorum illustrium qui artem Astrologicam amarunt, exercuerunt et ornarunt*. Leipzig: G. Defner, 1584.

Rashi — *Rashi* (1040–1105). The Judaica Press Complete Tanach with Rashi. URL: http://www.chabad.org/library/article_cdo/aid/i6473/showrashi/true/jewish/Chapter-i2.htm (дата обращения: июль 2008).

Ravisius Textor 1524 — *Ravisius Textor J. Epitheta*. Paris: R. Chaudière, 1524.

² Здесь перечислены издания *Polyanthea*, которые я рассматриваю специально, более полный перечень см. в табл. 4.1.

- Ravisius Textor 1552 — Ravisius Textor J. Officina. Basel: N. Bryling, 1552.
- Reisch 1552 — Reisch G. Margarita philosophica. Basel: Henricpetri, 1552.
- Reisch 1973 — Reisch G. Margarita Philosophica (Basel, 1517). Факсимильное издание: Düsseldorf: Stern-Verlag, Janssen, 1973.
- Reusner 1589 — Reusner N. Icones aliquot clarorum virorum... cum elogiis et parentalibus factis Theodoro Zwingero Basel: C. Waldkirch, 1589.
- Rhodiginus 1508 — Rhodiginus L. C. Lectionum antiquarum libri se-decim. Venezia: Aldus, 1508.
- Rhodiginus 1517 — Rhodiginus L. C. Lectiones antiquae. Basel: Froben, 1517.
- Rhodiginus 1542 — Rhodiginus L. C. Lectionum antiquarum libri xxx. Basel: Froben; Episcopius, 1542.
- Rhodiginus 1666 — Rhodiginus L. C. Lectiones antiquae. Frankfurt: Beckenstein, 1666.
- Ringelberg 1967 — Ringelberg J. Opera (Lyon, 1531). Факсимильное издание: Nieuwkoop: de Graf, 1967.
- Rozier 1775 — Rozier F. Nouvelle table des articles contenus dans les volumes de l'Académie Royale des Sciences de Paris depuis 1666 jusqu'en 1770. Paris: Ruault, 1775.
- Sacchini 1614 — Sacchini F. De ratione libros cum profectu legendi libel-lus. Ingolstadt: Ex typographico Ederiano, 1614.
- Sacchini 1786 — Sacchini F. Moyens de lire avec fruit / tr. Durey de Mor-san. La Haye [Paris: Guillot], 1786.
- Saint-Charles 1644 — Saint-Charles L. J. de. Traicté des plus belles biblio-thèques publiques et particulières, qui ont esté et qui sont à present dans le monde. Paris: Rolet le Due, 1644.
- Saint-Pierre 1840 — Saint-Pierre B. de. Oeuvres de Saint-Pierre / éd. L. Aimé. Paris: Ledentu, 1840. URL: <http://books.google.fr/books?id=o5MGA AAAQAAJ> (дата обращения: май 2008).
- Sanchez 1581 — Sanchez F. Quod nihil scitur. Lyon: Gryphius, 1581.
- Scalich 1559 — Scalich P. Encyclopaediae, seu Orbis disciplinarum, tam sacrarum quam profanarum, Epistemon. Basel: I. Oporinus, 1559.
- Scaliger 1628 — Scaliger J. J. Epistolae omnes quae reperiri potuerunt. Frankfurt: Scheichius, 1628.
- Scaliger 1695 — Scaligerana ou bons mots, rencontres agréables et re-marques judicieuses et sçavantes de Joseph Scaliger / avec des notes de Mr. le Fevre et de Mr. de Colomies. Cologne: chez***, 1695.
- Scaliger 1927 — Autobiography of Joseph Scaliger / tr. George W. Robin-son. Cambridge: Harvard University Press, 1927.

Scaliger 1994 — Scaliger J. C. *Poetices libri septem* / Hrsg. Luc Deitz, Gregor Vogt-Spira. Stuttgart-Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog, 1994.

Scaliger 1999 — Scaliger J. C. *Oratio pro M. Tullio Cicerone contra Des. Erasmus (1531). Adversus Des. Erasmi Roterd. Dialogum Ciceronianum Oratio secunda (1537)* / éd. and tr. Michel Magnien. Genève: Droz, 1999.

Selden 1689 — Selden J. *Table-Talk, Being the Discourses of John Selden, Esq., or His Sence of Various Matters of Weight and High Consequence Relating Especially to Religion and State*. London: printed for E. Smith, 1689.

Seneca 1917 — Seneca. *Ad Lucilium epistulae morales*: 3 vols. / tr. Richard Gummere. Cambridge: Harvard University Press, 1917.

Seneca 1932 — Seneca. *Moral Essays*: 3 vols. / tr. John Basore. London: Heinemann, 1932.

Sidelius 1713 — Sidelius F. *Positiones xxxiv de studio excerpendi*. Iena: Fickelscher, 1713.

Simler 1555 — Simler J. *Appendix Bibliothecae Conradi Gesneri*. Zürich: Froschauer, 1555.

Sorel 1671 — Sorel Ch. *De la connaissance des bons livres*. Paris: Pralard, 1671.

Sorel 1673 — Sorel Ch. *Supplement des traitez de la connoissance des bons livres*. Paris: Pralard, 1673.

Stobaeus 1884–1912 — Stobaeus J. *Anthologion*: 5 Bd. / Hrsg. Curtius Wachsmuth, Otto Hense. Berlin: Weidmann, 1884–1912.

Suda 1705 — *Suidae Lexicon*. Cambridge: typis academicis, 1705.

Suda 1986 — *Suidae lexicon: Graece et latine*. 5 vol. / ed. Thomas Gaisford, Godofredus Bemhardy. Osnabrück: Biblio, 1986. (Репринт издания 1853 года.)

Thomas Aquinas 1569 — Thomas Aquinas. *Summa theologia: Secunda secundae*. Antwerpen: Plantin, 1569.

Thomas Aquinas 1971 — Thomas Aquinas. *Opera omnia. Sententia libri politicorum: Tabula libri ethicorum* / cura et studio fratrum praedicatorum. Vol. 48. Roma: ad Sanctae Sabinae, 1971.

Titius 1676 — Titius J. P. *Manuductio ad excerpendum*. Dantzig: Mannsklapp, 1676.

Toepke 1889 — Toepke G. (ed.) *Die Matrikel der Universität Heidelberg von 1386 bis 1662*. Bd. 1. Heidelberg: Selbstverlag des Herausgebers, 1889.

Tonjola 1661 — Tonjola J. *Basilea sepulta resecta continuata*. Basel: E. König, 1661.

Tottel 1965 — Tottel R. *Tottel's Miscellany, 1557–1587* / ed. Hyder Edward Rollins. Cambridge: Harvard University Press, 1965.

Trithemius 1974 — Trithemius J. *In Praise of Scribes: De laude scriptorum* / ed. Klaus Arnold, tr. Roland Behrendt. Lawrence, KS: Coronado Press, 1974.

Turnèbe 1581 — Turnèbe A. *Adversariorum tomi III*. Basel: Th. Guarinus, 1581.

Udenius 1684 — Udenius J. Christoph. *Excerpendi ratio nova*. Nordhausen: J. Dauderstat, 1684.

Vasari 1938 — Vasari G. *Lo zibaldone di Giorgio Vasari* / ed. Alessandro del Vita. Roma: Istituto d'archeologia e storia dell'arte, 1938.

Vincent of Beauvais 1964 — Vincent of Beauvais. *Bibliotheca mundi Vincentii Burgundi*. Vol. 1: *Speculum naturale*. Факсимильное издание: Graz: Akademische Druck- und Verlaganstalt, 1964. (Первая публикация — Douai: Baltazar Bellerus, 1624.)

Vives 1971 — Vives J. L. *Vives: on education* / tr. Foster Watson. Totowa, NJ: Rowman and Littlefield, 1971. (Репринт издания 1913 года.)

Vogler 1691 — Vogler V. H. *Introductio universalis in notitiam cuius-cunque generis bonorum scriptorum*. Helmstedt: G. W. Hammius, 1691.

Vossius et al. 1658 — Vossius G. et al. *Dissertationes de studiis bene institutendis*. Utrecht: Th. Ackersdyk et G. Zylai, 1658.

Watts 1761 — Watts I. *The Improvement of the Mind*. 4th ed. London: T. Longman, 1761.

Wheare 1625 — Wheare D. *De ratione et methodo legendi historias dissertatio*. Oxford: Lichfield and Turner, 1625.

Wheare 1637 — Wheare D. *Relectiones hyemales, de ratione et methodo legendi utrasque historias, civiles et ecclesiasticas*. Oxford: Lichfield, 1637.

Wheare 1685 — Wheare D. *The Method and Order of Reading Both Civil and Ecclesiastical Histories* / tr. Edmund Bohun. London: M. Flesher for Ch. Brome, 1685.

Wilkins 1646 — Wilkins J. *Ecclesiastes, or a discourse concerning the gift of preaching*. London: Gellibrand, 1646.

Zedler — Zedler J. H. *Universallexicon (1731–1754)*. URL: <http://mdzio.bib-bvb.de/~zedler/zedler2007/index.html> (дата обращения: май 2007).

Zhu 1990 — Zhu Xi. *Learning to Be a Sage: Selections from the Conversations of Master Chu, Arranged Topically* / tr. and comment. by Daniel K. Gardner. Berkeley: University of California Press, 1990.

Zwinger 1565 — Zwinger Th. *Theatrum vitae humanae*. Basel: Oporinus; Froben, 1565.

Zwinger 1571a — Zwinger Th. *Theatrum vitae humanae*. Basel: Froben, 1571.

Zwinger 1571b — Zwinger Th. *Theatrum vitae humanae*. Paris: N. Chesneau; M. Sonnius, 1571.

Zwinger 1575 — Zwinger Th. *Theatrum vitae humanae*. Basel: Froben, 1575.

Zwinger 1586 — Zwinger Th. *Theatrum humanae vitae*. Basel: Episcopus, 1586.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Agasse 2000 — Agasse M. La bibliothèque d'un médecin humaniste: l'"Index librorum" de Girolamo Mercuriale // *Les Cahiers de l'humanisme*. 2000. Vol. 1. P. 201–253.

Albrecht 2000 — Albrecht E. The Organization of Vincent of Beauvais' *Speculum maius* and of Some Other Latin Encyclopedias // Harvey S. (ed.) *The Medieval Hebrew Encyclopedias of Science and Philosophy*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2000. P. 46–70.

Algazi 2003 — Algazi G. Scholars in Household: Refiguring the Learned Habitus, 1480–1550 // *Science in Context*. 2003. Vol. 16. P. 9–42.

Al-Qadi 2006 — Al-Qadi W. Biographical Dictionaries as the Scholars' Alternative History of the Muslim Community // Endress G. (ed.) *Organizing Knowledge: Encyclopaedic Activities in the Pre-Eighteenth-Century Islamic World*. Leiden: Brill, 2006. P. 23–75.

Alston 1993 — Alston R. C. *Books with Manuscript: A Short Title Catalogue of Books with Manuscript Notes in the British Library*. London: British Library, 1993.

Amory 1996 — Amory H. The Trout and the Milk: An Ethnobiographical Talk // *Harvard Library Bulletin new series*. 1996. Vol. 7. № 1. P. 50–65.

Andersen, Sauer 2002 — Andersen J., Sauer E. (eds.) *Books and Readers in Early Modern England*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2002.

Aquilon 1988 — Aquilon P. Petites et moyennes bibliothèques, 1530–1660 // Jolly C. (éd.) *Histoire des bibliothèques françaises: Les bibliothèques sous l'Ancien Régime, 1530–1789*. Paris: Promodis, Editions du Cercle de la Librairie, 1988. P. 181–205.

Arend 1987 — Arend E. "Bibliothek": Geistiger Raum eines Jahrhunderts. Hundert Jahre französischer Literaturgeschichte im Spiegel gleichnamiger Bibliographien, Zeitschriften und Anthologien, 1685–1789. Bonn: Romanistischer Verlag, 1987.

Armstrong 1986 — Armstrong E. Robert Estienne, Royal Printer: An Historical Study of the Elder Stephanus, rev. ed. Oxford: Sutton Courtenay Press, 1986.

Armstrong 1990 — Armstrong E. Before Copyright: The French Book-Privilege System, 1498–1526. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Arnar 1990 — Arnar A. S. Encyclopedism from Pliny to Borges. Chicago: University of Chicago Library, 1990.

Arns 1953 — Arns E. La technique du livre d'après Saint Jérôme. Paris: E. de Boccard, 1953.

Artier 1988 — Artier J. Les bibliothèques des universités et de leurs collèges // Jolly C. (éd.) Histoire des bibliothèques françaises: Les bibliothèques sous l'Ancien Régime, 1530–1789. Paris: Promodis, Editions du Cercle de la Librairie, 1988. P. 45–55.

Atiyeh 1995 — Atiyeh G. N. (ed.) The Book in the Islamic World: The Written Word and Communication in the Middle East. Albany: State University of New York Press; [Washington, DC]: Library of Congress, 1995.

Balavoine 1984 — Balavoine C. Bouquets de fleurs et colliers de perles: Les recueils de formes brèves au XVIIe siècle // Les Formes brèves de la prose et le discours discontinu, XVIe–XVIIe siècles / éd. Jean Lafond. Paris: Vrin, 1984. P. 54–71.

Balayé 1988 — Balayé S. La Bibliothèque du Roi, première bibliothèque du monde, 1664–1789 // Jolly C. (éd.) Histoire des bibliothèques françaises: Les bibliothèques sous l'Ancien Régime, 1530–1789. Paris: Promodis, Editions du Cercle de la Librairie, 1988. P. 209–233.

Baldwin 2006 — Baldwin B. Aspects of the Suda // Byzantion: Revue Internationale des Etudes Byzantines 2006. Vol. 76. P. 11–31.

Baldwin 1956 — Baldwin Th. W. Shakespeare's Small Latine and Lesse Greeke. Urbana: University of Illinois Press, 1956.

Ball 2003 — Ball S. Winston Churchill. New York: New York University Press, 2003.

Balsamo, Simonin 2002 — Balsamo J., Simonin M. Abel l'Angelier et François de Lauron, 1574–1620. Genève: Droz, 2002.

Balsamo 1990 — Balsamo L. Bibliography: History of a Tradition / tr. William A. Pettas. Berkeley: Bernard M. Rosenthal, 1990.

Balsamo 2001 — Balsamo L. How to Doctor a Bibliography: Antonio Possevino's Practice // Church, Censorship and Culture in Early Modern Italy / ed. Gigliola Fragnito, tr. Adrian Belton. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 50–78.

Barbier et al. 1997 — Barbier F. et al. (éd.) Le livre et l'historien: Études offertes en l'honneur du Professeur Henri-Jean Martin. Genève: Droz, 1997.

Barchas 2003 — Barchas J. Graphic Design, Print Culture and the Eighteenth-Century Novel. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Bardon 1952 — Bardon H. *La Litterature latine inconnue*. Paris: Klincksieck, 1952.

Barker 2006 — Barker N. *Sophistication* // *The Book Collector*. 2006. Vol. 55. № 1. P. 11–27.

Baron 1985 — Baron H. *Petrarch's Secretum: Its Making and Its Meaning*. Cambridge, Mass.: Medieval Academy of America, 1985.

Baron et al. 2007 — Baron S. A., Lindquist E. N., Shevlin E. V. (eds.) *Agent of Change: Print Culture Studies after Elizabeth L. Eisenstein*. Amherst: University of Massachusetts Press, 2007.

Bataillon 1993 — Bataillon L.-J. *Les instruments de travail des prédicateurs au XIIIe siècle* // *La prédication au XIIIe en France et Italie: Études et documents*. Aldershot, Eng.: Variorum, 1993. Vol. IV. P. 200–205. (Первая публикация: *Culte et travail intellectuel dans l'Occident médiéval*. Paris: Éditions du CNRS, 1981. P. 197–209.)

Bataillon 1997 — Bataillon L.-J. *L'activité intellectuelle des Dominicains de la première génération* // Lusignan S., Paulmier-Foucart M. (éd.) *Lector et compiler: Vincent de Beauvais frère prêcheur*. Grâne, France: Creaphis, 1997. P. 9–20.

Bauer 1966 — Bauer W. *The Encyclopedia in China* // *Cahiers d'histoire mondiale*. 1966. Vol. 3. P. 665–691.

Bayley 1983 — Bayley P. *Selected Sermons of the French Baroque, 1600–1650*. New York: Garland Publishing, 1983.

Beal 1993 — Beal P. *Notions in Garrison: The Seventeenth Century commonplace Book* // *New Ways of Looking at Old Texts: Papers of the Renaissance English Society, 1985–1991* / ed. W. Speed Hill. Binghamton, NY: Medieval and Renaissance Text Studies in conjunction with the Renaissance English Text Society, 1993. P. 131–147.

Beal 1998 — Beal P. *In Praise of Scribes: Manuscripts and Their Makers in Seventeenth-Century England*. Oxford: Clarendon Press, 1998.

Beal 2007 — Beal P. 'Lost': *The Destruction, Dispersal and Rediscovery of Manuscripts* // Myers R., Harris M., Mandelbrote G. (eds.) *Books on the Move: Tracking Copies through Collections and the Book Trade*. New Castle, DE: Oak Knoll Press; London: British Library, 2007. P. 1–16.

Beal 2008 — Beal P. *A Dictionary of English Manuscript Terminology, 1450 to 2000*. Oxford: Oxford University Press, 2008.

Becq 1991 — Becq A. (éd.) *L'Encyclopédisme: Actes du Colloque de Caen, 12–16 Jan. 1987*. Paris: Klincksieck, 1991.

Benedict 1996 — Benedict B. *Making the Modern Reader: Cultural Mediation in Early Modern Literary Anthologies*. Princeton: Princeton University Press, 1996.

Beniger 1986 — Beniger J. R. *The Control Revolution: Technological and Economic Origins of the Information Society*. Cambridge: Harvard University Press, 1986.

Bennett 2000 — Bennett K. *Editing Aubrey // Ma(r)king the Text: The Presentation of Meaning on the Literary Page* / ed. Joe Bray, Miriam Handley, and Anne C. Henry. Aldershot, Eng.: Ashgate, 2000. P. 271–290.

Berchtold 1990 — Berchtold A. *Bâle et l'Europe*. 2 vol. Lausanne: Payot, 1990.

Bériou 1989 — Bériou N. *La réportation des sermons parisiens à la fin du XIIIe siècle // Medioevo e Rinascimento*. 1989. Vol. 3. P. 87–123.

Bernstein 1946 — Bernstein H. *A Provincial Library in Colonial Mexico, 1802 // Hispanic American Historical Review*. 1946. Vol. 26. № 2. P. 162–183.

Berry 2006 — Berry M. E. *Japan in Print: Information and Nation in the Early Modern Period*. Berkeley: University of California Press, 2006.

Beugnot 1981 — Beugnot B. *Forme et histoire: le statut des ana // Mélanges offerts à Georges Couton* / éd. Jean Jehasse. Lyon: Presses Universitaires de Lyon, 1981. P. 85–102.

Bianchi 2001 — Bianchi L. *Erudition, critique et histoire chez Gabriel Naudé, 1600–1635 // Philologie und Erkenntnis: Beiträge zu Begriff und Problem frühneuzeitlicher "Philologie"* / Hrsg. Ralph Hafner. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2001. P. 35–55.

Bierlaire 1968 — Bierlaire F. *La familia d'Erasmus*. Paris: Vrin, 1968.

Bilder 2010 — Bilder M. S. *James Madison, Law Student and Demi-Lawyer // Law and History Review*. 2010. Vol. 28. № 2. P. 389–449.

Binkley 1997a — Binkley P. (ed.) *Pre-Modern Encyclopaedic Texts: Proceedings of the Second COMERS Congress, Groningen, 1–4 July 1996*. Leiden: Brill, 1997.

Binkley 1997b — Binkley P. *Preachers' Responses to Thirteenth-Century Encyclopaedism // Binkley P. (ed.) Pre-Modern Encyclopaedic Texts: Proceedings of the Second COMERS Congress, Groningen, 1–4 July 1996*. Leiden: Brill, 1997. P. 75–88.

Birnbaum 1997 — Birnbaum E. *Katib Chelebi (1609–1657) and Alphabetization: A Methodological Investigation of the Autographs of His Kashf al-Zunun and Sullam al-Wuṣūl // Scribes et manuscrits du Moyen-Orient* / éd. François Déroche and Francis Richard. Paris: Bibliothèque nationale de France, 1997. P. 236–262.

Bischoff 1966 — Bischoff B. *Die europäische Verbreitung der Werke Isidors von Sevilla // Mittelalterliche Studien*. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1966. Vol. 1. P. 171–194.

Bischoff 1981 — Bischoff B. Übersicht über die nichtdiplomatischen Geheimschriften des Mittelalters // *Mittelalterliche Studien*. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1981. Vol. 3. P. 120–148.

Bisterfeldt 2002 — Bisterfeldt H.H. Arabisch-islamische Enzyklopädien: Formen und Funktionen // Meier Ch. (Hrsg.) *Die Enzyklopädien im Wandel vom Hochmittelalter bis zur frühen Neuzeit*. Munich: Wilhelm Fink, 2002. P. 43–84.

Blachère 1975 — Blachère R. *Analecta*. Damascus: Institut français de Damas, 1975.

Blair 1993 — Blair A. *The Teaching of Natural Philosophy in Early Seventeenth-Century Paris: The Case of Jean-Cécile Frey* // *History of Universities*. 1993. Vol. 12. P. 95–158.

Blair 1997 — Blair A. *The Theater of Nature: Jean Bodin and Renaissance Science*. Princeton: Princeton University Press, 1997.

Blair 2000 — Blair A. *Annotating and Indexing Natural Philosophy* // Frasca-Spada M., Jardine N. (eds.) *Books and the Sciences in History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 69–89.

Blair 2003 — Blair A. *Reading Methods for Coping with Information Overload, ca. 1550–1700* // *Journal of the History of Ideas*. 2003. Vol. 64. № 1. P. 11–28.

Blair 2004 — Blair A. *Note-Taking as an Art of Transmission* // *Critical Inquiry*. 2004. Vol. 31. P. 85–107.

Blair 2005 — Blair A. *Historia in Theodor Zwinger's Theatrum humanae vitae* // *Historia: Empiricism and Erudition in Early Modern Europe* / ed. Gianna Pomata and Nancy Siraisi. Cambridge: MIT Press, 2005. P. 269–296.

Blair 2006 — Blair A. *The Collective Commentary as Reference Genre* // *Der Kommentar in der Frühen Neuzeit* / Hrsg. Ralph Häfner und Markus Völkel. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2006. P. 115–131.

Blair 2007a — Blair A. *Organizations of Knowledge* // *Cambridge Companion to Renaissance Philosophy* / ed. James Hankins. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 287–303.

Blair 2007b — Blair A. *Errata Lists and the Reader as Corrector* // Baron S. A., Lindquist E. N., Shevlin E. V. (eds.) *Agent of Change: Print Culture Studies after Elizabeth L. Eisenstein*. Amherst: University of Massachusetts Press, 2007. P. 21–41.

Blair 2008a — Blair A. *Corrections manuscrites et listes d'errata à la Renaissance* // *Esculape et Dionysos: Mélanges en l'honneur de Jean Céard* / éd. Jean Dupèbe [et al.]. Genève: Droz, 2008. P. 269–286.

Blair 2008b — Blair A. Textbooks and Methods of Note-Taking in Early Modern Europe // *Scholarly Knowledge: Textbooks in Early Modern Europe* / ed. Emidio Campi [et al.]. Genève: Droz, 2008. P. 39–73.

Blair, Milligan 2007 — Blair A., Milligan J. (eds.). *Toward a Cultural History of Archives* // *Archival Science*. 2007. Vol. 7. № 4 (December). P. 289–397.

Blair, Stallybrass 2010 — Blair A., Stallybrass P. *Mediating Information, 1450–1800 // This Is Enlightenment* / ed. Clifford Siskin and William Warner. Chicago: University of Chicago Press, 2010. P. 139–163.

Blanck 1992 — Blanck H. *Das Buch in der Antike*. München: C. H. Beck, 1992.

Bloom 2001 — Bloom J. *Paper before Print: The History and Impact of Paper in the Islamic World*. New Haven: Yale University Press, 2001.

Blum 1983 — Blum R. *Die Literaturverzeichnung im Altertum und Mittelalter: Versuch einer Geschichte der Biobibliographie von den Anfängen bis zum Beginn der Neuzeit*. Frankfurt: Buchhändler-Vereinigung, 1983.

Blum 1991 — Blum R. *Kallimachos: The Alexandrian Library and the Origins of Bibliography* / tr. Hans H. Wellisch. Madison: University of Wisconsin Press, 1991.

Bol 1996 — Bol P. K. Intellectual Culture in Wuzhou, ca. 1200 — Finding a Place for Pan Zimu and the Complete Source for Composition // *Proceedings of the Second Symposium on Sung History*. Taipei, 1996. P. 758–788.

Bolzoni 2001 — Bolzoni L. *The Gallery of Memory: Literary and Iconographic Models in the Age of the Printing Press* / tr. Jeremy Parzen. Toronto: University of Toronto Press, 2001.

Booton 2006 — Booton D. Notes on Manuscript Production and Valuation in Late Medieval Brittany // *The Library: Transactions of the Bibliographical Society*. 2006. Vol. 7. № 2. P. 127–152.

Borst 1994 — Borst A. *Das Buch der Naturgeschichte: Plinius und seine Leser im Zeitalter des Pergaments*. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1994.

Bottéro 1996 — Bottéro F. *Sémantisme et classification dans l'écriture chinoise: Les systèmes de classement des caractères par clés du Shuowen Jiezi au Kangxi Zidian*. (Mémoires de l'Institut des Hautes Études Chinoises. Vol. 37). Paris: Collège de France, Institut des Hautes Études Chinoises, 1996.

Boudou 2002 — Boudou B. La place de la mémoire dans la composition chez Henri Estienne // *Nouvelle revue du seizième siècle*. 2002. Vol. 20. P. 57–72.

Bouffartigue, Mélonio 1997 — Bouffartigue J., Mélonio F. (éd.) *L'entreprise encyclopédique (Littérales 21)*. Paris: Centre des Sciences de la Littérature, Paris-X Nanterre, 1997.

Bowden et al. 1999 — Bowden M. E., Hahn T. B., Williams R. V. (eds.) *Proceedings of the 1998 Conference on the History and Heritage of Science Information Systems*. Medford, NJ: Information Today, 1999.

Bowie 1997 — Bowie E. *The Theognidea: A Step toward a Collection of Fragments?* // *Collecting Fragments: Fragmente sammeln* / ed. Glenn W. Most. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht, 1997. P. 53–66.

Bowman, Thomas 1983 — Bowman A. K., Thomas J. D. *Vindolanda: The Latin Writing-Tablets*. London: Society for Roman Studies, 1983.

Branca 1999 — Branca V. *Merchant Writers of the Italian Renaissance* / tr. Murtha Baca. New York: Marsilio Publishers, 1999.

Braun 1990 — Braun L. *Conrad Gesner*. Genève: Editions Slatkine, 1990.

Bravi et al. 2002 — Bravi G. O., Ceresoli M. G., Monaco F. L. (ed.) *Manoscritti e edizioni del Calepino nell'civica bibliotheca "A. Mai."* Special issue of *Bergomum*, *Bollettino della Civica Biblioteca Angelo Mai de Bergamo*. 2002. Vol. 97. № 1.

Brée 1963 — Brée G. *Les manuscrits de Marcel Proust* // *French Review*. 1963. Vol. 37. № 2. P. 182–187.

Bremond et al. 1982 — Bremond C., Le Goff J., Schmitt J.-C. *L'exemplum: Typologie des sources du Moyen Age occidental*, fascicule 40. Turnhout: Brepols, 1982.

Brendecke 2004 — Brendecke A. *Tabellen in der Praxis der frühneuzeitlichen Geschichtsvermittlung* // *Stammen Th., Weber W. E. J. Wissenssicherung, Wissensordnung und Wissensverarbeitung: Das europäische Modell der Enzyklopädien*. Berlin: Akademie Verlag, 2004. P. 157–189.

Brendecke 2005 — Brendecke A. 'Durchgeschossene Exemplare': Über eine Schnittstelle zwischen Handschrift und Druck // *Archiv für Geschichte des Buchwesens*. 2005. Vol. 59. P. 50–64.

Bretelle-Establet, Chemla 2007 — Bretelle-Establet F., Chemla K. (éd.) *Qu'était-ce qu'écrire une encyclopédie en Chine? Extrême-Orient, Extrême-Occident (hors série)*. Presses Universitaires de Vincennes, 2007.

Brockliss 1987 — Brockliss L. *French Higher Education in the Seventeenth and Eighteenth Centuries: A Cultural History*. Oxford: Clarendon Press, 1987.

Brokaw 2005 — Brokaw C. *On the History of the Book in China* // *Brokaw C. J., Chow K.-W. Printing and Book Culture in Late Imperial China*. Berkeley: University of California Press, 2005. P. 2–54.

Brokaw, Chow 2005 — Brokaw C. J., Chow K.-W. *Printing and Book Culture in Late Imperial China*. Berkeley: University of California Press, 2005.

Broman 2000 — Broman Th. Periodical Literature // Frasca-Spada M., Jardine N. (eds.) *Books and the Sciences in History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 225–238.

Brot 2006 — Brot M. *Écrire sans écrire: les compilateurs au XVIIIe siècle // Ecriture, identité, anonymat au XVIIIe siècle / éd. Nicole Jacques-Lefèvre et Marie Leca-Tsiomis. (Littérales, vol. 37).* Nanterre: Université Paris X-Nanterre, 2006. P. 87–104.

Brown, Duguid 2000 — Brown J. S., Duguid P. *The Social Life of Information*. Boston: Harvard Business School Press, 2000.

Brown 1994 — Brown M. The Role of the Wax Tablet in Medieval Literacy: A Reconsideration in Light of a Recent Find from York // *British Library Journal*. 1994. Vol. 20. № 1. P. 1–16.

Buckland 1999 — Buckland M. Overview // Bowden M. E., Hahn T. B., Williams R. V. (eds.) *Proceedings of the 1998 Conference on the History and Heritage of Science Information Systems*. Medford, NJ: Information Today, 1999. P. 3–7.

Bujanda 1984–2002 — Bujanda J. M. de. *Index des livres interdits*. 8 vol. Sherbrooke, Canada: Université de Sherbrooke; Genève: Droz, 1984–2002.

Bunge 1992 — Bunge Ch. An “Alms-Basket” of “Bric-a-Brac”: Brewer’s Dictionary of Phrase and Fable // Rettig J. (ed.) *Distinguished Classics of Reference Publishing*. Phoenix, AZ: Oryx Press, 1992. P. 24–30.

Burke 1969 — Burke P. *The Renaissance Sense of the Past*. London: Edward Arnold, 1969.

Burke 1996 — Burke P. Reflections on the History of Encyclopedias // *The Social Philosophy of Ernest Gellner / ed. John A. Hall and Ian Jarvie. (Poznan Studies in the Philosophy of the Sciences and the Humanities, vol. 48).* 1996. P. 193–206.

Burke 2000 — Burke P. *A Social History of Knowledge, 1500–1800: From Gutenberg to Diderot*. Cambridge: Polity Press, 2000.

Burke 2002 — Burke P. Context in Context // *Common Knowledge*. 2002. Vol. 8. № 1. P. 152–177.

Burmeister 1963 — Burmeister K. H. *Sebastian Münster: Versuch eines biographischen Gesamtbildes*. Basel und Stuttgart: Helbing und Lichtenhahn, 1963.

Bush 1945 — Bush V. As We May Think // *Atlantic Monthly*. 1945. 176 (July). P. 101–108.

Büttner et al. 2003 — Büttner F., Friedrich M., Zedelmaier H. (Hrsg.). *Sammeln, ordnen, veranschaulichen: Zur Wissenskompilatorik in der Frühen Neuzeit*. Münster: LIT, 2003.

Buzan 1991 — Buzan T. *Use Your Perfect Memory: Dramatic New Techniques for Improving Your Memory*. New York: Plume, 1991.

Cady 1999 — Cady S. A. *Microfilm Technology and Information Systems* // Bowden M. E., Hahn T. B., Williams R. V. (eds.) *Proceedings of the 1998 Conference on the History and Heritage of Science Information Systems*. Medford, NJ: Information Today, 1999. P. 177–186.

Cahn 1994 — Cahn M. *Hamster: Wissenschafts- und mediengeschichtliche Grundlagen der sammelnden Lektüre // Lesen und Schreiben im 17. und 18. Jahrhundert* / Hrsg. Paul Goetsch. Tübingen: Günther Narr, 1994. P. 63–78.

Calabi Limentani 1987 — Calabi Limentani I. *Note su classificazione e indici epigrafici dall Smetio al Morcelli: Antichità, retorica, critica* // *Epigraphica*. 1987. Vol. 49. P. 177–202.

Callus 1948 — Callus D. A. *The 'Tabulae super originalia patrum' of Robert Kilwardby* // *Studia mediaevalia in honorem admodum Reverendi Patris Raymundi Josephi Martin*. Bruges: de Tempel, 1948. P. 243–270.

Carels, Flory 1994 — Carels P., Flory D. *Johann Heinrich Zedler's Universal Lexicon* // Kafker F. A. (ed.) *Notable Encyclopedias of the Late Eighteenth Century: Eleven Successors of the Encyclopédie*. Oxford: Voltaire Foundation, 1994. P. 165–196.

Carley, Tite 1997 — Carley J. P., Tite C. G. C. (eds.) *Books and Collectors, 1200–1700: Essays Presented to Andrew Watson*. London: British Library, 1997.

Carlino 1999 — Carlino A. *Paper Bodies: A Catalogue of Anatomical Fugitive Sheets, 1538–1687* / tr. Noga Arikha. London: Wellcome Institute for the History of Medicine, 1999.

Carruthers 1990 — Carruthers M. *The Book of Memory: A Study of Memory in Medieval Culture*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Carruthers, Ziolkowski 2002 — Carruthers M., Ziolkowski J. (eds.) *The Medieval Craft of Memory: An Anthology of Texts and Pictures*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2002.

Cavallo 2006 — Cavallo G. *Lire à Byzance* / éd. and tr. P. Odorico and A. Segonds. Paris: Les Belles Lettres, 2006.

Cavallo, Chartier 2003 — Cavallo G., Chartier R. *A History of Reading in the West* / tr. Lydia G. Cochrane. Amherst: University of Massachusetts Press, 2003.

Céard 1981 — Céard J. *Les transformations du genre du commentaire // L'automne de la Renaissance, 1580–1630: 22e colloque international de Tours* / éd. Jean Lafond et André Stegmann. Paris: Vrin, 1981. P. 101–115.

Céard 1991 — Céard J. Encyclopédie et Encyclopédisme à la Renaissance // Becq A. (éd.) *L'Encyclopédisme: Actes du Colloque de Caen, 12–16 Jan. 1987*. Paris: Klincksieck, 1991. P. 57–67.

Céard 1997 — Céard J. Le Commentaire ou l'encyclopédisme non méthodique de la Renaissance // Bouffartigue J., Mélonio F. (éd.) *L'entreprise encyclopédique (Littérales 21)*. Paris: Centre des Sciences de la Littérature, Paris-X Nanterre, 1997. P. 79–95.

Cécile 1981 — Cécile M. Auteurs latins et autographes des XIe et XIIe siècles // *Scrittura e civiltà*. 1981. Vol. 5. P. 77–107.

Cevolini 2006a — Cevolini A. De arte excerptendi. Imparare a dimenticare nella modernità. (Biblioteca dell' "Archivum Romanicum," serie 1: Storia, Letteratura, Paleografia, vol. 333). Florence: Leo S. Olschki Editore, 2006.

Cevolini 2006b — Cevolini A. Teoria e storia della schedatura // *Storiografia*. 2006. Vol. 10. P. 1–26.

Chapoutot-Remadi 1991 — Chapoutot-Remadi M. Les encyclopédies arabes à la fin du Moyen Age // Becq A. (éd.) *L'Encyclopédisme: Actes du Colloque de Caen, 12–16 Jan. 1987*. Paris: Klincksieck, 1991. P. 267–280.

Charlet 1997 — Charlet J.-L. Niccolò Perotti (1429/30–1480) // *Centuriae latinae*. Cent une figures humanistes de la Renaissance aux Lumières offertes à Jacques Chomarat / éd. Colette Nativel. Geneva: Droz, 1997. P. 601–605.

Charon, Parinet 2000 — Charon A., Parinet E. Les ventes de livres et leurs catalogues, XVIIe — XXe siècle. Paris: Ecole des Chartes, 2000.

Charon-Parent 1988 — Charon-Parent A. Les grandes collections du XVIe siècle // Jolly C. (éd.) *Histoire des bibliothèques françaises: Les bibliothèques sous l'Ancien Régime, 1530–1789*. Paris: Promodis, Editions du Cercle de la Librairie, 1988. P. 85–99.

Chartier 1985 — Chartier R. *Pratiques de la lecture*. Marseille: Rivages, 1985.

Chartier 1994 — Chartier R. *The Order of Books*. Stanford: Stanford University Press, 1994.

Chartier 2004 — Chartier R. Languages, Books, and Reading from the Printed Word to the Digital Text // *Critical Inquiry*. 2004. Vol. 31. № 1. P. 133–152.

Chartier 2007 — Chartier R. *Inscription and Erasure: Literature and Written Culture from the Eleventh to the Eighteenth Century* / tr. Arthur Goldhammer. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2007.

Châtelain 1997a — Châtelain J.-M. Encyclopédisme et forme rhapsodique au XVIe siècle // Bouffartigue J., Mélonio F. (éd.) *L'entreprise encyclopédique*

(Littérales 21). Paris: Centre des Sciences de la Littérature, Paris-X Nanterre, 1997. P. 97–111.

Châtelain 1997b — Châtelain J.-M. Les recueils d'adversaria aux XVIe et XVIIe siècles: Des pratiques de la lecture savante au style de l'érudition // Barbier F. et al. (éd.) *Le livre et l'historien: Études offertes en l'honneur du Professeur Henri-Jean Martin*. Genève: Droz, 1997. P. 169–186.

Châtelain 2003 — Châtelain J.-M. Les lecteurs humanistes à la Renaissance // Jacob Ch. (ed.) *Des Alexandries II: Les métamorphoses du lecteur*. Paris: Bibliothèque nationale de France, 2003. P. 167–176.

Cheddadi 2006 — Cheddadi A. L'encyclopédisme dans l'historiographie: Réflexions sur le cas d'ibn Khaldūn // Endress G. (ed.) *Organizing Knowledge: Encyclopaedic Activities in the Pre-Eighteenth-Century Islamic World*. Leiden: Brill, 2006. P. 187–198.

Cherchi 1998 — Cherchi P. Polimatia de riuso: Mezzo secolo di plagio, 1539–1589. Roma: Bulzoni, 1998.

Cherniack 1994 — Cherniack S. Book Culture and Textual Transmission in Sung China // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1994. Vol. 54. № 1. P. 5–125.

Chiesa, Pinelli 1994 — Chiesa P., Pinelli L. (eds.) *Gli autografi medievali. Problemi paleografici e filologici*, Atti del convegno di studio della Fondazione Ezio Franceschini, Erice 25 Settembre — 2 Ottobre 1990. Spoleto: Centro Italiano di studi sull'alto medioevo, 1994.

Chrisman 1982 — Chrisman M. U. Lay Culture, Learned Culture: Books and Social Change in Strasbourg, 1480–1599. New Haven: Yale University Press, 1982.

Clanchy 1993 — Clanchy M. *From Memory to Written Record: England, 1066–1307*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 1993.

Clapp 1931 — Clapp S. The Beginnings of Subscription Publication in the Seventeenth Century // *Modern Philology*. 1931. Vol. 29. P. 199–224.

Clapp 1933 — Clapp S. The Subscription Enterprises of John Ogilby and Richard Blome // *Modern Philology*. 1933. Vol. 30. P. 365–379.

Clark 1901 — Clark J. W. *The Care of Books: An Essay on the Development of Libraries and Their Fittings, from the Earliest Times to the End of the Eighteenth Century*. Cambridge: Cambridge University Press, 1901.

Cochrane 1992 — Cochrane K. 'The Most Famous Book of Its Kind': Bartlett's Familiar Quotations // Rettig J. (ed.) *Distinguished Classics of Reference Publishing*. Phoenix, AZ: Oryx Press, 1992. P. 9–17.

Cohen 2003 — Cohen M. D. Bartlett's Familiar Quotations: 'A Glancing Bird's Eye View' by a 'Morbid Scholiast' // *Harvard Library Bulletin*. 2003. Vol. 14. № 2. P. 55–74.

Cohen 2008 — Cohen N. He Wrote 200,000 Books (But Computers Did Some of the Work) // New York Times. 2008. April 14.

Coing 1973–1988 — Coing H. (Hrsg.) Handbuch der Quellen und Literatur der neueren europäischen Privatrechtsgeschichte. München: Beck, 1973–1988.

Colas, Richard 1996 — Colas G., Richard F. Encyclopédisme en Inde et en Perse // Schaer R. (éd.) Tous les savoirs du monde. Paris: Flammarion/Bibliothèque nationale de France, 1996. P. 146–153.

Collingwood 1972 — Collingwood R. G. The Idea of History. Oxford: Oxford University Press, 1972.

Comerford 1999 — Comerford K. M. What Did Early Modern Priests Read? The Library of the Seminary of Fiesole, 1646–1721 // Libraries and Culture. 1999. Vol. 34. P. 203–221.

Compagnon 1979 — Compagnon A. La seconde main ou le travail de la citation. Paris: Seuil, 1979.

Compère, Pralon-Julia 1992 — Compère M.-M., Pralon-Julia D. (éd.) Performances scolaires de Collégiens sous l'Ancien Régime: Etude d'exercices latins rédigés au collège Louis-le-Grand vers 1720. Paris: Institut National de Recherche Pédagogique, Publications de la Sorbonne, 1992.

Congar 1980 — Congar Y. 'In dulcedine Societatis Quaerere Veritatem': Notes sur le travail en équipe chez S. Albert et chez les prêcheurs au XIIIe siècle // Albertus Magnus Doctor Universalis, 1280–1980 / Hrsg. Gerbert Meyer und Albert Zimmermann. Mainz: Matthias-Grünwald Verlag, 1980. P. 47–57.

Considine 2008 — Considine J. Dictionaries in Early Modern Europe: Lexicography and the Making of Heritage. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Cooper 2006 — Cooper A. Homes and Households // Park K., Daston L. (eds.) Cambridge History of Early Modern Science. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 224–237.

Cooper 2007 — Cooper A. Inventing the Indigenous: Local Knowledge and Natural History in Early Modern Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Coron 1988 — Coron A. Ut prosint aliis: Jacques-Auguste de Thou et sa bibliothèque // Jolly C. (éd.) Histoire des bibliothèques françaises: Les bibliothèques sous l'Ancien Régime, 1530–1789. Paris: Promodis, Editions du Cercle de la Librairie, 1988. P. 101–125.

Dainville 1978 — Dainville F. Ratio discendi et docendi de Jouvancy // L'éducation des Jésuites, XVIe–XVIIIe siècles / éd. Marie-Madeleine Compère.

Paris: Editions de Minuit, 1978. (Первая публикация в *Archivum Historicum Societatis Jesu*, 1951). P. 209–266.

Daly 1967 — Daly L. W. *Contributions to a History of Alphabetization in Antiquity and the Middle Ages*. Brussels: Latomus, 1967.

Daly, Daly 1964 — Daly L. W., Daly B. A. *Some Techniques in Mediaeval Latin Lexicography* // *Speculum*. 1964. Vol. 39. № 2. P. 229–239.

Dane 2003 — Dane J. A. *The Myth of Print Culture: Essays on Evidence, Textuality and Bibliographical Method*. Toronto: University of Toronto Press, 2003.

Darnton 1979 — Darnton R. *The Business of Enlightenment: A Publishing History of the Encyclopédie, 1775–1800*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1979.

Darnton 1982 — Darnton R. *The Literary Underground of the Old Regime*. Cambridge: Harvard University Press, 1982.

Darnton 1985 — Darnton R. *Philosophers Trim the Tree of Knowledge: The Epistemological Strategy of the Encyclopédie* // *The Great Cat Massacre*. New York: Vintage, 1985. P. 191–213.

Daston 1994 — Daston L. *Enlightenment Calculations* // *Critical Inquiry*. 1994. Vol. 21. № 1. P. 182–202.

Daston 2001 — Daston L. *Perché i fatti sono brevi?* // *Fatti: storie dell'evidenza empirica* / ed. Simona Cerutti e Gianna Pomata. (*Quaderni Storici*. 108). 2001. P. 745–770.

Daston 2004 — Daston L. *Taking Note(s)* // *Isis*. 2004. Vol. 95. P. 443–448.

Davies 1995 — Davies M. *Making Sense of Pliny in the Quattrocento* // *Renaissance Studies*. 1995. Vol. 9. P. 240–257.

Davis 2000 — Davis N. Z. *The Gift in Sixteenth-Century France*. Madison: University of Wisconsin Press, 2000.

D'Avray 1985 — D'Avray D. L. *The Preaching of the Friars: Sermons Diffused from Paris before 1300*. Oxford: Clarendon Press. 1985.

D'Avray 2001 — D'Avray D. L. *Medieval Marriage Sermons: Mass Communication in a Culture without Print*. Oxford: Oxford University Press, 2001.

De Biasi 1998 — De Biasi P.-M. *Qu'est-ce qu'un brouillon? Le cas Flaubert: Essai de typologie fonctionnelle des documents de genèse* // *Pourquoi la critique génétique? Méthodes, théories* / éd. Michel Contat et Daniel Ferrer. Paris: CNRS éditions, 1998. P. 31–60.

De Botton, Pottière-Sperry 1997 — De Botton G., Pottière-Sperry F. *A la recherche de la 'librairie' de Montaigne* // *Bulletin du bibliophile*. 1997. Vol. 2. P. 254–280.

De Courcelles 2001 — De Courcelles D. (éd.) *La varietas à la Renaissance*. Paris: Ecole des Chartes, 2001.

De Courcelles 2003a — De Courcelles D. *Le mélange des savoirs: Pour la connaissance du monde et la connaissance de soi au milieu du XVIe siècle dans la Silva de varia lección du Sévillan Pedro Mexía* // De Courcelles D. *Ouvrages miscellanées*. Paris: Ecole des Chartes, 2003. P. 103–115.

De Courcelles 2003b — De Courcelles D. *Ouvrages miscellanées*. Paris: Ecole des Chartes, 2003.

Décultot 2001 — Décultot E. *Lire, copier, écrire: Enquête sur la bibliothèque manuscrite de Johann Joachim Winckelmann* // *Bibliothèques d'écrivains* / éd. Paolo D'Iorio et Daniel Ferrer. Paris: CNRS éditions, 2001. P. 29–50.

Décultot 2003a — Décultot E. *Introduction* // Décultot E. (éd.) *Lire, copier, écrire*. Paris: CNRS, 2003. P. 7–28.

Décultot 2003b — Décultot E. *L'art winckelmannien de la lecture: Reprise et subversion d'une pratique érudite* // Décultot E. (éd.) *Lire, copier, écrire*. Paris: CNRS, 2003. P. 91–110.

Décultot 2003c — Décultot E. (éd.) *Lire, copier, écrire*. Paris: CNRS, 2003.

De Gandillac et al. 1966 — De Gandillac M. et al. *La pensée encyclopédique au Moyen Age*. Neuchâtel: Editions de la Baconnière, 1966.

De Ghellinck 1939 — De Ghellinck J. 'Originale' et 'Originalia' // *Archivum Latinitatis Medii Aevi*. 1939. Vol. 14. № 2. P. 95–105.

De Hamel 1992 — De Hamel Ch. *Scribes and Illuminators*. Toronto: University of Toronto Press, 1992.

De Hamel 1998 — De Hamel Ch. *Cutting Up Manuscripts for Pleasure and Profit: The 1995 Sol M. Malkin Lecture in Bibliography*. Charlottesville, VA: Book Arts Press, 1998.

De Hamel 2001 — De Hamel Ch. *The Book: A History of the Bible*. London: Phaidon, 2001.

De Jonge 1977 — De Jonge H. J. (ed.) *The Auction Catalogue of the Library of J. J. Scaliger*. Utrecht: HES Publishers, 1977.

Dekkers 1952 — Dekkers E. *Les autographes des Pères latins* // *Colligere fragmenta: Festschrift A. Dold zum 70. Geburtstag* / Hrsg. B. Fischer und V. Fiala. Beuron in Hohenzollern: Beuronener Kunstverlag, 1952. P. 127–129.

Delcorno 2000 — Delcorno C. *Medieval Preaching in Italy, 1200–1500* // *The Sermon* / ed. Beverly Mayne Kienzle. Turnhout: Brepols, 2000. P. 81–83, 449–560.

Delisle 2009 — Delisle C. *Establishing the Facts: Conrad Gessner's Epistolae Medicinales between the Particular and the General*. PhD diss. University College London, 2009.

DeMaria 1997a — DeMaria R. Johnson's Dictionary // *The Cambridge Companion to Samuel Johnson* / ed. Greg Clingham. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 85–101.

DeMaria 1997b — DeMaria R. *Samuel Johnson and the Life of Reading*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997.

De Rijk 1965 — De Rijk L. M. 'Enkuklios paideia': A Study of Its Original Meaning // *Vivarium: A Journal for Mediaeval Philosophy and the Intellectual Life of the Middle Ages*. 1965. Vol. 3. № 1. P. 24–93.

Derolez 1979 — Derolez A. *Les catalogues de bibliothèques*. (Typologie des sources du Moyen Age occidental, fasc. 31). Turnhout: Brepols, 1979.

Derolez 2008 — Derolez A. La page de titre dans les manuscrits // Gilmont J.-F., Vanautgaerden A. (éd.) *La page de titre à la Renaissance*. Turnhout: Brepols, 2008. P. 17–36.

Desgraves 1988 — Desgraves L. La bibliothèque de l'abbaye de Saint-Victor et son inspection en 1684 // Jolly C. (éd.) *Histoire des bibliothèques françaises: Les bibliothèques sous l'Ancien Régime, 1530–1789*. Paris: Promodis, Editions du Cercle de la Librairie, 1988. P. 394–395.

Desgraves, Volpilhac-Augier 1999 — Desgraves L., Volpilhac-Augier C. *Catalogue de la Bibliothèque de Montesquieu à La Brède*. Naples: Liguori, 1999.

Désormeaux 2001 — Désormeaux D. *La figure du bibliomane: Histoire du livre et stratégie littéraire au XIXe siècle*. St. Genouph: Nizet, 2001.

Detlefsen 1899 — Detlefsen D. *Untersuchungen zur Zusammensetzung der Naturgeschichte des Plinius*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1899.

De Weerd 2007a — De Weerd H. *Competition over Content: Negotiating Standards for the Civil Service Examinations in Imperial China*. Cambridge: Harvard University Asia Center, 2007. P. 1127–1279.

De Weerd 2007b — De Weerd H. *The Encyclopedia as Textbook: Selling Private Chinese Encyclopedias in the Twelfth and Thirteenth Centuries* // Bretelle-Establet F., Chemla K. (éd.) *Qu'était-ce qu'écrire une encyclopédie en Chine? Extrême-Orient, Extrême-Occident (hors série)*. Presses Universitaires de Vincennes, 2007. P. 77–102.

Didier 1996 — Didier B. *Alphabet et raison: Le paradoxe des dictionnaires au XVIIIe siècle*. Paris: Presses Universitaires de France, 1996.

Diény 1991 — Diény J.-P. *Les encyclopédies chinoises* // Becq A. (éd.) *L'Encyclopédisme: Actes du Colloque de Caen, 12–16 Jan. 1987*. Paris: Klincksieck, 1991. P. 195–200.

Dierse 1977 — Dierse U. *Enzyklopädie: Zur Geschichte eines philosophischen und Wissenschaftstheoretischen Begriffs*. (Archiv für Begriffsge-

schichte, Supplementheft 2). Bonn: Bouvier Verlag Herbert Grundmann, 1977.

Dionisotti 1990 — Dionisotti A. C. Robert Grosseteste and the Greek encyclopedia // *Rencontres de cultures dans la philosophie médiévale*. Traductions et traducteurs de l'antiquité tardive au XIVe siècle. Actes du colloque international de Cassino, 15–17 juin 1989 / éd. Jacqueline Hamesse et Marta Fattori. Louvain-la-Neuve and Cassino: Institut d'Etudes Médiévales de l'Université Catholique de Louvain, 1990. P. 337–354.

Dondaine 1956 — Dondaine A. *Secrétaires de Saint Thomas*. 2 vol. Roma: Commissio Leonina, 1956.

Doody 2001 — Doody A. Finding Facts in Pliny's *Encyclopaedia*: The *Summarium of the Natural History* // *Ramus: Critical Studies in Greek and Roman Literature*. 2001. Vol. 30. P. 1–22.

Doody 2009 — Doody A. Pliny's *Natural History*: *Enkuklios Paideia* and the Ancient Encyclopedia // *Journal of the History of Ideas*. 2009. Vol. 70. № 1. P. 1–21.

Dooley 1984 — Dooley B. Science Teaching as a Career in Padua in the Early Eighteenth Century: The Case of Giovanni Poleni // *History of Universities*. 1984. Vol. 4. P. 115–151.

Dooley 1997 — Dooley B. Reading and Reviewing History in the Early Modern Period // *Storiographia: Rivista annuale di storia*. 1997. Vol. 1. № 1. P. 51–68.

Dorandi 2000 — Dorandi T. *Le stylet et la tablette: Dans le secret des auteurs antiques*. Paris: Les Belles Lettres, 2000.

Dover 2007 — Dover P. Deciphering the Diplomatic Archives of Fifteenth-Century Italy // *Archival Science*. 2007. Vol. 7. № 4. P. 297–316.

Drège 2007 — Drège J.-P. Des ouvrages classés par catégories: Les encyclopédies chinoises // Bretelle-Establet F., Chemla K. (éd.) *Qu'était-ce qu'écrire une encyclopédie en Chine? Extrême-Orient, Extrême-Occident* (hors série). Presses Universitaires de Vincennes, 2007. P. 19–38.

Dufournier 1936 — Dufournier B. Th. Zwinger de Bâle et la scolastique de l'histoire au XVIe siècle // *Revue d'histoire moderne*. 1936. Vol. 9. № 24. P. 323–331.

Dunaway 1981 — Dunaway D. K. *How Can I Keep from Singing*: Pete Seeger. New York: McGraw Hill, 1981.

Durling 1991 — Durling R. J. *Girolamo Mercuriale's De Modo Studendi* // *Renaissance Medical Learning: Evolution of a Tradition* / ed. Michael McVaugh and Nancy G. Siraisi. (Osiris, 2nd ser., vol. 6). 1991. P. 181–195.

Eamon 1994 — Eamon W. *Science and the Secrets of Nature: Books of Secrets in Medieval and Early Modern Culture*. Princeton: Princeton University Press, 1994.

Eco 1988 — Eco U. *An Ars Oblivionalis? Forget It!* // *Proceedings of the Modern Language Association*. 1988. Vol. 103. P. 254–261.

Edelstein 2009 — Edelstein D. *Humanism, l'Esprit Philosophique, and the Encyclopédie // Republics of Letters: A Journal for the Study of Knowledge, Politics, and the Arts*. 2009. Vol. 1. № 1. URL: <http://rofl.stanford.edu/node/27> (дата обращения: 29.08.2009).

Eisenstein 1979 — Eisenstein E. *The Printing Press as an Agent of Change*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

Eisenstein 1996 — Eisenstein E. *Printing as Divine Art: Celebrating Western Technology in the Age of the Handpress*. Oberlin, OH: Oberlin College, 1996.

Eisenstein 2011 — Eisenstein E. *Divine Art/Infernal Machine: The Reception of Printing in the West from First Impressions to the Sense of an Ending*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2011.

Eisenstein, Johns 2002 — Eisenstein E., Johns A. *AHR Forum: How Revolutionary Was the Print Revolution?* // *American Historical Review*. 2002. Vol. 107. № 1. P. 84–128.

Eisermann 2000 — Eisermann F. *Auflagenhöhen von Einblattdrucken im 15. und frühen 16. Jahrhundert* // Honemann V. et al. (eds.) *Einblattdrucke des 15. und frühen 16. Jahrhunderts. Probleme, Perspektiven, Fallstudien*. Tübingen: Max Niemeyer, 2000. P. 143–178.

Eisermann 2006 — Eisermann F. *The Indulgence as a Media Event: Developments in Communication through Broadside in the Fifteenth Century // Promissory Notes on the Treasury of Merits: Indulgences in Late Medieval Europe* / ed. R. N. Swanson. Leiden: Brill, 2006. P. 309–330.

Elman 2000 — Elman B. *A Cultural History of Civil Examinations in Late Imperial China*. Berkeley: University of California Press, 2000.

Elman 2007 — Elman B. *Collecting and Classifying: Ming Dynasty Compendia and Encyclopedias (Leishu)* // Bretelle-Establet F., Chemla K. (éd.) *Qu'était-ce qu'écrire une encyclopédie en Chine? Extrême-Orient, Extrême-Occident (hors série)*. Presses Universitaires de Vincennes, 2007. P. 131–158.

Enderle 1994 — Enderle W. *Die Druckverleger des katholischen Deutschlands zwischen Augsburger Religionsfrieden 1555 und Westfälischem Frieden 1648* // *Bücher für die Wissenschaft. Bibliotheken zwischen Tradition und Fortschritt. Festschrift für Günter Gatterman zum 65. Geburtstag / Hrsg. Gert Kaiser*. Munich: K. G. Saur. 1994. P. 37–59.

Endress 2006 — Endress G. (ed.) *Organizing Knowledge: Encyclopaedic Activities in the Pre-Eighteenth-Century Islamic World*. Leiden: Brill, 2006.

Enenkel, Neuber 2005 — Enenkel K. A. E., Neuber W. *Cognition and the Book: Typologies of Formal Organisation of Knowledge in the Printed Book of the Early Modern Period*. Leiden: Brill, 2005.

Engammare 2002 — Engammare M. *Sante Pagnini, traducteur ad litteram et exégète secundum allegoriam de l'Écriture, 1520–1536 // Philologie et subjectivité: Actes de la journée d'études organisée par l'École des Chartes, 2001 / éd. Dominique de Courcelles*. Paris: Ecole des Chartes. 2002. P. 41–52.

Engammare 2004 — Engammare M. *L'ordre du temps: L'invention de la ponctualité au XVIe siècle*. Genève: Droz, 2004.

Engelsing 1970 — Engelsing R. *Die Perioden der Lesergeschichte in der Neuzeit // Archiv für Geschichte des Buchwesens*. 1970. Vol. 10. P. 946–1000.

Ernst 2002 — Ernst U. *Standardisiertes Wissen bei Schrift und Lektüre, Buch und Druck. Am Beispiel des enzyklopädischen Schrifttums vom Mittelalter zur Frühen Neuzeit // Meier Ch. (Hrsg.) Die Enzyklopädien im Wandel vom Hochmittelalter bis zur frühen Neuzeit*. Munich: Wilhelm Fink, 2002. P. 451–494.

Espagne 1998 — Espagne M. *De l'archive au texte: Recherches d'histoire génétique*. Paris: Presses Universitaires de France, 1998.

Evans 1980 — Evans M. *The Architecture of the Mind // Architectural Association Quarterly*. 1980. Vol. 12. P. 32–55.

Evans 1977 — Evans R. W. J. *Learned Societies in Germany in the Seventeenth Century // European Studies Review*. 1977. Vol. 7. P. 129–152.

Eybl 1995 — Eybl F. M. *Enzyklopädien der frühen Neuzeit: Beiträge zu ihrer Forschung*. Tübingen: Niemeyer, 1995.

Ezell 1999 — Ezell M. J. M. *Social Authorship and the Advent of Print*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1999.

Fabian 1976 — Fabian B. *Der Gelehrte als Leser // Librarium*. 1976. Vol. 19. P. 160–168.

Feather 2004 — Feather J. *The Information Society: A Study of Continuity and Change*. 4th ed. London: Facet, 2004. (Первая публикация — 1994.)

Febvre 1907 — Febvre L. *Un secrétaire d'Erasmus. Gilbert Cousin et la Réforme en Franche-Comté // Bulletin de la Société Française du Protestantisme*. 1907. Vol. 56. P. 97–179.

Febvre, Martin 1976 — Febvre L., Martin H.-J. *The Coming of the Book / tr. David Gerard*. London: Verso, 1976.

Feingold 2001 — Feingold M. *English Ramism: A Reinterpretation // The Influence of Petrus Ramus: Studies in Sixteenth and Seventeenth Cen-*

tury Philosophy and Sciences / ed. Mordechai Feingold, Joseph S. Freedman, and Wolfgang Rother. Basel: Schwabe. 2001. P. 127–176.

Felici 2009 — Felici L. Theodor Zwinger's *Methodus Apodemica*: Observatory of the City as Political Space in the Late Sixteenth Century // Cromohs. *Cyber Review of Modern Historiography*. 2009. Vol. 14. P. 1–18. URL: <http://www.cromohs.unifi.it/> (дата обращения: 15.09.2023).

Ferguson 1929 — Ferguson J. *The Margarita Philosophica of Gregorius Reisch*. London: Bibliographical Society, 1929.

Ferrer 2004 — Ferrer D. Towards a Marginalist Economy of Textual Genesis // *Variants: Journal of the European Society for Textual Scholarship*. 2004. Vol. 2/3. P. 7–36.

Ferret et al. 2007 — Ferret O., Goggi G., Volphilhac-Auger C. *Copier/ Coller. Ecriture et réécriture chez Voltaire. Actes du colloque international (Pise, 30 juin-2 juillet 2005)*. Pisa: Edizioni Plus, 2007.

Finch 1986 — Finch J. (ed.) *A Catalogue of the Libraries of Sir Thomas Browne and Sir Edward Browne, His Son*. Leiden: Brill, 1986.

Findlen 1994 — Findlen P. *Possessing Nature: Museums, Collecting and Scientific Culture in Early Modern Italy*. Berkeley: University of California Press, 1994.

Findlen 1999 — Findlen P. *Masculine Prerogatives: Gender, Space, and Knowledge in the Early Modern Museum* // *The Architecture of Science* / ed. Peter Galison and Emily Thompson. Cambridge: MIT Press. 1999. P. 29–57.

Findlen 2003 — Findlen P. *The Death of a Naturalist: Knowledge and Community in Late Renaissance Italy*. (Неопубликованный доклад, прочитанный на конференции “Renaissance Society of America”). 2003.

Finnegan 1988 — Finnegan R. *Literacy and Orality: Studies in the Technology of Communication*. Oxford: Basil Blackwell, 1988.

Firpo 1970 — Firpo L. *The Flowering and Withering of Speculative Philosophy—Italian Philosophy and the Counter Reformation: The Condemnation of Francesco Patrizi* // *The Late Italian Renaissance* / ed. Eric Cochrane. New York: Harper & Row, 1970. P. 266–284.

Fischer et al. 1967 — Fischer H. et al. *Conrad Gessner, 1516–1565: Universalgelehrter, Naturforscher, Arzt*. Zürich: Orell Füssli, 1967.

Fischer 1936 — Fischer O. *Geschichte der öffentlichen Kunstsammlung // Festschrift zur Eröffnung des Kunstmuseums*. Basel: Birkhäuser, 1936. P. 7–118.

Flood 2007 — Flood J. ‘*Omnium totius orbis emporiorum compendium*’: The Frankfurt Fair in the Early Modern Period // Myers R., Harris M., Man-

delbrote G. (eds.) *Fairs, Markets, and the Itinerant Book Trade*. New Castle, DE: Oak Knoll Press; London: British Library, 2007. P. 1–42.

Fontaine 1959 — Fontaine J. *Isidore de Séville et la culture classique dans l'Espagne wisigothique*. 2 vol. Paris: Etudes Augustiniennes, 1959.

Fordyce, Knox 1937 — Fordyce C. J., Knox T. M. *The Library of Jesus College, Oxford*. Oxford: University Press, 1937. (Репринт публикации в: *Proceedings and Papers of the Oxford Bibliographical Society*, vol. 5, pt. 2.)

Forster 1980 — Forster L. *Christoffel van Sichem in Basel und der frühe deutsche Alexandriner*. Amsterdam: North Holland Publishing, 1980.

Fothergill 1974 — Fothergill R. A. *Private Chronicles: A Study of English Diaries*. Oxford: Oxford University Press, 1974.

Foucault 1977 — Foucault M. *What Is an Author? // Language, Counter-Memory, Practice: Selected Essays and Interviews / tr. Donald F. Bouchard and Sherry Simon*. Ithaca: Cornell University Press, 1977. P. 113–138.

Foucault 1983 — Foucault M. *On the Genealogy of Ethics // Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics / ed. Hubert L. Dreyfus and Paul Rabinow*. Chicago: University of Chicago Press, 1983. P. 229–264.

Fowler 1997 — Fowler R. L. *Encyclopaedias: Definitions and Theoretical Problems // Binkley P. (ed.) Pre-Modern Encyclopaedic Texts: Proceedings of the Second COMERS Congress, Groningen, 1–4 July 1996*. Leiden: Brill, 1997. P. 3–29.

Fox 2004 — Fox M. V. *The JPS Bible Commentary: Ecclesiastes*. Philadelphia: Jewish Publication Society, 2004.

Fragno 2001 — Fragnito G. (ed.) *Church, Censorship, and Culture in Early Modern Italy / tr. Adrian Belton*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Frängsmyr 2001 — Frängsmyr T. (ed.) *The Structure of Knowledge: Classifications of Science and Learning since the Renaissance*. Berkeley: Office for History of Science and Technology, 2001.

Franklin 1875 — Franklin A. *Précis de l'histoire de la Bibliothèque du Roi*. Paris: Léon Willem, 1875.

Frasca-Spada, Jardine 2000 — Frasca-Spada M., Jardine N. (eds.) *Books and the Sciences in History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Frati et al. 1907 — Frati L., Ghigi A., Sorbelli A. *Catalogo dei manoscritti di Ulisse Aldrovandi*. Bologna: N. Zanichelli, 1907.

Freedberg 2002 — Freedberg D. *The Eye of the Lynx: Galileo, His Friends and the Beginnings of Modern Natural History*. Chicago: University of Chicago Press, 2002.

Freedman 1988 — Freedman J. S. *European Academic Philosophy in the Late Sixteenth and Early Seventeenth Centuries: The Life, Significance, and Philosophy of Clemens Timpler, 1563/4–1624*. Hildesheim: G. Olms, 1988.

Freedman 1997 — Freedman J. *The Career and Writings of Bartholomew Keckermann* // *Proceedings of the American Philosophical Society*. 1997. Vol. 141. P. 305–364.

Friedrich 2008 — Friedrich M. *Government and Information-Management in Early Modern Europe: The Case of the Society of Jesus, 1540–1773* // *Journal of Early Modern History*. 2008. Vol. 12. P. 539–563.

Fu 2007 — Fu D. *The Flourishing of Biji or Pen-Notes Texts and Its Relations to History of Knowledge in Song China, 960–1279* // Bretelle-Establét F., Chemla K. (éd.) *Qu'était-ce qu'écrire une encyclopédie en Chine? Extrême-Orient, Extrême-Occident (hors série)*. Presses Universitaires de Vincennes, 2007. P. 103–130.

Fulton 2010 — Fulton Th. *Historical Milton: Manuscript, Print and Political Culture in Revolutionary England*. Amherst: University of Massachusetts Press, 2010.

Fumaroli 1980 — Fumaroli M. *L'âge de l'éloquence*. Genève: Droz, 1980.

Fumaroli 2001 — Fumaroli M. *Les abeilles et les araignées* // *La querelle des anciens et des modernes* / éd. Anne-Marie Lecoq. Paris: Gallimard, 2001. P. 7–218.

Furno 1995 — Furno M. *Le Cornucopiae de Niccolò Perotti: Culture et méthode d'un humaniste qui aimait les mots*. Geneva: Droz, 1995.

Furno 2000 — Furno M. *Indices vocabulorum* // *La Collection Ad Usum Delphini: L'Antiquité au Miroir du Grand Siècle* / éd. Catherine Volpilhac-Augier. Grenoble: ELLUG, 2000. P. 253–260.

Furno 2001 — Furno M. *Le mariage du Calepin et du Thesaurus sous l'olivier de Robert Estienne à Genève, en 1553* // *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance*. 2001. Vol. 63. P. 511–532.

Garavini 1992 — Garavini F. *Montaigne et le Theatrum Vitae Humanae* // *Montaigne et l'Europe. Actes du colloque international de Bordeaux, 21–23 mai 1992* / éd. Claude-Gilbert Dubois. Mont-de-Marsan: Editions InterUniversitaires, 1992. P. 31–45.

Garavini 1993 — Garavini F. *Montaigne rencontre Theodor Zwinger à Bâle* // *Montaigne Studies: An Interdisciplinary Forum*. 1993. Vol. 5. P. 191–205.

Garavini 1994 — Garavini F. *Au 'sujet' de Montaigne: De la leçon à l'écriture du moi* // *Carrefour Montaigne* / éd. Jules Brody et al. Pisa: Edizioni ETZ; Genève: Editions Slatkine, 1994. P. 63–93.

Garavini 2000 — Garavini F. Les Essais, oeuvre mêlée? Montaigne lu par Charles Sorel (et revisité par André Tournon) // "D'une fantastique bigarrure." Le texte composite à la Renaissance. Etudes offertes à André Tournon / éd. Jean-Raymond Fanlo. Paris: Champion, 2000. P. 135–144.

Garel 1991 — Garel M. D'une main forte: Manuscrits hébreux des collections françaises. Paris: Seuil, Bibliothèque Nationale, 1991.

Gasnault 1988 — Gasnault P. De la bibliothèque de Mazarin à la bibliothèque Mazarine // Jolly C. (éd.) Histoire des bibliothèques françaises: Les bibliothèques sous l'Ancien Régime, 1530–1789. Paris: Promodis, Editions du Cercle de la Librairie, 1988. P. 135–145.

Gass 1918 — Gass J. Berühmte Kayzersberger. Colmar: Oberels. Verl.-Anst., 1918.

Gastert 2003 — Gastert S. Der Autor im Bild, das graphische Autorenportrait in gedruckten Enzyklopädien des 16. Jahrhunderts // Büttner F., Friedrich M., Zedelmaier H. (Hrsg.). Sammeln, ordnen, veranschaulichen: Zur Wissenskompilatorik in der Frühen Neuzeit. Münster: LIT, 2003. P. 301–324.

Géal 1999 — Géal F. Figures de la bibliothèque dans l'imaginaire espagnol du Siècle d'Or. Paris: Champion, 1999.

Geelhaar 1992 — Geelhaar Ch. Kunstmuseum Basel: The History of the Paintings Collection and a Selection of 250 Masterworks. Zürich: Palladion, 1992.

Geldner 1950 — Geldner F. Der Verkaufspreis des Günther Zainer'schen 'Catholicon' von 1469 (GW 3183) // Festschrift für Eugen Stollreither zum 75: Geburtstage gewidmet / Hrsg. Fritz Redenbacher. Erlangen: Universitätsbibliothek, 1950. P. 37–42.

Genette 1997 — Genette G. Paratexts: Thresholds of Interpretation / tr. Jane E. Lewin. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. (Первая публикация — Seuil, 1987.)

Germann 1994 — Germann M. Die reformierte Stiftsbibliothek am Grossmünster Zürich im 16. Jahrhundert und die Anfänge der neuzeitlichen Bibliographie: Rekonstruktion des Buchbestandes und seiner Herkunft, der Bücheraufstellung und des Bibliotheksraumes: mit Edition des Inventars 1532/1551 von Conrad Pellikan. Wiesbaden: Harrassowitz, 1994.

Gerritsen 1991 — Gerritsen J. Printing at Froben's: An Eye-Witness Account // Studies in Bibliography (Charlottesville, VA). 1991. Vol. 44. P. 144–162.

Giard, Jacob 2001 — Giard L., Jacob Ch. (éd.) Des Alexandries I: Du livre au texte. Paris: Bibliothèque nationale de France, 2001.

Gierl 2001 — Gierl M. Kompilation und die Produktion von Wissen im 18. Jahrhundert // Zedelmaier H., Mulsow M. Praktiken der Gelehrsamkeit in der frühen Neuzeit. Tübingen: Niemeyer, 2001. P. 63–94.

Gigante 1995 — Gigante M. *Philodemus in Italy: The Books from Herculaneum* / tr. Dirk Obbink. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1995.

Gillies, Cailliau 2000 — Gillies J., Cailliau R. *How the Web Was Born: The Story of the World Wide Web*. Oxford: Oxford University Press, 2000.

Gilly — Gilly C. *Theodor Zwinger e la crisi culturale della seconda metà del Cinquecento*. Florence: Olschki (готовится к изданию).

Gilly 1977–1978 — Gilly C. *Zwischen Erfahrung und Spekulation: Theodor Zwinger und die religiöse und kulturelle Krise seiner Zeit* // *Basler Zeitschrift für Geschichte und Alterumskunde*. 1977. Vol. 77. P. 57–137; 1978. Vol. 78. P. 125–223.

Gilly 1985 — Gilly C. *Spanien und der Basler Buchdruck bis 1600. Ein Querschnitt durch die Spanische Geistesgeschichte aus der Sicht einer europäischen Buchdruckerstadt*. (Basler Beiträge zur Geschichtswissenschaft 151.) Basel and Frankfurt: Helbing & Lichtenhahn, 1985.

Gilly 2001 — Gilly C. *Die Manuskripte in der Bibliothek des Johannes Oporinus. Verzeichnis der Manuskripte und Druckvorlagen aus dem Nachlass Oporins anhand des von Theodor Zwingers und Basilius Amerbach erstellten Inventariums*. Basel: Schwabe, 2001.

Gilly 2002 — Gilly C. *Theodor Zwinger's Theatrum humanae vitae: From Natural Anthropology to the 'Novum Organum' of Sciences* // *Magia, alchimia, scienza dal '400 al '700: L'influsso di Ermete Trismegisto* / ed. Carlos Gilly e Cis van Heertum. Firenze: Centro Di, 2002. P. 253–273.

Gilmont 1997 — Gilmont J.-F. *Jean Calvin et le livre imprimé*. Genève: Droz, 1997.

Gilmont 2003a — Gilmont J.-F. *Le Livre et ses secrets*. Genève: Droz, 2003.

Gilmont 2003b — Gilmont J.-F. *Protestant Reformations and Reading* // Cavallo G., Chartier R. *A History of Reading in the West* / tr. Lydia G. Cochrane. Amherst: University of Massachusetts Press, 2003. P. 213–237.

Gilmont, Vanautgaerden 2008 — Gilmont J.-F., Vanautgaerden A. (éd.) *La page de titre à la Renaissance*. Turnhout: Brepols, 2008.

Gils 1992 — Gils P. M. *St. Thomas écrivain* // *S. Thomae de Aquino Opera omnia iussu Leonis XIII P. M. edita*. Roma: Commissio Leonina; Paris: Editions du Cerf, 1992. Vol. 50. P. 173–209.

Gingerich 1993 — Gingerich O. *Astronomical Paper Instruments with Moving Parts* // *Making Instruments Count: Essays on Historical Scientific Instruments presented to Gerard L'Estrange Turner* / ed. R. G. W. Anderson et al. Aldershot, Eng.: Variorum, 1993. P. 63–74.

Gingerich 2002 — Gingerich O. *An Annotated Census of Copernicus' De revolutionibus* (Nürnberg, 1543, and Basel, 1566). Leiden: Brill, 2002.

Ginzburg 1999 — Ginzburg C. Lorenzo Valla on the 'Donation of Constantine' // *History, Rhetoric, and Proof*. Hanover, NH: University Press of New England, 1999. P. 54–70.

Giudicelli-Falguières 1988 — Giudicelli-Falguières P. *Invention et mémoire: Aux origines de l'institution muséographique, les collections encyclopédiques et les cabinets de merveilles dans l'Italie du XVIe siècle*. Thèse de doctorat, Paris I, dir. Daniel Roche. 1988.

Glorieux 1931 — Glorieux P. *Un recueil scolaire de Godefroid de Fontaines* (Paris, Nat. lat. 16297) // *Recherches de théologie ancienne et médiévale*. 1931. Vol. 3. P. 37–53.

Glorieux 1968 — Glorieux P. *L'enseignement au Moyen Age: Techniques et méthodes* // *Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Age*. 1968. P. 65–186.

Goddu, Rouse 1977 — Goddu A. A., Rouse R. H. Gerald of Wales and the *Florilegium Angelicum* // *Speculum*. 1977. Vol. 52. P. 488–521.

Goetschel et al. 1994 — Goetschel W., Macleod C., Snyder E. *The Deutsche Encyclopädie* // Kafker F. A. (ed.) *Notable Encyclopedias of the Late Eighteenth Century: Eleven Successors of the Encyclopédie*. Oxford: Voltaire Foundation, 1994. P. 257–333.

Goody 1986 — Goody J. *The Logic of Writing and the Organization of Society*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

Goulet-Cazé 2002 — Goulet-Cazé M.-O. *Commentaire entre tradition et innovation*. Paris: Vrin, 2002.

Goyet 1986–1987 — Goyet F. A propos de 'ces pastissages de lieux communs' (le rôle des notes de lecture dans la genèse des *Essais*) // *Bulletin de la Société des Amis de Montaigne*. 1986. Vol. 5–6. P. 11–26; 1987. Vol. 7–8. P. 9–30.

Grafton 1975 — Grafton A. J. J. Scaliger's *Indices* to J. Gruter's *Inscriptiones Antiquae*: A Note on Leiden University Library Ms Scal. 11 // *Lias: Sources and Documents Relating to the Early Modern History of Ideas*. 1975. Vol. 2. P. 109–113.

Grafton 1980 — Grafton A. The Importance of Being Printed // *Journal of Interdisciplinary History*. 1980. Vol. 11. P. 265–286.

Grafton 1983 — Grafton A. *Joseph Scaliger: A Study in the History of Classical Scholarship*. Vol. 1: *Textual Criticism and Exegesis*. Oxford: Clarendon Press, 1983.

Grafton 1991 — Grafton A. *Bring Out Your Dead*. Cambridge: Harvard University Press, 1991.

Grafton 1992 — Grafton A. *New Worlds, Ancient Texts: the Power of Tradition and the Shock of Discovery*. Cambridge: Harvard University Press, 1992.

Grafton 1993a — Grafton A. *Joseph Scaliger: A Study in the History of Classical Scholarship*. Vol. 2: *Historical Chronology*. Oxford: Clarendon Press, 1993.

Grafton 1993b — Grafton A. (ed.) *Rome Reborn: The Vatican Library and Renaissance Culture*. New Haven: Yale University Press; Washington, DC: Library of Congress, in association with Biblioteca Apostolica Vaticana, Vatican City, 1993.

Grafton 1993c — Grafton A. *The Vatican and Its Library* // Grafton A. (ed.) *Rome Reborn: The Vatican Library and Renaissance Culture*. New Haven: Yale University Press; Washington, DC: Library of Congress, in association with Biblioteca Apostolica Vaticana, Vatican City, 1993. P. 3–45.

Grafton 1997 — Grafton A. *Commerce with the Classics: Ancient Books and Renaissance Readers*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1997.

Grafton 1999 — Grafton A. *Cardano's Cosmos: The Worlds and Works of a Renaissance Astrologer*. Cambridge: Harvard University Press, 1999.

Grafton 2001 — Grafton A. *Where Was Salomon's House? Ecclesiastical History and the Intellectual Origins of Bacon's New Atlantis* // *Die europäische Gelehrtenrepublik im Zeitalter des Konfessionalismus* (Wolfenbütteler Forschungen 96). 2001. P. 21–39.

Grafton 2003 — Grafton A. *Les lieux communs chez les humanistes* // Décultot E. (éd.) *Lire, copier, écrire*. Paris: CNRS, 2003. P. 31–42.

Grafton 2007 — Grafton A. *What Was History? The Art of History in Early Modern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Grafton, Jardine 1986 — Grafton A., Jardine L. *From Humanism to the Humanities*. Cambridge: Harvard University Press, 1986.

Grafton, Williams 2006 — Grafton A., Williams M. *Christianity and the Transformation of the Book: Origen, Eusebius, and the Library of Caesarea*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 2006.

Green 2000 — Green I. *Print and Protestantism in Early Modern England*. Oxford: Oxford University Press, 2000.

Green, Stallybrass 2006 — Green J. N Stallybrass P. *Benjamin Franklin, Writer and Printer*. Newcastle, DE: Oak Knoll Press, Philadelphia: Library Company of Philadelphia; London: British Library, 2006.

Greengrass 1995 — Greengrass M. *The Financing of a Seventeenth-Century Intellectual: Contributions for Comenius, 1537–1541* // *Acta Comeniana*. 1995. Vol. 11. P. 71–87.

Greengrass 1998 — Greengrass M. *Archive Refractions: Hartlib's Papers and the Workings of an Intelligencer* // Hunter M. (ed.) *Archives of the Scientific Revolution: The Formation and Exchange of Ideas in Seventeenth-Century Europe*. Woodbridge, Eng.: Boydell Press, 1998. P. 35–47.

Grésillon 2000 — Grésillon A. *Lire pour écrire: Flaubert lector et scriptor* // *Lesen und Schreiben in Europa, 1500–1900: Vergleichende Perspektiven. Perspectives comparées. Perspettive comparate* / Hrsg. Alfred Messerli, Roger Chartier. Basel: Schwabe, 2000. P. 593–608.

Guenée 1981 — Guenée B. 'Authentique et approuvé': *Recherches sur les principes de la critique historique au Moyen Age* // *La lexicographie du latin médiéval et ses rapports avec les recherches actuelles sur la civilisation du Moyen Age* (Paris, 18–21 Octobre 1978). Paris: Editions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1981. P. 215–229.

Guenée 1983 — Guenée B. *Lo storico e la compilazione nel XIII secolo* // *Aspetti della letteratura latina nel secolo XIII* / ed. Claudio Leonardi e Giovanni Orlandi. Perugia: Regione dell'Umbria; Firenze: La Nuova Italia, 1983. P. 57–76.

Guesdon 1996 — Guesdon M.-G. *Encyclopédies en langue arabe* // Schaer R. (éd.) *Tous les savoirs du monde*. Paris: Flammarion/Bibliothèque nationale de France, 1996. P. 118–135.

Guillory 2004 — Guillory J. *The Memo and Modernity* // *Critical Inquiry*. 2004. Vol. 31. P. 108–132.

Guy 1987 — Guy K. *The Emperor's Four Treasuries: Scholars and the State in the Late Ch'ien-Lung Era*. Cambridge: Council on East Asian Studies, Harvard University, 1987.

Guzman 1990 — Guzman G. G. *Vincent of Beauvais' Epistola Auctoris ad Regem Ludovicum: A Critical Analysis and a Critical Edition* // Paulmier-Foucart M., Lusignan S., Nadeau A. (éd.) *Vincent de Beauvais: Intentions et réceptions d'une oeuvre encyclopédique au Moyen-Age*. Saint-Laurent: Bellarmin; Paris: Vrin, 1990. P. 57–85.

Guzman 1996 — Guzman G. G. *Encyclopedias* // *Medieval Latin: An Introduction and Bibliographical Guide* / ed. F. A. C. Mantello. Washington, DC: Catholic University of America Press, 1996. P. 702–707.

Guzman 1997 — Guzman G. G. *The Testimony of Medieval Dominicans Concerning Vincent of Beauvais* // Lusignan S., Paulmier-Foucart M. (éd.) *Lector et compiler: Vincent de Beauvais frère prêcheur*. Grâne, France: Creaphis, 1997. P. 303–326.

Hadot 1998 — Hadot P. *The Inner Citadel: The Meditations of Marcus Aurelius* / tr. Michael Chase. Cambridge: Harvard University Press, 1998.

Hahn, Buckland 1998 — Hahn T. B., Buckland M. (eds.) *Historical Studies in Information Science*. Medford NJ: Information Today, 1998.

Hall 1987 — Hall M. B. *Boyle's Method of Work: Promoting His Corpuscular Philosophy* // *Notes and Records of the Royal Society*. 1987. Vol. 41. P. 111–143.

Halverson 1992 — Halverson J. *Goody and the Implosion of the Literacy Thesis* // *Man*. 1992. Vol. 27. P. 301–317.

Hamesse 1986 — Hamesse J. *Reportatio et transmission de textes* // *The Editing of Theological and Philosophical Texts from the Middle Ages* / ed. Monika Asztalos. Stockholm: Almqvist and Wiksell International. 1986. P. 11–34.

Hamesse 1990 — Hamesse J. *Le vocabulaire des florilèges médiévaux* // Weijers O. (éd.) *Méthodes et instruments du travail intellectuel au Moyen Age: Etudes sur le vocabulaire*. Brepols: Turnhout, 1990. P. 209–230.

Hamesse 1994 — Hamesse J. *Les autographes à l'époque scolastique: Approche terminologique et méthodologique* // Chiesa P., Pinelli L. (eds.) *Gli autografi medievali. Problemi paleografici e filologici*, *Atti del convegno di studio della Fondazione Ezio Franceschini, Erice 25 Settembre — 2 Ottobre 1990*. Spoleto: Centro Italiano di studi sull'alto medioevo, 1994. P. 179–205.

Hamesse 1996a — Hamesse J. *Lexiques et glossaires philosophiques inédits* // Hamesse J. (éd.) *Les manuscrits des lexiques et glossaires de l'antiquité tardive à la fin du Moyen Age, actes du colloque international organisé par le "Ettora Majorana Centre for Scientific Culture" (Erice, 23–30 Septembre 1994)*. Louvain-la-Neuve: Fédération Internationale des Instituts d'Études Médiévales, 1996. P. 453–480.

Hamesse 1996b — Hamesse J. (éd.) *Les manuscrits des lexiques et glossaires de l'antiquité tardive à la fin du Moyen Age, actes du colloque international organisé par le "Ettora Majorana Centre for Scientific Culture" (Erice, 23–30 Septembre 1994)*. Louvain-la-Neuve: Fédération Internationale des Instituts d'Études Médiévales, 1996.

Hamesse 2002 — Hamesse J. *Les marginalia dans les textes philosophiques* // *Talking to the Text: Marginalia from Papyri to Print, Proceedings of a Conference Held at Erice, 26 September — 3 October 1998 as the 12th Course of International School for the Study of Written Records* / ed. Vincenzo Fera, Giacomo Ferrarù, and Silvia Rizzo. 2 vols. Vol. 1. Messina: Centro Interdipartimentale di Studi Umanistici, 2002. P. 301–319.

Hammond 2003 — Hammond P. *Sources for Shakespeare's Sonnets 87 and 129 in Tottel's Miscellany (1557) and Puttenham's The Arte of English Poesie* // *Notes and Queries*. 2003. Vol. 50. № 4. P. 407–410.

Hanebutt-Benz et al. 2002 — Hanebutt-Benz E. et al. (eds.) *Middle Eastern Languages and the Print Revolution: A Cross-Cultural Encounter*. Mainz: Gutenberg-Museum, 2002.

Hankins 1993 — Hankins J. *The Popes and Humanism* // Grafton A. (ed.) *Rome Reborn: The Vatican Library and Renaissance Culture*. New Haven: Yale University Press; Washington, DC: Library of Congress, in association with Biblioteca Apostolica Vaticana, Vatican City, 1993. P. 46–85.

Harkness 1997 — Harkness D. *Managing an Experimental Household: The Dees of Mortlake and the Practice of Natural Philosophy* // *Isis*. 1997. Vol. 88. P. 247–262.

Harkness 2007 — Harkness D. *The Jewel House: Elizabethan London and the Scientific Revolution*. New Haven: Yale University Press, 2007.

Harvey 2000a — Harvey S. *The Hebrew Translations of the Middle Ages* // Harvey S. (ed.) *The Medieval Hebrew Encyclopedias of Science and Philosophy*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2000. P. 468–519.

Harvey 2000b — Harvey S. (ed.) *The Medieval Hebrew Encyclopedias of Science and Philosophy*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2000.

Hasenohr 1988 — Hasenohr G. *Lessor des bibliothèques privées aux XIVe et XVe siècles* // *Histoire des Bibliothèques Françaises I: Les Bibliothèques médiévales, du VIe siècle à 1530* / éd. André Vernet. Paris: Promodis, 1988. P. 215–263.

Haskell 2003 — Haskell Y.A. *Loyola's Bees: Ideology and Industry in Jesuit Latin Didactic Poetry*. London: British Academy, 2003.

Hathaway 1989 — Hathaway N. *Compilatio from Plagiarism to Compiling* // *Viator*. 1989. Vol. 20. P. 19–44.

Haugen 2011 — Haugen K. *Richard Bentley: Poetry and Enlightenment*. Cambridge: Harvard University Press, 2011.

Havens 2001 — Havens E. *Commonplace Books: A History of Manuscripts and Printed Books from Antiquity to the Twentieth Century*. New Haven: Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University, 2001.

Hazard 1935 — Hazard P. *Crise de la conscience européenne, 1680–1715*. Paris: Boivin, 1935.

Headrick 2000 — Headrick D. *When Information Came of Age: Technologies of Knowledge in the Age of Reason and Revolution, 1700–1850*. Oxford: Oxford University Press, 2000.

Heijdra 2006 — Heijdra M. J. *Tale of Two Aesthetics: Typography versus Calligraphy in the Premodern Chinese Book* // *The Art of the Book in China* / ed. Ming Wilson and Stay Pierson. London: University of London, Percival Davis Foundation of Chinese Art, 2006. P. 15–27.

Hejnic, Bok 1989 — Hejnic J., Bok V. *Gesners europäische Bibliographie und ihre Beziehung zum Späthumanismus in Böhmen und Mähren*. Vienna: Böhlau, 1989.

Hellinga 1962 — Hellinga W. *Copy and Print in the Netherlands: An Atlas of Historical Bibliography*. Amsterdam: North-Holland Publishing, 1962.

Helmbold, O'Neil 1959 — Helmbold W. C., O'Neil E. N. *Plutarch's Quotations*. Baltimore: American Philological Association, 1959.

Helmreich 2003 — Helmreich Ch. *Du discours érudit à l'écriture romanesque: Recherches sur les cahiers d'extraits de Jean Paul // Décultot E. (éd.) Lire, copier, écrire*. Paris: CNRS, 2003. P. 179–198.

Henderson 2007 — Henderson J. *The Medieval World of Isidore of Seville*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Herrick 1998 — Herrick G. *The Commonplace Book. A presentation before the Club of Odd Volumes, January 12, 1998*. North Brookfield MA: Sun Hill Press, 1998.

Hertz 1985 — Hertz N. *The End of the Line: Essays on Psychoanalysis and the Sublime*. New York: Columbia University Press, 1985.

Hess 2002 — Hess G. *Literatur in Lebenszusammenhang: Text- und Bedeutungskonstituierung im Stammbuch Herzog August des Jüngeren von Braunschweig-Lüneburg, 1579–1666*. Frankfurt: Peter Lang, 2002.

Hess 2003 — Hess G. *Fundamenta fürstlicher Tugend: Zum Stellenwert der Sentenz im Rahmen der voruniversitären Ausbildung Herzog August d. J. // Büttner F., Friedrich M., Zedelmaier H. (Hrsg.). Sammeln, ordnen, veranschaulichen: Zur Wissenskompilatorik in der Frühen Neuzeit*. Münster: LIT, 2003. P. 131–174.

Hess 2008 — Hess G. *Formen der Validierung in frühneuzeitlichen Florilegien und Enzyklopädien. // Eule oder Nachtigall? Tendenzen und Perspektiven kulturwissenschaftlicher Werteforschung / Hrsg. Marie Luisa Allemeyer, Katharina Behrens, und Katharina Ulrike Mersch*. Göttingen: Wallstein Verlag, 2008. P. 73–103.

Hess 2015 — Hess G. *Florilegien. Genese, Wirkungsweisen und Transformationen frühneuzeitlicher Kompilationsliteratur // Wissensspeicher in der Frühen Neuzeit: Formen und Funktionen / Hrsg. Frank Grunert und Anette Syndikus*. Berlin: Akademie Verlag, 2015. P. 97–138.

Hieronymus 1997 — Hieronymus F. *1488 Petri-Schwabe 1988: Eine traditionsreiche Basler Offizin im Spiegel ihrer frühen Drucke*. 2 Bd. Basel: Schwabe, 1997.

Hieronymus 2005 — Hieronymus F. *Theophrast und Galen—Celsus und Paracelsus: Medizin, Naturphilosophie und Kirchenreform im Basler Buch-*

druck bis zum Dreissigjährigen Krieg. 4 Bd. (Publikationen der Universitätsbibliothek, Nr 36). Basel: Universitätsbibliothek, 2005.

Hillgarth 1992 — Hillgarth J. N. Who Read Thomas Aquinas? Toronto: Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 1992.

Hindman, Farquhar 1977 — Hindman S., Farquhar J. D. Pen to Press: Illustrated Manuscripts and Printed Books in the First Century of Printing. College Park: University of Maryland, 1977.

Hinman 1996 — Hinman Ch. (ed.) The First Folio of Shakespeare. New York: W. W. Norton, 1996.

Hirsch 1974 — Hirsch R. Printing, Selling and Reading, 1450–1550. Wiesbaden: Harrassowitz, 1974.

Hirsch 1978 — Hirsch R. Pre-Reformation Censorship of Printed Books // The Printed Word: Its Impact and Diffusion. London: Variorum Reprints, 1978.

Hobart, Schiffman 1998 — Hobart M. E., Schiffman Z. S. Information Ages: Literacy, Numeracy, and the Computer Revolution. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998.

Hobbins 2009 — Hobbins D. Authorship and Publicity before Print: Jean Gerson and the Transformation of Late Medieval Learning. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2009.

Hodson 1972 — Hodson J. H. The Administration of Archives. Oxford: Pergamon Press, 1972.

Hoffmann 1855 — Hoffmann F. L. Martin Fogel // *Serapeum*. 1855. Vol. 16. P. 97–110.

Hoffmann 1993 — Hoffmann G. The Montaigne Monopoly: Revising the *Essais* under the French Privilege System // *Proceedings of the Modern Language Association*. 1993. Vol. 108. № 2. P. 308–319.

Hoffmann 1995 — Hoffmann G. Writing without Leisure: Proofreading as Work in the Renaissance // *Medieval and Renaissance Studies Journal*. 1995. Vol. 25. P. 17–31.

Hoffmann 1998 — Hoffmann G. Montaigne's Career. Oxford: Clarendon Press, 1998.

Hofmann et al. 1995 — Hofmann Th. et al. John Evelyn in the British Library. London: British Library, 1995.

Holford-Strevens 2003 — Holford-Strevens L. Aulus Gellius: An Antonine Scholar and His Achievement. Oxford: Oxford University Press, 2003.

Holmes et al. 2003 — Holmes F. L., Renn J., Rheinberger H.-J. (eds.) *Re-working the Bench: Research Notebooks in the History of Science*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2003.

Höltgen 1965 — Höltgen K. Synoptische Tabellen in der medizinischen Literatur und die Logik Agricolae und Ramus // *Sudhoffs Archiv*. 1965. Vol. 49. P. 371–390.

Holtz 1997 — Holtz L. Titre et incipit // *Titres et articulations du texte dans les oeuvres antiques, Actes du Colloque de Chantilly* / éd. Jean-Claude Fredouille [et al.]. Paris: Institut d'Études Augustiniennes, 1997. P. 469–489.

Honemann 2000 — Honemann V. Vorformen des Einblattdruckes. Urkunden—Schrifttafeln—Textierte Tafelbilder—Anschläge—Einblatthandschriften // Honemann V. et al. (eds.) *Einblattdrucke des 15. und frühen 16. Jahrhunderts. Probleme, Perspektiven, Fallstudien*. Tübingen: Max Niemeyer, 2000. P. 1–43.

Honemann et al. 2000 — Honemann V. et al. (eds.) *Einblattdrucke des 15. und frühen 16. Jahrhunderts. Probleme, Perspektiven, Fallstudien*. Tübingen: Max Niemeyer, 2000.

Hornblower, Spawforth 1996 — Hornblower S., Spawforth A. (eds.) *Oxford Classical Dictionary*. Oxford: Oxford University Press, 1996.

Hospinianus 1672 — Hospinianus R. *De templis libri 5*. Genève: De Tournes, 1672.

Hotson 2000 — Hotson H. *Johann Heinrich Alsted, 1588–1638: Between Renaissance, Reformation, and Universal Reform*. Oxford: Clarendon Press, 2000.

Hotson 2007 — Hotson H. *Commonplace Learning: Ramism and Its German Ramifications, 1543–1630*. Oxford: Oxford University Press, 2007.

Houghton 1979 — Houghton A. A. *Books and Manuscripts from the Library of Arthur A. Houghton, Jr.* London: Christie, Manson & Woods, 1979.

Houllemare 2004 — Houllemare M. *Un avocat parisien entre art oratoire et promotion de soi (fin XVIe siècle)* // *Revue historique*. 2004. Vol. 630. № 2. P. 283–302.

Hunt 1953 — Hunt R. W. Manuscripts Containing the Indexing Symbols of Robert Grosseteste // *Bodleian Library Record*. 1953. Vol. 4. P. 241–255.

Hunter 1998a — Hunter M. (ed.) *Archives of the Scientific Revolution: The Formation and Exchange of Ideas in Seventeenth-Century Europe*. Woodbridge, Eng.: Boydell Press, 1998.

Hunter 1998b — Hunter M. Mapping the Mind of Robert Boyle: The Evidence of the Boyle Papers // Hunter M. (ed.) *Archives of the Scientific Revolution: The Formation and Exchange of Ideas in Seventeenth-Century Europe*. Woodbridge, Eng.: Boydell Press, 1998. P. 121–136.

Hunter, Davis 1996 — Hunter M., Davis E. B. *The Making of Robert Boyle's Free Enquiry into the Vulgarly... (1686)* // *Early Science and Medicine*. 1996. Vol. 1. P. 204–271.

Hunter, Littleton 2001 — Hunter M., Littleton Ch. The Work-Diaries of Robert Boyle: A Newly Discovered Source and Its Internet Publication // Notes and Records of the Royal Society. 2001. Vol. 55. P. 373–390.

Ianziti 1988 — Ianziti G. Humanist Historiography under the Sforzas; Politics and Propaganda in Fifteenth-Century Milan. Oxford: Clarendon Press, 1988.

Ijsewijn 1987 — Ijsewijn J. Beyerlinck, Laurentius // Nationaal Biografisch Woordenboek. Brussels: Paleis der Academiën, 1987. Vol. 12. P. 59–67.

Impey, MacGregor 1985 — Impey O., MacGregor A. The Origins of the Museum: The Cabinet of Curiosities in Sixteenth- and Seventeenth-Century Europe. Oxford: Clarendon Press, 1985.

Ing 1988 — Ing J. Johann Gutenberg and His Bible. New York: Typophiles, 1988.

Irigoin 2003 — Irigoin J. Lire c'est d'abord chercher à comprendre // Jacob Ch. (ed.) Des Alexandries II: Les métamorphoses du lecteur. Paris: Bibliothèque nationale de France, 2003. P. 197–206.

Israel 2001 — Israel J. Radical Enlightenment: Philosophy and the Making of Modernity. Oxford: Oxford University Press, 2001.

Ithurria 1999 — Ithurria E. Rencontres: Du Lycosthenes aux Essais de Montaigne. Saint-Pierre-du-Mont: Presses Interuniversitaires, 1999.

Jackson 2001 — Jackson H. J. Marginalia: Readers Writing in Books. New Haven: Yale University Press, 2001.

Jacob 1996 — Jacob Ch. Navigations alexandrines // Le pouvoir des bibliothèques. Paris: Albin Michel, 1996. P. 47–83.

Jacob 2001 — Jacob Ch. Introduzione // Athenaeus, I deipnosophisti / tr., ed. Luciano Canfora. 4 vol. Rome: Salerno Editrice, 2001. Vol. 1. P. i–cxxi.

Jacob 2003 — Jacob Ch. (ed.) Des Alexandries II: Les métamorphoses du lecteur. Paris: Bibliothèque nationale de France, 2003.

Jaeger 1934 — Jaeger W. Aristotle: Fundamentals of the History of his Development / tr. Richard Robinson. Oxford: Clarendon Press, 1934.

James 1986 — James Th. The First Printed Catalogue of the Bodleian Library, 1605: A Facsimile. Oxford: Clarendon Press, 1986.

Jammes 1997 — Jammes A. De la destruction des livres // Barbier F. et al. (éd.) Le livre et l'historien: Études offertes en l'honneur du Professeur Henri-Jean Martin. Genève: Droz, 1997. P. 813–817.

Janssen 2005 — Janssen F. A. The Rise of the Typographical Paragraph // Enenkel K. A. E., Neuber W. Cognition and the Book: Typologies of Formal Organisation of Knowledge in the Printed Book of the Early Modern Period. Leiden: Brill, 2005. P. 9–32.

Jardine, Grafton 1990 — Jardine L., Grafton A. *Studied for Action: How Gabriel Harvey Read His Livy* // *Past and Present*. 1990. Vol. 129. P. 30–78.

Jardine 1984 — Jardine N. *The Birth of History and Philosophy of Science: Kepler's A Defence of Tycho against Ursus with Essays on Its Provenance and Significance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

Jayne 1956 — Jayne S. *Library Catalogues of the English Renaissance*. Berkeley: University of California Press, 1956.

Johns 1998 — Johns A. *The Nature of the Book: Print and Knowledge in the Making*. Chicago: University of Chicago Press, 1998.

Johnson G. 2005 — Johnson G. *Miss Leavitt's Stars: The Untold Story of the Woman Who Discovered How to Measure the Universe*. New York: W. W. Norton, 2005.

Johnson S. 2006 — Johnson S. F. *The Life and Miracles of Thekla: A Literary Study*. Washington, DC: Center for Hellenic Studies, 2006.

Johnson W. 2000 — Johnson W. A. *Toward a Sociology of Reading in Classical Antiquity* // *American Journal of Philology*. 2000. Vol. 121. P. 593–627.

Jolly 1988a — Jolly C. (éd.) *Histoire des bibliothèques françaises: Les bibliothèques sous l'Ancien Régime, 1530–1789*. Paris: Promodis, Editions du Cercle de la Librairie, 1988.

Jolly 1988b — Jolly C. *Naissance de la 'science' des bibliothèques* // Jolly C. (éd.) *Histoire des bibliothèques françaises: Les bibliothèques sous l'Ancien Régime, 1530–1789*. Paris: Promodis, Editions du Cercle de la Librairie, 1988. P. 379–383.

Jones 2007 — Jones W. *Keeping Found Things Found: The Study and Practice of Personal Information Management*. San Francisco: Morgan Kaufmann Publishers, 2007.

Jordan 1897 — Jordan W. *Die Leibniz'sche Rechenmaschine* // *Zeitschrift für Vermessungswesen*. 1897. Vol. 26. P. 289–315.

Jouffroy-Gauja, Haechler 1997 — Jouffroy-Gauja F., Haechler J. *Une lecture de l'Encyclopédie: Trente-cinq ans d'annotations par un souscripteur anonyme* // *Revue française d'histoire du livre*. 1997. Vol. 96–97. P. 329–376.

Joy 1987 — Joy L. S. *Gassendi the Atomist*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Kafker 1981 — Kafker F. A. (ed.) *Notable Encyclopedias of the Seventeenth and Eighteenth Centuries*. Oxford: Voltaire Foundation, 1981.

Kafker 1988 — Kafker F. A. *The Encyclopedists as Individuals: A Biographical Dictionary of the Authors of the Encyclopédie*. Oxford: Voltaire Foundation, 1988.

Kafker 1991 — Kafker F. A. La place de l'Encyclopédie dans l'histoire des encyclopédies // Becq A. (éd.) L'Encyclopédisme: Actes du Colloque de Caen, 12–16 Jan. 1987. Paris: Klincksieck, 1991. P. 97–108.

Kafker 1994a — Kafker F. A. The Influence of the Encyclopédie on the Eighteenth-Century Encyclopedic Tradition // Kafker F. A. (ed.) Notable Encyclopedias of the Late Eighteenth Century: Eleven Successors of the Encyclopédie. Oxford: Voltaire Foundation, 1994. P. 389–399.

Kafker 1994b — Kafker F. A. (ed.) Notable Encyclopedias of the Late Eighteenth Century: Eleven Successors of the Encyclopédie. Oxford: Voltaire Foundation, 1994.

Kafker 1996 — Kafker F. A. The Encyclopedists as a Group: A Collective Biography of the Authors of the Encyclopédie. Oxford: Voltaire Foundation, 1996.

Kafker, Loveland 2009 — Kafker F. A., Loveland J. The Early Years of the Encyclopaedia Britannica, 1768–1803: The Growth of an Outstanding Encyclopedia. Oxford: Voltaire Foundation, 2009.

Kane 1940 — Kane W. Jean Garnier, Librarian // Mid-America. April 1940. P. 75–95; July 1940. P. 191–222.

Karcher 1956 — Karcher J. Theodor Zwinger und seine Zeitgenossen; Episode aus dem Ringen der Basler Ärzte um die Grundlehren der Medizin im Zeitalter des Barocks. Basel: Helbing & Lichtenhahn, 1956.

Karr 2004 — Karr S. Constructions Both Sacred and Profane: Serpents, Angels, and Pointing Fingers in Renaissance Books with Moving Parts // Yale University Library Gazette. 2004. Vol. 79. P. 101–127.

Keaney 1973 — Keaney J. J. Alphabetization in Harpocration's Lexicon // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 1973. Vol. 14. P. 415–423.

Kenny 1991 — Kenny N. The Palace of Secrets: Béroalde de Verville and Renaissance Conceptions of Knowledge. Oxford: Oxford University Press, 1991.

Kenny 2000 — Kenny N. Books in Space and Time: Bibliomania and Early Modern Histories of Learning and 'Literature' in France // Modern Language Quarterly. 2000. Vol. 61. № 2. P. 253–286.

Ker 1986a — Ker N. R. The Provision of Books // The History of the University of Oxford. Vol. 3: The Collegiate University / ed. James McConica. Oxford: Clarendon Press, 1986. P. 440–477.

Ker 1986b — Ker N. R. Lincoln College Election Lists // The History of the University of Oxford. Vol. 3: The Collegiate University / ed. James McConica. Oxford: Clarendon Press, 1986. P. 479–486.

Kerby-Fulton, Despres 1999 — Kerby-Fulton K., Despres D. L. *Iconography and the Professional Reader: The Politics of Book Production in the Douce Piers Plowman*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.

Kerby-Fulton, Hilmo 2001 — Kerby-Fulton K., Hilmo M. *The Medieval Professional Reader at Work: Evidence from Manuscripts of Chaucer, Langland, Kempe, and Gower*. Victoria, Canada: English Literature Studies. 2001.

Kernan 1987 — Kernan A. *Printing Technology, Letters, and Samuel Johnson*. Princeton: Princeton University Press, 1987.

Kessler, Maclean 2002 — Kessler E., Maclean I. (eds.) *Res et Verba in der Renaissance*. Wiesbaden: Harrassowitz in Kommission, 2002.

Keuntz 1985 — Keuntz P. *Les ciseaux de Pascal* // Laufer R. (éd.) *La notion de paragraphe*. Paris: Editions du CNRS, 1985. P. 65–72.

Kewes 2003 — Kewes P. (ed.) *Plagiarism in Early Modern England*. Houndmills, Eng.: Palgrave Macmillan, 2003.

Kilgour 1998 — Kilgour F. G. *The Evolution of the Book*. Oxford: Oxford University Press, 1998.

Knoles, Knoles 2003 — Knoles Th., Knoles L. Z. 'In Usum Pupillorum': Student Transcribed Texts at Harvard College before 1740 // Thomas Knoles, Rick Kennedy, and Lucia Zaucha Knoles, *Student Notebooks at Colonial Harvard: Manuscripts and Educational Practice, 1650–1740*. Worcester, MA: American Antiquarian Society, 2003. P. 7–88.

König, Whitmarsh 2007 — König J., Whitmarsh T. (eds.) *Ordering Knowledge in the Roman Empire*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Konrad et al. 1985 — Konrad U., Roth A., Staehelin M. *Musikalischer Lustgarten, Ausstellung der Herzog August Bibliothek Wolfenbüttel*. Wolfenbüttel: Herzog August Bibliothek, 1985.

Krajewski 2002 — Krajewski M. *Zettelwirtschaft: Die Geburt der Kartei aus dem Geiste der Bibliothek*. Berlin: Kadmos, 2002.

Krajewski 2010 — Krajewski M. *Ask Jeeves: Servants as Search Engines* // Grey Room. 2010. Vol. 38. P. 6–19.

Krajewski 2010 — Krajewski M. *Der Diener: Mediengeschichte einer Figur zwischen König und Klient*. Frankfurt: Fischer, 2010.

Kunstmuseum Basel 1984 — Kunstmuseum Basel. *Spätrenaissance am Oberrhein: Tobias Stimmer, 1539–1584*. Basel: Kunstmuseum, 1984.

Kurz 2007 — Kurz J. *The Compilation and Publication of the Taiping Yulan and the Cefu Yuagui*. // Bretelle-Establet F., Chemla K. (éd.) *Qu'était-ce qu'écrire une encyclopédie en Chine? Extrême-Orient, Extrême-Occident (hors série)*. Presses Universitaires de Vincennes, 2007. P. 39–76.

Kusukawa 1995 — Kusukawa S. A Wittenberg University Library Catalogue of 1536. Cambridge: LP Publications, 1995.

Kwakkel 2003 — Kwakkel E. A New Type of Book for a New Type of Reader: The Emergence of Paper in Vernacular Book Production // *The Library: Transactions of the Bibliographical Society*. 2003. Vol. 4. P. 219–248.

Labarre 1975 — Labarre A. *Bibliographie du dictionarium d'Ambrogio Calepino, 1502–1779*. Baden-Baden: Valentin Koerner, 1975.

Labrousse 1963 — Labrousse E. Pierre Bayle. Vol. 1: *Du pays de Foix à la cité d'Erasmus*. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1963.

Labrousse 1987 — Labrousse E. Reading Pierre Bayle in Paris // *Anticipations of Enlightenment in England, France and Germany* / ed. Alan Kors and Paul J. Korshin. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1987. P. 7–16.

Laeven 1990 — Laeven H. The “Acta Eruditorum” under the Editorship of Otto Mencke, 1644–1707: The History of an International Learned Journal between 1682 and 1707 / tr. Lynne Richards. Amsterdam: APA-Holland University Press, 1990.

Lane 1999 — Lane A. N. S. John Calvin: Student of the Church Fathers. Edinburgh: T&T Clark, 1999.

Lankhorst 2000 — Lankhorst, Otto. Les ventes de livres en Hollande et leurs catalogues, XVIIe–XVIIIe siècles // Charon A., Parinet E. Les ventes de livres et leurs catalogues, XVIIe — XXe siècle. Paris: Ecole des Chartes, 2000. P. 11–28.

Laufer 1985 — Laufer R. (éd.) *La notion de paragraphe*. Paris: Editions du CNRS, 1985.

Lawler 1898 — Lawler J. *Book Auctions in England in the Seventeenth Century, 1676–1700*. London: Elliot Stock, 1898.

Lawrence 1994 — Lawrence C. H. *The Friars: The Impact of the Early Mendicant Movement on Western Society*. London: Longman, 1994.

Leca-Tsiomis 1999 — Leca-Tsiomis M. *Ecrire l'Encyclopédie: Diderot, de l'usage des dictionnaires à la grammaire philosophique*. Oxford: Voltaire Foundation, 1999.

Leclercq 1953 — Leclercq J. Etudes sur S. Bernard et le texte de ses écrits // *Analecta Cisterciensia*. 1953. Vol. 9. P. 45–67.

Le Doeuff 1984 — Le Doeuff M. Bacon chez les grands au siècle de Louis XIII // *Francis Bacon: Terminologia e fortuna nel XVII secolo* / ed. Marta Fattori. Rome: Edizioni dell'Ateneo, 1984. P. 155–178.

Leedham-Green 1992 — Leedham-Green E. *Private Libraries in Renaissance England: A Collection and Catalogue of Tudor and Early Stuart Book-Lists*. Binghamton, NY: Medieval and Renaissance Texts and Studies, 1992.

Leedham-Green, McKitterick 1997 — Leedham-Green E., McKitterick D. A Catalogue of Cambridge University Library in 1583 // Carley J. P., Tite C. G. C. (eds.) *Books and Collectors, 1200–1700: Essays Presented to Andrew Watson*. London: British Library, 1997. P. 153–235.

Le Goff 1994 — Le Goff J. Pourquoi le XIIIe siècle a-t-il été plus particulièrement un siècle d'encyclopédisme? // Picone M. (ed.) *L'enciclopedia medievale*. Ravenna: Longo editore, 1994. P. 23–40.

Lehmann 1959 — Lehmann P. Autographe und Originale Nahmhafter Lateinischer Schriftsteller des Mittelalters // *Erforschung des Mittelalters*. Ausgewählte Abhandlungen und Aufsätze. Stuttgart: Hiersemann, 1959. P. 359–390. (Репринт издания 1941 года.)

Lemcke 1925 — Lemcke J. Vincentius Placcius und seine Bedeutung für die Anonymen und Pseudonymenbibliographie. Hamburg: Bibliothek, 1925.

Lemerle 1966 — Lemerle P. L'encyclopédisme à Byzance // *Cahiers d'histoire mondiale*. 1966. Vol. 3. P. 596–616.

Lemerle 1971 — Lemerle P. Le premier humanisme byzantin: Notes et remarques sur enseignement et culture à Byzance des origines au Xe siècle. Paris: Presses Universitaires de France, 1971.

Le Moël 2003 — Le Moël S. Wilhelm Heinse et sa bibliothèque manuscrite // Décultot E. (éd.) *Lire, copier, écrire*. Paris: CNRS, 2003. P. 199–218.

Leonard 1947 — Leonard I. On the Mexican Book Trade, 1683 // *Hispanic American Historical Review*. 1947. Vol. 27. № 3. P. 403–435.

Lerer 2002 — Lerer S. *Error and the Academic Self*. New York: Columbia University Press, 2002.

Lerner 1995 — Lerner M.-P. *Tommaso Campanella en France au XVIIe siècle*. Naples: Bibliopolis, 1995.

Le Roy Ladurie 1997 — Le Roy Ladurie E. *The Beggar and the Professor: A Sixteenth-Century Family Saga*. Chicago: University of Chicago Press, 1997.

Le Roy Ladurie et al. 1996 — Le Roy Ladurie E. et al. *L'édition francophone, 1470–1780: Paris-Province-‘Etranger’ par tranches diachroniques* // *Histoire, économie et société*. 1996. Vol. 15. P. 507–523.

Leu et al. 2008 — Leu U., Keller R., Weidmann S. *Conrad Gessner's Private Library*. Leiden: Brill, 2008.

Levie 2006 — Levie F. *L'homme qui voulait classer le monde: Paul Otlet et le Mundaneum*. Brussels: Impressions nouvelles, 2006.

Levine 1991 — Levine J. M. *The Battle of the Books: History and Literature in the Augustan Age*. Ithaca: Cornell University Press, 1991.

Levy 2001 — Levy D. *Scrolling Forward: Making Sense of Documents in the Digital Age*. New York: Arcade Publishing, 2001.

Lewis 1998 — Lewis J. Adrien Turnèbe, 1512–65: A Humanist Observed. Genève: Droz, 1998.

Lindberg 1979 — Lindberg S. Mobiles in Books: Volvelles, Inserts, Pyramids, Divinations, and Children's Games / tr. William S. Mitchell // Private Library. 1979. Vol. 2. P. 49–82.

Lines 2007 — Lines D. Theodor Zwinger's Vision of Ethics: Three Unpublished Writings // *Ethik—Wissenschaft oder Lebenskunst? Modelle der Normenbegründung von der Antike bis zur Frühen Neuzeit* / Hrsg. Sabrina Ebbersmeyer and Eckhard Kessler. Berlin: LIT, 2007. P. 243–265.

Lipking 1991 — Lipking L. Inventing the Common Reader: Samuel Johnson and the Canon // *Interpretation and Cultural History* / ed. Joan H. Pittock and Andrew Wear. Basingstoke: Macmillan, 1991. P. 153–174.

Lobbes 2000 — Lobbes L. Les recueils de citations au XVIe siècle: Inventaire // *La Transmission du savoir dans l'Europe des XVIe et XVIIe siècles* / éd. Marie Roig Miranda. Paris: Champion, 2000. P. 127–137.

Locher 1986 — Locher A. The Structure of Pliny the Elder's Natural History // *Science in the Early Roman Empire: Pliny the Elder, His Sources and Influence* / ed. Roger French and Frank Greenaway. London: Croom Helm, 1986. P. 20–29.

Loewe 1987 — Loewe M. The Origins and Development of Chinese Encyclopedias. London: China Society, 1987.

Long 2001 — Long P. O. Openness, Secrecy, Authorship: Technical Arts and the Culture of Knowledge from Antiquity to the Renaissance. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001.

Lotspeich 1932 — Lotspeich H. G. Classical Mythology in the Poetry of Edmund Spenser. Princeton: Princeton University Press, 1932.

Love 1993 — Love H. Scribal Publication in Seventeenth-Century England. Oxford: Clarendon Press, 1993.

Love 2002 — Love H. Attributing Authorship: An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Lowry 1979 — Lowry M. The World of Aldus Manutius. Ithaca: Cornell University Press, 1979.

Lund 1998 — Lund R. D. The Eel of Science: Index Learning, Scriblerian Satire, and the Rise of Information Culture // *Eighteenth-Century Life*. 1998. Vol. 22. № 2. P. 18–42.

Lusignan 1979 — Lusignan S. Préface au *Speculum maius* de Vincent de Beauvais: Réfraction et diffraction // *Cahiers d'études médiévales* (Montréal). 1979. Vol. 5. P. 11–145.

Lusignan 1997 — Lusignan S. Vincent de Beauvais dominicain et lecteur à l'abbaye de Royaumont // Lusignan S., Paulmier-Foucart M. (éd.) *Lector et compiler: Vincent de Beauvais frère prêcheur*. Grâne, France: Creaphis, 1997. P. 287–302.

Lusignan, Paulmier-Foucart 1997 — Lusignan S., Paulmier-Foucart M. (éd.) *Lector et compiler: Vincent de Beauvais frère prêcheur*. Grâne, France: Creaphis, 1997.

Lyall 1989 — Lyall R. J. *Materials: The Paper Revolution // Book Production and Publishing in Britain, 1375–1475* / ed. Jeremy Griffiths and Derek Pearsall. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 11–29.

Lyman, Varian 2003 — Lyman P., Varian H. R. *How Much Information 2003?* URL: <http://www2.sims.berkeley.edu/research/projects/how-much-info-2003> (дата обращения: 5.09.2009).

Lyons 2003 — Lyons G. B. Baudouin, Flacius and the Plan for the Magdeburg Centuries // *Journal of the History of Ideas*. 2003. Vol. 64. P. 253–272.

Machlup 1962 — Machlup F. *The Production and Distribution of Knowledge in the United States*. Princeton: Princeton University Press, 1962.

MacKinney 1938 — MacKinney L. C. *Medieval Medical Dictionaries and Glossaries // Medieval and Historiographical Essays in Honor of James Westfall Thompson* / ed. James Lea Cate and Eugene N. Anderson. Chicago: University of Chicago Press, 1938. P. 240–268.

Maclean 1988 — Maclean I. *L'économie du livre érudit: Le cas Wechel, 1572–1627 // Le livre dans l'Europe de la Renaissance, Actes du XXVIIIe colloque international d'études humanistes de Tours* / éd. Pierre Aquilon et Henri-Jean Martin. Paris: Promodis, 1988. P. 230–239.

Maclean 1990 — Maclean I. *Philosophical Books in European Markets, 1570–1630: The Case of Ramus // New Perspectives on Renaissance Thoughts: Essays in the History of Science, Education, and Philosophy* / ed. John Henry and Sarah Hutton. London: Duckworth, 1990. P. 253–263.

Maclean 1991 — Maclean I. *The Market for Scholarly Books and Conceptions of Genre in Northern Europe, 1570–1630. // Die Renaissance im Blick der Nationen Europas* / Hrsg. George Kauffmann. Wiesbaden: Harrassowitz, 1991. 17–31.

Maclean 1994 — Maclean I. *Cardano and His Publishers, 1534–1663 // Girolamo Cardano: Philosoph, Naturforscher, Arzt* / Hrsg. Eckhard Kessler. Wiesbaden: Harrassowitz, 1994. P. 308–388.

Maclean 2002 — Maclean I. *Melanchthon at the Book Fairs, 1560–1601: Editors, Markets, and Religious Strife // Melanchthon-Schriften der Stadt*

Bretten. Bd. 6, Abt. 2: Melanchthon und Europa: Westeuropa / Hrsg. Günter Frank und Kees Meerhoff. Stuttgart: Jan Thorbecke, 2002. P. 211–232.

Maclean 2007 — Maclean I. Murder, Debt, and Retribution in the Italico-Franco-Spanish Book Trade: The Beraud-Michel-Ruiz Affair, 1586–1591 // Myers R., Harris M., Mandelbrote G. (eds.) Fairs, Markets, and the Itinerant Book Trade. New Castle, DE: Oak Knoll Press; London: British Library, 2007. P. 61–106.

MacLeod 2004 — MacLeod R. (ed.) The Library of Alexandria: Centre of Learning in the Ancient World. London: I. B. Tauris, 2004.

MacMullen 1974 — MacMullen R. Roman Social Relations, 50 B.C. to A.D. 284. New Haven: Yale University Press, 1974.

Maier 1965 — Maier I. Les manuscrits d'Ange Politien. Genève: Droz, 1965.

Makdisi 1981 — Makdisi G. The Rise of Colleges: Institutions of Learning in Islam and the West. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1981.

Makdisi 1990 — Makdisi G. The Rise of Humanism in Classical Islam and the Christian West: With Special Reference to Scholasticism. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1990.

Malcolm 2004 — Malcolm N. Thomas Harrison and his 'Ark of Studies': An Episode in the History of the Organization of Knowledge // Seventeenth Century. 2004. Vol. 19. P. 196–232.

Mandelbrote 2000a — Mandelbrote G. La nouvelle édition de Graham Pollard et Albert Ehrman, The Distribution of Books by Catalogue from the Invention of Printing to AD 1800: Bilan des travaux préparatoires: Catalogues français // Charon A., Parinet E. Les ventes de livres et leurs catalogues, XVIIe — XXe siècle. Paris: Ecole des Chartes, 2000. P. 49–76.

Mandelbrote 2000b — Mandelbrote G. Scientific Books and Their Owners: A Survey to c. 1720 // Thornton and Tully's Scientific Books, Libraries, and Collectors: A Study of Bibliography and the Book Trade in Relation to the History of Science / ed. Andrew Hunter, 4th ed. Aldershot, Eng.: Ashgate, 2000. P. 333–366.

Mandelbrote 2003 — Mandelbrote G. John Evelyn and His Books // John Evelyn and His Milieu / ed. Frances Harris and Michael Hunter. London: British Library, 2003. P. 71–94.

Mandosio 2001 — Mandosio J.-M. La 'docte variété' chez Ange Politien // De Courcelles D. (éd.) La varietas à la Renaissance. Paris: Ecole des Chartes, 2001. P. 33–41.

Mandosio 2002 — Mandosio J.-M. Méthodes et fonctions de la classification des sciences et des arts, XVe–XVIIe siècles // Nouvelle revue du seizième siècle. 2002. Vol. 20. № 1. P. 19–30.

Mandosio 2003 — Mandosio J.-M. La miscellanée: Histoire d'un genre // De Courcelle D. *Ouvrages miscellanées*. Paris: Ecole des Chartes, 2003. P. 7–36.

Mangenot 1899 — Mangenot E. *Concordances de la Bible* // Dictionnaire de la Bible / éd. F. Vigouroux. Paris: Letouzey et Ané, 1899. Col. 891–905.

Marangoni 1997 — Marangoni M. *L'armonia del sapere: i Lectionum Antiquarum libri de Celio Rodigino*. (Memorie, classe di scienza morali, lettere ed arti, vol. 68). Venezia: Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti, 1997.

Marchetti 1989 — Marchetti V. *Detestanda libido: La sessualità nei 'Lectionum antiquarum libri triginta' di Lodovico Ricchieri* // *Eresie, magia, società nel Polesine tra '500 e '600* / ed. Achille Olivieri. Rovigo: Associazione Culturale Minelliana. 1989. P. 23–32.

Martin 2000 — Martin H.-J. *La naissance du livre moderne: Mise en page et mise en texte du livre français, XIVe–XVIe siècles*. Paris: Editions du Cercle de la Librairie, 2000.

Marzolph 1997 — Marzolph U. *Medieval Knowledge in Modern Reading: A Fifteenth-Century Arabic Encyclopaedia of omni re scibili* // Binkley P. (ed.) *Pre-Modern Encyclopaedic Texts: Proceedings of the Second COMERS Congress, Groningen, 1–4 July 1996*. Leiden: Brill, 1997. P. 407–419.

Masai 1967 — Masai F. *Fra Salimbene et la codicologie* // *Scriptorium*. 1967. Vol. 21. P. 91–99.

Masson 1988 — Masson N. *Catalogues de vente* // Jolly C. (éd.) *Histoire des bibliothèques françaises: Les bibliothèques sous l'Ancien Régime, 1530–1789*. Paris: Promodis, Editions du Cercle de la Librairie, 1988. P. 262–265.

Masson 2000 — Masson N. *Typologie des catalogues de vente* // Charon A., Parinet E. *Les ventes de livres et leurs catalogues, XVIIe — XXe siècle*. Paris: Ecole des Chartes, 2000. P. 119–137.

Mayer-Schönberger 2009 — Mayer-Schönberger V. *Delete: The Virtue of Forgetting in the Digital Age*. Princeton: Princeton University Press, 2009.

Mazzio 2009 — Mazzio C. *The Inarticulate Renaissance: Language Trouble in an Age of Eloquence*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2009.

McDermott 2005 — McDermott J. *The Ascendance of the Imprint in China* // Brokaw C. J., Chow K.-W. *Printing and Book Culture in Late Imperial China*. Berkeley: University of California Press, 2005. P. 55–104.

McDonnell 1996 — McDonnell M. *Writing, Copying, and Autograph Manuscripts in Ancient Rome* // *Classical Quarterly*, n.s. 1996. Vol. 46. № 2. P. 469–491.

McEvoy 2000 — McEvoy J. J. Robert Grosseteste. Oxford: Oxford University Press, 2000.

McKitterick 1992 — McKitterick D. Bibliography, Bibliophily and the Organization of Knowledge // David Vaisey and David McKitterick. The Foundations of Scholarship: Libraries and Collecting, 1650–1750. Los Angeles: William Andrews Clark Memorial Library, 1992. P. 31–61.

McKitterick 2003 — McKitterick D. Print, Manuscript, and the Search for Order, 1450–1830. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

McLeod 2003 — McLeod R. Obliteration: Reading a Censored Text of Donne's 'To His Mistress Going to Bed' // English Manuscript Studies, 1100–1700. Vol 12: Scribes and Transmission in English Manuscripts, 1400–1700 / ed. Peter Beal and A. S. G. Edwards. London: British Library, 2003. P. 83–138.

Meier 1984 — Meier Ch. Grundzüge der mittelalterlichen Enzyklopädik // Literatur und Laienbildung im Spätmittelalter und in der Reformationszeit. Symposium Wolfenbüttel 1981 / Hrsg. Ludger Grenzmann und Karl Stackmann. Stuttgart: J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1984. P. 67–503.

Meier 2001 — Meier Ch. Tendenzen der neueren Forschung zur Enzyklopädie des Mittelalters // Jacob van Maerlants 'Der naturen bloeme' und das Umfeld / Hrsg. Amand Berteloot und Detlev Hellfaier. (Niederlande-Studien, 23). Münster: Waxmann, 2001. P. 29–47.

Meier 2002 — Meier Ch. (Hrsg.) Die Enzyklopädien im Wandel vom Hochmittelalter bis zur frühen Neuzeit. Munich: Wilhelm Fink, 2002.

Meinel 1992 — Meinel Ch. Die Bibliothek des Joachim Jungius: Ein Beitrag zur Historia litteraria der frühen Neuzeit. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht, 1992.

Meinel 1995 — Meinel Ch. Enzyklopädie der Welt und Verzettlung des Wissens: Aporien der Empirie bei Joachim Jungius // Eybl F. M. Enzyklopädien der frühen Neuzeit: Beiträge zu ihrer Forschung. Tübingen: Niemeyer, 1995. P. 162–187.

Mejer 1978 — Mejer J. Diogenes Laertius and His Hellenistic Background. (Hermes Einzelschriften, Heft 40). Wiesbaden: Frank Steiner Verlag, 1978.

Mejor 1994 — Mejor M. Polyanthea nova von Joseph Lange: Ein Exempel der neulateinischen Florilegia // Acta conventus neo-latini hafniensis / ed. Ann Moss. Binghamton, NY: Medieval and Renaissance Texts and Studies, 1994. P. 651–688.

Melville 1980 — Melville G. Spätmittelalterliche Geschichtskompendien — Eine Aufgabenstellung. // Römische historische Mitteilungen. 1980. Vol. 22. P. 51–104.

Melville 1988 — Melville G. *Kompilation, Fiktion und Diskurs. Aspekte zur heuristischen methode der mittelalterlichen Geschichtsschreiber* // *Historische Methode* / Hrsg. Christian Meier und Jörn Rüsen. München: DTV, 1988. P. 133–153.

Mendle 2006 — Mendle M. *The 'Prints' of the Trials: The Nexus of Politics, Religion, Law, and Information in Late Seventeenth-Century England* // *Fear, Exclusion and Revolution: Roger Morrice and Britain in the 1680s* / ed. Jason McElligott. Aldershot, Eng.: Ashgate, 2006. P. 123–137.

Menzies, Hu 2003 — Menzies T., Hu Y. *Data Mining for Very Busy People* // *Computer*. October 2003. P. 18–25.

Merlin 2003 — Merlin H. (éd.) *Le Dictionnaire universel de Furetière*. (Littératures classiques, vol. 47). 2003.

Mertens 1983 — Mertens D. *Früher Buchdruck und Historiographie // Studien zum städtischen Bildungswesen des späten Mittelalters und der frühen Neuzeit: Bericht über Kolloquien der Kommission zur Erforschung der Kultur des Spätmittelalters, 1978–1981* / Hrsg. Bernd Moeller et al. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1983. P. 83–111.

Mesnard 1985 — Mesnard J. *La crise de la conscience européenne: Un demi-siècle après Paul Hazard* // *De la mort de Colbert à la Révocation de l'Édit de Nantes: Un monde nouveau?* / éd. Louise Godard de Donville. Marseille: Centre Méridional de Rencontres sur le XVIIe siècle, 1985. P. 185–198.

Meyer 1991 — Meyer H. *Ordo Rerum und Registerhilfen in mittelalterlichen Enzyklopädiehandschriften* // *Frühmittelalterliche Studien*. 1991. Vol. 25. P. 315–339.

Meyer 2000 — Meyer H. *Die Enzyklopädie des Bartholomäus Anglicus: Untersuchungen zur Überlieferungs- und Rezeptionsgeschichte von "De proprietatibus rerum."* München: W. Fink, 2000.

Meyerhof 1984 — Meyerhof M. *Sultan Saladin's Physician on the Transmission of Greek Medicine to the Arabs* // *Studies in Medieval Arabic Medicine: Theory and Practice* / ed. Penelope Johnstone. London: Variorum Reprints, 1984.

Michel 2002 — Michel P. *Ordnungen des Wissens: Darbietungsweisen des Materials in Enzyklopädien* // *Populäre Enzyklopädien. Von der Auswahl, Ordnung und Vermittlung des Wissens* / Hrsg. Ingrid Tomkowiak. Zurich: Chronos, 2002. P. 35–83.

Michel 2004 — Michel P. *'Nihil scire felicissima vita': Wissens- und Enzyklopädiekritik in der Vormoderne* // *Stammen Th., Weber W. E. J. Wissenssicherung, Wissensordnung und Wissensverarbeitung: Das europäische Modell der Enzyklopädien*. Berlin: Akademie Verlag, 2004. P. 247–289.

Michelini Tocci 1989 — Michelini Tocci L. In officina Erasmi: L'apparato autografo di Erasmo per l'edizione 1528 degli Adagia e un nuovo manoscritto del Compendium vitae. Rome: edizione di storia et letteratura, 1989.

Miller A. 1981 — Miller A. Louis Moréri's Grand Dictionnaire Historique // Kafker F. A. (ed.) Notable Encyclopedias of the Seventeenth and Eighteenth Centuries. Oxford: Voltaire Foundation, 1981. P. 13–52.

Miller A. 1994 — Miller A. The Last Edition of the Dictionnaire de Trévoux // Kafker F. A. (ed.) Notable Encyclopedias of the Late Eighteenth Century: Eleven Successors of the Encyclopédie. Oxford: Voltaire Foundation, 1994. P. 5–50.

Miller P. 2000 — Miller P. N. Peiresc's Europe: Learning and Virtue in the Seventeenth Century. New Haven: Yale University Press, 2000.

Millet 2004 — Millet O. Avatars du livre et expérience de la lecture // Désirs et plaisirs du livre: Hommage à Robert Kopp / éd. Regina Boohalder Mayer et al. Paris: Champion, 2004. P. 81–95.

Miniati 1989 — Miniati M. Les cistae mathematicae et l'organisation des connaissances au XVIe siècle // Studies in the History of Scientific Instruments / ed. Christiane Blondel. London: Rogers Turner Books, 1989. P. 43–51.

Minnis 1979 — Minnis A. J. Late Medieval Discussions of Compilatio and the Role of the Compiler // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. 1979. Vol. 101. P. 385–421.

Mohl 1969 — Mohl R. John Milton and His Commonplace Book. New York: Frederick Ungar Publishing, 1969.

Molhuysen 1913–1924 — Molhuysen P. C. Bronnen tot de Geschiedenis der Leidsche Universiteit. Den Haag: Nijhoff, 1913–1924.

Molino 2006 — Molino P. Alle origini della Methodus Apodemica di Theodor Zwinger: la collaborazione di Hugo Blotius, fra empirismo ed universalismo // Codices Manuscripti, Zeitschrift für Handschriftenkunde. 2006. Vol. 56/57. P. 43–68.

Monfasani 1988 — Monfasani J. The First Call for Press Censorship: Niccolò Perotti, Giovanni Andrea Bussi, Antonio Moreto, and the Editing of Pliny's Natural History // Renaissance Quarterly. 1988. Vol. 41. P. 1–31.

Monnet 1996a — Monnet N. Le classement des connaissances // Schaer R. (éd.) Tous les savoirs du monde. Paris: Flammarion/Bibliothèque nationale de France, 1996. P. 348–350.

Monnet 1996b — Monnet N. Les spécificités et la place de l'encyclopédie chinoise // Schaer R. (éd.) Tous les savoirs du monde. Paris: Flammarion/Bibliothèque nationale de France, 1996. P. 344–347.

Monnet 1996c — Monnet N. La tradition des grands projets éditoriaux de la Chine impériale // Schaer R. (éd.) Tous les savoirs du monde. Paris: Flammarion/Bibliothèque nationale de France, 1996. P. 351–366.

Moore 1893 — Moore G. F. The Vulgate Chapters and Numbered Verses in the Hebrew Bible // Journal of Biblical Literature. 1893. Vol. 12. № 1. P. 73–78.

Mornet 1910 — Mornet D. Les enseignements des bibliothèques privées, 1750–1780 // Revue d'histoire littéraire de la France. 1910. Vol. 17. P. 449–496.

Moss 1996 — Moss A. Printed Commonplace-Books and the Structuring of Renaissance Thought. Oxford: Clarendon Press. 1996.

Moss 2003 — Moss A. Emblems into Commonplaces: The Anthologies of Joseph Langius // Mundus Emblematicus: Studies in Neo-Latin Emblem Books / ed. Karl A. E. Enenkel and Arnoud S. Q. Vol. 4. Visser. Turnhout: Brepols, 2003. P. 1–16.

Moss 2005 — Moss A. Locating Knowledge // Enenkel K. A. E., Neuber W. Cognition and the Book: Typologies of Formal Organisation of Knowledge in the Printed Book of the Early Modern Period. Leiden: Brill, 2005. P. 35–49.

Most 1990 — Most G. W. Canon Fathers: Literacy, Mortality, Power // Arion. 3rd ser. 1990. Vol. 1. № 1. P. 35–60.

Most 1999 — Most G. W. (ed.) Commentaries-Kommentare. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht, 1999.

Mottahedeh 1985 — Mottahedeh R. The Mantle of the Prophet: Religion and Politics in Iran. New York: Pantheon Books, 1985.

Mouren 2001 — Mouren R. La varietas des philologues au XVIe siècle // De Courcelles D. (éd.) La varietas à la Renaissance. Paris: Ecole des Chartes, 2001. P. 5–31.

Müller 1998 — Müller J.-D. Universalbibliothek und Gedächtnis. Aporien frühneuzeitlicher Wissenskodifikation bei Conrad Gesner (Mit einem Ausblick auf Antonio Possevino, Theodor Zwinger und Johann Fischart) // Erkennen und Erinnern in Kunst und Literatur. Kolloquium Reissensburg, 4–7 Januar 1996 / Hrsg. Wolfgang von Frühwald et al. Tübingen: Max Niemeyer, 1998. P. 285–310.

Müller 2003 — Müller J.-D. Wissen ohne Subjekt? Zu den Ausgaben von Gesners Bibliotheca universalis im 16. Jahrhundert // Zukunft der Literatur—Literatur der Zukunft: Gegenwartsliteratur und Literaturwissenschaft / Hrsg. Reto Sorg, Adrian Mettauer, und Wolfgang Pross. München: Wilhelm Fink, 2003. P. 73–91.

Müller-Wille 2002 — Müller-Wille S. Carl von Linnés Herbarschrank: Zur epistemischen Funktion eines Sammlungsmöbel // Te Heesen A., Spary E. C.

(Hrsg.) *Sammeln als Wissen: Das Sammeln und seine wissenschaftsgeschichtliche Bedeutung*. Göttingen: Wallstein, 2002. P. 22–38.

Müller-Wille, Scharf 2009 — Müller-Wille S., Scharf S. *Indexing Nature: Carl Linnaeus (1707–78) and His Fact-Gathering Strategies* // *Working Papers on the Nature of Evidence: How Well Do “Facts” Travel?* 2009. № 36/08. URL: <http://www.lse.ac.uk/collection/economichistory> (дата обращения: июль 2009).

Mulligan 1992 — Mulligan L. *Robert Hooke’s ‘Memoranda’: Memory and Natural History* // *Annals of Science*. 1992. Vol. 49. P. 47–61.

Mulsow 2001 — Mulsow M. *Gelehrte Praktiken politischer Kompromittierung. Melchior Goldast und Lipsius’ Rede De duplici concordia im Vorfeld der Entstehung der protestantischen Union* // Zedelmaier H., Mulsow M. *Praktiken der Gelehrsamkeit in der frühen Neuzeit*. Tübingen: Niemeyer, 2001. P. 307–347.

Mulsow 2006 — Mulsow M. *Practices of Unmasking: Polyhistorians, Correspondence, and the Birth of Dictionaries in Seventeenth-Century Germany* / tr. Ulrich Groetsch // *Journal of the History of Ideas*. 2006. Vol. 67. № 2. P. 219–250.

Munk Olsen 1979 — Munk Olsen B. *Les classiques latins dans les florilèges médiévaux antérieurs au XIIIe siècle* // *Revue d’histoire des textes*. 1979. Vol. 9. P. 47–121.

Munk Olsen 1980 — Munk Olsen B. *Les classiques latins dans les florilèges médiévaux antérieurs au XIIIe siècle (suite)* // *Revue d’histoire des textes*. 1980. Vol. 10. P. 115–164.

Munk Olsen 1982 — Munk Olsen B. *Les florilèges d’auteurs classiques* // *Les genres littéraires dans les sources théologiques et philosophiques médiévales, Actes du colloque international de Louvain-la-Neuve*. Louvain-la-Neuve: Institut d’études médiévales, 1982. P. 151–164.

Münzel 1937 — Münzel G. *Der Kartäuserprior Gregor Reisch*. Freiburg i. B.: J. Waibel, 1937.

Murdoch 1984 — Murdoch J. *Antiquity and the Middle Ages. Album of Science*. New York: Charles Scribner’s Sons, 1984.

Murphy 2004 — Murphy T. *Pliny the Elder’s Natural History: The Empire in the Encyclopedia*. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Murray 1977 — Murray K. *Caught in the Web of Words: James A. H. Murray and the Oxford English Dictionary*. New Haven: Yale University Press, 1977.

Myers, Harris 1996 — Myers R., Harris M. (eds.) *Antiquaries, Book Collectors, and Circles of Learning*. Winchester: St. Paul’s Bibliographies; Newcastle, DE: Oak Knoll Press, 1996.

Myers et al. 2007a — Myers R., Harris M., Mandelbrote G. (eds.) *Books on the Move: Tracking Copies through Collections and the Book Trade*. New Castle, DE: Oak Knoll Press; London: British Library, 2007.

Myers et al. 2007b — Myers R., Harris M., Mandelbrote G. (eds.) *Fairs, Markets, and the Itinerant Book Trade*. New Castle, DE: Oak Knoll Press; London: British Library, 2007.

Nadeau 1997 — Nadeau A. *Faire oeuvre utile: Notes sur le vocabulaire de quelques prologues dominicains du XIIIe siècle* // Lusignan S., Paulmier-Foucart M. (éd.) *Lector et compilator: Vincent de Beauvais frère prêcheur*. Grâne, France: Creaphis, 1997. P. 77–96.

Neddermeyer 1996 — Neddermeyer U. *Möglichkeiten und Grenzen einer quantitativen Bestimmung der Buchproduktion im Spätmittelalter* // *Gazette du livre médiéval*. 1996. Vol. 28. P. 23–32.

Neddermeyer 1998 — Neddermeyer U. *Von der Handschrift zum gedruckten Buch: Schriftlichkeit und Leseinteresse im Mittelalter und in der frühen Neuzeit. Quantitative und qualitative Aspekte*. 2 Bd. Wiesbaden: Harrassowitz, 1998.

Nedergard 1958 — Nedergard L. *La genèse du Dictionnaire historique et critique de Bayle* // *Orbis litterarum: Revue internationale d'études littéraires*. 1958. Vol. 13. P. 210–227.

Needham 1980 — Needham P. *Review of: Elizabeth Eisenstein, The Printing Press as an Agent of Change* // *Fine Print: The Review for the Arts of the Book*. 1980. Vol. 6. № 1. P. 23–35.

Needham 1982 — Needham P. *Johann Gutenberg and the Catholicon Press* // *Papers of the Bibliographical Society of America*. 1982. Vol. 76. № 4. P. 395–456.

Needham 1986 — Needham P. *The Printer and the Pardoner: An Unrecorded Indulgence Printed by William Caxton*. Washington, DC: Library of Congress, 1986.

Needham 1999 — Needham P. *Counting Incunables: The IISTC CD-ROM* // *Huntington Library Quarterly*. 1999. Vol. 61. P. 457–529.

Nelles 1994 — Nelles P. *The Public Library and Late Humanist Scholarship in Early Modern Europe: Antiquarianism and Encyclopaedism*. Ph.D. diss., Johns Hopkins University, 1994.

Nelles 2000 — Nelles P. *Historia litteraria and Morhof: Private Teaching and Professorial Libraries at the University of Kiel* // Waquet F. (ed.) *Mapping the World of Learning: The Polyhistor of Daniel Georg Morhof*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2000. P. 31–56.

Nelles 2001 — Nelles P. *Historia litteraria at Helmstedt: Books, Professors and Students in the Early Enlightenment University* // Zedelmaier H., Mulsow M. *Praktiken der Gelehrsamkeit in der frühen Neuzeit*. Tübingen: Niemeyer, 2001. P. 147–176.

Nelles 2007 — Nelles P. *Note-Taking Techniques and the Role of Student Notebooks in the Early Jesuit Colleges* // *Archivum Historicum Societatis Jesu*. 2007. Vol. 76. P. 75–112.

Neumann 2001 — Neumann F. *Jeremias Drexels Aurifodina und die Ars excerpendi bei den Jesuiten* // Zedelmaier H., Mulsow M. *Praktiken der Gelehrsamkeit in der frühen Neuzeit*. Tübingen: Niemeyer, 2001. P. 51–62.

Neveu 1994 — Neveu B. *Erudition et religion aux XVIIe et XVIIIe siècles*. Paris: A. Michel, 1994.

Nichols, Wenzel 1996 — Nichols S. G., Wenzel S. (eds.) *The Whole Book: Cultural Perspectives on the Medieval Miscellany*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996.

Nigro 1995 — Nigro S. *The Secretary* // *Baroque Personae* / ed. Rosario Villari, tr. Lydia Cochrane. Chicago: University of Chicago Press, 1995. P. 82–99.

Norman 1993 — Norman D. *Things That Make Us Smart*. Reading, MA: Addison-Wesley, 1993.

Norris 1939 — Norris D. M. *History of Cataloguing and Cataloguing Methods, 1100–1850*. London: Grafton, 1939.

Nunberg 1996 — Nunberg G. *Farewell to the Information Age* // *The Future of the Book* / ed. Geoffrey Nunberg. Berkeley: University of California Press, 1996. P. 103–138.

Nuovo 2007 — Nuovo A. *The Creation and Dispersal of the Library of Gian Vincenzo Pinelli* // Myers R., Harris M., Mandelbrote G. (eds.) *Books on the Move: Tracking Copies through Collections and the Book Trade*. New Castle, DE: Oak Knoll Press; London: British Library, 2007. P. 39–67.

Nuttall 2003 — Nuttall A. D. *Dead from the Waist Down: Scholars and Scholarship in Literature and the Popular Imagination*. New Haven: Yale University Press, 2003.

O'Boyle 1998 — O'Boyle C. *The Art of Medicine: Medical Teaching at the University of Paris, 1250–1400*. Leiden: Brill, 1998.

Ogilvie 1997 — Ogilvie B. W. *Encyclopaedism in Renaissance Botany: From historia to pinax* // Binkley P. (ed.) *Pre-Modern Encyclopaedic Texts: Proceedings of the Second COMERS Congress, Groningen, 1–4 July 1996*. Leiden: Brill, 1997. P. 89–99.

Ogilvie 2006 — Ogilvie B. W. *The Science of Describing*. Chicago: University of Chicago Press, 2006.

O'Hara 1998 — O'Hara J. G. 'A Chaos of Jottings That I Do Not Have the Leisure to Arrange and Mark with Headings': Leibniz's Manuscript Papers and Their Repository // Hunter M. (ed.) *Archives of the Scientific Revolution: The Formation and Exchange of Ideas in Seventeenth-Century Europe*. Woodbridge, Eng.: Boydell Press, 1998. P. 159–170.

Olson 1981 — Olson O. 'Der Bücherdieb Flacius' — Geschichte eines Rufmords // *Wolfenbütteler Beiträge*. 1981. Vol. 4. P. 111–146.

Ong 1976 — Ong W. J. *Commonplace Rhapsody: Ravisius Textor, Zwinger and Shakespeare* // *Classical Influences on European Culture, 1500–1700* / ed. R. R. Bolgar. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. P. 91–126.

Ong 1977 — Ong W. J. *Interfaces of the Word: Studies in the Evolution of Consciousness and Culture*. Ithaca: Cornell University Press, 1977.

Orgel 2000 — Orgel S. *Margins of Truth* // *The Renaissance Text: Theory, Editing, Textuality* / ed. Andrew Murphy. Manchester: Manchester University Press, 2000. P. 91–107.

Orsatti 1993 — Orsatti P. *Le manuscrit islamique: Caractéristiques matérielles et typologie* // *Ancient and Medieval Book Materials and Techniques* / ed. Marilena Maniaci and Paola F. Munafo. (Studi e Testi, vol. 357–358). Vol. II. Vatican: Biblioteca Apostolica Vaticana, 1993. P. 269–331.

Overgaauw 2006 — Overgaauw E. *Die Autographen des Domikanertheologen Jakob von Soest (c. 1360 bis c. 1440)* // *Scriptorium*. 2006. Vol. 60. P. 60–79.

Owens 1997 — Owens J. A. *Composers at Work: The Craft of Musical Composition*. Oxford: Oxford University Press, 1997.

Park, Daston 2006 — Park K., Daston L. (eds.) *Cambridge History of Early Modern Science*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Parkes 1976 — Parkes M. B. *The Influence of the Concepts of Ordinatio and Compilatio on the Development of the Book* // *Medieval Learning and Literature: Essays Presented to Richard William Hunt* / ed. J. J. G. Alexander and M. T. Gibson. Oxford: Clarendon Press, 1976. P. 115–141.

Parkes 1992 — Parkes M. B. *Pause and Effect: An Introduction to the History of Punctuation in the West*. Aldershot, Eng.: Scolar Press, 1992.

Parry 2002 — Parry G. *Patronage and the Printing of Learned Works for the Author* // *A History of the Book in Britain*. Vol. IV: 1557–1695 / ed. John Barnard and D. F. McKenzie. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 174–188.

Passet 1991 — Passet J. *Entering the Professions: Women Library Educators and the Placement of Female Students, 1887–1912* // *History of Education Quarterly*. 1991. Vol. 31. № 2. P. 207–228.

Paterson 2000 — Paterson A. K. G. The Great World of Don Pedro Calderón's Theatre and the Beyerlinck Connection // *Bulletin of Hispanic Studies*. 2000. Vol. 77. P. 237–253.

Pattison 1889 — Pattison M. *Essays*. 2 vols. Oxford: Clarendon Press, 1889.

Pattison 1949 — Pattison M. *The Estiennes: A Biographical Essay*. San Francisco: Book Club of California, 1949.

Paulmier-Foucart 1980–1981 — Paulmier-Foucart M. *Présentation et édition de la Tabula super Speculum Historiale Fratris Vincentii* // *Spicae*. 1980. Vol. 2. P. 19–203; 1981. Vol. 3. P. 7–208.

Paulmier-Foucart 1997 — Paulmier-Foucart M. *Les protecteurs séculiers de Vincent de Beauvais* // Lusignan S., Paulmier-Foucart M. (éd.) *Lector et compiler: Vincent de Beauvais frère prêcheur*. Grâne, France: Creaphis, 1997. P. 215–231.

Paulmier-Foucart 2002 — Paulmier-Foucart M. *Le plan et l'évolution du Speculum maius de Vincent de Beauvais: De la version bifaria à la version trifaria* // Meier Ch. (Hrsg.) *Die Enzyklopädien im Wandel vom Hochmittelalter bis zur frühen Neuzeit*. Munich: Wilhelm Fink, 2002. P. 245–267.

Paulmier-Foucart 2004 — Paulmier-Foucart M. *Vincent de Beauvais et le grand miroir du monde*. Turnhout: Brepols, 2004.

Paulmier-Foucart et al. 1990 — Paulmier-Foucart M., Lusignan S., Nadeau A. (éd.) *Vincent de Beauvais: Intentions et réceptions d'une oeuvre encyclopédique au Moyen-Age*. Saint-Laurent: Bellarmin; Paris: Vrin, 1990.

Pedersen 1984 — Pedersen J. *The Arabic Book* / tr. Geoffrey French. Princeton: Princeton University Press, 1984.

Pellat 1966 — Pellat Ch. *Les encyclopédies dans le monde arabe* // *Cahiers d'histoire mondiale*. 1966. Vol. 3. P. 631–658.

Perla, Schwab 1971 — Perla G. A., Schwab R. N. *The Authorship of the Unsigned Articles in the Encyclopédie* // *Eighteenth-Century Studies*. 1971. Vol. 4. P. 447–457.

Perosa 1981 — Perosa A. *L'edizione Veneta di Quintiliano coi commenti del Valla, di Pomponio Leto e di Sulpizio da Veroli* // *Miscellanea Augusto Campana*. Vol. 2. Padua: Editrice Antenore, 1981. P. 575–610.

Peterson 1968 — Peterson W. J. *The Life of Ku Yen-wu, 1613–1682* // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1968. Vol. 28. P. 114–156.

Petit 1997 — Petit N. *L'éphémère, l'occasionnel et le non livre à la bibliothèque Sainte-Geneviève (XVe–XVIIIe siècles)*. Paris: Klincksieck, 1997.

Petitmengin 1997 — Petitmengin P. *Capitula païens et chrétiens* // *Titres et articulations du texte dans les oeuvres antiques*, Actes du Colloque de

Chantilly / éd. Jean-Claude Fredouille et al. Paris: Institut d'Etudes Augustiniennes, 1997. P. 491–507.

Petrucci 1995 — Petrucci A. *Writers and Readers in Medieval Italy: Studies in the History of Written Culture* / ed. Charles M. Radding. New Haven: Yale University Press, 1995.

Petschar et al. 1999 — Petschar H., Strouhal E., Zobernig H. *Der Zettelkatalog: Ein historisches System geistiger Ordnung*. Vienna: Springer, 1999.

Pettas 1995 — Pettas W. *A Sixteenth-Century Bookstore: The Inventory of Juan de Junta* // *Transactions of the American Philosophical Society*. 1995. Vol. 85. № 1. P. 1–247.

Picone 1994 — Picone M. (ed.) *L'enciclopedia medievale*. Ravenna: Longo editore, 1994.

Pinon — Pinon L. *Des arches de papier: Les livres de zoologie dans l'Europe de la Renaissance*. Genève: Droz (готовится к публикации).

Pinon 2003 — Pinon L. *Entre compilation et observation: L'écriture de l'ornithologie d'Ulisse Aldrovandi* // *Genesis*. 2003. Vol. 20. P. 53–70.

Podhurst 2004 — Podhurst S. *An Uncommon History: The Commonplace Book in Seventeenth-Century Great Britain*. Senior thesis, Harvard College, 2004.

Pol 1975 — Pol E. H. *The Library* // *Leiden University in the Seventeenth Century* / ed. Lunsingh Scheurleer and G. H. M. Posthumus Meyjes. Leiden: Brill, 1975. P. 394–459.

Pollard, Ehrman 1965 — Pollard G., Ehrman A. *The Distribution of Books by Catalogue from the Invention of Printing to AD 1800*. Cambridge: Roxburghe Club, 1965.

Poovey 1998 — Poovey M. *A History of the Modern Fact: Problems of Knowledge in the Sciences of Wealth and Society*. Chicago: University of Chicago Press, 1998.

Pörnbacher 1965 — Pörnbacher K. *Jeremias Drexel: Leben und Werk eines Barockpredigers* (Beiträge zur altbayerischen Kirchengeschichte, Bd. 24, Heft 2). München: F. X. Seitz, 1965.

Posner 1972 — Posner E. *Archives in the Ancient World*. Cambridge: Harvard University Press, 1972.

Powitz 1996 — Powitz G. *Le Catholicon—Esquisse de son histoire* // Hamesse J. (éd.) *Les manuscrits des lexiques et glossaires de l'antiquité tardive à la fin du Moyen Age, actes du colloque international organisé par le "Ettora Majorana Centre for Scientific Culture" (Erice, 23–30 Septembre 1994)*. Louvain-la-Neuve: Fédération Internationale des Instituts d'Études Médiévales, 1996. P. 299–336.

Prentice 1930 — Prentice W. K. How Thucydides Wrote His History // *Classical Philology*. 1930. Vol. 25. P. 117–127.

Price 2000 — Price L. The Anthology and the Rise of the Novel from Richardson to George Eliot. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Price, Thurschwell 2005 — Price L., Thurschwell P. (eds.) *Literary Secretaries/Secretarial Culture*. Aldershot, Eng.: Ashgate, 2005.

Quedenbaum 1977 — Quedenbaum G. *Der Verleger und Buchhändler Johann Heinrich Zedler, 1706–51*. Hildesheim: Olms, 1977.

Quemada 1998 — Quemada B. (éd.) *Le Dictionnaire de l'Académie française et la lexicographie institutionnelle européenne: Actes du colloque international, 17, 18 et 19 novembre 1994*. Paris: Honoré Champion, 1998.

Quillen 1998 — Quillen C. *Rereading the Renaissance: Petrarch, Augustine, and the Language of Humanism*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998.

Raabe, Schinkel 1979 — Raabe P., Schinkel E. (Hrsg.) *Sammler, Fürst, Gelehrter Herzog August zu Braunschweig und Lüneburg, 1579–1666*. Wolfenbüttel: Die Bibliothek, 1979.

Racaut 2009 — Racaut L. Nicolas Chesneau, Catholic Printer in Paris during the French Wars of Religion // *Historical Journal*. 2009. Vol. 52. № 1. P. 23–41.

Ramati 1996 — Ramati A. *Harmony at a Distance: Leibniz's Scientific Academies* // *Isis*. 1996. Vol. 87. № 3. P. 430–452.

Raven 2004 — Raven J. *Introduction: the Resonances of Loss // Lost Libraries: The Destruction of Great Book Collections since Antiquity / ed. James Raven*. Houndmills, Eng.: Palgrave Macmillan, 2004. P. 1–40.

Raven 2007 — Raven J. *The Business of Books: Booksellers and the English Book Trade*. New Haven: Yale University Press, 2007.

Rayward 1975 — Rayward W. B. *The Universe of Information: The Work of Paul Otlet for Documentation and International Organisation*. Moscow: International Federation for Documentation, 1975.

Rayward 1998 — Rayward W. B. *Visions of Xanadu: Paul Otlet (1868–1944) and Hypertext* // Hahn T. B., Buckland M. (eds.) *Historical Studies in Information Science*. Medford NJ: Information Today, 1998. P. 65–80.

Reddick 1996 — Reddick A. *The Making of Johnson's Dictionary, 1746–1773, rev. ed.* Cambridge: Cambridge University Press, 1996. (Первая публикация — 1990.)

Rehermann 1974 — Rehermann E. H. *Die protestantischen Exempelsammlungen des 16. und 17. Jahrhunderts. Versuch einer Übersicht und Charakterisierung nach Aufbau und Inhalt // Volkserzählung und Reformation: Ein Handbuch zur Tradierung und Funktion von Erzählstoffen und Erzählliteratur*

tur im Protestantismus / Hrsg. Wolfgang Brückner. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1974. P. 579–645.

Reiter 1996 — Reiter E. The Reader as Author of the User-Produced Manuscript: Reading and Rewriting Popular Latin Theology in the Late Middle Ages // *Viator*. 1996. Vol. 27. P. 151–170.

Remmert 2005 — Remmert V. Widmung, Welterklärung und Wissenschaftslegitimierung: Titelbilder und ihre Funktionen in der Wissenschaftlichen Revolution. Wiesbaden: Harrassowitz in Kommission, 2005.

Reske 2007 — Reske Ch. Die Buchdrucker des 16. und 17. Jahrhunderts im deutschen Sprachgebiet. Auf der Grundlage des gleichnamigen Werkes von Josef Benzing. Wiesbaden: Harrassowitz, 2007.

Rétat 1984 — Rétat P. L'âge des dictionnaires // *Histoire de l'édition française*, vol. 2: Le livre triomphant, 1660–1830 / éd. Henri-Jean Martin, Roger Chartier, et Jean-Pierre Vivet. Paris: Promodis. 1984. P. 186–198.

Rettig 1992 — Rettig J. (ed.) *Distinguished Classics of Reference Publishing*. Phoenix, AZ: Oryx Press, 1992.

Reynolds 1983 — Reynolds L. D. (ed.) *Texts and Transmission: A Survey of the Latin Classics*. Oxford: Clarendon Press, 1983.

Ribard 2002 — Ribard D. La philosophie mise en recueils // *De la publication entre Renaissance et Lumières* / éd. Christian Jouhaud et Alain Viala. Paris: Fayard, 2002. P. 61–75.

Ribémont 1997 — Ribémont B. On the Definition of an Encyclopaedic Genre in the Middle Ages // Binkley P. (ed.) *Pre-Modern Encyclopaedic Texts: Proceedings of the Second COMERS Congress, Groningen, 1–4 July 1996*. Leiden: Brill, 1997. P. 47–61.

Ribémont 2001 — Ribémont B. *Les origines des encyclopédies médiévales: D'Isidore de Séville aux Carolingiens*. Paris: Champion, 2001.

Richardson 1994 — Richardson B. *Print Culture in Renaissance Italy: The Editor and the Vernacular Text, 1470–1600*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Richardson 1998 — Richardson B. The Debates on Printing in Renaissance Italy // *La bibliofilia*. 1998. Vol. 100. P. 135–155.

Rivers 1997 — Rivers K. Memory, Division, and the Organisation of Knowledge in the Middle Ages // Binkley P. (ed.) *Pre-Modern Encyclopaedic Texts: Proceedings of the Second COMERS Congress, Groningen, 1–4 July 1996*. Leiden: Brill, 1997. P. 147–158.

Roberts 1997 — Roberts J. *Importing Books for Oxford, 1500–1640* // Carley J. P., Tite C. G. C. (eds.) *Books and Collectors, 1200–1700: Essays Presented to Andrew Watson*. London: British Library, 1997. P. 317–333.

Roberts 2002 — Roberts J. *The Latin Trade // A History of the Book in Britain. Vol. IV: 1557–1695* / ed. John Barnard and D. F. McKenzie. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 141–173.

Roberts 1998 — Roberts Ph. *Medieval University Preaching: The Evidence in the Statutes // Medieval Sermons and Society: Cloister, City, University* / ed. Jacqueline Hamesse et al. Louvain-la-Neuve: Fédération Internationale des Instituts d'Etudes Médiévales, 1998. P. 317–328.

Roby 2000 — Roby H. J. *An Introduction to the Study of Justinian's Digest*. Union, NJ: Law-book Exchange, 2000. (Первая публикация — 1884.)

Roest 1997 — Roest B. *Compilation as Theme and Praxis in Franciscan Universal Chronicles* // Binkley P. (ed.) *Pre-Modern Encyclopaedic Texts: Proceedings of the Second COMERS Congress, Groningen, 1–4 July 1996*. Leiden: Brill, 1997. P. 213–225.

Rosenberg 2003 — Rosenberg D. *Early Modern Information Overload: Introduction* // *Journal of the History of Ideas*. 2003. Vol. 64. № 1. P. 1–9.

Rosenthal 1947 — Rosenthal F. *The Technique and Approach of Muslim Scholarship*. Rome: Pontificium Institutum Biblicum, 1947.

Roth 1935 — Roth C. *Conrad Pfister, Basilius Iselin und die amerbachische Bibliothek* // *Festschrift Gustav Binz*. Basel: Schwabe, 1935. P. 179–200.

Rother 2001 — Rother W. *Ramus and Ramism in Switzerland* // *The Influence of Petrus Ramus* / ed. Mordechai Feingold, Joseph Freedman, and Wolfgang Rother. Basel: Schwabe, 2001. P. 9–37.

Rouse 1965 — Rouse R. *The List of Authorities Appended to the Manipulus Florum* // *Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Age*. 1965. P. 243–250.

Rouse 1976 — Rouse R. *Cistercian Aids to Study in the Thirteenth Century* // *Studies in Medieval Cistercian History. Vol. II* / ed. John R. Sommerfeldt. Kalamazoo, MI: Cistercian Publications, 1976. P. 123–134.

Rouse 1981 — Rouse R. *L'évolution des attitudes envers l'autorité écrite: Le développement des instruments de travail au XIIIe siècle* // *Culture et travail intellectuel dans l'Occident médiéval* / éd. Geneviève Hasenohrn et Jean Longère. Paris: Editions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1981. P. 115–144.

Rouse, Rouse 1974a — Rouse R., Rouse M. *Biblical Distinctions in the Thirteenth Century* // *Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Age*. 1974. Vol. 41. P. 27–37.

Rouse, Rouse 1974b — Rouse R., Rouse M. *The Verbal Concordance to the Scriptures* // *Archivum Fratrum Praedicatorum*. 1974. Vol. 44. P. 5–30.

Rouse, Rouse 1979 — Rouse R., Rouse M. *Preachers, Florilegia and Sermons: Studies on the Manipulus Florum of Thomas of Ireland*. Toronto: Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 1979.

Rouse, Rouse 1982 — Rouse R., Rouse M. *Florilegia of Patristic Texts // Les genres littéraires dans les sources théologiques et philosophiques médiévales: Actes du Colloque International de Louvain-la-Neuve*. Louvain-la-Neuve: Institut d'Etudes Médiévales, 1982. P. 165–180.

Rouse, Rouse 1986 — Rouse R., Rouse M. *Bibliography before Print: The Medieval De Viris Illustribus // The Role of the Book in Medieval Culture / ed. Peter Ganz*. Turnhout: Brepols, 1986. P. 133–154.

Rouse, Rouse 1989 — Rouse R., Rouse M. *The Vocabulary of Wax Tablets // Vocabulaire du livre et de l'écriture au Moyen Age / éd. Olga Weijers*. Turnhout: Brepols, 1989. P. 149–151.

Rouse, Rouse 1991a — Rouse R., Rouse M. *Authentic Witnesses: Approaches to Medieval Texts and Manuscripts*. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 1991.

Rouse, Rouse 1991b — Rouse R., Rouse M. *Registrum Anglie de libris doctorum et auctorum veterum*. London: British Library in association with the British Academy, 1991.

Rouse, Rouse 2000 — Rouse R., Rouse M. *Manuscripts and Their Makers: Commercial Book Production in Medieval Paris, 1200–1500*. Turnhout: Harvey Miller, 2000.

Roy 1990 — Roy B. *La trente-sixième main: Vincent de Beauvais et Thomas de Cantimpré // Paulmier-Foucart M., Lusignan S., Nadeau A. (éd.) Vincent de Beauvais: Intentions et réceptions d'une oeuvre encyclopédique au Moyen-Age*. Saint-Laurent: Bellarmin; Paris: Vrin, 1990. P. 241–251.

Royé 2008 — Royé J. *La figure du pedant de Montaigne à Molière. (Travaux du Grand Siècle, vol. 31)*. Genève: Droz, 2008.

Saenger 1996 — Saenger P. *The Impact of the Early Printed Page on the History of Reading // Bulletin du bibliophile*. 1996. Vol. 3. P. 237–301.

Saenger, Heinlen 1991 — Saenger P., Heinlen M. *Incunable Description and Its Implication for the Analysis of Fifteenth-Century Reading Habits // Printing the Written Word: The Social History of Books, 1450–1520 / ed. Sandra Hindman*. Ithaca: Cornell University Press, 1991. P. 225–258.

Sandler 1990 — Sandler L. F. *Omne Bonum: Compilatio and Ordinatio in an English Illustrated Encyclopedia of the Fourteenth Century // Medieval Book Production: Assessing the Evidence, Proceedings of the Second Conference of the Seminar in the History of the Book to 1500*, Oxford 1988 / ed.

Linda L. Brownrigg. Los Altos Hills, CA: Anderson-Lovelace, Red Gull Press, 1990. P. 183–200.

Sayce, Maskell 1983 — Sayce R. A., Maskell D. A Descriptive Bibliography of Montaigne's Essays, 1580–1700. London: Bibliographical Society; Oxford: Oxford University Press, 1983.

Schaer 1996 — Schaer R. (éd.) Tous les savoirs du monde. Paris: Flammarion/Bibliothèque nationale de France, 1996.

Schierbaum 2008 — Schierbaum, Martin. Paratexte und ihre Funktion in der Transformation von Wissensordnungen am Beispiel der Reihe von Theodor Zwingers *Theatrum Vitae Humanae* // Von Ammon F., Vögel H. (Hrsg.) Die Pluralisierung des Paratextes in der Frühen Neuzeit: Theorie, Formen, Funktionen. Berlin: LIT, 2008. P. 255–282.

Schmidt 1922 — Schmidt F. Die Pinakes des Kallimachos. Berlin: Emil Ebering, 1922.

Schmidt-Biggemann 1983 — Schmidt-Biggemann W. *Topica universalis: Eine Modellgeschichte humanistischer und barocker Wissenschaft*. Hamburg: Meiner, 1983.

Schneider 2004 — Schneider U. Die Konstruktion des allgemeinen Wissens in Zedler's Universal-Lexicon // Stamm Th., Weber W. E. J. Wissenssicherung, Wissensordnung und Wissensverarbeitung: Das europäische Modell der Enzyklopädien. Berlin: Akademie Verlag, 2004. P. 81–101.

Schniedewind 2004 — Schniedewind W. M. *How the Bible Became a Book: The Textualization of Ancient Israel*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Schoeler 2009 — Schoeler G. *The Genesis of Literature in Islam: From the Aural to the Read* / in collaboration with and tr. Shawkat M. Toorawa. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009.

Schoenbaum 1993 — Schoenbaum S. *Shakespeare's Lives*, new ed. Oxford: Oxford University Press, 1993.

Schofield 1999 — Schofield H. The Evolution of the Secondary Literature in Chemistry // Bowden M. E., Hahn T. B., Williams R. V. (eds.) *Proceedings of the 1998 Conference on the History and Heritage of Science Information Systems*. Medford, NJ: Information Today, 1999. P. 94–106.

Scholberg 1986 — Scholberg H. *The Encyclopedias of India*. New Delhi: Promilla, 1986.

Schröder 1999 — Schröder B.-J. *Titel und Text: zur Entwicklung lateinischer Gedichtüberschriften, mit Untersuchungen zu lateinischen Buchtiteln, Inhaltsverzeichnissen und anderen Gliederungsmitteln*. Berlin: Walter de Gruyter, 1999.

Schuler 1995 — Schuler S. Excerptoris morem gerere: Zur Kompilation und Rezeption klassisch-lateinischer Dichter im 'Speculum historiale' des Vinzenz von Beauvais // *Frühmittelalterliche Studien*. 1995. Vol. 29. P. 312–348.

Schüling 1982 — Schüling H. Giessener Drucke, 1650–1700. Giessen: Universitätsbibliothek, 1982.

Schwab 1969 — Schwab R. The Diderot Problem, the Starred Articles and the Question of Attribution in the *Encyclopédie* (Parts I and II) // *Eighteenth-Century Studies*. 1969. Vol. 2. № 3. P. 240–285; № 4. P. 370–438.

Screech 1998 — Screech M. A. Montaigne's Annotated Copy of Lucretius: A Transcription and Study of the Annotations, Notes and Pen-Marks. Geneva: Droz, 1998.

Serrai 1988 — Serrai A. Storia della Bibliografia. Vol. 1: Bibliografia e Cabala. Le Enciclopedie rinascimentali (I) / ed. Maria Cochetti. Roma: Bulzoni, 1988.

Serrai 1991 — Serrai A. Storia della Bibliografia. Vol. 2: Le Enciclopedie rinascimentali (II) / ed. Maria Cochetti. Roma: Bulzoni, 1991.

Shackleton 1961 — Shackleton R. Montesquieu: A Critical Biography. London: Oxford University Press, 1961.

Shannon 1948 — Shannon C. E. A Mathematical Theory of Communication // *Bell System Technical Journal*. 1948. Vol. 27. P. 379–423, 623–656.

Shapin 1989 — Shapin S. The Invisible Technician // *American Scientist*. 1989. Vol. 77. P. 554–563.

Shapin 1991 — Shapin S. 'The Mind Is Its Own Place': Science and Solitude in Seventeenth-Century England // *Science in Context*. 1991. Vol. 4. P. 191–218.

Shapin 1994 — Shapin S. A Social History of Truth: Civility and Science in Seventeenth-Century England. Chicago: University of Chicago Press, 1994.

Shapiro 2000 — Shapiro B. A Culture of Fact: England, 1550–1720. Ithaca: Cornell University Press, 2000.

Sharpe 2000 — Sharpe K. Reading Revolutions: The Politics of Reading in Early Modern England. New Haven: Yale University Press, 2000.

Shelford 2007 — Shelford A. Transforming the Republic of Letters: Pierre-Daniel Huet and European Intellectual Life, 1650–1720. Rochester: University of Rochester Press, 2007.

Sher 2006 — Sher R. B. The Enlightenment and the Book: Scottish Authors and Their Publishers in Eighteenth-Century Britain, Ireland and America. Chicago: University of Chicago Press, 2006.

Sherman, Lukehart 2000 — Sherman C. R., Lukehart P. (eds.) *Writing on Hands: Memory and Knowledge in Early Modern Europe*. Carlisle, PA: Trout Gallery, Dickinson College, 2000.

Sherman 1995 — Sherman W. *John Dee: The Politics of Reading and Writing in the English Renaissance*. Amherst: University of Massachusetts Press, 1995.

Sherman 1999 — Sherman W. *Impressions of Readers in Early English Printed Bibles // The Bible as Book* / ed. Paul Saenger and Kimberly van Kampen. Newcastle, DE: Oak Knoll Press; London: British Library, 1999. P. 125–134.

Sherman 2002 — Sherman W. *What Did Renaissance Readers Write in Their Books?* // Andersen J., Sauer E. (eds.) *Books and Readers in Early Modern England*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2002. P. 119–137.

Sherman 2008 — Sherman W. *Used Books: Marking Readers in Renaissance England*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008.

Siegel 2009 — Siegel S. *Tabula: Figuren der Ordnung um 1600*. Berlin: Akademie Verlag, 2009.

Siraisi 1997 — Siraisi N. *The Clock and the Mirror: Girolamo Cardano and Renaissance Medicine*. Princeton: Princeton University Press, 1997.

Siraisi 2001 — Siraisi N. *The Physician's Task // Medicine and the Italian Universities, 1250–1600*. Leiden: Brill, 2001. P. 157–183.

Siraisi 2008 — Siraisi N. *Mercuriale's Letters to Zwinger and Humanist Medicine // Girolamo Mercuriale: medicina e cultura nell'Europa del Cinquecento. Atti del convegno "Girolamo Mercuriale e lo spazio scientifico e culturale del Cinquecento" (Forlì, 8–11 novembre 2006)* / ed. Alessandro Arcangeli e Vivian Nutton. Firenze: Olschki, 2008. P. 77–95.

Sirat et al. 2003 — Sirat C., Klein-Braslavy S., Weijers O. (éd.) *Les méthodes de travail de Gersonide et le maniement du savoir chez les scolastiques*. Paris: Vrin, 2003.

Skydsgaard 1968 — Skydsgaard J. E. *Varro the Scholar: Studies in the First Book of Varro's De Re Rustica*. Copenhagen: Einar Munksgaard, 1968.

Small 1997 — Small J. P. *Wax Tablets of the Mind: Cognitive Studies of Memory and Literacy in Classical Antiquity*. London: Routledge, 1997.

Smalley 1952 — Smalley B. *The Study of the Bible in the Middle Ages*. Oxford: Blackwell, 1952.

Smith 2009 — Smith L. (ed.) *The Glossa ordinaria: The Making of a Medieval Bible Commentary*. Leiden: Brill, 2009.

Smith 1988 — Smith M. M. Printed Foliation: Forerunner to Printed Page-Numbers? // *Gutenberg-Jahrbuch*. 1988. Vol. 63. P. 54–70.

Smith 2000 — Smith M. M. The Title-Page: Its Early Development, 1460–1510. Newcastle, DE: Oak Knoll Press; London: British Library, 2000.

Smith 2004 — Smith M. N. Emily Scissorhands // *Variants: Journal of the European Society for Textual Scholarship*. 2004. Vol. 2/3. P. 279–291.

Smith 1979 — Smith W. The Hippocratic Tradition. Ithaca: Cornell University Press, 1979.

Smyth 2004a — Smyth A. “Profit and Delight”: Printed Miscellanies in England, 1640–1682. Detroit: Wayne State University Press, 2004.

Smyth 2004b — Smyth A. ‘RendandTeareinPeeces’: Textual Fragmentation in Seventeenth-Century England // *Seventeenth Century*. 2004. Vol. 19. № 1. P. 36–52.

Snow 1960 — Snow V. F. Francis Bacon’s Advice to Fulke Greville on Research Techniques // *Huntington Library Quarterly*. 1960. Vol. 23. P. 369–379.

Soll 1995 — Soll J. The Hand-Annotated Copy of the *Histoire du Gouvernement de Venise* or How Amelot de la Houssaye Wrote His History // *Bulletin du bibliophile*. 1995. Vol. 2. P. 279–293.

Soll 2000 — Soll J. Amelot de La Houssaye (1634–1706) Annotates Tacitus // *Journal of the History of Ideas*. 2000. Vol. 61. P. 167–187.

Soll 2009 — Soll J. The Information Master: Jean-Baptiste Colbert’s Secret State Intelligence System. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2009.

Somerville, Brasington 1998 — Somerville R., Brasington B. C. (ed. and tr.) Prefaces to Canon Law Books in Latin Christianity: Selected Translations, 500–1245. New Haven: Yale University Press, 1998.

Stagl 1995 — Stagl J. A History of Curiosity: The Theory of Travel, 1550–1800. Chur, Switzerland: Harwood Academic Publishers, 1995.

Stagl 2002 — Stagl J. Eine Geschichte der Neugier, die Kunst des Reisens, 1550–1800. Vienna: Böhlau, 2002.

Stallybrass 2002 — Stallybrass P. Books and Scrolls: Navigating the Bible // Andersen J., Sauer E. (eds.) *Books and Readers in Early Modern England*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2002. P. 42–79.

Stallybrass 2007 — Stallybrass P. ‘Little Jobs’: Broad-sides and the Printing Revolution // Baron S. A., Lindquist E. N., Shevlin E. V. (eds.) *Agent of Change: Print Culture Studies after Elizabeth L. Eisenstein*. Amherst: University of Massachusetts Press, 2007. P. 301–314.

Stallybrass et al. 2004 — Stallybrass P. et al. Hamlet’s Tables and the Technologies of Writing in Renaissance England // *Shakespeare Quarterly*. 2004. Vol. 55. № 4. P. 379–419.

Stammen, Weber 2004 — Stammen Th., Weber W. E. J. Wissenssicherung, Wissensordnung und Wissensverarbeitung: Das europäische Modell der Enzyklopädien. Berlin: Akademie Verlag, 2004.

Starn 1975 — Starn R. Meaning-Levels in the Theme of Historical Decline // *History and Theory*. 1975. Vol. 14. P. 1–31.

Steinmann 1967 — Steinmann M. Johannes Oporinus, ein Basler Buchdrucker um die Mitte des 16. Jahrhunderts. (Basler Beiträge zur Geschichtswissenschaft, Bd. 105). Basel and Stuttgart: Helbing & Lichtenhahn, 1967.

Steinmann 1969 — Steinmann M. Aus dem Briefwechsel des Basler Druckers Johannes Oporinus // *Basler Zeitschrift für Geschichte und Altertumsge-schichte*. 1969. Vol. 69. P. 103–203.

Steinmann 1997 — Steinmann M. Sieben Briefe aus der Korrespondenz von Theodor Zwinger // *Im Spannungsfeld von Gott und Welt. Beiträge zu Geschichte und Gegenwart des Frey-Grynaeischen Instituts in Basel, 1747–1997* / Hrsg. Andreas Urs Sommer. Basel: Schwabe, 1997. P. 181–210.

Stenhouse 2005 — Stenhouse W. Reading Inscriptions and Writing Ancient History: Historical Scholarship in the Late Renaissance. (Bulletin of the Institute of Classical Studies, Supplement 86.) London: Institute of Classical Studies, 2005.

Stern 2009 — Stern S. Copyright, Originality and the Public Domain in Eighteenth-Century England // *Originality and Intellectual Property in the French and English Enlightenment* / ed. Reginald McGinnis. New York: Routledge, 2009. P. 69–101.

Stevenson 1958 — Stevenson A. Thomas Thomas Makes a Dictionary // *The Library: Transactions of the Bibliographical Society*, 5th ser. 1958. Vol. 3. P. 235–246.

Stinzing 1867 — Stinzing R. Geschichte der populären Literatur des römischen-kanonischen Rechts in Deutschland. Leipzig: G. Hirzel, 1867.

Stoneman 1994 — Stoneman W. Georg Sparsgüt, Rubricator // *Princeton University Library Chronicle*. 1994. Vol. 55. № 2. P. 323–328.

Stoneman 1999 — Stoneman W. (ed.) Dover Priory. Corpus of British Medieval Library Catalogues. London: British Library in association with the British Academy, 1999.

Strada, Spini 1994 — Strada A., Spini G. Ambrogio da Calepio, “il Calepino.” Trescore Balneario, Bergamo: Editrice San Marco, 1994.

Strauss 1965 — Strauss G. Sebastian Münster's Cosmography and its Editions // *From the Renaissance to the Counter-Reformation: Essays in Honor of Garrett Mattingly* / ed. Charles H. Carter, New York: Random House, 1965. P. 145–163.

Sutton 2002 — Sutton J. Porous Memory and the Cognitive Life of Things // *Prefiguring Cyberculture: An Intellectual History* / ed. Darren Tofts. Sydney, Australia: Power Publications, 2002. P. 130–141.

Taylor 1941 — Taylor A. *Renaissance Reference Books: A Checklist of Some Bibliographies Printed before 1700*. Berkeley: University of California Press, 1941.

Taylor 1955 — Taylor A. *A History of Bibliographies of Bibliographies*. New Brunswick, NJ: Scarecrow Press, 1955.

Taylor 1999 — Taylor A. G. *The Organization of Information*. Englewood, CA: Libraries Unlimited, 1999.

Te Heesen 2002 — Te Heesen A. *The World in a Box: The Story of an Eighteenth-Century Picture Encyclopedia* / tr. Ann M. Hentschel. Chicago: University of Chicago Press, 2002.

Te Heesen 2005 — Te Heesen A. *Accounting for the Natural World: Double-Entry Bookkeeping in the Field* // *Colonial Botany: Science, Commerce and Politics in the Early Modern World* / ed. Londa Schiebinger and Claudia Swan. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2005. P. 237–251.

Te Heesen, Spary 2002 — Te Heesen A., Spary E. C. (Hrsg.) *Sammeln als Wissen: Das Sammeln und seine wissenschaftsgeschichtliche Bedeutung*. Göttingen: Wallstein, 2002.

Tenner 1990 — Tenner E. *From Slip to Chip: How Evolving Techniques of Information-Gathering and Retrieval Have Shaped the Way We Do Mental Work* // *Princeton Alumni Weekly*. 1990. Nov. Vol. 21. P. 9–14.

Theander 1951 — Theander C. *Plutarch und die Geschichte*. Lund: C. W. K. Gleerup, 1951.

Théry 1935 — Théry P. G. *Thomas Gallus et les Concordances bibliques* // *Aus der Geisteswelt des Mittelalters. Studien und Texte Martin Grabmann... gewidmet* / Hrsg. Albert Lang, Joseph Lechner, Michael Schmaus. Münster: Verlag der Aschendorffschen Verlagsbuchhandlung, 1935. P. 427–446.

Thornton 1997 — Thornton D. *The Scholar in His Study: Ownership and Experience in Renaissance Italy*. New Haven: Yale University Press, 1997.

Tite 1994 — Tite C. G. C. *The Manuscript Library of Sir Robert Cotton*. London: British Library, 1994.

Tonelli 2006 — Tonelli G. *A Short-Title List of Subject Dictionaries of the Sixteenth, Seventeenth and Eighteenth Centuries* / ed. Eugenio Canone and Margherita Palumbo. Firenze: Olschki, 2006.

Torrell 1993 — Torrell J.-P. *Initiation à St Thomas d'Aquin*. Fribourg: Editions universitaires de Fribourg, 1993.

Tournon 2000 — Tournon A. *Montaigne, la glose et l'essai*: Edition revue et corrigée, précédée d'un réexamen. Paris: Champion, 2000.

Tournoy 1998 — Tournoy G. *Abraham Ortelius et la poésie politique de Jacques van Baerle // Abraham Ortelius, 1527–98: Cartographe et humaniste*. Turnhout: Brepols, 1998. P. 160–167.

Treadgold 1980 — Treadgold W. *The Nature of the Bibliotheca of Photius*. Dumbarton Oaks, Washington, DC: Center for Byzantine Studies, 1980.

Trolley, O'Neill 1999 — Trolley J., O'Neill J. *The Evolution of Citation Indexing—From Computer Printout to the Web of Science // Bowden M. E., Hahn T. B., Williams R. V. (eds.) Proceedings of the 1998 Conference on the History and Heritage of Science Information Systems*. Medford, NJ: Information Today, 1999. P. 124–126.

Trombley 1997 — Trombley F. *The Taktika of Nikephoros Ouranos and Military Encyclopaedism // Binkley P. (ed.) Pre-Modern Encyclopaedic Texts: Proceedings of the Second COMERS Congress, Groningen, 1–4 July 1996*. Leiden: Brill, 1997. P. 261–274.

Tugnoli Pattaro 1977 — Tugnoli Pattaro S. *La formazione scientifica e il “discorso naturale” di Ulisse Aldrovandi. (Quaderni di Storia e Filosofia della Scienza, vol. 7.)* Trento: Unicoop, 1977.

Tugwell 1997 — Tugwell S. *Humbert of Romans, ‘Compiler’ // Lusignan S., Paulmier-Foucart M. (éd.) Lector et compiler: Vincent de Beauvais frère prêcheur*. Grâne, France: Creaphis, 1997. P. 47–76.

Ullman 1928 — Ullman B. L. *Tibullus in the Mediaeval Florilegia // Classical Philology*. 1928. Vol. 23. P. 128–174.

Ullman 1929 — Ullman B. L. *Text, Tradition and Authorship of the Laus Pisonis // Classical Philology*. 1929. Vol. 24. P. 109–132.

Ullman 1930a — Ullman B. L. *Petronius in the Mediaeval Florilegia // Classical Philology*. 1930. Vol. 25. P. 11–21.

Ullman 1930b — Ullman B. L. *The Text of Petronius in the Sixteenth Century // Classical Philology*. 1930. Vol. 25. P. 128–154.

Ullman 1931 — Ullman B. L. *Valerius Flaccus in the Mediaeval Florilegia // Classical Philology*. 1931. Vol. 26. P. 21–30.

Ullman 1932 — Ullman B. L. *Classical Authors in Certain Mediaeval Florilegia // Classical Philology*. 1932. Vol. 27. P. 1–42.

Ullman 1973 — Ullman B. L. *Joseph Lang and his Anthologies // Studies in the Italian Renaissance*. 2nd ed. Roma: Edizioni di Storia e Letteratura, 1973. P. 383–399.

Van Berkel 1997 — Van Berkel M. *The Attitude towards Knowledge in Mamlūk Egypt: Organisation and Structure of the Ṣubḥ al-aʿshā by al-*

Qalqashandī, 1355–1418 // Binkley P. (ed.) *Pre-Modern Encyclopaedic Texts: Proceedings of the Second COMERS Congress, Groningen, 1–4 July 1996*. Leiden: Brill, 1997. P. 159–168.

Van der Haeghen 1972 — Van der Haeghen F. *Bibliotheca erasmiana: Répertoire des oeuvres d'Erasmus*. Nieuwkoop: B. de Graaf, 1972.

Van Engen 1999 — Van Engen J. The Work of Gerlach Peters (d. 1411), Spiritual Diarist and Letter-Writer, a Mystic among the Devout // *Ons geest-like erf*. 1999. Vol. 73. P. 150–177.

Van Gelder 1997 — Van Gelder G. J. *Compleat Men, Women and Books: On Medieval Arabic Encyclopaedism* // Binkley P. (ed.) *Pre-Modern Encyclopaedic Texts: Proceedings of the Second COMERS Congress, Groningen, 1–4 July 1996*. Leiden: Brill, 1997. P. 241–259.

Van Hulle, van Mierlo 2004 — Van Hulle D., van Mierlo W. *Reading Notes: Introduction* // *Variants: The Journal of the European Society for Textual Scholarship*. 2004. Vol. 2/3. P. 1–6.

Van Lieshout 1994 — Van Lieshout H. H. M. *Dictionnaire et diffusion du savoir // commercium litterarium, 1600–1750: La communication dans la République des Lettres* / éd. Hans Bots et Françoise Waquet. Amsterdam: APA-Holland University Press, 1994. P. 131–150.

Van Lieshout 2001 — Van Lieshout H. H. M. *The Making of Pierre Bayle's Dictionnaire Historique et Critique*. Amsterdam: APA-Holland University Press, 2001.

Van Slyck 1991 — Van Slyck A. 'The Utmost Amount of Effectiv [sic] Accommodation': Andrew Carnegie and the Reform of the American Library // *Journal of the Society of Architectural Historians*. 1991. Vol. 50. № 4. P. 359–383.

Varlejs 1999 — Varlejs J. Ralph Shaw and the Rapid Selector // Bowden M. E., Hahn T. B., Williams R. V. (eds.) *Proceedings of the 1998 Conference on the History and Heritage of Science Information Systems*. Medford, NJ: Information Today, 1999. P. 48–55.

Vasoli 1978 — Vasoli C. *L'enciclopedia del Seicento*. Naples: Bibliopolis, 1978.

Vecce 1998 — Vecce C. *Gli zibaldoni di Iacopo Sannazaro*. Messina: Sicania, 1998.

Verbeke 2010 — Verbeke D. 'Condemned by Some, Read by All': The Attempt to Suppress the Publications of the Louvain Humanist Erycius Puteanus in 1608 // *Renaissance Studies*. 2010. Vol. 24. № 3. P. 353–364.

Verger 1997 — Verger J. *Conclusion* // Lusignan S., Paulmier-Foucart M. (éd.) *Lector et compiler: Vincent de Beauvais frère prêcheur*. Grâne, France: Creaphis, 1997. P. 343–349.

Verhaeren 1949 — Verhaeren H. (éd.) Catalogue de la Bibliothèque du Pé-T'ang. Peking: Imprimerie des Lazaristes, 1949.

Vessel 1986 — Vessel Z. Les encyclopédies persanes: Essai de typologie et de classification des sciences. Paris: Editions Recherche sur les Civilisations, 1986.

Viala 1985 — Viala A. Naissance de l'écrivain: Sociologie de la littérature à l'âge classique. Paris: Editions de Minuit, 1985.

Vickers 1996 — Vickers B. (ed.) Francis Bacon. Oxford: Oxford University Press, 1996.

Villey 1933 — Villey P. Les sources et l'évolution des Essais de Montaigne. 2. éd. 2 vols. Paris: Hachette, 1933.

Vittori 2001 — Vittori R. Le biblioteche di due maestri bergamaschi del Cinquecento // *Bergomum*. 2001. Vol. 96. № 2. P. 23–55.

Vittu 1997 — Vittu J. P. Le Journal des savants et la république des lettres, 1665–1714. Thèse de doctorat, Université Paris I. 1997.

Voet 1985 — Voet L. Plantin et ses auteurs. Quelques considérations sur les relations entre imprimeurs et auteurs sur le plan typographique-littéraire au XVIe siècle // *Trasmissione dei testi a stampa nel periodo moderno* / ed. Giovanni Crapulli. Roma: Edizioni dell'Ateneo, 1985. P. 61–76.

Vogel 1999 — Vogel S. Kulturtransfer in der frühen Neuzeit. Die Vorworte der Lyoner Drucke des 16. Jahrhunderts. Tübingen: Mohr Siebeck, 1999.

Vogel 2000 — Vogel S. Der Leser und sein Stellvertreter. Sentenzensammlungen in Bibliotheken des 16. Jahrhunderts // *Lesen und Schreiben in Europa, 1500–1900. Vergleichende Perspektiven* / Hrsg. Alfred Messerli und Roger Chartier. Basel: Schwabe. 2000. P. 483–501.

Volpilhac-Auger 2000 — Volpilhac-Auger C. (éd.) La collection Ad usum delphini. L'antiquité au miroir du Grand Siècle. Grenoble: ELLUG, 2000.

Volpilhac-Auger 2003 — Volpilhac-Auger C. L'ombre d'une bibliothèque: Les cahiers d'extraits de Montesquieu // Décultot E. (éd.) Lire, copier, écrire. Paris: CNRS, 2003. P. 79–90.

Von Ammon, Vögel 2008 — Von Ammon F., Vögel H. (Hrsg.) Die Pluralisierung des Paratextes in der Frühen Neuzeit: Theorie, Formen, Funktionen. Berlin: LIT, 2008.

Von Arburg 2003 — Von Arburg H. G. Un homme obligé de commencer par se plonger dans ses extraits ou dans sa bibliothèque est à coup sûr un artefact: Lichtenberg, les cahiers de l'extrait et le problème de l'originalité // Décultot E. (éd.) Lire, copier, écrire. Paris: CNRS, 2003. P. 111–133.

Von Bary 1980 — Von Bary R. Henriette Adelaide von Savoyen, Kurfürstin von Bayern. München: Süddeutscher Verlag, 1980.

Von den Brincken 1972 — Von den Brincken A.-D. *Tabula Alphabetica* // *Festschrift für Hermann Heimpel*. 2 Bd. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1972. Vol. 2. P. 900–924.

Von den Brincken 1978 — Von den Brincken A.-D. *Geschichtsbetrachtung bei Vincenz von Beauvais* // *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*. 1978. Vol. 34. P. 410–499.

Von Moeller 1915 — Von Moeller E. *Hermann Conring, der Vorkämpfer des deutschen Rechts, 1606–81*. Hannover: Ernst Geibel, 1915.

Von Murr 1779 — Von Murr Ch. G. *Journal zur Kunstgeschichte und zur allgemeinen Litteratur*. 7ter Teil. Nürnberg: Johann Eberhard Zeh, 1779.

Von Staden 1989 — Von Staden H. (ed. and tr.) *Herophilus: The Art of Medicine in Early Alexandria*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

Voorbij 1996 — Voorbij J. B. *Gebrauchsaspekte des Speculum maius von Vinzenz von Beauvais* // *Der Codex im Gebrauch, Akten des Internationalen Kolloquiums 11–13 Juni 1992* / Hrsg. Christel Meier, Dagmar Hüpper, und Hagen Keller. München: Wilhelm Fink, 1996. P. 226–239.

Voorbij 2000 — Voorbij J. B. *Purpose and Audience: Perspectives on the Thirteenth-Century Encyclopedias of Alexander Neckham, Bartholomaeus Anglicus, Thomas of Cantimpré, and Vincent of Beauvais* // Harvey S. (ed.) *The Medieval Hebrew Encyclopedias of Science and Philosophy*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2000. P. 31–45.

Wachsmuth 1971 — Wachsmuth C. *Studien zu den griechischen Florilegien*. Amsterdam: Rodopi, 1971. (Первая публикация — 1882.)

Wagner 1997 — Wagner R. G. *Twice Removed from the Truth: Fragment Collection in Eighteenth- and Nineteenth-Century China* // *Collecting Fragments. Fragmente sammeln* / ed. Glenn Most. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht, 1997. P. 34–52.

Waquet 1988 — Waquet F. *Pour une éthique de la réception: Les Jugemens des livres en général d'Adrien Baillet (1685)* // *Dix-septième siècle*. 1988. Vol. 159. P. 157–174.

Waquet 1993 — Waquet F. *Les éditions de correspondances savantes et les idéaux de la République des Lettres* // *Dix-septième siècle*. 1993. Vol. 178. P. 99–118.

Waquet 1997 — Waquet F. *La communication des livres dans les bibliothèques d'Ancien Régime* // Barbier F. et al. (éd.) *Le livre et l'historien: Études offertes en l'honneur du Professeur Henri-Jean Martin*. Genève: Droz, 1997. P. 371–380.

Waquet 1998 — Waquet F. *Le latin ou l'empire d'un signe*. Paris: Albin Michel, 1998.

Waquet 2000 — Waquet F. (ed.) *Mapping the World of Learning: The Polyhistor of Daniel Georg Morhof*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2000.

Warkentin 2005 — Warkentin G. *Humanism in Hard Times: The Second Earl of Leicester (1595–1677) and His Commonplace Books, 1630–60 // Challenging Humanism: Essays in Honour of Dominic Baker-Smith* / ed. Ton Hoenselaars and Arthur Kinney. Newark: University of Delaware Press, 2005. P. 229–253.

Webster 2002 — Webster Ch. *The Great Instauration: Science, Medicine and Reform, 1626–1660*. 2nd ed. Oxford: Peter Lang, 2002.

Weijers 1990a — Weijers O. *Les dictionnaires et autres repertoires // Weijers O. (éd.) Méthodes et instruments du travail intellectuel au Moyen Age: Etudes sur le vocabulaire*. Brepols: Turnhout, 1990. P. 197–208.

Weijers 1990b — Weijers O. (éd.) *Méthodes et instruments du travail intellectuel au Moyen Age: Etudes sur le vocabulaire*. Brepols: Turnhout, 1990.

Weijers 1991 — Weijers O. *Dictionnaires et repertoires au Moyen Age: Une étude du vocabulaire*. Turnhout: Brepols, 1991.

Weijers 1996 — Weijers O. *Le maniement du savoir: Pratiques intellectuelles à l'époque des premières universités (XIIIe–XIVe siècles)*. Turnhout: Brepols, 1996.

Weill 1971 — Weill G. *Recherches sur la démographie des Juifs d'Alsace du XVIe au XVIIIe siècle // Revue des études juives*. 1971 (January–March). Vol. 130. P. 51–89.

Weimar 2003 — Weimar K. *Les comptes savants de Johann Caspar Hagenbuch // Décultot E. (éd.) Lire, copier, écrire*. Paris: CNRS, 2003. P. 65–78.

Weinberg 1997 — Weinberg B. H. *The Earliest Hebrew Citation Indexes // Journal of the American Society for Information Science*. 1997. Vol. 48. № 4. P. 318–330. (Перепечатано в: Hahn T. B., Buckland M. (eds.) *Historical Studies in Information Science*. Medford NJ: Information Today, 1998. P. 51–63.)

Weinberg 1999 — Weinberg B. H. *Indexes and Religion: Reflections on Research in the History of Indexes // Indexer*. 1999. Vol. 21. № 3. P. 111–118.

Weinberger 2007 — Weinberger D. *Everything Is Miscellaneous: The Power of the New Digital Disorder*. New York: Times Books, 2007.

Weinrich 1996 — Weinrich H. *Gibt es eine Kunst des Vergessens?* Basel: Schwabe, 1996.

Weiss 1983 — Weiss W. *Zeittafel zur Papiergeschichte*. Leipzig: VEB Fachbuchverlag, 1983.

Wellisch 1978 — Wellisch H. H. *Early Multilingual and Multiscript Indexes in Herbals // Indexer*. 1978. Vol. 11. P. 81–102.

Wellisch 1981 — Wellisch H. H. How to Index a Book — Sixteenth-Century Style: Conrad Gessner on Indexes and Catalogs // *International Classification*. 1981. Vol. 8. P. 10–15.

Wellisch 1984 — Wellisch H. H. Conrad Gessner: A Bio-Bibliography. Zug, Switzerland: IDC, 1984.

Wellisch 1985–1986 — Wellisch H. H. Hebrew Bible Concordances, with a Biographical Study of Solomon Mandelkern // *Jewish Book Annual*. 1985–1986. Vol. 43. P. 56–91.

Wellisch 1986 — Wellisch H. H. The First Arab Bibliography: Fihrist al-‘Ulum. (Illinois University Graduate School of Library and Information Science, Occasional Paper 175). 1986.

Werle 2007 — Werle D. *Copia librorum: Problemgeschichte imaginierter Bibliotheken, 1580–1630*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2007.

Werle 2010 — Werle D. Die Bücherflut in der frühen Neuzeit — realweltliches Problem oder stereotypes Vorstellungsmuster? // *Frühneuzeitliche Stereotype: Zur Produktivität und Restriktivität sozialer Vorstellungsmuster* / Hrsg. Mirosława Czarnecka et al. (Jahrbuch für Internationale Germanistik.) Bern: Lang, 2010. P. 469–486.

West 2002 — West W. N. *Theatres and Encyclopedias in Early Modern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Whitrow 1999 — Whitrow M. The Completion of the Isis Cumulative Bibliography, 1923–1965 // Bowden M. E., Hahn T. B., Williams R. V. (eds.) *Proceedings of the 1998 Conference on the History and Heritage of Science Information Systems*. Medford, NJ: Information Today, 1999. P. 285.

Widmann 1966 — Widmann H. Nachwort // Gessner C. *Bibliotheca Universalis*: [Faks. Ausg.]. Osnabrück: Otto Zeller, 1966. P. 2:i–xi.

Wild 2001 — Wild F. *Naissance du genre des Ana, 1574–1712*. Paris: Champion, 2001.

Wilkins 1977 — Wilkins E. H. *The Making of the “Canzoniere” and Other Petrarchan Studies*. Folcroft, PA: Folcroft Library Editions, 1977. (Первая публикация — Roma, 1951.)

Wilkinson 2007 — Wilkinson A. Remember This? // *New Yorker*. 2007 (May 28). P. 38–44.

Wilson 1983 — Wilson N. G. *Scholars of Byzantium*. London: Duckworth, 1983.

Winchester 1998 — Winchester S. *The Surgeon of Crowthorne: A Tale of Murder, Madness and the Love of Words*. New York: Viking, 1998.

Winchester 2003 — Winchester S. *The Meaning of Everything: The Story of the Oxford English Dictionary*. Oxford: Oxford University Press, 2003.

Wingell 1990 — Wingell A. Rhetorical Rules and Models for the Libellus Apologeticus of Vincent of Beauvais // Paulmier-Foucart M., Lusignan S., Nadeau A. (éd.) Vincent de Beauvais: Intentions et réceptions d'une oeuvre encyclopédique au Moyen-Age. Saint-Laurent: Bellarmin; Paris: Vrin, 1990. P. 34–55.

Wingo 1972 — Wingo E. O. Latin Punctuation in the Classical Age. The Hague: Mouton, 1972.

Winroth 2000 — Winroth A. The Making of Gratian's Decretum. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Wittmann 1984 — Wittmann R. Bücherkataloge des 16.–18. Jahrhunderts als Quellen der Buchgeschichte. Eine Einführung // Bücherkataloge als buchgeschichtliche Quellen in der Frühen Neuzeit / Hrsg. Reinhard Wittmann. Wiesbaden: Harrassowitz, 1984. P. 7–18.

Wittmann 2003 — Wittmann R. Was There a Reading Revolution at the End of the Eighteenth Century? // Cavallo G., Chartier R. A History of Reading in the West / tr. Lydia G. Cochrane. Amherst: University of Massachusetts Press, 2003. P. 284–312.

Witty 1958 — Witty F. J. The Pinakes of Callimachus // Library Quarterly. 1958. Vol. 28. P. 132–136.

Witty 1973 — Witty F. J. The Beginnings of Indexing and Abstracting: Some Notes towards a History of Indexing and Abstracting in Antiquity and the Middle Ages // Indexer. 1973. Vol. 8. № 4. P. 193–198.

Wood 1691–1692 — Wood A. Athenae oxonienses: An exact history of all the writers and bishops who have had their education in the University of Oxford. London: Thomas Bennet, 1691–1692.

Wooldridge 1977 — Wooldridge T. R. Les Débuts de la lexicographie française. Toronto: University of Toronto Press, 1977.

Wouters 1999 — Wouters P. The Creation of the Science Citation Index // Bowden M. E., Hahn T. B., Williams R. V. (eds.) Proceedings of the 1998 Conference on the History and Heritage of Science Information Systems. Medford, NJ: Information Today, 1999. P. 127–138.

Wright 2007 — Wright A. Glut: Mastering Information through the Ages. Washington, DC: Joseph Henry Press, 2007.

Yale 2008 — Yale E. Manuscript Technologies: Science and the Culture of Writing in Early Modern Britain. Ph.D. diss., Department of History of Science, Harvard University, 2008.

Yates 1966 — Yates F. The Art of Memory. Chicago: University of Chicago Press, 1966.

Yates 1989 — Yates J. *Control through Communication: The Rise of System in American Management*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1989.

Yeo 1996 — Yeo R. *Alphabetical Lives: Scientific Biography in Historical Dictionaries and Encyclopaedias* // *Telling Lives in Science: Essays on Scientific Biography* / ed. Michael Shortland and Richard Yeo. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 139–169.

Yeo 2000 — Yeo R. *Big Books of Science: Ephraim Chambers' Cyclopaedia as 'The Best Book in the Universe'* // Frasca-Spada M., Jardine N. (eds.) *Books and the Sciences in History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 207–224.

Yeo 2001 — Yeo R. *Encyclopaedic Visions: Scientific Dictionaries and Enlightenment Culture*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Yeo 2004a — Yeo R. *John Locke's 'New Method' of Commonplacing: Managing Memory and Information* // *Eighteenth-Century Thought*. 2004. Vol. 2. P. 1–38.

Yeo 2004b — Yeo R. *A Philosopher and His Notebooks: John Locke (1632–1704) on Memory and Information* // Griffith University Professorial Lecture Series № 4 (2004). URL: <http://www.griffith.edu.au/ins/collections/proflects/content2.html> (дата обращения: 14.09.2023).

Yeo 2007a — Yeo R. *Before Memex: Robert Hooke, John Locke, and Vannevar Bush on External Memory* // *Science in Context*. 2007. Vol. 20. № 1. P. 21–47.

Yeo 2007b — Yeo R. *Between Memory and Paperbooks: Baconianism and Natural History in Seventeenth-Century England* // *History of Science*. 2007. Vol. 45. № 1. P. 1–46.

Zachary 1997 — Zachary G. P. *Endless Frontier: Vannevar Bush, Engineer of the American Century*. New York: Free Press, 1997.

Zedelmaier 1992 — Zedelmaier H. *Bibliotheca universalis und Bibliotheca selecta. Das Problem der Ordnung des gelehrten Wissens in der frühen Neuzeit*. Köln: Böhlau, 1992.

Zedelmaier 2000 — Zedelmaier H. *De ratione excerptendi: Daniel Georg Morhof und das Exzerpieren* // Waquet F. (ed.) *Mapping the World of Learning: The Polyhistor of Daniel Georg Morhof*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2000. P. 75–92.

Zedelmaier 2001 — Zedelmaier H. *Lesetechniken: Die Praktiken der Lektüre in der Neuzeit* // Zedelmaier H., Mulsow M. *Praktiken der Gelehrsamkeit in der frühen Neuzeit*. Tübingen: Niemeyer, 2001. P. 11–30.

Zedelmaier 2003 — Zedelmaier H. *Johann Jakob Moser et l'organisation érudite du savoir à l'époque moderne* // Décultot E. (éd.) *Lire, copier, écrire*. Paris: CNRS, 2003. P. 43–62.

Zedelmaier 2004 — Zedelmaier H. *Facilitas inveniendi. Zur Pragmatik alphabetischer Register* // Stammen Th., Weber W. E. J. *Wissenssicherung, Wissensordnung und Wissensverarbeitung: Das europäische Modell der Enzyklopädien*. Berlin: Akademie Verlag, 2004. P. 191–203.

Zedelmaier 2010 — Zedelmaier H. *Buch und Wissen in der frühen Neuzeit* // *Buchwissenschaft in Deutschland. Ein Handbuch* / Hrsg. Ursula Rautenberg et al. Berlin: de Gruyter, 2010.

Zedelmaier, Mulsow 2001 — Zedelmaier H., Mulsow M. *Praktiken der Gelehrsamkeit in der frühen Neuzeit*. Tübingen: Niemeyer, 2001.

Zinn 1974 — Zinn G. *Hugh of St. Victor and the Art of Memory* // *Viator*. 1974. Vol. 5. P. 211–234.

Zwinger 1586 — Zwinger Th. *Theatrum humane vitae*. Basel: Episcopius; Henricpetri, 1586–1587.

Zwinger 1565 — Zwinger Th. *Theatrum vitae humane*. Basel: J. Oporinus, 1565.

Zwinger 1604 — Zwinger Th. *Theatrum humane vitae*. Basel: Henricpetri, 1604.

Предметно-именной указатель

- Абеляр Пьер 98
Август, герцог Брауншвейгский
12, 172, 173, 178, 189, 418, 454
Августин Аврелий 86
Августин Антонио 463
Авиценна (ибнСина) 59, 90
Авл Геллий 45, 49, 51, 73, 77, 165,
171, 247, 249, 254; см. Геллий
автографы 136, 162, 166, 167, 211,
221, 305, 403, 415
авторитетные источники 14, 33,
76, 80–82, 118, 138, 172, 255,
259, 279, 319, 468, 471
в Китае 64
в мусульманской литерату-
ре 56
исправление перечня ~ 260
перечень 81, 225, 259, 261
противоречия в ~ 118
цитирование ~ 80, 81, 172, 259,
261, 279, 331
авторское право 422
авторство 43, 237, 326–328, 333,
357, 442, 475, 484
Аделаида (Генриетта Аделаида)
Савойская 435
Азар Поль 473
Академии 134, 189, 199, 200, 396,
428, 469; см. также Королев-
ское общество
Французская ~ 200, 469
~ наук (Académie des sci-
ences) 189
Алан Лилльский 82
Александрия 41–43, 143
Алер Пауль 475
Алессандри Алессандро 254, 390,
401, 445, 446, 452
алфавитный порядок 22, 42, 50,
55, 58, 61, 62, 79, 82, 85–87, 95,
103, 105, 138, 178, 182, 188,
191–193, 195, 197, 206, 227,
244–246, 251, 252, 257, 264, 265,
270, 272, 273, 285, 287, 305, 320,
321, 346, 348, 354, 360, 379, 382,
393, 397, 420, 455, 457, 477
~ и полосы бумаги 191, 206
Альдрованди 138, 182, 192, 206
Бейерлинка 257, 285, 379,
382, 420
в Античности 42, 50, 55, 62, 87
в библиотечных каталогах
191, 195
в *Великом театре* 244, 257, 265

- в заголовках рубрик 182, 183, 188, 241
 в заметках 22, 79, 178, 182, 188, 191, 192, 206, 354, 379, 457, 477
 в компиляциях на народных языках 50, 55, 62, 191, 257, 320, 393, 397, 464
 в перечнях источников 257, 348, 393, 457
 в *Полиантее* 244, 246, 265, 346, 348, 355, 464
 в произведениях еврейских авторов 84
 в произведениях мусульманских авторов 58, 61
 в *Рогге изобилия* Перотти 105, 251, 252
 в Словаре Джонсона 420
 в словарях 55, 58, 61, 62, 87, 103, 105, 206, 251, 252, 320, 354, 420, 457, 477
 в средневековой латинской литературе 50, 87, 105, 251, 252, 346, 360
 в тетрадах общих мест 178, 182, 191, 192, 287, 305, 477
 в энциклопедиях 55, 95, 99, 234, 246, 257, 274, 275, 316, 480
 Винсент из Бове 95, 265, 354, 464
 Гесснер 191–193, 227, 251, 272, 273, 302
 де Мем 457
 Диоскорид 87
 для неопытных читателей 303
 Калепино 103, 244, 251, 252
 Кеккерман 285, 287
 критика ~ 285, 360
 Лаббе 305
 Ланге 346
 Ноде 457, 477
 Плакциус 188, 354
 рекомендации Сореля 178
 строгий ~ 58, 61, 87, 95, 273, 287, 393
 Цвингер 244, 246, 256, 257, 270, 285, 287, 382, 397
 альбомы для вырезок 419, 477
 Альгази Гади 205
 АльДжахиз 57
 АльДжузджани 59
 Альдрованди Улиссе 138, 148, 153, 182, 192, 206, 273, 375, 396, 426
 заметки 153, 182, 192, 206, 396
 о памяти 153, 182
 читатель Цвингера 396
 АльКалкашанди Ахмад 60, 99
 Альстед Иоганн Генрих 181, 204, 230, 255, 261, 374, 310, 317–320, 373, 420, 467, 483
 АльФараби 58
 Альчиати Андреа 33, 359
 Аманций Бартоломей 337, 343, 344, 348, 446
 Амвросий Медиоланский 164
 Амербах Базиль 195, 362
 Америка 424, 428
 анонимность 84, 86, 187, 250, 277, 314, 354, 356, 454, 455, 458, 473, 480, 484
 неназванный парижский магистр 86
 словарь анонимных сочинений 314, 354
 антологии 32, 47, 48, 64–67, 70, 71, 76, 78, 301, 303, 336, 344,

- 346, 352, 358, 390, 422, 448, 449, 475, 485
~ Ланге 346, 358, 390
Антверпен 141, 377, 381, 426, 438, 452
Античность 11, 17, 19, 31, 36–52, 60, 73, 74, 87, 99, 119, 123, 129, 130, 135, 152, 162–165, 237, 258, 301, 438, 472
организация информации в ~ 36–52
составление заметок в ~ 129, 130, 135, 152, 162–165
Араос Франсиско 38, 118, 233
Аристотель 42, 81, 90, 96–98, 111, 118–120, 130, 152, 282, 331, 392, 394, 464, 473
архаисты против модернистов 120
архивы 12, 19, 36, 120, 127, 133, 134, 136, 148, 149, 212, 243, 399, 427
аукционы и аукционные каталоги 133, 148, 215, 222, 230, 254, 299, 307–310, 431, 432, 452
Афинеи 43, 46, 47, 49, 50, 303, 460
Базель 10, 12, 29, 94, 105, 108, 140, 195, 209, 238, 249, 251, 267, 282, 319, 336, 340, 361–363, 366–369, 376, 380, 392, 397, 400–402, 406, 424, 451
Байе Адриен 121, 122, 237, 247, 312, 463, 467, 468
Баллеони Паоло 380
Бальби Джованни 87, 234, 393
Католикон 87, 102, 103, 234, 235, 258, 393, 430
Барт Каспар фон 169, 170
Бартлетт Джон 476, 490
Familiar Quotations/ Знакомые цитаты 476
Бартолин Томас 178, 432
Баснаж де Боваль Анри 120
Баугин Каспар 32, 371, 404
Бёгем Корнелис ван 313
Бейл Джон 304, 305
Бейль Пьер 132, 133, 170, 177, 200, 312, 328, 404, 464, 479
Бейерлинк Лаврентий 24, 257, 261, 264, 265, 269, 271, 275, 280, 285, 290, 296, 297, 318, 330, 368, 369, 377–388, 408, 420, 433, 446, 451, 457, 473, 482; см. также *Великий театр*
в роли цензора 381
прозванный энциклопедистом 318
Великий театр 24, 244, 264, 265, 269, 274, 290, 296, 297, 330, 353, 368, 377–384, 408, 428, 431, 432, 434, 443, 451, 459, 473, 482
Беркли Джордж 146
Бернард Клервоский 80, 130
Бертон Роберт 386, 466
Библия 35, 39, 40, 47, 56, 73, 76, 77, 79, 81–86, 88, 89, 95, 96, 98, 111, 118, 122, 136, 143, 154, 173, 189, 200, 228, 241, 244, 290, 292, 344, 349, 386, 414, 419, 438, 458, 465, 467, 468
десять заповедей 246, 287
использование нумерации в ~ 73, 83–85
библейские конкордансы 73, 82–85, 88, 136, 228, 230, 438
греческие 55, 366, 438
еврейские 85

- латинские 79, 87, 276, 438
 библиографии 11, 14, 20, 42, 50,
 57–59, 61–63, 68, 89, 90,
 115–117, 235, 242, 258, 299–305,
 309, 311, 354, 356, 360, 387, 389,
 417, 447, 481, 490
Isis cumulative 490
 библиотеки 12, 34, 38, 40–43, 46,
 47, 50–52, 65, 66, 68, 71, 77, 88,
 91, 95, 112, 114–118, 134, 138,
 144, 145, 147, 148, 155, 172,
 185–187, 189, 190, 192–195, 197,
 201, 209, 212, 215, 220, 222, 224,
 229–233, 236, 259, 264, 267, 269,
 271, 281–283, 286, 291, 295,
 297–300, 302–305, 307–310,
 316, 317, 339, 346, 365, 370, 377,
 382, 395–398, 400–403, 405,
 407–412, 414, 415, 417, 418, 423,
 424, 427–430, 432–436, 443, 451,
 452, 455–461, 479
 Александрия 40, 41, 43, 50, 51
 аукционы 148, 215, 222, 299,
 307–310, 432, 452
 Библиотека герцога Августа
 12, 172, 189, 418
 Библиотека Конгресса 185
 Библиотека Мазарини 12, 194,
 417, 479
 Бодлианская библиотека 12,
 229, 230, 300, 308, 309, 432, 456
 в Германии 309
 в Китайской империи 65, 428
 в колледжах Оксфорда
 и Кембриджа 12, 145, 229, 291,
 309, 395, 433, 434, 455, 456, 458
 в средневековой Европе 34, 56,
 77, 115, 222, 259, 299, 300, 303,
 414, 418, 432, 436
 Кесария 47
 Кирстен 148, 35
 книга/тетрадь как ~ 427
 Мазарини 231
 Монтень 201, 451
 правила 229, 418
 прикрепленные цепями
 книги 229
 путешественники по библиотекам
 115, 299, 309
 руководства 116, 117, 148, 155,
 172, 231, 233, 304
 справочный отдел 69, 229
 фонды библиотек 17, 42, 113,
 114, 305, 407, 427, 428
 Цвингер 269, 282, 283, 310, 354,
 391, 397, 398, 400, 427, 436,
 451, 452
 библиотечные каталоги 20, 113,
 184, 185, 194, 215, 230, 254, 299,
 300, 302, 303, 309, 310, 339,
 486, 493
 античные 20, 299
 в средневековой Европе 20,
 230, 299, 300
 использование 20, 184, 185,
 188, 189, 299, 303
 категории в ~ 230, 254, 493
 рубрики в ~ 184, 185, 230
 составление 20, 185, 188, 194,
 215, 302, 310, 339
 библиотечные фонды 17,
 42, 113, 114, 305, 407,
 427, 428
 инвентаризация ~ 42, 431
 Биго, семья 222
 биобиблиографии 41, 299, 300,
 314; см. также библиографии,
 биографические словари

- богословие 76, 81, 85, 86, 88, 135, 147, 153, 159, 203, 216, 217, 227, 228, 230, 240, 241, 255, 274, 285, 327, 344, 367, 372, 377, 381, 383, 416, 440, 441, 454, 455, 459, 463, 469
- Боден Жан 115, 180
- Бойль Роберт 132, 149, 176, 177, 210–212, 386, 407
- Бок Ганс 374, 376
- Боккаччо Джованни 450
- болландисты 202
- Бонавентура 327, 328
- Борст Арно 91
- Босуэлл Джеймс 123
- Боэций 51
- Брант Себастьян 115
- Братство общей жизни 137
- Брауновер Сильвестр 215
- Британская библиотека 12, 114, 187, 308, 435, 456
- Брюне ЖакШарль 310
- Брюэр Эбенезер Кобэм 325
- буддизм 64
- бумага 23, 52, 53, 61, 63, 65, 98, 101, 108, 113, 126–128, 131–134, 147, 154, 157, 160, 174–176, 182–184, 187, 188, 190–198, 200, 206, 210, 216, 219, 221, 237, 324, 355, 359, 375, 379, 383, 387, 393, 394, 396, 398, 399, 401–405, 417, 420, 422, 431
- в Византии 52, 53
- и компилятивная деятельность 23, 324, 383, 393, 422
- в мусульманских странах 52, 53, 61, 63, 127, 131
- и составление заметок 23, 126–128, 131–134, 174, 175, 182, 183, 187–201, 206, 219, 221, 237, 324, 355, 396, 398, 399, 403, 404, 417, 420
- и книгопечатание 23, 52, 108, 113, 127, 128, 157, 417, 431
- Бусси Андреа де 101
- Буш Ванневар 489, 490
- Бэкон Фрэнсис (советы по составлению заметок) 21, 39, 119, 138, 145, 146, 180, 181, 183, 202, 215, 453
- Бюде Гийом 147, 148, 223, 251, 452
- Валерий Максим 49, 76, 77, 445
- Валла Лоренцо 224
- Валле Жюль 475
- Варрон Марк Теренций 44, 48, 165, 238, 445
- Везалий Андреас 366
- Вейтмозер, братья 373
- Великий театр* 24, 244, 257, 264, 265, 269, 274, 290, 296, 297, 319, 330, 353, 367, 368, 377–384, 391, 408, 428, 431, 432, 434, 443, 451, 459, 473, 482; см. также
- Бейерлинк, Лаврентий
- структура 264
- цитаты 244, 428
- поисковые инструменты 290, 296
- макет страницы 290, 296
- стоимость 431, 432
- история изданий 368
- количество слов 257, 330
- Венеция 35, 105, 262, 336–338, 340, 344, 347, 359, 369, 380, 424
- Вергилий 327, 350, 385
- Вердые Антуан дю 305
- Верона Гварино да 140, 213

- Веспасиан 48
- Вивес Хуан Луис 140, 155
- Византия 11, 52–56, 58, 60
- Википедия 18, 66, 322, 462
- Виндоландские таблички 130
- Винкельман Иоганн Иоахим 184, 417, 457
- Винсент из Бове 40, 75, 77, 79, 89–97, 99, 106, 107, 110, 148, 258, 262, 265, 316, 317, 330, 350, 387, 445, 464
- цитирование 40, 75, 77, 258, 314, 445, 464
- позиция компилятора 99, 330, 350, 354, 445, 464
- жалобы 464
- указатель к *Зерцалу историческому* 95, 106, 107
- перечень заголовков 177, 265, 316
- рецепция *Зеркала* 96
- Великое зеркало* 79, 89, 91, 95, 96, 262, 265
- количество слов в *Великом зеркале* 89
- Возрождения эпоха 16, 19, 22, 23, 31–34, 44, 51, 54, 55, 73, 100, 114, 123, 126, 127, 130, 147, 152, 247–250, 249, 254, 325, 394, 438, 444, 448, 450, 452, 454, 470, 492, 493; см. также изобилие (Соріа); образование; гуманизм и гуманисты; мотивация в Византии 31, 34, 54, 55
- Каролингское возрождение* 76
- упадок 454, 470, 492
- смеси* 247, 254, 450
- книгопечатание 22, 23, 100, 124, 127, 470
- накопление заметок 19, 22, 23, 126, 127, 130, 152, 247, 325
- Вольтер (ФрансуаМари Аруэ) 480, 485
- Вольф Каспар 8, 220, 221, 403–405
- Вордсворт Уильям 22
- всемирная паутина 186, 245; см. интернет
- Вуд Энтони 441, 486
- вырезание и вставка цитат 25, 198, 216, 464
- Гийом Бретонский 234
- Галлар де 386
- графические знаки 67, 293
- Гален 111, 228, 301, 432
- Гаравини Фауста 449, 454
- Гарнье Жан 310
- Гассенди Пьер 174, 175
- Геллий Авл 45, 49, 51, 73, 77, 165, 171, 247, 249, 254
- генетическая критика 25, 134
- Гесснер Конрад 29, 50, 56, 117, 126, 153, 181, 191–193, 199, 210, 216, 220, 221, 224, 227, 238–240, 251, 252, 271–273, 276, 280, 293, 302–305, 309, 310, 317, 324, 350, 353, 354, 360, 385, 391, 392, 396–400, 402–412, 420, 421, 432, 448, 456, 485
- Универсальная библиотека*, древовидная схема 117, 302, 304, 305, 309, 310, 317, 360, 385, 391, 397, 407, 412, 432
- компилятор 272, 324, 350, 353, 354, 360, 391, 392, 397, 400, 421, 448

- чтение в справочных целях
126, 227, 251, 272, 324, 485
о словарях 238–240, 251, 252,
392, 420, 421
помощники 216, 324, 391, 392,
398, 420, 421
макет страниц 407
~ и память 50
методы составления указате-
лей и компиляций 192, 199,
216, 252, 324, 396, 399, 408, 421
заметки 126, 181, 221, 224, 324,
353, 396, 398, 403, 456, 485
рецепция 29
о Стобее 50, 126, 273, 303, 448
Thesaurus practicae medicinae
403, 411, 412
Ономастикон 238, 239, 252, 392
Пандекты 117, 181, 251, 280,
304, 305
Гини Лука 224
Гиббон Эдвард 22
Гибсон Джон 415
Глейзер Филип 346, 358, 359, 383
Гмелин 488
*Handbuch der Anorganischen
Chemie/Справочник по
неорганической химии* 488
Годфруа де Фонтен 86, 135
Годфри из Витербо 263
Голдаст Мельхиор 418
Гуд Роджер 433, 461
Грациан 81, 136, 262
Гроссетест Роберт 56, 84, 86, 137,
168, 177
Гроций Гуго 170
Грутер Ян 184, 216, 244, 427
Гриней Иоганн Якоб 367
гвидонова рука 154
Гутенберг Иоганн 81, 88, 102,
103, 112
Гу Яньу 72
Галлер Альбрехт фон 312
Гамбург 196, 198, 355
Гаррисон Томас 180, 181, 187, 190,
196–201, 204, 218
~ и Плакциус 187, 190,
196–198, 200, 201, 204, 218
греческий язык 41, 47, 49, 50, 108,
117, 212, 236, 247, 251, 273, 302,
318, 361, 362, 374, 388, 428, 438
античные сочинения 33,
41–43, 45, 47, 55–57, 76, 117,
236, 436, 438
Византия 50, 53–55
Калепино 236, 244, 251
в словарях 55, 108, 236, 251,
332, 361, 392, 438, 448, 452, 457
эпиграммы 76, 251, 436
этимология 332, 361
Гесснер 50, 117, 239, 251, 273,
302, 392
буквы в качестве символов 86
Нани Мирабелли 243
Плакциус 355
Полиантея 244, 331, 332, 428,
436, 452
книгопечатание 117, 336, 436
Сильвестр 441
Цвингер 33, 244, 362, 374, 392,
436, 452
Гейнзе Вильгельм 215
Гейнзиус Николас 221
Генрих VIII 341, 436
Герберт из Чербери 459
Гесихий Милетский 58
Гиппократ 37–39, 41, 51, 143, 432
Гомер 41, 53, 54, 327, 374, 458

- Гук Роберт 149, 151
 Гораций 33, 77, 150, 331
 Гуго СенВикторский 40, 97, 279
 Гугетан 340, 347, 380
 Гайд Томас 230
 гуманизм и гуманисты 19, 20, 25,
 26, 30, 33, 34, 44, 46, 48, 50, 51,
 56, 70, 73, 101, 102, 105,
 114–116, 124, 128, 139, 147, 153,
 170, 171, 223, 224, 230, 235, 236,
 241, 242, 244, 247, 250, 261, 290,
 332, 362, 363, 366, 437, 438, 451,
 452, 463, 468, 471, 472, 474, 493;
 см. также Изобилие; Утрата
 древней науки
 в Базеле 105, 362, 363
 цитирование 20, 26, 44, 50, 51,
 57, 73, 139, 170, 171, 241, 242,
 244, 261, 332, 438
 жалобы 70, 102, 463, 468, 471
 понижение статуса
 словари 20, 56, 73, 105, 230,
 235, 236, 241, 247, 332, 437, 438,
 451, 452, 474
 энтузиазм к коллекциониро-
 ванию 44, 114, 128, 224, 244
 флорилегии 73, 241, 242,
 247, 438
 латинский язык 26, 48, 50, 51,
 56, 57, 105, 139, 235, 236, 244,
 366, 437, 438, 468, 471, 474
 память 50, 51, 57, 153, 170, 472
 смесь 247, 250,
 составление заметок 19, 25, 57,
 124, 128, 139, 147, 153, 171, 223,
 224, 247, 250
 бумага 128
 книгопечатание 25, 70, 101,
 102, 105, 115, 124, 128, 235, 468
 древовидные схемы 20, 245, 256,
 263, 278–288, 295, 318, 461
 Д'Аламбер Жан Лерон 22, 275,
 321, 324, 474, 480–483
 Энциклопедия 275, 324,
 480–483, 485
 данные 15, 18, 26, 35, 39, 43, 45,
 56, 61, 81, 108, 109, 113, 139,
 161, 211, 221, 275, 288, 335, 339,
 417, 462, 479, 489, 491, 493
 Ди Джон 222
 для дофина издания/ad usum
 Delphini 276
 Демосфен 155, 366
 Декарт Рене 21, 119, 121, 151, 289,
 453, 471–473
 десятичная классификация
 Дьюи 185
 диаграммы 20, 278–288, 321, 442,
 461; см. древовидные схемы
 дневник 126, 137, 138, 142, 146,
 176, 183, 191, 408, 415
 диктовка 42, 76, 140, 162–164,
 167, 205, 207, 208, 211, 217, 218
 Дидро Дени 261, 275, 277, 318,
 321, 322, 324, 353, 480, 481,
 483, 484
 Энциклопедия 275, 324,
 480–483, 485
 Дидим Александрийский 43, 162
 Диоген Лаэртский 44, 49, 73, 164,
 165, 301, 445
 Диоскорид Педаний 32, 87, 210
 деление на разделы 54, 75, 81–86,
 88, 89, 180, 230, 263, 264, 266,
 269, 275, 278, 279, 284, 293, 296,
 317, 318, 344, 346, 379, 408, 409,
 458, 459, 470
 как подспорье памяти 279

- Доменичи Лодовико 101
доминиканцы 80, 83–87, 91, 96,
393, 431
Дондэн Антуан 167
Дони Антон Франческо 101, 116,
304, 305, 388
Донн Джон 194
Драуд Георг 305, 356
Дрейк сэр Уильям 38, 149, 173,
209, 210, 212
Дрейпер Клемент 149
Дуза Янус 77
Дрексель Иеремия 140–142,
155–163, 166, 170–173, 179, 181,
182, 191, 198, 213, 214, 266, 276,
355, 431
Дюканж Шарль 240, 394
древнееврейский язык 47, 85,
236, 273, 302, 318, 347, 362,
374, 435
библиографии Гесснера
273, 302
Библия 47, 85, 273
в словарях 236
этимологии 347
в экслибрисах 434
в указателях 85, 273, 318
Цвингер 362, 374
Джефферсон Томас 138
Джонсон Сэмюэл 11, 123, 133,
184, 323, 324, 420, 421, 486, 487

Е Мэнде 70, 71
Евсевий Кесарийский 47, 73,
202, 278
Евталий Родосский 56
Египет 41, 119, 135
Естественная история (Пли-
ний) 44, 45, 163, 262, 325
естественная история 182, 206,
254, 272, 273, 354; см. также
Альдрованди, Улиссе; Гесснер,
Конрад

жалобы 17, 37, 39, 62, 70–72, 89,
101, 102, 114–116, 119, 120, 123,
151, 177, 205, 210, 231, 300, 308,
386, 390, 424, 462–472, 464, 465,
468, 471
на память 17
на избыток 115, 119, 120
на книгопечатание 70, 72,
102, 468
на справочную литературу
462–472
Женева 140, 249, 339, 344, 387
женщины 55, 166, 206, 207, 218,
239, 331, 355, 451, 476; см.
также семья
Жакоб де СенШарль Луи 301
журналы 120, 138, 160, 200,
311–313, 419, 464, 488, 489; см.
периодические издания
жажда информации/одержи-
мость информацией 23, 32–34,
371, 384
жизнеописания, сборники 44, 49,
149, 164, 382, 378

забвение 46, 71, 121, 303, 493
завещания 222, 224, 225, 433
заголовки (tituli) 45, 55, 60, 66–69,
79, 86, 87, 119, 126, 137, 140,
145, 146, 150, 156, 163, 174, 175,
177–183, 185, 186, 188, 190,
196–198, 200, 234, 237, 242, 243,
245, 248, 255, 256, 262–268, 272,
274, 278, 284–286, 289–293, 296,

- 312, 315, 316, 317, 346, 347, 352, 355, 368, 369, 371, 393, 398, 403, 430, 441, 455, 456
- в Античности 87, 119, 237, 255
- в Китае 66–69
- коллективный отбор 200
- копирование ~ из справочной литературы 146, 163, 174, 178, 198, 355, 393
- критика 284
- в указателях 60, 79, 86, 87, 150, 177, 179–183, 234, 255, 256, 262, 264–266, 272, 274, 275, 289, 291, 296, 316, 455
- в мусульманской литературе 60
- макет страницы 60, 293, 296
- перечень ~ 182, 183, 185, 245, 264–266, 272
- действия компиляторов
- с ~ 263, 320
- в средневековой Европе 87, 234, 255, 289, 290, 292, 393
- в составлении заметок 45, 126, 137, 145, 146, 150, 163, 174, 177–183, 186, 188, 196, 200, 237, 262, 355, 398, 403, 430
- в *Полианте* 181, 245, 265, 278, 290, 292, 293, 430, 455
- в печатных компиляциях 55, 66, 67, 177, 289, 320, 393
- на полосках бумаги 196, 197, 200, 398, 403
- Сильвестр 441
- необычные ~ 179, 181
- Цвингер 181, 255, 256, 266, 267, 272, 284, 285, 293, 296, 371, 398, 441
- заметки и их составление 19, 22–25, 29, 32, 35, 44, 45, 55, 57, 64, 77, 79–81, 91, 121, 124–226, 247, 248, 262, 314, 324, 325, 329, 333, 353–356, 384, 386, 387, 392, 396, 398, 399, 402–404, 406, 407, 411, 412, 417–420, 430, 433, 435, 436, 440, 444, 454–462, 465, 466, 477, 483, 485, 491, 494
- как подспорье памяти 150–161
- использование при сочинении 161–172
- в Античности 19, 23, 25, 45, 77, 128–130, 135, 139, 152, 162–166, 173, 226, 247, 248, 460, 494
- в Византии 55
- в Китае 64, 124
- коллективные 121, 184, 199, 200, 225
- при составлении компиляций 23, 29, 32, 57, 64, 124, 125, 128, 130, 132, 149, 152, 177, 191, 226, 324, 325, 353, 354, 384, 386, 402, 436
- критика 25, 29, 115, 124, 134, 144, 213, 462, 465, 466, 493
- Дидро 324, 483
- флорилегии 77, 79, 152, 166, 225, 247, 329, 355, 436, 494
- и четыре важнейших операции (хранение, сортировка, отбор, обобщение) 22
- Гесснер 29, 126, 153, 181, 191, 199, 220, 221, 224, 302, 324, 353, 396, 398, 402–404, 406, 407, 411, 412, 456, 485
- история ~ 129–150
- в мусульманской литературе 127, 131, 221

- тетради для заметок 23, 133, 135, 137, 139, 141, 145, 146, 149, 155, 157, 158, 160, 172, 173, 178–184, 191, 192, 194, 198, 204, 212, 213, 222–224, 262, 417, 461, 466, 477, 494
- шкаф для заметок 187–201
- одержимость 384
- сделанные во время устных выступлений 129, 130, 137, 139, 298
- структурирование при чрезмерном количестве 172–186
- проблемы 22, 29, 124, 161, 183, 356, 387, 404, 444, 494
- общественная польза 23, 34, 198, 358, 371, 494
- gariaria 137, 191, 194
- чтение/чтении справочной литературы 45, 125, 126, 129, 135, 136, 138, 145, 146, 150, 155–158, 160, 162, 164, 165, 169, 171, 178, 197, 199, 203, 209, 211, 213, 247, 248, 250, 353, 403, 456, 457, 459, 460, 465, 485, 494
- временные 127, 131, 162, 191, 196
- zibaldone 137
- Зимлер Иосия 304
- Зритель (Spectator)* 174
- Зютфен 233
- Ибн ан-Надим 58
- ИбнАсакир 61
- Ибн Джумай 62, 463
- Ибн Ридван Али 61, 62, 463
- Ибн Хальдун 62
- Ивлин Джон 149, 157, 183, 184, 231, 309, 317, 456
- иезуиты 23, 38, 56, 67, 140, 145, 155, 157, 158, 172, 189, 200, 202, 211, 232, 236, 305, 310, 319, 428, 429, 432, 434, 437, 451, 478
- Иероним Стридонский 49, 76, 143, 155, 164, 301, 304
- издатели 24, 30, 69, 105, 108–112, 115, 120, 133, 154, 206, 212, 220, 224, 248, 252, 256, 258, 261, 264, 275, 276, 289, 303, 306, 311, 313, 324, 333–340, 342, 348, 357–364, 366–369, 379, 380, 382–384, 387, 388, 390, 392, 400, 404, 406, 407, 420, 425, 426, 438, 449, 480, 483, 487, 494; см. также Баллеони, Паоло; Шено, Николя; Холин, Мартин; Эпископий; Этьенн, Анри; Этьенн, Робер; Фробен, Иоганн; Фрошауэр; Гутенберг; Хиераты, Антоний и Арнольд; Гугетан; Ланжелъе, Абель; Леонард (издатель); Мануций, Альд; Милланж, Симон; Опорин, Иоганн; Плантен; Раво; Рихель, Иосия; Сонниус, Мишель; семья Цетцнер и компиляции 67, 324, 342, 348, 357, 359–361, 364, 383, 384, 388, 390, 392, 400, 449, 483, 487
- финансы 67, 69, 108, 112, 258, 340, 357
- Гесснер и ~ 224, 252, 276, 303, 324, 360, 392, 400, 404, 406, 407
- партнерство 335, 340, 357, 364
- предисловия 252, 303, 342, 348, 358, 362, 367, 380, 388, 390, 392
- издательский экземпляр 390

- привилегии 333–335, 340,
 363, 380
 книготорговые каталоги 303,
 306, 383
 разнообразие 252, 342, 348,
 388, 494
 изобилие книг 38, 43, 45, 50, 78,
 90, 102, 114–124, 147; см. также
 нехватка книг
 Византия 52
 Китай 52, 124
 критика ~ 124
 Гесснер о ~ 50, 117
 в исламском мире 52
 де Ла Мот Ле Вайе о ~ 120
 Сенека о ~ 38, 78, 102
 Винсент из Бове 90
 иероглифика 66–69, 344, 349, 379
 ~ Пьеро Валериано 379
 изобилие (Сориа) 38, 43, 45, 50,
 52, 78, 90, 92, 102, 114–124, 147,
 179, 251, 252, 298, 344, 348,
 436, 474
 Иллирийский Маттиас Флациус
 202, 418
 инвентарная книга 194, 479; см.
 библиотечный инвентарь
 информационная эпоха 14, 31, 51
 информационный взрыв /
 восприятие информационной
 перегрузки 14–18, 21, 31, 33,
 36, 40, 43, 51, 79, 120, 124; см.
 также изобилие книг; спешка
 в Античности 17, 31, 51, 120
 в исламском мире 31
 в средневековой Европе 17
 периодические издания и ~ 120
 ~ и развитие книгопечатания
 36, 124
 Интернет 17, 81, 489, 490, 492, 493
 поиск 17, 489, 490
 Иоанн Солсберийский 464
 Исидор Севильский 51, 74, 75, 91,
 262, 326, 327, 445
 исключение лишнего 131, 132;
 см. также уничтожение книг
 ислам/мусульманство 11, 28, 31,
 52, 53, 56–63, 85, 127, 131,
 221, 463
 Исократ 366
 история изданий 29, 160, 239,
 243, 335, 336, 342, 368
 Бартоломей Английский 94
Полиантея 29, 335, 342
 Родигин 248–250, 253, 261, 354,
 389, 390, 396, 432, 445, 446, 457
 Саккини 122, 140
 Винсент из Бове 89–91, 94, 95,
 316, 330, 445
 Цвингер и Бейерлинк 368
 история литературы 309–322, 445
 иудаизм 40, 49
 Ицхак Натан бен Калоним из
 Арля 85
 Йейтс Фрэнсис 152 – 154
 Йо Ричард 10, 124, 477
 Казобон Исаак 175, 206, 223,
 452–454,
 Казобон Мерик 223, 453, 469, 471
 Калепино Амброзио 103, 235–
 237, 251, 252, 333, 355,
 474, 479
 каллиграфия 60, 64, 144, 213
 Каллимах 42, 43, 50
 Кальвин Жан 110, 116, 211, 212,
 386, 387, 449

- Кальдерон де ла Барка Педро
450, 451
- Камерарий Иоахим 33, 221, 359
- Камилло Джулио 310
- Канний Николас 207
- канон 23, 38, 39, 77, 97, 160,
171, 172
формирование ~ 38
- Кант Иммануил 22
- Карамуэль Хуан 216, 217
- карандаш 8, 123, 406,
409–412, 456
красный карандаш 8, 406,
409–412
- Карбоне Лудовико 101
- Кардано Джероламо 377, 386,
406, 432
- Карлайл Томас 210
- Каррутерс Мэри 82, 154
- картотека 418. см. также Полоски
- карты (игральные) 151, 189; см.
также картотека, полоски
бумаги
- Кассиодор 51, 74
- каталоги 11, 20, 42, 57, 79, 96, 112,
113, 118, 148, 174, 184–186, 188,
189, 191, 194, 195, 215, 222,
230–232, 254, 260, 274, 299, 300,
302, 303, 305–310, 312, 339, 354,
430–432, 441, 482, 493
аукционные 148, 215, 222, 230,
254, 299, 307–310, 431, 432
список авторов (catalogus
auctorum) 258–261
оглавление (catalogus titulo-
rum) 20, 262–265
сводные 79, 96, 299
библиотечные 20, 184, 185,
188, 189, 194, 215, 230, 254, 299,
300, 302, 303, 309, 310, 339,
486, 493
книготорговые 20, 299, 303,
306–310, 312
католицизм 102, 122, 202, 238,
331, 342, 345, 363, 365, 368, 370,
375, 377, 379–382, 426, 427, 433,
436; см. также доминиканцы,
францисканцы, иезуиты
- Катиб Челеби 61
- Катон Марк Порций 242
- Каччалупи Джованни Баттиста
- Квиккеберг Самуэль 310
- Квинтилиан Марк Фабий 49,
164, 224
- Кеккерман Варфоломей 153,
203–205, 246, 285, 287, 319
- Кембридж Англия 12, 145, 205,
334, 341, 378, 381, 425, 433, 434,
437, 458, 459
- Кембридж, Массачусетс 213
- Кен Томас 209
- Кеплер Иоганн 375
- Килуордби Роберт 86, 96
- Кирстен Михаэль 148, 355
- Кирхер Афанасий 189
- Китай 11, 28, 52, 53, 63–73, 100,
124, 428, 465
- Климент Александрийский 49
- ключевое слово 143–145, 181,
182, 184, 185, 191, 272, 398; см.
также заголовки
- книги 9, *passim*; см. также
изобилие книг, нехватка книг
плохие книги 34, 44, 97,
115–117, 173, 303
большие книги 35, 36, 43, 109,
366, 377
привязанные цепями 229

- используемые для вырезания
цитат 25, 192, 216, 393, 399–422
в качестве подарков 221, 429,
433, 439, 443, 444
пользующиеся спросом 70,
100, 108, 109, 117, 125, 356, 491
бывшие в употреблении 113,
431, 437
- книги о книгах 20, 116, 296–
314; см. также аукционы
и аукционные каталоги;
библиографии
- книгопечатание и печатные
тексты 9, 13, 22–25, 27, 28, 35,
36, 52, 53, 60, 64, 70–72, 74, 94,
99–115, 124, 125, 127, 128, 143,
144, 154, 157, 235, 240, 276, 288,
289, 299, 301, 309, 330, 340, 353,
387, 390, 397, 400, 411, 414, 417,
424, 431, 468, 470; см. ксило-
графия
- библиографии 299, 301
- крупноформатные книги
108, 431
- в Византии 52, 53, 60
- Китай 28, 36, 52, 64, 70, 72,
100, 124
- критика 25, 72, 124, 157
- экономика 25, 101, 108,
109, 276
- поисковые инструменты 28,
36, 52, 53, 70, 102, 104, 105,
240, 470
- влияние 99–115
- как стимул к составлению
заметок 23
- в мусульманском мире 28, 52,
53, 60, 127
- издание и переиздание 235
- библиотечные каталоги
112, 299
- в сочетании с рукописными
материалами 23, 25, 27, 35, 36,
53, 60, 64, 94, 99, 102–104, 108,
109, 124, 128, 143, 276, 414, 417
- печать с деревянных блоков
67, 70
- книжные обзоры 120, 310–314
- Кокс Ричард 432
- количество слов 330, 336–339
- Фома Аквинский 81
- Бейерлинк 257
- Британская энциклопедия 67
- дневники Хартлиба 183
- Исидор 75
- Катиб Челеби 61
- Нани Мирабели 24, 243,
343, 347
- Фотий 55
- Сыку цюаньшу* 66
- Суда* 55
- Винсент из Бове 89
- Википедия 66
- Цедлер 482
- Цвингер 364
- Кельн 94, 141, 269, 281, 335–337,
342, 348, 365, 369, 377, 378,
380–382, 424
- книготорговцы 58, 303, 306–308,
365, 380, 425, 428, 431
- коллекционирование 19, 44, 71,
128, 143, 214, 300, 308, 353, 356,
362, 414, 415
- колонтитулы 60, 69, 73, 81, 289,
291, 294, 483
- Кольридж Герберт 321, 421
- Коменский Ян Амос 317, 453, 465
- Коместор Петр 82

комментарий, commentarii

(рассортированные заметки)

20, 35, 40, 41, 46, 51, 53–55, 64,
69, 80–82, 84, 98, 105, 112, 115,
116, 128, 129, 132, 135, 136, 143,
144, 147, 148, 150, 157, 163, 169,
171, 184, 200, 204, 206, 208, 211,
222, 224, 231, 237, 239–241,
247–254, 281, 286, 288, 298, 325,
328, 386, 424, 429, 438–440, 452,
467, 470, 473, 474, 476, 495

компендий 51, 62, 63, 73, 90, 97,
99, 115, 316–318, 382, 452; см.

обзоры и аннотации

компиляции 18, 23, 29, 32, 34,
47–50, 54, 55, 57, 59, 61, 62,
64–73, 91, 94, 96, 98, 99, 115,
124, 125, 128, 130, 132, 149, 152,
177, 191, 226, 228, 254, 257, 258,
260–262, 287, 289, 319, 320,
323–327, 330, 342, 352–354, 356,
357, 361, 364, 383–399, 401, 402,
408, 421, 422, 435, 436, 444–446,
448–450, 452, 454, 463, 464, 467,
468, 470, 472, 476, 483, 485
античные 23, 32, 34, 47, 48, 50,
55, 62, 73, 99, 128, 152, 226, 254,
258, 260–261, 436, 445, 448–450,
467, 468, 472, 476

византийские 34, 50, 55, 62

китайские 64, 65, 70–72, 124

критика ~ 29, 72, 115, 124, 468,
472, 485

мусульманские 61

типы ~ 67

в средневековой Европе 34, 48,
73, 94, 96, 115, 226, 258, 262,
289, 326, 330, 393, 436,
445, 468

в Новое время 29, 34, 72, 73,
99, 124, 128, 149, 226, 262, 320,
323–326, 330, 342, 353, 357, 385,
393, 408, 422, 445, 448, 449, 468,
476, 483

~ и составление заметок 29,
124, 125, 128, 130, 132, 149, 152,
177, 191, 226, 324, 325, 402, 436
~ и книгопечатание 23, 64, 70,
72, 94, 99, 124, 125, 128, 330,
468, 470

терминология 29, 320, 326, 327
приписываемая им ценность
49, 73, 96, 124, 258, 326, 330, 357

компиляторы 23, 74, 78, 98, 125,
128, 261, 263, 272, 320, 323–422,
445, 446, 448, 464, 475, 481,
484, 487

деятельность 323–353

финансовая мотивация
353–361

интеллектуальная мотивация
361–377

методы 384–392

использование вырезок
399–422

использование бумажных
полосок 393–399

компьютеры 15, 17, 18, 288,
422, 490

Конгрегация Виндесгейма 302

Конринг Германн 219, 220

Константин VII Багрянородный
54, 55

контекст 15, 16, 25, 26, 28, 29, 52,
56, 57, 61, 62, 71–73, 83, 88, 91,
124, 151, 185, 196, 237, 238, 300,
323, 325, 326, 328, 362, 377, 422,
463, 465–468, 481, 492

- цитаты, выдернутые из ~ 29,
 73, 88, 463, 467, 468
 представление о ~ 323, 325, 463
 Конти Натале 355, 450
 Коперник Николай 204, 274
 Королевское общество 134, 148,
 183, 200, 205, 311
 короткий путь 440, 453, 454, 472
 Коттон Роберт 214
 кража книг 157, 351, 418
 Крассо Жан 280
 Ксенофонт 439
 ксилография в Европе 104
 ксилография в Китае 67
 Кузен (Когнат) Жильбер 207–209
 купцы 137–139, 149, 202

 Ла Мот Ле Вайе Франсуа де 120
 Ла Уссе Амело де 207
 Лаббе Филипп 305
 Лакруа дю Мэн Франсуа де 271,
 305, 360, 384, 387
 Лами Бернар 312, 467
 Ланге Йозеф 244, 263, 292, 337,
 344–349, 355, 357, 358, 383, 384,
 388, 390, 392, 427, 442, 454, 465
 полученная им помощь 392
 Ланжелье Абель 334
 латинский язык/латынь 15, 24,
 26, 28, 29, 49, 50, 61, 81, 86, 117,
 139, 141, 144, 226–228, 230, 233,
 235–237, 239, 240, 243, 247, 248,
 251–254, 265, 266, 273, 276, 299,
 302–304, 306, 311, 315, 317, 318,
 326, 331, 332, 334, 343, 346, 355,
 366, 374, 382, 388, 394, 405, 406,
 411, 424, 427, 429, 430, 431,
 434–438, 442, 448, 460, 469,
 473–475, 477, 478, 487

 книги в Англии 28, 141, 235,
 304, 311, 334, 442, 469, 475
 изменение статуса 469
 комментарии 81, 144, 239, 247,
 252, 253, 474
 создание трудов на ~ 24, 28,
 61, 117, 230, 304, 343, 437,
 442, 473
 словари 28, 61, 230, 235, 236,
 240, 252, 311, 315, 332, 394, 437,
 448, 469, 474, 475
 влияние на жанры националь-
 ной литературы 24, 28, 29
 долгое существование 429
 терминология 29, 227, 235, 237,
 247, 252, 265, 266, 315, 317, 487
 Лафатер Иоганн Каспар 189
 Лафонтен Анри 489
 Лейбниц Готфрид Вильгельм 121,
 149, 175, 177, 186, 187, 190,
 199, 217
 Лейн Энтони 449
 Лейшу 68, 69, 71
 Леклерк Жан 160
 лексиконы 482; см. также
 словари
 Леонард, издатель 207
 Леонард де СенКатрин 418
 Лето Помпонио 224
 Либерий Христиан 317
 Ливий Тит 48, 215, 239
 Ликосфен Конрад 8, 371, 378, 397,
 398, 400–402, 446, 460
 Линней Карл 186, 343, 392, 421
 Лион 94, 141, 249, 336–340, 344,
 347, 348, 362, 369, 380, 424, 434
 Литтре Эмиль 206
 Лихтенберг Георг Кристоф
 139, 146

- Лицин Ларций 219
 Локк Джон 141, 149, 160, 181, 183, 184, 215, 223, 464, 465, 481
 Ломайер Иоганн 233
 Лопе де Вега Феликс 118
 Лорхард Якоб 320
 Лукиан из Самосаты 77
 Лукреций 32, 169
 Луп Феррьерский 76
 Лэнгтон Стефан 84
 любопытство 40, 92, 93, 123, 171
 Людовичи Карл Гюнтер 482

Магдебургские центуры 202, 217, 365, 389
 Мазарини, кардинал 231
 Майнель Кристоф 188, 417
 Майоли Симоне 254
 макет страницы 22, 28, 36, 60, 62, 73, 81, 99, 111, 154, 288–296, 395, 407, 483
 примечания 73, 407
 в Китае 28
 поправки к ~ в перечне опечаток 277
 энциклопедии 73, 99, 483
 Макробий 74
 Малколм Ноэль 10, 187, 188, 419
 Мальбранш Никола 151, 466
 Мануций Альд 76, 105, 115, 224
 Марк Аврелий 165
 Мартин Габриэль 308, 310
 Марциал Марк Валерий 77, 105, 251, 252
 Марциан Капелла 74
 Марш Адам 86
 медицина 20, 38, 41, 44, 62, 117, 137, 138, 148, 159, 227, 228, 255, 275, 304, 312, 344, 351, 357, 362, 363, 367, 391, 434, 437
 Мексия Педро 247, 446
 Меланхтон Филипп 255
 Менаж Жиль 469
 Меркуриале Джироламо 436
 методы работы 19, 22, 24, 25, 34, 75, 134, 135, 161, 162, 164, 166, 168, 170, 191, 323–326, 383, 387, 420, 421, 444, 462, 486, 491, 494
 в Античности 19, 25, 26, 34, 50, 62, 73, 135, 152, 162, 164, 494
 Фома Аквинский 162, 166, 168, 170
 в Китае 71, 72
 Исидор Севильский 75
 в мусульманском мире 61, 62
 при составлении заметок 19, 22, 25, 29, 134, 135, 152, 161, 162, 164, 166, 169, 170, 183, 191, 199, 201, 213, 324, 325, 379, 420, 444, 456, 494
 полоски бумаги 191, 420
 способы борьбы со сном 385
 в наши дни 18, 492, 493
 механические методы работы 422
 микрофильм 346, 490
 Милланж Симон 334, 357
 Мильтон Джон 209, 210
 Миншо Джон 361
 Мирабелли 7, 24, 242, 243, 263, 268, 294, 336, 341, 343, 348, 353, 384, 392, 473; см. Нани Мирабелли Доменико
 Мирандула Октавиан 242, 456
 Мозер Иоганн Якоб 189
 Молинье Этьен 232, 237, 255
 Монтегю Ричард 469

- Монтень Мишель 104, 169, 170, 179, 201, 210–212, 237, 254, 290, 334, 357, 375, 448–451, 454, 466
Опыты 104, 169, 201, 210, 211, 254, 290, 334, 449, 454
 помощники 210–212
 ~ и его издатели 334, 357, 449
 использование *Театра*
 Цвингера 375, 449–451
 методы работы 169, 170, 201
 Монтескье Шарль Луи 189, 212, 480, 485
 Моргоф Даниэль Георг 142, 153, 200, 214, 248, 251, 313, 314, 486, 487
 Морери Луи 386, 479
 мотивация 32, 39, 57, 63, 88, 97, 102, 128, 173, 174, 226, 284, 323–422, 468, 476
 для составления сборников 57, 88, 284, 384, 468, 476
 в исламском мире 57
 в Китае 68, 72
 в Средние века 88
 в Европе раннего Нового времени 72, 468
 для хранения заметок 128, 173, 325
 для использования справочной литературы 57, 63, 88, 226, 284, 325, 357
 музеи 19, 114, 189, 310, 316, 376
 Мушон Пьер 483
 Мэзер Коттон 428
 Мюнстер Себастьян 109, 361, 397
 Мюре Антуан 150, 250
 Мюррей Джеймс 323, 421
 накопление 19, 21, 22, 29, 32–34, 38–40, 43, 50–52, 54, 61–63, 70, 71, 74, 80, 113–115, 117, 119, 124, 127, 128, 152, 168, 170, 171, 174, 179, 225, 287, 325, 330, 332, 351–354, 372, 436, 465–467, 488
 отсутствие ~ 62
 Пейреск 174
 Плакциус 225
 энтузиазм в эпоху Возрождения 40, 43, 51
 Цвингер 29, 33, 351, 352, 372, 436
 Нани Мирабелли Доменико 7, 24, 242, 243, 263, 268, 294, 336, 341, 343, 348, 353, 384, 392, 473; см. также *Полиантея*
 народные языки 112, 116, 141, 142, 233, 235, 236, 247, 248, 266, 271, 273, 303–305, 311, 366, 382, 460, 474, 475, 477, 478
 Бейерлинк 382
 библиографии 116, 304, 305, 311
 книжные обзоры 311
 словари 235, 236, 271, 311, 474, 477, 478
 флорилегии 247, 475
 в сравнении с латынью 141, 235, 236, 247, 266, 303, 304, 311, 382, 460, 475
 указатели 112, 247, 271, 273, 304, 382
 руководства по составлению заметок 141, 142, 247, 248, 460, 477
 справочная литература 141, 233, 235, 271, 474, 475

Невиццано Джованни из

Асти 116

немцы 100, 140, 141, 189, 301, 314,
350, 416

специалисты в составлении

указателей 148, 189, 272, 314

Нет такой плохой книги,

в которой не найдется ничего

полезного (Плиний) 34, 97, 117,
173, 303, 344

нехватка книг 124

Ноде Габриэль 118, 153, 212, 215,
231–234, 241, 242, 245, 247, 250,
255, 257, 299–301, 439, 440, 444,
457, 466, 477

о памяти 153

справочная литература 118,

231–234, 245, 247, 250, 257, 439,
440, 444, 457, 466

рассказ об известном маги-
стре 466

нумерации 73, 74, 81–85, 105, 398,
402, 440, 442, 461

Ньютон Исаак 120, 149, 473

обзоры и аннотации 29, 48, 75,
99, 114, 120–122, 124, 135, 140,
145, 239, 243, 258, 265, 280,
310–314, 344, 355, 392,
415, 483

Бэкон Фрэнсис 145, 146

Бейерлинк Лаврентий 265

библиографии 311

книжные рецензии 312

Византия 53, 54

каталоги 309

в Китае 64–67

жалобы 120

диаграммы 280

словари 311, 355

энциклопедии 29, 75, 483

флорилегии 344

Годфруа де Фонтен 135

Харви Габриэль 215

помощники 205, 211

указатели 265, 355, 415, 483

Исидор 75

в исламском мире 62

Плакциус 355

Полиантея 29

Винсент из Бове 79, 89–95

образование 16, 21, 28, 32, 33, 50,
53, 54, 57, 64, 71, 115, 123, 124,
236, 311, 321, 437, 441, 443, 451,
453, 454, 468–472, 475; см.

также гуманизм и гуманисты;

университеты

в Китае 64

в исламе 53

в средневековой Европе 28, 33,
123, 468

раимзм 319

в Европе в эпоху Возрождения
32, 33, 54, 123, 454, 470

учителя в роли авторов

справочной литературы

147, 313

учителя в роли читателей

справочной литературы

169, 245

Обри Джон 149, 456

общественная польза 198, 371

общие места 126, 140, 141, 145,
146, 155, 158, 173, 176, 178, 180,
181, 184, 188, 194, 204, 210, 222,
223, 228, 231, 232, 241, 243, 253,
255, 262, 263, 272, 273, 284, 287,
329, 346, 415, 427, 436, 450, 454,

- 461, 465, 466, 477, 494; см.
тетради общих мест
Овидий 33, 77, 331, 348
Огилви Брайан 10, 32, 404, 431
оглавления 20, 45, 59, 60, 62, 67,
73, 75, 105, 174, 256, 262–265,
269, 316, 408, 457
в мусульманской литерату-
ре 62
в средневековых латинских
сочинениях 20, 73, 262
Оден У. Х. 146, 477
Оксфорд 10, 80, 86, 141, 205, 229,
309, 319, 381, 425, 430, 432, 434,
437, 440, 441, 456, 459, 461
*Оксфордский словарь английского
языка* 228, 232, 315, 318, 323,
324, 361, 421
Онг Уолтер 365 (Вальтер), 450
Опорин Иоганн (Хербстер) 108,
362, 363, 365–367, 384, 406
Ориген Адамант 47, 135
оригинал, понятие 88
Ортелиус Авраам 192, 194, 415
отбор 15, 18, 20, 52, 64, 68, 71, 76,
81, 99, 117, 120, 171, 172, 199,
205, 213–215, 326, 327, 329, 331,
344, 345, 353, 420, 456, 475, 492;
см. также заметки и составле-
ние заметок; полоски бумаги
книг 94, 215, 344, 345
критика 213, 331
~ и интерпретация 18, 326
читателями 99, 117, 120, 172,
215, 331, 334, 335, 353, 356
в целях безопасности 344
из текстов 18, 52, 64, 68, 71, 76,
99, 120, 326, 329, 353
отделения и ящики 184, 191, 421
Отле Поль 489
Отман Франсуа 408
отступления 115, 223, 331
Отфюне Жан де 95
отходы 404, 406
 типографские отходы 404, 406
отцы церкви 76, 77, 86, 92, 96,
118, 135, 241, 244, 292, 301, 345,
349, 379, 449, 458; см. учителя
 и отцы церкви
Оффузий Иофранк 205
Пагнус Сантес 84
Памфилия 55, 166
память и запоминание 17, 18, 36,
46, 49–51, 55, 57, 59, 63, 70, 77,
78, 82, 84, 90, 127, 132, 136,
150–162, 165, 167, 170, 175, 176,
182, 194, 213, 219, 226, 260, 268,
279, 288, 302, 318, 367, 380, 419,
453, 472, 492; см. также
 забвение
 изменение способностей 18,
49, 70, 90, 150–161, 492
 в Китае 70
 сочинение по памяти 50, 55,
57, 77, 82, 90, 159, 162, 165, 419
 диаграммы как подспорье ~
279, 287
 достижения 150, 151,
161, 367
 как путеводитель по заметкам
55, 57, 77, 150, 152, 153, 155,
157, 159–162, 165, 175, 182, 219,
226, 419
 в исламском мире 57, 59, 63
 в иудаизме 84
 заметки как подспорье ~
150–161

- по порядку 50, 150, 151, 155, 175, 176, 182
- по месту 49, 152–155, 175, 176, 367
- кратковременная в сравнении с долговременной 152
- в наши дни 492
- визуальная ~ 154
- слабость ~ 158
- Папий 87
- папирус 41, 45, 46, 53, 135, 143, 163
- параграф 279, 293
- парадоксография 49
- Париж 9, 12, 80, 83, 86, 88, 91, 94, 106, 107, 109, 142, 194, 204, 229, 251, 280, 307, 309, 334, 336, 337, 340, 360–363, 368, 416, 418, 473
- библиотеки 12, 91, 229, 309, 479
- в Средние века 80, 83, 86, 88, 91, 327, 334, 360–363
- издательский центр 109, 113, 207, 334, 340
- Паскаль Блез 146, 149, 196
- Патен Ги 381
- Пейреск Никола Фабри де 148, 174, 175, 196, 212, 221, 427
- Пелликан Конрад 192
- пергамен 46, 53, 127, 128, 135, 136, 166, 167, 414, 431–433
- передача текстов 16, 50, 52, 53, 56, 60, 96, 223, 342, 419, 493; см. также сохранность
- в Античности 50, 60, 493
- в Китае 52
- в мусульманском мире 52
- макет страниц 483
- в средневековой Европе 96, 342, 493
- перекрестные ссылки 20, 60, 69, 137, 144, 177, 182, 198, 223, 268, 270, 271, 275, 293, 321, 322, 398, 440, 460, 480, 481, 483
- в рукописных маргиналиях 223
- в *Энциклопедии* Дидро и д'Аламбера 275, 480, 483
- в мусульманской литературе 60
- переплеты (книг) 87, 128, 133, 136, 174, 188, 197, 198, 308, 309, 324, 332, 398, 414–416, 428, 429, 431–433
- перечень опечаток/Errata 103, 277, 296, 416
- периодические издания 122, 301, 311, 312
- Перотти Николо 105, 251, 252, 452
- Петр Ломбардский 81, 262, 281, 327, 328
- Петрарка Франческо 33, 34, 134, 211, 331, 341, 465
- Петроний Арбитр 452
- Пиньо Габриэль 305
- Пипс Сэмюэл 138, 415
- писец, переписчик 25, 26, 46, 66, 78, 104, 131, 205, 212, 213, 223, 258, 328, 394; см. секретари; копирование; помощники
- письмо 11, 17, 36, 37, 42, 44, 60, 64, 76, 78, 130, 131, 138, 150, 157, 164, 171, 189, 207, 208, 210, 211, 217, 303, 364, 386, 391, 403, 404, 419; см. также каллиграфия, диктовка, полиграфия
- как подспорье памяти 36, 78, 150, 154, 157, 161, 419
- в Китае 52, 64, 213
- ~ и друиды 157

- почерк 212, 387, 391, 403
в мусульманском мире 52,
60, 127
- пифагорейцы 157
- Плавт Тит Макций 210
- Плаксиус Винсент 7, 148, 177,
187, 188, 190, 196–201, 203, 204,
214, 217–220, 225, 314,
354–356, 383, 398, 401, 418
~ и Гаррисон 187, 190, 196–
198, 200, 201, 204, 218
- Плантен Христофор 381, 406, 438
- Платон 37, 119, 157
- Платтер Томас 362, 367, 385
- Плиний Младший 44, 163,
164, 219
- Плиний Старший 34, 44, 45,
48–51, 73, 91, 97, 102, 117, 135,
152, 162–164, 166–168, 211, 213,
219, 220, 262, 303, 325, 344,
351, 390
Естественная история 44, 45,
47, 48, 163, 262, 325
*Нет такой плохой книги,
в которой не найдется ничего
полезного* 34, 97, 117, 173,
303, 344
составление заметок 45, 135,
152, 162–164, 166, 211, 213, 219,
220, 325
- Плотин 164
- Плутарх 164, 165, 387, 390
- По Эдгар Алан 160, 161
- повреждение книг 52, 418; см.
также уничтожение книг
- подписка (на издания) 311, 313,
361, 482
- поисковые инструменты 34, 36,
104, 127, 186, 226–322, 440, 457,
462, 475, 483, 487, 488,
493, 494
древовидные схемы в роли ~
245, 256, 263, 278–288
общий алфавитный указатель
271–277
указатель заголовков 265–268
указатель имен собственных
268–271
макет страницы 288–296
перечень источников 258–261
оглавление 262–265
- Полиантея* 24, 29, 181, 242,
244–246, 259, 263, 265, 268, 278,
279, 281, 288–290, 292–294, 322,
325–353, 356, 359, 365, 367, 380,
384, 388, 408, 424, 425, 427–438,
442–446, 452, 454, 455, 458–461,
464, 467, 473; см. также Нани
Мирабелли, Доменико
полиграфия
алфавитный порядок 244, 265,
346, 348, 455
примечания 341, 460, 461
как бренд 333
католическое сочинение 331,
345, 365, 380, 327, 433, 436
цитаты 29, 244, 259, 279, 292,
293, 331, 332, 341, 344, 345, 348,
349, 428, 436, 438, 445, 446, 454,
458, 459, 461, 464, 467
критика 29, 331, 438, 473
перекрестные ссылки 263, 268,
293, 322, 460
диаграммы 279, 281, 288, 461
издания 29, 181, 242, 244–246,
259, 263, 265, 268, 279, 289, 290,
292, 293, 322, 330–336, 340–349,
365, 380, 384, 388, 408, 425, 428,

- 429, 431–437, 443, 445, 446, 452, 454, 458–461, 473
ошибки 293, 345, 356, 388, 464
географическое распространение 340, 424
Ланге 244, 292, 344–349, 357, 388, 427, 442, 454
макет страницы 289, 293
перечни 244, 245, 259, 263, 265, 268, 292, 331, 342, 348, 445
как образец произведения с алфавитной организацией 29
владельцы экземпляров ~ 427, 431, 433, 434, 437, 443
стоимость 330, 343, 357, 365, 431, 432, 460
редактирование 259, 343, 359
объем 244, 259, 288, 289, 292, 330, 332, 343, 345, 347, 349, 384, 388, 408, 431, 434
успех у читателей 333, 334, 340, 356, 424
использование 24, 181, 244, 246, 259, 290, 322, 345, 348, 349, 380, 424, 435, 436, 438, 442, 445, 446, 460, 461, 464
количество слов 330
Полициано Анджело 147, 148, 225, 250, 251
полоски бумаги 187, 191, 192, 194–197, 200, 206, 216, 324, 355, 375, 393, 394, 396, 398, 399, 402, 403, 405, 420–422
в компилировании 393–399
в мусульманской литературе 61
Джонсон 324, 420, 421
в составлении заметок 187–201, 398
Поль Жан 184, 221
помощники 26, 59, 74, 91, 171, 201, 205, 207, 210–212, 214, 216–218, 324, 359, 371, 386, 391, 392, 398, 420–422, 484
Кальвин 211, 212, 386
Холин 392
Дрейк 210, 212
шкаф Гаррисона 201, 214, 218
Джонсон 324, 420
Ланге 392
Литтре 206
Тюрнеб 206
женщины 55, 206, 218
Цедлер 484
Цвингер 324, 371, 391, 392, 398
Порфирий 164
порядок 19, 22, 42, 50, 55, 58, 61, 62, 64, 69, 76, 79, 81, 82, 85–87, 95, 103, 105, 133, 138, 150–152, 155, 158, 164, 173, 175, 176, 178, 180, 182, 188, 191–193, 195–197, 206, 227, 244–254, 256, 257, 262–265, 267, 268, 270, 272, 273, 284, 285, 287, 293, 298, 305, 320, 321, 346–348, 352, 354, 356, 360, 379, 382, 393, 397, 401, 420, 440, 455–457, 476, 477 см. также алфавитный порядок; произвольный порядок
в Библии 81
в китайских книгах 69
Поссевино Антонио 23, 319, 352
право 20, 49, 80, 81, 159, 203, 222, 243, 341, 364, 420, 422, 435, 441, 448, 463
практики научной работы 204; см. также Методы работы

- предисловия 44, 67, 85, 116, 142,
 143, 148, 227, 238, 239, 249, 252,
 254, 257, 258, 265, 266, 273, 290,
 293, 302, 303, 312, 323, 327, 328,
 331, 333, 341–346, 348–351, 358,
 362, 365, 367, 371, 373, 380, 385,
 388, 390–392, 394, 419, 435, 437,
 446, 451, 460, 470, 474, 478,
 481, 484
 с заметками 148, 344, 358,
 388, 460
 макет страницы 293
 ~ к паратекстам 257, 342
 ~ к *Полиантее* 290, 293, 331,
 333, 341, 343, 345, 346, 348, 365,
 388, 435, 437, 446, 460
 предметный указатель 81, 85, 91,
 168, 249, 313, 369
 привилегия (регулирующая
 книгоиздание) 77, 211,
 333–335, 340–342, 363, 365, 380,
 381, 447, 448
 примечания 10, 73, 118, 129, 136,
 143, 144, 187, 204–206, 212, 215,
 219–221, 223, 224, 239, 270, 282,
 286, 287, 306, 308, 309, 339, 341,
 377, 390, 396, 407, 412, 429, 430,
 457, 460–462, 470, 479
 Библия 73
 в древовидных схемах 461
 Бюде 223
 Коперник 204
 Энциклопедия, Дидро
 и д'Аламбера 485
 Ивлин 157, 456
 Гесснер 309, 407, 412
 Гроссетест 86, 137, 168
 Харви 215
 Генрих VIII 341
 Монтень 169, 179
 Пейреск 212, 221
 карандашные ~ 406, 411, 456
 Полиантея 341, 460, 461
 Рейнгольд 205
 Родигин 390, 396, 457
 Саккини 155, 157, 171
 Скалигер 221
 Цвингер 10, 270, 282, 287,
 390, 461
 примеры/Exempla 88, 270, 351,
 352, 390, 407
 Гесснер 251, 397, 398
 Ликосфен 371, 397, 398
 Цвингер 241, 244, 255–257,
 270, 284, 285, 310, 351, 352, 371,
 372, 397–399, 436, 437, 450,
 451, 459
 Принкциус Каспар 274, 275
 произвольный порядок 20, 73, 99,
 246, 253, 254, 284, 476
 Прони Гаспар де 217
 проповеди 79, 80, 88, 95, 96, 130,
 137, 171, 212, 223, 232, 278, 279,
 281, 332, 367, 382, 386, 441, 442
 протестантизм 102, 141, 305, 345,
 358, 365, 375, 380, 381, 426,
 427, 478
 Птолемей 41, 120, 193, 397
 Рабле Франсуа 334
 Раво Рейнальд 340, 347, 380
 разнообразие 16, 24, 27, 52, 72, 97,
 98, 100, 186, 240, 249, 270, 271,
 342, 344, 348, 350–352, 356, 388,
 457, 459, 478, 494
 удовольствие от ~ 253, 350, 457
 Раме Пьер де ла 278, 453; см.
 Рамус Петр

- Рамус Петр 278, 280, 453
 Ранцау Генрих фон 383
 расходы 35, 78, 104, 108, 109, 127,
 138, 183, 224, 306, 330, 335, 358,
 359, 361, 364, 383, 399
 книга ~138
 Рафсон Джозеф 277
 Реджио Рафаэле 224
 Рейнгольд Эразм 205
 Рейш Грегор 273, 316, 318
 религия 40, 49, 56, 57, 61, 72, 73,
 78, 80, 96, 102, 118, 122, 137,
 156, 157, 171, 189, 202, 243, 279,
 301, 331, 357, 363, 364, 381,
 424–427, 433, 458, 459, 464; см.
 также Братство общей жизни;
 католицизм; этика; ислам/
 мусульманство; иудаизм;
 протестантизм
 межконфессиональное
 распространение справочной
 литературы 381, 382, 424,
 426, 427
 Дрексель 156
 изгнанники 425, 427
 Ланге 345, 346, 357
 ~ и чтение 122
 Республика ученых 9, 120, 128,
 174, 304, 311, 358, 378–380,
 384, 473
 Рингельберг Иоахим 417
 риторика 57, 98, 139–141, 147,
 159, 171, 198, 230, 233, 242, 248,
 255, 288, 331, 332, 346, 356, 358,
 362, 443, 447, 450; см. также
 суждение
 сатира на ~442, 443
 Рихель Иосия 346, 358, 359
 Ричард из Бери 40
 Родигин Целий (Людовико
 Риккьери) 248–250, 253, 261,
 290, 318, 354, 389, 390, 396, 432,
 445, 446, 452, 453, 457, 473
Lectiones antiquae 248–250, 261,
 290, 333, 390, 396, 432, 445,
 457, 473
 стоимость 432
 история издания 249, 473
 Розье Франсуа 189
 Роуз Ричард и Мэри 11, 79, 91, 97
 рубрикация 7, 81, 83, 104, 106,
 107, 240, 284, 290, 291, 293, 395
 руководства 20, 116, 117,
 140–143, 148, 155, 156, 177, 180,
 181, 194, 205, 231, 233, 304, 313,
 347, 354, 416, 417, 454, 488
 по созданию библиотеки 116,
 117, 231, 233
 по составлению указателей
 180, 181, 194, 233, 454
 о необходимости держать
 методы в секрете 142
 по выбору помощников 215
 по учебе и составлению
 заметок 140–143, 148, 155, 156,
 177, 354
 по использованию указателя
 266–268
 рукописи 18, 19, 22, 23, 25, 27, 29,
 35, 36, 41, 45, 46, 50, 52, 53, 57,
 58, 60, 62–67, 71, 74, 75, 78, 79,
 81, 83–89, 94, 95, 98, 99,
 102–104, 106–111, 114, 117, 124,
 128, 129, 132–136, 143, 147–149,
 152, 154, 166–168, 170, 179, 183,
 184, 187, 190–194, 196, 198, 206,
 209, 210, 212, 213, 220–225, 228,
 235, 241, 258, 262, 264, 265, 276,

282, 289, 290, 291, 300, 302, 305, 306, 308–310, 314, 323, 324, 344, 355, 357, 360, 367, 377, 392, 393, 395–400, 403, 404, 406–410, 412, 414, 415, 417–420, 424, 427, 430, 432, 454–462, 493; см. также примечание; утрата рукописей; сохранность
арабские 53, 57, 58, 60, 98
византийские 50, 53, 58, 60
каталогизация 191, 192, 194, 222, 300, 306, 308–310, 400, 432
цензура 102, 427
китайские 36, 53, 64, 65, 71, 124, 213
коллекции ~ 19, 29, 41, 71, 114, 128, 133–135, 143, 148, 179, 184, 191, 212, 300, 308, 344, 414, 415
тетради общих мест 23, 133, 135, 149, 179, 184, 191, 194, 228, 415, 417, 454
сравнение с печатными изданиями 18, 19, 22, 23, 25, 29, 52, 65, 67, 71, 74, 75, 94, 95, 102, 104, 109, 111, 117, 128, 133, 135, 152, 183, 184, 198, 241, 276, 300, 309, 314, 323, 399, 404, 406, 408, 414, 415, 417, 419, 420, 454, 456
компиляции 18, 23, 29, 50, 57, 65–67, 71, 94, 99, 124, 128, 132, 149, 152, 191, 258, 262, 289, 323, 324, 357, 393, 397, 408, 454
вырезание и вставка цитат 25, 192, 198, 323, 398–422
флорилегии 78, 79, 87, 99, 104, 152, 166, 168, 241, 258, 289, 291, 344

заголовки 45, 60, 66, 67, 79, 86, 87, 179, 183, 289, 393, 398, 403, 455
еврейские 84, 302
помощники 74, 210, 212, 324, 398, 420
указатели 22, 60, 63, 83, 84, 86, 87, 95, 98, 99, 106, 107, 111, 166, 168, 179, 183, 184, 187, 191, 194, 265, 276, 289, 300, 314, 355, 395, 415, 454, 455, 458
средневековые 19, 22, 25, 27, 63, 74, 78, 87, 94, 98, 103, 111, 135, 136, 143, 168, 222, 241, 258, 262, 289, 290, 300, 393, 395, 404, 414, 432, 493
заметки 19, 22, 23, 25, 29, 57, 64, 124, 128, 129, 132–136, 143, 147–149, 166, 167, 179, 183, 184, 187, 190, 191, 194, 196, 198, 212, 213, 220–221, 314, 324, 396, 398, 399, 403, 404, 406, 407, 412, 414, 417, 419, 454–462
бумага 23, 53, 65, 98, 108, 128, 133, 134, 187, 190–194, 196, 198, 206, 210, 324, 355, 396, 398, 399, 403, 404, 417, 420
пергамен 46, 53, 128, 135, 166, 167, 414, 432
рукописные копии 19, 23, 25, 29, 45, 50, 57, 60, 63–67, 71, 74, 79, 89, 99, 102, 103, 108, 109, 111, 117, 124, 128, 129, 133, 135, 143, 154, 179, 183, 184, 192, 198, 220–223, 228, 241, 264, 276, 289, 300, 308–310, 314, 324, 360, 377, 406–408, 414, 415, 417, 419, 420, 424, 427, 454–462
система печей 83

- Руссе Йонас 209
Руссо ЖанЖак 220
Руф Конрад Муциан 468, 469
Рюдин Валерия 362, 391
- Саккини Франческо 38, 122, 140,
145, 155–160, 171, 172, 178,
179, 213
Санчес Франциско 119
Светоний 76
Свифт Джонатан 277, 466
секретари (*amanuenses*) 26, 42, 55,
130, 136, 150, 163, 164, 167, 168,
174–176, 182, 186, 201, 202,
206–212, 214–216, 218, 220, 231,
243, 391, 392, 394, 403, 484; см.
также помощники
Альдрованди 182
в Александрии 42
Фома Аквинский 167, 168,
211, 394
Эразм 207, 208, 210, 211, 220
Гесснер 210, 216, 391, 392, 403
средневековые 136, 168
Монтень 201, 210, 211
Мильтон 209
Пейреск 174, 175, 212
Фотий 55
Плиний 163, 164, 168,
211, 220
Скалигер 208, 210, 216
секреты 20, 142, 143, 220, 315
книги секретов 20, 315
Секст Эмпирик 32
Селден Джон 447
семья 127, 144, 173, 195, 202,
205–207, 218, 220, 222–224, 308,
310, 340, 358
~ Ланге 358
- Сенека Луций Аней 38, 43, 44, 49,
51, 76–78, 102, 115, 144, 372,
443, 459
Серен 44
Серрай Альфредо 315
Сигер Пит 40
Сидней Роберт 173, 194, 223
(Сидни)
Сильвестр Эдвард 432, 440–
442, 461
символы 20, 86, 104, 137, 143, 147,
168, 256, 292, 293, 296, 298, 333,
344, 359, 375, 376, 484
Симонид 152
Скалигер Жозеф Жюст 77
(Йозеф Юст), 148, 150 (Й.Й),
206, 208, 210, 216, 217, 221–223,
248, 390, 451–454
Скалигер Юлий Цезарь 208, 223,
452, 453
Скварчафико Иеронимо 101
(Джироламо) 468
Скиннер Дэниэл 209
Слоан Ганс 114, 308
словари 17, 20, 28, 33, 46, 47, 55,
56, 58, 59, 61, 62, 68, 69, 73, 87,
88, 99, 102–105, 133, 181, 186,
200, 206, 220, 228–241, 243,
247, 251, 252, 258, 271, 276,
311, 314, 315, 318, 320, 323,
324, 328, 332, 333, 354, 355,
361, 386, 390, 392, 394, 417,
420, 421, 437, 439, 448, 451,
452, 457, 463, 469, 470, 474,
475, 477–482, 485–487, 494
в Китае 68
~ и комментарии 20, 46, 69,
105, 200, 239, 240, 251, 252, 438,
439, 452, 470, 474

- жалобы на ~ 390
 в Европе раннего Нового
 времени 20, 28, 61, 73, 99, 230,
 232, 235, 236, 240, 320, 324, 392,
 479, 480, 482
 в мусульманской литературе
 58, 61
 в средневековой Европе 20, 28,
 33, 56, 73, 87, 230, 232, 234, 235,
 240, 241, 247, 258, 394
 терминология 33
 использование 61, 62, 69, 73,
 87, 88, 104, 105, 181, 186, 200,
 230–232, 240, 252, 252, 271, 324,
 420, 421, 438, 439, 474, 477,
 485, 494
 ~ народных языков 28, 108,
 133, 232, 235–237, 251, 271, 276,
 311, 315, 318, 323, 324, 361, 421,
 438, 474, 477–480, 494
 Смелли Уильям 420, 481
смеси 45, 165, 242, 245–254, 333,
 379, 415, 450, 476
 совместная работа 42, 200–204,
 219, 324, 325, 330, 377, 494; см.
 также помощники
 в Александрии 42
 в Китае 64, 66
 в Европе раннего Нового
 времени 201
 при составлении библиотеч-
 ных каталогов 184, 185,
 490, 491
 в средневековой Европе 330
 Сократ 158
 Солин 44
 Сонниус Михаэль 363, 364
 Сорель Шарль 141, 145, 177–179,
 181, 183
 сортировка 18, 20, 42, 52, 64, 72,
 96, 155, 158, 161, 176, 191, 205,
 354, 422, 456, 490; см. также
 заголовки; порядок
 Винсент из Бове 96
 помощники 205, 420–422
 Плакциус 354
 традиционное расположе-
 ние 63
 составление 20, 34, 36, 41, 42, 48,
 54, 57, 58, 64–66, 75, 83, 84, 86,
 88, 94–97, 105, 116, 120,
 128–130, 133, 135–141, 143, 145,
 146, 148–150, 152, 153, 155, 156,
 158–160, 162–164, 166, 168–173,
 175, 177–181, 183–188, 191, 192,
 194, 196, 198, 199, 201, 205, 210,
 211, 213–218, 220, 225, 232, 236,
 247, 259–261, 272, 285, 287, 304,
 318, 319, 322, 324, 325, 327, 348,
 353–357, 380, 384, 391, 393, 394,
 396, 399, 402, 406, 408, 419, 421,
 422, 439, 440, 444, 460–463, 465,
 466, 475, 477, 479, 481, 490, 491;
 см. Методы работы
 составитель 16, 19, 23, 25–30, 35,
 47, 57, 58, 73, 78, 79, 87, 94, 126,
 128, 132, 145, 149, 153, 160, 162,
 163, 169, 177–179, 182, 184, 185,
 197, 200, 221, 225, 231, 243, 247,
 259, 262, 275, 314, 325, 326, 328,
 329, 333, 349, 383, 384, 404, 408,
 422, 445, 451, 479, 482
 сохранность 29, 34–36, 40–49, 58,
 61, 65–67, 70, 71, 77, 79, 82, 83,
 85, 87, 88, 94, 95, 101, 111, 113,
 117, 121, 124–136, 142–144,
 149, 152, 157, 159, 160, 162, 163,
 166–168, 170, 171, 176, 184, 194,

- 208, 211, 222, 224, 235, 260, 280, 306–308, 313, 324, 333, 335, 339–342, 355, 364, 365, 374, 385, 390, 391, 393, 394, 396, 397, 399, 400, 403, 404, 407, 418, 423–425, 429, 433, 434, 443, 456; см. также утрата древней науки; утрата рукописей античных текстов 34, 42–48, 61, 87, 101, 135, 163 крупноформатных книг 35 в переплетах 87, 136, 324 дешевых печатных изданий 35, 306 в Китае 65–67, 70, 71 средневековых рукописей 58, 75, 77, 79, 83, 87, 88, 94, 95, 162, 166, 167, 194, 235, 396 заметок 82, 128–136, 143, 144, 149, 159, 160, 168, 222
- Спенсер Эдмунд 450
- спешка 55, 102, 130, 210, 275, 366, 386–388
- Спиноза Барух 479
- справочная литература 14, *passim*
- влияние 424–444, 472–487
- жалобы по поводу ~ 28, 61, 62, 70–72, 88, 89, 96, 462–472
- использование в заметках 454, 456
- как источник изобилия (*coria*) 139, 296, 298, 436
- определение 227–234
- терминология 228–233
- ссылки 13, 26, 28, 60, 69, 70, 73, 105, 108, 112, 137, 144, 177, 182, 198, 223, 249, 268, 270, 271, 273, 275–277, 286, 292, 293, 298, 331, 322, 381, 389, 390, 398, 401, 417, 438, 440, 445–448, 460, 479–481, 483; см. также нумерации система ~ 84, 441, 461
- Стендаль (Мари-Анри Бейль) 475
- стенография 138, 218
- стикеры 132, 192
- Стобей 47, 49, 50, 73, 126, 273, 301, 303, 445, 448, 485
- стоимость 219, 222, 226, 229, 253, 343, 357, 359, 360, 400, 431, 432
- стойки 119
- столбцы 90, 107, 264, 278, 290, 292, 293, 295–297, 343, 347, 348, 364, 377, 382, 383
- Страсбург 94, 332, 336, 338–341, 358, 424, 427, 435
- Суда, словарь 50, 55, 56, 58, 99, 220, 303, 416, 457
- суждение 16, 21, 37, 81, 95, 96, 98, 101, 117, 119, 121, 177, 179, 199, 214, 218, 219, 302, 303, 311, 314, 326, 328, 330, 342, 350, 352, 354–356, 360, 452, 462, 466, 479, 484, 492; см. также механические методы работы делегирование ~ 218, 492 разнообразие в ~ 119, 342, 352, 484
- Ланге 355
- Фотий 55
- Плакийс 214, 218, 314, 354–356
- оставленное читателю 302, 330, 342, 350, 352
- в наши дни 492
- Сурий Бернандин 417
- схоластика 25, 51, 80–82, 85, 86, 88, 98, 135, 137, 166, 168, 343
- Сыку цюаньшун, компиляция 66, 71

- Тараксипп 250
 Тассиус Иоганн Адольф 196
Татлер, журнал 121
Театр человеческой жизни
 (*Theatrum humanae vitae*) 7, 8,
 29, 181, 230, 241, 246, 255–257,
 260, 265, 267, 269, 271, 272, 280,
 283, 285, 287–289, 293, 296, 298,
 310, 319, 322, 351, 353, 354,
 363–365, 367–375, 377–385,
 389, 391, 397, 398, 400, 425–429,
 433–437, 440–446, 449–452,
 454, 459, 460, 467; см. также
 Цвингеракв Теодор
 цитаты 259
 составитель 367
 поисковые инструменты 259,
 265–271, 280–288, 293
 и жанр истории 230
 порядок расположения
 материала 246
 полосы бумаги 396–399,
 400–402
 количество слов 364
 Текстор Иоганн Равизий 255, 389
 тетради общих мест 140, 141, 146,
 155, 158, 173, 174, 176, 178,
 180–184, 194, 204, 210, 223, 228,
 243, 255–257, 262, 284, 287, 415,
 427, 454, 461, 466, 477, 494
 критика ~ 466
 вырезание и вставка цитат
 146, 155, 158, 173, 194, 204, 255,
 454, 461, 477
 рукописные 228, 415, 417, 454
 рукописные копии печатных
 источников 454
 заметки для ~ 146, 155, 173,
 178, 181–183, 204, 223, 461
 печатные 140, 181, 184, 262,
 415, 417, 454, 477
 Тибулл 77, 452
 Тилон Валентин 367
 тиражи 64, 67, 70, 100, 108, 109,
 111, 112, 365, 407, 417
 Титий 454
 титульный лист 8, 100, 102, 103,
 110, 111, 222, 236, 237, 244, 248,
 250, 254, 260, 276, 302, 317, 331,
 333, 335, 342, 347, 363, 370, 377,
 381, 384, 388, 403, 415, 417, 429
 вырезанный ~ 417
 иллюстрации 331
 пояснения и обещания 222,
 236, 244, 248, 260, 276, 330
 сложное устройство 370, 415
 Томас Томас 324, 390
 Торций Франциск 337, 344, 348
 Тралаж Жан-Николя де 417
 трата времени 38, 156, 174,
 213, 217
 Тритемий Иоганн 101, 301, 302,
 332
 Ту Жак-Огюст де 306
 Тюрнеб Адриан 173, 197, 206, 248,
 261, 386, 433, 446, 452
 Угуччо Пизанский 84, 87, 234
 удовольствие 9, 10, 12, 253, 350,
 354, 367, 385, 447, 449, 457
 от компилирования 354;
 от разнообразия 253, 350, 457
 Уир Дигори 463
 указатели 7, 8, 11, 20, 22, 26, 28,
 51, 58–60, 63, 73, 79, 81, 84–89,
 91, 95–99, 103, 105–108,
 110–112, 117, 137, 139, 145, 148,
 150, 155, 159–161, 166, 168, 170,

- 177, 179–184, 186, 187, 189,
191–194, 199, 205, 208, 214, 216,
217, 228, 232, 234, 240, 244–251,
253–257, 259–277, 287, 289,
296, 300, 304, 305, 308, 313, 314,
316, 318, 321, 354, 356, 359, 364,
368, 369, 375, 377, 378, 382, 383,
389, 394–397, 399, 402, 406, 414,
426, 442, 444, 453–458, 460, 461,
469, 470, 482, 485–487, 489,
490, 493
примечания в ~ 287, 457, 458
привлекательность для
покупателей книг 111, 112, 276
Бартлетт 490
Бернеггер 444
библейские конкордансы 79,
83–85, 87
бухгалтерия и ~ 139
в каноническом праве 81
Карамуэль 216, 217
компьютеры и ~ 490
в *Cornisopriæ* 251
критика 470
в изданиях *ad usum Delphini* 276
к словарям 234, 240
трудности использования
272, 273
Дрексель 155, 159–161, 170,
179, 181, 182, 214, 266
к энциклопедиям 95, 234, 257,
274–276, 316, 318, 483
Эразм 84, 105, 180, 216, 253,
263, 264, 272
к флорилегиям 79
немецкие составители ~272
Гесснер 117, 181, 191–193, 216,
251, 272, 273, 276, 304, 354, 396,
397, 399, 402, 406
Гроссетест 86
Гаррисон 187, 199
работа помощников 91,
205, 216
жалобы Юэ 469, 470
~ к указателям 264
влияние интернета на ~321
в мусульманской литературе
59, 60
Джонсон 184, 486, 487
Кеккерман 287
Лабе 305
к латинским средневековым
сочинениям 73, 79, 84–88,
91, 95
к *Lectiones antiquae* 249, 250
библиотеки 184, 189, 194, 300
Локк 160, 183, 184
к *Великому театру* 257,
274, 296
к *Margarita philosophica* 273
к сборникам *смеси* 245–247,
251, 254
периодических изданий
313, 489
Плакциус 187, 217, 355, 356
к *Полиантее* 454
к *Polyhistor* 314, 486
~ и книгопечатание 99,
105, 108
Скалигер 216, 217, 453
произведения, служащие
указателем к самим себе
234, 240
полоски бумаги 191, 216, 375,
394, 396
Винсент из Бове 79, 89, 91, 95,
106, 107, 265
в *zibaldone* 137

- Цвингер 256, 257, 259, 260, 264, 266–268, 270–272, 287, 296, 364, 461
- Указатель запрещенных книг (Index librorum prohibitorum) 426
- Ульхард Даниэль 367
- университеты 10, 12, 13, 80, 83, 88, 96, 109, 141, 142, 145, 148, 185, 189, 190, 213, 221, 229, 255, 267, 277, 280, 283, 285, 286, 291, 295, 298, 313, 319, 327, 334, 356, 362, 365, 377, 378, 382, 392, 395, 397, 400–402, 427, 429–435, 439–442, 455, 458, 459, 460, 464, 468, 473
- библиотеки 12, 300, 309, 365, 397, 433
- в Германии 141, 309, 435
- внеакадемические курсы 142
- Оксфордский 10, 80, 86, 141, 205, 229, 319, 334, 425, 430, 432, 437, 440, 441
- Парижский 80, 109, 142, 327, 439, 464
- переход к современности 472, 473
- средневековые 80, 83, 88
- Цвингер 255, 362, 391
- уничтожение книг 21, 119, 414, 419, 427
- Уоттс Исаак 154
- усовершенствование книги 105, 216, 356, 371, 415
- устная речь 16, 19, 24, 36, 52, 53, 56, 118, 126, 129, 130, 137, 139, 157, 165, 180, 298, 307, 324; см. также память, чтение вслух; проповеди
- в еврейской традиции 84, 85
- в мусульманской литературе 56
- заметки, сделанные во время устных выступлений 129, 130
- и грамотность 36, 37
- ученые беседы 46, 156, 243
- утрата древней науки 34, 48–50, 52, 53, 57, 62, 66, 128, 303, 463, 467
- в Китае 66
- в мусульманских странах 57, 62
- за пределами Византии
- обвинения в адрес справочников 48, 463
- ощущение ~ 128, 303
- страх ~ 57, 62
- утрата рукописей 23, 114, 131, 145, 167, 197, 210
- учебники 61, 62, 154, 188, 230, 285, 314, 316, 319, 320, 335, 486; см. также руководства
- использование Альстедом 230, 318–320
- критика 62
- использование Спенсером 450
- учителя и отцы церкви 56, 59, 63, 82, 142, 147, 148, 156, 164, 169, 173, 177, 248, 355, 361, 366, 427, 434, 438–442, 444, 452, 453
- в флорилегиях 291, 344, 348
- разметка сочинений ~86, 458, 459
- указатели к ~ 455
- Фабрициус Мартин 172
- Феофраст 42, 44
- Филиппины 427

- Филодем из Гадары 135
Фладд Роберт 319
Флегонт из Тралл 55
Флор Луций Анней 48
флорилегии 32, 47, 73, 75–80,
87–89, 96, 99, 104, 147, 152, 166,
168, 225, 230, 240–245, 247, 255,
258, 279, 289, 291, 327–331, 343,
344, 347–349, 390, 427, 436, 438,
442, 452, 453, 456, 464, 468, 469,
475, 476, 494
в Европе раннего Нового
времени 32, 73, 99, 147, 168,
225, 230, 330, 468, 476
в средневековой Европе 73,
75–78, 87, 96, 168, 230, 241, 247,
255, 258, 279, 289, 328–331, 348,
349, 436, 468
Полиантея 242, 279, 330, 331,
343, 347–349, 436, 438, 464
рецепция 77, 96, 152
терминология 76, 87, 88, 242,
247, 327
Фогель Мартин 148, 176, 196
Фома Аквинский 81, 86, 110, 162,
166–168, 170, 211, 273, 279,
281, 394
Фома из Кантимпрэ 75, 91, 94
Фома Ирландский 7, 89, 177, 241,
243, 268, 289, 291, 292, 330, 345
Фома Кемпийский 156
Форчеллини Эгидио 251
Фотий (патриарх Константино-
польский) 54–56
Франклин Бенджамин 223, 224
францисканцы 79, 80, 86, 96, 299
Фреер Пауль 314
Фрей ЖанСесиль 204
Фрейгий Томас 319
Фробен Иоганн 105, 260, 261, 272,
363–365, 384
Фрошауэр Христофор 400
Фуггер, семья 310
Фукидид 155, 165
Фуко Мишель 149, 325
Фульгози Баттиста 446
Фурдин Иоганн 206
Фюретьер Антуан 477, 478, 486

Хагенбух Иоганн Каспар 181, 184
Хазельбах Томас 171
Харви Габриэль 215
Харкнесс Дебора 202
Харсдёрффер Георг Филипп
189, 486
Хартлиб Сэмуэль 148, 149, 183,
187, 199, 200, 212, 408
Хербстер Кристина 362
Хесс Гилберт 10, 244, 345, 443, 454
Хиераты Антоний и Арнольд
377–383
Хиллиард Сэмюэль 461
Холин Мартин 263, 335, 340,
342–344, 348, 392
Хорн Джордж 141
Хоспиниан Рудольф 451
Хоффман Джордж 10, 169, 334
хранение 15–18, 20, 23, 33–35, 46,
52, 72, 78, 82, 117, 126–129,
132–134, 146, 159–161, 163,
170, 171, 173, 175, 186, 187, 194,
197, 224, 325, 344, 398, 412, 417,
428, 487–490, 492
Буш Ванневар 489, 490
заголовки 45, 55, 60, 66–69, 79,
86, 87, 119, 126, 137, 140, 145,
146, 150, 156, 163, 174, 175,
177–183, 185, 186, 188, 190,

- 196–198, 200, 234, 237, 242, 243,
245, 248, 255, 256, 262–268, 272,
274, 278, 284–286, 289–293, 296,
312, 315, 316, 317, 346, 347, 352,
355, 368, 369, 371, 393, 398, 403,
430, 441, 455, 456
заметки 19, 22–25, 29, 32, 35,
44, 45, 55, 57, 64, 77, 79–81, 91,
121, 124–226, 247, 248, 262, 314,
324, 325, 329, 333, 353–356, 384,
386, 387, 392, 396, 398, 399,
402–404, 406, 407, 411, 412,
417–420, 430, 433, 435, 436, 440,
444, 454–462, 465, 466, 477, 483,
485, 491, 494
интернет 18, 245, 321, 487
карточки 139, 188, 189, 212,
417, 489
микрофильм 346, 490
полоски бумаги 187, 191, 192,
194–197, 200, 206, 216, 324, 355,
375, 393, 394, 396, 398, 399, 402,
403, 405, 420–422
тетради общих мест 140, 141,
146, 155, 158, 173, 174, 176, 178,
180–184, 194, 204, 210, 223, 228,
243, 255–257, 262, 284, 287, 415,
427, 454, 461, 466, 477, 494
шкафы 186–201, 204, 214, 217,
218, 314, 354, 418
электронные носители 17, 18,
126, 154, 161, 185, 492, 493
Хрисипп 44
Хул Чарльз 204, 205
цвет 60, 69, 73, 76, 78, 82, 87, 100,
103, 104, 106, 147, 243, 244, 249,
289, 317, 323, 327, 331, 348, 350,
351, 353; см. также рубрикация
использование ~ 60, 69, 73, 76,
78, 82, 100, 103, 104, 106,
289, 323
Цвингер Теодор 7, 8, 10, 29, 33,
181, 223, 230, 241, 244, 246,
255–257, 259, 260, 264–272,
280–288, 293, 296, 298, 310,
318, 319, 324, 349–352, 361–365,
367, 370–378, 380–385, 389–392,
396–400, 402, 408, 426, 427, 436,
437, 440–442, 445, 446, 449–452,
454, 459–461, 483; см. также
Театр человеческой жизни
помощники 391, 392, 398
семья 262, 397, 398
этика 362, 363, 372
Театр человеческой жизни 7, 8,
29, 181, 230, 241, 246, 255–257,
260, 265, 267, 269, 271, 272, 280,
283, 285, 287–289, 293, 296, 298,
310, 319, 322, 351, 353, 354,
363–365, 367–375, 377, 379–385,
389, 391, 397, 398, 400, 425–429,
433–437, 440–446, 449–452,
454, 459, 460, 467Цвингер Якоб
223, 257, 272, 364, 369, 378
Цедлер Иоганн Генрих 261, 422,
457, 482, 484
Цезеллий Виндекс 249
Цельс 48
цена 24, 35, 94, 101, 128, 275, 307,
308, 347, 414, 430, 422, 430–433;
см. стоимость
цензура 102, 238, 303, 362,
380–382, 419, 426, 427, 480, 484
Базель 362, 365
Бейерлинк в роли цензора 381
Дидро 277, 280, 284
гуманистическая 102

- ~ и Опорин 362
~ и Цвингер 362, 365, 380–382, 426
Цетцнер семья 340, 344, 346, 347, 388
Цинк Пауль 367
цитаты 13, *passim*
 Афиней 46, 47, 50, 460
 Бейль 170, 177, 304, 312, 328, 464
 в *Полиантее* 293, 445–446
 в библейских конкордансах 82, 83
 в флорилегиях 73, 76–79
 в юриспруденции 138
 из вторых рук (протитировано по) 445, 446
 из справочной литературы 436, 444–453, 467
 изменения в цитатах 259, 329, 389
 индекс цитируемости 489
 рекомендации Селдена 447
 скрытое цитирование 29, 448–450, 485
 у Винсента из Бове 258
 у гуманистов 139
 у Монтеня 169, 179, 448, 449
 у средневековых авторов 73, 80–82, 137
 у Цвингера 260, 375, 392
 Фюретьера 477, 478
Цицерон Марк Туллий 33, 76, 77, 139, 152, 164, 165, 238,
Цюрих 10, 12, 29, 181, 192, 193, 304, 396, 399, 403, 405, 407–412, 451

Чези Федерико 288, 407
Чеймберс Эфраим 33, 261, 275, 315, 317, 320–322, 353, 480, 487

Черчилль Уинстон 167, 168
четыре важнейших операции (хранение, сортировка, отбор, обобщение) 18, 20, 22
Чжу Си 71, 72, 465
читатели, профессиональные 136, 215
чтение 14, *passim*: см. также
 чтение в справочных целях
 ~ и составление заметок 145–159
 благочестивое 332,
 в Византии 54
 в Китае 71
 вслух 164
 делегированное другим 213–215
 добросовестное 123, 156, 157, 453
 жалоба Локка 464, 465
 коллективное 203, 204
 Монтень 169
 по частям 386, 457, 465
 разрешение на ~ 375
 революция в ~ 100, 122
 руководства по ~ 145, 155–157, 215
 советы Бэкона 215
 способ ~ Авиценны 59
 способы ~ Джонсона 123
 указателя 457
чтение в справочных целях 60, 62, 69, 73, 81, 95, 99, 104, 106, 122, 251, 277, 461, 462, 475, 483, 485–487; см. также поисковые инструменты; чтение
 ~ и макет страницы 291–296
 смеси 253, 254

- в Византии 62
- в Китае 68, 69
- в мусульманской литературе 58–61
- в средневековой Европе 81, 102, 103
- Винсент из Бове 96
- Генрих VIII 341
- Декарт 119
- Монтень 169
- Ноде 231
- определение 14
- Перотти 251, 252
- примечания 73, 287, 390, 457, 462
- Родигин 250
- терминология 226, 227, 492–494
- указатели 272, 277
- флорилегии 247
- Фома Аквинский 168
- Цвингер 266, 267, 287
- энциклопедии 235
- Эразм 263, 264

- Шавиньи Поль 218
- Шейпин Стивен 205
- Шекспир Вильям 111, 450, 451, 476
- Шено Николя 363, 364
- шкаф 186–201, 204, 214, 217, 218, 314, 354, 418; см. шкаф для заметок
- шкаф для заметок 186–188, 190, 194, 197–201, 204, 214, 217, 218, 314, 354, 418
- Шмайзель Мартин 277
- Шмидель Казимир Христоф 221
- Шоу Ральф 490

- шрифт 20, 60, 64, 67, 69, 73, 82, 103, 104, 108, 240, 273, 275, 288, 290, 292, 293, 297, 373, 407, 411, 412

- Элиан 49
- Эйзенштейн Элизабет 10, 27
- экслибрис 401, 425, 428–430, 433–435
- эмблемы 33, 244, 344, 345, 349, 359
- энциклопедии 11, 14, 29, 30, 33, 40, 44, 48, 51, 52, 55–57, 59, 63, 65–67, 73, 75, 85, 89, 90, 94, 95, 97, 99, 181, 228, 233–236, 238, 240, 246, 257, 274–276, 288, 310, 314–322, 324, 327, 328, 353, 356, 373, 420, 426, 428, 436, 459, 478, 480–488
- Альстед 181, 274, 310, 317–320, 373, 428, 483
- Чеймберс 33, 275, 315, 317, 320, 353, 480
- в Китае 11, 52, 65, 428
- Кольридж 321
- Дидро 275, 318, 324, 353, 480, 481, 483, 484
- в XVIII веке 30, 33, 63, 66, 67, 181, 235, 238, 257, 310, 318, 320, 480–485, 488
- Британская энциклопедия 67, 234, 420, 481
- мусульманские 52, 57, 63
- еврейские 85, 236, 318, 459
- в средневековой Европе 11, 30, 33, 44, 63, 73, 75, 89, 94, 97, 99, 234, 235, 240, 328, 436
- Плаксиус 356
- противоречия в ~ раннего Нового времени 320

- история термина 29, 33
Энциклопедия Юнлэ 66, 67, 99
 эпикурейство 119, 135
 Эразм Дезидерий Роттердамский
 48, 51, 84, 105, 115, 116, 123,
 131, 140, 150, 153, 180, 205,
 207–211, 216, 220, 241, 248, 251,
 253, 263, 264, 272, 290, 333, 363,
 384, 390, 446, 452, 453, 460,
 463, 469
 этика 255, 331, 362, 363, 372
 Фома Аквинский 394
 Полиантея 331
 пороки и добродетели 180,
 256, 263, 279, 343
 Цвингер 255, 362, 363, 372
 Этьенн Анри 108, 223, 361, 388,
 457, 477
 Этьенн Робер 84, 223, 236, 238,
 251, 252, 436, 437
 Этьенн Шарль 223, 238, 478, 479
 Эфель Андреас Феликс 430Эйб
 Альбрехт фон 242
 Юэ ПьерДаниэль 276, 469–471
 Юнг Иоахим 148, 176, 182, 188,
 196, 355
 Юстиниан 49, 258
 Ювенал Децим Юний 77, 438
 ящик 184, 189, 191, 421
Adversaria, Адриана Тюрнеба 206,
 248, 386, 433, 452
Adversaria, Каспара фон Барта 170
adversaria 145
ars longa, vita brevis 37–39
Distinctiones 82, 88
Glossa ordinaria 40, 81
 Google 17
Historia litteraria 309, 311, 313; см.
 история литературы
Index librorum prohibitorum 426;
 см. указатель запрещенных
 книг
Magnum theatrum, справочник
 271, 274, 285, 296, 377, 380; см.
Великий театр
Mundaneum (город знаний) 489
Pinakes (*Списки*), справочник 41,
 42, 50, 225; см также Каллимах
Theatrum humanae vitae 7, 255,
 368, 369, 377, 378; см. *Театр*
человеческой жизни

Оглавление

<i>Михаил Сергеев. Книжное знание в эпоху заметок и компиляций</i>	I
Перечень иллюстраций и таблиц	7
Благодарность автора	9
Редакционная политика	13
 Введение	 14
Глава 1. Сравнительный анализ методов организации информации	31
Глава 2. Читательские заметки как метод организации информации	125
Глава 3. Жанры справочной литературы и поисковые инструменты	226
Глава 4. Компиляторы, их мотивы и методы	323
Глава 5. Влияние печатных справочных изданий раннего Нового времени	423
Эпилог	488
 Перечень процитированных источников	 495
Предметно-именной указатель	582

Научное издание

Энн М. Блэр
ЗНАТЬ СЛИШКОМ МНОГО
Организация научной информации до Нового времени

Директор издательства *И. В. Немировский*
Ответственный редактор *И. Белецкий*
Куратор серии *В. Кучерявенко*
Заведующая редакцией *О. Петрова*

Дизайн *И. Граве*
Редактор *М. Сергеев*
Корректоры *А. Филимонова, Е. Гайдель*
Верстка *Е. Падалки*

Подписано в печать 29.11.2023.
Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 39,3.
Тираж 200 экз.

Academic Studies Press
1577 Beacon Street, Brookline, MA 02446 USA
<https://www.academicstudiespress.com>

ООО «Библиороссика».
198207, г. Санкт-Петербург, а/я № 8

Эксклюзивные дистрибьюторы:
ООО «Караван»
ООО «КНИЖНЫЙ КЛУБ 36.6»
<http://www.club366.ru>
Тел./факс: 8(495)9264544
e-mail: club366@club366.ru

Книги издательства можно купить
в интернет-магазине: www.bibliorossicapress.com
e-mail: sales@bibliorossicapress.ru

*Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ*

Энн Блэр — профессор имени Карла Х. Пфорцхаймера, преподает на историческом факультете Гарвардского университета, специализируется на истории европейской культуры раннего Нового времени и истории книги. Соредактор справочника *Information: A Historical Companion* (2021).

Интернет и цифровые технологии порождают необозримый поток текстов, что вызывает опасность информационной перегрузки. Однако это явление не уникально для нашей эпохи. Уже столетия назад — и особенно после изобретения книгопечатания в Европе в середине XV века — ученые жаловались на переизбыток книг. Энн Блэр исследует те средства, которые приходилось придумывать, чтобы справиться с этим шквалом текстов. В своей работе она прослеживает методы управления информацией в Античности и Средневековье, в традиционных исламской и китайской культурах, а также уделяет особое внимание инструментам и практикам, использовавшимся в Европе раннего Нового времени. Сочетая интеллектуальную историю с историей книги, Блэр в очередной раз подчеркивает неизбежную преемственность прошлого и настоящего.

СОВРЕМЕННАЯ ЕВРОПЕИСТИКА

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ**

www.bibliorossicapress.com

ISBN 979-8-88719-427-1

9 798887 194271